ПЛУТАРХ

ИЗБРАННЫЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ

ПЛУТАРХ
ИЗБРАННЫЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ

ПЛУТАРХ

ИЗБРАННЫЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ

В двух томах

ПЛУТАРХ

ИЗБРАННЫЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ

Том второй

Москва · Издательство «Правда» · 1987

84(0)3
П 40

Переводы с древнегреческого

Составление и примечания
М. ТОМАШЕВСКОЙ

Оформление и иллюстрации
Вл. МЕДВЕДЕВА

П $\frac{4703000000 — 1474}{080(02) — 87}$ 1474 — 87

ИЗБРАННЫЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ

ЛИСАНДР И СУЛЛА

ЛИСАНДР

I. НА СОКРОВИЩНИЦЕ акантийцев в Дельфах сделана такая надпись: «Брасид и акантийцы принесли в дар добычу, взятую у афинян». Поэтому многие думают, что каменная статуя, стоящая внутри храма у двери,— изображение Брасида. На самом деле это изображен Лисандр — по старинному обычаю с длинными волосами и бородой. Рассказы о том, что аргивяне после своего великого поражения остриглись в знак печали, а спартанцы в противоположность им

отпустили волосы, величаясь своими подвигами, или что бакхиады, бежавшие из Коринфа в Лакедемон, выглядели столь жалко и безобразно с бритыми головами, что спартанцам захотелось носить длинные волосы,— все эти рассказы неверны. Это — Ликургово предписание: говорят, он сказал, что длинные волосы красивому лицу придают вид еще более достойный, а уродов делают еще страшнее.

II. РАССКАЗЫВАЮТ, что отец Лисандра, Аристокрит, не принадлежал к царскому роду, хотя и происходил от Гераклидов. Лисандр вырос в бедности и обнаружил величайшую приверженность к порядку и отеческим обычаям и поистине мужской нрав, чуждый всяким радостям, кроме тех, какие получает человек, окруженный почетом за совершенные им прекрасные деяния. Погоня за такими радостями не считается в Спарте позором для юноши: родители хотят, чтобы дети их с самого начала были чувствительны к доброй славе — огорчались бы от порицаний и гордились похвалами. Юношу, который и то и другое переносит равнодушно и безучастно, презирают как лентяя, лишенного честолюбивого рвения к доблести.

Честолюбие и жажда первенства были прочно внушены Лисандру лаконским воспитанием, и нельзя в сколько-нибудь значительной степени считать причиной этого его природный склад. Но в его природе было больше угодливости перед сильными людьми, чем это свойственно спартиатам, и в случае нужды он спокойно терпел тяжесть чужого самовластия (некоторые считают это важным достоинством государственного мужа). Аристотель говорит, что великие люди, например Сократ, Платон и Геракл, страдали разлитием черной желчи, и рассказывает про Лисандра, что он не сразу, правда, а в старости тоже страдал этим недугом. Его главным отличительным свойством было умение легко переносить бедность: его нельзя было соблазнить и подкупить деньгами, но, не взирая на это, он обогатил свою родину и сделал ее корыстолюбивой, и по его вине Спарта потеряла уважение, которым прежде пользовалась за свое равнодушие к богатству. После войны с Афинами он привез массу золота и серебра, но не оставил себе ни одной драхмы. Когда тиран Дионисий прислал

ему для его дочерей дорогие сицилийские хитоны, он не взял их, сказав, что боится, как бы дочери его не стали казаться в них еще уродливее. Однако, когда немного спустя он был отправлен послом от своего города к этому же тирану и тот прислал ему два одеяния, предложив выбрать любое и отвезти дочери, Лисандр сказал, что она сама выберет лучшее, и отправился домой, захватив оба одеяния.

III. МЕЖДУ ТЕМ Пелопоннесская война затянулась, и после сицилийского разгрома стало ясно, что афиняне не удержатся на море и вскоре вообще прекратят борьбу. Но, когда Алкивиад, вернувшись из изгнания, стал во главе государства, положение значительно изменилось и равновесие на море было восстановлено. Лакедемоняне опять испугались, решив с новой энергией продолжать войну, для которой требовались искусный военачальник и более значительные, чем прежде, силы, и послали командовать на море Лисандра. Прибыв в Эфес, Лисандр встретил там расположение к себе и полную преданность Спарте. Самому же городу приходилось туго: постоянное общение с варварами и проникновение персидских обычаев грозило решительным возобладанием варварского начала. Город со всех сторон был окружен лидийскими владениями, и персидские военачальники подолгу жили в нем. Лисандр расположился лагерем, приказал со всех сторон стянуть к Эфесу грузовые суда, открыл верфь для постройки триер, возобновил торговлю в гавани и работу ремесленников на площади. В домах и мастерских закипела работа, и, благодаря Лисандру, с того времени Эфес стал мечтать о влиянии и силе, какими он обладает теперь.

IV. УЗНАВ, что Кир, сын царя, прибыл в Сарды, Лисандр отправился туда для переговоров с ним и с обвинением против Тиссаферна, который, получив приказание помогать лакедемонянам и вытеснить афинян с моря, как говорили, по наущению Алкивиада действовал вяло и губил спартанский флот своей скупостью. Кир охотно прислушивался к обвинениям против Тиссаферна и ко всем слухам, которые его чернили, ибо Тиссаферн был не только порочным человеком, но и его личным врагом. Слова Лисандра и его манера держаться расположили Кира к спар-

танскому военачальнику; своим угодливым тоном Лисандр окончательно пленил юношу и внушил ему намерение продолжать войну. Когда Лисандр уже собирался уезжать, Кир, угощая его, убеждал не отвергать его благосклонности и просить, чего он только хочет, потому что ему ни в чем не будет отказа. «Если ты так добр ко мне, Кир,— сказал Лисандр,— прошу тебя, прибавь морякам к их жалованью по оболу, чтобы они получали по четыре обола вместо трех». В восторге от честолюбивой щедрости Лисандра, Кир распорядился выдать ему десять тысяч дариков. Тот употребил их на выдачу добавочного обола морякам и так прославился этим, что очень скоро вражеские корабли опустели. Бо́льшая часть моряков переходила к тому, кто платил больше, а оставшиеся, работая спустя рукава и бунтуя, только доставляли ежедневные неприятности своим начальникам. Морского сражения, однако, Лисандр боялся, несмотря на то, что сократил число врагов и ухудшил их положение: ему был страшен Алкивиад, человек решительный, имевший много кораблей и не проигравший до тех пор ни одного сражения ни на суше, ни на море.

V. АЛКИВИАД, отплывая с Самоса в Фокею, оставил начальником флота кормчего Антиоха. Антиох, желая оскорбить Лисандра, смело вошел на двух триерах в Эфесскую гавань и под крики и хохот своих моряков быстро проплыл мимо стоявших на якоре вражеских судов. Раздосадованный Лисандр погнался за ним сначала на нескольких триерах, но, увидев, что афиняне собираются выйти на помощь своим, вывел в море и другие корабли. В конце концов завязался морской бой. Победителем остался Лисандр, захвативший пятнадцать триер и воздвигший трофей. В Афинах Народное собрание, разгневавшись на Алкивиада за это поражение, отрешило его от должности, а воины на Самосе стали открыто поносить его, и, слыша громкую хулу, он отплыл из лагеря в Херсонес. Так сражение, само по себе ничтожное, стало знаменитым из-за постигшего Алкивиада несчастья.

Созвав в Эфес представителей от городов, которых он считал наиболее разумными и отважными среди сограждан, Лисандр впервые внушил им мысль о пе-

вороте и создании власти десяти, которая впоследствии и установилась при его содействии. Он убеждал этих людей объединиться в тайные общества и внимательно наблюдать за состоянием государственных дел, обещая одновременно с крушением Афин уничтожить демократию и дать им неограниченную власть в родном городе. Его дела внушали доверие к этим обещаниям: и прежде он возводил своих друзей и гостеприимцев на высокие и почетные должности, поручал им командование войсками, ради их выгоды становился соучастником их несправедливых и ошибочных действий. Взоры всех были устремлены на него, все угождали ему и выражали глубокую преданность, рассчитывая, что под его начальством они достигнут всего, даже того, что кажется недосягаемым. Поэтому Калликратида, явившегося на смену Лисандру командовать флотом, сразу приняли неприветливо, а впоследствии, когда он доказал свое исключительное благородство и справедливость, все же были недовольны его властью — простой, бесхитростной, истинно дорийской. Они дивились ему, как прекрасной статуе героя, но тосковали по Лисандру с его рвением, преданностью друзьям и умением доставить им выгоду. Когда Лисандр отплывал, его провожали с отчаянием и слезами.

VI. ЛИСАНДР еще более настроил своих приверженцев против Калликратида, отослав назад в Сарды остаток тех денег, которые Кир дал ему на содержание флота. Он сказал Калликратиду, что если ему угодно, пусть сам попросит денег и позаботится о том, как содержать воинов. Наконец, перед самым отплытием, он торжественно заявил Калликратиду, что передает ему флот, который является господином моря. Тот, желая положить конец этому пустому хвастовству, спросил: «Почему же тебе не оставить Самос слева и не плыть в Милет, чтобы там передать мне триеры? Если мы господствуем на море, то можем без опасения плыть мимо засевших на Самосе врагов». На это Лисандр ответил, что флотом командует не он, а Калликратид, и отплыл в Пелопоннес, оставив своего преемника в большом затруднении. Калликратид приехал без денег и не мог решиться силою взять их с городов, которым и без того прихо-

дилось туго. Оставалось обивать пороги царских военачальников и просить, как просил Лисаидр. Меиьше, чем кто-либо нной, был способеи иа это Калликратнд, иезависнмый и гордый человек, считавший, что для греков достойнее поиести поражеине от своих же соотечествеиников, чем с протяиутой рукой бродить у порога варваров и льстнть этим людям, у которых, кроме груды золота, иет иикаких достоинств. Находясь, однако, в безвыходиом положеиии, ои был выиуждеи отправиться в Лндню, явился прямо во дворец Кира и велел доложить ему, что прншел иаварх Калликратид, который хочет с иим говорить. «Сейчас Киру некогда, чужестранец: он пьет виио»,— ответнл ему одии нз привратннков. «Пустяки,— простодушно возразнл Калликратид,— я постою и подожду, пока он кончнт пить». Его приияли за неотесаиного мужлана, и он ушел, осмеянный варварами. Явившись во второй раз, он снова ие был допущеи и в гневе уехал в Эфес, осыпая проклятиямн тех, кто впервые позволил варварам издеваться над собой и научил их чваниться своим богатством. Он поклялся спутиикам, что как только вериется в Спарту, сделает все для восстаиовления мира между грекамн, чтобы впредь оии внушали варварам ужас и перестали обращаться к иим за помощью в борьбе друг против друга.

VII. НО КАЛЛИКРАТИД, чей образ мыслей был достоин лакедемоняииа и кто по своей справедливостн, великодушию и мужеству мог сопериичать с первыми людьми Грецин, в скором времеин был разбнт в морском сражении при Аргннусских островах и погиб.

Дела союзииков пошатнулись, и оии отправили в Спарту посольство просить в навархи Лисаидра, обещая, что оии энергичнее возьмутся за дело под его начальством. Кир послал такую же просьбу. По закоиу одии и тот же человек не мог быть навархом дважды, ио лакедемонянам не хотелось отказывать союзникам, и они облекли зваиием иаварха некоего Арака, а Лисандра отправнли как бы его помощииком, а иа деле — главиокомандующнм. Большиинство из тех, кто принимал участне в управленин и пользовался властью в городах, давно уже ждали его

появления: при нем они рассчитывали еще более усилить свою власть, окончательно упразднив демократическое правлеине. Тем же, кому нравились в правителе простота и благородство, Лисандр по сравиеиию с Калликратидом казался лукавым софистом: иа войне он шел к цели большею частью путем обмана, превозносил справедливость, если это было ему выгодно, а в противном случае объявлял прекрасным полезное, считал, что по самой природе своей правда не лучше лжи, но отдавал честь той или другой, в зависимости от выгоды, какую они способны прииести. Когда ему говорили, что потомкам Геракла не подобает добиваться побед при помощи хитрости, он отвечал на эти упреки презрительным смехом. «Где львиная шкура коротка, там надо подшить лисью»,— говорил он.

VIII. ПОДОБНЫМ образом, как сообщают, держал он себя и во время событий в Милете. Когда его друзья и гостеприимцы, которым он обещал уничтожить демократию и изгнать их противников, изменили свой образ мыслей и примирились с врагами, он притворялся на людях, что радуется этому и сам приимает участие в примирении, но с глазу на глаз бранил и поносил своих друзей, подстрекая их к нападению иа народ. Когда же он увидел, что иачииается восстание, то устремился в город иа помощь мятежникам, но на первых же встретившихся ему восставших грозно прикрикнул, громогласио обещая их иаказать, сторонникам же демократии велел ободриться и не ждать для себя иичего дурного в его присутствии. Так лицемерил он, появляясь в разных личинах, ибо хотел, чтобы наиболее влиятельные и предаиные народу люди не бежали, а остались в городе и были убиты. Так и случилось. Все, кто положился на его заверения, были перерезаны. Андроклид вспоминает его слова, изобличающие легкость, с какой Лисандр относился к клятвам: он советовал, сообщает Андроклид, обманывать взрослых людей клятвами, как детей игральными костями, следуя примеру Поликрата Самосского. И это отнюдь не похвальио. Военачальник не должен был подражать тираиу, и не полаконски было относиться к богам, как к иеприятелю, и даже с еще большей дерзостью, потому что клятву,

данную врагу, нарушают из страха перед ним, а данную богу — из пренебрежения к нему.

IX. КИР пригласил Лисандра в Сарды, дал ему денег, обещал позднее дать еще и, желая доставить ему удовольствие, с юношеским легкомыслием заявил, что если ничего не получит от отца, пустит в ход собственные средства. Если у него ничего не останется, сказал он, он разобьет свой сделанный из золота и серебра трон, сидя на котором он занимался государственными делами. В заключение, отправляясь в Мидию к отцу, он поручил Лисандру собирать подати с городов и доверил ему управление. На прощание он просил его не вступать на море в сражение с афинянами, пока он не вернется, вернуться же обещал с большим числом кораблей из Финикии и Киликии. После этого он отправился к царю. Лисандр, не будучи в состоянии ни сражаться с вражеским флотом, почти равным по силам его собственному, ни сидеть без дела с таким числом кораблей, снялся с якоря, завладел несколькими островами и, высадившись, произвел набег на Эгину и Саламин. Появившись в Аттике, он после приветствий Агиду (тот спустился к нему из Декелии), показал сухопутному войску, здесь находившемуся, свой мощный флот, с которым-де он, хозяин моря, может плыть, куда ему угодно. Узнав, однако, что афиняне собираются отправиться за ним в погоню, он другим путем, между островами, убежал в Азию. Найдя Геллеспонт лишенным охраны, он осадил Лампсак с моря, а Торак с пешим войском направился туда же и подступил к городским стенам. Взяв Лампсак штурмом, Лисандр отдал его на разграбление воинам.

Как раз в это время афинский флот численностью в сто восемьдесят триер пристал к Элеунту на Херсонесе. Узнав о падении Лампсака, афиняне тотчас же отправились в Сест. Запасшись там провиантом, они зашли в Эгоспотамы, против которых, у Лампсака, еще стоял на якоре неприятель. Среди прочих афинских военачальников находился и Филокл, убедивший когда-то афинян принять постановление о том, чтобы каждому военнопленному отрубали большой палец на правой руке, дабы они могли грести, но не были в состоянии держать копье.

X. В ЭТОТ день все отдыхалн, рассчитывая сразиться на следующий деиь. Хотя у Лисаидра было на уме другое, ио, словио и в самом деле собираясь иачать сражеиие с наступлеиием дия, ои приказал матросам и кормчим взойтн с рассветом на триеры, заиять свои места и молча ждать его распоряжеиий. Такую же тишину должны были соблюдать и выстроеииые у моря пехотиицы. Когда взошло солнце, афиняне выплыли сомкнутым строем и стали вызывать врага на битву. Корабли Лисаидра стояли носами к неприятелю, и посадка произведеиа была еще иочью, одиако ои не двинулся с места и послал к передиим судам лодки с приказом ие двигаться с места н оставаться в строю, сохраияя спокойствие н ие выходя иавстречу врагу. Когда афинияне с наступлеиием сумерек повериули обратио, ои снял воинов с кораблей, ио лишь после того, как две нли трн триеры, отправлеииые им иа разведку, вериулись с известием, что враги высадились иа берег. На следующий и иа третий день повторилось то же самое, пока, иакоиец, иа четвертый день афинияне ие нсполиились отваги и презреиия к врагу, казалось, явио нспугаииому н уклоияющемуся от битвы. В это время Алкивиад (ои жил тогда в Херсонесе в своей крепости), прискакав верхом к афинскому войску, поставил иа вид военачальиикам, что, во-первых, неразумио и иебезопасио располагаться лагерем иа морском берегу — плоском, открытом и лишеином иадежиых гаваией и что, далее, оии делают ошибку, получая провиаит нз такого далекого места, как Сест, ио что нм лучше поскорее перебраться в порт и город Сест и уйти подальше от стоянки врага: ведь действиями неприятеля распоряжается один человек, из страха перед которым все иемедлеиио выполияется по одному его зиаку. Советов Алкивиада не послушали, и Тидей дерзко ответил ему, что войсками командует ие ои, а другие.

XI. АЛКИВИАД, увидев в этом ие только высокомерне, ио и призиаки измены, уехал обратно. На пятый день, после того как афииские суда сиачала вышлн вперед, а потом, по обыкиовеиию, повернули обратно с преиебрежительиым и иадмеииым видом, Лисаидр выслал свои корабли иа разведку и приказал иачальиикам триер, как только они увидят, что афиняие

уже высадились, повериуть и плыть как можио скорее обратно, а иа середиие пути поднять иа иосу корабля медный щит — зиак иападения. Сам ои, подплывая к каждому судну, вызывал кормчих и начальников триер и уговаривал каждого держать в порядке и гребцов и воинов, а по даниому им знаку решительно и изо всех сил ударить на врага. Когда на кораблях был поднят щит и труба с командирского судна проиграла сигнал к выступлению, флот сиялся с якоря, а пехотинцы наперегонки бросились по берегу к мысу. Расстояние между материками в этом месте равио пятнадцатн стадиям, и, благодаря рвеиию и эиергии гребцов, суда быстро оставили его за собой. Коион первым из афинских военачальников увидел подплывающий флот и стал кричать, чтобы воины садились на суда. Вне себя от отчаяния он одних звал, других просил, третьих силой заставлял идти на триеры. Но все его старания были тщетны, так как люди разошлись кто куда. Высадившись и не ожидая ничего плохого, они сразу же отправилнсь кто на рынок, кто просто побродить, а некоторые легли спать в палатках нли принялись готовить завтрак. Из-за неопытности своих начальников афиняне были очень далеки от мысли о том, что им предстояло, и враги уже подходили, крича и громко ударяя веслами по воде, когда Конону удалось ускользнуть с восемью кораблями: он бежал на Кипр к Эвагору. Пелопоинесцы, иапав иа остальной флот, одни корабли захватили совсем пустыми, а другим наносили пробоины, когда вражеские моряки пытались подняться на борт. Люди, поодиночке спешившие на помощь, умирали безоружными возле кораблей, а тех, кто пытался бежать в глубь страны, убивали высадившнеся враги. Лисандр захватил три тысячи человек вместе с военачальниками и весь флот, иаходившийся иа стоянке, кроме «Парала» и восьми кораблей, бежавших с Кононом. Взяв суда иа буксир и опустошив лагерь, Лисандр под звуки флейт и победных песен отплыл в Лампсак, совершив величайшее дело с самой незиачительной затратой сил и в один час положив конец войне, самой долгой из всех, что бывали раньше, и, как ни одна другая, богатой разными случайиостями и превратиостями. Война эта

представляет собою бесконечную вереницу сражений и неожиданных перемен, в течение ее погибло больше полководцев, чем за все войны, бывшие прежде в Элладе, а конец ей был положен благоразумием и опытностью одного человека. Вот почему победу эту считали делом божества.

XII. НЕКОТОРЫЕ говорили, что, когда корабль Лисандра в первый раз вышел из гавани против врагов, над ним по обе стороны кормы сверкали Диоскуры в виде звезд. Некоторые утверждали, что знамением, предвещавшим поражение, было падение камня: на берегу Эгоспотамов свалился огромный камень, и большинство уверяло, что он упал с неба. Его показывают и сейчас, и для жителей Херсонеса он служит предметом поклонения. Говорят, будто Анаксагор предсказывал, что одно из прикрепленных к небу тел в случае колебания или сотрясения может оборваться и рухнуть вниз. Ни одна из звезд, утверждал он далее, не находится теперь на искони присущем ей месте: каменистые по составу и тяжелые, светящиеся вследствие сопротивления и разрыва эфира, они удерживаются в вышине, увлекаемые огромною силой вихревого круговорота, примерно так же, как были они удержаны от падения на землю первоначально, когда тяжелые и холодные части отделялись от вселенной. Существует, однако, иное, более правдоподобное объяснение: некоторые полагают, что падающие звезды не являются ни током или разлитием эфирного огня, угасающего в воздухе сразу вслед за вспышкой, ни воспламенением воздуха, проникшего в большом количестве в верхние сферы, но что это — небесные тела, срывающиеся и падающие вследствие каких-то причин, подобных уменьшению напряжения и изменению обычного пути движения. Сойдя со своего пути, они в большинстве случаев падают не в населенных местах земли, а за пределами их, в обширном море. Поэтому мы их и не видим. Даимах в сочинении «О благочестии» подтверждает слова Анаксагора, рассказывая, что в течение семидесяти пяти дней до падения камня на небе непрерывно было видно огромное, похожее на пылающее облако огненное тело, которое не стояло на месте, а неслось сложным, кривым путем, так что вследствие мощного сотрясе-

ния от него отрывались огненные куски, которые разлетались во все стороны и сверкали, как падающие звезды. После того как это тело рухнуло в названном месте на землю и тамошние жители, придя в себя от изумления и страха, сошлись к нему, они не увидели никаких следов огня; перед ними лежал камень, правда, большой, но совершенно несоизмеримый с тем огромным огненным телом. Что Даимах нуждается в снисходительных слушателях, это ясно. Если же рассказ его соответствует истине, тогда полностью опровергается мнение людей, утверждающих, что это обломок скалы, который был оторван ветрами и бурями от какой-то горной вершины и несся, подхваченный вихрем, подобно волчку, а потом упал в том месте, где подхватившая его вращающая сила сдала и ослабела. Могло ведь быть и так, что пламя, которое наблюдали в течение многих дней, было настоящим огнем, и тогда его угасание вызвало в воздухе перемену, следствием которой явились сильные и порывистые ветры, вызвавшие падение камня. Но об этом следует говорить подробнее в работе иного рода.

XIII. КОГДА три тысячи афинян, взятых Лисандром в плен, были приговорены советом к смерти, Лисандр позвал к себе стратега Филокла и спросил, какое наказание назначит он самому себе за то, что убеждал граждан так жестоко обходиться с пленными греками. Филокл, не сломленный своим несчастьем, ответил Лисандру, что нечего ему брать на себя роль обвинителя там, где нет судьи; пусть он, победитель, творит то, что в случае поражения претерпел бы сам. После этого, вымывшись и надев чистый плащ, он во главе своих сограждан пошел на казнь. Так сообщает Теофраст.

После этого Лисандр отправился с флотом по городам и велел всем афинянам, которых он там застал, вернуться в Афины, пригрозив, что он не пощадит ни одного афинского гражданина, найденного им вне Афин: все будут казнены. Таким образом он согнал всех афинян в Афины, желая, чтобы там начались нужда и лютый голод и тем самым он был бы избавлен от хлопот, которые бы доставило ему население, легко выдерживающее осаду. Уничтожив демо-

кратию и другие законные формы правления, Лисандр повсюду оставлял по одному гармосту из лакедемонян и по десять правителей из членов тайных обществ, организованных им по городам. Так он действовал без различия во вражеских и в союзнических городах, исподволь подготовляя себе в известном смысле господство над Грецией. Правителей он назначал не по знатности или богатству: члены тайных обществ и друзья, связанные с ним узами гостеприимства, были ему ближе всего, и он предоставлял им неограниченное право награждать и карать. Лично присутствуя при многих казнях, изгоняя врагов своих друзей, он дал грекам образчик лакедемонского правления, судя по которому добра от Спарты ждать было нечего. Вот почему мне кажется неудачным сравнение, принадлежащее комическому поэту Теопомпу: он сопоставил лакедемонян с трактирщицами, сказавши, что, в то время как эллины вкушали сладостнейший напиток свободы, спартанцы подлили туда уксусу. Нет, питье с первого же глотка оказалось противным и горьким, так как Лисандр не только не позволил народу распоряжаться своими делами, но вдобавок, передавая власть над городами в руки немногих, выбирал среди них самых дерзких честолюбцев.

XIV. ПРОВЕДЯ недолгое время за этими делами, Лисандр послал гонцов в Лакедемон с известием, что он идет с двумястами кораблей, а сам в Аттике соединился с царями Агидом и Павсанием, чтобы совместными силами поскорее взять Афины. Но афиняне держались, и он вместе со своим флотом отбыл обратно в Азию. Во всех городах без исключения он уничтожил законный государственный строй, поставил правительства из десяти человек и в каждом городе многих граждан казнил, а многих заставил бежать. Самосцев он изгнал всех, а город передал бывшим изгнанникам. Отняв у афинян Сест, он не разрешил его жителям остаться в городе, а отдал его вместе с землей кормчим и начальникам гребцов, служившим под его начальством. Это был первый его поступок, который в Лакедемоне отказались одобрить, и жители Сеста были возвращены обратно. Все греки, однако, с удовлетворением наблюдали, как

эгинцы благодаря Лисандру спустя долгое время после выселения снова возвращаются в свой город и как афиняне, изгнанные с Мелоса и из Скионы, вынуждены были отдать тамошние города их прежним владельцам, которых Лисандр и водворил на старом месте.

Узнав, что афиняне начинают страдать от голода, он отплыл в Пирей и принудил город к сдаче, заставив просить мира на условиях, им предписанных. Лакедемонские писатели рассказывают, что Лисандр сообщил эфорам: «Афины взяты»,— а эфоры ответили ему: «Этого достаточно». Рассказ этот, однако, придуман для того, чтобы придать случившемуся вид благопристойный. Подлинное же распоряжение эфоров было следующим: «Власти Лакедемона постановляют: если вы разрушите Пирей и Длинные стены, уйдете из всех городов и сохраните только собственную землю, вы получите мир, если вам угодно. Кроме того, вы примете обратно изгнанников. Что же касается количества кораблей, вы поступите так, как будет решено на месте». Афиняне по совету Терамена, сына Гагнона, согласились на эти требования. Рассказывают, что некий Клеомен, один из молодых вожаков толпы, спросил его, как он смеет словом и делом идти наперекор Фемистоклу, выдавая лакедемонянам стены, которые тот воздвиг против воли лакедемонян. «Я не иду наперекор Фемистоклу, юноша,— ответил Ферамен.— И он воздвиг эти стены для блага граждан, и мы разрушим их для их же блага. Если бы счастье городов зависело от стен, то хуже всех жилось бы Спарте, не имеющей стен вовсе».

XV. ЗАБРАВ у афинян все корабли, кроме двенадцати, Лисандр вошел в город в 16-й день месяца мунихиона — в тот самый день, в который некогда афиняне победили варваров в морской битве при Саламине. Он решил тотчас же изменить государственный строй Афин. Афиняне не желали с этим смириться, и он заявил народу, что город нарушил условия мира, что стены еще стоят, хотя сроки, назначенные для их срытия, уже прошли, и что он внесет теперь новое предложение, касающееся афинян, так как прежнее соглашение ими не выполнено. Говорят, на собрании союзников некоторые действительно предла-

гали продать афинян в рабство, а фиванец Эриант посоветовал разрушить город и обратить место, на котором он стоял, в пастбище для овец. Но когда затем военачальники собрались вместе на пир и один фокеец запел первую песню хора из «Электры» Еврипида, которая начинается так:

> ...Агамемнона дочь,
> В сельский дом твой пришли мы, Электра,—

все были растроганы, все решили, что покончить со столь славным городом, давшим таких великих людей, и уничтожить его было бы делом чудовищно жестоким.

Теперь афиняне соглашались на все. Лисандр потребовал, чтобы город дал большое число флейтисток, прибавил к ним всех, какие были у него в лагере, и под звуки флейт в присутствии союзников, украсивших себя венками и певших победную песню, ибо день этот был началом свободы, срыл стены и сжег триеры. Тотчас же было изменено и государственное управление: в Афинах было назначено тридцать правителей, в Пирее — десять, на Акрополе размещен сторожевой отряд и гармостом поставлен спартанец Каллибий. Когда однажды он замахнулся палкой на атлета Автолика, которому Ксенофонт посвятил свой «Пир», тот, схватив его за ноги, бросил на обе лопатки. Лисандр не рассердился на Автолика, но выбранил Каллибия, заметив ему, что он не умеет управлять свободными людьми. Вскоре, однако, Автолик был казнен Тридцатью в угоду Каллибию.

XVI. ПОКОНЧИВ с этим, Лисандр сам отплыл во Фракию, оставшиеся же деньги, а также полученные им дары и венки (многие, как и следовало ожидать, подносили подарки самому могущественному из греков, своего рода владыке всей Греции) отправил в Лакедемон с Гилиппом, который ранее командовал войсками в Сицилии. Про Гилиппа рассказывают, что он распорол мешки по нижнему шву, взял из каждого значительную сумму и затем зашил снова, не зная того, что в каждый мешок была вложена записка с указанием суммы, в нем находящейся. Прибыв в Спарту, он спрятал похищенное под черепичной крышей своего дома, а мешки передал эфорам, обра-

тив их внимание на то, что печати целы. Вскрыв мешки, подсчитав деньги и обнаружив расхождение между наличностью и указанной в записке суммой, эфоры пришли в недоумение. Слуга Гилиппа навел их на след, загадочно сказав, что в Керамике спит много сов. Как известно, на большинстве монет того времени под афинским влиянием была вычеканена сова.

XVII. ГИЛИПП, завершивший столь низким и позорным поступком свою прежнюю великую и блестящую деятельность, добровольно оставил Лакедемон. Наиболее проницательным из спартанцев его пример внушил страх прежде всего перед властью денег, подчиняющей себе и незаурядных граждан. Лисандра стали бранить и заклинали эфоров отречься, как от скверны, от золота и серебра, несущих городу гибель. Вопрос был поставлен на обсуждение. По словам Теопомпа, Скирафид (а по сообщению Эфора, Флогид) высказался за то, чтобы не допускать в Спарту золотых и серебряных денег, а пользоваться только старинными, унаследованными от предков. То были деньги из железа, которое прямо из огня опускали в уксус: после такой закалки металл нельзя было ковать, до того хрупким и ломким он становился. Кроме того, деньги эти при большом весе и размерах имели весьма малую стоимость, были очень тяжелы, их было трудно переносить с места на место. По-видимому, обычай пользоваться в качестве денег железными или медными палочками в форме вертела был очень древним. Поэтому для мелкой монеты и доныне удержалось название обола, а шесть оболов называются драхмой, потому что в горсти умещалось как раз столько этих монет. Друзья Лисандра стали возражать и приложили все усилия к тому, чтобы деньги остались в городе. Постановлено было, однако, ввозить эти деньги только для государственных надобностей, если же они оказывались во владении у частного лица, ему грозила смерть. Как будто Ликург боялся денег, а не страсти к деньгам! Между тем последняя не только не была уничтожена запрещением, наложенным на частных лиц, но вследствие разрешения, данного государству, крепко укоренилась: употребление денег давало понятие об их ценности и внушало желание их приобрести. Частный человек не

мог презирать как безделку то, что, как он видел, пользуется уважением в государстве, и в собственном хозяйстве считать ничего не стоящим предмет, столь высоко ценимый в общественной жизни. Ведь строй частной жизни в гораздо большей степени определяется общественными установлениями, нежели наоборот: ошибки и страсти отдельных лиц приносят государству гораздо меньше зла. Испорченность целого естественно влечет за собой ухудшение и отдельных частей, в то время как погрешности отдельных частей встречают сопротивление со стороны здоровых элементов и бывают ими исправлены. Грозный закон поставлен был стражем, не допускавшим проникновения денег в дома спартанцев, но сохранить в душах граждан стойкое равнодушие к деньгам не удалось: всем было внушено стремление к богатству как к чему-то великому и достойному. За это мы укоряли лакедемонян и в другом нашем сочинении.

XVIII. ЗА СЧЕТ полученной добычи Лисандр поставил в Дельфах медные изображения — свое и всех навархов — и золотые звезды Диоскуров, позже, перед сражением при Левктрах, исчезнувшие. В сокровищнице Брасида и акантийцев лежала триера длиной в два локтя, сделанная из золота и слоновой кости, которую Кир послал Лисандру в качестве награды за победу. Дельфиец Анаксандрид рассказывает, что Лисандр оставил в Дельфах вклад в сумме одного таланта серебром, пятидесяти двух мин и одиннадцати статеров, что не согласуется с единодушными свидетельствами о его бедности. Тогда-то Лисандр, пользовавшийся такой властью, какой не имел до него ни один из греков, стал проявлять заносчивость и самонадеянность, не соответствующие даже его власти. Дурид рассказывает, что ему первому среди греков города стали воздвигать алтари и приносить жертвы как богу и он был первым, в честь кого стали петь пэаны. Начало одного из них таково:

Сына спартанских равнин,
Эллады прекрасной вождя,
Мы песней прославим своей —
Ио, Пэан!

Самосцы постановили, чтобы праздник в честь Геры, справляющийся у них, назывался Лисандриями. Ли-

сандр постоянно держал при себе поэта Херила, который своим поэтическим искусством должен был украшать его деяния. Когда Антилох написал о нем несколько заурядных стихов, он так обрадовался, что отдал ему свою шляпу, насыпав ее доверху серебром. Антимах из Колофона и какой-то Никерат из Гераклеи состязались между собой в его присутствии, читая каждый поэму, озаглавленную «Лисандрия». Он увенчал Никерата, и раздосадованный Антимах уничтожил свое произведение. Платон, который был тогда молод и восхищался поэзией Антимаха, видя, как тяжело переносит он свое поражение, пригласил его к себе и стал утешать, говоря, что для непонимающих непонимание такое же зло, как слепота для незрячих. Когда же кифарист Аристоной, шесть раз одержавший победу на Пифийских играх, угодливо заявил Лисандру, что в случае новой победы он объявит себя через глашатая Лисандровым,—«Рабом, конечно?»—подхватил тот.

XIX. ЧЕСТОЛЮБИЕ Лисандра было тягостно только для людей, занимавших первые места в государстве и равных ему по достоинству. Однако лесть окружающих привела к тому, что наряду с честолюбием в характере его появились надменность и нетерпимость. Ни в почестях, ни в наказаниях он не знал меры, свойственной демократическому образу правления: наградой за дружбу и гостеприимство была у него неограниченная, тираническая власть над городами, а успокоить его гнев могла только смерть ненавистного врага — удаляться в изгнание противникам Лисандра не дозволялось. В Милете, боясь, как бы главари народа не бежали, и желая выманить спрятавшихся, он поклялся не чинить насилий. Ему поверили: одни остались, другие вышли из своих убежищ, он же и тех и других — а было их не меньше восьмисот человек — отдал на расправу олигархам. Число сторонников народа, убитых по городам, счесть вообще невозможно; Лисандр казнил, не только карая за проступки, но, угождая своим друзьям, повсюду помогал им сводить счеты с многочисленными врагами и потакал их ненасытному корыстолюбию. Поэтому такую известность приобрели слова лакедемонянина Этеокла о том, что двух Лисандров Греция вы-

нести бы не смогла. Теофраст говорит, что то же самое сказал Архестрат об Алкивиаде. Но у Алкивиада были непереносимы главным образом его заносчивость, страсть к роскоши и своеволие, власть же Лисандра делал тяжелой и страшной его жестокий нрав.

Лакедемоняне не придавали особенного значения жалобам на Лисандра, но когда Фарнабаз, возмущенный разбоем и грабежами, которые Лисандр чинил в его области, послал обвинение в Спарту, эфоры возмутились и казнили Торака, одного из друзей Лисандра, вместе с ним командовавшего войском и уличенного во владении деньгами, а Лисандру послали скиталу с требованием вернуться. Вот что такое скитала. Отправляя к месту службы начальника флота или сухопутного войска, эфоры берут две круглые палки совершенно одинаковой длины и толщины. Одну они оставляют себе, другую передают отъезжающему. Эти палки и называют скиталами. Когда эфорам нужно сообщить какую-нибудь важную тайну, они вырезают длинную и узкую, вроде ремня, полосу папируса, наматывают ее на свою скиталу, не оставляя на ней ни одного промежутка, так чтобы вся поверхность палки была охвачена этой полосой. Затем, оставляя папирус на скитале в том виде, как он есть, они пишут на нем то, что нужно, а написав, снимают полосу и без палки отправляют ее военачальнику. Так как буквы на ней стоят без всякой связи, но разбросаны в беспорядке, прочитать написанное он может, только взяв свою скиталу и намотав на нее вырезанную полосу, располагая ее извивы в прежнем порядке, чтобы, водя глазами вокруг палки и переходя от предыдущего к последующему, иметь перед собой связное сообщение. Полоса папируса называется, как и деревянная палка, «скиталой», подобно тому как измеряемый предмет называется по мере.

XX. ЛИСАНДР, которого скитала нашла на Геллеспонте, пришел в смятение. Очень боясь обвинений Фарнабаза, он постарался лично встретиться и переговорить с ним, чтобы достигнуть примирения. При встрече он попросил его написать эфорам другое письмо и в нем сообщить, что он не терпел от Лисандра

никаких обид и ни в чем его не виннт. Не зная Фарнабаза, он не подозревал, что ведет себя, говоря словами пословицы, «с критянином на крнтский лад». Фарнабаз обещал все исполнить и на глазах у Лисандра написал письмо, о котором тот его просил. Но у него было с собой другое, тайком написаниое. Прикладывая печати, он подменнл письмо другим, по виду ничем не отличавшнмся от первого, и дал Лнсандру то, которое было написано тайком. Явившнсь в Лакедемон и направившнсь по обычаю в здание, где иаходились должностиые лица, Лисандр передал эфорам письмо Фарнабаза, уверенный, что самое главиое обвннение с него снято: Фарнабаза любилн в Лакедемоие, так как во время войны он среди царских военачальииков действовал наиболее энергичио. Когда же эфоры, прочтя пнсьмо, показали его Лнсандру, ои поиял, что

Хитрец Лаэрта сын, но ведь не он один,—

н ушел чрезвычайно встревоженный. Встретившись через иесколько дией с эфорами, он сказал им, что ему нужио отправиться к храму Аммона и принести жертвы, которые он обещал богу перед битвами. Некоторые рассказывают, что действительно Лисандру, когда он осаждал город Афнту во Фракии, явился во сне Аммои н что, следуя будто бы веленню божества, ои сиял осаду и велел афитийцам приносить жертвы Аммону, а сам отправился в Африку, чтобы умнлостивить бога. Но большинство сочло его ссылку иа бога просто предлогом: Лисандр боялся эфоров, домашнее ярмо было для него невыносимо, он не терпел власти над собой и потому стремился вырваться на свободу, словно лошадь, вернувшаяся с заповедиых лугов и пастбнщ назад к яслям н снова прнневоленная к обычной работе. Приводимую же Эфором причнну этого путешествня я изложу несколько позже. **(XXI)**. С большнм трудом добившись от эфоров разрешения уехать, Лисаидр отплыл.

После его отъезда цари сообразили, что он господствует над всей Грецией, с помощью тайных обществ держа в своих руках города, и сталн действовать так, чтобы вернуть к власти сторонников народа, а друзей Лисандра нзгиать. Опять произошлн

перевороты, и прежде всего афиняне из Филы напали на Тридцать и одолели их. Лисандр, спешно вернувшись, убедил лакедемонян помочь олигархам в городах и наказать народ. Прежде всего они послали Тридцати сто талантов на военные расходы и Лисандра в качестве военачальника. Цари, завидуя Лисандру и боясь, как бы он не взял Афины, постановили, что один из них выступит в поход. Выступил Павсаний, будто бы на помощь тиранам против народа, а на деле стремясь закончить войну, чтобы Лисандр с помощью своих друзей опять не стал господином Афин. Цели своей он достиг легко: примирил афинян, прекратил междоусобную борьбу и нанес удар честолюбию Лисандра. Немного времени спустя афиняне снова отложились, и Павсания стали обвинять в том, что он распустил народ, обузданный было властью немногих, снова дав простор его дерзкому своеволию. За Лисандром осталась слава человека, который в своих действиях не ищет угодить другим, не гонится за показным блеском, но распоряжается по собственному усмотрению в интересах Спарты.

XXII. В РАЗГОВОРЕ с противниками он был резок и грозен. Когда аргивяне, споря с лакедемонянами о разделяющей Арголиду и Лаконию границе, заявили, что их доводы справедливее, он показал им меч и промолвил: «Кто держит в руке вот это, лучше всех рассуждает о границах». Как-то один мегарянин дерзко разговаривал с ним в собрании. «Для убедительности твоих слов надо бы побольше... государство, чужестранец»,— заметил ему Лисандр. Беотийцев, колебавшихся, к какой стороне примкнуть, он спросил, как ему пройти через их землю: подняв копье или опустив его. Явившись после отпадения Коринфа под стены города, он увидел, что лакедемоняне не торопятся взять его приступом. Как-то на глазах у всех заяц перескочил через ров. «Вам не стыдно бояться врага такого ленивого, что у него под стенами спят зайцы?» — обратился он к войску.

Царь Агид умер, оставив после себя Леотихида, считавшегося его сыном, и брата Агесилая. Лисандр, любивший Агесилая, убедил его завладеть царской властью по праву законнорожденного Гераклида. Про Леотихида говорили, что он сын Алкивиада, ко-

торый, живя в Спарте изгнанником, тайком сошелся с женою Агида Тимеей. Рассказывают, что Агид, рассчитав, что жена не могла быть беременна от него, не обращал внимания на Леотихида и в течение всей жизни открыто не признавал его. Когда же его больным привезли в Герею и он уже был близок к смерти, под влиянием просьб и самого юноши и своих друзей он в присутствии многих свидетелей признал Леотихида своим сыном и, попросив присутствующих объявить это лакедемонянам, умер. Свидетельство в пользу Леотихида было дано. Агесилаю, человеку известному и к тому же пользовавшемуся поддержкой Лисандра, оказывал противодействие Диопит, прославленный прорицатель, отнесший на счет хромого Агесилая следующее предсказание:

Спарта! Одумайся ныне! Хотя ты, с душою надменной,
Поступью твердой идешь, но власть взрастишь ты хромую.
Много придется тебе нежданных бедствий изведать,
Долго хлестать тебя будут войны губительной волны.

Многие послушались оракула и перешли на сторону Леотихида, но Лисандр заявил, что Диопит толкует предсказание неправильно: бог не разгневается, если Лакедемоном будет управлять царь, хромающий на одну ногу, но царская власть окажется хромой, если царствовать будут не Гераклиды, а люди низкого происхождения и незаконнорожденные. Такими доводами и силою своего влияния он убедил народ, и царем стал Агесилай.

XXIII. ЛИСАНДР тотчас стал убеждать его идти походом в Азию, внушая ему надежды на низвержение персидской державы и на великую славу в будущем. Своим друзьям в Азии он написал, чтобы они просили лакедемонян послать к ним Агесилая военачальником для борьбы с варварами. Те послушались и отправили в Лакедемон послов с такою просьбой. На наш взгляд, в этом случае Лисандр облагодетельствовал Агесилая не меньше, чем когда доставил ему царскую власть. Но человеку с честолюбивым характером, хотя бы он и был способным полководцем, путь к славным подвигам преграждает зависть к равным, вызываемая их славой: тех, кто мог бы стать его помощниками, такой человек делает своими со-

перниками. Агесилай взял с собой Лисандра в числе тридцати советников, рассчитывая иметь в нем самого первого и близкого друга. Но когда они прибыли в Азию, местные жители, для которых Агесилай был новым человеком, обращались к нему редко. Лисандр же был их старым знакомым, и друзья — из желания угодить, а люди, попавшие под подозрение,— из страха толпились у его дверей и ходили за ним по пятам. На сцене случается, что трагический актер, играющий какого-нибудь вестника или слугу, стяжает восторженные похвалы и роль его делается первой, владыку же в диадеме и со скипетром зрители едва слушают. Так было и здесь: все достоинство царской власти принадлежало царскому советнику, самому же царю не осталось ничего, кроме титула. Следовало, пожалуй, обуздать это неуместное честолюбие и отодвинуть Лисандра на второй план, но совершенно прогнать и очернить благодетеля и друга, завидуя его славе, было делом, недостойным Агесилая. Сначала он лишил его возможности действовать самостоятельно и перестал доверять командование военными отрядами. Затем те люди, за которых, как он знал, хлопочет Лисандр, стали уходить от него неизменно с пустыми руками, добившись меньшего, чем любой другой проситель. Таким образом, он исподволь уничтожал и ослаблял влияние Лисандра. Терпя во всем неудачи, Лисандр понял, что его хлопоты обращаются во вред его друзьям. Он перестал помогать им, просил их не приходить и не оказывать ему знаков почтения и советовал обращаться к царю и к тем, кто сейчас может быть более полезен для своих приверженцев. Большинство, выслушав это, перестало беспокоить его своими делами и продолжало почтительно сопровождать его на прогулках и в гимнасиях, вызывая тем самым еще большую зависть и раздражение Агесилая. Назначив, наконец, многих простых воинов начальниками либо доверив им управление городами, он пожаловал Лисандру должность раздатчика мяса. «Пусть эти люди теперь пойдут на поклон к моему раздатчику мяса»,— сказал он, глумясь над ионийцами. Лисандр решил прийти к нему поговорить. Разговор был короткий, в лаконском духе. «Ты прекрасно умеешь унижать дру-

зей, Агесилай».— «Если они хотят быть выше меня. А те, кто способствует усилению моей власти, по справедливости должны делить ее со мной».— «Может быть, Агесилай, твои слова правильнее моих поступков. Но я прошу тебя — кроме всего прочего из-за чужеземцев, которые смотрят на нас,— дай мне такое место в своем войске, на котором я был бы тебе менее всего неприятен и более всего полезен».

XXIV. ПОСЛЕ этого разговора Агесилай отправил его послом на Геллеспонт. Сердясь на Агесилая, Лисандр тем не менее старательно выполнял свои обязанности. Знатного перса Спитридата, стоявшего во главе войска и не поладившего с Фарнабазом, он убедил восстать и привел его к Агесилаю. Больше, впрочем, он никаких военных поручений не исполнял и по истечении своего срока бесславно отплыл в Лакедемон, гневаясь на Агесилая и больше прежнего ненавидя весь государственный строй Спарты. Он решил, не откладывая, взяться за осуществление своих старых замыслов относительно мятежа и государственного переворота. Заключались они в следующем. Гераклиды, объединившиеся с дорийцами и вернувшиеся в Пелопоннес, были большим и славным родом, но царская власть не была уделом всякого, кто принадлежал к нему. Царями были представители только двух домов — агиадов и эврипонтидов, всем остальным их знатность не давала никаких преимуществ, но высокую должность как награду за доблесть мог получить каждый гражданин, которому это было по силам. Лисандр, принадлежавший к Гераклидам, пользовавшийся громкой славой за свои деяния, имевший влияние и множество друзей, с досадой видел, что Спарта возвышается благодаря ему, а царствуют в ней другие, ничуть не превосходящие его знатностью. Он задумал отобрать царскую власть у двух названных выше домов и сделать ее достоянием всех Гераклидов, а по словам некоторых — даже не Гераклидов, а всех спартанцев, чтобы она стала почетным даром не тем, кто происходит от Геракла, а тем, кто, подобно Гераклу, выделяется своей доблестью, которая и возвела его к богам. Он надеялся, что царская власть, присуждаемая таким образом, не достанется никому, кроме него.

XXV. ГОТОВЯСЬ убедить сограждан в своей правоте, он стал заучивать наизусть речь, которую написал для него Клеон Галикарнасский. Затем, видя, что задуманный им план переворота по необычности своей и размаху требует средств более бессовестных, он решил пустить в ход против своих сограждан нечто вроде театральной машины и сочинил ложные оракулы и предсказания Пифии. Ему стало ясно, что все искусство Клеона не принесет ему никакой пользы, если прежде, чем ознакомить граждан с его соображениями, не потрясти их суеверным ужасом перед богами и не подготовить их таким образом к восприятию этой речи. Эфор рассказывает, что его попытка подкупить Пифию и через Ферекла склонить на свою сторону додонских жриц потерпела неудачу, после чего он отправился к Аммону и обещал много золота его прорицателям. Возмущенные, они послали гонца в Спарту с обвинением против Лисандра. Тем не менее он был оправдан, и ливийцы, уходя, сказали: «Мы, о спартанцы, будем судить лучше, когда вы прибудете в Африку, чтобы поселиться среди нас». (Существовал старинный оракул, что лакедемоняне переселятся в Африку.)

Теперь мы изложим, следуя рассказу одного историка и философа, тщательно разработанный, тонкий и точно рассчитанный план Лисандра: как математическая задача, он основывался на многих и важных предпосылках и вел к цели через сложные дополнительные затруднения.

XXVI. В ПОНТЕ жила женщина, утверждавшая, что она беременна от Аполлона. Многие, естественно, не верили этому, другие же относились с доверием к ее словам, и когда у нее родился мальчик, нашлось немало людей, и при этом знатных, которые приняли ревностное участие в его воспитании. Ребенку по какой-то причине было дано имя Силен. Взявши это событие за основу, Лисандр с помощью многочисленных и влиятельных помощников соткал и сплел на ней все остальное. Не возбуждая никаких подозрений, они добились полного доверия к толкам о рождении мальчика, а затем стали распространять в Спарте рассказ, привезенный ими из Дельф, будто там, в тайных записях, хранимых жрецами, есть очень

древние предсказания, взять и прочесть которые не дозволено никому, кроме сына Аполлона, который однажды придет, предъявит хранителям ясное доказательство своего происхождения и заберет таблички с предсказаниями. После того как эти приготовления были завершены, Силен должен был явиться в Дельфы и в качестве Аполлонова сына потребовать эти предсказания, а жрецы-соучастники, тщательно расследовав обстоятельства его рождения и, в конце концов, убедившись в справедливости его слов, показать ему как сыну Аполлона эти записи. Он должен был прочесть их перед множеством собравшихся и, среди прочих предсказаний, огласить оракул о царской власти — тот, ради которого было придумано все остальное,— а именно, что спартанцам значительно целесообразнее выбирать царя из числа лучших граждан. Силен был уже юношей и явился, чтобы приступить к делу, когда вся постановка Лисандра провалилась из-за робости одного актера и соучастника, который, уже принявшись было за дело, струсил и пошел на попятный. Все это раскрылось после смерти Лисандра; при жизни его ничего не было известно.

XXVII. ПРЕЖДЕ чем Агесилай вернулся из Азии, Лисандр погиб, ввязавшись в Беотийскую войну или, вернее, ввергнув в нее Грецию. Об этом судят поразному: одни возлагают вину на Лисандра, другие на фиванцев, некоторые считают виновными обе стороны. Фиванцев обвиняют в том, что они сбросили жертвы с жертвенников в Авлиде и что Андроклид и Амфитей, подкупленные деньгами царя и обещавшие поднять в Греции войну против лакедемонян, побудили беотийцев напасть на фокейцев и опустошить их страну. Про Лисандра же говорят, что он был сердит на фиванцев, которые, в то время как остальные союзники молчали, единственные осмелились заявить притязания на десятую часть военной добычи и выразили недовольство тем, что Лисандр отправил деньги в Спарту. Особенно же был он раздосадован тем, что они первые помогли афинянам освободиться от тридцати тиранов, которых Лисандр поставил, а лакедемоняне сделали еще страшнее и могущественнее своим решением, гласившим, что беглецы из

Афин должны быть отовсюду возвращены назад, а кто этому воспрепятствует, исключается из союза. На это фиванцы ответили постановлением, достойным подвигов Геракла и Диониса и сходным с ними: все дома и города в Беотии открыты для афинян, нуждающихся в приюте; человек, не пришедший на помощь беглецу, которого уводят вопреки его желанию, платит талант штрафа; если кто-нибудь понесет через Беотию оружие в Афины для борьбы против тиранов, фиванцы закроют глаза и заткнут уши. Они не ограничились только постановлением, истинно эллинским и человечным,— тому, что было в нем записано, соответствовали их действия: Трасибул с товарищами захватил Филу, выйдя из Фив, причем фиванцы снабдили их оружием и деньгами, скрывали их и помогли приступить к делу. Такие обвинения предъявлял фиванцам Лисандр.

XXVIII. ГНЕВ Лисандра был вообще страшен вследствие разлития черной желчи — недуга, усиливающегося к старости. Он уговорил эфоров объявить поход против Фив и сам отправился во главе войска. Спустя некоторое время был отправлен с войском и царь Павсаний. Пройдя кружным путем, Павсаний собирался вторгнуться в Беотию через Киферон, Лисандр же с большим войском выступил через Фокиду. Он взял Орхомен, добровольно ему сдавшийся, а Лебадию захватил силою и разграбил. Письмом он предложил Павсанию выступить из Платей на соединение с ним к Галиарту, обещая, что с наступлением дня сам будет под его стенами. Письмо это попало в руки фиванцев, так как гонец натолкнулся на их разведку. Они оставили свой город под охраной афинян, явившихся к ним на помощь, а сами, двинувшись в путь едва настала ночь, оказались под Галиартом чуть раньше Лисандра и частью своих сил заняли город. Лисандр решил сначала, расположившись на холме, ждать Павсания, но время шло, Лисандр не мог больше оставаться на месте, и вот, приказав воинам взять оружие и ободрив союзников, он двинул своих людей колоннами вдоль дороги к городским стенам. Фиванцы, оставшиеся вне города, обошли Галиарт слева и ударили врагу в тыл подле источника, называемого Киссусой, в котором, как рассказывают,

кормилицы выкупали Диониса тотчас же после рождеиия. Вода в нем цветом несколько напомииает вино, прозрачна и очень вкусиа. Неподалеку растут критские стираксы, на которые жители Галиарта указывают в подтверждеине того, что у них жил Радамаит; оии показывают и его могилу, которая зовется могилой Алея. Поблизостн иаходится и памятник Алкмене: став после смертн Амфитрнона женою Радамаита, она здесь, как сообщают, была предаиа погребеиию.

Фиванцы, вошедшие в город и соединившиеся с галиартцами, сперва не двигались с места, когда же они увндели, что Лисандр с передовым отрядом приближается к стенам, они, внезапно открыв ворота, ударили на противника, убили Лисаидра, прорицателя и еще иескольких человек, а потом бегом вериулись к основным силам. Не давая врагам опомиться, фиваицы иапали на ннх, загнали на холмы и перебили тысячу человек. Фиванцев погибло триста: они пали, преследуя иеприятеля иа голых, крутых склоиах. Это были те, кого обвиияли в симпатии к лакоицам: стремясь оправдаться перед согражданами, оии не щадили себя и погибли во время погоии.

XXIX. ПАВСАНИЙ узиал о поражении по пути из Платей в Феспии. Выстроив войско в боевой порядок, ои двииулся к Галиарту. Прибыл туда из Фив и Трасибул с афиияиами. Павсаний хотел заключить перемирие и просить о выдаче тел, ио между спартанцами старшего возраста подиялся ропот, оии пришли к царю и с негодоваиием заявили, что вериуть тело Лисаидра надо не посредством перемирия, но силой оружия, сражаясь вокруг павшего, и, победив, похоронить; для побежденых же славио будет лечь иа том же месте, рядом со своим начальииком. Так говорили старики, ио Павсаинй, видя, что одолеть в битве фиваицев, только что одержавших победу, дело трудиое и что тело Лисаидра лежит у самой стеиы и, стало быть, без перемирия его нелегко будет взять даже в случае победы, послал к фиваицам вестника, заключил перемирие и отступил. Лисаидра похороиили сейчас же за границей Беотии, иа земле дружествеииого и союзиого города Панопея. Там теперь стоит памятиик иа дороге из Дельф в Херонею.

Войско расположилось там на стоянку, и какой-то фокеец стал рассказывать про сражение при Галиарте своему земляку, не принимавшему в нем участия. Между прочим, он сказал, что враги напали на них, когда Лисандр уже перешел Гоплит. Один спартанец, друг Лисандра, с изумлением спросил, что он имеет в виду: это название ему неизвестно. «Да ведь именно там,— ответил рассказчик,— враги и обрушились на наши первые ряды: Гоплитом называется ручеек под городом!» Услышав это, спартанец заплакал и сказал, что человек не может избежать своей судьбы. Есть сведения, что Лисандру был дан такой оракул:

Бойся Гоплита, тебе мой совет, шумящего грозно,
Также змеи, что землей рождена и разит тебя с тыла.

Некоторые, правда, утверждают, что Гоплит течет не возле Галиарта, но что это поток, сбегающий с гор возле Коронеи и там же впадающий в реку Филар; раньше его называли Гоплией, а теперь Исомантом. Галиартец Неохор, убивший Лисандра, имел на щите изображение змеи: это, видимо, и возвещал оракул. Рассказывают, что приблизительно во время Пелопоннесской войны фиванцам был дан в Исмении оракул, предсказавший сразу и битву при Делии и битву при Галиарте, отделенную от первой промежутком в тридцать лет:

С дротом идя на волков, берегись краев пограничных
И орхалидских высот, где лиса в засаде таится.

Местность около Делия, там, где Беотия граничит с Аттикой, называется «Краем»; Орхалидой именовался холм, который теперь зовется Лисьим: он находится в той части Галиарта, которая обращена к Геликону.

XXX. НЕОЖИДАННУЮ гибель Лисандра спартанцы восприняли так тяжело, что предъявили своему царю обвинение, грозившее ему смертью. Он не явился на суд, а бежал в Тегею и жил там до конца своих дней в качестве молящего о защите на священном участке, принадлежащем Афине. Бедность Лисандра, обнаружившаяся после его смерти, показала особенно отчетливо его добродетель: имея в руках такую власть и такие средства, осыпаемый дарами от горо-

дов и царя, он не взял ни обола на украшение собственного дома. Так рассказывает Теопомп, чьей похвале можно верить больше, чем порицанию, ибо он порицает охотнее, чем хвалит.

Впоследствии, сообщает Эфор, когда у Спарты возникли разногласия с союзниками, понадобилось посмотреть записи, которые находились у Лисандра, и Агесилай пришел к нему в дом. Он нашел у него рассуждение о государственном строе, где говорилось, что эврипонтидов и агиадов следует лишить царской власти и, сделав ее доступной для всех, выбирать царя из лучших граждан. Агесилай хотел немедленно сообщить всем о своей находке и показать, каким гражданином был на самом деле Лисандр, хотя этого никто и не замечал; Лакратид же, человек разумный, бывший тогда первым эфором, остановил Агесилая, сказав, что надо не выкапывать из могилы Лисандра, а закопать вместе с ним это рассуждение — до того убедительно и коварно было оно составлено. Несмотря на это, Лисандру были возданы все посмертные почести, и, между прочим, женихи его дочерей, отказавшиеся после его смерти взять их в жены, так как отец оказался бедняком, были приговорены к штрафу за то, что они оказывали ему почтение, пока считали его богачом, но отреклись от него, когда бедность умершего открыла его справедливость и достоинство. В Спарте существовало, по-видимому, наказание не только за безбрачие, но и за поздний или недостойный брак. Последнее налагали по преимуществу на тех, кто сватался к девушкам из богатых, а не из хороших и близких семей.

Вот что мы можем рассказать о Лисандре.

СУЛЛА

1. ЛУЦИЙ Корнелий Сулла родом был из патрициев, или, как мы бы сказали, эвпатридов, и один из предков его, Руфин, был, говорят, консулом. Впрочем, этот Руфин более известен не оказанною ему честью, а выпавшим ему на долю бесчестьем: уличенный в том, что он имел больше десяти фунтов серебряной посуды (а закон этого не дозволял), он был исклю-

чен из сената. Потомки его жили уже в постоянной бедности, да и сам Сулла вырос в небогатой семье, а с молодых лет ютился у чужих, снимая за небольшую плату помещение, чем ему и кололи глаза впоследствии — счастье его казалось несогласным с его достоинством. Так, рассказывали, что когда после африканского похода он возгордился и стал держаться надменно, кто-то из людей благородных сказал ему: «Ну, как тебе быть порядочным, если ты, ничего не унаследовав от отца, владеешь таким состоянием?» Дело в том, что хотя и тогда нравы не сохраняли прежней строгости и чистоты, но под тлетворным воздействием соперничества в роскоши и расточительстве стали портиться, тем не менее равный позор навлекал на себя и тот, кто промотал свое богатство, и тот, кто не остался верен отцовской бедности. Позднее, когда Сулла пришел к власти и многих лишил жизни, какой-то человек из отпущенников, заподозренный в укрывательстве одного из объявленных вне закона и приговоренный к свержению в пропасть, попрекал Суллу тем, что тот долгое время жил с ним под одной крышей и сам он платил две тысячи нуммов за верхний этаж, а Сулла — три за нижний, так что вся разница в их положении измерялась одной тысячей нуммов или двумястами пятьюдесятью аттическими драхмами. Вот что рассказывают о молодых годах Суллы.

II. ВСЕ ЧЕРТЫ внешнего облика Суллы переданы в его статуях, кроме разве взгляда его светло-голубых глаз — тяжелого и проницательного — и цвета его лица, который делал еще более страшным этот и без того трудно переносимый взгляд. Все лицо его было покрыто неровною красной сыпью, под которой лишь кое-где была видна белая кожа. Поэтому говорят, что имя Сулла — это прозвище, которое он получил за цвет лица, а в Афинах кто-то из насмешников сложил такой издевательский стих:

Сулла — смоквы плод багровый, чуть присыпанный мукой.

Прибегать к подобным свидетельствам вполне уместно, когда речь идет о человеке, который, как рассказывают, был по природе таким любителем шуток, что молодым и еще безвестным проводил целые дни

с мнмамн н шутамн, распутничая вместе с ними, а когда стал верховным властелином, то всякий вечер собнрал самых бесстыдных из людей театра и сцены и пьяиствовал в нх обществе, состязаясь с ннмн в острословин; о человеке, который в старости, по общему мнеиию, вел себя не так, как подобало его возрасту, и, уиижая свое высокое звание, пренебрегал многим, о чем ему следовало бы помнить. Так, за обедом Сулла и слышать не хотел ии о чем серьезиом н, в другое время деятельный н, скорее, мрачный, стаиовнлся совершеино другнм человеком, стонло ему оказаться на дружеской пирушке. Здесь он во всем покорялся актерам и плясунам н готов был выполнить любую просьбу. Эта распущенность, виднмо, н породнла в нем болезиенную склониость к чувствеииым наслажденням и неутолимую страсть к удовольствиям, от которой Сулла не отказался и в старости. Вот еще какой счастливый случай с ннм приключился: влюбившись в общедоступную, но состоятельиую женщину по нменн Ннкопола, он перешел потом иа положеиие ее любимца (в силу привычкн н удовольствия, которое доставляла ей его юность), а после смертн этой жеищины уиаследовал по завещанню ее нмущество. Наследовал он своей мачехе, которая любила его как сыиа. Таким образом приобрел ои нзрядиое состояние.

III. НАЗНАЧЕННЫЙ квестором к коисулу Марию в первое его коисульство, Сулла с ним вместе отплыл в Африку воевать с Югуртой. Во время воеиных действий Сулла во всем показал себя с лучшей стороны и сумел воспользоваться представившимся случаем, чтобы приобрестн дружбу нумидийского царя Бокха. Послы Бокха, ускользнувшие от шайкн нумидийских разбойников, былн радушно прииняты Суллой, который, отсылая их назад, одарнл их н дал нм иадежных провожатых. А Бокх, давно уже ненавндя и боясь прнходившегося ему зятем Югурту, теперь, когда тот, гонимый военными иеудачами, бежал к иему, решил его погубить. Бокх вызвал к себе Суллу, предпочитая чужнмн, а не собствеиными руками схватить и выдать Югурту врагам. С ведома Марня Сулла, взяв с собою нескольких солдат, пошел иавстречу величайшей опасности, ради поимки иепрнятеля

доверив свою жизнь варвару, не хранившему верности даже самым близким ему людям. Впрочем, Бокх, в руках которого оказались и Сулла и Югурта и который сам поставил себя перед необходимостью нарушить уговор с одним из них, очень долго колебался и размышлял, но, в конце концов, решился на предательство, задуманное им прежде, и передал Сулле Югурту. Триумф за это достался, конечно, Марию, который, однако, втайне был уязвлен тем, что его недоброжелатели и завистники славу и успех стали приписывать Сулле. Да и сам Сулла, от природы самонадеянный, теперь, когда после жизни скудной и безвестной о нем впервые пошла добрая молва среди сограждан и он вкусил почета, в честолюбии своем дошел до того, что приказал вырезать изображение своего подвига на печатке перстня и с тех пор постоянно ею пользовался. На печатке был изображен Сулла, принимающий Югурту из рук Бокха.

IV. ВСЕ ЭТО раздражало Мария, но он еще пользовался в походах услугами Суллы, считая, что тот слишком ничтожен, а потому не заслуживает зависти. Сулла был легатом Мария в его второе консульство и военным трибуном в третье, и Марий был обязан ему многими успехами. Так, в бытность свою легатом Сулла захватил вождя тектосагов Копилла, а будучи военным трибуном, склонил большой и многолюдный народ марсов к дружбе и союзу с римлянами. После этого, почувствовав, что он восстановил против себя Мария, который уже не желал поручать ему никаких дел и противился его возвышению, Сулла сблизился с Катулом, товарищем Мария по должности, прекрасным человеком, хотя и не столь способным полководцем. Пользуясь его доверием в самых важных и значительных делах, Сулла прославился и вошел в силу. Он покорил бо́льшую часть альпийских варваров, а когда у римлян вышло продовольствие, принял эту заботу на себя и сумел запасти столько, что воины Катула не только сами не знали ни в чем нужды, но и смогли поделиться с людьми Мария. Этим Сулла, по собственным его словам, сильно озлобил Мария. И вот эта-то вражда, столь незначительная и по-детски мелочная в своих истоках, но затем через кровавые усобицы и жесточай-

шие смуты приведшая к тирании и полному расстройству дел в государстве, показывает, сколь мудрым и сведущим в общественных недугах человеком был Еврипид, который советовал остерегаться честолюбия, как демона, самого злого и пагубного для каждого, кто им одержим.

V. СУЛЛА думал, что достаточно уже прославил себя воинскими подвигами, чтобы выступить на государственном поприще,— сразу после похода он посвятил себя гражданским делам; он записался кандидатом в городские преторы, но при выборах потерпел неудачу. Виновницею тому была, по его мнению, чернь: зная дружбу его с Бокхом и ожидая — в случае, если он, прежде чем стать претором, займет должность эдила,— великолепной травли африканских зверей, она избрала преторами других соискателей, чтобы заставить его пройти через эдильскую должность. Но похоже на то, что Сулла скрывает истинную причину своей неудачи — сами события уличают его в этом. Ведь спустя год претура все-таки досталась Сулле, который лестью и подкупом расположил народ в свою пользу. Вот почему Цезарь, которому Сулла в гневе пригрозил употребить против него свою власть претора, издевательски ответил ему: «По праву ты почитаешь своей эту власть — разве ты не купил ее?»

После претуры Суллу посылают в Каппадокию, как было объявлено, чтобы вернуть туда Ариобарзана, а на деле — чтобы обуздать Митридата, который стал не в меру предприимчив и чуть ли не вдвое увеличил свое могущество и державу. Войско, которое Сулла привел с собою, было невелико, но с помощью ревностных союзников он, перебив много каппадокийцев и еще больше пришедших им на подмогу армян, изгнал Гордия и водворил на царство Ариобарзана.

Когда Сулла стоял у Евфрата, к нему явился парфянин Оробаз, посол царя Арсака. До тех пор оба народа еще не соприкасались друг с другом; видимо, счастью своему Сулла обязан и тем, что первым из римлян, к кому обратились парфяне с просьбой о союзе и дружбе, оказался именно он. Рассказывают, что Сулла поставил три кресла — одно для

Ариобарзана, другое для Оробаза, третье для себя — и во время переговоров сидел посредине. Оробаза парфянский царь впоследствии за это казнил, а Суллу одни хвалили за то, что он унизил варваров, а другие хулили за наглость и неуместное тщеславие. Среди спутников Оробаза, как передают, был один халдей, который, посмотрев в лицо Сулле и познакомившись с движениями его духа и тела — не мельком, но изучив их природу согласно с правилами своей науки,— сказал, что человек этот непременно достигнет самого высокого положения, да и сейчас приходится удивляться, как он терпит иад собой чью-то власть.

По возвращении Суллы в Рим Цензорин обвинил его во взяточничестве, потому что из дружественного и союзного царства он вернулся с большой суммой денег, собранной вопреки закону. Впрочем, Цензорин не явился в суд, отказавшись от обвинения.

VI. МЕЖДУ ТЕМ вражда Суллы и Мария получала все новую пищу; на этот раз поводом послужило честолюбие Бокха. Желая польстить римскому народу и в то же время угодить Сулле, Бокх поставил иа Капитолии статуи Победы с трофеями в руках, а подле них золотое изображение Югурты, которого Бокх передает Сулле. Когда рассерженный Марий собрался было уничтожить эти изваяния, а сторонники Суллы готовились встать на его защиту и раздор между приверженцами того и другого едва не вверг в пламя весь город, тогда-то разразилась, сдержав на этот раз распрю, давно уже угрожавшая городу Союзническая война. В войне этой, которая оказалась и чрезвычайно жестокой, и полной всяческих превратностей, которая принесла римлянам многочисленные бедствия и самые тяжкие опасности, в этой войне Марий не смог совершить ничего великого и тем самым доказал, что воинская доблесть нуждается в цветущем возрасте и силе; Сулла же замечательными подвигами стяжал у сограждан славу великого полководца, у друзей — величайшего и даже у врагов — самого счастливого и удачливого. Однако Сулла избежал участи Тимофея, сына Конона, чьи враги, приписывая его успехи счастливому случаю, заказали картину, на которой был представлен спящий Тимо-

фей и Счастье, улавливающее города своею сетью. Тимофей разгневался и бушевал, как последний мужлан, словно у него отнимали славу его дел, и както, вернувшись из похода, как считали, вполне удачного, сказал, обращаясь к народу: «А уж в этом походе, афиняне, Счастье не принимало никакого участия». В отместку за такое нескрываемое честолюбие божество, говорят, зло подшутило над Тимофеем: он уже не совершил ни одного славного подвига, потерял удачу во всех своих делах и, рассорившись с народом, был изгнан из родного города. Сулла же, напротив, не только испытывал удовольствие, когда завистники называли его счастливцем, но даже сам раздувал эти толки, все свои успехи приписывая богам и объясняя все своим счастьем — то ли из хвастовства, то ли действительно следуя своим представлениям о божестве. Ведь и в «Воспоминаниях» Суллы написано, что дела, на которые он отваживался по внезапному побуждению, удавались ему лучше тех, которые он считал хорошо обдуманными. Там же он говорит, что больше одарен счастьем, чем военными способностями, а стало быть, отдает предпочтение счастью перед доблестью; вообще он считал себя любимцем божества — ведь даже согласие с Метеллом, своим товарищем по должности и свойственником, он приписывал некоей божественной удаче. В самом деле, тот, кто, как можно было ожидать, доставит Сулле немало хлопот, оказался самым сговорчивым товарищем по должности. Кроме того, в «Воспоминаниях» Сулла убеждает Лукулла (которому это сочинение посвящено) ни на что не полагаться с такой уверенностью, как на то, что укажет ему ночью божество. Когда он был послан с войском на Союзническую войну, рассказывает Сулла, то близ Лаверны широко разверзлась земля, оттуда вырвался язык пламени и огненным столпом уперся в небо. Это, по словам предсказателей, означало, что доблестный муж, с прекрасною и необычною внешностью, придет к власти и прекратит нынешние смуты в государстве. И вот он-то сам, утверждал Сулла, и есть этот муж: ведь золотистые волосы отличают его среди других людей, а о доблести своей после стольких прекрасных и великих подвигов он может говорить

без ложного стыда. Таковы были его представления о божественном.

В остальном же он производил впечатление человека переменчивого и с самим собой несогласного: он много отбирал насильно и еще больше раздавал, без оснований возносил и без оснований оскорблял, обхаживал тех, в ком имел нужду, и чванился перед теми, кто имел нужду в нем, так что непонятно, что было более свойственно его натуре — высокомерие или угодливость. За случайные провинности он засекал до смерти, но смотрел сквозь пальцы на самые тяжкие преступления, легко мирился с лютой обидой, а за мелкие и ничтожные оскорбления мстил казнями и конфискациями имущества; такую несоразмерность в наказаниях можно, пожалуй, объяснить тем, что, крутой нравом и мстительный от природы, Сулла, ради пользы, умел сдерживать гнев, уступая расчету. Так, когда его солдаты в ту же Союзническую войну камнями и палками убили легата Альбина, бывшего претора, Сулла оставил столь тяжкий проступок безнаказанным и даже гордился этим, не без хвастовства говоря, что благодаря этому его люди, дескать, станут еще воинственнее, искупая храбростью свою вину. На тех, кто осуждал его, Сулла не обращал никакого внимания, но угождал собственному войску, уже тогда замышляя покончить с Марием и считая, что война с союзниками окончена, надеялся получить командование в войне с Митридатом. По возвращении Суллы в Рим его выбрали консулом вместе с Квинтом Помпеем. Сулле было тогда пятьдесят лет, и в ту пору он вступил в почетный для него брак с Цецилией, дочерью верховного жреца Метелла. За это Суллу высмеивали в многочисленных песенках, ходивших среди простонародья, да и среди высшей знати, многие были возмущены, считая, говоря словами Тита, что этот человек недостоин такой жены, хотя сами признали его достойным консульства. Замужем за Суллой побывала, впрочем, не одна Метелла: впервые, еще юнцом, он женился на Илии, которая родила ему дочку, затем, после нее, на Элии, в третий же раз на Клелии. Последней, под предлогом ее бесплодия, он дал развод, отпустив ее с почетом: он и сказал о ней много хорошего, и богато одарил. Одна-

ко, введя всего через несколько дней в свой дом Метеллу, он показал, что не был честен в своих упреках Клелии. Метелле он, правда, угождал всегда и во всем, так что римскому народу, когда тот пожелал вернуть из изгнания сторонннков Марня, прншлось после полученного от Суллы отказа призвать на помощь Метеллу. Вероятно, и с афинянами, взяв их город, он обошелся особенно жестоко, потому что они, насмехаясь над ннм с городских стен, грубо поносили Метеллу. Но об этом ниже.

VII. КОГДА Сулла, невысоко ценя консульство в сравнении с тем, что он для себя готовил, в мыслях своих стремился к войне с Митридатом, соперником его выступил Марий, снедаемый тщеславием и честолюбием — не подвластными возрасту страстями. Этот обрюзгший человек, которому в недавней войне из-за преклонных уже лет изменили силы, рвался за море, в дальние походы. И вот, когда Сулла отправился к войску, куда его призывали не завершенные еще дела, Марий, оставаясь дома, занялся подготовкой пагубнейшей распри, принесшей Риму больше вреда, чем все войны, вместе взятые, как то и предвещали знамения, посланные римлянам божеством. А именно: на древках знамен сам собою вспыхнул огонь, который едва погаснли, три ворона притащнлн своих птенцов на дорогу и съели, а остатки унесли обратно в гнездо. Мышн прогрызли золотые приношения, выставленные в храме, а когда служители поймали одну самку, она принесла пятерых мышат прямо в мышеловке и троих загрызла. И самое главное: с безоблачного, совершенно ясного неба прозвучал трубный глас, такой пронзительный и горестный, что все обезумели от страха перед величием этого знамения. Этрусские толкователи объявили, что чудо это предвещает смену поколений и преображение всего сущего. Существует, говорнли они, восемь человеческих поколений, различающихся между собой нравами и укладом жизни, и для каждого божеством отведено и исчислено время, ограниченное кругом большого года. Когда же этому кругу приходит конец и начинается новый, всякий раз то ли из земли, то ли с неба приходит какое-нибудь удивительное знамение, чтобы те, кто размышлял над таки-

ми вещами и умудрен в них, тотчас поняли, что в мир явились люди, и живущие, и мыслящие по-иному, и боги пекутся о них больше или меньше, чем о прежних. Среди прочего, продолжали прорицатели, при чередовании поколений большие перемены испытывает и сама наука предсказания будущего: она то обретает большое уважение, а также точность и надежность, благодаря идущим от богов ясным знамениям, то — при новом поколении,— напротив, влачит жалкое существование, рассуждая о многом наугад и пытаясь проникнуть в грядущее с помощью темных и ненадежных средств. Вот какие предания рассказывали самые ученые из толкователей-этрусков, те, что считались наиболее сведущими. Когда сенаторы, заседая в храме Беллоны, слушали рассуждения гадателей об этих предметах, в храм на глазах у всех влетел воробей, в клюве у него была цикада, часть которой он выронил, а другую унес с собой. Гадатели возымели подозрение, что это предвещает распрю и раздоры между имущими и площадною чернью города. Последняя ведь голосиста, словно цикада, а те, другие,— сельские жители, обитающие среди полей.

VIII. МАРИЙ тем временем заручился поддержкой народного трибуна Сульпиция, человека, не знавшего себе равных в самых гнусных пороках, так что не стоило и задаваться вопросом, кого он превосходит испорченностью: можно было спрашивать только, в чем он испорченнее самого себя. Жестокость, дерзость и жадность делали его нечувствительным к позору и способным на любую мерзость: ведь это он, поставив посреди форума стол, не таясь, подсчитывал деньги, вырученные от продажи вольноотпущенникам и пришлым прав римского гражданства. Сульпиций содержал три тысячи вооруженных мечами бойцов и окружил себя толпой готовых на все молодых людей из всаднического сословия, которых именовал антисенатом. Он провел закон, по которому сенаторам запрещалось иметь долг, превышающий две тысячи драхм, а сам оставил после себя долгов на три миллиона. Этот-то человек, обратившись по поручению Мария к народу и нарушив силой оружия весь ход дел в государстве, предложил несколько вредных законопроектов, одним из которых он передавал Марию

командование в Митридатовой войне. Это вынудило консулов объявить неприсутственные дни, тогда Сульпиций во время собрания, созванного консулами у храма Диоскуров, возмутил против них толпу, и в числе многих других на форуме погиб молодой сын консула Помпея. Сам Помпей бежал и скрылся, а Сулле, загнанному погоней в дом Мария, пришлось выйти к народу и отменить решение о неприсутственных днях. Поэтому Сульпиций, который Помпея отрешил от должности, у Суллы консульства не отобрал, но лишь перепоручил поход против Митридата Марию и тут же послал в Нолу военных трибунов, чтобы те, приняв войско, привели его к Марию.

IX. НО СУЛЛА, бежавший в лагерь, успел опередить трибунов, и воины, узнав о случившемся, побили посланцев Сульпиция камнями, а приверженцы Мария в Риме со своей стороны принялись избивать друзей Суллы и грабить их имущество. Появились изгнанники и беглецы: одни пробирались в город из лагеря, другие из города в лагерь. Сенат, который уже не был свободен в своих решениях, но руководился предписаниями Мария и Сульпиция, узнав, что Сулла идет на город, послал двух преторов, Брута и Сервилия, чтобы те запретили ему двигаться дальше. Преторы говорили с Суллой слишком дерзко, и воины, кинувшись на них, хотели их растерзать, но только изломали ликторские розги, сорвали с преторов окаймленные пурпуром тоги и после многих оскорблений отослали их назад. Вид преторов, лишенных знаков отличия, и принесенное ими известие о том, что усобицу уже невозможно сдержать и положение непоправимо, произвели тяжелое и страшное впечатление. Марий был теперь занят подготовкой к борьбе, а Сулла, располагая шестью полными легионами, вместе с товарищем по должности двигался от Нолы; он видел, что войско готово немедленно идти на город, но сам колебался, испытывая страх перед опасным начинанием. Однако когда он совершил жертвоприношение, прорицатель Постумий, протянув к нему обе руки, потребовал, чтобы его связали и до сражения продержали под стражей: он-де готов пойти на казнь, если все дела Суллы не придут к скорому и благополучному завершению. Да и самому Сулле,

как рассказывают, во сне явилась богиня, чтить которую римляне научились от каппадокийцев,— это то ли Луна, то ли Минерва, то ли Беллона. Сулле снилось, будто богиня, представ перед ним, протягивает ему молнию и, называя по имени каждого из его врагов, повелевает поразить их, и, пораженные молнией, они падают и исчезают. Доверившись этому видению и рассказав о нем товарищу по должности, Сулла, как только рассвело, повел войско на Рим. У Пикт его встретило посольство: послы умоляли повременить, так как сенат восстановит справедливость, издав соответствующие постановления. Сулла согласился разбить лагерь здесь же и приказал командирам сделать для этого обычные в таких случаях промеры, так что послы, поверив ему, ушли. Однако тотчас вслед за тем Сулла выслал вперед Луция Базилла и Гая Муммия, которые захватили ворота и стену у Эсквилинского холма, а потом и сам устремился за ними со всею поспешностью, на какую был способен. Хотя отряд Базилла, ворвавшись в город, стал одолевать врага, многочисленная толпа безоружного народа остановила его продвижение и оттеснила назад к стене. Но тут подоспел Сулла: увидев, что происходит, он громким голосом отдал приказание поджигать дома и, схватив пылающий факел, сам кинулся вперед, а лучникам дал приказ осыпать кровли домов зажигательными стрелами. Он не следовал заранее намеченному плану, но, потеряв власть над собой, предоставил своему гневу распоряжаться происходящим. Перед глазами его были одни враги, и он, нисколько не задумываясь о друзьях, родственниках, домашних, нимало не сочувствуя им, прокладывал себе путь огнем, не разбирающим правых и виноватых. Тем временем Марий, оттесненный к храму Земли, воззвал к рабам, обещая им свободу, но, осиленный наступавшим противником, бежал из города.

X. СУЛЛА, созвав сенат, осудил на смерть самого Мария и еще нескольких человек, в их числе и народного трибуна Сульпиция. Сульпиций, преданный своим рабом, был убит (раба этого Сулла сперва освободил, а затем приказал сбросить со скалы), а за голову Мария Сулла назначил награду, не обна-

ружив тем самым ни благоразумия, ни порядочности — ведь совсем незадолго он, придя в дом Мария и сдавшись на его милость, был отпущен целым и невредимым. Если бы Марий тогда не отпустил Суллу, а дал Сульпицию расправиться с ним, он остался бы полным хозяином положения, и все же он Суллу пощадил, а немного спустя, когда Марий сам оказался в такой же крайности, с ним обошлись совсем поиному. Сенат втайне досадовал на это, а народ и на деле дал Сулле почувствовать свою враждебность и возмущение. Так, провалив с позором Нония, племянника Суллы, и Сервилия, которые домогались должностей, народ должности эти отдал тем, чье избрание, как предполагали, доставит Сулле наибольшее огорчение. Сулла же делал вид, что это его радует,— ведь благодаря ему народ, дескать, и пользуется свободою поступать, как хочет,— а чтобы отвести от себя ненависть толпы, провел в консулы принадлежавшего к стану его противников Луция Цинну, взяв с него скрепленное страшными клятвами обещание поддерживать дело Суллы. Цинна поднялся на Капитолий и, держа в руке камень, принес присягу на верность, скрепив ее таким заклятием: пусть будет он, если не сохранит доброго отношения к Сулле, вышвырнут из города, подобно этому камню, брошенному его собственной рукой. После этого в присутствии многих свидетелей он бросил камень на землю. Но, вступив в должность, Цинна тут же принялся расшатывать устои существовавшего порядка. Он подготовил судебное дело против Суллы, поручив обвинение одному из народных трибунов — Виргинию. Но Сулла, пожелав и обвинителю и судьям долго здравствовать, отправился на войну с Митридатом.

XI. ГОВОРЯТ, что в те самые дни, когда Сулла с войском готовился покинуть Италию, Митридату, находившемуся тогда в Пергаме, явились многие знамения: так, пергамцы с помощью каких-то приспособлений опускали на него сверху изображение Победы с венцом в руке, и над самой головой Митридата статуя развалилась, а венец упал наземь и разбился на куски, так что народ в театре был повергнут в ужас, а Митридат — в глубокое уныние, хотя успе-

хн его в то время превосходили все ожидания. Отияв Азню у рнмлян, а Внфннию и Каппадокию у тамошних царей, он обосновался в Пергаме, иаделяя своих друзей богатствамн, землямн и иеограниченной властью; из сыновей его однн, не тревожимый ннкем, управлял старинными владеинями в Поите н Боспоре вплоть до необитаемых областей за Меотидой, другой же, Ариарат, с большнм войском покорял Фракию и Македонию. И в иных краях, подчнняя их власти Митридата, действовали его полководцы, самым выдающимся из которых был Архелай. Корабли Архелая господствовали почти над всем морем, он подчиннл себе Кнклады и другие расположенные по эту сторону мыса Малеи острова, завладел даже самой Эвбеей; выступив из Афин, он склонил к отпаденню от Рима все греческие племена до границ Фессалнн н лишь прн Херонее потерпел иебольшую неудачу. Здесь встретнл его Бруттий Сура, легат Сентня, претора Македонин, человек замечательиой отваги н ума. Оказав упорное сопротивление Архелаю, который подобно бурному потоку несся по Беотни, и выдержав прн Херонее три битвы, Бруттий задержал его н вновь оттесннл к морю. Но, получнв от Луция Лукулла прнказание освободить место для прнближающегося Суллы, которому сенат поручил вестн эту войну, Бруттнй тотчас оставнл Беотню н вернулся к Сентию, хотя дела его шли успешнее, чем он мог надеяться, а грекн, прнвлеченные его безупречным благородством, уже готовы были перейти на сторону римлян. И все же нменно эти подвиги прославили Бруттия всего сильнее.

XII. СРАЗУ овладев остальными городами Грецни, прнзвавшимн его через послов, Сулла подступил со всеми свонмн снлами к Афинам, которые держали сторону царя, вынуждаемые к этому тнраном Аристионом, н, окружив Пирей, повел осаду, установив всевозможные военные машины и вступая во всякого рода стычкн. И хотя, выжди Сулла иемного, он без малейшей опасностн взял бы Верхний город, уже доведенный голодом до крайностн, но, стремясь поскорее возвратиться в Рнм из боязни, как бы там не пронзошел новый переворот, он торопил события, не останавливаясь в ходе войны перед опасными

предприятиями, многочисленными сражениями и громадными расходами: не говоря о прочих приготовлениях, только на работах по сооружению осадных машин ежедневно были заняты десять тысяч пар мулов. Так как многие машины выходили из строя — рушились под собственной тяжестью или сгорали, подожженные зажигательными стрелами врагов, и потому не хватало леса, Сулла принялся за священные рощи: он опустошил Академию, самый богатый деревьями пригород, и Ликей.

Нуждаясь в больших деньгах для ведения войны, Сулла не оставил в покое и святилища Эллады, посылая то в Эпидавр, то в Олимпию за прекраснейшими и ценнейшими из приношений. Даже дельфийским амфиктионам он написал, что сокровища бога лучше было бы перевезти к нему, у него-де они будут целее, а если он и воспользуется ими, то возместит взятое в прежних размерах. Вслед за тем он послал туда своего друга, фокейца Кафиса, приказав ему принять каждую вещь по весу, Кафис прибыл в Дельфы, но не решался прикоснуться к святыням и пролил много слез, оплакивая при амфиктионах свою участь. И когда кто-то сказал ему, что слышал, как зазвучала находящаяся в храме кифара, Кафис, то ли поверив этому, то ли желая внушить Сулле страх перед божеством, написал ему об этом. Но Сулла насмешливо ответил, что удивляется Кафису: неужели тот не понимает, что пением выражают веселье, а не гнев, и велел своему посланцу быть смелее и принять вещи, которые бог отдает с радостью. И вот, когда все прочие сокровища втайне от большинства греков были отправлены к Сулле, амфиктионам пришлось, наконец, сломать серебряную бочку, которая одна еще оставалась нетронутой из царских пожертвований и которую из-за ее величины и тяжести нельзя было взвалить целиком на вьючных животных, и тут им вспомнились Тит Фламинин, Маний Ацилий и Эмилий Павел: один из них выгнал из Греции Антиоха, двое других разгромили в войнах македонских царей, и все же они не только не тронули эллинских святилищ, но даже сами пополнили их новыми дарами, почтили и возвеличили. Да, но ведь они в согласии с законом распоряжались людь-

ми воздержными, привыкшими беспрекословно повиноваться начальствующим, и сами, обладая царственной возвышенностью духа, соблюдали умеренность в расходах, ограничиваясь скромными и строго определенными тратами, а лесть войску почитали более позорной, нежели страх перед врагом; теперь же полководцы добивались первенства не доблестью, а насилием и, нуждаясь в войске больше для борьбы друг против друга, чем против врагов, вынуждены были, командуя, заискивать перед подчиненными и сами не заметили, как, бросая солдатам деньги на удовлетворение их низменных потребностей и тем покупая их труды, сделали предметом купли-продажи и самое родину, а желая властвовать над лучшими, оказались в рабстве у худших из худших. Вот что изгнало Мария, а потом вернуло его для войны с Суллою, вот что сделало Цинну убийцею Октавия и Фимбрию убийцею Флакка. Но едва ли не главным виновником, положившим начало этому злу, был Сулла, который, чтобы соблазнить и сманить тех, кто служил под чужою командой, слишком щедро оделял своих солдат; тем самым он развращал и чужих воинов, толкая их на предательство, и своих, делая их людьми безнадежно распущенными. Понятно, что он нуждался в крупных суммах, и всего более для осады Афин.

XIII. ДЕЛО в том, что Суллой овладело неодолимое, безумное желание взять Афины — потому ли, что он в каком-то исступлении бился с тенью былой славы города, потому ли, что он приходил в бешенство, терпя насмешки и издевательства, которыми с городских стен ежедневно осыпал его, глумясь и потешаясь над ним и над Метеллой, тиран Аристион. Человек этот, чья душа была сплавом из наглости и жестокости, который усвоил и совместил в себе худшие из Митридатовых пороков и страстей, подобно смертоносной болезни, обрушился на город, прошедший некогда невредимым сквозь бесчисленные войны, претерпевший многие тирании и усобицы, а теперь стоявший на краю гибели. И хотя медимн пшеницы стоил тогда в Афинах тысячу драхм, а люди питались девичьей ромашкой, росшей вокруг Акрополя, варили сандалии и лекифы, Аристион проводил

время в ежедневных попойках и пирушках, военных плясках и насмешках над врагами, не тревожась о том, что священная лампада богини потухла из-за недостатка масла. Верховной жрице, которая попросила у него половину гектея пшеницы, он послал перцу, а членов Совета и жрецов, умолявших его пожалеть город и заключить соглашение с Суллой, разогнал стрелами. Уже гораздо позже, и то с большой неохотой, он послал для переговоров о мире двоих или троих из своих собутыльников, которые, нисколько не интересуясь спасением города, важно повели речь о Тесее, об Эвмолпе, о Персидских войнах, так что Сулла сказал им: «Идите-ка отсюда, милейшие, и все свои россказни прихватите с собой: римляне ведь послали меня в Афины не учиться, а усмирять изменников».

XIV. ТОГДА-ТО, как передают, и донес кто-то Сулле о подслушанном в Керамике разговоре: старики беседовали между собой и бранили тирана, который не охраняет подступы к стене у Гептахалка, в том единственном месте, где враги могут легко через нее перебраться. Сулла не пропустил мимо ушей это донесение, но посетив ночью удобное для приступа место и осмотрев его, взялся за дело. Как рассказывает в своих «Воспоминаниях» сам Сулла, первым взошел на стену Марк Атей. На неприятельского воина, который преградил ему путь, Атей обрушил такой удар, что переломил меч о его шлем, и все-таки не отступил, остался на своем месте и упорно его удерживал. Именно с этой стороны и был взят город, как об этом рассказывают старейшие из афинян. А сам Сулла, срыв и сровняв с землей стену между Пирейскими и Священными воротами, вступил в город в полночь — грозный, под рев бесчисленных труб и рогов, под победные клики и улюлюканье солдат, которые, получив от Суллы позволение грабить и убивать, с обнаженными мечами носились по узким улицам. Убитых не считали, и вплоть до сего дня лишь по огромному пространству, залитому тогда кровью, судят об их множестве. Ведь, не говоря уже о тех, кто погиб в других частях города, только резня вокруг Площади обагрила кровью весь Керамик по самые Двойные ворота, а многие говорят, что кровь вы-

текла за ворота и затопила пригород. Но сколь ни велико было число людей, погибших насильственной смертью, не меньше было и тех, что покончили с собой, скорбя об участи родного города, который, как они думали, ожидало разрушение. Это наполняло отчаянием лучших граждан — они боялись остаться в живых, не надеясь найти в Сулле никакого чувства меры, ни малейшего человеколюбия. Но когда в ноги Сулле повалились с мольбою изгнанники Мидий и Каллифонт, когда с просьбой пощадить город обратились к нему также соратники-сенаторы, он, и сам уже пресытившись местью, произнес несколько слов в похвалу древним афинянам и сказал, что дарует немногих многим, милуя живых ради мертвых.

Сулла взял Афины, как сам он говорил в «Воспоминаниях», в мартовские календы, в день, почти совпадающий с новолунием месяца антестериона; в этом месяце, по случайному совпадению, афиняне творят многочисленные обряды в память о страшных бедствиях, причиненных проливными дождями, так как примерно в это время, по их расчетам, случился некогда потоп.

Когда город был взят, началась осада Акрополя, куда бежал тиран. Она была поручена Куриону. Тиран стойко продержался немалое время, пока жажда не вынудила его сдаться. И божество тотчас дало знамение, так как в тот самый день и час, когда Курион свел пленника вниз, на чистом до того небе собрались облака и хлынул ливень, насытивший водою Акрополь. Немного спустя Сулла взял Пирей и сжег бóльшую часть его зданий, в том числе и удивительное строение — арсенал Филона.

XV. ТЕМ ВРЕМЕНЕМ военачальник Митридата Таксил, спустившись из Фракии и Македонии со ста тысячами пехотинцев, десятью тысячами всадников и девятью десятками серпоносных колесниц, вызвал к себе Архелая, который все еще стоял на якоре у Мунихии, не желая очистить море, но и не стремясь к схватке с римлянами, а считая разумным затянуть военные действия, чтобы оставить противника без припасов. Сулла, однако, предвидел все это гораздо лучше, чем Архелай, а потому из мест скудных, которые и в мирное время не могут прокормить

собственных обитателей, отошел в Беотию. Расчет его многим казался ошибочным, ибо, зная, что сила врага в колесницах и коннице, Сулла тем не менее покинул суровую и неудобную для действий конницы Аттику и оказался среди равнин и открытых пространств Беотии. Но, чтобы избежать, как было сказано, голода и нужды, он вынужден был пойти навстречу опасностям, которыми грозило сражение. Кроме того, Сулла боялся за Гортензия. Этого искусного и горячего полководца, который вел к Сулле войско из Фессалии, подстерегали в теснинах варвары. Вот какие причины заставили Суллу отойти в Беотию. Но Гортензия провел другою дорогою наш земляк Кафис. Обманув варваров, он вывел его через Парнас к самой Титоре, которая была тогда не городом, как ныне, но крепостцою на крутой скале; в древности там укрылись и спасли свою жизнь и имущество бежавшие от Ксеркса фокейцы. Гортензий расположился лагерем и днем отразил натиск врагов, а ночью, преодолев трудный спуск к Патрониде, присоединился к вышедшему ему навстречу Сулле.

XVI. ОКАЗАВШИСЬ вместе, они заняли холм, возвышающийся посреди Элатийской равнины; холм этот велик, плодороден, а у подножия его есть вода. Он называется Филобеот, и Сулла очень хвалит его природу и местоположение. Когда римляне разбили лагерь, враги увидели, что их совсем немного: всадников оказалось не больше полутора тысяч, а пеших меньше пятнадцати тысяч. Поэтому, вопреки сопротивлению Архелая, остальные военачальники выстроили войско к бою, покрыв всю равнину конями, колесницами, щитами. Воздух не вмещал крика и шума, поднятого множеством племен, одновременно строившихся в боевой порядок. Даже чванливая пышность драгоценного снаряжения отнюдь не была бесполезна, но делала свое дело, устрашая противника: сверкание оружия, богато украшенного золотом и серебром, яркие краски мидийских и скифских одеяний, сочетаясь с блеском меди и железа,— все это волновалось и двигалось, создавая огненную, устрашающую картину, так что римляне сгрудились в своем лагере, и Сулла, который никакими уговорами не мог вывести их из оцепенения, ничего не предприни-

мал, ие желая применять силу к уклоияющимся от битвы, и с трудом сдерживал себя, глядя на варваров, с хвастливым смехом потешавшихся иад римлянами. Но имеиио это и обериулось для Суллы величайшей выгодой. Враги, которые и без того были не слишком послушиы своим многочислеиным начальникам, из презреиия к рнмлянам перестали соблюдать какой бы то ии было порядок. Лишь иебольшая часть их оставалась в лагере, а все остальные в поисках добычи разбредались на расстояиие миогих дией пути от лагеря. Сообщают, что они разрушнли Паиопей и разорили Лебадию, ограбив святилище, и все это — без приказаиия кого-либо из начальников. А Сулла, негодуя н печалясь о судьбе городов, которые гибли у иего иа глазах, ие позволял своим воинам бездельничать, ио принуждал их работать, заставляя отводить русло Кефиса и копать рвы; ои ие давал им иикакой передышки и беспощадио иаказывал нерадивых, чтобы отвращеиие к изиурительному труду заставило вoииов самих желать опасиостн. Так и вышло. На третий день работы оии с криком стали просить проходившего мимо Суллу, чтобы ои вел их на врагов. Сулла ответнл, что слышит это ие от желающих сражаться, а от ие желающих работать, однако, если оии и в самом деле хотят боя, пусть сразу ндут с оружием туда — и он указал им на бывший акрополь Парапотамиев. Этот разрушеиный к тому времени город стоял иа крутом, скалистом холме; от горы Гедилия холм отделяет только река Асс, которая у самого подножия этого холма сливается с Кефисом, становясь от этого бурной и стремительной н превращая холм в природиое укрепление, подходящее для лагеря. Поэтому Сулла, заметивший, что иеприятельские «медные щиты» устремились к этой высоте, захотел предупредить их и овладеть ею первым. И он ею овладел, благодаря усердию своих солдат. А когда вытесиеиный оттуда Архелай двииулся на Хероиею, херонейцы, служившие в римском войске, обратились к Сулле с просьбой не оставлять их город в беде. Сулла послал туда одного из военных трибуиов, Габииия, с легноном и отпустил херонейцев, которые хотели было опередить Габння, но ие смогли. Вот как благороден был этот человек: не-

ся спасение, он превзошел усердием самих спасаемых. Юба, впрочем, говорит, что послан был не Габиний, а Эриций. Вот как близка была опасность, которой счастливо избег наш город.

XVII. ИЗ ЛЕБАДИИ римлянам были присланы благоприятные вещания Трофония и предсказания победы. Об этом у местных жителей существует множество рассказов, а в «Воспоминаниях» самого Суллы, в десятой книге, написано, что, когда Херонейское сражение было уже выиграно, к нему пришел Квинт Титий, человек отнюдь не безвестный среди тех, что вели торговые дела в Греции, и сообщил, что Трофоний предсказывает в ближайшее время и на том же месте еще одну битву и победу. После этого строевой солдат по имени Сальвиен принес от бога ответ, какой оборот примут дела в Италии. Об обличии бога оба рассказали одно и то же: он показался им прекрасным и великим, подобным Зевсу Олимпийскому.

Перейдя через Асс, Сулла расположился лагерем у подножия Гедилия против Архелая, соорудившего сильное укрепление между Аконтием и Гедилием. Место, где тот разбил свои шатры, и по сей день зовется Архелаем по его имени. Переждав один день, Сулла оставил здесь Мурену с легионом и двумя когортами, чтобы помешать врагу беспрепятственно выстроиться в боевой порядок, а сам принес у Кефиса жертвы и по окончании священнодействия двинулся к Херонее, где должен был принять стоявшее там войско и осмотреть так называемый Турий, захваченный к тому времени врагами. Турий — это скалистая вершина конусообразной горы, которую мы зовем Ортопагом, внизу под ним — речка Мол и храм Аполлона Турийского. Этим именем бог называется в память о Туро́, матери Херонда, который, как передают, основал Херонею. Другие, впрочем, рассказывают, что здесь явилась Кадму корова, данная ему в проводники Пифийским богом, и от нее место получило такое название: словом «тор» финикийцы обозначают корову.

Когда Сулла подходил к Херонее, военный трибун, которому было поручено командование в городе, во главе вооруженных воинов вышел навстречу, неся лавровый венок. Сулла принял венок, приветствовал

солдат и призвал их смело встретить опасность. После этого к нему обратились двое херонейцев — Гомолоих и Анаксидам, которые брались, получив от Суллы небольшое число солдат, выбить врагов, державших Турий. Есть, говорили они, тропинка, неизвестная неприятелю,— от так называемого Петраха мимо святилища Муз она выведет на Турий, так что окажешься прямо над головой у противника; пройдя по ней, нетрудно напасть на врагов и перебить их сверху камнями или согнать на равнину. Габиний засвидетельствовал мужество и верность этих людей, и Сулла велел им взяться за дело. А сам он выстроил пехотинцев и, распределив конницу по двум крыльям, правое принял сам, а левое передал Мурене. Легаты же Гальба и Гортензий с запасными когортами поставлены были в тылу на высотах, чтобы не допустить окружения: было видно, что неприятель, укрепив одно из своих крыльев многочисленной конницей и проворной легкой пехотой, сделал его гибким и подвижным, готовясь сильно растянуть его и обойти римлян.

XVIII. ТЕМ ВРЕМЕНЕМ херонейцы, во главе которых Сулла поставил Эриция, незаметно обойдя Турий и появившись перед варварами, привели их в сильное смятение и обратили в бегство. Многие погибли от руки товарищей, ибо понеслись вниз по склону, натыкаясь на собственные копья и сталкивая друг друга со скал, а неприятель, напиравший сверху, поражал их в спину, не защищенную доспехами, так что павшие при Турии исчисляются тремя тысячами. Из бежавших одни нашли свою гибель, встретившись с двигавшимся им наперерез Муреной, который уже выстроил своих в боевой порядок, а другие, кинувшись к своему лагерю и впопыхах налетев на фалангу, перепугали и привели в замешательство большинство солдат, военачальников же заставили потерять время, что принесло огромный вред, ибо Сулла, едва заметив смятение в рядах противника, тут же ударил и быстро преодолел расстояние, разделявшее оба войска, чем лишил силы серпоносные колесницы. Дело в том, что главное для этих колесниц — продолжительный разбег, который сообщает стремительность и мощь их прорыву сквозь непри-

тельские ряды, а на коротком расстоянии они бесполезны и бессильны, словно стрелы, пущенные из плохо натянутого лука. Так и вышло в тот раз у варваров, и римляне, отразив вялое нападение лениво двигавшихся первых колесниц, с рукоплесканиями и смехом потребовали новых, как они обычно делают на бегах в цирке. Затем в бой вступила пехота; варвары выставили вперед сариссы и, сдвинув щиты, пытались сохранить сомкнутый строй. Но римляне побросали свои дротики и обнаженными мечами отбивали вражеские копья, стремясь поскорее схватиться врукопашную, так как были охвачены гневом. Дело в том, что в первых рядах вражеского строя они увидели пятнадцать тысяч рабов, которых царские полководцы набрали по городам, объявили свободными и включили в число гоплитов. Какой-то римский центурион, говорят, сказал, что только на Сатурналиях случалось ему видеть, чтобы рабы пользовались свободой, да и то лишь в речах. Тем не менее благодаря глубине и плотности своего строя рабы слишком медленно уступали напору римской тяжелой пехоты и, вопреки своей природе, стояли отважно. Только множество дротиков и зажигательных стрел, пущенных римлянами из задних рядов, обратило их в беспорядочное бегство.

XIX. ТОГДА Архелай повел правое крыло в обход, а Гортензий послал для бокового удара свои когорты, двинувшиеся беглым шагом. Но Архелай быстро повернул против него две тысячи находившихся при нем всадников, и под натиском превосходящих сил противника Гортензию пришлось отойти к склону горы, а враги мало-помалу оттесняли его от основных сил римлян и захватывали в кольцо. Узнав об этом, Сулла бросил правое крыло, где бой еще не начался, и кинулся на помощь Гортензию. Но Архелай, догадавшись об этом перестроении по поднявшейся пыли, оставил Гортензия в покое, а сам повернул своих и устремился туда, откуда ушел Сулла, на правый фланг, чтобы в отсутствие командующего захватить римлян врасплох. В тот же миг и Мурена был атакован Таксилом с его «медными щитами», так что доносившиеся с двух сторон и отражавшиеся от окрестных гор крики остановили Суллу, который

ие мог решить, где его присутствне иужиее. Ои приял решенне вернуться на прежнее место, на помощь Мурене отправил Гортензия с четырьмя когортамн, а сам, приказав пятой следовать за собой, поспешнл на правый фланг, который и без него успешно выдерживал натиск Архелая. С появленнем Суллы враг был полностью сломлен, разбнт н бежал без оглядкн, а римляие гиалн беглецов до рекн и горы Акоитня. Сулла не кннул в опасиостн н Мурену, но устремнлся на подмогу его воииам, а увидав, что они уже одолевают иеприятеля, присоедииился к преследователям. Миогне нз варваров погибли на равиние, ио большинство было изрублеио во время бегства к лагерю, так что нз несметного множества нх лншь десять тысяч добрались до Халкнды. Сулла недосчитался, как ои сам рассказывает, четыриадцатн солдат, да и из тех двое к вечеру вериулись. Поэтому иа поставлениых им трофеях Сулла напнсал имена Марса, Победы и Венеры — в знак того, что своим успехом не менее обязан счастью, чем искусству и снле. Однн трофей, в память о сражеиии на равиние, Сулла поставнл там, где началось отступлеиие воинов Архелая, бежавшнх до ручья Мола, а другой воздвнгнут иа вершние Турия в память об окружениин варваров, и греческне письмена иа нем называют героев этого дела — Гомолоиха и Анаксидама.

Победу Сулла отпраздновал в Фивах, соорудив театр у Эднпова нсточнка. Судьямн на состязаннях былн греки, вызванные из другнх городов, так как к фнваицам Сулла питал иепрнмирнмую вражду и отрезал у иих половнну земли, посвятнв ее Пнфийскому и Олнмпнйскому богам и приказав, чтобы из доходов с этнх земель былн возмещены богам те деньгн, которые он взял.

XX. ПОСЛЕ этого Сулла, узнав, что принадлежавшнй к стаиу его протнвников Флакк нзбраи консулом н плывет с войском через Иоиийское море будто бы для борьбы с Мнтрндатом, а на деле — с инм, Суллою, двннулся иавстречу ему в Фессалню. Когда Сулла находнлся у города Мелитин, с разиых сторон сталн прнходнть вестн, что в тылу у него опять действует, опустошая все на своем путн, царская армия, численностью не уступающая прежней. В Халкиду

с множеством кораблей прибыл Дорилай, который привез восемьдесят тысяч отборных воинов Митридата, наилучшим образом обученных и привыкших к порядку и повиновению, тотчас вторгся в Беотию и овладел всей страной. Невзирая на сопротивление Архелая, Дорилай очень хотел принудить Суллу вступить в бой, а насчет предыдущего сражения говорил, что не без предательства, дескать, стала возможной гибель такого огромного войска. Впрочем, Сулла быстро вернулся и показал Дорилаю, что Архелай и разумен и хорошо знаком с доблестью римлян: после небольшой стычки с Суллой у Тилфоссия Дорилай сам оказался первым среди тех, кто предпочитал не решать дело битвой, но, затягивая войну, вынуждать противника к напрасной потере средств и времени. Тем не менее сама позиция придала решимость Архелаю, который расположился лагерем у Орхомена, ибо местность здесь представляла наилучшие условия для сражения тому, чья сила была в коннице. Среди всех равнин Беотии, отличающихся обширностью и красотой, лишь та, что примыкает к Орхомену, совершенно лишена деревьев и простирается до самых болот, в которых теряется река Мелан, берущая свое начало под городом орхоменцев. Это единственная из греческих рек, которая велика и судоходна в верховьях, а к летнему солнцестоянию разливается, подобно Нилу, и взращивает растения, подобные нильским,— только здесь они малорослы и не приносят плодов. Но протяженность ее невелика, почти вся вода вскоре теряется в глухих болотах, и лишь небольшая часть ее вливается в Кефис — как раз там, где на болоте больше всего тростника, который идет на флейты.

XXI. КОГДА обе армии стали лагерем поблизости одна от другой, Архелай расположился на отдых, а Сулла стал вести рвы с двух сторон, чтобы, если удастся, отрезать врагов от удобных для конницы мест с твердой почвой и оттеснить в болота. Враги, однако, этого не потерпели, но, получив от своих полководцев разрешение действовать, потоком хлынули на римлян и не только рассеяли тех, кого Сулла назначил на работы, но и смяли бóльшую часть выстроенного к бою войска, которое обратилось в бег-

ство. Тогда Сулла, спрыгнув с коня и схватив знамя, сам кинулся навстречу врагам, пробиваясь сквозь толпу бегущих и крича: «Римляне, здесь, видно, найду я прекрасную смерть, а вы запомните, что на вопрос: „Где предали вы своего императора?" — вам придется отвечать: „При Орхомене"». Слова эти заставили бегущих повернуть, и с правого крыла на помощь Сулле подошли две когорты, во главе которых он оттеснил врага. Затем, отведя своих чуть-чуть назад и дав им позавтракать, Сулла вновь принялся рыть ров перед вражеским лагерем. Противники снова атаковали — в более строгом порядке, чем прежде. В этой стычке на правом крыле погиб, сражаясь с замечательной доблестью, пасынок Архелая Диоген, а лучники, теснимые римлянами так, что не могли натянуть лук, пытались отразить противника, сжимая в кулаке пучок стрел и действуя им наподобие меча. Наконец их загнали в лагерь, и они провели тяжелую ночь, страдая от ран и горюя о погибших. На следующий день Сулла опять подвел своих солдат к вражескому лагерю и продолжил работу. Враги высыпали во множестве, готовые к сражению, Сулла напал на них и, обратив в бегство, взял штурмом лагерь, который остальные варвары, видя поражение своих, уже не отважились защищать. Кровь убитых наполнила болота, озеро было завалено трупами, и до сих пор, по прошествии почти двухсот лет, в трясине находят во множестве варварские стрелы, шлемы, обломки железных панцирей и мечи. Вот что, насколько нам известно, произошло у Херонеи и при Орхомене.

XXII. МЕЖДУ тем в Риме Цинна и Карбон чинили беззаконные насилия над знатнейшими людьми, и многие бежали от тирании, устремляясь, как в надежную гавань, в лагерь Суллы, так что недолгое время спустя вокруг него собралось подобие сената. К нему прибыла и Метелла, которая, взяв детей, с трудом выбралась из города. Она принесла Сулле весть о том, что дом и имения его сожжены недругами, и молила прийти на помощь оставшимся на родине. И вот, когда Сулла колебался, не зная, что предпринять (он не мог оставить отечество в беде, но и уходить, бросив неоконченным столь важное

начинание — войну против Митридата, не собирался), явился к нему делосский купец Архелай, который тайно привез многообещающие предложения от царского полководца Архелая. Это так обрадовало Суллу, что он поспешил встретиться с вражеским полководцем для переговоров. Встретились они у моря, близ Делия, где находится святилище Аполлона. Первым говорил Архелай; он убеждал Суллу оставить Азию и Понт и, взяв у царя деньги, триеры и сколько понадобится войска, плыть в Рим, чтобы начать войну со своими противниками. Сулла же, в свою очередь, советовал Архелаю не заботиться о Митридате, но, воцарившись вместо него, сделаться союзником римского народа и выдать флот. А когда Архелай отверг мысль о предательстве, Сулла сказал: «Так, значит, ты, Архелай, каппадокиец и раб, или, если угодно, друг царя-варвара, не соглашаешься на постыдное дело даже ради таких великих благ, а со мною, Суллою, римским полководцем, смеешь заводить разговор о предательстве. Будто ты не тот самый Архелай, что бежал от Херонеи с горсткой солдат, уцелевших от стадвадцатитысячного войска, два дня прятался в Орхоменских болотах и завалил все дороги Беотии трупами своих людей!» После этого Архелай стал вести себя по-другому и, простершись ниц, умолял Суллу прекратить военные действия и примириться с Митридатом. Сулла согласился, предложив такие условия мира: Митридат уходит из Азии и Пафлагонии, отказывается от Вифинии в пользу Никомеда и от Каппадокии в пользу Ариобарзана, выплачивает римлянам две тысячи талантов и передает им семьдесят обитых медью кораблей с соответствующим снаряжением, Сулла же закрепляет за Митридатом все прочие владения и объявляет его союзником римлян.

XXIII. ДОГОВОРИВШИСЬ с Архелаем, Сулла повернул назад и через Фессалию и Македонию двинулся к Геллеспонту вместе с Архелаем, которому оказывал все знаки уважения. Когда близ Лариссы Архелай опасно заболел, Сулла, прервав поход, заботился о нем, как об одном из собственных полководцев. Это внушало подозрения, что Херонейская битва не была честной. К тому же Сулла, отпустив из плена

захваченных им друзей Митридата, лишь тирана Аристиона, который был врагом Архелая, умертвил ядом. Наконец, что всего важнее, Сулла подарил Архелаю десять тысяч плетров земли на Эвбее и объявил его другом и союзником римского народа. Во всяком случае, сам Сулла в своих «Воспоминаниях» защищает себя от таких обвинений.

Вскоре прибыли послы от Митридата и сообщили, что он принимает все условия, но просит, чтобы у него не отбирали Пафлагонию, и с требованием о выдаче флота решительно не согласен. «Что вы говорите? — отвечал в гневе Сулла.— Митридат притязает на Пафлагонию и спорит о флоте? А я-то думал, что он поклонится мне в ноги, если я оставлю ему правую его руку, которою он погубил столько римлян? Но погодите, скоро я переправлюсь в Азию, и тогда он заговорит по-другому, а то сидит в Пергаме и отдает последние распоряжения в войне, которой и в глаза не видал!» Послы, напуганные, замолчали, Архелай же принялся умолять Суллу и старался смягчить его гнев, взяв его за правую руку и проливая слезы. Наконец он уговорил Суллу, чтобы тот послал к Митридату его самого: он-де добьется мира на тех условиях, каких хочет Сулла, а если не убедит царя, то покончит с собой. С тем Сулла его и отправил, а сам, вторгшись в страну медов и сильно опустошив ее, опять повернул в Македонию. Подле Филипп его поджидал Архелай с вестью, что все улажено и что Митридат очень просит Суллу встретиться с ним для переговоров. Главной причиной тому был Фимбрия, который, умертвив Флакка — консула, принадлежавшего к противникам Суллы, и победив Митридатовых полководцев, шел теперь на самого царя. Страшась его, Митридат предпочел добиваться дружбы Суллы.

XXIV. ИТАК, встреча состоялась в Дардане, что в Троаде. Митридата сопровождали двести военных кораблей, двадцать тысяч гоплитов, шесть тысяч всадников и множество серпоносных колесниц, Суллу — четыре когорты пехоты и двести всадников. Митридат вышел навстречу Сулле и протянул ему руку, но тот начал с вопроса, прекратит ли он войну на условиях, которые согласованы с Архелаем. Царь отвечал мол-

чанием, которое Сулла прервал словами: «Просители говорят первыми — молчать могут победители». Тогда Митридат, защищаясь, начал речь о войне, пытаясь одно приписать воле богов, а за другое возложить вину на самих римлян. Тут Сулла, перебив его, сказал, что он давно слыхал от других, а теперь и сам видит, сколь силен Митридат в красноречии: ведь, даже держа речь о таких подлых и беззаконных делах, он без всякого труда находит для них благовидные объяснения. Изобличив царя в совершенных им жестокостях и высказав свои обвинения, Сулла еще раз спросил, выполнит ли Митридат условия, договоренность о которых была достигнута через Архелая. Царь ответил, что выполнит, и только тогда Сулла приветствовал его и, обняв, поцеловал, а затем подвел к нему царей Ариобарзана и Никомеда и примирил его с ними. Наконец, передав Сулле семьдесят кораблей и пятьсот лучников, Митридат отплыл в Понт. Сулла чувствовал, что его воины возмущены мирным соглашением, ибо они считали для себя страшным позором то, что ненавистнейший из царей, по приказу которого в один день перерезаны сто пятьдесят тысяч живших в Азии римлян, беспрепятственно отплывает из Азии, с богатой добычей, взятой в этой стране, которую он в течение четырех лет не переставал грабить и облагать поборами. Поэтому Сулла стал оправдываться перед ними, говоря, что если бы Фимбрия и Митридат объединились против него, то воевать сразу с обоими было бы ему не по силам.

XXV. ВЫСТУПИВ против Фимбрии, который стоял лагерем у Тиатир, Сулла остановился поблизости и стал обводить свой лагерь рвом. Воины Фимбрии, выходя за частокол в одних туниках, приветствовали солдат Суллы и принимались усердно помогать им в работе. Сам Фимбрия, убедившись в измене и боясь Суллы, в котором видел непримиримого врага, покончил самоубийством в собственном лагере.

Азию же Сулла покарал общим штрафом в двадцать тысяч талантов, а кроме того, наглым вымогательством размещенных на постой солдат, разорил чуть не каждый частный дом. Было указано, что домохозяин обязан ежедневно выдавать своему постояльцу по четыре тетрадрахмы и кормить обедом его само-

го и его друзей, сколько бы тому ни вздумалось привести, а центурион получал пятьдесят драхм в день и одежду — отдельно для дома и для улицы.

XXVI. СУЛЛА отплыл из Эфеса со всеми кораблями и на третий день вошел в гавань Пирея. Его посвятили в таинства, и он забрал себе библиотеку теосца Апелликона, в которой были почти все сочинения Аристотеля и Теофраста, тогда еще мало кому известные. Когда библиотека была доставлена в Рим, грамматик Тираннион, как рассказывают, многое привел в порядок, а родосец Андроник, получив от Тиранниона копии привезенных книг, обнародовал их и составил указатели, которыми пользуются и поныне. Старшие же перипатетики сами по себе были, видимо, людьми умными и учеными, но из сочинений Аристотеля и Теофраста знали, кажется, немногое, и то не слишком хорошо, потому что наследство скепсийца Нелея, которому Теофраст оставил свои книги, досталось людям невежественным и безразличным к науке.

Сулла находился в Афинах, когда его стало мучить болезненное оцепенение и тяжесть в ногах — то, что Страбон называет «детским лепетом подагры». Перебравшись из-за этого в Эдепс, он лечился теплыми водами и развлекался, проводя время в обществе актеров. Раз, когда он прогуливался по берегу моря, какие-то рыбаки поднесли ему несколько великолепных рыб. Узнав, что рыбаки родом из Галеи, Сулла, обрадованный подарком, спросил: «Так кто-то из галейцев еще жив?» (Преследуя врага после победы при Орхомене, Сулла разрушил сразу три беотийских города — Анфедон, Ларимну и Галею.) У рыбаков от ужаса отнялся язык, но Сулла, улыбнувшись, разрешил им удалиться, не страшась за будущее: дескать, заступники, с которыми они к нему пришли, неплохи и заслуживают внимания. Говорят, что после этого галейцы, осмелев, вернулись в свой город.

XXVII. А СУЛЛА, спустившись через Фессалию и Македонию к морю, готовился на тысяче двухстах кораблях переправиться из Диррахия в Брундизий. Невдалеке от Диррахия расположена Аполлония, а с нею рядом Нимфей — священное место, где в горах, среди зелени лесов и лугов, бьют источники неугасимого огня. Рассказывают, что здесь поймали спящего

сатира, такого, каких изображают ваятели и живописцы. Его привели к Сулле и, призвав многочисленных переводчиков, стали расспрашивать, кто он такой. Но он не произнес ничего вразумительного, а только испустил грубый крик, более всего напоминавший смесь конского ржания с козлиным блеянием. Напуганный Сулла велел прогнать его с глаз долой.

Собираясь перевезти воинов через море, Сулла боялся, как бы, достигнув Италии, они не разбрелись по своим городам. Но они по собственному почину принесли клятву не расходиться и самовольно не чинить в Италии никаких насилий, а затем, видя, что Сулла нуждается в больших деньгах, устроили сбор пожертвований и вносили каждый по своим возможностям. Сулла, правда, не принял пожертвований, но похвалил своих людей за усердие, ободрил их, а затем, как он сам рассказывает, приступил к переправе, чтобы выступить против пятнадцати неприятельских полководцев, располагавших четырьмястами пятьюдесятью когортами. Божество недвусмысленно возвестило ему удачу, ибо когда, только что переправившись, он совершал близ Тарента жертвоприношение, на печени жертвенного животного увидели очертания лаврового венка с двумя лентами. А незадолго до переправы близ горы Тифаты в Кампании средь бела дня появились два огромных козла; они дрались, воспроизводя все движения людей в бою. Но то было лишь видение: мало-помалу поднимаясь от земли, оно расплылось в воздухе, подобно неясным теням, и, наконец, исчезло. Спустя недолгое время на этом самом месте, куда Марий-младший и консул Норбан привели большие силы, Сулла, даже не выстроив и не разделив войско на отряды, но положившись на всеобщее воодушевление и единодушный порыв отваги, обратил врагов в бегство и, перебив семь тысяч, загнал Норбана в город Капую. Это, по словам Суллы, и послужило причиной тому, что воины его не разошлись по городам, но остались в строю и исполнились презрения к противнику, гораздо более многочисленному. В Сильвии, рассказывает Сулла, повстречался ему раб некоего Понтия, одержимый божественным наитием, и сказал, что его устами Беллона возвещает Сулле успех и победу в этой войне, но, если Сулла

не поторопится, сгорит Капитолий, что и случилось в предсказанный рабом день, а именно накануне квинтильских (или, как мы теперь их называем, июльских) нон.

А вот что произошло с Марком Лукуллом, одним из полководцев Суллы. Он стоял у Фидентии с шестнадцатью когортами против пятидесяти когорт противника, и хотя видел боевой пыл своих воинов, не решался начать сражение, так как многие из его людей были безоружны. Пока он медлил и раздумывал, подул мягкий, ласковый ветерок и осыпал войско дождем цветов, принесенных с соседнего луга, и цветы сами собою так легли на щиты и шлемы воинов, что врагам показалось, будто бы это венки. Воодушевленные этим, воины Лукулла начали сражение и, перебив восемнадцать тысяч, захватили неприятельский лагерь. Этот Лукулл приходился братом тому, который впоследствии победил Митридата и Тиграна.

XXVIII. ВСЕ ЕЩЕ видя себя окруженным многочисленными лагерями и значительными силами противника, а потому, действуя как оружием, так и хитростью, Сулла пригласил к себе для мирных переговоров второго консула — Сципиона. Тот принял его приглашение, начались встречи и совещания, но Сулла, постоянно находя новые предлоги, все откладывал окончательное решение, а тем временем разлагал солдат Сципиона с помощью собственных воинов, которые были столь же искусны во всякого рода хитростях и кознях, как и сам их полководец. Они приходили в лагерь к неприятелям и, оказываясь среди них, одних сразу сманивали деньгами, других обещаниями, третьих лестью и уговорами. Наконец Сулла с двадцатью когортами подошел вплотную к лагерю Сципиона. Солдаты Суллы приветствовали солдат Сципиона, а те ответили на приветствие и присоединились к ним. Покинутый Сципион был схвачен в своей палатке, но отпущен, а Сулла, который, как на подсадных птиц, приманил на свои двадцать когорт сорок неприятельских, увел всех в свой лагерь. Вот почему Карбон, говорят, сказал, что, воюя с жившими в душе Суллы лисицей и львом, он больше терпел от лисицы.

После этого при Сигнии Марий, у которого было восемьдесят пять когорт, стал вызывать Суллу на бой.

Сулла и сам жаждал сражения именно в этот деиь, потому что увидел такой сон: приснилось ему, что старик Марий, давно уже умерший, советует Марию, своему сыну, остерегаться иаступающего дня, который-де несет ему тяжкую неудачу. Поэтому Сулла жаждал боя и послал за Долабеллой, чей лагерь находился поодаль. Но так как дороги были заняты врагами, преграждавшимн путь Сулле, солдаты его, с боем прокладывая себе дорогу, устали, а заставший их за этими трудами ливень измучил их окончательно. Центурионы подошли к Сулле и указали ему на солдат, которые, не держась на ногах от усталостн, отдыхали на земле, подложив под себя щиты, и просили отложить сраженне. Но когда Сулла нехотя согласился, а солдаты стали насыпать вал для лагеря и рыть ров, на них напал Марий. Гордо скакал ои перед строем, надеясь, что рассеет войско, в котором царит замешательство и беспорядок. И тут волею божества совершилось то, о чем Сулла слышал во сне. Гнев овладел его солдатами и, бросив работу и воткнув свои копья в землю подле рва, они выхватили мечи и вступили в рукопашный бой с противниками. Те долго не продержались, но обратились в бегство, и множество их было убито. Марнй бежал в Пренесту, но нашел ворота уже запертыми. Он обвязался спущенною ему веревкой н был поднят на стену. Некоторые (в их числе и Фенестелла) говорят, что Марий и не заметил, как началось сражение: отдав все распоряжения, измученный бессонницей н усталый, он прилег на землю и заснул где-то в тени; лишь потом, когда началось бегство, его с трудом разбудили. В этом сражении Сулла, говорят, потерял только двадцать трн человека, а врагов перебнл двадцать тысяч. Столь же успешны были н действия его полководцев — Помпея, Красса, Метелла, Сервнлия. Не потерпев почти ни одной неудачи,— разве что самые незначительные,— они сокрушилн большие силы врагов, так что глава стана противников, Карбон, ночью сбежал от собственного войска и отплыл в Африку.

XXIX. НО В ПОСЛЕДНЕМ сраженни самниту Телезину, который напал на Суллу, как запасной борец на утомленного атлета, едва не удалось разбить и уиичтожить его у самых ворот Рима. Дело было так. Соб-

рав большой отряд, Телезин вместе с луканцем Лампоинем спешил к Пренесте, чтобы освободнть от осады Марня, но тут узнал, что навстречу ему уже двнжется Сулла, а с тыла подходнт Помпей. Нн вперед, нн назад путн не было, н Телезнн, опытный воин, нспытанный в тяжелых боях, снявшнсь иочью с лагеря, тронулся со всеми войскамн прямо к Рнму. Еще немного — и он ворвался бы в беззащнтный город. Но, не доходя десятн стаднев до Коллннскх ворот, Телезин, высоко занесясь в своих надеждах и гордясь тем, что столько полководцев (н каких) сталн жертвами его хитростн, сделал прнвал. С рассветом протнв него выступнл конный отряд, составленный из зиатнейшнх юношей города. Многне нз ннх были убнты и среди другнх благородный и прекрасиый человек Аппий Клавдий. В городе иачалось обычное в такнх случаях смятение — крики женщин, беспорядочная беготия, как будто он был уже взят прнступом, и тут рнмляне увндели Бальба: гоня во весь опор, он прнскакал от Суллы с семьюстами всаднннков. Остановнвшись ненадолго, чтобы дать передышку взмыленным коням, он прнказал поскорее взнуздать их снова и иапал на противннка. Тем временем появнлся н сам Сулла. Он велел своим передовым, не теряя временн, завтракать и принялся строить боевую линию. Долабелла н Торкват упрашнвалн его подождать, ие идтн с усталыми солдатами на крайне рискованное дело (ведь не с Карбоном н Марнем предстояло им сражаться, а с самннтами н луканцамн, самымн лютыми врагамн Рнма и самыми воннственнымн племенамн), ио он ие внял их просьбам и распорядилcя протрубнть сигнал к нападенню, хотя уже перевалнло за девятый час дня. Началось сраженне, какнх дотоле не бывало. На правом крыле, куда был поставлен Красс, дела шли блестяще н римляне побеждали, но левому прнходнлось худо, и Сулла кинулся туда на выручку. Под ннм был белый конь, горячнй н очень резвый,— по этому-то коню узнали его двое из врагов и направили на него свон копья. Сам Сулла этого ие заметил, но его конюх успел хлестнуть коия и заставить его отскочнть как раз настолько, чтобы копья воткнулнсь в землю у самого хвоста. Рассказывают, что у Суллы было золотое изваяньнце Аполлона, вывезеиое нз

Дельф, которое он в сражениях всегда носил спрятанным на груди, а в этот раз, целуя его, обратился к нему со словами: «О Аполлон Пифийский, ты, кто в стольких сражениях прославил и возвеличил счастливого Суллу Корнелия, кто довел его до ворот родного города, неужели ты бросишь его теперь вместе с согражданами на позорную гибель?». Воззвав в таких словах к богу, Сулла, как рассказывают, принялся одних умолять, другим угрожать, третьих стыдить. Наконец, когда левое крыло все же было разбито, он, смешавшись с бегущими, укрылся в лагере, потеряв много товарищей и близких. Немало римляи, которые вышли поглядеть на сражение, тоже нашли свою гибель под копытами лошадей, так что с городом, казалось, было уже покончено, и немногого не доставало, чтобы Марий освободился от осады. Многие из беглецов кинулись к Пренесте и советовали Лукрецию Офелле, оставленному для руководства осадой, немедля сниматься с лагеря, так как Сулла-де погиб и Рим в руках неприятеля.

XXX. НО УЖЕ глубокой ночью в лагерь Суллы прибыли люди Красса за продовольствием для него и его воинов, которые после одержанной победы преследовали врагов до самой Антемны, и там же расположились лагерем. Выслушав это известие и узнав, что бóльшая часть врагов погибла, Сулла с рассветом пришел к Антемне. Три тысячи неприятелей прислали к нему вестника с просьбой о пощаде, и Сулла обещал им безопасность, если они явятся к нему, прежде нанеся ущерб остальным его врагам. Те поверили, напали на своих, и многие с обеих сторон полегли от рук недавних товарищей. Однако всех уцелевших, как из нападавших, так и из защищавшихся, всего около шести тысяч, Сулла собрал у цирка, а сам созвал сенаторов на заседание в храм Беллоны. И в то самое время, когда Сулла начал говорить, отряженные им люди принялись за избиение этих шести тысяч. Жертвы, которых было так много и которых резали в страшной тесноте, разумеется, подняли отчаянный крик. Сенаторы были потрясены, но уже державший речь Сулла, нисколько не изменившись в лице, сказал им, что требует внимания к своим словам, а то,

что происходит снаружи, их не касается: там-де по его повелению вразумляют кое-кого из негодяев.

Тут уж и самому недогадливому из римлян стало ясно, что произошла смена тиранов, а не падение тирании. Марий с самого начала был крутого нрава, и власть лишь усугубила его прирожденную свирепость, а не изменила его естество. Сулла же, напротив, вкусив счастья, сперва вел себя умеренно и просто, его стали считать и вождем знати и благодетелем народа, к тому же он с молодых лет был смешлив и столь жалостлив, что легко давал волю слезам. Он по справедливости навлек на великую власть обвинение в том, что она не дает человеку сохранить свой прежний нрав, но делает его непостоянным, высокомерным и бесчеловечным. В чем тут причина: счастье ли колеблет и меняет человеческую природу или, что вернее, полновластье делает явными глубоко спрятанные пороки,— это следовало бы рассмотреть в другом сочинении.

XXXI. ТЕПЕРЬ Сулла занялся убийствами, кровавым делам в городе не было ни числа, ни предела, и многие, у кого и дел-то с Суллой никаких не было, были уничтожены личными врагами, потому что, угождая своим приверженцам, он охотно разрешал им эти бесчинства. Наконец, один из молодых людей, Гай Метелл, отважился спросить в сенате у Суллы, чем кончится это бедствие и как далеко оно должно зайти, чтобы можно стало ждать прекращения того, что теперь творится. «Ведь мы просим у тебя,— сказал он,— не избавления от кары для тех, кого ты решил уничтожить, но избавления от неизвестности для тех, кого ты решил оставить в живых». На возражение Суллы, что он-де еще не решил, кого прощает, Метелл ответил: «Ну так объяви, кого ты решил покарать». И Сулла обещал сделать это. Некоторые, правда, приписывают эти слова не Метеллу, а какому-то Фуфидию, одному из окружавших Суллу льстецов. Не посоветовавшись ни с кем из должностных лиц, Сулла тотчас составил список из восьмидесяти имен. Несмотря на всеобщее недовольство, спустя день он включил в список еще двести двадцать человек, а на третий — опять по меньшей мере столько же. Выступив по этому поводу с речью перед народом, Сулла

сказал, что он переписал тех, кого ему удалось вспомнить, а те, кого он сейчас запамятовал, будут внесены в список в следующий раз. Тех, кто принял у себя или спас осужденного, Сулла тоже осудил, карой за человеколюбие назначив смерть и не делая исключения ни для брата, ни для сына, ни для отца. Зато тому, кто умертвит осужденного, он назначил награду за убийство — два таланта, даже если раб убьет господина, даже если сын — отца. Но самым несправедливым было постановление о том, что гражданской чести лишаются и сыновья и внуки осужденных, а их имущество подлежит конфискации. Списки составлялись не в одном Риме, но в каждом городе Италии. И не остались не запятнанными убийством ни храм бога, ни очаг гостеприимца, ни отчий дом. Мужей резали на глазах жен, детей — на глазах матерей. Павших жертвою гнева и вражды было ничтожно мало по сравнению с теми, кто был убит из-за денег, да и сами каратели, случалось, признавались, что такого-то погубил его большой дом, другого — сад, а иного — теплые воды. Квинт Аврелий, человек, чуждавшийся государственных дел, полагал, что беда касается его лишь постольку, поскольку он сострадает несчастным. Придя на форум, он стал читать список и, найдя там свое имя, промолвил: «Горе мне! За мною гонится мое альбанское имение». Он не ушел далеко, кто-то бросился следом и прирезал его.

XXXII. ТЕМ ВРЕМЕНЕМ Марий-младший, чтобы избежать плена, покончил с собой. Сулла прибыл в Пренесту и приступил к расправе: сперва он выносил приговор каждому в отдельности, а затем, не желая тратить времени, распорядился всех пренестинцев (их было двенадцать тысяч) собрать вместе и перерезать. Он подарил прощение лишь хозяину дома, где остановился. Но тот, с большим благородством сказав Сулле, что никогда не захочет быть благодарным за спасение своей жизни палачу родного города, постарался затеряться среди сограждан и добровольно погиб вместе с ними. Самым неслыханным, однако, был, видимо, случай с Луцием Катилиной. Еще до того, как положение в государстве определилось, он убил своего брата, а теперь просил Суллу внести убитого в список, словно живого, что и было сделано. В благо-

дарность за это Катилина убил иекоего Марка Мария, человека из стана протнвников Суллы. Голову его он поднес сндевшему на форуме Сулле, а сам подошел к иаходнвшемуся поблнзостн храму Аполлона н умыл руки в священной кропнльиице.

XXXIII. НО, НЕ ГОВОРЯ об убийствах, и остальные поступкн Суллы тоже ннкого не радовалн. Он провозгласнл себя днктатором, по прошествин ста двадцатн лет восстановив эту должность. Было постановлено, что он не несет иикакой ответственности за все происшедшее, а иа будущее получает полиую власть карать смертью, лишать нмущества, выводнть колонии, основывать и разрушать города, отбнрать царства н жаловать нх кому вздумается.

Сидя на своем кресле, он с такнм высокомерным самоуправством проводил распродажи конфискованых имуществ, что, отдавая нх почтн задаром, вызывал еще большее озлобленне, чем отбнрая, так как краснвым женщннам, певцам, мнмнческим актерам н подонкам нз вольноотпущеиннков он жаловал землн целых народов и доходы целых городов, а нным из своих приблнжеиных — даже жен, совсем ие жаждавшнх такого брака. Так было с Помпеем Великим: желая с ннм породнnться, Сулла предпнсал ему дать прежней жеие развод, а в дом его ввел дочь Скавра и своей жены Метеллы, Эмилию, которую беременной разлучнл с Маннем Глабрноиом. У Помпея она н умерла от родов.

Лукреций Офелла, тот, что успешно осаждал Мария в Преиесте, стал домогаться консульства н выступил соискателем. Сулла сперва старался не допустить этого. Но, когда Офелла, пользуясь поддержкой толпы, ворвался на форум, Сулла послал одного нз своих цеитурноиов зарезать его, а сам, сндя на своем кресле в храме Диоскуров, с высоты иаблюдал за убийством. Людн схватнлн цеитурноиа н прнвелн его к креслу Суллы, но тот велел возмущеиным замолчать и сказал, что так распорядился ои сам, а центурноиа приказал отпустнть.

XXXIV. ЗАХВАЧЕННАЯ у Мнтрндата добыча, велнколепная и дотоле невиданиая, прндавала трнумфу Суллы особую пышность, но еще более ценным украшеинем триумфа н поистине прекрасным зрелнщем

былн изгианнини. Самые знатные н могущественные нз граждан, увенчанные, сопровождалн Суллу, величая его спасителем н отцом, потому что н вправду благодаря ему вернулнсь онн на роднну, прнвезлн домой детей н жен.

Когда торжество уже было закончено, Сулла, выступнв перед народом, стал перечислять свон деяння, подсчитывая свон удачи с не меньшнм тщаннем, чем подвнгн, н в заключенне повелел нменовать себя Счастлнвым — нменно таков должен быть самый точный перевод слова «Фелнкс» [Felix]. Сам он, впрочем, перепнсываясь н ведя дела с грекамн, называл себя Любнмцем Афроднты. И на трофеях его в нашей земле напнсано: «Луцнй Корнелнй Сулла Любнмец Афродиты». А когда Метелла роднла двойню, он назвал мальчнка Фавстом, а девочку Фавстой, потому что у рнмлян слово «фавстон» [faustum] значнт «счастлнвое», «радостное». И настолько вера Суллы в свое счастье превосходнла веру его в свое дело, что после того, как такое множество людей было нм перебнто, после того, как в городе пронзошлн такне перемены н преобразовання, он сложнл с себя власть н предоставил народу распоряжаться консульскнми выборами, а сам не приинял в них участня, но присутствовал на форуме как частное лнцо, показывая свою готовность дать отчет любому, кто захочет. К неудовольствию Суллы, нанболее вероятным было нзбранне в консулы Марка Лепнда. Этот дерзкнй человек и недруг Суллы достиг такого успеха не собственными снламн, а с помощью Помпея, который пользовался расположеннем народа н проснл за Лепнда. Поэтому Сулла, увндав ндущего с выборов Помпея, который радовался своей победе, подозвал его и сказал: «Как хорошо, мальчнк, разобрался ты в государственных делах, проведя на должность Лепнда впереди Катула, человека шального впереди достойного. Теперь уж тебе не спать спокойно — ты сам создал себе сопернтка». Этн слова оказалнсь как бы пророческнми. Вскоре Лепнд, прнсполннвшнсь гордыней, начал войну протнв Помпея.

XXXV. ПОЖЕРТВОВАВ Геркулесу десятую часть своего нмущества, Сулла с большой расточительностью стал задавать пнры для народа. Излншек заготовленных припасов был так велнк, что каждый день

много еды вываливали в реку, а вино пили сорокалетнее и еще более старое. В разгар этого затянувшегося на много дней пиршества заболела и умерла Метелла. Сулла, которому жрецы не разрешали ни подходить к умирающей, ни осквернять свой дом похоронами, написал Метелле разводное письмо и велел, пока она еще жива, перенести ее в другой дом. Так из суеверного страха Сулла неукоснительно исполнил все предусмотренное обычаями, но, не поскупившись в затратах на похороны, он преступил закон об ограничении расходов на погребение, внесенный им самим. Преступал он и собственные постановления об умеренности в еде, стремясь рассеять свою печаль в попойках и пирушках, лакомясь изысканными кушаньями и слушая болтовню шутов. Несколько месяцев спустя на гладиаторских играх — в ту пору места в театре еще не были разделены и женщины сидели вперемежку с мужчинами — случайно поблизости от Суллы села женщина по имени Валерия, красивая и знатная родом (она приходилась дочерью Мессале и сестрою оратору Гортензию), недавно разведенная с мужем. Проходя мимо Суллы, за его спиною, она, протянув руку, вытащила шерстинку из его тоги и проследовала на свое место. На удивленный взгляд Суллы Валерия ответила: «Да ничего особенного, император, просто и я хочу для себя малой доли твоего счастья». Сулле приятно было это слышать, и он явно не остался равнодушен, потому что через подосланных людей разузнал об имени этой женщины, выведал, кто она родом и как живет. После этого пошли у них перемигивания, переглядывания, улыбки, и все кончилось сговором и браком. Валерии все это, быть может, и не в укор, но Суллу к этому браку — пусть с безупречно целомудренной и благородною женщиной — привели чувства отнюдь не прекрасные и не безупречные; как юнец, он был покорен смелыми взглядами и заигрываниями — тем, что обычно порождает самые позорные и разнузданные страсти.

XXXVI. ВПРОЧЕМ, и поселив Валерию в своем доме, он не отказался от общества актрис, актеров и кифаристок. С самого утра он пьянствовал с ними, валяясь на ложах. Ведь кто в те дни имел над ним власть? Прежде всего комический актер Росций, пер-

вый мим Сорик и изображавший на сцене женщин Метробий, которого Сулла, не скрываясь, любил до конца своих дней, хотя тот и постарел.

Все это питало болезнь Суллы, которая долгое время не давала о себе знать,— он вначале и не подозревал, что внутренности его поражены язвами. От этого вся его плоть сгнила, превратившись во вшей, и хотя их обирали день и ночь (чем были заняты многие прислужники), все-таки удалить удавалось лишь ничтожную часть вновь появлявшихся. Вся одежда Суллы, ванна, в которой он купался, вода, которой он умывал руки, вся его еда оказывались запакощены этой пагубой, этим неиссякаемым потоком — вот до чего дошло. По многу раз на дню погружался он в воду, обмывая и очищая свое тело. Но ничто не помогало. Справиться с перерождением из-за быстроты его было невозможно, и тьма насекомых делала тщетными все средства и старания.

Говорят, что в далекой древности вшивая болезнь погубила Акаста, сына Пелия, а позднее поэта и певца Алкмана, богослова Ферекида, Каллисфена Олинфского, брошенного в темницу, а также юриста Муция. Если же сюда добавить и тех, кто не прославился ничем полезным, но все же приобрел известность, то упомянем и беглого раба по имени Эвн, который начал рабскую войну в Сицилии; пойманный и привезенный в Рим, он умер от вшивой болезни.

XXXVII. СУЛЛА не только предчувствовал свою кончину, но даже писал о ней. За два дня до смерти он завершил двадцать вторую книгу «Воспоминаний», где говорит, будто халдеи предсказали ему, что, прожив прекрасную жизнь, он умрет на вершине счастья. Там же Сулла рассказывает, что ему явился во сне его сын, умерший немного раньше Метеллы. Дурно одетый, он, стоя у ложа, просил отца отрешиться от забот, уйти вместе с ним к матери, Метелле, и жить с нею в тишине и покое. Однако Сулла не оставил занятий государственными делами. Так, за десять дней до кончины он установил в Дикеархии мир между враждовавшими сторонами и на будущее написал для ее жителей закон об управлении городом. А за день до кончины ему стало известно, что Граний, занимавший одну из высших должностей в городе, ожи-

дая смерти Суллы, не возвращает казне денег, которые задолжал. Сулла вызвал его к себе в опочивальню, и, окружив своими слугами, велел удавить. От крика и судорог у Суллы прорвался гнойник, и его обильно вырвало кровью. После этого силы покинули его, и, проведя тяжелую ночь, он умер, оставив после себя двоих еще несмышленых детей от Метеллы. Валерия после его смерти родила дочку, которую назвали Постумой. Такое имя римляне дают тем, кто появляется на свет после смерти отца.

XXXVIII. МНОГИЕ поднялись и сплотились вокруг Лепида, чтобы лишить тело Суллы подобающего погребения. Но Помпей, хотя и был недоволен Суллой (из своих друзей тот обошел в завещании его одного), преодолел сопротивление одних просьбами и обходительными речами, на других воздействовал угрозами и, доставив тело в Рим, дал возможность похоронить его без помех и с почестями. Рассказывают, что женщины принесли Сулле столько благовоний, что они заняли двести десять носилок, а кроме того, из драгоценного ладана и киннамона было изготовлено большое изображение самого Суллы и изображение ликтора. День с утра выдался пасмурный, ждали дождя, и погребальная процессия тронулась только в девятом часу. Но сильный ветер раздул костер, вспыхнуло жаркое пламя, которое охватило труп целиком. Когда костер уже угасал и огня почти не осталось, хлынул ливень, не прекращавшийся до самой ночи, так что счастье, можно сказать, не покинуло Суллу даже на похоронах.

Надгробный памятник Сулле стоит на Марсовом поле. Надпись для него, говорят, написана и оставлена им самим. Смысл ее тот, что никто не сделал больше добра друзьям и зла врагам, чем Сулла.

[СОПОСТАВЛЕНИЕ]

XXXIX (I). ТЕПЕРЬ, когда жизнь Суллы тоже рассказана нами, приступим к сопоставлению. Так вот, оба они, и Лисандр и Сулла, сходным образом достигли величия, сами положив начало своему возвыше-

нию, но только Лисандр получал должности по доброй воле граждан правильно устроенного государства, ничего не домогаясь насилием, вопреки их желанию, и не основывал свое могущество на нарушении законов.

Часто при распрях почет достается в удел негодяю.

Именно так в Риме в те времена, при полной развращенности народа и болезненном расстройстве государственной жизни, появляется то один, то другой могущественный властитель, и нет ничего удивительного в том, что Сулла пришел к власти, если Главции и Сатурнины изгоняли из города Метеллов, если в Народном собрании убивали консульских сыновей, если чуть что брались за оружие, серебром и золотом подкупая воинов, огнем и мечом устанавливая законы, силой подавляя несогласных. Я не обвиняю того, кто при таких обстоятельствах достиг высшей власти, но не считаю, что, когда дела в государстве так плохи, стать первым — значит быть лучшим. Напротив, Лисандр, которого Спарта, где царили тогда порядок и благоразумие, отправляла предводителем в самые важные походы и поручала ему самые важные дела, почитался едва ли не лучшим из лучших и первым из первых. Поэтому он не раз возвращал свою власть гражданам и не раз получал ее вновь, ведь честь, воздававшаяся его доблести и обеспечивавшая ему первенство, всегда оставалась при нем. А Сулла, раз только поставленный над войском, десять лет подряд не выпускал из рук оружия, назначая себя то консулом, то проконсулом, то диктатором и всегда оставаясь тираном.

XL (II). И ЛИСАНДР, правда, как было сказано, намеревался изменить государственный строй, но более мягкими и законными способами, чем Сулла, воздействуя убеждением, а не силой оружия, и не опрокидывая все разом, как тот, а изменив к лучшему самый порядок поставления царей, впрочем, и естественная справедливость, казалось, требовала, чтобы городом, стоявшим во главе Эллады, правил лучший из лучших в силу высоких нравственных качеств, а не родовитости. Ведь и охотник ищет собаку, а не щенков от той или иной суки, и всадник — коня, а не по-

томство от той или иной кобылы (а что как от кобылы родится мул?). Точно так же и для государственного мужа самой большой ошибкой будет думать не о том, что́ за человек правитель, а о том, от кого он происходит. Спартанцы и сами лишали власти иных царей за то, что те были не настоящими царями, а жалкими ничтожествами. А если порок заслуживает презрения невзирая на знатность рода, то не в силу благородства происхождения, а сама по себе почтенна добродетель.

Далее, один бывал несправедлив ради друзей, а другой — и к друзьям. Лисандр, по общему мнению, больше всего дурных поступков совершил из-за друзей и больше всего убийств — чтобы утвердить их господство и тираническую власть. Сулла же и у Помпея, завидуя ему, отобрал войско, и у Долабеллы, сперва поручив ему флот, пытался потом отнять командование, и Лукреция Офеллу, который за многие и важные свои заслуги хотел получить консульство, приказал зарезать у себя на глазах. Так, уничтожая самых близких себе людей, Сулла заставлял всех смотреть на него со страхом и трепетом.

XLI (III). РАЗЛИЧНОЕ отношение Лисандра и Суллы к наслаждениям и деньгам еще яснее показывает, что один предпочитал действовать, как подлинный правитель, а другой — как тиран. Первый при всей своей неограниченной власти и могуществе ни разу, кажется, не позволил себе никакой распущенности, ни одной мальчишеской выходки, и уж если к кому из спартанцев не приложима поговорка

Хоть дома львы, да в поле лисы хитрые,

так это к нему — настолько скромно, воздержно, истинно по-лаконски вел он себя повсюду. А желания Суллы не умерялись ни бедностью в юности, ни возрастом в старости, и, как говорит Саллюстий, он, вводя для сограждан законы о браке и умеренности, сам предавался сластолюбию и распутству. Этим Сулла настолько истощил и опустошил государственную казну, что стал за деньги продавать союзным и дружественным городам свободу и самоуправление, хотя каждый день конфисковывал и назначал к торгам имущество самых богатых и знатных домов. Но ника-

кого счета не было тому, что он расточал на льстецов. Да и можно ли было ждать, чтобы в тесном кругу, за вином и развлечениями, оказался хоть мало-мальски расчетливым и бережливым тот, кто однажды, в присутствии целой толпы народа продавая большое имение, нисколько не таясь, приказал отдать его одному из своих друзей за первую же цену, которую тот назвал, а когда кто-то другой предложил больше и глашатай объявил о надбавке, разгневался и сказал: «Друзья-сограждане, меня притесняют жестоко и тиранически! Неужели мне не позволено распоряжаться моей добычей, как я хочу?» Лисандр же, напротив, даже поднесенные лично ему подарки вместе со всем прочим добром отослал согражданам. Поступок этот я, кстати сказать, не одобряю, потому что равный вред нанесли своим городам и Лисандр, который добывал деньги для Спарты, и Сулла, который грабил Рим, но хочу о нем упомянуть, ибо он показывает, что человек этот был чужд корыстолюбия. В том, что касалось родного города, у каждого из них была своя беда. Сулла наставлял сограждан в умеренности, сам будучи невоздержан и расточителен, а Лисандр населил свой город страстями, от которых сам был свободен; стало быть, вина одного в том, что он сам был хуже собственных законов, а другого в том, что он делал сограждан хуже, чем был сам. Да, ибо Лисандр научил Спарту чувствовать нужду в том, в чем сам умел нужды не чувствовать. Вот каковы они были в делах гражданских.

XLII(IV). ЧТО ЖЕ до дел военных, до битв, успехов полководца, грозных опасностей и числа воздвигнутых трофеев, то здесь Лисандр вообще не выдерживает сравнения с Суллой. Правда, Лисандр одержал две победы в двух морских сражениях. Прибавим сюда осаду Афин — дело само по себе не столь уж великое, но превознесенное молвой. То, что случилось в Беотии при Галиарте, произошло, быть может, из-за неудачного стечения обстоятельств, но скорее из-за нерасчетливости: Лисандр не стал ждать большого войска во главе с царем, которое вот-вот должно было прийти из Платей, но в гневе, побуждаемый честолюбием, не вовремя бросился к стене и пал совершенно бессмысленно в результате случайной вылазки вра-

гов. Не отбиваясь от могучего противника, как Клеомброт при Левктрах, не тесня отступающих и тем упрочивая свою победу, как Кир или Эпаминонд, получил Лисандр смертельный удар. И если те умерли смертью царей и полководцев, то Лисандр пожертвовал собою без славы, погибнув подобно простому пехотинцу из передового отряда и на собственном примере показав, что древние спартанцы справедливо опасались сражений под стенами города, где от руки случайного человека и даже ребенка или женщины иной раз гибнет сильнейший воин, подобно тому как Ахилл, говорят, был убит Парисом в воротах. А сколько побед в открытом бою одержал Сулла, сколько десятков тысяч врагов он истребил, не легко и сосчитать. Самый Рим он брал дважды, и Пирей, афинскую гавань, он взял не измором, как Лисандр, но после многих и великих битв, сбросив Архелая в море.

Важно сравнить и противников Суллы и Лисандра. Мне кажется, что развлечением, детской забавою было воевать на море с Антиохом, кормчим Алкивиада, или дурачить вожака народа в Афинах Филокла, который

Бесчестным плутом был, да острым на язык.

Ведь таких людей Митридат не счел бы возможным равнять со своим конюхом, а Марий — со своим ликтором! Но, обходя молчанием всех прочих поднявшихся против Суллы властителей, консулов, полководцев, народных вожаков, я хочу спросить только одно: кто среди римлян был грознее Мария, среди царей — могущественнее Митридата, среди италийцев — воинственнее Лампония и Телезина? Сулла же первого изгнал, второго покорил, а двух последних убил.

XLIII (V). НО ВАЖНЕЕ всего сказанного, по-моему, то, что Лисандру во всех его начинаниях сопутствовала помощь соотечественников, а Сулла был изгнанником, был побежден врагами. И в то самое время, как преследовали его жену, сравнивали с землею его дом, убивали его друзей, он, сражаясь в Беотии против бесчисленных полчищ и подвергаясь опасности ради отечества, воздвиг трофей и не сделал никакой уступки, не оказал никакого снисхождения Митридату; хотя тот предлагал ему союз и предоставлял вой-

ско для похода на врагов, Сулла лишь тогда прнветствовал царя, лншь тогда подал ему руку, когда из собственных его уст услышал, что тот оставляет Азню, передает римлянам флот н возвращает Вифнню и Каппадокию нх царям. Ннчего более прекрасного, ннчего более высокого по духу, чем этн подвнги, Сулла, кажется, вообще не совершнл; он поставнл общее выше личного н, словно породистый пес, вцепнвшнсь не разжал челюстей, прежде чем протнвник не сдался; тогда только обратнлся он к местн за свон обнды.

Наконец, при сравненни характеров Суллы и Лисандра имеет какой-то вес н все то, что связано с Афинамн. Если Сулла, овладев городом, когда тот вел войну радн укреплення мощн н владычества Мнтридата, оставнл афнннянам свободу н самоуправленне, то Лнсандр не пощадил Афнн, когда онн потерялн собственное владычество, собственную державу, столь велнкую прежде, но, уннчтожив в Афннах демократическое правление, поставнл над ннми бесчеловечнейшнх н преступных тиранов.

Теперь, стараясь не слншком погрешить протнв нстнны, мы рассудим так: подвигн Суллы — больше, но провнннности Лнсандра — меньше, а потому отдаднм одному из них награду за воздержность и благоразумне, а другому — за нскусство полководца н мужество.

КИМОН И ЛУКУЛЛ

КИМОН[1]

I. ПРОРИЦАТЕЛЬ Перипольт, тот, что привел из Фессалии в Беотию царя Офельта и подвластные ему иароды, оставил после себя род, долгое время бывший в почете. Бо́льшая часть потомков Перипольта жила в Хероиее (этот город они захватили первым, изгиав из него варваров). Они отличались врожденной

[1] Первые три главы этого жнзнеописания переведены С. С. Аверннцевым.

воинствеиностью и отвагой и настолько не щадили своей жизни, что почти все погибли во времена иашествия мидян и борьбы с галлами. Среди уцелевших был мальчик, круглый сирота, по имеии Дамон и по прозвищу Перипольт, намиого превосходивший своих сверстников красотой тела и гордостью духа, ио дурно воспитанный, со строптивым характером. В этого юиошу, только что вышедшего из отроческого возраста, влюбился иачальник одной когорты, стоявшей в Херонее иа зимних квартирах, и когда римляиии ни просьбами, ни подарками иичего ие добился, стало ясио, что ои не остаиовится перед насилием, тем более что дела иашего города иаходились тогда в плачевиом состояиии и из-за своей иезиачительиости и бедиости он был у всех в пренебрежеиии. И вот Дамои, страшась иасилия и взбешенный уже самими домогательствами, замыслил убить этого человека и вовлек в заговор иескольких сверстиков — иемиогих, чтобы сохранить дело в тайие: всего их иабралось шестнадцать человек. Ночью они вымазали себе лица сажей, иапились иесмешаииым виной и иа рассвете иапали иа римляиииа, когда тот совершал иа площади жертвоприиошеиие. Умертвив его и иескольких человек из числа стоявших вокруг, оии скрылись из города. Среди общего замешательства собрался городской совет Хероиеи и осудил заговорщиков иа смерть, что должно было искупить виину города перед римлянами. Когда после этого городские власти по обычаю собрались вечером за общим ужином, товарищи Дамона ворвались в здание совета и перебили их, а затем снова бежали.

Как раз в эти дни через Херонею проходил с воинами Луций Лукулл. Прервав свой поход, ои по свежим следам расследовал дело и выяснил, что граждане ие только ии в чем ие повиины, ио, скорее, сами оказались в числе потерпевших. Затем он выступил в путь и увел с собой размещавшихся в городе солдат. Тем временеем Дамои разорял разбойиичьими набегами окрестиости и тревожил самый город, пока граждаие через послов не уговорили его вернуться, приияв благоприятные для иего постановления. Когда ои явился, его поставили иачальииком гимнасия, ио затем убили в парильие, когда ои иатирался маслом.

После этого, по рассказам наших отцов, в этом месте долго появлялись какие-то призраки н слышались стоны, так что двери парильни забили. До снх пор люди, живущие по соседству с этим местом, верят, что там показываются привидения и звучат устрашающие возгласы. Потомков рода, к которому принадлежал Дамон (некоторые из них еще живы н обитают главным образом подле Стирея в Фокиде), по-эолийски зовут Мазаными, так как Дамон вышел на убийство, намазавшись сажей.

II. МЕЖДУ ТЕМ орхоменцы, соседи и недруги херонейцев, наняли в Риме доносчика, и тот возбудил против нашего города судебное преследование, обвиняя всех граждаи, словно одио лицо, в гибели убитых Дамоном римлян. Дело поступило на рассмотрение претора Македонии (в Грецию римляие в то время еще не посылали наместников), но ораторы, защищавшие в суде наш город, сослалнсь иа свидетельство Лукулла, а тот в ответ на запрос претора изложнл подлинный ход событий, и таким образом Херонея, подвергавшаяся самой серьезной опасности, была оправдана.

Тогдашние граждане Херонеи, которых благодеяние Лукулла коснулось непосредственно, поставили ему на площади, подле кумира Диониса, мраморную статую. Нас от тех времен отделяет много поколений, но мы считаем, что долг благодарностн Лукуллу распространяется и на нас; полагая, с другой стороиы, что памятник, воспроизводящий телесный облик человека, намного уступает такому, который давал бы представление о его нравственных качествах, мы включаем рассказ о деяниях этого мужа в наши «Сравнительные жизнеописания». При этом мы будем держаться истины: ведь благодарного воспоминания о его подвигах достаточио, а приинять в отплату за свое правдивое свидетельское показание лживые вымыслы о себе он и сам не пожелал бы. Когда живописец рисует прекрасный, полный прелести облик, мы требуем от него, еслн этому облику присущ какой-нибудь мелкий недостаток, чтобы он не опускал его совсем, но и не воспроизводил слишком тщательно: ведь в последнем случае теряется красота, в первом — сходство. Равным образом, раз уже трудно или, вернее

сказать, просто невозможно показать человеческую жизнь, безупречно чистую, то, как и при передаче сходства, лишь воспроизводя прекрасиое, следует держаться истины во всей ее полноте. А в ошибках и недостатках, вкрадывающихся в деяиия человека под воздействием страсти или в силу государственной необходимости, должно видеть проявлеиие скорее иесовершеиства в добродетели, чем порочности, и в повествовании не следует на них останавливаться чересчур охотно и подробно, но словно стыдясь за человеческую природу, раз она не создает характеров безукоризненно прекрасных и добродетельных.

III. ОБДУМЫВАЯ, кого можно поставить рядом с Лукуллом, мы остановились иа Кимоне. Оба оии были воинственны, оба показали свою доблесть в борьбе с варварами, но на гражданском поприще проявили миролюбие и больше всего стремились доставить своему отечеству отдых от междоусобных смут, в то время как за его пределами воздвигли трофеи и одержали славные победы. Ни один грек до Кимона, ии одии римлянии до Лукулла ие заходил так далеко с оружием в руках, если не считать походов Геракла и Диоииса, да еще подвигов Персея в землях эфиопов, мидян и армян или деяний Ясона, если свидетельства об этих подвигах и деяниях спустя столько времени еще можно считать надежными. Общая черта для обоих, пожалуй, и то, что их деятельность как полководцев осталась незавершенной: оба сумели разгромить противника, ио ни одному не удалось уничтожить его окончательно. Но наибольшее сходство между ними состоит в той широте натуры, в той расточительности, с какой они задавали пиры н помогали друзьям, да в юиошеской несдержанности образа жизни. Другие черты сходства, которые нетрудио будет уловить из самого рассказа, нам представляется разумным оставить без упоминаиия.

IV. КИМОН, сыи Мильтиада, родился от матери-фракиянки, Гегесипилы, дочери царя Олора, как это видно из посвященных ему стихов Архелая и Мелантия. Вот почему историк Фукидид, который приходился Кимону родственником, был также сыном Олора, носившего это имя в честь своего предка, и владел золотыми рудниками во Фракии. Скончался же Фуки-

дид, как сообщают, в Скаптесиле (место это находится во Фракии), где он был убит. Останки были перевезены в Аттику, и гробницу его показывают в Кимоновой усыпальнице, рядом с могилой сестры Кимона Эльпиники. Но Фукидид происходил из дема Галимунта, а Мильтиад и его род — из дема Лакиады.

Как известно, Мильтиад, присужденный к штрафу в пятьдесят талантов и посаженный впредь до выплаты этой суммы в тюрьму, умер в заключении. Кимон, оставшись после отца вместе с молодой, еще незамужней сестрой совершенным юнцом, первые годы пользовался в городе дурной славой, прослыл беспутным кутилой, похожим по нраву на деда своего Кимона, который, говорят, за простодушие был прозван Коалемом. Стесимброт с Тасоса, родившийся приблизительно в одно время с Кимоном, свидетельствует, что тот не выучился ни искусствам, ни чему-либо из общеобразовательных наук, бывших в ходу среди греков, и вовсе не обладал даром изощренного аттического красноречия, но в характере его было много благородного и искреннего и по своему душевному складу муж этот был скорее пелопоннесец.

И груб, и прост, но в подвигах велик,—

подобно Гераклу у Еврипида,— вот что можно прибавить к словам Стесимброта.

Еще в юные годы на него пало обвинение в близких отношениях с сестрой. Да и помимо того, говорят, Эльпиника была поведения не безупречного, но была близка и с живописцем Полигнотом, почему и утверждают, что, изображая троянок в Писианактовом портике, который теперь называют Расписным, художник в образе Лаодики написал Эльпинику. Полигнот не принадлежал к числу художников-ремесленников и расписывал портик не из корысти, а безвозмездно, желая отличиться перед согражданами. Так, по крайней мере, пишут историки, и поэт Мелантий выразил это следующим образом:

Храмы и площадь Кекропа украсил, затрат не жалея,
Кистью своей восхвалив славных героев труды.

Есть и такие, которые говорят, что Эльпиника жила с Кимоном не тайно, а в открытом замужестве, за-

трудняясь из-за бедности своей найти жениха, достойного ее происхождения. Но когда Каллий, один из афинских богачей, прельстившись Эльпиникой и познакомившись с ней, выразил готовность внести в казну наложенный на ее отца штраф, она согласилась, и Кимон выдал ее за Каллия. Во всяком случае, Кимон, по-видимому, вообще был склонен увлекаться женщинами. Недаром поэт Мелантий, подшучивая над Кимоном в элегических стихах, упоминает об Астерии родом с Саламина и еще о какой-то Мнестре, как о предметах его страсти. Известно также, как горячо любил Кимон Исодику, дочь Эвриптолема, сына Мегакла, свою законную жену; когда она умерла, он был вне себя от горя, если можно верить элегиям, написанным для утешения его в скорби. Автором их философ Панетий считает естествоиспытателя Архелая, небезосновательно сопоставляя даты.

V. ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ в характере Кимона свидетельствует о благородстве, достойном удивления. Ибо, не уступая отвагою своей Мильтиаду, а разумом Фемистоклу, он, по общему признанию, был справедливее их обоих. Ничуть не менее талантливый, чем они, в военном деле, Кимон еще в молодости, не имея военного опыта, бесконечно превзошел их гражданской доблестью. Когда при нашествии персов Фемистокл посоветовал народу уйти из города, покинуть страну, сесть на корабли у Саламина и сразиться с врагом на море, большинство граждан было потрясено столь смелым замыслом. В это-то время Кимон с сияющим лицом первым показался на Акрополе, куда он поднялся через Керамик в сопровождении товарищей, неся в руках конские удила, чтобы посвятить их богине: это как бы означало, что сейчас государство нуждается не в конном войске, а в бойцах-моряках. Посвятив удила, вооружившись одним из висевших в храме щитов и помолившись богине, он спустился к морю и тем самым первый показал пример неустрашимости. Был он, по свидетельству поэта Иона, безупречен и внешностью — высок, с прекрасными густыми вьющимися волосами.

Выказав в сражении блестящую храбрость, он вскоре начал пользоваться известностью среди сограждан и их благоволением, так что многие из них

собирались вокруг него и побуждали, не откладывая, задумать и совершить что-нибудь достойное Марафона. А когда он стал домогаться участия в государственных делах, народ с радостью его принял и, пресытившись Фемистоклом, вознес Кимона до высших государственных должностей и почестей, видя в нем человека, умеющего действовать сообразно обстоятельствам и угодного простому люду своим ласковым обхождением и прямодушием. Особенно же возвеличил его Аристид, сын Лисимаха, который видел прекрасные качества его характера и как бы создавал в нем соперника Фемистоклу в таланте и смелости.

VI. КОГДА персы уже оставили Грецию, афиняне же не имели еще первенства на море, а подчинялись Павсанию и лакедемонянам, Кимон, отправленный на войну стратегом, прежде всего всегда заботился о том, чтобы граждане в походах соблюдали строжайший порядок и намного превосходили всех прочих смелостью. Далее, в то время как Павсаний вел изменнические переговоры с варварами и переписывался с царем, с союзниками же обращался сурово и надменно, держа себя крайне нагло, в опьянении властью и безумной гордостью, Кимон ласково принимал обиженных под свою защиту, кротко обходясь с ними; действуя не силою оружия, а словом и личным обаянием, он незаметно отнял у лакедемонян верховное владычество над Грецией. Естественно, что к Кимону с Аристидом примкнула бóльшая часть союзников, не будучи в состоянии далее переносить тяжелый нрав и высокомерие Павсания. А те, склоняя их на свою сторону, в то же время посылали сказать эфорам, чтобы они отозвали Павсания, по вине которого подвергается бесчестию Спарта и сеется смута во всей Греции. Рассказывают, что Павсаний приказал доставить к нему некую девушку по имени Клеоника, родом из Византия, дочь знатных родителей, с намерением обесчестить ее, а родители, в страхе подчиняясь насилию, позволили увести ее. У входа в спальню она попросила стоявших у двери людей погасить свет, а сама, подходя в темноте к ложу, в то время как Павсаний уже спал, нечаянно наткнулась на светильник и опрокинула его. Встревоженный шумом и вообразив, что к нему приближается какой-нибудь

злоумышлениик, Павсаиий схватил лежавший близ него киижал и ударом его уложил девушку. Оиа умерла от раиы и с тех пор ие давала Павсаиию покоя: являясь к нему иочью во сие в виде призрака, она изрекала в гиеве следующий героический стих:

Каре иавстречу гряди: иеобуздаииость гибельиа мужу.

Крайне возмущениые этим преступлением союзиики во главе с Кимоном осадили Павсаиия. Павсаний бежал из Визаития и, все еще тревожимый видеиием, укрылся, как рассказывают, в гераклейском прорицалище мертвых, где вызвал душу Клеоники и умолял ее смягчить свой гиев. Явившаяся к иему Клеоника сказала, что по прибытии в Спарту ои скоро освободится от своих мук, иамекая, по-видимому, иа гибель, которая его ожидала. Об этом повествуют многие историки.

VII. А КИМОН, к которому уже присоедииились союзиики, отплыл, предводительствуя войском, во Фракию. До его сведеиия дошло, что иесколько зиатиых персов, родствеиииков царя, овладели Эиоиом, городом, расположеииым иа реке Стримои, и тревожат окрестиое греческое иаселеиие. Он начал с того, что разбил в сражеиии самих персов и запер их в городе, а затем, изгнав фракийцев, живших за Стримоиом, откуда персам доставлялся хлеб, и приказав караулить всю их землю, поставил осаждеииых в столь безвыходное положеиие, что царский воеиачальник Бут, потеряв всякую иадежду, поджег город и погиб в огие вместе с друзьями и имуществом. Так Кимон взял город, ио иикакой мало-мальски существеииой пользы от того ие получил: почти все сгорело вместе с варварами. Зато местиость, отличавшуюся красотой и плодородием, ои отдал под поселения афиияиам. Народ разрешил ему поставить камеиные гермы, на первой из которых иаписали:

Миого пришлось претерпеть и тем, что с сыиами мидийцев
Встретясь в Эиоиском краю, их у Стримоиа реки
Голодом жгучим терзали и в схватках Ареса кровавых
Первыми ввергли врагов в горе и злую нужду.

На второй надпись гласила:

Здесь в награду вождям афнискнй иарод благодарный
В память великих заслуг нм эту герму дарнт.
Пусть же, взглянув иа нее, стремится каждый потомок,
Общему благу служа, смело на бнтву идтн.

На третьей иаписали:

Некогда царь Менестей отсюда с Атридами вместе
К Трон священиой полям мощное войско повел.
Был он, Гомер говорнт, средн крепкобронных данайцев
Славеи искусством своим вониов стронть на бой.
Вот почему и теперь подобает афннянам зваться
Славными в ратных делах, доблесть являя свою.

VIII. НАДПИСИ эти, хоть имя Кимоиа в иих ии разу не назваио, казались, по содержаиию своему, людям того времеии верхом почета. Ибо ии Фемистокл, ни Мильтиад иичего подобиого ие удостоились. Мильтиад домогался было масличного веика, ио декелиец Софаи, встав со своего места в Народиом собраиии, произнес хотя и ие слишком умиые, ио все же понравившиеся иароду слова: «Когда ты, Мильтиад, в одиночку побьешь варваров, тогда и требуй почестей для себя одиого». Но почему афииняие были в таком восхищеиии от подвига Кимона? Не потому ли, что при других военачальииках оии сражались с врагами лишь затем, чтобы избавиться от беды, а под иачальством Кимоиа были иастолько сильиы, что сами иаиосили вред иеприятелям, вторгаясь с оружием в их владеиия, и приобрели иовые земли, осиовав колоиии и в самом Эионе и в Амфиполе?

Поселились оии и на острове Скиросе, который был завоеваи Кимоном вот при каких обстоятельствах. Остров населяли долопы. Земледельцы оии были плохие, издавиа заиимались морским разбоем и перестали щадить даже тех чужеземцев, которые приезжали к иим по делам: иесколько фессалийских купцов, приставших к Ктесию, были долопами ограблеиы и брошеиы в тюрьму. Убежав из тюрьмы, люди эти принесли жалобу иа город в союз амфиктиоиов. Но так как граждаие отказались прииять возмещение убытков иа общественный счет и требовали, чтобы их покрыли те, кто совершил грабеж и владеет иаграб-

ленным, эти последние испугались и отправили к Кимону письмо, прося его прибыть с флотом и занять город, который они ему сдадут. Захватив таким путем остров, Кимон изгнал долопов и обезопасил Эгейское море. Прослышав, что древний Тесей, сын Эгея, бежавший из Афин на Скирос, был здесь изменнически убит боявшимся его царем Ликомедом, Кимон принялся усердно искать его могилу, тем более что афинянам было дано прорицание оракула, повелевавшее им перевезти в свой город останки Тесея и оказывать ему почести, какие подобают герою, но они не знали, где именно он покоится, а жители Скироса утверждали, что никакой могилы Тесея у них нет, и не позволяли ее искать. И все же место погребения с большим трудом, после усердных поисков, было найдено, и, приняв останки на свой корабль и великолепно его разукрасив, Кимон привез прах Тесея на родину по прошествии без малого четырехсот лет после смерти героя. За это народ выказывал Кимону величайшее благоволение.

К его славе послужило также ставшее впоследствии знаменитым состязание между поэтами-трагиками. Софокл, тогда еще юноша, ставил свою первую пьесу, и архонт Апсефион, заметив несогласия и споры между зрителями, не стал бросать жребий для избрания судей, но когда Кимон, войдя в театр со своими сотоварищами-стратегами, совершил установленные возлияния богу, остановил их и, приведя к присяге, заставил сесть и судить состязание — всех десятерых, так что каждый оказался представителем от одной из фил. Почет, каким пользовались эти судьи, возбудил, конечно, в исполнителях особенное рвение и соперничество. Победил Софокл, а Эсхил, опечаленный и удрученный, лишь короткое после этого время пробыл, как сообщают, в Афинах, а затем с досады уехал в Сицилию. Там он умер и похоронен близ Гелы.

IX. ИОН РАССКАЗЫВАЕТ, что, когда он еще в ранней юности прибыл с Хиоса в Афины, ему пришлось обедать у Лаомедонта в обществе Кимона. После возлияний Кимона попросили спеть, и тот спел очень хорошо, так что все его похвалили и нашли, что в обществе он приятнее Фемистокла: последний говорил,

что петь и играть на кифаре он не умеет, но как сделать великим и богатым город — это он знает. Затем, как обыкновенно бывает за чашей вина, разговор перешел на подвиги Кимона, стали вспоминать о самых выдающихся из них, и он сам рассказал об одной из своих хитростей, по его мнению, самой удачной. Союзники, захватив в Сесте и Византии множество варваров, поручили Кимону произвести дележ добычи, и тот распорядился так, что по одну сторону поставили самих пленных, а по другую сложили украшения, которые они носили; союзники стали порочить такой дележ, называя его несправедливым, и тогда он предложил им взять любую из частей: какую бы они ни оставили, афиняне-де будут довольны. По совету самосца Герофита, считавшего, что лучше приобрести вещи персов, чем самих персов, союзники взяли себе наряды и украшения, оставив на долю афинян пленных. Все сочли тогда, что этим дележом Кимон просто выставил себя на посмеяние: союзники уносили золотые запястья, ожерелья, шейные цепочки, персидские кафтаны, пурпурную одежду, афинянам же пришлось взять себе нагие тела мало привычных к труду людей. Вскоре, однако, съехавшиеся из Фригии и Ликии друзья и родственники пленных стали выкупать их, платя за каждого большие деньги, так что у Кимона собрались средства, которых хватило на содержание флота в течение четырех месяцев, а кроме того, немало золота из выкупных сумм осталось и для казны.

X. ВОЕННЫЕ труды Кимона возместились сторицей, и это богатство, по общему мнению, было им добыто с честью — на войне от врагов; еще с большей для себя честью Кимон тратил его на сограждан. Так, например, он велел снять ограды, окружавшие его владения, дабы чужеземцы и неимущие сограждане могли, не опасаясь, пользоваться плодами, а дома у себя приказывал ежедневно готовить обед, хотя и скромный, но достаточный для пропитания многих. Каждый бедняк, если хотел, приходил на обед и получал пищу и, не будучи вынужден зарабатывать себе на пропитание, мог заниматься только общественными делами. Впрочем, по свидетельству Аристотеля, обеды эти приготовлялись не для всех афинян, но лишь для желающих из числа земляков Кимона из дема Лакиады.

Его постоянно сопровождали двое или трое юношей в богатой одежде, и если им случалось встретить какого-нибудь убого одетого старика из горожан, один из них менялся с ним платьем — зрелище, казавшееся величественным. Те же юноши, щедро снабженные мелкими деньгами, замечая на площади людей бедных, но порядочных, останавливались подле них и молча вкладывали им в руку несколько монет.

Об этом, по-видимому, и вспоминает комический поэт Кратин в следующих стихах «Архилохов»:

И я молил, чтоб мне, писцу Метробию,
Дожить свой век при муже том божественном,
Что лучше всех досель рожденных эллинов,—
При Кимоне, который рад всегда гостям.
При нем и в старости жирел бы я. Но он
Покинул первым свет.

Равным образом и леонтинец Горгий говорит, что Кимон приобрел имущество, чтобы пользоваться им, а пользовался им так, чтобы заслужить почет. А Критий, один из Тридцати тиранов, говорит в своих элегиях, что хотел бы иметь

Столько богатств, как Скопады, великую щедрость Кимона,
И с Аркесилом числом славных сравниться побед.

Если спартанец Лих, как мы знаем, прославился среди греков единственно тем, что угощал обедами иноземцев во время гимнопедий, то безграничная щедрость Кимона превзошла радушие и человеколюбие даже древних афинян, которыми по праву гордится государство. Те распространили среди греков годные в пищу злаки, а также научили людей отыскивать ключевую воду и добывать огонь для своих нужд, Кимон же, сделавший из своего дома общий для всех граждан пританей и в поместьях своих предоставивший чужеземцам брать для их надобностей начатки поспевших плодов и все блага, какие приносят с собою разные времена года, как бы снова ввел в жизнь ту сказочную общность владения, которая была во времена Кроноса. Что же касается лиц, распространявших клевету, будто все это — не что иное, как желание угодить черни и своекорыстное искательство народной благосклонности, то лучшей уликой против них служит образ мыслей Кимона, во всем остальном

арнстократическнй и спартанский. Ведь пошел же он рука об руку с Арнстндом протнв Фемнстокла, старавшегося больше, чем следует, возвыснть демократию, и позже выступнл протнвником Эфнальта из-за того, что тот в угоду народу старался уничтожнть Ареопаг. Будучи свндетелем того, как все, за исключением Аристнда и Эфнальта, жадно нажнвалнсь за счет общественных доходов, сам он до конца дней своих остался неподкупным, не запятнанным взяткамн, бескорыстным н нскренннм во всем, что он делал или говорнл. Вот, напрнмер, что о нем рассказывают. Какой-то варвар, по нменн Ройсак, взбунтовался против царя н с большой суммой денег прнбыл в Афины. Тут на него накннулнсь клеветникн и доносчнкн, н, решившись нскать защиты у Кимона, Ройсак поставнл в дверях его, выходнвшнх во двор, две чашн, наполненные одна — серебрянымн дарнкамн, другая — золотыми. Увндя это и улыбнувшнсь, Кимон спроснл варвара, кого он предполагает прнобрестн в Кнмоне — наемнпка нлн друга. Тот ответнл, что друга. «В таком случае ступай,— сказал ему Кнмон,— и забери с собой эти деньги. Став твоим другом, я воспользуюсь нмн, когда мне это понадобнтся».

XI. С ТЕЧЕНИЕМ временн союзннки, продолжая вносить деньги в союзную казну, сталн, вопреки принятым обязательствам, воздержнваться от поставкн кораблей н людей н отказывались от участня в походах. Теперь, после того как персы удалнлнсь н больше нх не тревожнлн, они не вндели ннкакой нужды в войне и желалн жнть мирно, занимаясь земледелнем, а потому и кораблей не снаряжали и людей не посылалн; афинские же стратеги, все, кроме Кнмона, принуждали нх к этому, непокорных привлекали к суду, подвергали карам н в результате сделали афинское господство ненавнстным н тягостным. Но Кимон, заннмая должность стратега, шел по путн, совершенно протнвоположному: снлой никого нз греков ни к чему не принуждал, а от не желающих отбывать военную службу принимал деньгн или порожние суда, предоставляя тем, кого прельщала спокойная жизнь, проводить время за хозяйственными деламн н, безрассудно изнежнваясь, превращаться нз людей воинственных в мирных земледельцев н торговцев. Афинян же он по

очереди сажал многочисленными отрядами на корабли, закалял в походах и в скором времени сделал их, благодаря денежным средствам, поступавшим от союзников на содержание войска, господами самих плательщиков. Ибо, находясь постоянно в плавании, не выпуская из рук оружия, афиняне, благодаря нежеланию союзников служить, получали в походах военное воспитание и подготовку, а союзники, приучившись бояться афинян и льстить им, незаметно превратились в данников и рабов.

XII. ПОИСТИНЕ, никто не смирил и не умерил гордыни великого царя так, как это сделал Кимон. Ибо он не оставил царя в покое и после того, как тот удалился из Греции, но преследовал его чуть ли не по пятам и, не давая варварам ни передохнуть, ни расположиться лагерем, одни из их областей опустошал и покорял, другие склонял к отпадению и привлекал на сторону греков, так что вся Азия — от Ионии до Памфилии — была совершенно очищена от персидских войск. Получив известие, что царские военачальники расположились с большим войском и флотом близ пределов Памфилии, и решив дать им урок, который показал бы им, что вся часть моря, лежащая по эту сторону Ласточкиных островов, для них закрыта наглухо, Кимон спешно двинулся из Книда и Триопия на двухстах превосходных триерах, построенных Фемистоклом, которые с самого начала отличались быстротой хода и подвижностью. Теперь Кимон уширил их и соединил палубы мостками, чтобы, приняв на борт значительное число гоплитов, они обладали большею силой в бою. Приплыв к Фаселиде, жители которой хоть и были родом греки, но не приняли греческого флота и не пожелали отпасть от царя, Кимон опустошил их страну и приказал штурмовать город. Но плывшие вместе с Кимоном хиосцы, которые с давних пор были в дружбе с фаселитами, стали упрашивать его смилостивиться и одновременно оповестили фаселитов о намерениях своего полководца, пуская через стены стрелы с привязанными к ним записками. В конце концов они примирили Кимона с фаселитами, причем последние обязались уплатить десять талантов, последовать за Кимоном и принять участие в походе против варваров.

Эфор утверждает, что царским флотом предводительствовал Титравст, а пехотой — Ферендат; по свидетельству же Каллисфена, высшее начальствование над военными силами персов принадлежало Ариоманду, сыну Гобрия. Не желая вступать в битву с греками, Ариоманд, согласно Каллисфену, стал на якорь у реки Эвримедонта и поджидал там прибытия восьмидесяти финикийских кораблей, плывших к нему от острова Кипра. Решив покончить с врагом до их прибытия, Кимон вышел в море, готовый в случае, если бы неприятель не принял сражения, принудить его к этому силой. Персы же, чтобы уклониться от боя, сначала вошли в реку, но, как только афиняне двинулись за ними, выплыли им навстречу на шестистах судах, как пишет Фанодем, по Эфору же — на трехстах пятидесяти. Но ничего достойного таких огромных сил ими совершено не было, по крайней мере, на море: они тотчас повернули к берегу, передние спрыгнули на землю и бросились бежать к выстроившейся поблизости пехоте, а те, которые были настигнуты греками, погибли вместе с кораблями. Какое множество вооруженных судов было у варваров, видно из того, что, хотя многие из них, естественно, ускользнули, а многие были совершенно разбиты, афиняне все же захватили двести кораблей.

XIII. ПЕХОТА персов спустилась к морю. С ходу высадиться и бросить утомленных боем греков против свежих и во много раз превосходящих их численностью сил неприятеля казалось Кимону делом сложным. Но, видя, что люди бодры духом, преисполнены мужества и горят желанием схватиться с варварами, он все же высадил на берег своих гоплитов. Еще не остывшие после жаркой морской битвы, они с громкими криками беглым шагом устремились на врага. Персы выдержали удар и встретили их храбро. Началась жестокая битва; в ней пало немало славных, доблестных и пользовавшихся высочайшим уважением афинян. После продолжительного сражения обратив варваров в бегство, афиняне убивали бегущих, а затем стали брать их в плен, захватывая заодно и палатки, полные всякого добра.

Кимон же, одержав, подобно искусному борцу на играх, в один день две победы и затмив сухопутным

боем славу Саламина, а морским — подвиг при Платеях, присоединил к ним третью. Получив известие, что те восемьдесят финикийских триер, которые не поспели к сражению, пристали к Гидру, он поспешно вышел в море — в то время как финикийские начальники, не имея никаких достоверных сведений о главных силах, все еще не верили слухам и пребывали в нерешительности. Теперь их охватил ужас, и они потеряли все свои корабли, причем погибла и бóльшая часть людей.

Этот подвиг настолько смирил гордость царя, что он согласился заключить тот знаменитый мирный договор, по которому персы обязались никогда не подходить к Греческому морю ближе, чем на расстояние дневного конского пробега, и не плавать на военных кораблях или судах с медными носами в водах между Темными скалами и Ласточкиными островами. Каллисфен, впрочем, говорит, что варвар такого договора не заключал, но на деле выполнял эти условия из страха, внушенного ему этим поражением, и так далеко отступил от пределов Греции, что Перикл с пятьюдесятью кораблями и Эфиальт всего лишь с тридцатью, даже миновав Ласточкины острова, не встретили за ними ни одного персидского военного судна. Однако ж в сборник постановлений Народного собрания, составленный Кратером, включена копия договора как существовавшего в действительности. Говорят даже, что по случаю этого события афиняне воздвигли алтарь Мира и оказывали особые почести Каллию, участвовавшему в посольстве к царю.

После распродажи военной добычи народ не только приобрел средства на покрытие текущих расходов, но и получил возможность, благодаря все тому же походу, пристроить к Акрополю южную стену. Сообщают еще, что Длинные стены, так называемые «Ноги», были закончены постройкой позднее, но что первый их фундамент был прочно заложен Кимоном; работы пришлось вести в местах топких и болотистых, но трясины были завалены огромным количеством щебня и тяжелыми камнями, и все необходимые средства добывались и выдавались также Кимоном. Он же первый отвел и благоустроил места, где можно было проводить время в утонченных и достойных свобод-

ных граждан занятиях и беседах: городскую площадь он обсадил платанами, Академию же, до того лишенную воды и запущенную, превратил в обильно орошаемую рощу с искусно проведенными дорожками для бега и тенистыми аллеями. Эти места составили украшение города и в скором времени чрезвычайно полюбились афинянам.

XIV. НЕКОТОРЫЕ из персов, относясь с пренебрежением к Кимону, который отплыл из Афин с ничтожно малым числом триер, не хотели покидать Херсонеса и призвали к себе на помощь фракийцев из внутренних областей. Но Кимон, напав на них с четырьмя кораблями, захватил у них тринадцать судов. Изгнав персов и победив фракийцев, он подчинил весь Херсонес власти афинского государства, а затем, сразившись на море с тасосцами, отпавшими от афинян, захватил тридцать три корабля, осадил и взял город, а сверх того, приобрел для афинян находившиеся по другую сторону пролива золотые рудники и овладел всеми бывшими под управлением тасосцев землями. Отсюда он легко мог бы напасть на Македонию и отторгнуть значительную часть ее. Считали, что он не захотел этого сделать, и обвинили его в том, что он вошел в соглашение с царем Александром и принял от него подарки. Враги объединились, и Кимон был привлечен к суду. Защищаясь перед судьями, Кимон говорил, что он связал себя узами гостеприимства и дружбы не с ионянами и не с фессалийцами, людьми богатыми, как это делали другие, чтобы за ними ухаживали и подносили им дары, а с лакедемонянами, любит и старается перенять их простоту, их умеренность жизни, никакого богатства не ценит выше этих качеств, но, сам обогащая государство за счет его врагов, гордится этим. Упоминая о процессе, Стесимброт рассказывает, что Эльпиника, решившись ходатайствовать за Кимона перед Периклом, как перед самым влиятельным из обвинителей, пришла к нему домой, а тот, улыбнувшись, заметил ей: «Стара ты стала, Эльпиника, чтобы браться за такого рода дела»; однако же в суде Перикл был очень снисходителен к Кимону и выступил против него только однажды, да и то как бы по обязанности.

XV. ИТАК, на этот раз Кимон был оправдан. В остальные годы своей государственной деятельности он, находясь в Афинах, старался подчинить своему влиянию и обуздывать народ, выступавший против знати и стремившийся присвоить себе всю власть и силу. Но лишь только он отбыл с флотом в новый поход, народ, дав себе полную волю, нарушил весь порядок государственного управления и старинные постановления, которыми до того руководствовался, и во главе с Эфиальтом отнял у Ареопага все, за малыми исключениями, судебные дела, сделал себя хозяином судилищ и отдал город в руки сторонников крайней демократии; в это время уже вошел в силу и Перикл, примкнувший к народной партии. Поэтому, когда Кимон вернулся и, вознегодовав на оскорбление, нанесенное достоинству Ареопага, пытался вернуть ему судебные дела и восстановить то значение знати в государстве, какое она имела при Клисфене, объединившиеся противники подняли шум и стали подстрекать народ, повторяя все те же сплетни об отношениях Кимона с сестрой и обвиняя его в приверженности к Спарте. К этой же болтовне относится и следующий известный выпад Эвполида против Кимона:

...плохим
Он не был, хоть и был беспечным пьяницей,
Хоть часто ездил даже в Спарту ночевать,
Оставив Эльпинику в одиночестве.

Если Кимон, будучи беспечным пьяницей, взял столько городов и одержал столько побед, то не ясно ли, что, будь он воздержан и бдителен, ни до ни после него не нашлось бы грека, превзошедшего его подвигами?

XVI. ВПРОЧЕМ, Кимон и в самом деле с юных лет был поклонником всего лаконского. Так, из двух сыновей-близнецов, рожденных от матери-клейторянки, одного он назвал Лакедемонянином, а другого — Элейцем, как о том пишет Стесимброт, и потому Перикл часто корил их происхождением с материнской стороны. Но Диодор Путешественник утверждает, что как эти двое, так и третий сын Кимона, Фессал, родились от Исодики, дочери Мегаклова сына Эвриптолема. Зато и возвысился он с помощью лакедемо-

нян еще в ту пору, когда они вели борьбу с Фемистоклом и хотели, чтобы Кимон, несмотря на его юные годы, имел в Афинах большее значение и влияние. Да и афиняне сначала смотрели на это благосклонно, извлекая из расположения спартанцев к Кимону немалые выгоды. В первые годы роста их могущества, когда им так много приходилось заниматься делами военного союза, почет и уважение, оказываемые Кимону, их не раздражали, ибо почти все общегреческие дела они доводили до благополучного конца благодаря посредничеству того же Кимона, умевшего мягко обходиться с союзниками и угодного лакедемонянам. Но сделавшись сильнее, они стали выражать недовольство горячей приверженностью Кимона к спартанцам. К тому же сам он по всякому поводу восхвалял Лакедемон перед афинянами, в особенности когда ему приходилось упрекать их или побуждать к чему-нибудь. В этих случаях, пишет Стесимброт, он имел привычку говорить: «А вот спартанцы не таковы». Так навлекал на себя Кимон нерасположение и, пожалуй, даже вражду своих сограждан. Но из всех клевет, на него возводившихся, самая страшная, несомненно, была порождена следующими обстоятельствами.

В четвертый год царствования в Спарте Архидама, сына Зевксидама, произошло сильнейшее из всех сохранившихся в народной памяти землетрясений — такой силы, что земля лакедемонян во многих местах обрушилась в разверзшиеся пропасти, а некоторые из вершин Таигета откололись. Весь город был обращен в развалины, все дома за исключением пяти, были разрушены землетрясением. Рассказывают, что юноши и мальчики занимались гимнастикой внутри портика, и за несколько мгновений до землетрясения около них показался заяц, и мальчики, как были натерты маслом, бросились, резвясь, вдогонку ему, а на оставшихся юношей обрушилось здание, и они все до единого погибли. Гробницу их и поныне называют Воздвигнутой землетрясением. Архидам, тотчас поняв, какая опасность угрожает государству, и видя, что граждане только тем и заняты, что стараются вынести из жилищ наиболее ценное имущество, велел протрубить сигнал, как будто бы наступал неприятель, дабы

все, иимало ие медля, собрались вокруг его с оружнем в руках. Только это одио н спасло Спарту при тогдашних обстоятельствах: отовсюду с полей сбежались илоты с намереиием захватить врасплох тех из спартанцев, которым удалось спастись; застав же их вооружеииыми н построеиными в боевой порядок, они разбежались по городам, иачали открытую войну и перемаиили на свою стороиу иемалое число периэков. Одиовремеиио с иими напали иа спартаицев и мессеицы. И вот, иуждаясь в помощи, лакедемоияие шлют в Афины Периклнда, того самого, который, как Арнстофаи представляет его в комедии, бледиый, в пурпуриом плаще, сндел у алтарей н молил прислать подмогу.

В то время как Эфиальт старался этому воспрепятствовать н заклииал иарод ие помогать спартаицам, чтобы ие дать подияться городу, во всем противодействующему Афииам, а оставить его поверженииым, с растоптаииой в прах его гордыней, Кимои, как говорит Критий, ради лакедемоияи поступившись возможиостью возвеличить собствеииое отечество, склоиил иарод на свою стороиу н выступил на помощь Спарте во главе большого отряда гоплитов. А Иои припомииает и слова, которыми Кимои больше всего подействовал иа афинян: ои предостерегал, как бы Эллада ие стала хромой и афииское государство ие осталось в упряжке одио, без своего иапариика.

XVII. В КОРИНФЕ, через который Кимои, оказав помощь лакедемоиянам, повел свое войско домой, его встретил Лахарт и стал упрекать за то, что ои ввел в город вооружеииые силы, ие испросив предварительно согласия кориифяи: всякий, мол, постучавшийся в чужую дверь входит в дом ие раиьше, чем его пригласит хозяин. «Одиако ж вы, Лахарт,— заметил ему Кимон,— ие постучались, а ворвались с оружием в руках, изрубив двери в щепки, к клеоияиам н мегарянам, считая, что более сильиому все открыто». Так смело и кстати ответил он кориифяиииу и прошел с войском через город. Спартаицы же вторичио призвалн афнияи против засевших иа Итоме мессеицев и илотов, ио, когда те явились, убоялись их смелости и славы и из всех союзииков их одиих отослали обратио, обвиинв в склонности к переворотам. В гиеве по-

кинув Спарту, афиняне стали уже открыто выражать свое негодование против сторонников лакедемонян и, ухватившись за ничтожные поводы, изгнали Кимона посредством остракизма на десять лет, ибо таков был срок, в течение которого таким изгнанникам предписывалось жить вдали от родины.

Но когда лакедемоняне, возвращаясь из Дельф, освобожденных ими от фокейцев, расположились лагерем у Танагры и афиняне выступили, чтобы дать им решительный бой, Кимон в полном вооружении появился среди своих сограждан по филе Энеиде, готовый вместе с ними сражаться против лакедемонян. Однако Совет пятисот, узнав об этом, запретил военачальникам принимать его, напуганный криками недругов Кимона, утверждавших, будто тот хочет возмутить войско и ввести лакедемонян в город. И Кимон удалился, моля Эвтиппа из дема Анафлист и других своих товарищей, над которыми в наибольшей мере тяготело обвинение в приверженности к Спарте, твердо стоять в бою и подвигами своими оправдаться перед согражданами. А те, взяв его доспехи, поместили их посреди своего отряда, тесно сплотились друг с другом, и сто человек их пало в ожесточенном бою, оставив в афинянах чувство глубокой скорби и раскаяния в том, что несправедливо их обвиняли. После этого афиняне уже не долго гневались на Кимона, отчасти потому, вероятно, что хорошо помнили обо всем, что он для них сделал, отчасти же сообразуясь с обстоятельствами. Побежденные в большом сражении при Танагре и ожидая на лето похода против них пелопоннесцев, они вызвали из изгнания Кимона, и тот был возвращен постановлением Народного собрания по предложению Перикла. Таковы были тогда разногласия на государственном поприще и столь велика уравновешенность умов и готовность идти на уступки, когда дело касалось общего блага; даже честолюбие — страсть, господствующая над всеми чувствами,— отступало перед интересами отечества.

XVIII. ИТАК, Кимон тотчас же по возвращении своем прекратил войну и примирил друг с другом враждующие государства. Но когда наступил мир, ему стало ясно, что афинянам не сидится на месте, что они намерены, постоянно оставаясь в движении, уве-

личивать свое могущество военными походами. Чтобы они не причиняли большого беспокойства грекам или, разъезжая на своих многочисленных судах вокруг островов и Пелопоннеса, не давали поводов к междоусобным войнам и к жалобам союзников на афинское государство, Кимон отплыл с двумястами триерами для вторичного похода против Египта и Кипра. Ему хотелось, чтобы афиняне и закалялись в боях с варварами, и извлекали бы из этого законную пользу, привозя в Грецию богатства своих природных врагов. И вот, когда все уже было подготовлено и войско стояло у кораблей, Кимон увидел сон. Ему представилось, что на него злобно лает сука и, вперемежку с лаем, произносит такие слова:

Ну, поспешай! Это будет на радость и мне, и щенятам.

Столь непонятное видение было истолковано другом Кимона, посидонийцем Астифилом, обладавшим даром прорицателя, в том смысле, что оно предвещает ему смерть. Рассуждал он так. Собака, лающая на человека,— враг ему, а врагу ничем нельзя больше удружить, как своею смертью, смешение же лая с человеческой речью показывает, кто неприятель: это персы, ибо персидское войско представляет собой смесь греков и варваров. Затем, когда после своего видения Кимон приносил жертву Дионису, а жрец рассекал жертвенное животное, муравьи, собравшись во множестве, стали хватать сгустки крови и переносить их к Кимону; их долго никто не замечал, и понемногу они облепили этими сгустками большой палец его ноги. И случилось так, что в тот миг, когда Кимон это увидел, подошедший жрец показал ему печень, у которой не оказалось верхней части. Но так как отказаться от похода было уже невозможно, Кимон отплыл и, послав шестьдесят судов в Египет, с остальными двинулся к Кипру. Там он разбил царский флот, состоявший из финикийских и киликийских кораблей, и покорил окрестные города. Не упускал он из вида и Египта, задумав не более и не менее как полный разгром Персидской державы. К этому он особенно стремился по той причине, что ему стало известно, сколь великой славой и влиянием пользуется у варваров Фемистокл, обязавшийся перед царем в случае

похода на греков принять на себя командование его войсками. В действительности же, как говорят, Фемистокл, не надеясь взять верх над счастьем и доблестью Кимона, оставил всякую мысль об успешных действиях против греков и добровольно покончил с собой. А Кимон, замысливший обширные военные планы и державший свой флот в водах Кипра, отправил посланцев к оракулу Аммона, поручив испросить у бога некое тайное прорицание, ибо никто не знает, для чего именно они были посланы, и бог ничего не изрек им в ответ, а сразу по прибытии повелел удалиться, так как сам Кимон находится-де уже при нем. Повинуясь повелению, посланцы сошли к морю и, прибыв в лагерь греков, находившийся тогда у границы Египта, узнали, что Кимон умер. Исчислив, сколько дней прошло после того, как бог отослал их назад, они поняли, что слова его заключали намек на кончину этого мужа, уже пребывавшего тогда у богов.

XIX. СКОНЧАЛСЯ Кимон при осаде Кития, по свидетельству большинства авторов — от болезни, по мнению же некоторых из них — от раны, которую получил в бою с варварами. Умирая, он приказал своим сподвижникам немедленно отплыть, скрывая его смерть, что и было исполнено; ни враги, ни союзники ни о чем не догадывались, афиняне же благополучно возвратились «под начальством Кимона, за тридцать дней до того умершего», как выразился Фанодем.

После смерти Кимона уже ни один из греков, предводительствовавших войсками, не совершил ничего блестящего в борьбе с варварами. Они оказались во власти своекорыстных искателей народной благосклонности и разжигателей междоусобных войн, и не было никого, кто содействовал бы их примирению; поэтому они бросились очертя голову в борьбу, тем самым дав царю передышку и причинив несказанный ущерб могуществу греков. Лишь много спустя Агесилай и его военачальники вступили с войском в Азию, но и они недолго воевали с персидскими полководцами, господствовавшими над приморской областью, не совершили ничего блестящего и великого и, вовлеченные в водоворот возникших в Греции новых распрей и волнений, ушли, оставив в союзных и дружест-

венных городах персидских сборщиков податей, тогда как при Кимоне, когда он был стратегом, ни один персидский гонец не спускался на побережье, ни один конный не показывался ближе, чем в четырехстах стадиях от моря.

Что останки Кимона были действительно перевезены в Аттику, о том свидетельствуют памятники, которые и поныне называются Кимоновыми. Однако и китийцы, как уверяет оратор Навсикрат, чтут какую-то Кимонову могилу, ибо однажды, в годину голода и неурожая, бог повелел им не пренебрегать памятью Кимона, но оказывать ему знаки благоговения, как высшему существу, и почитать его.

ЛУКУЛЛ

I. ДЕД ЛУКУЛЛА занимал некогда должность консула, а Метелл Нумидийский приходился ему дядей по матери. Что касается, однако, его родителей, то отец его был уличен в казнокрадстве, а мать, Цецилия, слыла за женщину дурных нравов. Сам Лукулл в молодые годы, прежде чем вступить на поприще государственной деятельности, добиваясь какой-либо должности, начал с того, что привлек к суду обвинителя своего отца, авгура Сервилия, уличая его в должностном злоупотреблении. Римлянам такой поступок показался прекрасным, и суд этот был у всех на устах, в нем видели проявление высокой доблести. Выступить с обвинением даже без особого к тому предлога вообще считалось у римлян делом отнюдь не бесславным, напротив, им очень нравилось, когда молодые люди травили нарушителей закона, словно породистые щенки — диких зверей. Во время этого суда страсти так разгорелись, что не обошлось без раненых и даже убитых; все же Сервилий был оправдан.

Лукулл выучился довольно искусно говорить на обоих языках, так что Сулла даже посвятил ему составленное им самим описание своих деяний с тем, чтобы Лукулл обработал и придал стройность этому повествованию. В самом деле, речь Лукулла была изящной и слово было послушно ему не только там,

где того требовали нужды практической деятельности, не так, как у иных, речь которых волнует площадь,

Как моря гладь мутит тунец стремительный,—

но вне площади становится «сухой и грубой, чуждой Музам». Нет, он еще в юные годы всей душою прилежал к той изощренной образованности, которую называют «вольной» и которая предметом своим имеет прекрасное. Когда же он достиг преклонных лет, то, отдыхая от многочисленных битв, целиком предался философии, пробуждая в себе наклонность к умозрению, а честолюбивые стремления, вспыхнувшие вследствие ссоры с Помпеем, весьма вовремя унимая и подавляя. О его ученых занятиях, помимо сказанного, сообщают также вот что. В юности он в шутку (которая затем, однако, обернулась серьезным занятием) условился с оратором Гортензием и историком Сизенной, что напишет стихами или прозой, на греческом или латинском языке, как выпадет жребий, сочинение о войне с марсами. По-видимому, ему досталось писать прозой и по-гречески; какая-то история Марсийской войны на греческом языке существует и поныне.

Свою привязанность к брату Марку он обнаружил во множестве поступков, но римляне чаще всего вспоминают о самом первом из них: хотя Лукулл был старше, он не пожелал без брата добиваться какой-либо должности и решил ждать, покуда тот достигнет положенного возраста. Этим он настолько расположил к себе римлян, что в свое отсутствие был избран в эдилы вместе с братом.

II. ЮНОШЕЙ, приняв участие в Марсийской войне, он сумел неоднократно выказать свою отвагу и сметливость. За эти качества и еще больше за постоянство и незлобивость Сулла приблизил его к себе и с самого начала постоянно доверял ему поручения особой важности; к их числу принадлежал, например, надзор за монетным делом. Во время Митридатовой войны бóльшая часть монеты в Пелопоннесе чеканилась под наблюдением Лукулла и в честь его даже получила наименование «Лукулловой». Ею оплачивались необходимые закупки для военных нужд, и она быстро разошлась, а после долго имела хождение.

Когда Сулла оказался в таком положении, что, засев в Афинах, он господствовал на суше, но на море хозяйничали враги, отрезая ему возможность подвоза продовольствия, он отправил Лукулла в Египет и Ливию, чтобы тот привел оттуда суда. Было это в самый разгар зимних бурь; на трех легких греческих суденышках и стольких же родосских ладьях с двумя рядами весел Лукулл пустился в открытое море, навстречу вражеским кораблям, которые повсюду во множестве бороздили море, пользуясь численным преимуществом. Все же ему удалось достигнуть Крита и привлечь его на свою сторону. Затем он явился избавителем для киренцев, город которых был приведен в тяжелое состояние беспрестанными смутами и войнами, и упорядочил их государственный строй, заставив киренцев припомнить одно изречение Платона, с которым тот некогда пророчески к ним обратился. Дело, кажется, происходило так: когда они просили философа составить для них законы и сделать из их народа своего рода образец разумно устроенного государства, он ответил, что трудно быть законодателем у киренцев, покуда они пользуются таким благополучием. В самом деле, никто не может быть строптивее человека, которому кажется, что ему улыбается удача; напротив, никто не повинуется приказу с такой готовностью, как тот, кто смирён судьбою. Так было и на этот раз, и киренцы послушно приняли законы, данные им Лукуллом.

Оттуда он отплыл в Египет. По дороге на римлян напали пираты, и Лукулл потерял бóльшую часть своих судов, но сам спасся и торжественно высадился в Александрии. Навстречу ему вышел весь флот в великолепном убранстве, как это принято при возвращении царя. Юный Птолемей, наряду с другими знаками исключительного внимания к гостю, предоставил ему кров и стол в своем дворце; до того времени туда не допускался еще ни один чужеземный полководец. Средства на его содержание были отпущены вчетверо бóльшие, чем обыкновенно, однако Лукулл не принимал ничего сверх необходимого. Он отказался также и от присланного царем подарка — а тот стоил целых восемьдесят талантов! По рассказам, он не стал ни посещать Мемфис, ни осматривать

другие прославленные достопримечательности Египта, заметив, что это прилично делать досужему путешественнику, разъезжающему в свое удовольствие, а не тому, кто, как он, оставил своего полководца в палатке в открытом поле, неподалеку от укреплений врага.

III. ОТ СОЮЗА с римлянами Птолемей, страшась войны, уклонился. Однако он предоставил Лукуллу суда, которые сопровождали его до Кипра, а при отплытии преподнес ему в знак своего расположения и почтения оправленный в золото смарагд огромной цены. Лукулл поначалу вежливо отказывался, но когда царь показал ему, что на камне вырезано его собственное изображение, Лукулл остерегся отвергать дар, чтобы не рассориться с Птолемеем окончательно и не стать на море жертвой его козней.

Он поплыл вдоль берега и набрал в приморских городах, кроме тех из них, что принимали участие в пиратских беззакониях, множество кораблей и с ними прибыл на Кипр. Там он узнал, что неприятели укрылись в засаде у мысов и поджидают его; тогда он распорядился вытащить на берег все суда и обратился к городам с просьбой приготовить зимние квартиры и продовольствие, как будто намеревался задержаться на Кипре до весны. Но как только задул попутный ветер, он неожиданно велел спустить корабли на воду и отплыл; днем он шел с подвязанными и спущенными парусами, ночью — на всех парусах. Таким образом он благополучно достиг Родоса. У родосцев он получил корабли, а граждан Коса и Книда уговорил изменить царю и вместе идти на самосцев. Хиос он своими силами очистил от царских войск, освободил колофонян и схватил их тирана Эпигона.

В это самое время Митридат уже сдал Пергам и вынужден был запереться в Питане. Там его окружил и осадил с суши Фимбрия, так что царь обратил свои взоры к морю; оставив даже мысль о том, чтобы продолжать борьбу с таким решительным и победоносным противником, как Фимбрия, он начал отовсюду собирать и призывать к себе свои суда. Фимбрия видел все это, но у него не хватало морских сил, поэтому он послал к Лукуллу, упрашивая его прийти со

своими кораблями и помочь изловить самого ненавистного и враждебного из царей, чтобы не ушла от римлян эта драгоценная добыча, ради которой было принято столько ратных трудов,— Митридат, который уже попал в западню и окружен тенетами! Когда он будет захвачен, продолжал Фимбрия, никому не достанется большей славы, нежели тому, кто заградил ему выходы и настиг при бегстве. Если он, Фимбрия, будет теснить Митридата с суши, а Лукулл запрет его с моря, то честь победы будет принадлежать им двоим, а хваленые победы Суллы у Орхомена и под Херонеей римляне не будут ставить ни во что.

Слова Фимбрии были далеко не лишены смысла; напротив, всякому ясно́, что послушайся его тогда Лукулл, приведи он в Питану свои корабли (они и находились-то неподалеку) и замкни гавань — войне пришел бы конец и мир был бы избавлен от бесчисленных бед. Но Лукулл, по-видимому, ставил свой долг перед Суллой превыше как своего собственного, так и государственного блага. Возможно также, что он не желал иметь ничего общего с Фимбрией, этим негодяем, который недавно из властолюбия убил своего друга и полководца, а может быть, на то была воля божества, чтобы он спас Митридата — своего будущего противника. Как бы то ни было, он не принял этого предложения, так что Митридат смог уплыть, смеясь над Фимбрией и его войском. Сам Лукулл сначала разбил в морском сражении при Лекте Троадском встретившиеся ему царские корабли. Затем он приметил, что у Тенедоса стоят на якоре превосходящие силы Неоптолема, и двинулся на них во главе своих судов на родосской пентере, которую вел Дамагор, человек, преданный римлянам и весьма опытный в морских сражениях. Когда Неоптолем стремительно поплыл навстречу и приказал своему кормчему таранить корабль Лукулла, Дамагор, опасаясь тяжести царского корабля с его окованным медью носом, не решился принять удар носовой частью, но стремительным движением повернул корабль и подставил под таран корму. Удар был нанесен, но не причинил судну вреда, так как не задел его подводную часть. Тем временем подоспели на помощь свои, и Лукулл велел снова повернуть на

врагов; совершив немало достопамятных подвигов, он обратил врагов в бегство и пустился в погоню за Неоптолемом.

IV. ОТТУДА он направился на соединение с Суллой, который уже стоял под Херсонесом и готовился переправиться в Малую Азию. Лукулл обеспечил безопасность переправы и помог перевезти войска. Когда затем, по заключении мира, Митридат отплыл в обратный путь Понтом Эвксинским, а Сулла наложил на Азию штраф в двадцать тысяч талантов, сбор этих денег и чеканка монеты были поручены Лукуллу. Надо полагать, это явилось для городов, испытавших на себе жестокость Суллы, некоторым утешением, ибо, исполняя столь неприятную и суровую обязанность, Лукулл выказал себя не только бескорыстным и справедливым, но и человечным.

С митиленцами, которые осмелились на явную измену, он тоже хотел было обойтись мягко, назначив им умеренное наказание за то, что они сделали с Манием. Когда же он увидел, что они упорствуют в своем безумии, он двинулся на них с моря, одолел в сражении, запер в городских стенах и начал осаду. Вскоре, однако, он среди бела дня, у всех на глазах, удалился в Элею — чтобы незаметно вернуться и притаиться в засаде близ города. И вот, когда митиленцы дерзко и без всякого порядка вышли, надеясь беспрепятственно разграбить пустой лагерь, он ударил на них, великое множество взял в плен, пятьсот мятежников перебил в бою и захватил шесть тысяч рабов и несметную добычу.

Волею богов дела задерживали Лукулла в Азии, и он остался непричастен к тем ужасам, которые щедро и на разные лады творили в Италии Сулла и Марий. Это не помешало Сулле питать к нему не меньшее благоволение, нежели к кому бы то ни было другому из своих друзей, и в знак своей привязанности он посвятил Лукуллу, как уже было сказано, свои «Воспоминания», а умирая, в завещании назначил его опекуном своего сына, обойдя Помпея. Кажется, именно это послужило первой причиной для ревнивой зависти и раздора между Лукуллом и Помпеем — ведь оба были еще молодыми людьми, загоравшимися при мысли о славе.

V. ВСКОРЕ после кончины Суллы, около сто семьдесят шестой олимпиады, Лукулл вместе с Марком Коттой был избран консулом. В ту пору многие стремились снова разжечь войну с Митридатом, и Марк сказал о войне, что она «не умерла, а только задремала». Поэтому Лукулл был огорчен, когда ему досталась в управление Галлия, лежащая по сю сторону Альп, где не представлялось возможности совершить что-нибудь значительное. Всего же более тревожила его слава, завоеванная Помпеем в Испании: сумей только тот покончить с Испанской войной, и наверняка его, и никого другого, тотчас изберут полководцем для войны с Митридатом. Когда Помпей потребовал денег и написал, что, если ему ничего не пришлют, он оставит Испанию и Сертория и отведет войска в Италию, Лукулл с великой охотой содействовал высылке денег, лишь бы тот ни под каким видом не возвращался во время его консульства: если бы тот явился с таким огромным войском, все государство оказалось бы в его руках! Вдобавок Цетег, человек, пользовавшийся тогда наибольшим влиянием в государстве, ибо словом и делом угождал толпе, относился к Лукуллу довольно враждебно, потому что тому были омерзительны его постыдные любовные похождения, его наглость и распущенность. С ним Лукулл вступил в открытую борьбу, в то время как Луция Квинтия, другого народного вожака, который восстал против установлений Суллы и пытался насильственно изменить государственный строй, он многочисленными частными беседами и публичными увещаниями убедил отказаться от своих планов и унять свое честолюбие; так, действуя как можно более сдержанно, он к величайшей пользе для государства пресек страшную болезнь при самом ее возникновении.

VI. ТЕМ ВРЕМЕНЕМ пришло известие, что Октавий, правитель Киликии, умер. Многие жаждали получить эту провинцию и заискивали перед Цетегом как перед человеком, который более, чем кто-либо иной, мог в этом помочь. Лукулла сама по себе Киликия не очень привлекала, но он рассчитывал, что если она достанется ему, то рядом окажется Каппадокия, и тогда уже никого другого воевать с Митридатом не пошлют. Поэтому он пустил в ход все средства, лишь бы нико-

му не уступить эту провинцию, и кончил тем, что под гнетом обстоятельств, изменив собственной природе, решился на дело недостойное и непохвальное, однакож весьма полезное для достижения его цели. Жила тогда в Риме некая Преция, которая была известна всему городу своей красотой и наглостью. Вообще-то она была ничем не лучше любой женщины, открыто торгующей собой, но у нее было умение использовать тех, кто посещал ее и проводил с ней время, для своих замыслов, касавшихся государственных дел и имевших в виду выгоду ее друзей. Благодаря этому в придачу к прочим своим притягательным свойствам она приобрела славу деятельного ходатая за своих поклонников, и ее влияние необычайно возросло. Когда же ей удалось завлечь в свои сети и сделать своим любовником Цетега, который в это время был на вершине славы и прямо-таки правил Римом, тут уже вся мощь государства оказалась в ее руках: в общественных делах ничто не двигалось без участия Цетега, а у Цетега — без приказания Преции. Так вот ее-то Лукуллу удалось привлечь на свою сторону подарками или заискиванием (впрочем, для этой надменной и тщеславной женщины сама по себе возможность делить с Лукуллом его честолюбивые замыслы казалась, вероятно, чрезвычайно заманчивой). Как бы то ни было, Цетег сразу принялся всюду восхвалять Лукулла и сосватал ему Киликию. Но стоило Лукуллу добиться своего — и ему уже не было нужды в дальнейшем содействии Преции или Цетега: все сограждане в полном единодушии поручили ему Митридатову войну, считая, что никто другой не способен лучше довести ее до конца: Помпей все еще бился с Серторием, Метелл был слишком стар,— а ведь только этих двоих и можно было считать достойными соперниками Лукулла в борьбе за звание полководца. Тем не менее и Котта, товарищ Лукулла по должности, после долгих и настоятельных просьб в сенате был послан с кораблями для охраны Пропонтиды и для обороны Вифинии.

VII. И ВОТ Лукулл во главе легиона, который он сам набрал в Италии, переправился в Малую Азию. Там он принял командование над остальными силами. Все войско было давно испорчено привычкой к роскоши

и жаждой наживы, а особенно этим отличались так называемые фимбрианцы, которых совсем невозможно было держать в руках: сказывалась привычка к безначалию! Ведь это они во главе с Фимбрией убили своего консула и полководца Флакка, а затем и самого Фимбрию предали Сулле. Все это были люди строптивые и буйные, хотя в то же время храбрые, выносливые и обладавшие большим военным опытом. Однако Лукуллу удалось в короткое время сломить дерзость фимбрианцев и навести порядок среди остальных. Должно быть, им впервые пришлось тогда столкнуться с настоящим начальником и полководцем, ведь до сей поры перед ними заискивали, приучая их обращать воинскую службу в забаву.

Между тем дела у врагов обстояли следующим образом. Поначалу, когда Митридат двинул на римлян свое войско, изнутри прогнившее, хотя на первый взгляд блистательное и горделивое, он был, словно шарлатаны-софисты, хвастлив и надменен, но затем с позором пал. Однако неудача прибавила ему ума. Задумав начать войну во второй раз, он ограничил свои силы и их вооружение тем, что было действительно нужно для дела. Он отказался от пестрых полчищ, от устрашающих разноязыких варварских воплей, не приказывал больше готовить изукрашенного золотом и драгоценными камнями оружия, которое прибавляло не мощи своему обладателю, а только жадности врагу. Мечи он велел ковать по римскому образцу, приказал готовить длинные щиты и коней подбирал таких, что хоть и не нарядно разубраны, зато хорошо выучены. Пехоты он набрал сто двадцать тысяч и снарядил ее наподобие римской; всадников было шестнадцать тысяч, не считая серпоносных колесниц. К этому он прибавил еще корабли, на сей раз без раззолоченных шатров, без бань для наложниц и роскошных покоев для женщин, но зато полные оружием, метательными снарядами и деньгами. Закончив эти приготовления, царь вторгся в Вифинию. Города снова встречали его с радостью, и не только в одной Вифинии: всю Малую Азию охватил приступ прежнего недуга, ибо то, что она терпела от римских ростовщиков и сборщиков податей, переносить было невозможно. Впоследствии Лукулл прогнал этих хищных

гарпий, вырывавших у народа его хлеб, но первоначально он лишь увещевал нх, призывая к умерениости, чем и удерживал от полного отпадеиия общииы, нз которых, можио сказать, нн одна не хранила спокойствия.

VIII. ПОКА Лукулл был занят этими делами, Котта решил, что настал его счастливый час, и начал готовиться к бнтве с Митрндатом. Приходилн вестн, что Лукулл подходит н уже остаиовнлся во Фригин, и вот Котта, воображая, что трнумф почтн что в его руках, и боясь, что придется делнть славу с Лукуллом, поторопился со сражением — н достиг того, что в один день был разбнт и на суше, и на море, потеряв шестьдесят судов со всеми людьмн и четыре тысячи пехотинцев. Сам он был заперт и осажден в Халкедоне, так что ему оставалось ждать избавлеиия только от Лукулла. Тогда сталн раздаваться голоса, призывавшие Лукулла бросить Котту на произвол судьбы, идти вперед н захватить Митрндатовы владения, пока оин лишеиы защнтииков. Такие речи велн главиым образом солдаты, досадовавшие, что Котта своим безрассудством не только иавлек злую погибель на себя и своих подначальных, но н для них становнтся помехой как раз тогда, когда онн моглн бы выиграть войну без едииой битвы. Однако Лукулл выступил перед солдатами с речью, в которой заявнл, что предпочел бы вызволить из рук врагов хоть одного рнмлянина, нежели завладеть всем достоянием вражеским. Архелай (тот, что возглавлял войска Митридата в Беотни, но затем отложился от него н перешел иа службу к римлянам) заверял, что стоит только Лукуллу появиться в Поитийском царстве, тотчас все оно окажется в его руках. Лукулл возразил, что ои не трусливее обыкновеиных охотников и не стаиет обходить зверя, чтобы ндти войной иа его опустевшее логово. После такнх слов он двииулся иа Митридата, имея в своем распоряжеинн тридцать тысяч пехотиицев н две с половииой тысячн коиииков.

Став лагерем в виду вражеских войск, ои был поражеи их многочислеиностью н решнл было в бой не вступать, а выиграть время, затягивая войиу; однако Марий, военачальник Сертория, послаииый им во главе отряда нз Испанин к Мнтридату, вышел навстречу

Лукуллу и вызвал его на бой. Тот выстроил свои войска в боевой порядок, и противники уже вот-вот должны были сойтись, как вдруг, совершенно внезапно, небо разверзлось, и показалось большое огненное тело, которое неслось вниз, в промежуток между обеими ратями; по виду своему оно более всего походило на бочку, а по цвету — на расплавленное серебро. Противники, устрашенные знамением, разошлись без боя. Это случилось, как рассказывают, во Фригии, около места, которое называют Отрия. Лукулл рассчитал, что при любых приготовлениях и самых больших средствах долгое время обеспечивать пропитанием в непосредственной близости от врага такое множество солдат, какое было у Митридата,— выше сил человеческих. Он велел привести к себе одного из пленных и сначала спросил его, много ли товарищей было с ним в одной палатке, а затем — сколько в палатке было запасено продовольствия. Когда тот ответил, Лукулл велел ему уйти и подверг такому же допросу другого, третьего, затем сопоставил количество заготовленного продовольствия с числом едоков и пришел к выводу, что запасы врагов кончатся в три-четыре дня. Это окончательно убедило его, что спешить с битвой не следует. Он велел делать в лагере огромные запасы, чтобы можно было, вдоволь обеспечив себя, поджидать, когда нужда доведет врага до крайности.

IX. ТЕМ ВРЕМЕНЕМ Митридат замыслил напасть на кизикийцев, которые уже понесли большие жертвы в сражении при Халкедоне,— они потеряли четыре тысячи солдат и десять судов. Желая скрыть свои действия от Лукулла, он двинулся немедленно после ужина, темной и ненастной ночью, а на рассвете уже расположил свои силы перед городом, под горой Адрастии. Лукулл, узнав об этом, отправился за ним следом. Довольный тем, что не пришлось столкнуться с неприятелем, еще не успев выстроить своих в боевой порядок, он разместил солдат лагерем возле деревни, название которой было Фракия; по природным качествам эта позиция наилучшим образом обеспечивала господство над местностью и дорогами, по которым только и могло идти продовольствие солдатам Митридата. Предвидя в своих расчетах будущее, он не делал

из них тайны, но когда лагерь был устроен и работы кончены, созвал солдат на сходку и гордо заявил, что через несколько дней добудет им бескровную победу.

Между тем Митридат окружил Кизик с суши десятью лагерями, занял кораблями пролив, отделяющий город от материка, и повел осаду с обеих сторон. Кизикийцы с полным бесстрашием относились к опасности, твердо решившись вынести любые беды, но сохранить верность римлянам; однако они не знали, где находится Лукулл, и отсутствие всяких о нем сведений внушало им тревогу. Между тем его лагерь находился от них так близко, что был им прекрасно виден, но их вводили в обман воины Митридата, которые, показывая на римлян, раскинувших на возвышенном месте свои палатки, говорили: «Видите? Это армянские и мидийские войска, их прислал на помощь Митридату Тигран!» Осажденные приходили в ужас от того, что такое множество врагов окружает их, и начинали думать, что даже если бы Лукулл и пришел, он уже не смог бы им помочь. Первым сообщил им о близости Лукулла Демонакт, посланец Архелая. Ему они не поверили, думая, что он лжет, чтобы утешить их в бедствиях, но тут явился мальчик, захваченный врагами в плен и сумевший бежать, и когда они принялись его расспрашивать, не слышно ли, где Лукулл, он принял это за шутку и засмеялся, а поняв, что они спрашивают всерьез, показал рукой на римский лагерь. Тогда к кизикийцам вернулась бодрость.

По Даскилийскому озеру плавали довольно большие челны, и вот Лукулл велел вытащить самый большой из них на берег и довезти на повозке до моря, а затем посадил в него столько воинов, сколько в нем поместилось. Ночью они незаметно переправились через пролив и пробрались в город.

X. КАЖЕТСЯ, и само божество, благосклонно взирая на отвагу кизикийцев, старалось их ободрить, что проявилось как в иных очевидных знамениях, так в особенности в следующем. Когда наступил праздник Ферефаттий, у осажденных не было черной коровы для жертвы, и они вылепили из теста и поставили у алтаря ее изображение. Между тем посвященная богине корова, которую нарочно для этого откармлива-

ли, паслась, как и весь скот кизикийцев, на противоположном берегу пролива, однако в самый день празднества она покинула стадо, одна добралась вплавь до города и предоставила себя для жертвоприношения. Богиня сама явилась в сновидении городскому писцу Аристагору и молвила: «Вот, я пришла и веду на трубача понтийского флейтиста ливийского. Возвести же гражданам, чтобы они ободрились!» Кизикийцы дивились такому вещанию, между тем на заре подул резкий северный ветер, и море взволновалось. Осадные машины царя, дивные творения фессалийца Никонида, придвинутые к стенам города, своим шумом и лязгом первыми дали понять, что произойдет в ближайшем будущем. Затем с невероятной силой забушевал южный ветер, в короткое время он сокрушил все машины и среди прочих раскачал и повалил деревянную осадную башню в сотню локтей высотой. Рассказывают также, что многим жителям Илиона являлась во сне Афина. Богиня обливалась потом и, показывая свое разодранное одеяние, говорила, что только что пришла из Кизика, за граждан которого она билась. Илионцы даже показывают каменную плиту, на которой начертаны постановления и записи, касающиеся этого случая.

XI. ДО СЕГО времени Митридата обманывали его собственные полководцы, и он пребывал в неведении относительно голода, царившего в его лагере, досадуя на то, что кизикийцы все еще не сдаются. Но скоро настал конец его честолюбивому и воинственному пылу: он узнал, какая нужда терзала его солдат, доводя их до людоедства. Да, Лукулл не превращал войну в зрелище и не стремился к показному блеску: как говорится, он бил врага по желудку и прилагал все усилия к тому, чтобы лишить его пропитания. Поэтому, когда Лукулл занялся осадой какого-то укрепления, Митридат поспешил воспользоваться случаем и отослал в Вифинию всю свою конницу вместе с обозом и наименее боеспособную часть пехоты. Как только Лукулл узнал об этом, он поспешил ночью прибыть в лагерь и ранним утром (было все это зимой) пустился в погоню во главе десяти когорт и конницы. Преследователи попали в снежную бурю и терпели немалые трудности. Многие солдаты из-за холо-

да выбились из сил и отстали, но с оставшимися Лукулл настиг врагов у реки Риндака и нанес им такое поражение, после которого женщины из Аполлонии выходили за стены собирать поклажу Митридатовых солдат и грабить трупы. Убито было врагов в этом сражении, надо полагать, множество, а захватить удалось шесть тысяч коней, несметное количество вьючного скота и пятнадцать тысяч пленных. Всю эту добычу Лукулл провел мимо вражеского лагеря. Меня удивляет утверждение Саллюстия, будто римляне тогда впервые увидели верблюдов. Неужели он полагает, что ни войску Сципиона, победившему в свое время Антиоха, ни тем римским солдатам, которые незадолго до того бились с Архелаем под Орхоменом и при Херонее, не было случая познакомиться с этим животным?

Митридат решил отступать как можно скорее и, чтобы отвлечь внимание Лукулла и задержать его с тыла, послал в Греческое море флот под командою Аристоника. Лукулл изменой захватил последнего почти в миг его отплытия, а при нем десять тысяч золотых, которыми тот надеялся подкупить кого-нибудь в римском войске. После этого Митридат бежал морем, а войско начальники пехоты повели сушей. Лукулл ударил на отступающих около реки Граника, взял множество пленных и перебил двадцать тысяч. Говорят, что если считать вместе и обозных и воинов, то у врагов погибло немногим меньше трехсот тысяч человек.

XII. ПОСЛЕ этого Лукулл вступил в Кизик и насладился заслуженными почестями и любовью граждан. Затем он двинулся вдоль Геллеспонта, набирая корабли. Прибыв в Троаду, он расположился на ночлег в храме Афродиты, и ночью, во сне, ему предстала богиня, которая молвила:

Лев могучий, что спишь? От тебя недалеко олени!

Лукулл поднялся, созвал друзей и рассказал им о своем видении. Еще не рассветало, когда из Илиона пришли с известием, что возле Ахейской гавани показалось тринадцать царских пентер, плывущих на Лемнос. Лукулл немедленно вышел в море, захватил

эти суда, убив начальствовавшего над ними Исидора, а затем двинулся дальше — против остальных. Враги в это время стояли на якоре. Они подтянули все суда вплотную к берегу и принялись ожесточенно биться с палуб, нанося урон солдатам Лукулла. Место было такое, что оказалось невозможным обойти корабли неприятеля, а так как Лукулловы суда качались на волнах, а суда противника спокойно стояли на твердом дне, одолеть их прямым натиском также было немыслимо. С трудом удалось Лукуллу высадить своих отборных солдат в таком месте острова, где к берегу хоть как-то можно было пристать, и, ударив на врагов с тыла, они одних перебили, других принудили рубить канаты и спасаться, уходя в море, а там неприятельские суда сталкивались друг с другом и попадали под таран кораблей Лукулла. Множество врагов было убито, а в числе пленных оказался сам Марий — полководец, присланный Серторием. Он был крив на один глаз, и еще перед нападением Лукулл отдал солдатам приказ не убивать одноглазых, чтобы Марий перед смертью претерпел поношение и позор.

XIII. ПОКОНЧИВ с этим, Лукулл устремился в погоню уже за самим Митридатом. Он рассчитывал настигнуть его еще в Вифинии, где его должен был запереть Воконий, посланный с кораблями в Никомедию, чтобы не дать царю бежать. Однако Воконий, занявшись посвящением в самофракийские таинства и торжествами по этому случаю, упустил время, и Митридат отплыл со своим флотом. Царь спешил уйти в воды Понта Эвксинского прежде, чем Лукулл за ним погонится, но его застигла сильная буря; часть судов она рассеяла, а прочие потопила, так что все взморье еще много дней было усеяно обломками кораблей, которые выбрасывал прибой. Грузовое судно, на котором плыл сам Митридат, из-за своей величины не могло подойти к берегу, и кормчие остановили его в разбушевавшемся море, среди ярости волн, но и на воде оно уже не могло держаться, так как в трюм набралась вода, и царю пришлось перейти на легкое пиратское суденышко, доверив свою жизнь морским разбойникам. Этим опасным способом ему

удалось, вопреки всякому ожиданию, благополучно достичь Гераклеи Понтийской.

Таким образом, судьба не покарала Лукулла за его похвальбу перед сенатом. Когда сенаторы постановили выделить на постройку военных судов три тысячи талантов, он воспротивился этому и высокомерно заверил их в письме, что и без таких затрат и хлопот, с одними только кораблями союзников сумеет прогнать Митридата с моря. Не без божественной помощи это удалось ему: говорят, что бурю на понтийский флот наслала Артемида Приапская, гневаясь на ограбление своего храма и похищение кумира.

XIV. МНОГИЕ советовали тогда Лукуллу на время прекратить военные действия; но он пренебрег этими советами и через Вифинию и Галатию вторгся во владения царя. Сначала он терпел недостаток в съестных припасах, так что тридцати тысячам галатов было приказано следовать за его войском и нести на плечах по медимну зерна, но он шел вперед, преодолевая все препятствия на своем пути, и дождался такого изобилия, что бык стоил в лагере драхму, раб — четыре драхмы, а прочую добычу вообще ни во что не ставили и либо бросали, либо уничтожали. В самом деле, сбыть ее товарищу воин не мог — у того ведь тоже было всего вдоволь. Однако вплоть до самой Темискиры и долины Термодонта и конники и пехотинцы могли производить разрушения и грабежи лишь в сельских местностях, а потому стали укорять Лукулла, что он приводит все города к подчинению мирным путем и не дает им случая нажиться, взяв хотя бы один из них приступом. «Ведь вот и теперь,— говорили воины,— мы легко могли бы взять Амис, этот цветущий и богатый город, стоит только живее взяться за осаду, но нам приходится все бросить, чтобы идти за этим человеком в Тибаренскую и Халдейскую пустыни воевать с Митридатом!» Не думал Лукулл, что все это доведет солдат до такого безумия, до какого они дошли впоследствии, и оставлял подобные речи без внимания, пропуская их мимо ушей. Скорее он находил нужным оправдывать свои действия перед теми, кто, напротив, обвинял его в медлительности за то, что, задерживаясь возле маловажных селений

и городов, он дает Митридату возможность накопить силы. «Это-то мне и нужно,— возражал он им,— я медлю с умыслом: пусть царь снова усилится и соберет достаточные для борьбы войска, так, чтобы он оставался на месте и не убегал при нашем приближении. Или вы не видите, что за спиной у него беспредельные просторы пустынь, а рядом — Кавказ, огромный горный край с глубокими ущельями, где могут найти защиту и прибежище хоть тысячи царей, избегающих встречи с врагом. К тому же от Кабир всего несколько дней пути до Армении, а в Армении царствует Тигран, царь царей, который со своей ратью преграждает парфянам дорогу в Малую Азию, а греческие городские общины переселяет в Мидию, который завладел Сирией и Палестиной, а царей из рода Селевка предает смерти и уводит в неволю их жен и дочерей. И такой человек — родственник, зять Митридату! Уж если тот прибегнет к его защите, он не оставит его в беде и начнет с нами войну. Как бы нам, торопясь выгнать Митридата из его владений, не связаться на свою беду с Тиграном! Ведь он уже давно ищет предлога для войны с нами, а где же он найдет лучший, чем помочь в беде царственному родичу? К чему нам добиваться этого, зачем учить Митридата, к чьей помощи прибегнуть в борьбе против нас? Зачем загонять его в объятия Тиграна, когда он сам этого не хочет и считает за бесчестие? Не лучше ли будет дать ему время собрать собственные силы и снова воспрянуть духом — ведь тогда нам придется сражаться не с мидянами и армянами, а с колхами, тибаренами и каппадокийцами, которых мы много раз бивали!»

XV. ТАКОВЫ были соображения, по которым Лукулл долго стоял перед Амисом и не прилагал особого усердия к его осаде. Однако по окончании зимы он поручил осаду Мурене, а сам двинулся на Митридата, который в это время стоял в Кабирах, намереваясь там дать отпор римлянам. Царю удалось набрать около сорока тысяч пехотинцев и четыре тысячи всадников, на которых он возлагал особые надежды. Митридат перешел реку Лик и там, в долине, стал вызывать римлян на бой. Разыгралось конное сражение, и римляне бежали. Некий Помпоний, человек не безве-

стиный, был ранен и попал в плен. Когда его, тяжко страдающего от ран, привели к Митридату и царь спросил его, станет ли он ему другом, если будет пощажен, Помпоний ответил: «Если ты заключишь с римлянами мир — да. Если нет — я враг!» Митридат подивился ему и не причинил ему никакого зла.

Лукулл боялся сойти на равнину, так как перевес в коннице был на стороне врагов, но идти длинной горной дорогой, по лесистым, труднопроходимым местам он тоже не решался. По счастью, к нему привели нескольких греков, которые прятались в какой-то пещере, и старший среди них, Артемидор, обещал Лукуллу послужить ему проводником и доставить в такое место, где войско может безопасно расположиться лагерем и где есть небольшое укрепление, нависающее над Кабирами. Лукулл поверил ему и с наступлением ночи велел развести костры и трогаться в путь. Благополучно миновав узкие проходы, он занял укрепление, и на заре враги снизу увидели, что он разбивает лагерь прямо над ними, в таком месте, откуда может, если пожелает, на них напасть, а если решит сидеть спокойно, будет для них недосягаем.

Ни та, ни другая сторона пока не намеревалась пытать удачу в битве. Но, как рассказывают, случилось так, что воины царя погнались за оленем, а наперерез им бросились римляне. Завязалась стычка, и к тем, и к другим на подмогу все время подходили товарищи, наконец, царские солдаты победили. Те римляне, которые из лагеря видели бегство своих товарищей, в негодовании сбежались к Лукуллу, упрашивая его вести их на врага и требуя подать сигнал к сражению. Но Лукулл решил показать им, чего стоит в трудах и опасностях войны присутствие умного полководца, и поэтому велел им не трогаться с места, а сам спустился на равнину и первым же беглецам, которые попались ему навстречу, приказал остановиться и идти с ним на врага. Те повиновались, а когда и остальные повернули назад и собрались все вместе, они без особого труда обратили врагов в бегство и гнались за ними до самого лагеря. Возвратившись к своему войску, Лукулл наложил на беглецов обыч-

ное в таких случаях позорное наказание: они должны были на глазах других воинов в одних туниках, без пояса, вырыть ров в двенадцать футов длиной.

XVI. БЫЛ в войске Митридата некто Олтак, из дандарийских правителей; дандарии — это одно из варварских племен, что живут по берегам Мэотиды. Человек этот в бою выказывал незаурядную силу и отвагу, мог подать совет в самых важных делах и к тому же отличался приятным обхождением и услужливостью. И вот этот Олтак постоянно вел ревнивый спор о первенстве с одним из единоплеменных правителей, что и побудило его обещать Митридату совершить великое деяние — убить Лукулла. Царь одобрил этот замысел и для вида несколько раз оскорбил Олтака, чтобы тому легче было разыграть ярость, после чего Олтак на коне перебежал к Лукуллу. Тот принял его с радостью и вскоре, испытав на деле его сметливость и готовность услужить, настолько привязался к нему, что иногда допускал его к своей трапезе и на совещания с военачальниками. Наконец дандарий решил, что благоприятный миг настал. Он велел слугам вывести своего коня за пределы лагеря, а сам в полдень, когда солдаты отдыхали, пошел к палатке полководца, рассчитывая, что никто не помешает ему войти: ведь он уже стал своим человеком и к тому же он может сказать, что у него важные вести. Он бы и вошел беспрепятственно, если бы Лукулла не спасло то, что стольких полководцев сгубило,— сон. Как раз в это время Лукулл задремал, и Менедем, один из его слуг, стоявший у дверей, заявил Олтаку, что тот пришел не вовремя: Лукулл только что заснул после тяжких трудов и множества бессонных ночей. Олтак не послушался его и не ушел, сказав, что войдет и без спроса: ему-де нужно переговорить об очень нужном и важном деле. Тут Менедем рассердился и со словами: «Нет дела важнее, чем беречь Лукулла!» — вытолкал обеими руками надоедливого дандария. Тот в страхе тихонько выбрался из лагеря, сел на коня и вернулся в Митридатов лагерь, так ничего и не сделав. Вот так и дела человеческие, подобно снадобьям, получают спасительную или губительную силу в зависимости от обстоятельств.

XVII. ВСКОРЕ после этого Сорнатий с десятью когортами был отправлен на поиски продовольствия. За ним погнался Менандр, один из полководцев Митридата, но Сорнатий вступил с ним в бой, нанес ему немалый урон и обратил врагов в бегство. Затем, чтобы солдаты имели хлеб в полном изобилии, был снова отряжен с войсками Адриан. Митридат не оставил этого без внимания и выслал против него значительные пешие и конные силы под предводительством Менемаха и Мирона, однако, говорят, все они, кроме двоих человек, были изрублены римлянами. Митридат пытался скрывать размеры этой беды: просто-де его полководцы по неопытности своей потерпели небольшую неудачу. Но когда Адриан торжественно прошествовал мимо его лагеря в сопровождении множества повозок, груженных продовольствием и боевой добычей, царь впал в уныние, а его солдат охватили смятение и неодолимый страх. Тогда было решено немедленно отступать. Царские служители заблаговременно начали потихоньку вывозить свое имущество, а другим не давали этого делать. Солдаты пришли в ярость, столпились у выхода из лагеря, и начались бесчинства: имущество расхищалось, а владельцев предавали смерти. Полководцу Дорилаю, у которого только и было, что пурпурное платье на плечах, пришлось из-за него погибнуть, жреца Гермея насмерть затоптали в воротах. Сам Митридат, брошенный всеми своими прислужниками и конюхами, смешался с толпой и насилу выбрался из лагеря. Он даже не смог взять из царских конюшен коня, и лишь позднее евнух Птолемей, заметив его в потоке бегущих, спрыгнул со своей лошади и уступил ее царю. В это время римляне уже напирали сзади и гнались за царем с такой быстротой, что вполне могли бы его захватить. Но когда они были совсем близко от цели, эта добыча, за которой так долго охотились, претерпевая тяжкие труды и великие опасности, из-за алчности и корыстолюбия солдат ускользнула от римлян, и Лукулл, уже победив, лишился победного венка! Дело было так. Погоня уже настигла было коня, уносившего Митридата, как вдруг между царем и преследователями оказался один из мулов, на которых везли золото: может быть, он попал туда случай-

но, а возможно, царь с умыслом подсунул его римлянам. Солдаты стали расхватывать поклажу мула, и пока они подбирали золото и дрались между собою, время было упущено. То был не единственный плод их алчности, горечь которого довелось тогда вкусить Лукуллу. Когда был взят в плен Каллистрат, поверенный тайн царя, солдатам было приказано отвести его в лагерь живым, но по дороге они приметили у него в поясе пятьсот золотых и убили его. Несмотря на это, Лукулл отдал им неприятельский лагерь на разграбление.

XVIII. КОГДА Кабиры и почти все остальные крепости были взяты, в руках Лукулла оказались богатые сокровищницы, а также темницы, в которых было заточено множество греков и немало царевых родичей; все они уже давно считали себя погибшими, и Лукулл мало сказать принес им избавление — он воскресил их и вернул к жизни. Этому спасительному пленению подверглась в числе прочих и сестра Митридата Нисса, в то время как его жены и другие сестры, пребывавшие близ Фарнакии, казалось бы, вдали от бед, в полной безопасности, погибли жалким образом. Во время бегства Митридат послал к ним евнуха Бакхида, чтобы тот предал их смерти. Среди многих других женщин там были две сестры царя — Роксана и Статира, досидевшие в девицах до сорока лет, и две его жены, родом ионянки,— Береника с Хиоса и Монима из Милета. О последней особенно много говорили в Греции: когда в свое время царь домогался ее благосклонности и послал ей пятнадцать тысяч золотых, она на все отвечала отказом, пока он не подписал с ней брачный договор и не провозгласил ее царицей, прислав диадему. Она проводила дни свои в скорби и кляла свою красоту, которая дала ей господина вместо супруга и варварскую темницу вместо замужества и домашнего очага, заставила жить вдали от Греции, только во сне видя то счастье, на которое она понадеялась и на которое променяла подлинные блага эллинской жизни. Когда явился Бакхид и велел женщинам самим умертвить себя тем способом, который каждая из них сочтет самым легким и безболезненным, Монима сорвала с головы диадему, обернула ее вокруг шеи и повесилась, но тут же со-

рвалась. «Проклятый лоскут,— молвила она,— и этой услуги ты не оказал мне!» Плюнув на диадему, она отшвырнула ее и подставила горло Бакхиду, чтобы он ее зарезал. Береника взяла чашу с ядом, но ей пришлось поделиться им со своей матерью, которая была рядом и попросила ее об этом. Они испили вместе, но силы яда достало только на более слабую из них, а Беренику, выпившую меньше, чем было нужно, отрава никак не могла прикончить, и она мучилась до тех пор, пока Бакхид не придушил ее. О незамужних сестрах царя рассказывают, что если одна из них выпила яд с громкой бранью и отчаянными проклятиями, то у Статиры не вырвалось ни одного злого или недостойного ее слова; напротив, она воздавала хвалу своему брату за то, что, сам находясь в смертельной опасности, он не забыл позаботиться, чтобы они умерли свободными и избегли бесчестия. Лукуллу, от природы доброму и человеколюбивому, все это доставило немалое огорчение.

XIX. ТЕПЕРЬ он двинулся вперед и дошел до Талавр. Однако Митридат четырьмя днями раньше успел бежать к Тиграну в Армению, и Лукулл повернул назад. Он покорил халдеев и тибаренов, захватил Малую Армению и заставил сдаться много крепостей и городов. Затем он послал к Тиграну Аппия с требованием выдать Митридата, а сам направился к Амису, который все еще не был взят. Причиною тому были искусство полководца Каллимаха в изготовлении боевых машин и его невероятная изобретательность. Он делал все возможное в условиях осады, чтобы повредить римлянам, и впоследствии жестоко за это поплатился; Лукулл, однако, перехитрил его: неожиданно бросившись на приступ в тот час, когда Каллимах обыкновенно отпускал солдат на отдых, Лукулл овладел небольшой частью стены, и Каллимах бежал, но перед этим поджег город — то ли для того, чтобы римляне не смогли воспользоваться победой, то ли стараясь облегчить себе бегство: в самом деле, когда беглецы садились на суда, всем было не до них. Когда мощное пламя, вырвавшись вверх, охватило стены, солдаты приготовились грабить. Сожалея о гибнущем городе, Лукулл пытался снаружи подать помощь и приказывал гасить пожар, но никто его не слушал.

Войско с криком, гремя оружием, требовало добычи, пока Лукулл не уступил насилию, надеясь, что так, по крайней мере, сам город будет спасен от огня. Но он ошибся в своих расчетах. Солдаты повсюду шарили с факелами, всюду заносили огонь и таким образом сами погубили бо̀льшую часть строений. Когда на следующий день Лукулл вступил в город, он со слезами молвил друзьям, что если и прежде не раз завидовал Сулле, то сегодня как никогда дивится его удачливости: ведь он пожелал спасти Афины и спас их. «А я,— продолжал он,— хотел состязаться с ним в этом, но судьба уготовила мне славу Муммия!» Все же он старался помочь городу оправиться, насколько это было возможно. Пожар был затушен ливнем, который не без божьего изволения хлынул во время взятия города. Бо̀льшую часть домов, пострадавших от огня, Лукулл велел отстроить еще в своем присутствии; он ласково принял бежавших жителей Амиса, когда те возвратились в город, позволил селиться в нем всем желающим из греков, а также прирезал к землям города сто двадцать стадиев. Амис был основан афинянами в те времена, когда их держава процветала и владычествовала над морем; потому-то множество афинян, желавших спастись от тирании Аристиона, приезжали сюда, селились и приобретали права гражданства. Так довелось им, убежав от домашних бед, отведать горя на чужбине. Впрочем, те из них, кто спасся, получили от Лукулла пристойную одежду и по двести драхм каждый, а затем были отпущены с миром.

В числе других попал тогда в плен и грамматик Тираннион. Мурена выпросил его себе и затем отпустил на волю, недостойно воспользовавшись этим подарком. Конечно, Лукулл не хотел, чтобы такому человеку, высоко почитаемому за свою ученость, пришлось стать сначала рабом, а потом вольноотпущенником: подарить ему мнимую свободу означало отнять настоящую. Впрочем, это был не единственный случай, когда Мурена показал себя человеком, намного уступавшим в душевном благородстве своему полководцу.

XX. МЕЖДУ ТЕМ Лукулл занялся городами Азии. Теперь, когда он освободился от военных забот, он

хотел сделать так, чтобы и сюда пришли правосудие и законность — провинция была давно уже их лишена и терпела невероятные, несказанные бедствия. Откупщики налогов и ростовщики грабили и закабаляли страну: частных лиц они принуждали продавать своих красивых сыновей и девушек-дочерей, а города — храмовые приношения, картины и кумиры. Всех должников ожидал один конец — рабство, но то, что им приходилось вытерпеть перед этим, было еще тяжелее: их держали в оковах, гноили в тюрьмах, пытали на «кобыле» и заставляли стоять под открытым небом в жару на солнцепеке, а в мороз в грязи или на льду, так что после этого даже рабство казалось им облегчением.

Застав провинцию в столь бедственном положении, Лукулл сумел в короткий срок избавить этих несчастных от их притеснителей. Он начал с того, что запретил брать за ссуду более одного процента; далее, он ограничил общую сумму процентов размером самой ссуды; наконец, третье и самое важное его постановление предоставляло заимодавцу право лишь на четвертую часть доходов должника. Ростовщик, включавший проценты в сумму первоначального долга, терял все. Не прошло и четырех лет, как благодаря этим мерам все долги были выплачены и имения вернулись к своим владельцам незаложенными. Эта всеобщая задолженность была последствием того штрафа в двадцать тысяч талантов, который наложил на провинцию Сулла. Ростовщикам уже было выплачено вдвое больше, чем они ссудили, но при помощи процентов они довели долг до ста двадцати тысяч талантов. Теперь эти ростовщики кричали в Риме, что Лукулл-де чинит им страшную несправедливость, и подкупами натравливали на него кое-кого из народных вожаков; эти дельцы пользовались большим влиянием и держали в руках многих государственных деятелей, которые были их должниками. Зато Лукулла теперь любили не только облагодетельствованные им общины, но и другие провинции считали за счастье получить такого правителя.

XXI. ТЕМ ВРЕМЕНЕМ Аппий Клодий направился к Тиграну (этот Клодий приходился братом тогдашней жене Лукулла). Сначала царские проводники повели

его кружным путем, через верхнюю часть страны, заставив попусту потерять много времени. Узнав от одного вольноотпущенника-сирийца прямую дорогу, Клодий отказался от прежней — длинной и запутанной, как софизм, и распростился с проводниками-варварами. Через несколько дней он переправился через Евфрат и прибыл в Антиохию «при Дафне». Там ему и велено было дожидаться Тиграна: тот находился в отлучке, занятый покорением каких-то финикийских городов. За это время Клодий успел привлечь на свою сторону многих правителей, втайне тяготившихся господством армянского владыки (в их числе был и Зарбиен, царь Гордиены). Многие порабощенные города тайно отправляли к нему посланцев, и он обещал им помощь от имени Лукулла, но пока советовал воздерживаться от решительных действий. Для греков армянское владычество было невыносимым бременем, в особенности потому, что под влиянием своих необычайных удач царь преисполнился дерзости и высокомерия: ему стало казаться, будто все, что составляет предмет зависти и восхищения со стороны обыкновенных людей, не только находится в его власти, но нарочито ради него создано. Когда Тигран начинал, его возможности и планы были совсем ничтожны, а теперь он покорил множество народов, сломил, как не удавалось еще никому другому, мощь парфян и переполнил Месопотамию греками, которых он во множестве насильно переселил туда из Киликии и Каппадокии. Из других народов он согнал с прежних мест также кочевые племена арабов, которых поселил поближе к своей столице, чтобы использовать их для торговых надобностей. При нем находилось много царей на положении слуг, а четырех из них он постоянно держал подле себя в качестве провожатых или телохранителей: когда он ехал на коне, они бежали рядом в коротеньких хитонах, а когда сидел и занимался делами — становились по бокам, скрестив руки на груди. Считалось, что эта поза наилучшим образом выражает полное признание своей рабской зависимости: принимавшие ее как бы отдавали в распоряжение господина вместе со своим телом и свою свободу и выражали готовность все снести, стерпеть без возражений.

Однако Аппий, нимало не смущенный и не испуганный этим пышным зрелищем, с самого начала напрямик заявил, что пришел с тем, чтобы или получить Митридата, который должен быть проведен в триумфальном шествии Лукулла, или объявить Тиграну войну. Тигран силился слушать его с невозмутимым лицом и деланной усмешкой, но от присутствовавших не укрылось, до какой степени поразила его прямота речи этого юноши. Едва ли не впервые ему пришлось услышать голос свободного человека — впервые за те двадцать пять лет, что он царствовал, или, лучше сказать, глумился над народами. Ответ, данный им Аппию, гласил, что Митридата он не выдаст, а если римляне начнут войну, окажет им отпор. Разгневавшись на Лукулла за то, что тот именовал его в письме просто «царем», а не «царем царей», он и сам в своем ответе не назвал его императором. Однако Аппию он послал роскошные дары, а когда тот отказался их принять, добавил к ним еще новые. Аппий, не желая, чтобы думали, будто он отвергает подарки из вражды к Тиграну, взял одну чашу, а остальное отослал обратно и поспешил вернуться к своему полководцу.

XXII. ДО СЕГО ВРЕМЕНИ Тигран ни разу не пожелал ни видеть Митридата, ни говорить с ним — это со своим-то родичем, лишившимся столь великого царства! Он обращался с ним презрительно и надменно и держал его, словно узника, вдали от себя, в болотистых и нездоровых местах. Однако теперь он вызвал его ко двору, оказывая знаки почтения и любви; цари устроили тайное совещание, стараясь устранить причины для взаимного недоверия — на беду своим приближенным, ибо на них они сваливали вину. В числе последних оказался Метродор из Скепсия, человек немалой учености и не чуждый красноречия, который при Митридате достиг такого влияния, что его называли «отцом царя». Рассказывают, что когда Митридат послал его к Тиграну просить помощи против римлян, Тигран спросил: «А сам ты, Метродор, как посоветуешь мне поступить в этом деле?» То ли желая блага Тиграну, то ли зла Митридату, Метродор ответил, что как посол он просит за своего государя, но как советчик рекомендует отказать ему. Теперь

Тигран все рассказал Митридату, попросив его не быть с Метродором слишком жестоким; но тот был немедленно умерщвлен, и Тиграну пришлось раскаиваться в своей откровенности. Впрочем, откровенность эта была не единственной причиной гибели Метродора, она только дала последний толчок недобрым намерениям Митридата, который уже давно втайне ненавидел своего приближенного. Это стало совершенно очевидно, когда были захвачены тайные бумаги царя, среди которых был приказ о казни Метродора. Тигран устроил Метродору великолепные похороны, не пожалев никаких трат, чтобы почтить после смерти того, кого он предал при жизни.

При дворе Тиграна нашел конец и ритор Амфикрат, если только стоит упомянуть и его ради его афинского происхождения. По рассказам, он изгнанником прибыл в Селевкию на Тигре, и, когда его попросили там давать уроки красноречия, он кичливо и презрительно ответил: «В лохани дельфин не уместится!» Потом он уехал ко двору Клеопатры, Тиграновой супруги и дочери Митридата, но вскоре был оклеветан; ему запретили всякие сношения с греками, и он уморил себя голодом. Он тоже был с почестями похоронен Клеопатрой, и могила его находится близ Сафы (это название какой-то местности в той стране).

XXIII. ТЕМ ВРЕМЕНЕМ Лукулл, полной мерой одарив провинцию Азию правосудием и миром, не пренебрег и тем, что служит к веселью и удовольствию. Остановившись в Эфесе, он старался угодить городам победными шествиями и празднествами, состязаниями атлетов и гладиаторов. Со своей стороны, города отвечали ему учреждением в его честь Лукулловых игр и той искренней преданностью, которая дороже всяких почестей.

Когда возвратился Клодий и решено было идти войной на Тиграна, Лукулл снова направился с войском в Понтийское царство и осадил Синопу — или, лучше сказать, захвативших ее киликийцев, которые держали сторону царя. Враги ночью бежали, успев умертвить множество синопцев и поджечь город; когда Лукулл обнаружил их бегство, он вступил в Синопу, перебил восемь тысяч неприятелей, которые попа-

ли в его руки, а гражданам вернул их имущество и вообще проявил особую заботу об этом городе, причиной чего было одно видение. Некто предстал перед ним во сне с такими словами: «Подойди поближе, Лукулл! Автолик здесь и желает встретиться с тобой!» Проснувшись, Лукулл сначала не мог понять, что означает его сновидение. В тот же день он взял Синопу и во время преследования бежавших к своим судам киликийцев увидел лежащее у берега изваяние, которое киликийцы не успели дотащить до корабля: это было одно из лучших творений Стенида. И вот кто-то говорит Лукуллу, что это изваяние изображает Автолика, героя, основавшего Синопу! Этот Автолик, как передают, ходил с Гераклом из Фессалии в поход на амазонок, а отцом его был Деимах; когда он вместе с Демолеонтом и Флогием плыл назад, его корабль разбился возле Педалия на полуострове, однако сам он вместе с доспехами и товарищами спасся и отвоевал у сирийцев Синопу; до этого городом владели сирийцы, согласно преданию, возводившие свой род к Сиру, сыну Аполлона, и Синопе, дочери Асопа. Когда Лукулл услышал все это, ему пришло на ум наставление Суллы, который в своих «Воспоминаниях» советует ничего не считать столь достоверным и надежным, как то, что возвещено сновидением.

Между тем он получил известие, что Митридат и Тигран намерены в ближайшее время вступить со своими силами в Ликаонию и Киликию, чтобы первыми открыть военные действия, вторгнувшись в Азийскую провинцию. Это заставило его подивиться армянскому царю: если уж тот имел намереиие иапасть на римлян, почему он не заключил союз с Митридатом, когда понтиец был в расцвете могущества, почему не соединил свои войска с его ратью, когда та еще была полна мощи, зачем дал ему пасть и обессилеть, а теперь начинает войну при ничтожиых надеждах на успех, обрекая себя на погибель вместе с теми, кто уже не может оправиться и подняться?

XXIV. КОГДА к тому же Махар, сын Митридата, правивший Боспорским царством, прислал Лукуллу венец ценой в тысячу золотых с просьбой признать его

другом и союзником римского народа, Лукулл счел, что прежняя война уже окончена, и, оставив Сорнатия с шеститысячным отрядом стеречь Понтийскую область, сам с двенадцатью тысячами пехоты и меньше чем тремя тысячами конницы отправился вести следующую войну. Могло показаться, что какой-то дикий, враждебный здравому смыслу порыв гонит его в средоточие воинственных племен с их бесчисленной конницей, в необозримую страну, отовсюду окруженную глубокими реками и горами, на которых не тает снег. Его солдаты, которые и без того не отличались послушанием, шли в поход неохотно, открыто выражая свое недовольство. Тем временем в Риме народные вожаки выступали с шумными нареканиями и обвинениями против Лукулла: он-де бросается из одной войны в другую,— хотя государство не имеет в том никакой надобности,— лишь бы оставаться главнокомандующим и по-прежнему извлекать выгоду из опасностей, в которые он ввергает отечество. Со временем эти наветы достигли своей цели.

Между тем Лукулл поспешно проделал путь до Евфрата и огорчился, найдя реку разлившейся и мутной от зимних ливней: он думал, что будет очень долгим и хлопотным делом собрать плоты и навести переправу. Однако с вечера вода стала убывать, за ночь еще спала, и к утру уже можно было видеть реку, снова вошедшую в берега. Когда местные жители заметили, что на месте брода поднялись маленькие островки и река вокруг них обмелела, они стали воздавать Лукуллу божеские почести, ибо раньше такие вещи случались редко, а теперь, как им казалось, река сама, по доброй воле, покорно и кротко подчинилась ему, дав возможность переправиться быстро и без труда. Итак, Лукулл воспользовался счастливым случаем и перевел войска через Евфрат. При переправе ему было благоприятное знамение. В тех местах пасутся коровы, посвященные персидской Артемиде, которую варвары, обитающие по ту сторону Евфрата, чтут превыше всех божеств; эти коровы предназначаются только для жертвоприношений, они вольно бродят по округе, клейменные тавром богини в виде светоча, и изловить в случае надобности одну из них стоит немалого труда. И вот во время пере-

правы Лукуллова войска через Евфрат одна из этих коров подошла к камню, который считается посвященным богине, встала на него и, наклонив голову так, словно ее пригнули веревками, предала себя Лукуллу на заклание. Он принес также быка в жертву Евфрату в благодарность за благополучную переправу. Этот день войско отдыхало, а начиная со следующего Лукулл стал продвигаться по Софене, ничем не обижая местных жителей, которые охотно покорялись ему и радушно принимали римское войско. Когда солдаты выражали желание захватить крепость, в которой, по слухам, находились большие сокровища, Лукулл ответил: «Возьмите лучше вот ту крепость! — и показал на далекие горы Тавра,— а это все и так достается победителям». Поспешно продолжая путь, он перешел Тигр и вступил в Армению.

XXV. ПЕРВОМУ вестнику, который сообщил Тиграну о приближении Лукулла, вместо награды отрубили голову; больше никто об этом не заговаривал, и Тигран продолжал пребывать в спокойном неведении, когда пламя войны уже подступало к нему со всех сторон. Он слушал только тех, кто твердил, что Лукулл явит себя великим полководцем, если у него хватит смелости хотя бы дождаться Тиграна в Эфесе и не убежать из Азии, едва завидев такую несметную рать. Да, не всякий ум способен остаться непомраченным после великих удач, как не всякое тело в силах вынести много неразбавленного вина. Первым из Тиграновых приближенных осмелился открыть ему правду Митробарзан. И он тоже получил за свою откровенность плохую награду — во главе трех тысяч конницы и великого множества пехоты он был немедленно выслан против Лукулла с наказом самого полководца взять живым, а остальных растоптать! В это время часть войска Лукулла уже расположилась лагерем, а остальные были еще в пути; когда передовая стража сообщила о приближении неприятеля, Лукулл был обеспокоен тем, что солдаты не все в сборе и не выстроены в боевую линию и нападение врагов может вызвать замешательство. Устройство лагеря он взял на себя, а своего легата Секстилия выслал вперед с тысячью шестьюстами конных и немного бо́льшим числом тяжелой и легкой пехоты, приказав ему

приблизиться к неприятелю и выжидать, пока не придет известие, что оставшиеся с Лукуллом солдаты уже разместились в лагере. Секстилий так и хотел поступить, но Митробарзан дерзким нападением принудил его вступить в бой, и началось сражение. Митробарзан пал с оружием в руках, его солдаты, за исключением немногих, были перебиты при бегстве.

После этого Тигран оставил Тигранокерты, огромный город, основанный им самим, и отступил к Тавру; туда он начал отовсюду собирать войска. Чтобы не дать ему времени на эти приготовления, Лукулл выслал Мурену, поручив ему нападать на идущие к Тиграну силы, мешая их соединению, а также Секстилия — чтобы тот преградил дорогу огромному отряду арабов, который тоже шел на помощь царю. Секстилий напал на арабов, когда они были заняты устройством лагеря, и перебил бóльшую часть их; в это же время Мурена, следуя за Тиграном по пятам, улучил миг, когда тот проходил узким и тесным ущельем, по которому растянулось его войско, и напал на него. Сам Тигран бежал, бросив весь свой обоз; множество армян погибло, а еще больше было захвачено в плен.

XXVI. И ВОТ, когда дела шли столь удачно, Лукулл снялся с лагеря, пошел на Тигранокерты и, расположившись у стен этого города, начал осаду. В Тигранокертах жило множество греков, насильно переселенных из Киликии, и варваров, которых постигла та же судьба — адиабенцев, ассирийцев, гордиенцев, каппадокийцев, родные города которых Тигран разрушил, а самих пригнал сюда и принудил здесь поселиться. Тигранокерты изобиловали сокровищами и дорогими приношениями богам, ибо частные лица и правители наперебой расширяли и украшали город, желая угодить царю. Потому-то Лукулл усиленно вел осаду, рассчитывая, что Тигран не выдержит, но уступит гневу и, вопреки собственному намерению, придет, чтобы дать решительное сражение. И он рассчитал верно. Правда, не раз — и через нарочных, и в письмах — Митридат советовал Тиграну уклоняться от сражения, но при помощи конницы отрезать неприятеля от подвоза продовольствия. Столь же настоятельно уговаривал царя быть осторожнее и избегать

встречи с «неодолимым», как он говорил, римским оружием и Таксил, который прибыл от Митридата и приинимал участие в походе. Сначала Тигран спокойно выслушивал такие советы, но когда собрались к нему со всеми силами армяне и гордиенцы и явились во главе своих войск мидийские и адиабенские царьки, когда от Вавилонского моря прибыли полчища арабов, а от Каспийского — толпы альбанов и сопредельных им иберов, да к ним еще присоединились, тоже в иемалом числе, вольные племеиа с берегов Аракса, привлеченные лаской и подарками Тиграна,— тут уж и на царских пирах, и в царском совете только и слышны были самонадеянные похвальбы и угрозы в духе зарваров. Таксилу стала угрожать казнь за то, что он выступает против битвы, и даже самого Митридата Тигран заподозрил в том, что тот из зависти старается отговорить его от великого подвига. Именно поэтому он не стал его дожидаться, чтобы не делить с ним славу, и выступил со всем своим войском. По рассказам, он жаловался при этом своим друзьям иа великую досаду, охватывающую его при мысли, что придется померяться силами с одним Лукуллом, а не со всеми римскими полководцами сразу. Его самонадеянность иельзя назвать совсем уж безумной и безрассудиой — ведь в своей рати он видел столько племеи и царей, столько боевых колоии тяжелой пехоты, такие тучи конницы! Действительио, лучников и пращииков у него было двадцать тысяч, всадииков — пятьдесят пять тысяч, из которых семнадцать тысяч были заковаиы в броню (это число приводится в доиесении Лукулла сенату), тяжелой пехоты полтораста тысяч (в соедииеииях различиой численности). Работников, которые были заняты прокладыванием дорог, наведеиием мостов, очисткой рек, рубкой леса и другими работами, было тридцать пять тысяч, они были выстроены позади бойцов и придавали войску еще более внушительный вид, вместе с тем увеличивая его мощь.

XXVII. КОГДА Тиграи, перевалив через Тавр, показался со своей ратью и увидел расположившееся у Тигранокерт римское войско, осажденные варвары встретили его появлеиие рукоплескаииямн и оглушительиыми криками и со стеи стали с угрозами пока-

зывать рнмлянам иа армян. На военном совете у Лукулла одни предлагалн ндтн навстречу Тнграну, сняв осаду, другне же говорнлн, что нельзя оставлять позадн себя столько непрнятелей, а стало быть, нельзя н прекращать осаду. Лукулл объявнл, что обе стороны, каждая порознь, неправы, но вместе оин дают хорошнй совет, н разделнл войско на две части: Мурену с шестью тысячамн пехотннцев он оставил продолжать осаду, а сам взял с собой двадцать четыре когорты, которые составлялн не более десяти тысяч тяжеловооруженной пехоты, а также всю коиницу и около тысячн пращннков н стрелков из лука и двннулся с ннмн на врага. Когда он остановнлся лагерем у рекн, в шнрокой долнне, его войско показалось Тиграну совсем ннчтожиым. Это доставило льстецам царя повод для острот: однн нзощрялнсь в насмешках, другне потехн радн металн жребнй о будущей добыче, н не было полководца нлн царька, который не обратнлся бы к Тнграиу с просьбой поручнть все дело ему одному, а самому сидеть в качестве зрителя. Самому Тнграиу тоже захотелось показать себя нзящным остроумцем, и он сказал свон всем известные слова: «Для посольства нх много, а для войска мало». Так, в шутках н забавах, прошел этот день.

На рассвете следующего дня Лукулл вывел свонх людей в полиом вооруженин. Неприятельское войско стояло к востоку от реки, между тем река делает там поворот на запад, н в этом направленин иаходнтся самое удобиое место для переправы; и вот, когда Лукулл поспешно повел туда войско, Тиграи вообразнл, что он отступает. Ои подозвал к себе Таксила н сказал ему со смехом: «Видншь как бегут твои „неодолнмые" рнмскне пехотиицы?» Такснл молвил в ответ: «Хотелось бы мие, государь, чтобы радн твоей счастлнвой судьбы совершилось невозможиое! Но ведь этн людн не надевают в дорогу свое самое лучшее платье, не начищают щитов н не обнажают шлемов, как теперь, когда они выиулн доспехи нз кожаиых чехлов. Этот блеск показывает, что они иамереиы сражаться н уже сейчас ндут на врага». Ои еще ие коичнл говорнть, как Лукулл повериул свон войска, показался первый орел н когорты сталн выстранваться

по центуриям для переправы. Тигран с трудом пришел в себя, словно после опьянения, и два или три раза воскликнул: «Это они на нас?» Среди великого смятения его полчища начали строиться в боевой порядок. Сам царь принял командование над средней частью войска, левое крыло доверил адиабенскому царю, а правое, в передних рядах которого находилась также большая часть броненосной конницы,— мидийскому.

Когда Лукулл еще только собирался переходить реку, некоторые из военачальников убеждали его остерегаться этого дня — одного из несчастных, так называемых «черных» дней года; в этот день некогда погибло в битве с кимврами римское войско, которым предводительствовал Цепион. Но Лукулл ответил достопамятным словом: «Что ж, я и этот день сделаю для римлян счастливым!» Это был канун октябрьских нон.

XXVIII. ДАВ такой ответ и призвав солдат ободриться, он переправился через реку и сам пошел на врага впереди своего войска; на нем был блестящий чешуйчатый панцирь из железа и обшитая бахромой накидка. Он сразу же обнажил меч — в знак того, что с этим противником, привыкшим бить издали стрелами, надо немедля сойтись врукопашную, поскорее пробежав пространство, простреливаемое из лука. Тут он заметил, что закованная в броню конница, на которую неприятель возлагал особые надежды, выстроена под холмом с плоской и широкой вершиной, причем дорога в четыре стадии длиною, которая вела на вершину, нигде не была трудной или крутой. Тогда он приказал находившимся в его распоряжении фракийским и галатским всадникам ударить на неприятельскую конницу сбоку и мечами отбивать ее копья: ведь вся сила этой броненосной конницы — в копьях, у нее нет никаких других средств защитить себя или нанести вред врагу, так как она словно замурована в свою тяжелую, негнущуюся броню. Сам Лукулл во главе двух когорт устремился к холму; солдаты шли за ним, полные решимости, ибо они видели, что их полководец, с оружием в руках, пеший, первым идет на врага, деля с ними труды и опасности. Взойдя на холм и встав на такое место, которое отовсюду было

хорошо видно, он вскричал: «Победа наша, наша, соратники!» С этими словами он повел солдат на броненосную конницу, наказав при этом не пускать больше в ход дротиков, но подходить к врагу вплотную и разить мечом в бедра и голени — единственные части тела, которые не закрывала броня. Впрочем, во всем этом не оказалось надобности: броненосные всадники не дождались нападения римлян, но с воплями обратились в постыднейшее бегство, врезавшись со своими отягощенными броней конями в строй своей же пехоты, прежде чем та успела принять какое-либо участие в сражении. Так без пролития крови было наголову разбито столь огромное войско. Тиграновы воины бежали, или, вернее, пытались бежать,— из-за густоты и глубины своих рядов они сами же себе не давали дороги,— и началась страшная резня. Тигран в начале битвы пустился в бегство в сопровождении немногих спутников. Увидев, что сын делит с ним его беду, он снял со своей головы диадему и, прослезившись, вручил ему, приказав спасаться другой дорогой, используя любую возможность. Но юноша не осмелился надеть диадему и отдал ее на сохранение самому надежному из своих слуг. Случилось так, что этот слуга попал в плен, и таким образом диадема Тиграна была присоединена к остальной военной добыче. Говорят, что у неприятеля погибло свыше ста тысяч пехотинцев, а из всадников не ушел живым почти никто. У римлян было ранено сто человек и убито пять.

Философ Антиох в сочинении «О богах», говоря об этой битве, утверждает, что солнце еще не видело ей подобной, а другой философ, Страбон, в «Исторических записках» рассказывает, что сами римляне чувствовали себя пристыженными и смеялись над собою, оттого что подняли оружие против такого сброда. По словам Ливия, римляне никогда не вступали в бой с врагом, настолько превосходящим их численностью: в самом деле, победители вряд ли составляли и двадцатую часть побежденных. Что касается самых способных и опытных в военном деле римских полководцев, то они больше всего хвалили Лукулла за то, что он одолел двоих самых прославленных и могущественных царей двумя противоположными средства-

ми — стремительиостью и неторопливостью: если Митридата, находившегося в то время в расцвете своего могущества, он вкоиец измотал, затягивая войну, то Тиграна сокрушил молниеносным ударом. Во все времеиа не много было таких, как он, полководцев, которые выжиданием прокладывали бы себе путь к действию, а отважным натиском обеспечивали безопасность.

XXIX. КАК РАЗ поэтому Митридат и не спешил, полагая, что Лукулл будет вести войну со своей обычной осторожиостью, уклоияясь от битв. Он неторопливо шел на соедииеие с Тиграном, как вдруг ему повстречалось несколько армян, в смятении и ужасе отступавших по той же дороге. Он начал догадываться, что случилось недоброе. Затем ои встретил безоружиых и израиенных беглецов уже в большем числе и от них услышал о поражеиии, после чего прииялся разыскивать Тиграна. Найдя его всеми покииутым и жалким, Митридат не стал припоминать ему былых обид,— напротив, он сошел с коия и начал вместе с ним оплакивать их общее горе, а затем предоставил в его распоряжение слуг из собствеиной свиты и стал ободрять его иадеждами иа будущее. После этого оии прииялись снова иабирать войско.

Между тем в Тигранокертах греческое население восстало против варваров с иамереиием передать город Лукуллу, и тот взял его приступом. Забрав находившиеся в Тигранокертах сокровища, он самый город отдал на разграбление солдатам, которые нашли в нем, наряду с прочим добром, иа восемь тысяч талаитов одиой моиеты; помимо этого, ои роздал им из добычи по восемьсот драхм иа каждого. Узнав, что в городе находится миожество актеров, которых Тиграи отовсюду иабрал для торжествениого открытия выстроеиного им театра, Лукулл использовал их для игр и зрелищ по случаю своей победы. Греков Лукулл отпустил иа родину, снабдив на дорогу деиьгами, и точно так же поступил с варварами, иасильно поселенными в Тиграиокертах. Так разрушеиие одиого города дало возможиость возродиться многим, вернув им жителей; эти города чтили теперь Лукулла как своего благодетеля и иового основателя.

Успешно шли у Лукулла и все прочие дела, и он заслуживал этого — ведь он больше стремился к тем похвалам, которые воздаются за правосудие и человеколюбие, нежели к тем, которыми награждают военные подвиги. Последними он в немалой степени был обязан войску, а еще более — судьбе, в первых же сказывалась его душевная кротость и отличное воспитание, и именно этими качествами Лукулл без оружия покорял чужеземные народы. Так, к нему явились царьки арабов, отдавая в его руки свои владения; к нему примкнуло также племя софенцев. У гордиенцев он вызвал такую преданность, что они хотели было оставить свои города и с женами и детьми следовать за ним. Причиной тому послужило вот что. Зарбиен, царь гордиенский, как уже говорилось, вел с Лукуллом через Аппия тайные переговоры о союзе, так как тяготился тираническим владычеством Тиграна. На него донесли и он был казнен, причем вместе с ним погибли его дети и жена (это было еще до вторжения римлян в Армению). Лукулл не забыл об этом: вступив в страну гордиенцев, он устроил Зарбиену торжественные похороны, причем погребальный костер был украшен тканями, царским золотом и отнятыми у Тиграна драгоценностями, своими руками Лукулл зажег его и вместе с друзьями и близкими покойного совершил заупокойное возлияние, именуя Зарбиена другом и союзником римского народа. По приказу Лукулла ему был также поставлен памятник, который стоил немалых денег,— ведь Лукулл нашел во дворце Зарбиена великое множество золота и серебра и три миллиона медимнов зерна, так что и солдатам было чем поживиться, и Лукулл заслужил всеобщее восхищение тем, что вел войну на средства, приносимые ею самой, не беря ни драхмы из государственной казны.

XXX. В ЭТО ВРЕМЯ к нему явилось посольство и от парфянского царя с предложением дружбы и союза. Лукулл был рад этому и со своей стороны отправил к парфянину послов, но те уличили этого царя в предательстве: он тайно просил у Тиграна Месопотамию в виде платы за союз с ним. Когда Лукулл узнал об этом, он решил оставить в покое Тиграна и Митридата, считая этих противников уже сломленными, а ид-

ти на парфян, чтобы померяться с ними силами. Очень уж заманчивым казалось ему одним воинственным натиском, словно борцу, одолеть трех царей и с победами пройти из конца в конец три величайшие под солнцем державы. Поэтому он отправил в Понтийскую область Сорнатию и другим военачальникам приказ вести к нему размещенные там войска (он намеревался выступить в поход из Гордиены). Однако если эти военачальники и раньше встречали со стороны воинов угрюмое неповиновение, то тут им пришлось убедиться в полной разнузданности своих подчиненных. Ни лаской, ни строгостью они ничего не могли добиться от солдат, которые громко кричали, что даже и здесь они не намерены оставаться и уйдут из Понта, бросив его без единого защитника. Когда вести об этом дошли до Лукулла, они оказали дурное воздействие и на ту часть войска, что была при нем. Привыкнув к богатству и роскоши, солдаты сделались равнодушны к службе и желали покоя; узнав о дерзких речах своих понтийских товарищей, они называли их настоящими мужчинами и стали говорить, что этот пример достоин подражания: ведь своими подвигами они давно заслужили себе право на избавление от трудов и отдых!

XXXI. ТАКИЕ-ТО речи, и еще похуже, приходилось слушать Лукуллу. Он отказался от похода на парфян и в разгар лета снова выступил против Тиграна. Когда он перевалил через Тавр, его привело в отчаяние то, что поля были еще зелены — настолько запаздывают там времена года из-за холодного воздуха! Все же он спустился, дважды или трижды разбил армян, которые осмеливались на него нападать, и начал беспрепятственно разорять селения; ему удалось при этом захватить хлебные запасы, приготовленные для Тиграна, и таким образом он обрек неприятелей на лишения, которых перед этим опасался сам. Лукулл неоднократно пытался вызвать армян на бой, окружая их лагерь рвами или разоряя страну у них на глазах; однако они, после того, как он столько раз наносил им поражения, сидели смирно. Тогда он двинулся к Артаксатам, Тиграновой столице, где находились малолетние дети царя и его жены,—

уж этого города, думал он, Тигран без боя не уступит!

Рассказывают, что карфагенянин Ганнибал, после того как Антиох окончательно проиграл войну с римлянами, перешел ко двору Артакса Армянского, которому дал множество полезных советов и наставлений. Между прочим, он приметил местность, чрезвычайно удачно расположенную и красивую, но лежавшую в запустении, и, сделав предварительные наметки для будущего города, позвал Артакса, показал ему эту местность и убедил застроить ее. Царь остался доволен и попросил Ганнибала, чтобы тот сам взял на себя надзор над строительством. Возник большой и очень красивый город, которому царь дал свое имя и провозгласил его столицей Армении.

На этот город и двинулся теперь Лукулл, и Тигран не мог этого снести. Он выступил со своим войском в поход и на четвертый день расположился лагерем возле римлян; его отделяла от них река Арсаний, через которую римлянам необходимо было переправиться на пути к Артаксатам. Лукулл принес богам жертвы, словно победа уже была в его руках, и начал переправлять войско, выстроив его таким образом, что впереди находилось двенадцать когорт, а остальные охраняли тыл, чтобы враг не ударил римлянам в спину. Ведь перед ними выстроилось великое множество конницы и отборных бойцов врага, а в первых рядах заняли место мардийские лучники на конях и иберийские копейщики, на которых — среди иноплеменных солдат — Тигран возлагал особые надежды, как на самых воинственных. Но с их стороны не последовало никаких подвигов: после небольшой стычки с римской конницей они не выдержали натиска пехоты и разбежались кто куда. Римские всадники погнались за ними и тоже рассыпались в разные стороны, но в этот миг вышла вперед конница Тиграна. Лукулл был устрашен ее грозным видом и огромной численностью и велел своей коннице прекратить преследование. Сам он первым ударил на атропатенцев, чьи лучшие силы находились как раз против него, и сразу же нагнал на них такого страха, что они побежали прежде, чем дошло до рукопашной. Три царя участвовали в этой битве против Лукулла, и постыднее

всех бежал, кажется, Митридат Понтийский, который не смог выдержать даже боевого клича римлян. Преследование продолжалось долго и затянулось на всю ночь, пока римляне не устали не только рубить, но даже брать пленных и собирать добычу. По утверждению Ливия, если в первой битве потери неприятеля были многочисленнее, то на этот раз погибли и попали в плен более знатные и видные люди.

XXXII. ВООДУШЕВЛЕННЫЙ и ободренный таким успехом, Лукулл вознамерился продолжить свой путь в глубь страны и окончательно сломить сопротивление врага. Но уже в пору осеннего равноденствия неожиданно наступила жестокая непогода: почти беспрестанно сыпал снег, а когда небо прояснялось, садился иней и ударял мороз. Лошади едва могли пить ледяную воду; тяжело приходилось им на переправах, когда лед ломался и острыми краями рассекал им жилы. Бóльшая часть этой страны изобилует густыми лесами, ущельями и болотами, так что солдаты никак не могли обсушиться: во время переходов их заваливало снегом, а на привалах они мучились, ночуя в сырых местах. Поэтому после сражения они всего несколько дней шли за Лукуллом, а затем начался ропот. Сначала они обращались к нему с просьбами через военных трибунов, но затем их сходки стали уже более буйными, и ночью они кричали по своим палаткам, а это служит признаком близкого бунта в войске. И хотя Лукулл перепробовал множество настоятельных увещаний, упрашивая их запастись терпением, пока не будет взят «армянский Карфаген» и стерто с лица земли это творение злейшего врага римлян (он имел в виду Ганнибала), ничто не помогало, и он вынужден был повернуть назад. На обратном пути он перешел через Тавр другими перевалами и спустился в плодородную и теплую страну, называемую Мигдонией. В ней находится большой и многолюдный город, который варвары зовут Нисибидой, а греки — Антиохией Мигдонийской. В этом городе правили два человека: по своему высокому положению правителем был Гур, брат Тиграна, но, в силу своей опытности и тонкого мастерства в сооружении машин,— тот самый Каллимах, который доставил Лукуллу столько хлопот под Амисом. Лукулл раскинул

у стен Нисибиды лагерь и пустил в ход все приемы осадного искусства; вскоре город был взят приступом. Гур сдался добровольно и встретил милостивое обращение, но Каллимаха, хотя тот и обещал показать римлянам тайные клады с великими сокровищами, Лукулл не стал слушать и велел заковать в цепи, чтобы впоследствии расправиться с ним за тот пожар, который разрушил Амис и отнял у Лукулла случай польстить своему честолюбию и выказать грекам свое расположение.

XXXIII. ДО СЕГО ВРЕМЕНИ счастье, можно сказать, сопутствовало Лукуллу в его походах, но отныне словно упал попутный для него ветер — таких трудов стоило ему каждое дело, с такими препятствиями приходилось сталкиваться повсюду. Он по-прежнему проявлял отвагу и твердость духа, достойные прекрасного полководца, но его новые деяния не принесли ему ни славы, ни благодарности. Мало того, в неудачных начинаниях и бесполезных раздорах он едва не растерял и свою прежнюю славу. Не последней причиной тому было его собственное поведение: он никогда не умел быть ласковым с солдатской толпой, почитая всякое угождение подчиненным за унижение и подрыв власти начальствующего. А хуже всего было то, что с людьми могущественными и равными ему по положению он тоже ладил плохо, глядел на всех свысока и считал ничтожествами по сравнению с собой. Да, такие недостатки, говорят, соседствовали с многочисленными достоинствами Лукулла, который был статным, красивым, искусным в красноречии и выказывал острый ум как на форуме, так и в походах. Саллюстий утверждает, что солдаты невзлюбили его с самого начала войны, когда он заставил их провести в лагере две зимы подряд: одну под Кизиком, вторую под Амисом. Потом каждую зиму им тоже приходилось нелегко: или они должны были зимовать во враждебной стране, или располагались на земле союзников в палатках, под открытым небом — ведь в греческий и дружественный город Лукулл не входил с войском ни разу. Их недобрым чувствам к полководцу в изобилии давали новую пищу вожаки народа в Риме, которые из зависти обвиняли Лукулла в том, что затягивать войну его побуждают власто-

любие и корыстолюбие, в то время как в его руках почти целиком находятся Киликия и Азийская провинция, Вифиния и Понт, Армения и земли, простирающиеся до Фасида, что недавно он еще к тому же разорил дворец Тиграна, словно его послали грабить царей, а не воевать с ними. Такие речи вел, как передают, Луций Квинтий, один из преторов; он-то главным образом и добился решения назначить Лукуллу преемников в управлении провинцией. Было решено также уволить от службы многих солдат, находившихся под его началом.

XXXIV. УЖЕ ЭТИ неприятности были достаточно серьезны, но к ним прибавилось еще одно обстоятельство, которое окончательно погубило Лукулла. Был некий Публий Клодий, человек наглый и преисполненный величайшей заносчивости и самонадеянности. Он приходился братом жене Лукулла, и про него, между прочим, ходила молва, что он состоит с ней в преступной связи (она была крайне развратной женщиной). В ту пору он находился в войске Лукулла и пользовался там не таким почетом, как ему хотелось, а хотелось ему быть выше всех. Между тем из-за своего образа жизни ему приходилось стоять ниже многих. Поэтому он начал исподтишка заигрывать с фимбрианцами и настраивать их против Лукулла, а те охотно слушали его льстивые слова: угодливость и искательство начальника были им не внове. Ведь это их когда-то Фимбрия подговорил убить консула Флакка и выбрать полководцем его самого. Вот и теперь они охотно слушали Клодия и называли его «другом солдат» за то, что тот притворялся, будто принимает их дела близко к сердцу. Клодий же постоянно возмущался, что войнам и мукам не видно конца, что до последнего дыхания их заставляют биться со всеми народами, сколько их ни есть, и гоняют по всей земле, между тем как достойной награды за все эти походы им нет, а вместо этого приходится сопровождать повозки и верблюдов Лукулла, нагруженных золотыми чашами в драгоценных камнях! То ли дело, продолжал он, солдаты Помпея! Они уже давно мирные граждане и живут со своими женами и детьми где-нибудь на плодородных землях или по городам, а ведь им не пришлось загонять Мит-

ридата и Тиграна в необитаемые пустыни или ниспровергать азийские столицы, они всего-то и воевали, что с изгнанниками в Испании да с беглыми рабами в Италии! «Уж если,— завершал он,— нам приходится нести службу без отдыха и срока, почему бы нам не поберечь остаток сил и жизни для такого вождя, который видит для себя высшую честь в обогащении своих солдат?»

Эти нападки оказали свое воздействие на войско Лукулла, и оно не пошло за своим полководцем ни на Тиграна, ни на Митридата. Последний не преминул снова вторгнуться из Армении в Понт и уже отвоевывал свое царство, а римские солдаты праздно сидели в Гордиене, ссылаясь на зимнее время и поджидая, что вот-вот явится Помпей или другой полководец, чтобы сменить Лукулла.

XXXV. КОГДА, однако, пришло известие, что Митридат разбил Фабия и идет на Сорнатия и Триария, они устыдились и пошли за Лукуллом. Триарий из честолюбия захотел, не дожидаясь Лукулла, который был уже близко, добыть легкую, как ему казалось, победу, но вместо этого потерпел крупное поражение: как передают, в битве полегло более семи тысяч римлян, в числе которых было сто пятьдесят центурионов и двадцать четыре военных трибуна. Лагерь попал в руки Митридата. Когда через несколько дней подошел Лукулл, ему пришлось прятать Триария от разъяренных солдат. Митридат уклонялся от сражения с Лукуллом, поджидая Тиграна, который с большими силами шел на соединение с ним, и Лукулл решил двинуться навстречу Тиграну и дать ему бой прежде, чем враги снова соединятся. Однако по пути фимбрианцы подняли бунт и покинули свое место в строю, ссылаясь на то, что они уволены от службы постановлением сената, а Лукулл не имеет больше права приказывать им, поскольку провинции переданы другим. Нет такого унижения, которому не подверг бы себя тогда Лукулл: он уговаривал каждого из солдат поодиночке, с малодушными слезами ходил из палатки в палатку, некоторых даже брал за руку. Но солдаты отталкивали его руку, швыряли ему под ноги пустые кошельки и предлагали одному биться с врагами — сумел же он один поживиться за счет не-

приятеля! Все же остальные воины своими просьбами вынудили фимбрианцев согласиться прослужить лето с условием, что они будут уволены, если за это время не появится неприятель, чтобы дать им сражение. Необходимость заставила Лукулла довольствоваться и этой малостью, чтобы не остаться одному и не отдать страну противнику. Он держал солдат всех вместе, ни к чему их больше не принуждал и не вел на врага — лишь бы они от него не уходили. Ему пришлось мириться с тем, что Тигран опустошает Каппадокию, что к Митридату вернулась прежняя дерзость — к Митридату, о котором он доносил сенату, что с ним покончено! После этого донесения из Рима были отправлены должностные лица в количестве десяти человек для устройства дел в Понте, как в стране окончательно покоренной, а когда они явились, им пришлось убедиться, что Лукулл даже над самим собою не властен — им, как хотят, помыкают его солдаты. Их бесстыдство в отношении к своему полководцу дошло до того, что в конце лета они надели доспехи, обнажили мечи и принялись звать на бой врагов, которых не было и в помине. Они прокричали военный клич, помахали потехи ради мечами и покинули лагерь, заявив, что срок, в продолжение которого они обещали Лукуллу оставаться с ним, уже вышел. Между тем остальных солдат вызывал к себе письмами Помпей. Благодаря любви к нему народа и угодливости народных вожаков он уже был назначен полководцем для военных действий против Митридата и Тиграна, хотя сенат и лучшие граждане считали, что с Лукуллом поступают несправедливо, назначая ему преемника не столько для войны, сколько для триумфа, и заставляя его уступать другому не труды полководца, но награду за эти труды.

XXXVI. ЕЩЕ БОЛЕЕ предосудительным казалось происходящее тем, кто находился тогда в провинции. И в самом деле, у Лукулла отняли право награждать и наказывать солдат, Помпей никому не разрешал приходить к нему или поступать согласно его приказаниям и тем распоряжениям, которые Лукулл издавал совместно с десятью посланцами сената. Эти распоряжения Помпей отменял, издавая собственные указы, и его присутствия приходилось бояться, так

как сила была на его стороне. Все же друзья обоих полководцев решили устроить между ними встречу, которая и произошла в одной деревне в Галатии. Они любезно приветствовали друг друга и принесли взаимные поздравления с одержанными победами; если Лукулл был старше по возрасту, то Помпей пользовался большим почетом, так как он большее число раз был полководцем и имел два триумфа. Перед обоими ликторы несли пучки розог, увитые лаврами, чтобы почтить их победы. Но Помпею пришлось проделать долгий путь по безводным и сухим местам, и лавры, обвивавшие розги его ликторов, засохли; заметив это, ликторы Лукулла дружески поделились с ними своими лаврами, которые были свежи и зелены. Друзья Помпея сочли это благим знамением — и действительно, деяния Лукулла послужили к украшению похода Помпея.

Что же касается переговоров, то они не привели к примирению, и полководцы разошлись в еще большей отчужденности, чем пришли. Помпей объявил недействительными распоряжения Лукулла и отнял у него всех солдат, оставив только тысячу шестьсот человек для триумфа, но и те последовали за Лукуллом не слишком охотно. До какой же степени не хватало ему природного дара или удачи в том, что для полководца необходимее всего! Ведь если бы при стольких своих отличных качествах — отваге и осмотрительности, уме и справедливости, он имел еще и это достоинство, то не Евфрат был бы рубежом римской державы в Азии, но край света и Гирканское море. В самом деле, все остальные народы уже ранее покорил Тигран, а парфяне во времена Лукулла еще не достигли той мощи, что во времена Красса; их государство еще не было таким сплоченным и из-за междоусобных войн и раздоров с соседями не в силах было дать отпор нападениям армян. Но должен добавить, что, на мой взгляд, вред, нанесенный Лукуллом своему отечеству через других людей, перевешивает пользу, которую он принес ему сам. В самом деле, армянские трофеи, воздвигнутые совсем недалеко от границ Парфии, взятие Тигранокерт и Нисибиды, великие богатства, доставленные из этих городов в Рим, диа-

дема Тиграна, захваченная и пронесенная в триумфальном шествии,— все это подстрекнуло Красса к походу в Азию, внушив ему мысль, что ее обитатели — только добыча и средство наживы, и ничего больше. Вскоре, однако, он познакомился с парфянскими стрелами и примером своим доказал, что Лукулл добился победы не потому, что враги были слишком глупы и малодушны, но благодаря собственному мужеству и искусству полководца. Но это случилось позднее.

XXXVII. ВЕРНУВШИСЬ в Рим, Лукулл прежде всего узнал, что брат его Марк привлечен Гаем Меммием к суду за то, что ему приходилось делать по приказанию Суллы, исполняя должность квестора. Марка оправдали, но тут Меммий обратил свои нападки уже на самого Лукулла и стал настраивать народ против него, советуя отказать ему в триумфе за то, что он-де нажился на войне и с умыслом затягивал ее. Лукулл оказался втянутым в жестокую распрю, и лишь когда первые и наиболее влиятельные граждане пошли по трибам, им насилу удалось, потратив много стараний и просьб, уговорить народ дать согласие на триумф...[1] Триумф Лукулла не был, как другие, рассчитан на то, чтобы удивить чернь протяженностью шествия и обилием проносимых в нем предметов. Зато Лукулл украсил Фламиниев цирк великим множеством вражеского оружия и военными машинами царя, и уже одно это зрелище было на редкость внушительным. В триумфальном шествии прошли несколько закованных в броню всадников, десяток серпоносных колесниц и шестьдесят приближенных и полководцев царя; за ними следовали сто десять военных кораблей с окованными медью носами, золотая статуя самого Митридата в шесть футов высотою, его щит, усыпанный драгоценными камнями, затем двадцать носилок с серебряной посудой и еще носилки с золотыми кубками, доспехами и монетой, в количестве тридцати двух. Все это несли носильщики, а восемь мулов везли золотые ложа, еще пятьдесят шесть — серебро в слитках и еще сто семь — серебряную монету, которой набралось без малого на два

[1] Текст испорчен.

миллиона семьсот тысяч драхм. На больших писчих досках значилось, сколько денег передано Лукуллом Помпею на ведение войны с пиратами, сколько внесено в казну, а сверх того — что каждому солдату выдано по девятьсот пятьдесят драхм. Затем Лукулл устроил великолепное угощение для жителей Рима и окрестных сел, которые римляне называют «виками» [vici].

XXXVIII. РАЗВЕДЯСЬ с Клодией, женщиной разнузданной и бесчестной, Лукулл женился на сестре Катона, Сервилии, но и этот брак не был удачным. Чтобы сравняться с Клодией, Сервилии недоставало одного — молвы, что она согрешила с родным братом, в остальном она была такой же гнусной и бесстыдной. Уважение к Катону долго заставляло Лукулла терпеть ее, но в конце концов он с ней разошелся.

Сенат возлагал на Лукулла необычайные надежды, рассчитывая найти в его лице человека, который, опираясь на свою огромную славу и влияние, даст отпор самовластию Помпея и возглавит борьбу лучших граждан. Однако Лукулл расстался с государственными делами. Быть может, он видел, что государство поражено недугом, не поддающимся исцелению, возможно также, что он, как полагают некоторые, пресытился славой и решил после стольких битв и трудов, которые увенчались не слишком счастливым концом, отдаться жизни, чуждой каких бы то ни было забот и огорчений. Некоторые одобряют происшедшую в нем перемену, избавившую его от печальной участи Мария, который после побед над кимврами, после великих и славных подвигов не пожелал дать себе покой, хотя и был окружен завидным для каждого почетом; неутолимая жажда славы и власти побудила его, старика, тягаться с молодыми на государственном поприще и довела до страшных поступков и бед, еще более страшных, чем поступки. Говорят, что и Цицерон лучше провел бы свою старость, уйди он на покой после победы над Катилиной, и Сципион — если бы он, прибавив к Карфагену Нуманцию, на этом и остановился. Поистине, и в государственной деятельности есть свой круг побед, и когда он за-

вершен, пора кончать. В состязаниях на государственном поприще — ничуть не меньше, чем в гимнасии,— тотчас обнаруживается, если борца покидают молодые силы. Напротив, Красс и Помпей насмехались над тем, что Лукулл предался наслаждениям и расточительству, словно жизнь в свое удовольствие была менее подобающей его летам, чем государственные дела и походы.

XXXIX. В ЖИЗНЕОПИСАНИИ Лукулла, словно в древней комедии, поначалу приходится читать о государственных и военных делах, а к концу — о попойках и пирушках, чуть ли не о пьяных шествиях с песнями и факелами и вообще о всяческих забавах. Ведь к забавам следует отнести, по-моему, и расточительное строительство, расчистку мест для прогулок, сооружение купален, а особенно — увлечение картинами и статуями, которые Лукулл собирал, не жалея денег. На эти вещи он щедро тратил огромное богатство, накопленное им в походах, так что даже в наше время, когда роскошь безмерно возросла, Лукулловы сады стоят в одном ряду с самыми великолепными императорскими садами. К этому надо добавить постройки на побережье и в окрестностях Неаполя, где он насыпал искусственные холмы, окружал свои дома проведенными от моря каналами, в которых разводили рыб, а также воздвигал строения посреди самого моря. Когда стоик Туберон увидел все это, он назвал Лукулла «Ксерксом в тоге». Подле Тускула у него были загородные жилища, с открытыми залами и портиками, с башнями, откуда открывался широкий вид на окрестность; когда там побывал Помпей, он неодобрительно сказал Лукуллу, что тот наилучшим образом приспособил поместье для летнего времени, но сделал его непригодным для жизни зимой. Лукулл со смехом возразил: «Что же, ты думаешь, что я глупее журавлей и аистов и не знаю, что надо менять жилье с переменой времени года?» Как-то одному претору захотелось блеснуть играми, которые он давал народу, и он попросил у Лукулла пурпурных плащей, чтобы нарядить хор. Лукулл ответил, что посмотрит, сможет ли он дать, а на следу-

ющий день спросил, сколько нужно. Когда претор ответил, что сотни хватит, ему было предложено взять вдвое больше. По этому поводу поэт Флакк заметил, что не может признать богатым такой дом, где заброшенные и забытые вещи не превышают своим числом те, которые лежат на виду.

XL. ЛУКУЛЛ устраивал ежедневные пиры с тщеславной роскошью человека, которому внове его богатство. Не только застланные пурпурными тканями ложа, украшенные драгоценными камнями чаши, увеселительное пение и пляски, но также разнообразные яства и не в меру хитро приготовленные печенья вызывали зависть у людей с неизменными вкусами. Помпей, напротив, заслужил похвалы своим поведением во время болезни: когда врач предписал ему съесть дрозда, а слуги заявили, что летом дрозда не найдешь нигде, кроме как у Лукулла, который их разводил, Помпей не позволил обращаться туда, сказав: «Неужели жизнь Помпея может зависеть от причуд роскоши Лукулла?» Катон был Лукуллу другом и свояком, но образ жизни Лукулла ему совсем не нравился, и когда в сенате один юнец завел длинную речь, в которой назойливо распространялся о бережливости и воздержности, Катон встал и сказал: «Да перестань! Ты богат, как Красс, живешь как Лукулл, а говоришь, как Катон!» Некоторые утверждают, что эти слова действительно были сказаны, но не Катоном.

XLI. КАК БЫ то ни было, Лукулл не только получал удовольствие от такого образа жизни, но и гордился им, что ясно видно из его памятных словечек. Так, сообщают, что ему случилось много дней подряд угощать каких-то греков, приехавших в Рим, и эти люди, в которых и впрямь проснулось что-то эллинское, засовестившись, что из-за них каждый день производятся такие расходы, стали отказываться от приглашения. Но Лукулл с улыбкой сказал им: «Кое-что из этих расходов делается и ради вас, достойные греки, но большая часть — ради Лукулла». Когда однажды он обедал в одиночестве и ему приготовили один стол и скромную трапезу, он рассердился и позвал

приставленного к этому делу раба; тот ответил, что раз гостей не звали, он не думал, что нужно готовить дорогой обед, на что его господин сказал: «Как, ты не знал, что сегодня Лукулл угощает Лукулла?» Об этом, как водится, в городе много говорили. И вот однажды, когда Лукулл прогуливался на форуме, к нему подошли Цицерон и Помпей. Первый был одним из его лучших друзей, а с Помпеем, хотя у них и была распря из-за командования в Митридатовой войне, они часто встречались и беседовали, как добрые знакомые. После приветствия Цицерон спросил, нельзя ли к нему зайти; Лукулл ответил, что был бы очень рад, и стал их приглашать, и тогда Цицерон сказал: «Мы хотели бы отобедать у тебя сегодня, но только так, как уже приготовлено для тебя самого». Лукулл замялся и стал просить отсрочить посещение, но они не соглашались и даже не позволили ему поговорить со слугами, чтобы он не мог распорядиться о каких-либо приготовлениях сверх тех, какие делались для него самого. Он выговорил у них только одну уступку — чтобы они разрешили ему сказать в их присутствии одному из слуг, что сегодня он обедает в «Аполлоне» (так назывался один из роскошных покоев в его доме). Это было уловкой, при помощи которой он все же провел своих друзей: по-видимому, для каждой столовой у Лукулла была установлена стоимость обеда и каждая имела свое убранство и утварь, так что рабам достаточно было услышать, где он хочет обедать, и они уже знали, каковы должны быть издержки, как все устроить и в какой последовательности подавать кушанья. По заведенному порядку обед в «Аполлоне» стоил пятьдесят тысяч драхм; и на этот раз было потрачено столько же, причем Лукуллу удалось поразить Помпея не только величиной расходов, но и быстротой, с которой все было приготовлено. Вот на что Лукулл недостойно расточал свое богатство, словно ни на миг не забывал, что это добыча, захваченная у варваров.

XLII. ОДНАКО следует с похвалой упомянуть о другом его увлечении — книгами. Он собрал множество прекрасных рукописей и в пользовании ими проявлял

еще больше благородной щедрости, чем при самом их приобретении, предоставляя свои книгохранилища всем желающим. Без всякого ограничения открыл он доступ грекам в примыкавшие к книгохранилищам помещения для занятий и портики для прогулок, и, разделавшись с другими делами, они с радостью хаживали туда, словно в некую обитель Муз, и проводили время в совместных беседах. Часто Лукулл сам заходил в портики и беседовал с любителями учености, а тем, кто занимался общественными делами, помогал в соответствии с их нуждами,— коротко говоря, для всех греков, приезжающих в Рим, его дом был родным очагом и эллинским пританеем. Что касается философии, то если ко всем учениям он относился с интересом и сочувствием, особое пристрастие и любовь он всегда питал к Академии — не к той, которую называют Новой и которая как раз в ту пору расцветала благодаря учению Карнеада, распространявшемуся Филоном, но к Древней, которую возглавлял тогда Антиох Аскалонский, человек глубокомысленный и очень красноречивый. Лукулл приложил немало стараний, чтобы сделать Антиоха своим другом и постоянным сотрапезником, и выставлял его на бой против последователей Филона. В числе последних был, между прочим, и Цицерон, который написал об этой философской школе очень изящное сочинение; в нем он вкладывает в уста Лукулла речь в защиту возможности познания, а сам отстаивает противоположную точку зрения. Книжка так и озаглавлена — «Лукулл». С Цицероном Лукулла связывали, как уже было сказано, близкая дружба и сходный взгляд на государственные дела. Надо сказать, что Лукулл не совсем покинул государственное поприще, хотя от честолюбивых споров о первенстве и влиятельности, участвуя в которых, как он видел, не избежать опасностей и жестоких оскорблений, он сразу же отказался в пользу Красса и Катона (те, кто с подозрением взирал на могущество Помпея, когда Лукулл отказался их возглавить, сделали своими вождями в сенате именно этих двоих). Он бывал на форуме по делам своих друзей, а в сенате — когда нужно было

дать отпор какому-нибудь честолюбивому замыслу Помпея. Так, он добивался отмены распоряжений, которые тот сделал после своей победы над царями: Помпей потребовал раздачи земельных участков своим солдатам, но Лукулл при поддержке Катона расстроил его планы, после чего Помпей прибег к поддержке Красса и Цезаря или, лучше сказать, вступил с ними в заговор, наполнил город вооруженными солдатами и насилием добился исполнения своих требований, прогнав с форума приверженцев Катона и Лукулла. Лучшие из граждан были этим возмущены, и тогда помпеянцы привели некоего Веттия, который якобы был схвачен при попытке покушения на жизнь Помпея. На допросе в сенате Веттий назвал несколько имен, но перед народом заявил, что убить Помпея его подстрекал Лукулл. Словам его никто не придал значения — всем сразу стало ясно, что этого человека подучили клеветать сторонники Помпея. Дело стало еще яснее через несколько дней, когда из тюрьмы был выброшен труп Веттия, и хотя уверяли, будто он умер своей смертью, на его теле были следы удушения и побоев. Очевидно, что его позаботились убрать те самые люди, по чьему наущению он выступил со своим наветом.

XLIII. ВСЕ ЭТО побудило Лукулла еще дальше отойти от государственной деятельности, когда же Цицерон ушел в изгнание, а Катон был отправлен на Кипр, он окончательно с нею расстался. Говорят, что к тому же незадолго до смерти его рассудок помрачился и стал мало-помалу угасать. По утверждению Корнелия Непота, Лукулл повредился в уме не от старости и не из-за болезни, но потому, что его извел своими снадобьями Каллисфен, один из его вольноотпущенников. Каллисфен думал, что действие снадобий внушит его господину бóльшую привязанность к нему, но вместо этого оно расстроило и сгубило рассудок Лукулла, так что еще при его жизни управление имуществом взял на себя его брат. И все же, когда Лукулл умер, можно было подумать, что кончина застигла его в самом разгаре военной или государственной деятельности: народ сбегался в печали, тело

было вынесено на форум знатнейшими юношами, а затем толпа хотела силой добиться, чтобы его схоронили на Марсовом поле, где был погребен Сулла. Так как этого никто не ожидал и приготовить все необходимое для погребения было нелегко, брат Лукулла стал уговаривать народ и в конце концов убедил, чтобы ему дали похоронить умершего в поместье близ Тускула, где все уже было готово. После этого и сам Марк прожил недолго. Подобно тому, как возрастом и славою он ненамного отставал от горячо любимого брата, так и в смерти он не замедлил последовать за ним.

[СОПОСТАВЛЕНИЕ]

XLIV (I). САМЫМ завидным в жизни Лукулла можно, пожалуй, считать ее завершение: он успел умереть раньше, чем в жизни римского государства настали те перемены, которые уже тогда уготовлялись ему роком в междоусобных войнах, и окончил дни свои в отечестве, пораженном недугом, но еще свободном. В этом у него особенно много общего с Кимоном — и тому суждено было умереть в пору, когда эллинское могущество, еще не ослабленное раздорами, находилось в расцвете. Впрочем, есть здесь и разница: Кимон умер в походе, пал смертью полководца, не отказавшись от дел и не предаваясь праздности, он не искал награды за бранные труды в пиршествах и попойках — наподобие тех Орфеевых учеников, которых высмеивает Платон за их утверждения, будто награда, ожидающая праведников в Аиде, состоит в вечном пьянстве. В самом деле, если мирный досуг и занятия, дающие радость умозрения, представляют собой самое пристойное отдохновение для человека, который в преклонных летах расстается с военными и государственными заботами, то завершить свои славные подвиги чувственными удовольствиями, перейти от войн и походов к любовным утехам и предаваться забавам и роскоши — все это уже недостойно прославленной Академии и прилично не

подражателю Ксенократа, но скорее тому, кто склоняется к Эпикуру. При этом вот что удивительно: как раз смолоду Кимон вел себя предосудительно и невоздержно, в то время как молодость Лукулла была благопристойной и целомудренной. В этом отношении выше из них тот, кто менялся к лучшему: более похвальным является такой душевный склад, худшие свойства которого с годами дряхлеют, а прекрасные — расцветают.

Если и Кимон, и Лукулл были в равной мере богатыми, то пользовались своим богатством они поразному: в самом деле, нельзя помещать в один ряд строительство южной стены афинского Акрополя, которое было закончено на деньги, предоставленные Кимоном, и те чертоги в Неаполе, те омываемые морем башни, которые воздвигал Лукулл на свою восточную добычу. Нельзя сравнивать и обеды Кимона, простые и радушные, с сатраповской роскошью пиров Лукулла: стол Кимона ценой малых издержек ежедневно питал толпы, стол Лукулла с огромными затратами служил немногим любителям роскоши. Возможно, впрочем, что различие в их поведении вызвано только обстоятельствами: кто знает, если бы Кимону довелось после трудов и походов дожить до старости, чуждой военным и гражданским занятиям, не предался ли бы он еще более разнузданной жизни, не знающей удержа в наслаждениях? Ведь он, как я уже говорил, любил вино и веселье и подвергался нареканиям молвы из-за женщин. С другой стороны, успехи в серьезных делах, принося с собой иные, высшие наслаждения, так действуют на души, от природы способные к государственной деятельности и жадные до славы, что не оставляют им досуга для низких страстей и побуждают вовсе забывать о них; поэтому если бы Лукулл окончил век в бранях и походах, то даже самый злоречивый и склонный к порицаниям человек, мне кажется, не нашел бы случая осудить его. Вот все, что я хотел сказать относительно их образа жизни.

XLV (II). ЧТО касается их бранных дел, то нет сомнения, что оба выказали себя славными воителями и на суше, и на море. Однако если мы зовем «побе-

дителями сверх ожидания» тех атлетов, которые в один день увенчали себя победой в борьбе и в панкратии, то и Кимон, в один день увенчавший Элладу венками победы на суше и на море, заслуживает особого места среди полководцев. Кроме того, Лукуллу вручила верховное предводительство его родина, а Кимон сам добыл его своей родине: если первый покорял земли врагов в такое время, когда его отечество уже имело главенство над союзниками, то второй, застав родной город в подчиненном положении, дал ему разом и владычество над союзниками и победу над врагами: персов он силой принудил очистить море, спартанцев убедил покинуть его добровольно.

Если величайшее достоинство полководца состоит в умении добиться, чтобы ему повиновались охотно, из преданности, то следует сказать, что Лукулла ни во что не ставило его собственное войско, Кимон же вызывал восхищение у союзников; от первого солдаты ушли к другим, ко второму перешли от других. Один вернулся из похода, брошенный теми, кого он повел с собой, а другой возвратился из плавания, уже повелевая теми, с кем вместе его отправили в поход, чтобы исполнять чужие приказания, и оказал своему отечеству три важнейших услуги сразу: достиг с врагами мира, над союзниками — главенства, с лакедемонянами — согласия.

Оба пытались ниспровергнуть великие царства и покорить всю Азию, и оба — безуспешно. С Кимоном это случилось единственно по воле судьбы — ведь он умер посреди походов и побед; что касается Лукулла, то с него нельзя вполне снять вину за то, что он, по неведению или по небрежности, не принимал мер против того солдатского недовольства и ропота, из которых родилась столь великая ненависть к нему. Быть может, впрочем, и в этом у него есть что-то общее с Кимоном. Ведь и Кимона граждане привлекали к суду и в конце концов подвергли остракизму, чтобы десять лет, как говорит Платон, и голоса его не слышать. Люди, от природы склонные к аристократическому образу мыслей, редко попадают в тон народу и не умеют ему угождать: обычно они действуют силой и, стремясь вразумить и исправить распу-

щенную толпу, вызывают у нее озлобление, подобно тому как повязки тяготят больных, хотя и возвращают к природному состоянию вывихнутые члены. Итак, это обвинение следует, пожалуй, снять с обоих.

XLVI (III). С ДРУГОЙ стороны, Лукулл прошел в своих походах гораздо дальше Кимона. Он первым из римлян перевалил с войском через Тавр и переправился через Тигр; он взял и сжег азийские столицы — Тиганокерты и Кабиры, Синопу и Нисибиду — на глазах их государей; земли, простирающиеся к северу до Фасида и к востоку до Мидии, а также на юг до Красного моря, он покорил при помощи арабских царьков и вконец сокрушил мощь азийских владык, так что оставалось только переловить их самих, убегавших, словно звери, в пустыни и непроходимые леса. Веским доказательством тому служит вот что: если персы, словно они не столь уж и пострадали от Кимона, вскоре вооружились против греков и наголову разбили их сильный отряд в Египте, то после побед Лукулла уже ни Митридат, ни Тигран ничего не смогли совершить. Митридат, обессилевший и измотанный в прежних сражениях, ни разу не осмелился показать Помпею свое войско за пределами лагерного частокола, а затем бежал в Боспор и там окончил свою жизнь; что касается Тиграна, то он сам явился к Помпею совершенно безоружный, повергся перед ним и, сняв со своей головы диадему, сложил ее к его ногам, льстиво поднося Помпею то, что ему уже не принадлежало, но было в триумфальном шествии провезено Лукуллом. Он радовался, получая обратно знаки царского достоинства, и тем самым признал, что лишился их прежде. Выше следует поставить того полководца,— как и того атлета,— которому удастся больше измотать силы противника, прежде чем он передаст его своему преемнику в борьбе. Вдобавок, если Кимону пришлось воевать с персами после того, как их непрестанно обращал в бегство то Фемистокл, то Павсаний, то Леотихид, когда мощь царя была уже ослаблена и гордыня персов сломлена великими поражениями, так что ему нетрудно было их одолеть, поскольку дух их уже прежде был сломлен и подавлен, то Лукулл столкнулся

с Тиграном в пору, когда тот еще не испытал поражения ни в одной из множества данных им битв и был преисполнен заносчивости. По численности также нельзя и сравнивать силы, разбитые Кимоном, с теми, которые объединились против Лукулла.

Таким образом, если все принять во внимание, нелегко решить, кому же следует отдать предпочтение,— тем более что и божество, по-видимому, проявляло благосклонность к обоим, открывая одному, что следует делать другому — чего нужно беречься. Сами боги, стало быть, своим приговором обоих признают людьми достойными и по природе своей им близкими.

НИКИЙ И КРАСС

НИКИЙ

I. НАМ представляется целесообразным сравиить Никия с Крассом и парфяиские бедствия с сицилийскими, и мы должиы сразу же иастоятельио просить тех, пред кем лежит иаше сочииеиие, ие думать, будто, повествуя о событиях, с иедосягаемым мастерством изложеиных у Фукидида, превзошедшего самого себя в силе, ясиости и красочиости описаиий, мы поддались тому же соблазиу, что и Тимей, который, иадеясь затмить Фукидида выразительиостью, Филиста

же выставить полным невеждой н неучем, погружается в описание боев, морских сражений и выступлений в Народном собрании, про которые по большей части уже существует удачный рассказ у этих историков. Тимей при этом, клянусь Зевсом, отнюдь не похож на того, кто, по слову Пиндара,

За Лидийскою колесницею пешком поспевал,—

скорее он напоминает невежественного недоучку и, как говорит Дифил,

Раздувшись весь от сала сицилийского,—

во многнх местах близок к Ксенарху. Так, например, он видит чудесное знамение афинянам в том, что полководец, носящий имя победы, отказался взять на себя командование, он находит, что изувечением герм божество указывало на великие страдания, которые во время войны принесет афинянам Гермократ, сын Гермона, он пишет, что Геракл, виднмо, помогал сиракузянам ради Коры, от которой он получил Кербера, и гневался на афинян за то, что они оказывали помощь гражданам Эгесты, отпрыскам троянцев, тогда как сам Геракл за обиду, нанесенную ему Лаомедонтом, разрушил Трою. Пожалуй, Тимей из одних и тех же побуждений писал подобные вещи, исправлял слог Филиста, бранил последователей Платона и Аристотеля. А на мой взгляд, соперничать и состязаться в слоге — затея по сутн своей ничтожная н софистическая, а если речь идет о вещах неподражаемых, то и просто глупая.

Нельзя, конечно, обойти молчанием события, опнсанные у Фукидида и Фнлиста, а потому я вынужден бегло коснуться нх, и прежде всего тех, которые выявляют характер н прнродные качества Никия, трудно распознаваемые в пучине бедствий; во избежание упреков в небрежности и лени я попытался собрать то, что большинству остается нензвестным,— беглые упомннания, содержащиеся в разных сочинениях, надписи на древннх памятннках, решения Народных собраний. Я старался избежать нагромождення бессвязных историй, а изложить то, что необходимо для понимания образа мыслей и характера человека.

II. ИТАК, рассказ о Никии можно начать словами Аристотеля, писавшего, что было три лучших гражданина, питавших отеческую благожелательность к народу,— это Никий, сын Никерата, Фукидид, сын Мелесия, и Терамен, сын Агнона, последний в меньшей степени, чем два первых. Терамена, уроженца Коса, корили его происхождением, а за непостоянство политических привязанностей прозвали Котурном. Старший из них, Фукидид, возглавлял сторонников аристократии, и его деятельность во многом была направлена против Перикла, вождя народа. Самым молодым был Никий. Он пользовался почетом еще при жизни Перикла, был вместе с ним стратегом и сам занимал многие высшие должности, а после смерти Перикла сразу выдвинулся на первое место. Богатые и знатные граждане выставили его противником наглому и дерзкому Клеону, но это не мешало ему пользоваться благосклонностью и уважением народа. Ведь Клеон вошел в силу,

Обхаживая старца и доход суля.

Однако алчность, бесстыдство, чванство Клеона заставили очень многих из тех, кому он старался угодить, перейти на сторону Никия. Никий в своем величии не был ни строгим, ни придирчивым, ему присуща была какая-то осторожность, и эта видимость робости привлекала к нему народ. Пугливый и нерешительный от природы, он удачно скрывал свое малодушие во время военных действий, так что походы завершал неизменной победой. Осмотрительность в государственных делах и страх перед доносчиками казались свойствами демократическими и чрезвычайно усилили Никия, расположив в его пользу народ, который боится презирающих его и возвышает боящихся. Ведь для простого народа величайшая честь, если люди высокопоставленные им не пренебрегают.

III. ПЕРИКЛ, обладавший и силой слова, и истинной доблестью, руководил государством, не приспосабливаясь к черни, не ища ее доверия. У Никия же не было этих качеств, но было богатство, которое помогало ему вести за собой народ. Афиняне привыкли находить удовольствие в легкомысленных и пошлых выходках Клеона, и в этом Никий не мог с ним соперни-

чать, зато ои принимал иа себя хорегии, гимиасиархии и другие затраты, всех своих предшествеииников и совремеиников затмевая щедростью и тоиким вкусом и тем склоияя иа свою сторону народ. Из сделаиных Никием приношений богам до наших дией продолжают стоять статуя Паллады иа Акрополе, с которой уже сползла позолота, и поставленный иа священном участке Диониса храм для треножииков, которые получали в награду хореги-победители. Ведь победы ои одерживал часто, поражений же ие терпел никогда. Рассказывают, что во время какого-то представления роль Диониса играл его раб — огромиого роста красавец, еще безбородый. Афиияне пришли в восторг от этого зрелища и долго рукоплескали, а Никий, поднявшись, сказал, что иечестиво было бы удерживать в неволе тело, посвящениое богу, и отпустил юиошу иа свободу. Также и Делос хранит память о честолюбии Никия, о его великолепиых и достойиых бога дарах. Ведь посылавшиеся городами хоры для пеиия гимнов в честь бога приставали к берегу как попало, а толпа встречала их прямо у кораблей и сразу же заставляла петь, хотя и иестройно, без всякого порядка, меж тем как оии поспешно выходили на берег, возлагали на себя веики и переодевались — все одиовремениo. Когда же священиое посольство повел Никий, то он вместе с хором, жертвеииыми животными и утварью высадился на Реиии, а иеширокий пролив между Ренией и Делосом ночью перекрыл мостом, который по задаиному размеру был уже изготовлен в Афииах, великолепио позолочен, раскрашен, убран венками и коврами. На рассвете он провел через мост торжественное шествие в честь бога при звуках песен, исполиявшихся богато иаряжеииым хором. После жертвоприношения, состязания и угощеиий ои поставил в дар богу медную пальму и посвятил ему участок, за который уплатил десять тысяч драхм. Доходы с этой земли делосцы должиы были тратить на жертвы и угощеиия, испрашивая при этом у богов миогие блага для Никия. Это условие было записано иа камеииой плите, которую Никий оставил как бы стражем своего дара на Делосе. Пальма впоследствии сломалась от ветра, упала и опрокииула большую статую, воздвигиутую иаксосцами.

IV. В ЭТИХ поступках миогое иа первый взгляд вызваио жаждой славы и показною щедростью, одиако все остальиое поведеиие Никия и его привычки позволяют верить, что подобиая широта и желаиие угодить ииароду были плодами его благочестия. Ведь ои, по словам Фукидида, благоговел перед богами и верил прорицаниям.

В одном из диалогов Пасифоита иаписано, что Никий ежедневно приносил жертвы богам и, держа у себя в доме гадателя, делал вид, что постоянио спрашивает у иего совета насчет общественных дел, в действительиости же совещался с иим о своих личных делах, главным образом о серебряных рудниках. У него было в Лавриотике миого копей, и весьма доходиых, однако разработка их была делом иебезопасиым. Там у иего находилось множество рабов, и бо́льшая часть его имущества заключалась в серебре. Немало людей поэтому просило и получало у него деньги в долг. Ои с одинаковой готовиостью давал как тем, кто мог причинить ему вред, так и тем, кто заслуживал хорошего отиошения к себе. Злодеям на руку было его малодушие, порядочным людям — его человечность. Свидетелями этого могут служить даже комические поэты. Телеклид, например, иа какого-то доносчика сочииил такие стихи:

Мину дал Харикл намедии, чтобы я не говорил,
Что у матери роднлся первым он нз... кошелька,
И четыре дал мие мнны Никий, Никератов сын.
А за что я получил нх, это зиаем я да он;
Я ж молчу; ои мне приятель н, как вндно, не дурак.

Лицо, выведеиное Эвполидом в комедии «Марика», толкует на свой лад слова какого-то далекого от общественных дел бедияка и говорит:

— Скажи, а ты давно ли видел Никня?
— Совсем не видел — разве что на площади.
— Ага! призиался он, что вндел Никия!

А для чего? Конечио, для предательства!
— Слышите, приятелн?
Уже с поличным изловили Ннкня!
— Вам лн, полоумные,
Ловить с поличным мужа столь достойного!

У Аристофана Клеон грозится:

Взъерошу всех говорунов и Никия взлохмачу.

И Фриних тоже смотрит на Никия как на человека, запуганного и боязливого:

Он гражданином видным был,— я знал его,—
Он не ходил, как Никий, вечно съежившись.

V. ИТАК, остерегаясь доносчиков, Никий избегал и общих трапез и бесед с согражданами, да и вообще был далек от подобного времяпрепровождения. Когда он бывал занят делами управления, то просиживал до поздней ночи в стратегии и уходил последним из Совета, придя туда первым, а когда общественных дел не было, он становился необщителен, неразговорчив и сидел у себя взаперти. Друзья Никия встречали посетителей в дверях и просили извинить его, так как, по их словам, он и дома занят какими-то необходимыми для государства делами. Чаще всего участвовал в этой игре и окружал громкой славой имя Никия его воспитанник Гиерон, обученный им грамоте и музыке, который выдавал себя за сына Дионисия, прозванного Медяком,— того, кто вывел переселенцев в Италию и основал Турии и чьи стихи дошли до нас. Этот Гиерон устраивал Никию тайные свидания с гадателями и распускал в народе слухи о непомерных трудах Никия, живущего исключительно интересами своего города. «И в бане, и за обедом,— говорил Гиерон,— его постоянно беспокоит какое-нибудь государственное дело; забросив в заботах об общественном благе свои собственные дела, он едва успевает лечь, когда другие уже крепко спят. Поэтому у него расстроено здоровье, он неласков и нелюбезен с друзьями, которых, как и денег, лишился, занимаясь государственными делами. А другие и друзей приобретают, и себя обогащают, благоденствуют на общественный счет и плюют на интересы государства». Действительно, жизнь Никия была такова, что он мог сказать о себе словами Агамемнона:

Защитою нам спесь, но перед чернью мы
Являемся рабами...

VI. НИКИЙ видел, что народ в некоторых случаях с удовольствием использует опытных, сильных в крас-

норечии и рассудительных людей, однако всегда с подозрением и страхом относится к их таланту, старается унизить их славу и гордость, что проявилось и в осуждении Перикла, и в изгнании Дамона, и в недоверии к Антифонту из Рамнунта, и особенно на примере Пахета, который, после того как взял Лесбос, при сдаче отчета о своем походе, тут же, не выходя из судилища, выхватил меч и заколол себя. Поэтому Никий старательно уклонялся от руководства длительными и тяжелыми походами, а когда принимал на себя командование, то прежде всего думал о безопасности и, как и следовало ожидать, в большинстве случаев с успехом завершал начатое, однако подвиги свои приписывал не собственной мудрости, силе или доблести, но все относил на счет судьбы и ссылался на волю богов, дабы избегнуть зависти, которую навлекает на себя слава. Об этом говорят сами события. Ведь Никий не был причастен ни к одному из множества великих бедствий, которые обрушились тогда на Афины: поражение от халкидян во Фракии потерпели командующие Каллий и Ксенофонт, несчастье в Этолии произошло в архонтство Демосфена, предводителем тысячи афинян, павших при Делии, был Гиппократ, Перикла, который во время войны запер в городе сельское население, называли главным виновником моровой язвы, вспыхнувшей из-за переселения на новое место, при котором нарушился обычный уклад жизни.

Никий остался в стороне от всех этих бед. Напротив, командуя войском, он захватил Киферу, остров с лаконским населением, выгодно расположенный против Лаконии; во Фракии он занял и подчинил Афинам многие из отпавших городов, запер мегарян в их городе и тотчас же взял остров Миною, затем, через некоторое время выступив оттуда, покорил Нисею, высадился на коринфской земле и выиграл сражение, убив многих коринфян и среди них военачальника Ликофрона. Случилось так, что афиняне оставили там непогребенными трупы двоих воинов. Как только Никий об этом узнал, он остановил флот и послал к врагам договориться о погребении. А между тем существовал закон и обычай, по которому тот, кому по договоренности выдавали тела убитых, тем самым как

бы отказывался от победы и лишался права ставить трофей — ведь побеждает тот, кто сильнее, а просители, которые иначе, чем просьбами, ие могут достигнуть своего, силой не обладают. И все же Никий предпочитал лишиться иаграды и славы победителя, чем оставить непохороиенными двух своих сограждаи. Опустошив прибрежную область Лакоиии, обратив в бегство выступивших против иего лакедемоияи, Никий заиял Тирею, которой владели эгиицы, и отправил плеииых в Афины.

VII. КОГДА Демосфен укрепил стеною Пилос, пелопоннесцы иачали войиу одновремеиио иа суше и иа море. Произошло сражение, и около четырехсот спартанцев оказались запертыми иа острове Сфактерии. Для афииян, как оии справедливо полагали, было очеиь важио их захватить, ио тяжко и мучительио было вести осаду в безводной местиости, куда возить издалека продовольствие летом дорого, а зимой опасно илн даже вообще иевозможно. Афиияие раскаивались и досадовали, что отвергли посольство лакедемоняи, приезжавшее к ним для переговоров о мире. Эти переговоры расстроил Клеон, в зиачительиой мере из-за иеиависти к Никию. Ои был его врагом и, видя готовиость Ннкия содействовать лакедемоиянам, убедил народ голосовать против перемирия. Осада затяиулась, стали приходить нзвестия о страшных лишеииях в лагере, и тогда гнев афннян обрушился иа Клеона. Клеон принялся укорять Никия в трусости и вялости, вннить его в том, что ои щадит врагов, хвалнлся, что если бы комаидование было поручеио ему, Клеоиу, то иеприятель ие держался бы так долго. Афиняие поймалн его иа слове: «Что же ты сам ие выходишь в море, и притом иемедленно?» — спросили его. И Никий, поднявшись, уступил ему комаидоваиие войском при Пилосе, советуя ие хвастаться своей храбростью в безопасном месте, а иа деле оказать городу какуюиибудь серьезиую услугу. Клеон, смутившись от неожидаииостн, начал отиекиваться, ио афииняне стояли иа своем, и Никий так горячо его упрекал, что честолюбие Клеоиа распалилось и он принял иа себя командоваиие, пообещав через двадцать дней либо перебить врагов иа месте, либо доставить их живыми в Афииы. Афиняне больше смеялись, чем верилн, ведь

они вообще охотно шутили над его легкомыслием и сумасбродством. Как-то раз, говорят, было созвано Народное собрание, и народ долгое время сидел на Пниксе в ожидании Клеона. Наконец тот пришел с венком на голове и предложил перенести собрание на завтра. «Сегодня мне некогда,— сказал он,— я собираюсь потчевать гостей и уже успел принести жертву богам». С хохотом афиняне встали со своих мест и распустили собрание.

VIII. ОДНАКО на сей раз судьба была на его стороне. Военные действия, которые Клеон вел вместе с Демосфеном, завершились блестяще: за тот срок, который он себе назначил, оставшиеся в живых спартанцы сложили оружие и были взяты в плен. Никию это событие принесло дурную славу. Добровольно, из трусости, отказаться от командования и дать своему врагу возможность совершить столь блестящий подвиг было в глазах афинян хуже и позорнее, чем бросить щит. Аристофан не упустил случая посмеяться над ним за это в «Птицах»:

Свидетель Зевс, дремать теперь не время нам,
Как сонный Никий колебаться некогда.

А в «Земледельцах» он пишет так:

— Пахать хочу! — А кто тебе препятствует?
— Вы сами! Драхм я отсчитаю тысячу,
Коль снимите с меня правленья тяготы.
— Идет! А вместе с Никиевой взяткою
Две тысячи их будет...

И государству, конечно, Никий причинил немалый вред тем, что позволил Клеону прославиться и усилить свое влияние. Теперь Клеон раздулся от гордости, наглость его стала беспредельной, и он принес городу множество бедствий, которые в немалой степени коснулись и самого Никия. Клеон перестал соблюдать всякие приличия на возвышении для оратора: он был первым, кто, говоря перед народом, стал вопить, скидывать с плеч плащ, бить себя по ляжкам, бегать во время речи; так он заразил государственных деятелей распущенностью и презрением к долгу, которые вскоре погубили все.

IX. В ТУ ПОРУ афинян начал привлекать к себе Алкивиад — тоже своекорыстный искатель народной

благосклониости, ио ие столь откровеино иаглый, как Клеои. Ои подобен был плодородной египетской земле, которая, говорят,

...миого
Злаков рождает и добрых, целебных, и злых, ядовитых.

Щедро одареиный от природы, он кидался из одиой крайиости в другую и был охвачен страстью к переворотам. Поэтому, даже отделавшись от Клеоиа, Никий ие успел водворить в городе тишину и спокойствие: едва иаправив дела по спасительиому пути, ои выиуждеи был отступить от него, ибо из-за иеистового честолюбия Алкивиада был втянут в новую войиу. Произошло это так.

Самыми заядлыми врагамн мира в Грецни были Клеои и Брасид. Войиа делала иезаметиым инчтожество первого из иих и придавала блеск доблести второго. Одному оиа открывала простор для великих беззаконий, другому — для подвигов. Оба оин погибли при Амфиполе, и Никий, чувствуя, что спартанцы хотят мира и афиияне уже ие отваживаются продолжать войну, что и те и другие как бы опустили руки в изиеможении, сразу же постарался наладить добрые отиошеиия между обоими государствами, избавить от бед и умиротворить остальных греков и этим обеспечить счастье иа будущее время. Людн зажиточиые и пожилые, а также большииство земледельцев были иастроеиы мирно. Из остальиых многие охладели к войне после личиых встреч с Никием и его иаставлений. Таким образом, Никий мог уже обиадежить спартанцев, приглашая н склоияя их подумать о мириом договоре. Оии доверяли ему, зная его порядочность и видя его заботу о брошенных в тюрьму пилосских плеиных, которым его доброта облегчала их горькую участь. Уже раньше афиняне и спартанцы договорились о прекращении военных действий сроком иа год. В течение этого года они встречались друг с другом, общались с чужеземцами и близкими, избавились от страха, и виовь вкуснли покоя и жаждали и впредь жить без кровопролитий и войи. Им приятно было слушать, как хор поет:

Пусть копья лежат паутииой, как тканью, обвиты,

приятно было вспоминать изречение, что во время мира пробуждают спящих не трубы, а петухи. С бранью отшатывались от тех, кто говорил, что войне суждено тянуться три девятилетия. Договорившись по всем спорным вопросам, они заключили мир. Большинство граждан верило, что пришел конец несчастьям. Про Никия все твердили, что он муж, угодный богам, и что по их воле в награду за благочестие его именем нарекли величайшее и самое прекрасное из благ. И действительно, мир называли делом рук Никия, войну — Перикла. Ведь последний из-за ничтожного повода вверг греков в великие бедствия, первый же сделал их друзьями, заставив забыть о величайших бедствиях. Вот почему и поныне этот мир зовется Никиевым.

X. ПО УСЛОВИЯМ договора укрепления, города и пленные, захваченные обеими сторонами, подлежали возврату. Поскольку вопрос, какая сторона будет первой возвращать захваченное, решался жребием, Никий тайно купил счастливый жребий, и, таким образом, первыми стали выполнять договор лакедемоняне. Это рассказано у Теофраста. Когда коринфяне и беотийцы, недовольные происходящим, снова чуть было не вызвали войну своими обвинениями и нападками, Никий убедил афинян и лакедемонян дополнить мирное соглашение военным союзом: миру это придаст особую прочность, говорил он, а их сделает более грозными для изменников, более верными друг другу.

Между тем Алкивиад, самой природой не созданный для покоя, в гневе на лакедемонян, относившихся к Никию с уважением и почтительностью, а к нему с пренебрежением и презрением, вначале открыто выступил и восстал против мира, но безуспешно. Потом, замечая, что поведение лакедемонян начинает раздражать афинян, которых оскорблял их союз с Беотией и нарушение уговора о возврате Панакта и Амфиполя, Алкивиад, пользуясь настроением сограждан, по любому поводу подстрекал народ против лакедемонян. В конце концов он уговорил аргивян прислать в Афины посольство и хлопотал о заключении с ними военного союза. Когда же послы, прибывшие из Лакедемона с неограниченными полномочиями, на предва-

рительной встрече в Совете доказали, что явились со справедливыми предложениями, Алкивиад, испугавшись, как бы их доводы не оказались убедительными и для народа, завлек послов в ловушку, поклявшись помочь им в их деле, если они скроют, что облечены полномочиями, ибо таким путем будто бы легче достигнуть цели. Убедив их покинуть Никия и перейти на его сторону, Алкивиад ввел послов в Народное собрание и прежде всего спросил, облечены ли они неограниченными полномочиями. Послы ответили отрицательно, и тут Алкивиад, изменив своим обещаниям, призвал Совет в свидетели их слов, заклиная народ не внимать и не верить тем, кто так бесстыдно лжет и представляет дело то так, то этак. Послы, разумеется, растерялись от неожиданности, Никий, повергнутый в огорчение и замешательство, ничего не мог сказать, а народ уже готов был призвать аргивян и заключить с ними союз, однако тут Никия выручило землетрясение, заставившее всех разойтись. На следующий день народ вновь собрался, и Никию нелегко было убедить афинян воздержаться ненадолго от переговоров с аргивянами, а его послать к лакедемонянам в надежде, что все уладится. Спартанцы встретили его с почетом, как человека достойного и благожелательно к ним относящегося, но отпустили ни с чем, поскольку верх взяли сторонники беотийцев. Никий не только был опозорен и обесславлен,— он боялся афинян, их огорчения и гнева за то, что, поверив ему, они вернули Спарте столь многих важных лиц. Ведь доставленные из Пилоса пленные принадлежали к лучшим семействам Спарты, и их друзья и родственники были людьми чрезвычайно влиятельными. Правда, гнев не заставил афинян обойтись с Никием слишком сурово, они только выбрали Алкивиада в стратеги и, наряду с аргивянами, сделали своими союзниками отколовшихся от лакедемонян элейцев и мантинейцев, а также послали отряд в Пилос, чтобы грабить Лаконию. Так они снова втянулись в войну.

XI. НАСТУПАЛ срок суда черепков, к которому время от времени прибегает народ, изгоняя на десять лет кого-нибудь из лиц, вызывающих либо зависть из-за своей славы и богатства, либо подозрение. Раздор между Никием и Алкивиадом был в самом разгаре,

положение обоих было шатким и опасным, ибо один из них непременно должен был подпасть под остракизм. Алкивиада ненавидели за его поведение и опасались его наглости, о чем подробнее говорится в его жизнеописании; Никию же завидовали из-за богатства, и самое главное — весь уклад его жизни заставлял думать, что в этом человеке нет ни доброты, ни любви к народу, что его неуживчивость и все его странности проистекают от сочувствия олигархии; он вызывал ненависть к себе тем, что приносил пользу насильно, вопреки желаниям и вкусам сограждан. Одним словом, задорная молодежь спорила с людьми миролюбивыми и степенными, и одни собирались изгнать Никия, другие — Алкивиада.

Часто при распрях почет достается в удел негодяю.

Так вышло и тогда: народ, расколовшись на две партии, развязал руки самым отъявленным негодяям, в числе которых был Гипербол из Перитед. Не сила делала этого человека дерзким, но дерзость дала ему силу, и слава, которой он достиг, была бесславием для города. Гипербол полагал, что остракизм ему не грозит, понимая, что ему подобает скорее колодка. Он надеялся, что после изгнания одного из двух мужей он, как равный, выступит соперником другого; было известно, что он радуется раздору между ними и восстанавливает народ против обоих. Сторонники Никия и Алкивиада поняли этого негодяя и, тайно сговорившись между собой, уладили разногласия, объединились и победили, так что от остракизма пострадал не Никий и не Алкивиад, а Гипербол. Народ сначала весело смеялся, но затем вознегодовал, находя оскорбительным злоупотреблением применять такую меру к человеку бесчестному: ведь и наказанию присуща своего рода честь. Считали, что для Фукидида, Аристида и подобных им лиц остракизм — наказание, для Гипербола же — почесть и лишний повод к хвастовству, поскольку негодяй испытал ту же участь, что и самые достойные. У комика Платона где-то так и сказано про него.

Хоть кару он свою и принял поделом,
Ее с клеймом его никак не совместить.
Не для таких, как он, был создан остракизм.

С тех пор вообще иикого ие подвергали остракизму, Гипербол был последним, первым — Гиппарх из Холарга, состоявший в каком-то родстве с тираиом.

Но судьба — вещь загадочная и разумом ие постижимая. Ведь если бы во время суда черепков Никий отважился выступить против Алкивиада, то либо победил бы и жил без тревог, изгиав соперника, либо, побеждеиный, удалился бы, ие дожидаясь бедствий, постигших его потом, и слава отличиого полководца осталась бы при ием. Я зиаю, что, по словам Теофраста, Гипербол отправился в изгиаиие из-за ссоры Алкивиада с Феаком, а ие с Никием, одиако большинство писателей излагают эту историю имеиио так, как я здесь.

XII. НИКИЮ ие удалось отговорить афииян от похода в Сицилию, к которому их склоняли послы Эгесты и Леоитии. Сильиее Никия оказался честолюбивый Алкивиад, который еще до созыва Собраиия воодушевил толпу своими миогообещающими плаиами и расчетами, так что и юиоши в палестрах, и старики, собираясь в мастерских и иа полукружиых скамьях, рисовали карту Сицилии, омывающее ее море, ее гаваии и часть острова, обращеииую в стороиу Африки. На Сицилию смотрели ие как иа коиечиую цель войиы, а как на отправиой пуикт для иападеиия иа Карфагеи, для захвата Африки и моря вплоть до Геракловых столпов. Все иастолько увлеклись этим, что мало кто из влиятельиых лиц выражал сочувствие доводам Никия. Люди обеспечеииые ие высказывали вслух своих мыслей из страха, что их упрекиут в иежелаиии иести расходы по сиаряжеиию судов. Никий, одиако, ие отказывался от борьбы, и даже после того, как афииякие проголосовали за войиу и выбрали его первым стратегом вместе с Алкивиадом и Ламахом, ои, выступив иа следующем заседаиии Народиого собраиия, с мольбой отговаривал их и, закаичивая речь, упрекал Алкивиада в том, что ради личиых выгод, из честолюбия тот ввергает свой город в грозиые опасиости войиы за морем. Но все было иапрасио. Опытиость Никия казалась афиияиам важиым залогом безопасности: смелость Алкивиада и горячиость Ламаха соедииялись с его осторожиостью, и в глазах сограждан это делало выбор стратегов весьма удачиым. Де-

мострат, больше всех народных вожаков подстрекавший афинян к войне, встал тогда и, пообещав разом положить конец отговоркам Никия, предложил облечь стратегов неограниченной властью, дав им право решать дела, как им угодно, и дома и в походе. Народ проголосовал за его предложение.

XIII. РАССКАЗЫВАЮТ, однако, что и жрецы сообщали о многих неблагоприятных для похода предзнаменованиях. Тем не менее Алкивиад, полагаясь на других гадателей, из каких-то древних оракулов выводил заключение, что в Сицилии афинян ждет громкая слава. И от Аммона к нему явились какие-то провидцы передать предсказание, что афиняне захватят всех сиракузян. О дурных же приметах не говорили из страха произнести зловещее слово. Афинян не могли заставить опомниться даже явные и очевидные знамения, такие, как случай с гермами, когда все они за одну ночь были изуродованы (кроме одной — ее зовут гермой Андокида, она была приношением филы Эгеиды и находилась против дома, принадлежавшего тогда Андокиду), или то, что произошло у алтаря двенадцати богов: какой-то человек вдруг вскочил на алтарь, уселся на него и камнем отсек себе детородный член. В Дельфах на медной пальме стояло золотое изображение Паллады — дар Афин из добычи, захваченной у персов. Много дней подряд вороны клевали статую, а сделанные из золота плоды пальмы откусывали и бросали вниз. Но афиняне говорили, что все это выдумки дельфийских жрецов, подученных сиракузянами. Оракул велел доставить из Клазомен в Афины жрицу, за нею послали, и оказалось, что имя привезенной Гесихия, т. е. Тишина. Беречь именно ее, тишину, божество наставляло тогда афинян. То ли напуганный этим знамением, то ли чисто по-человечески все взвесив и обдумав, астролог Метон, уже назначенный начальником какой-то части войска, прикинулся безумным и сделал вид, будто пытается поджечь свой дом. Некоторые сообщают, что он не разыгрывал сумасшествия, но действительно ночью сжег дом и, выйдя на площадь, жалостно упрашивал сограждан посочувствовать такой беде и не посылать в поход его сына, уже назначенного в Сицилию командиром триеры. Мудрецу Сократу его гений обычным условным зна-

ком возвестил, что морской поход затевается на гибель городу. Сократ рассказал об этом своим знакомым и друзьям, и слова его стали известны многим. Немало людей было встревожено и самым сроком, на который было назначено отплытие. Женщины в те дни справляли праздник Адониса, и повсюду в городе лежали его статуи, а женщины били себя в грудь, совершая обряд погребения бога, так что те, кто сколько-нибудь считается с приметами, горевали о снаряженном тогда отряде, опасаясь, как бы столь яркий блеск его в скором времени не померк.

XIV. КОГДА Никий противился Народному собранию, когда он твердо стоял на своем, не поддаваясь соблазну власти и приносимого ею величия, он вел себя как человек дельный и благоразумный. Однако после того, как он не смог ни отговорить народ от войны, ни сам уклониться от командования, но как бы силой взят был народом, возвышен и облечен званием стратега, уже не время было озираться, медлить, как ребенку смотреть с корабля назад, терзать и расхолаживать даже своих товарищей по командованию, беспрестанно твердя о своем несогласии, и тем губить все дело — подобало, наоборот, преследовать врага по пятам и в битвах искать счастья. Никий же отверг как предложение Ламаха плыть против сиракузян и дать бой у самого города, так и план Алкивиада, замышлявшего поднять против сиракузян другие города и уже потом выступить против Сиракуз; наперекор им Никий советовал спокойно плавать вдоль берегов Сицилии, блеснуть оружием и показать триеры, а потом вернуться в Афины, выделив небольшие силы в помощь Эгесте; этим Никий сразу разрушил замыслы своих товарищей и поверг их в уныние. Алкивиада вскоре вызвали на суд в Афины, и Никий, считавшийся вторым полководцем, на деле же — главнокомандующий, продолжал попусту тратить время, то плавая вокруг острова, то устраивая совещания, пока у солдат не пропала надежда, а у врагов не прошли изумление и ужас, в которые сначала их поверг вид вражеской мощи. Еще прежде, чем Алкивиад покинул войско, афиняне подошли к Сиракузам на шестидесяти кораблях. Они встали в боевой готовности у выхода из гавани, и десять кораблей было послано в га-

вань на разведку. Подойдя к берегу, они через глашатая потребовали возвратить леонтинцев в родной город, а в гавани им удалось захватить вражеский корабль и на нем таблицы с перечнем имен всех сиракузян по филам. Хранились эти таблицы за городом, в святилище Зевса Олимпийского, и их перевозили тогда для подсчета взрослого населения. Когда таблицы были взяты и принесены афинским стратегам и те увидели множество имен, гадатели забеспокоились — не есть ли это исполнение предсказания, что афиняне захватят всех сиракузян. Впрочем, передают, что таблицы достались афинянам иначе,— когда афинянин Каллипп, убив Диона, завладел Сиракузами.

XV. ВСКОРЕ после отплытия Алкивиада из Сицилии верховное командование целиком перешло к Никию. Ламах был человеком мужественным и справедливым, в сражениях рука его рубила без устали, но жил он в такой бедности и простоте, что всякий раз, как его назначали стратегом, он предъявлял афинянам счет на небольшую сумму для покупки себе одежды и обуви. Влияние же Никия, наряду со многими другими причинами, объяснялось и его богатством. Существует рассказ, что однажды военачальники совещались о чем-то в палатке полководца, и на приглашение высказать свое мнение первым поэт Софокл ответил Никию: «Я самый старый, ты самый старший». Так и теперь Никий держал в подчинении Ламаха, полководца более талантливого, чем он сам, и действовал осторожно и медлительно. Плавая сначала вдоль берега Сицилии на далеком расстоянии от врагов, он придал им этим храбрости, потом, не сумев захватить маленький город Гиблу и отступив от него ни с чем, покрыл себя позором. В конце концов он отошел к Катане, покорив лишь Гиккары, варварский городок, из которого, как рассказывают, среди прочих пленных была вывезена и продана в Пелопоннес гетера Лаида, в ту пору еще маленькая девочка.

XVI. ЛЕТО кончилось, и Никий уже понимал, что сиракузяне, победившие свой страх, первыми выступят против афинян; вражеские всадники дерзко приближались к самому лагерю и спрашивали афинян, для чего они явились — поселиться вместе с катан-

цами или водворить на прежнее место леонтинцев. Тут Никий, наконец, повел флот против Сиракуз. Желая без страха и беспокойства разбить свой лагерь, Никий из Катаны тайно послал к сиракузянам человека, чтобы тот дал совет, если они хотят голыми руками захватить лагерь и оружие афинян, в условленный день подступить к Катане со всем войском. Подосланный Никием человек рассказал сиракузянам, что афиняне почти весь день проводят в городе и что сторонники сиракузян в Катане сговорились при первом известии о приближении сиракузян запереть ворота и немедленно поджечь стоящие на якоре корабли; заговорщиков, по его словам, уже много, и они ждут сиракузян. Это было лучшим военным успехом Никия в Сицилии. Он заставил врага вывести все войско и оставить город почти без защитников, а сам, покинув Катану, занял гавани и разместил войско в таком месте, откуда рассчитывал беспрепятственно вести военные действия, применяя средства, в которых он был силен, и терпя самый незначительный урон от того, в чем был слабее врагов. Когда сиракузяне вернулись из Катаны и выстроились в боевой порядок у стен города, Никий немедленно повел афинян в наступление и победил. Убитыми враг потерял немного, так как бегство его прикрывала конница. Никий приказал разрушить мосты через реку и тем доставил Гермократу, который произносил речь, ободряя сиракузян, повод заявить, что Никий просто смешон: все его замыслы направлены к тому, чтобы уклониться от боя, как будто не для боя приплыл он в Сицилию. Тем не менее сиракузяне пришли в такой ужас и смятение, что вместо бывших у них тогда пятнадцати стратегов выбрали трех других, которым народ поклялся в верности и дал неограниченные полномочия.

Афиняне рвались к близлежащему храму Зевса Олимпийского, где находилось множество золотых и серебряных приношений. Но Никий нарочно оттягивал захват святилища и не помешал сиракузскому караулу занять его; он рассудил, что если сокровища разграбят солдаты, то государству это впрок не пойдет, а ответственность за святотатство будет нести он.

Никий никак не воспользовался своей славной победой: через несколько дней он возвратился в Наксос, где и провел зиму, много тратя на содержание огромного войска, но ничего не достигнув, если не считать союза с немногими перешедшими на его сторону сицилийскими городами, так что сиракузяне опять воспрянули духом, послали войско в Катану, разорили окрестности города и сожгли афинский лагерь. За это, конечно, все упрекали Никия, находя, что пока он раздумывал, собирался и выжидал, оказался упущенным благоприятный для действий момент. Надо сказать, что сами действия его никогда не вызывали нареканий. Раз начавши, он становился затем бесстрашен и решителен, но, когда надо было решиться, медлил и робел.

XVII. КОГДА он снова двинулся с войском против Сиракуз, то сделал это столь стремительно и в то же время с такой осторожностью, что, незаметно причалив к Тапсу и высадившись, успел занять Эпиполы, а из подоспевшего на помощь отряда отборных воинов взял в плен триста человек и обратил в бегство вражескую конницу, до тех пор не знавшую поражений. В особенности поразило сицилийцев, а грекам показалось сказкою то, что в короткий срок Никий окружил стеной Сиракузы — город, по величине не уступавший Афинам, но гораздо менее удобный для постройки вокруг него такой длинной стены из-за неровной местности, окрестных болот и близости моря. Никий лишь немного не закончил строительство, хотя эти заботы легли на него, когда он уже потерял здоровье и страдал болезнью почек, в которой и следует искать причину того, что работы остались незавершенными. Меня восхищает заботливость полководца и отвага воинов, с успехом выполнявших свое дело. Уже после их поражения и гибели Еврипид сочинил такую эпитафию:

Эти мужи восемь раз сиракузян в бою побеждали;
Равными были тогда жребии волей богов.

Но можно было бы показать, что не восемь, а значительно большее число раз сиракузяне терпели поражение, пока и в самом деле то ли боги, то ли судь-

ба не отвернулись от афинян именно в тот миг, когда они были на вершине своего могущества.

XVIII. НЕСМОТРЯ на недуг, Никий участвовал почти в каждом деле. Как-то раз болезнь особенно мучила его, он не мог встать и остался в лагере с небольшим числом слуг. Ламах же принял командование и вступил в бой с сиракузянами, которые со стороны города воздвигали стену в противовес той, которую строили афиняне; таким путем сиракузяне должны были помешать врагу замкнуть кольцо вокруг города.

Почувствовав себя победителями, афиняне расстроили ряды и бросились преследовать врага, и Ламаху чуть ли не одному пришлось встретить натиск неприятельской конницы. Вел ее Калликрат, человек воинственный и горячий. Вызванный на единоборство, Ламах вступил с ним в поединок, первый получил удар, затем ударил сам, упал и умер вместе с Калликратом. Завладев его телом и оружием, сиракузяне бросились к афинской стене, подле которой лежал беспомощный Никий. Беда, однако, заставила его подняться. Понимая опасность, Никий приказал бывшим при нем слугам поджечь около стен все бревна, предназначенные для сооружения машин, да и сами машины тоже. Это остановило сиракузян и спасло как Никия, так и стену и имущество афинян: увидев огромное пламя, отделявшее их от вражеского лагеря, сиракузяне отступили.

Теперь единственным стратегом оставался Никий, и он надеялся на успех. Ведь города переходили на его сторону, груженные хлебом суда отовсюду прибывали к его лагерю, все искали союза с тем, кому сопутствовала удача. Сиракузяне, отчаявшись, стали поговаривать о сдаче города. Тогда и Гилипп, спешивший из Лакедемона к ним на помощь, узнав о возводимой афинянами стене и о безвыходном положении Сиракуз, решил, что Сицилия уже захвачена неприятелем, и плыл теперь лишь для того, чтобы оборонять италийские города, если это удастся. Громкая молва шла о том, что афиняне сильнее всех и что их полководца делает непобедимым его счастливая судьба и разум.

Даже самому Никию, несмотря на его характер, сила и удача придали бодрости. Полагаясь на тайные

донесения из Сиракуз, гласившие, что город вот-вот начнет переговоры о сдаче, Никий не принял в расчет приближение Гилиппа, не выставил своевременно караулов. Такая беззаботность со стороны врага предоставила Гилиппу случай незаметно переплыть пролив, высадиться вдали от Сиракуз и собрать большое войско. Сиракузянам ничего не было известно о его прибытии, и они вовсе не ждали его. Назначено было Народное собрание для обсуждения условий договора с Никием, и кое-кто уже направлялся на площадь с мыслью, что надо решить вопрос прежде, чем афиняне успеют окончательно запереть город стеной. Недостроенным оставался небольшой участок ее, и весь материал для окончания работ был заготовлен.

XIX. В ЭТОТ решающий миг из Коринфа прибыл на одной триере Гонгил, и сбежавшиеся к нему сиракузяне узнали, что на помощь им скоро подойдет Гилипп и приплывут еще корабли. Гонгилу не решались еще поверить, как уже явился гонец от Гилиппа с наказом встречать спартанцев. Воспрянув духом, сиракузяне взялись за оружие, а Гилипп прямо с дороги выстроил воинов в боевой порядок и повел их на афинян. Когда Никий тоже привел своих в боевую готовность, Гилипп остановился против афинян и послал глашатая передать, что позволяет им беспрепятственно уйти из Сицилии. Никий не счел нужным отвечать ему. Некоторые воины со смехом спрашивали, неужели один спартанский плащ и палка так усилили сиракузян, что им уже не страшны афиняне, которые держали в оковах и вернули лакедемонянам триста человек посильнее Гилиппа и носивших более длинные волосы, чем он. Тимей передает, что и сицилийцы не уважали Гилиппа; в его алчности и скупости они убедились позднее, при первом же знакомстве подшучивали над его волосами и потертым плащом. Тот же писатель далее сообщает, что к Гилиппу, как к внезапно появившейся сове, слетелись очень многие и охотно встали под его команду. Это последнее известие более правдоподобно, чем первое. Ведь к нему шли потому, что смотрели на палку и на плащ, как на символы спартанского достоинства. Что все последующее развитие событий в Сицилии — заслуга Ги-

липпа, считал не только Фукидид, ио и сиракузяиии Филист, очевидец этих событий.

В первом сражении перевес остался иа стороие афинян, убивших иескольких сиракузяи и коринфяиина Гонгила. Но уже иа следующий деиь Гилипп показал, на что способен опытный полководец. Он начал битву тем же самым оружием, иа тех же конях, в том же самом месте — лишь иначе расставил своих людей, и победа досталась ему. Афиняие бежали в свой лагерь, а Гилипп приказал сиракузяиам воспользоваться афинскими запасами камия и леса и воздвиг укрепление, перерезавшее стеиу афииян так, чтобы оиа не могла им уже пригодиться даже в случае победы. Осмелевшие после этого успеха сиракузяне стали пополнять экипажи кораблей и, делая иабеги силами своей и союзиической коиницы, захватывали многих афиняи в плеи. Гилипп сам ездил по городам, вселял в жителей мужество и добился повииовеиия и надежной поддержки, так что Никий, при изменившемся положеиии дел возвращаясь к прежиему образу мыслей, приходил в уиыние и писал в Афииы, иастаивая, чтобы в Сицилию выслали иовое войско или отозвали бы и прежнее, а себя, ссылаясь иа болезнь, настойчиво просил избавить от комаидоваиия.

XX. АФИНЯНЕ и раньше хотели послать подкрепление в Сицилию, ио из зависти к первым и столь миогообещающим успехам Никия долго откладывали решение, теперь же, наконец, поспешили помочь. Весиою в Сицилию должеи был отплыть с большим флотом Демосфеи, а еще зимой отплыл туда Эвримедоит, чтобы передать Никию деньги и объявить о иазиачеиии стратегами Эвтидема и Меиандра — из числа тех, кто воевал вместе с иим.

Тем временем Никию был иаиесеи внезапный удар с суши и с моря; хотя корабли его сиачала ие выдержали натиска, ои все же отогиал и потопил миого иеприятельских судов, одиако прийти иа помощь пехоте ие успел, и Племмирий оказался в руках неожидаиио появившегося Гилиппа, который завладел всем храиившимся там морским снаряжеиием и большой суммой деиег, перебив и забрав в плеи иемало людей. Но самое важиое было то, что ои отрезал Никия от подвоза продовольствия. Ведь через Племмирий, пока в

нем стояли афиняне, провизия доставлялась быстро и беспрепятственно, когда же мыс перешел в руки Гилиппа, дело осложнилось, ибо приходилось отбиваться от вражеских кораблей, стоявших там на якоре. К тому же сиракузянам теперь казалось, что и флот их побежден был не силой противника, а из-за недостатка порядка у них самих во время бегства. Они опять снаряжали корабли и рвались в бой. Никий уклонялся от битвы на море, считая величайшей глупостью с малым числом кораблей, да к тому же плохо оснащенных, ввязываться в сражение, когда уже совсем близко Демосфен с большим флотом и свежими силами. Но Менандр и Эвтидем, только что получившие командные посты, были охвачены духом соперничества и зависти к обоим полководцам, желая опередить в подвигах Демосфена и затмить славу Никия. Говоря о величии родного города, которое-де померкнет и рассеется, если афиняне будут страшиться плывущих на них сиракузских кораблей, они принудили Никия дать морское сражение. Придуманная коринфским кормчим Аристоном хитрость с завтраком привела, как пишет Фукидид, к тому, что афиняне оказались полиостью разбитыми и поиесли большие потери. Глубочайшее уныиие охватило Никия, ведь и при единоличном комаидовании его постигали несчастья, и теперь он вновь потерпел иеудачу по вине своих товарищей.

XXI. В ЭТО ВРЕМЯ у входа в гавань показался флот Демосфена, сверкая вооружением и ужасая врагов видом семидесяти трех кораблей с пятью тысячами гоплитов и ие менее чем тремя тысячами копейщиков, лучников и пращников. Демосфен сумел, как в театре, ошеломить врагов блеском оружия, отличительиыми зиаками на триерах, великим миожеством начальников иад гребцами и флейтистов. Сиракузяне, как и следовало ожидать, снова были в большом страхе за свою судьбу, поиимая, что мучаются и гибиут иапрасно, без надежды увидеть конец и прекращение бедствий. Но недолго радовало Никия прибытие подкрепления, при первой же встрече с иим Демосфеи предложил либо немедленно идти иа врагов, возможио скорее дать решающий бой и захватить Сиракузы, либо плыть назад. В страхе и изумлеиии перед такой без-

рассудной стремительностью Никий просил Демосфена не поступать необдуманно и опрометчиво. Время, утверждал он, действует против неприятеля, не имеющего больших запасов и не надеющегося на длительную поддержку союзников. Теснимые нуждой, враги скоро, как уже было однажды, обратятся к нему для переговоров. И действительно, в Сиракузах было немало людей, тайно сносившихся с Никием и советовавших ему выжидать: сиракузяне, дескать, уже теперь истомленные войной и недовольные Гилиппом, окончательно лишатся сил, если нужда сдавит их еще немного. Кое о чем Никий говорил намеками, коечего вообще не захотел высказать и дал остальным стратегам повод обвинить его в трусости. Они заявляли, что Никий возвращается к старому — к своим проволочкам, затяжкам, мелочной осторожности, из-за которых у неприятеля первое впечатление от мощи афинян притупилось, и, когда они, наконец, ударили на врага, страх успел смениться презрением. Стратеги присоединились к мнению Демосфена, и Никий волей-неволей вынужден был уступить.

Итак, Демосфен ночью ударил с пехотой на Эпиполы, часть врагов истребил, не дав им опомниться, оборонявшихся же обратил в бегство. Не довольствуясь достигнутым, он продвигался дальше, пока не столкнулся с беотийцами; сомкнутым строем, выставив копья, беотийцы первыми с криком бросились на афинян и многих сразили. Во всем войске Демосфена сразу поднялись страх и смятение. Обратившиеся в бегство смешались с теми, кто еще теснил противника, тем, кто рвался вперед, путь преграждали свои же, охваченные ужасом, и они сбивали друг друга с ног, и падали друг на друга, и принимали бегущих за преследующих и друзей за врагов. Все смешалось, всеми владел страх и неуверенность, обманчиво мерцала ночь, не беспроглядно темная, но и не достаточно светлая, как всегда бывает при заходе луны, движущаяся масса человеческих тел бросала густую тень, тусклый свет, в котором ничего нельзя было толком разглядеть, заставлял из страха перед врагом с подозрением всматриваться в лицо друга,— все это, вместе взятое, привело афинян к страшной, гибельной развязке. Случилось так, что луна светила им в спи-

ну и они все время оставались скрытыми собственной тенью, так что неприятель не видел ни мощи их оружия, ни его великолепия, щиты же врагов, отражая сияние луны, сверкали ярче, и казалось, что их больше, чем было на самом деле. Враги продолжали теснить со всех сторон, и кончилось тем, что, когда силы афинян иссякли, они предались бегству, и одни были сражены врагами, другие — своими же, третьи погибли, сорвавшись с кручи. Тех, которые рассеялись и блуждали по округе, с наступлением дня догнала и перебила вражеская конница. Афинян пало две тысячи, а из уцелевших лишь немногие сохранили свое оружие.

XXII. НИКИЙ, предвидевший этот удар, винил Демосфена в опрометчивости, а тот, кое-как оправдавшись, советовал как можно скорее плыть на родину. Ведь нового подкрепления им уже не получить, говорил он, а имеющихся сил недостаточно для победы над врагами; даже и в случае победы им следовало бы уехать, бежать из этой местности, всегда опасной и нездоровой, а теперь, в это время года, как они видят, просто губительной (как раз начиналась осень, и уже многие в войске недомогали, а приуныли все). Никий с тяжелым сердцем слушал слова о бегстве и отплытии — и не потому, что не страшился сиракузян, а потому, что еще больший страх внушали ему афиняне, их суды и доносы. Он возражал, что не ждет здесь никакой беды, а если бы она и случилась, то легче умереть от руки врагов, чем сограждан. Мысль эта противоположна тому, что позднее сказал своим согражданам Леонт Византийский: «Мне приятнее принять смерть от ваших рук, чем разделить ее с вами». О том, в какое место перенести лагерь, Никий обещал подумать на досуге. Выслушав его возражения, Демосфен, первый план которого так позорно провалился, не стал настаивать, остальные же, уверенные, что Никий выжидает, полагаясь на своих сторонников в Сиракузах, и поэтому противится отплытию, приняли его сторону. Однако, когда к сиракузянам прибыло подкрепление, в то время как среди афинян все росло число больных, Никий тоже решился отступать и приказал солдатам готовиться к отплытию.

XXIII. ВСЕ приготовления были окончены, а враги, ни о чем не подозревавшие, не выставили никакого караула, но вдруг случилось лунное затмение, вселившее великий страх в Никия и в остальных,— во всех, кто по своему невежеству или суеверию привык с трепетом взирать на подобные явления. Что солнце может иногда затмиться в тридцатый день месяца и что затмевает его луна,— это было уже понятно и толпе. Но трудно было постичь, с чем встречается сама луна и отчего в полнолуние она вдруг теряет свой блеск и меняет цвет. В этом видели нечто сверхъестественное, некое божественное знамение, возвещающее великие бедствия. Первым, кто создал чрезвычайно ясное и смелое учение о луне, об ее сиянии и затмениях, был Анаксагор, но и сам он не принадлежал к числу древних писателей, и сочинение его еще не было широко известно, но считалось не подлежащим огласке и лишь тайно, с осторожностью передавалось из рук в руки отдельными лицами. В те времена не терпели естествоиспытателей и любителей потолковать о делах заоблачных — так называемых метеоролесхов [meteoroléschai]. В них видели людей, которые унижают божественное начало, сводят его к слепым неразумным причинам, к неизъяснимым силам, к неизбежной последовательности событий. И Протагор был изгнан, и Анаксагора Периклу едва удалось освободить из темницы, и Сократ, не причастный ни в коей мере ни к чему подобному, все-таки погиб из-за философии. В дальнейшем Платон, прославившись и самою своею жизнью, и тем, что естественную необходимость он поставил ниже божественных и более важных начал, рассеял ложное мнение о такого рода сочинениях и сделал эти науки достоянием всех. Так, например, его друга Диона не смутило наступление лунного затмения в тот момент, когда он собирался сняться с якоря в Закинфе и плыть против Дионисия: он вышел в открытое море и, достигнув Сиракуз, низложил тирана.

По несчастливому стечению обстоятельств подле Никия тогда не было толкового прорицателя, так как незадолго до того умер его близкий товарищ Стилбид, избавлявший Никия от многих суеверных страхов. По словам Филохора, правда, это знамение от-

июдь не дуриое, а, напротив, даже благоприятиое для убегающих, поскольку дела, совершаемые с опаской, должны быть скрыты и свет им помеха. И вообще, как написаио в «Толкованиях» Автоклида, злотвориого воздействия солнца или луны следует ожидать лишь в первые три дня после затмения.

Но Никий уговорил афинян дождаться конца следующего оборота луиы, так как, по его наблюдеииям, оиа стала чистой не сразу после того, как прошла темное место, заслонеиное землей.

XXIV. ОТЛОЖИВ чуть ли не все дела, Никий прииосил жертвы и гадал, а тем временем враги подступили вплотную, осадили стены и лагерь афинян, заперли своими кораблями гавань, и теперь уже не только триеры, но и мальчишки на рыбацких лодках подплывали к афиняиам, дразнили их и кричали обидиые слова. Одного из этих мальчишек, Гераклида, сына уважаемых родителей, далеко заплывшего на своем челноке, настиг н захватил афинский корабль. В страхе за мальчика его дядя Поллих повел на афннян десять вверенных ему триер, остальные же, опасаясь гибели Поллиха, последовали за иим. Произошла ожесточениая морская битва, победили сиракузяие, среди многих погибших был и Эвримедонт.

Держаться дольше афиняие ие могли, они осыпали бранью стратегов, требуя, чтобы те начинали отступать сушей: дело в том, что, одержав верх, сиракузяие сразу же загородили и отрезали выход из гаваии. Но Никий ие согласился иа это требованне. Бросить множество грузовых судов и около двухсот триер представлялось делом неслыхаииым, поэтому отбориых пехотинцев и самых лучших копейщиков посадили на суда, приведя таким образом в боевую готовность сто десять триер — для остальных иедостало весел. Прочих солдат Никий расставил вдоль морского берега, окончательио уйдя из большого лагеря и от стен, тяиувшихся вплоть до святилища Геракла, так что сиракузские жрецы и полководцы вошли в храм и сразу принесли обычную жертву Гераклу, которая долгое время не приносилась.

XXV. МОРЯКИ уже поднимались иа суда, когда гадатели, рассмотрев внутренности жертвениых животных, обещали сиракузянам блестящую победу, если

они не станут затевать боя, а будут лишь обороняться: ведь и Геракл выходил победителем тогда, когда защищался и первый принимал на себя удар. Корабли вышли в море, и завязалась битва, необыкновенно жестокая и упорная, причем очевидцы сражения не в меньшей мере, чем его участники, терзались волнением, наблюдая за частыми и неожиданными поворотами в ходе боя. Собственное снаряжение причиняло афинянам не меньший вред, чем неприятель, ибо тяжелые корабли афинян шли сомкнутым строем и с разных сторон на них кидались легкие суда неприятеля, а на град камней, которые поражают с одинаковой силой, как бы они ни упали, афиняне отвечали дротиками и стрелами, которые из-за качки невозможно было метнуть точно, так что далеко не все они летели острием вперед. Это предусмотрел и растолковал сиракузянам коринфский кормчий Аристон; сам он пал в этой битве, в яростной схватке, когда победа клонилась уже на сторону сиракузян.

Разгром был полный и окончательный, путь к бегству морем был закрыт, и, сознавая, что на суше им также будет нелегко спастись, афиняне позволяли врагам у себя на глазах уводить корабли, не просили для погребения тела убитых, так как еще печальнее, чем не похоронить погибших, было бросить на произвол судьбы больных и раненых, а эта картина носилась уже перед их взором. Впрочем, и их самих, полагали они, после многих бед ждет такой же плачевный конец.

XXVI. НОЧЬЮ афиняне приготовились бежать. Гилипп, наблюдая, как сиракузяне устраивали жертвоприношения и попойки в честь победы и праздника, предвидел, что их невозможно будет ни уговорить, ни заставить ударить на удаляющегося неприятеля. Но Гермократ задумал хитрость и послал к Никию своих товарищей, которые сказали, что они явились по поручению тех, кто с самого начала войны тайно сносился с Никием, чтобы передать совет не выступать ночью, так как сиракузяне приготовили неприятелю засады и заранее заняли дороги. Введенный в заблуждение, Никий не тронулся с места, пока действительно не случилось то, чего он ложно опасался. На рассвете сиракузяне поспешили занять выгодные позиции на

дорогах, выстроили преграды у переправ через реки, разрушили мосты, расставили всадников на равнинах и полях, так что афиняне теперь уже нигде не могли пройти без боя. После целого дня и ночи ожидания афиняне двинулись в путь, рыдая и сетуя так, словно покидали не вражескую, а родную землю. Они страдали от отсутствия самого необходимого, от того, что приходилось бросать беспомощных друзей и близких. А впереди, по их расчетам, предвиделись бедствия, еще более тяжелые.

Среди многих ужасов, которые можно было наблюдать в лагере, самое жалкое зрелище являл собою сам Никий, удрученный недугом и вынужденный, несмотря на свое звание, довольствоваться скудным дорожным пайком, хотя больное тело требовало несравненно большего; обессиленный, он выдерживал то, что было не под силу многим здоровым; все видели, что не ради себя, не из привязанности к жизни он терпит муки, но ради своих воинов не позволяет себе впадать в отчаяние. Ведь если другие плакали и стенали от страха и горя, то слезы Никия, несомненно, бывали вызваны тем, что он сравнивал постыдный провал похода с теми великими и славными подвигами, которые он надеялся совершить. Глядя на него, а еще больше вспоминая его слова, его увещания, которыми он пытался не допустить отплытия в Сицилию, афиняне все больше проникались мыслью, что Никий наказан незаслуженно. У них пропадала всякая надежда на богов при виде того, как мужа благочестивого, принесшего столько прекрасных даров божеству, постигает участь, ничуть не лучшая, чем самых негодных и малодушных солдат.

XXVII. НЕСМОТРЯ ни на что, Никий своими речами, выражением лица и обхождением с воинами старался показать, что он выше постигшего их несчастья. В течение всех восьми дней пути, когда неприятель преследовал их и наносил удар за ударом, Никий берег от разгрома свое войско, пока у Полизеловой усадьбы не попал в окружение отряд Демосфена, оторвавшийся от своих во время схватки с врагом. Демосфен тогда сам пронзил себя мечом, но не умер, так как враги тут же обступили и удержали его. Никию эту весть принесли подскакавшие сиракузяне;

узнав же от посланных им самим всадников, что отряд Демосфена захвачен врагом, он счел нужным предложить Гилиппу перемирие с тем, чтобы афиняне получили возможность уйти из Сицилии, оставив заложников впредь до возмещения сиракузянам убытков, которые принесла им война. Но сиракузяне отвергли эти условия, с яростной бранью, издевательствами и угрозами они продолжали метать копья и пускать стрелы в афинян, уже оставшихся без воды и без пищи. Тем не менее Никий продержался всю ночь и на следующий день, теснимый врагом, подошел к реке Асинару. И здесь одних столкнули в поток враги, других заставила прыгнуть туда жажда. Началось чудовищное в своей жестокости избиение, когда глоток воды оказывался последним в жизни, пока Никий не пал перед Гилиппом со словами: «Пощады, Гилипп, вы победили! Нет, не за себя прошу, прославившего свое имя столь великими несчастьями, а за остальных афинян. Вспомните, что на войне беда может случиться со всяким и что афиняне, когда им сопутствовала удача, обошлись с вами благосклонно и мягко». Гилиппа тронули и слова и вид Никия. Он знал, сколько добра сделал Никий лакедемонянам при заключении мира, к тому же захват живыми стратегов противника сулил еще бо́льшую славу. Подняв Никия с земли, Гилипп старался его успокоить и отдал приказ прекратить резню. Распоряжение это доходило до солдат медленно, так что оставшихся в живых было гораздо меньше, чем убитых. Многих, впрочем, незаметно увели к себе сами солдаты. Оставшихся пленных сиракузяне свели в одно место, все вооружение, снятое с афинян, развесили вдоль реки на самых больших и красивых деревьях. Возложив на себя венки, нарядно украсив своих коней, а афинским остригши гривы, они повернули назад к Сиракузам. Ценой величайшего напряжения всех сил, небывалого мужества и отваги они одержали полную победу в самой знаменитой из войн, какая велась между греками.

XXVIII. В СОВМЕСТНОМ Собрании сиракузян и союзников народный главарь Эврикл предложил объявить день захвата Никия в плен праздником и отмечать его принесением жертв и отдыхом от трудов, праздник же именовать Асинарией в честь реки. День

этот пришелся на двадцать шестое число месяца карнея, который у афинян называется метагитнионом. С афинянами же Эврикл предлагал поступить так: рабов и союзников продать, самих же афинян и перешедших на их сторону сицилийцев послать под охраной в каменоломни, за исключением стратегов, которых надлежит казнить. Сиракузяне одобряли его мнение, и слова Гермократа, что хорошо использовать победу важнее, чем победить, были встречены возмущенным криком, а Гилиппу, который настаивал, чтобы стратеги живыми были увезены в Лакедемон, граждане, уже раздувшиеся от гордости своими победами, ответили бранью. Впрочем, еще во время войны сиракузяне тяготились грубостью Гилиппа и его лаконской манерой командования; как сказано у Тимея, ему ставили в вину скупость и алчность, эту наследственную болезнь, из-за которой его отец Клеандрид, бравший взятки, принужден был покинуть отечество. Да и сам Гилипп со страшным позором удалился в изгнание, когда на него донесли, что он похитил и спрятал под крышей своего дома тридцать талантов из той тысячи, что Лисандр отправил в Спарту. Подробнее об этом говорится в жизнеописании Лисандра.

Тимей сообщает, что Демосфен и Никий не были казнены по приказу сиракузян, как утверждают Филист и Фукидид, но, предупрежденные Гермократом, воспользовались отсутствием караульных и покончили с собою, пока еще шло Народное собрание. Тела их были выброшены к воротам и лежали там, доступные взорам всех любопытствовавших. Мне приходилось слышать, что в Сиракузах, в одном из храмов, до сих пор показывают искусно отделанный золотом и пурпуром щит, якобы принадлежавший Никию.

XXIX. МНОЖЕСТВО афинян погибло в каменоломнях от болезней и скверной пищи: им давали в день две котилы ячменя и котилу воды, но немалое их число,— те, кто был похищен или выдавал себя за раба,— было продано. Их продавали в рабство и ставили на лбу клеймо в виде лошади. Да, были и такие, кому вдобавок к неволе привелось терпеть еще и это. Но даже в такой крайности им приносило пользу чувство собственного достоинства и умение себя держать. Владельцы либо отпускали их на свободу, либо

высоко ценили. А некоторых спас Еврипид. Дело в том, что сицилийцы, вероятно, больше всех греков, живущих за пределами Аттики, чтили талант Еврипида. Когда приезжающие доставляли им небольшие отрывки из его произведений, сицилийцы с наслаждением вытверживали их наизусть и повторяли друг другу. Говорят, что в ту пору многие из благополучно возвратившихся домой горячо приветствовали Еврипида и рассказывали ему, как они получали свободу, обучив хозяина тому, что осталось в памяти из его стихов, или как, блуждая после битвы, зарабатывали себе пищу и воду пением песен из его трагедий. Нет, стало быть, ничего невероятного в рассказе о том, что в Кавне какому-то судну сначала не позволяли укрыться в гавани от пиратов, а затем впустили его, когда после расспросов удостоверились, что моряки помнят наизусть стихи Еврипида.

XXX. В АФИНАХ, как рассказывают, не поверили вести о беде, главным образом из-за того, кто эту весть принес. По-видимому, какой-то чужеземец сошел на берег в Пирее и, сидя у цирюльника, заговорил о случившемся, как о чем-то для афинян хорошо известном. Выслушав его, цирюльник, пока еще никто ничего не узнал, помчался в город и, прибежав к архонтам, прямо на площади пересказал им слова чужеземца. Как и следовало ожидать, все были испуганы и смущены, архонты созвали Народное собрание и пригласили цирюльника. Он не смог ответить вразумительно на вопрос, кто сообщил ему эту новость. Его сочли выдумщиком и смутьяном и долго пытали, привязав к колесу, пока не прибыли люди, во всех подробностях поведавшие о несчастье. Лишь тогда афиняне поверили, что Никий на себе испытал то, о чем так часто их предупреждал.

КРАСС

I. МАРК КРАСС, отец которого был цензором и триумфатором, воспитывался в небольшом доме вместе с двумя братьями. Те женились еще при жизни родителей, и все сходились за общим обеденным столом. Такая обстановка, по-видимому, весьма содействова-

ла тому, что Красс в течение всей жизни оставался воздержным и умеренным. После смерти одного из братьев он женился на его вдове, имел от нее детей и с этой стороны не уступал в добронравии никому из римлян. В более зрелом возрасте, однако, он был обвинен в сожительстве с одной из дев-весталок — Лицинией. Лициния также подверглась судебному преследованию со стороны некоего Плотина. У Лицинии было прекрасное имение в окрестностях Рима, и Красс, желая дешево его купить, усердно ухаживал за Лицинией, оказывал ей услуги и тем навлек на себя подозрения. Но он как-то сумел, ссылаясь на корыстолюбивые свои побуждения, снять с себя обвинение в прелюбодеянии, и судьи оправдали его. От Лицинии же он отстал не раньше, чем завладел ее имением.

II. РИМЛЯНЕ утверждают, что блеск его многочисленных добродетелей омрачается лишь одним пороком — жаждой наживы. А я думаю, что этот порок, взяв верх над остальными его пороками, сделал их лишь менее заметными. Лучшим доказательством его корыстолюбия служат и те способы, какими он добывал деньги, и огромные размеры его состояния. Ибо первоначально Красс имел не более трехсот талантов, а когда он стал во главе государства, то, посвятив Геркулесу десятую часть своего имущества, устроив угощение для народа, выдав каждому римлянину из своих средств на три месяца продовольствия,— при подсчете своих богатств перед парфянским походом все же нашел, что стоимость их равна семи тысячам ста талантам. Если говорить правду, далеко не делающую ему чести, то бо́льшую часть этих богатств он извлек из пламени пожаров и бедствий войны, использовав общественные несчастья как средство для получения огромнейших барышей. Ибо, когда Сулла, овладев Римом, стал распродавать имущество казненных, считая и называя его своей добычей, и стремился сделать соучастниками своего преступления возможно большее число лиц, и притом самых влиятельных, Красс не отказывался ни брать от него, ни покупать. Кроме того, имея перед глазами постоянный бич Рима — пожары и осадку зданий, вызываемую их громоздкостью и скученностью, он стал приобретать

рабов — архитекторов и строителей, а затем когда их набралось у него более пятисот, начал скупать горевшие и смежные с ними постройки, которые задешево продавались хозяевами, побуждаемыми к тому страхом и неуверенностью. Таким-то образом большая часть Рима стала его собственностью. Располагая столь значительным числом мастеров, сам он, однако, кроме собственного дома, не выстроил ничего, а о любителях строиться говорил, что они помимо всяких врагов сами себя разоряют. Он владел также великим множеством серебряных рудников, богатых земель, обеспеченных работниками, но все это можно было считать ничтожным по сравнению со стоимостью его рабов — столько их у него было, да притом таких, как чтецы, писцы, пробирщики серебра, домоправители, подавальщики. За обучением их он надзирал сам, внимательно наблюдая и давая указания, и вообще держался того мнения, что господину прежде всего надлежит заботиться о своих рабах как об одушевленных хозяйственных орудиях. Красс был, конечно, прав, полагая, что всем прочим в хозяйстве следует, как он говорил, распоряжаться через рабов, а рабами должно управлять самому. Ибо мы видим, что умение вести хозяйство в том, что касается неодушевленных предметов, сводится к увеличению доходов, когда же дело касается людей,— это уже искусство управления. Но неумно было с его стороны не признавать и не называть богатым того, кто не в состоянии содержать на свои средства целое войско. Ибо, как сказал Архидам, война питается не по норме, а потому денежные средства, которых она требует, неограниченны. И здесь Красс сильно расходится во взглядах с Марием, который, наделив солдат землей по четырнадцати югеров на каждого и узнав, что они требуют больше, сказал: «Да не будет впредь ни одного римлянина, который считал бы малым надел, достаточный для его пропитания».

III. КРАСС любил показывать свою щедрость гостям. Дом его был открыт для всех, а своим друзьям он даже давал деньги взаймы без процентов, но вместе с тем по истечении срока требовал их от должников без снисхождения, так что бескорыстие его становилось тяжелее высоких процентов. На обедах его при-

глашенными были преимущественно люди из народа, и простота стола соединялась с опрятностью и радушием, более приятным, чем роскошь.

Что касается умственных занятий, то он упражнялся главным образом в ораторском искусстве, стремясь завоевать известность у народа. Будучи от природы одним из первых среди римлян ораторов, Красс старанием и трудом достиг того, что превзошел даровитейших мастеров красноречия. Не было, говорят, такого мелкого и ничтожного дела, за которое он взялся бы не подготовясь. И не раз, когда Цезарь, Помпей или Цицерон не решались взять на себя защиту, Красс проводил ее успешно. Этим-то всего больше он и нравился народу, прослыв человеком, заботящимся о других и готовым помочь. Нравились также его обходительность и доступность, проявлявшиеся в том, как он здоровался с приветствовавшими его. Не было в Риме такого безвестного и незначительного человека, которого он при встрече, отвечая на приветствие, не назвал бы по имени. Говорят еще, что Красс был сведущ в истории и не чужд философии. Следовал он учению Аристотеля, наставником же его был Александр, который совместною жизнью с Крассом доказал свою непритязательность и кротость, ибо трудно сказать, был ли он беднее до того, как пришел к Крассу, или, напротив, стал еще беднее после этого. Так, хотя из всех друзей Красса только Александр сопровождал его в путешествиях, он получал в дорогу кожаный плащ, который по возвращении у него требовали обратно. Но об этом ниже.

IV. ВСКОРЕ после того, как Цинна и Марий взяли верх, с полной очевидностью выяснилось, что возвращаются они не на благо отечества, а с неприкрытым намерением казнить и губить знатных: те, кого они захватили, были умерщвлены, в числе их отец и брат Красса. Сам он, тогда еще молодой человек, избежал непосредственной опасности, но видя, что он окружен со всех сторон и что тираны его выслеживают, Красс взял с собой троих друзей и десять слуг и с величайшей поспешностью бежал в Испанию, где прежде, в бытность отца его наместником, он жил и приобрел друзей. Там он застал всех в великом страхе и трепете перед жестокостью Мария, как будто тот находился

среди инх, и, ие решившнсь кому-либо открыться, киuулся в прнморское поместье Вибня Пациана, где была большая пещера, спрятался в ней, а к Вибию послал одного из своих рабов иа разведку, так как и припасы его были уже иа нсходе. Вибнй же, услышав о Крассе, обрадовался его спасению, спроснл о числе его спутииков и где оии иаходятся. От личного свидаиия он воздержался, но, тотчас проведя к тому месту управляющего именнем, приказал ежедневно носить Крассу готовый обед, ставить его иа камеиь и молча удаляться, ие любопытствуя и иичего ие высматривая. За излишиее любопытство Вибий пригрозил ему смертью, а за верную службу обещал свободу.

Пещера эта находнтся неподалеку от моря. Замыкающие ее со всех сторон скалы оставляют проход — узкую, едва заметную расщелниу, ведущую виутрь. Всякого входящего туда поражает необычайная высота пещеры, а в ширину она расходится в виде просторных, сообщающнхся между собой гротов. Здесь нет недостатка нн в воде, ии в свете, так как под самой скалой бьет нсточник чрезвычайио приятиой иа вкус воды, а природные трещины, обращеиные в ту сторону, где скалы всего ярче освещеиы, пропускают в пещеру свет, так что днем в ней бывает светло. Воздух внутрн не влажен и чнст, потому что благодаря плотности своей скала не впитывает струящуюся влагу, а дает ей стекать в источник.

V. ВСЕ ВРЕМЯ, пока Красс с товарнщамн жил здесь, ежедневио появлялся человек, приносивший еду. Ои их не видел и ие зиал; им же ои был видеи, так как онн поджндалн его, зная время его прихода. Кушанья к обеду бывали приготовлены в изобилни и ие только удовлетворяли их потребиости, ио и доставляли удовольствие, ибо Внбий решил в заботах своих о Крассе всячески выказывать ему радушие. Пришла ему также в голову мысль о возрасте Красса, о том, что ои еще молод н что следует подумать о прнличествующнх его годам удовольствиях, нбо, как полагал Вибий, удовлетворять только иасущные иужды — зиачит служить скорее по иеобходимости, чем из расположеиия. Итак, взяв с собою двух краснвых прислужииц, ои пошел к морю, а придя на место, указал нм вход в пещеру н велел войти туда, откииув страх.

Прн виде вошедших Красс испугался, полагая, что убежище его выслежено и обнаружено, и спросил девушек, кто они и что им нужно. Когда же те, наученные Вибием, ответили, что ищут скрывающегося здесь своего господина, Красс, поняв любезную шутку Вибия, принял девушек, и они жили с ним все остальное время, осведомляя о его нуждах Вибия. Фенестелла говорит, что видел одну из них уже старухой и не раз слышал, как она охотно вспоминала и рассказывала об этом случае.

VI. ТАК ПРОЖИЛ Красс, скрываясь, восемь месяцев и вышел лишь после того, как узнал о смерти Цинны. К нему стеклось немало людей, Красс отобрал из них две тысячи пятьсот человек и выступил, держа путь через города. По свидетельству многих писателей, он разграбил один из них — Малаку, но сам он, говорят, отрицал это и опровергал тех, кто заводил об этом речь.

Собрав затем несколько грузовых судов и переправившись в Африку, Красс явился к Метеллу Пию, знатному мужу, собравшему немалое войско. Пробыл здесь Красс, однако, недолго. Поссорившись с Метеллом, он уехал к Сулле и оставался среди его приверженцев, пользуясь величайшим почетом. После переправы в Италию Сулла, желая использовать всю бывшую с ним молодежь как усердных соратников, каждого из них приставил к какому-нибудь делу. Красс, которому поручено было отправиться в землю марсов для набора войска, просил дать ему охрану, так как дорога проходила вблизи неприятеля. Сулла же, разгневавшись на него, резко ответил: «Я даю тебе в провожатые твоего отца, брата, друзей, родных — за них, незаконно и без вины казненных, я мщу убийцам!» Получив такую отповедь, Красс, задетый за живое, тотчас же отправился и, отважно пробившись сквозь неприятельское расположение, собрал многочисленное войско, а затем ревностно помогал Сулле в его борьбе. После этих-то успехов, говорят, и зародились в нем впервые честолюбивые замыслы и стремление соперничать в славе с Помпеем. Помпей, хотя и годами был моложе Красса, и родился от отца, пользовавшегося в Риме дурною репутацией, навлекшего на себя глубокую ненависть сограждан, уже по-

крыл себя блеском побед в тогдашних войнах и выказал себя поистине великим, так что Сулла вставал при его появлении, обнажал голову и называл его императором — такой чести он не часто удостаивал даже и старших по возрасту и равных себе по положению людей. Это раззадоривало и раздражало Красса, которого не без основания ставили ниже Помпея. Ему недоставало опытности, а красоту его подвигов губили владевшие им от природы злые силы — корыстолюбие и скаредность. Так, после взятия умбрийского города Тудертии он был заподозрен в присвоении большей части ценностей, и об этом донесли Сулле. Но в сражении под Римом, оказавшемся самым большим из всех и последним, в то время как Сулла потерпел поражение и его войска были отброшены и частью перебиты, Красс, начальствовавший над правым крылом, одержал победу и преследовал неприятеля до самой ночи, после чего послал к Сулле сообщить об успехе и просить обеда для воинов.

Во время казней и конфискаций о нем опять пошла дурная слава — что он скупает за бесценок богатейшие имущества или выпрашивает их себе в дар. Говорят также, что в Бруттии он кого-то внес в списки не по приказу Суллы, а из корыстных побуждений и что возмущенный этим Сулла уже больше не пользовался его услугами ни для каких общественных дел. Красс был очень силен в умении уловлять людей лестью, но и в свою очередь легко уловлялся льстивыми речами. Отмечают в нем еще одну особенность: будучи сам до последней степени алчен, он терпеть не мог себе подобных и всячески поносил их.

VII. ЕГО МУЧИЛО, что Помпей достиг замечательных успехов, предводительствуя войсками, что он получил триумф до того, как стал сенатором, и что сограждане прозвали его Магном [Magnus], т. е. Великим. И когда однажды кто-то сказал, что пришел Помпей Великий, Красс со смехом спросил, какой же он величины. Отчаявшись сравняться с Помпеем на военном поприще, он погрузился в гражданские дела и ценою больших усилий, ведя судебные защиты, ссужая деньгами и поддерживая тех, кто домогался чего-либо у народа, приобрел влияние и славу, равную той, какую снискал себе Помпей многими великими

походами. В результате же с ними происходило нечто неожиданное: пока Помпея не было в Риме, влияние и известность его были преобладающими благодаря славе его походов. Когда же Помпей сам был в Риме, в борьбе за влияние его часто побеждал Красс, причиною чего было высокомерие Помпея и его недоступность в обхождении: он избегал народа, держался вдали от форума, а из просивших о поддержке помогал лишь немногим и то неохотно, предпочитая в полной мере сохранить влияние, которым он располагал, на случай, если придется использовать его для самого себя. Красс же постоянно оказывал всем содействие, не был ни нелюдимым, ни недоступным и, живя среди непрерывных хлопот, обходительностью своей и доброжелательством брал верх над чванным Помпеем. Что касается внешней представительности, убедительности речи и привлекательности черт лица, то качества эти, как говорят, были одинаково присущи обоим.

Соперничество не увлекало, однако, Красса на путь вражды или какого-нибудь недоброжелательства; его огорчало, что Помпей и Цезарь почитались стоящими выше его, но к честолюбию не присоединялось ни враждебности, ни коварства. Правда, Цезарь, взятый в плен пиратами, находясь под стражей, воскликнул: «Какую радость вкусишь ты, Красс, когда узнаешь о моем пленении!» Но позже они по-дружески сблизились между собой, и, когда Цезарь собирался отправиться в Испанию в качестве претора, денег же не имел, а кредиторы донимали его и задерживали отъезд, Красс не остался в стороне и выручил Цезаря, поручившись за него на сумму в восемьсот тридцать талантов.

Между тем Рим разделился на три стана — Помпея, Цезаря и Красса (ибо слава Катона была больше его влияния и сила его заключалась главным образом в том, что им восхищались), причем разумная, положительная часть граждан почитала Помпея, люди пылкие и неуравновешенные воспламенялись надеждами, внушаемыми Цезарем, Красс же, занимая промежуточную позицию, с выгодой пользовался поддержкой и тех и других. Постоянно меняя свои взгляды на дела управления, он не был ни надежным дру-

гом, ни непримиримым врагом, а легко отказывался ради личной выгоды как от расположения, так и от вражды, так что в короткое время много раз был то сторонником, то противником одних и тех же людей либо одних и тех же законов. Сила его заключалась и в умении угождать, но прежде всего — во внушаемом им страхе. Недаром Сициний, человек, доставлявший немало хлопот тогдашним должностным лицам и вожакам народа, на вопрос, почему он одного лишь Красса не трогает и оставляет в покое, ответил: «У него сено на рогах». Дело в том, что римляне имели обыкновение навязывать бодливому быку на рога сено для предостережения прохожих.

VIII. ВОССТАНИЕ гладиаторов, известное также под названием Спартаковой войны и сопровождавшееся разграблением всей Италии, было вызвано следующими обстоятельствами.

Некий Лентул Батиат содержал в Капуе школу гладиаторов, большинство которых были родом галлы и фракийцы. Попали эти люди в школу не за какие-нибудь преступления, но исключительно из-за жестокости хозяина, насильно заставившего их учиться ремеслу гладиаторов. Двести из них сговорились бежать. Замысел был обнаружен, но наиболее дальновидные, в числе семидесяти восьми, все же успели убежать, запасшись захваченными где-то кухонными ножами и вертелами. По пути они встретили несколько повозок, везших в другой город гладиаторское снаряжение, расхитили груз и вооружились. Заняв затем укрепленное место, гладиаторы выбрали себе трех предводителей. Первым из них был Спартак, фракиец, происходивший из племени медов,— человек, не только отличавшийся выдающейся отвагой и физической силой, но по уму и мягкости характера стоявший выше своего положения и вообще более походивший на эллина, чем можно было ожидать от человека его племени. Рассказывают, что однажды, когда Спартак впервые был приведен в Рим на продажу, увидели, в то время как он спал, обвившуюся вокруг его лица змею. Жена Спартака, его соплеменница, одаренная, однако ж, даром пророчества и причастная к Дионисовым таинствам, объявила, что это знак предуготованной ему великой и грозной власти, которая приве-

дет его к злополучному концу. Жена и теперь была с ним, сопровождая его в бегстве.

IX. ПРЕЖДЕ всего гладиаторы отбили нападение отрядов, пришедших из Капуи, и, захватив большое количество воинского снаряжения, с радостью заменили им гладиаторское оружие, которое и бросили как позорное и варварское. После этого для борьбы с ними был послан из Рима претор Клавдий с трехтысячным отрядом. Клавдий осадил их на горе, взобраться на которую можно было только по одной узкой и чрезвычайно крутой тропинке. Единственный этот путь Клавдий приказал стеречь; со всех остальных сторон были отвесные гладкие скалы, густо заросшие сверху диким виноградом. Нарезав подходящих для этого лоз, гладиаторы сплели из них прочные лестницы такой длины, чтобы те могли достать с верхнего края скал до подножия, и затем благополучно спустились все, кроме одного, оставшегося наверху с оружием. Когда прочие оказались внизу, он спустил к ним все оружие и, кончив это дело, благополучно спустился и сам. Римляне этого не заметили, и гладиаторы, обойдя их с тыла, обратили пораженных неожиданностью врагов в бегство и захватили их лагерь. Тогда к ним присоединились многие из местных волопасов и овчаров — народ все крепкий и проворный. Одни из этих пастухов стали тяжеловооруженными воинами, из других гладиаторы составили отряд лазутчиков и легковооруженных.

Вторым против гладиаторов был послан претор Публий Вариний. Вступив сначала в бой с его помощником, Фурием, предводительствовавшим отрядом в три тысячи человек, гладиаторы обратили его в бегство, а затем Спартак подстерег явившегося с большими силами Коссиния, советника Вариния и его товарища по должности, в то время как он купался близ Салин, и едва не взял его в плен. Коссинию удалось спастись с величайшим трудом. Спартак же, овладев его снаряжением, стал немедленно преследовать его по пятам и после кровопролитного боя захватил его лагерь. В битве погиб и Коссиний. Вскоре Спартак, разбив в нескольких сражениях самого претора, в конце концов взял в плен его ликторов и захватил его коня.

Теперь Спартак стал уже великой и грозной силой, но как здравомыслящий человек ясно понимал, что ему все же не сломить могущества римлян, и повел свое войско к Альпам, рассчитывая перейти через горы и, таким образом, дать каждому возможность вернуться домой — иным во Фракию, другим в Галлию. Но люди его, полагаясь на свою силу и слишком много возомнив о себе, не послушались и на пути стали опустошать Италию.

Раздражение, вызванное в сенате низким и недостойным характером восстания, уступило место страху и сознанию опасности, и сенат отправил против восставших, как на одну из труднейших и величайших войн, обоих консулов разом. Один из них, Геллий, неожиданно напав на отряд германцев, из высокомерия и заносчивости отделившихся от Спартака, уничтожил его целиком. Другой, Лентул, с большими силами окружил самого Спартака, но тот, перейдя в наступление, разбил его легатов и захватил весь обоз. Затем он двинулся к Альпам, навстречу же ему во главе десятитысячного войска выступил Кассий, наместник той части Галлии, что лежит по реке Паду. В завязавшемся сражении претор был разбит наголову, понес огромные потери в людях и сам едва спасся бегством.

X. УЗНАВ обо всем этом, возмущенный сенат приказал консулам не трогаться с места и поставил во главе римских сил Красса. За Крассом последовали многие представители знати, увлеченные его славой и чувством личной дружбы к нему. Сам он расположился у границы Пицена, рассчитывая захватить направлявшегося туда Спартака, а легата своего Муммия во главе двух легионов послал в обход с приказанием следовать за неприятелем, не вступая, однако, в сражение и избегая даже мелких стычек. Но Муммий, при первом же случае, позволявшем рассчитывать на успех, начал бой и потерпел поражение, причем многие из его людей были убиты, другие спаслись бегством, побросав оружие. Оказав Муммию суровый прием, Красс вновь вооружил разбитые части, но потребовал от них поручителей в том, что оружие свое они впредь будут беречь. Отобрав затем пятьсот человек — зачинщиков бегства и разделив их на пятьде-

сят десятков, он приказал предать смерти из каждого десятка по одному человеку — на кого укажет жребий. Так Красс возобновил бывшее в ходу у древних и с давних пор уже не применявшееся наказание воинов; этот вид казни сопряжен с позором и сопровождается жуткими и мрачными обрядами, совершающимися у всех на глазах.

Восстановив порядок в войсках, Красс повел их на врагов, а Спартак тем временем отступил через Луканию и вышел к морю. Встретив в проливе киликийских пиратов, он решил перебраться с их помощью в Сицилию, высадить на острове две тысячи человек и снова разжечь восстание сицилийских рабов, едва затухшее незадолго перед тем: достаточно было бы искры, чтобы оно вспыхнуло с новой силой. Но киликийцы, условившись со Спартаком о перевозке и приняв дары, обманули его и ушли из пролива. Вынужденный отступить от побережья, Спартак расположился с войском на Регийском полуострове. Сюда же подошел и Красс. Сама природа этого места подсказала ему, что надо делать. Он решил прекратить сообщение через перешеек, имея в виду двоякую цель: уберечь солдат от вредного безделья и в то же время лишить врагов подвоза продовольствия. Велика и трудна была эта работа, но Красс выполнил ее до конца и сверх ожидания быстро. Поперек перешейка, от одного моря до другого, вырыл он ров длиной в триста стадиев, шириною и глубиною в пятнадцать футов, а вдоль всего рва возвел стену, поражавшую своей высотой и прочностью. Сначала сооружения эти мало заботили Спартака, относившегося к ним с полным пренебрежением, но когда припасы подошли к концу и нужно было перебираться в другое место, он увидел себя запертым на полуострове, где ничего нельзя было достать. Тогда Спартак, дождавшись снежной и бурной зимней ночи, засыпал небольшую часть рва землей, хворостом и ветками и перевел через него третью часть своего войска.

XI. КРАСС испугался; его встревожила мысль, как бы Спартак не вздумал двинуться прямо на Рим. Вскоре, однако, он ободрился, узнав, что среди восставших возникли раздоры и многие, отпав от Спартака, расположились отдельным лагерем у Луканско-

го озера. (Вода в этом озере, как говорят, время от времени меняет свои свойства, становясь то пресной, то соленой и негодной для питья.) Напав на этот отряд, Красс прогнал его от озера, но не смог преследовать и истреблять врагов, так как внезапное появление Спартака остановило их бегство. Раньше Красс писал сенату о необходимости вызвать и Лукулла из Фракии и Помпея из Испании, но теперь сожалел о своем шаге и спешил окончить войну до прибытия этих полководцев, так как предвидел, что весь успех будет приписан не ему, Крассу, а тому из них, который явится к нему на помощь. По этим соображениям он решил, не медля, напасть на те неприятельские части, которые, отделившись, действовали самостоятельно под предводительством Гая Канниция и Каста. Намереваясь занять один из окрестных холмов, он отрядил туда шесть тысяч человек с приказанием сделать все возможное, чтобы пробраться незаметно. Стараясь ничем себя не обнаружить, люди эти прикрыли свои шлемы. Тем не менее их увидели две женщины, приносившие жертвы перед неприятельским лагерем, и отряд оказался бы в опасном положении, если бы Красс не подоспел вовремя и не дал врагам сражения — самого кровопролитного за всю войну. Положив на месте двенадцать тысяч триста неприятелей, он нашел среди них только двоих, раненных в спину, все остальные пали, оставаясь в строю и сражаясь против римлян.

За Спартаком, отступавшим после этого поражения к Петелийским горам, следовали по пятам Квинт, один из легатов Красса, и квестор Скрофа. Но когда Спартак обернулся против римлян, они бежали без оглядки и едва спаслись, с большим трудом вынеся из битвы раненого квестора. Этот успех и погубил Спартака, вскружив головы беглым рабам. Они теперь и слышать не хотели об отступлении и не только отказывались повиноваться своим начальникам, но, окружив их на пути, с оружием в руках принудили вести войско назад через Луканию на римлян. Шли они туда же, куда спешил и Красс, до которого стали доходить вести о приближавшемся Помпее; да и в дни выборов было много толков о том, что победа над врагами должна быть делом Помпея: стоит ему явить-

ся — и с войной будет покончено одним ударом. Итак, Красс, желая возможно скорее сразиться с врагами, расположился рядом с ними и начал рыть ров. В то время как его люди были заняты этим делом, рабы тревожили их своими налетами. С той и другой стороны стали подходить все бо̀льшие подкрепления, и Спартак был, наконец, поставлен в необходимость выстроить все свое войско. Перед началом боя ему подвели коня, но он выхватил меч и убил его, говоря, что в случае победы получит много хороших коней от врагов, а в случае поражения не будет нуждаться и в своем. С этими словами он устремился на самого Красса; ни вражеское оружие, ни раны не могли его остановить, и все же к Крассу он не пробился и лишь убил двух столкнувшихся с ним центурионов. Наконец, покинутый своими соратниками, бежавшими с поля битвы, окруженный врагами, он пал под их ударами, не отступая ни на шаг и сражаясь до конца.

Хотя Красс умело использовал случай, предводительствовал успешно и лично подвергался опасности, все же счастье его не устояло перед славой Помпея. Ибо те рабы, которые ускользнули от него, были истреблены Помпеем, и последний писал в сенат, что в открытом бою беглых рабов победил Красс, а он уничтожил самый корень войны. Помпей, конечно, со славою отпраздновал триумф как победитель Сертория и покоритель Испании. Красс и не пытался требовать большого триумфа за победу в войне с рабами, но даже и пеший триумф, называемый овацией, который ему предоставили, был сочтен неуместным и унижающим достоинство этого почетного отличия. Чем пеший триумф отличается от большого и о названии его говорится в жизнеописании Марцелла.

XII. ТОТЧАС ЖЕ вслед за этим Помпею было предложено консульство, а Красс, надеясь стать его товарищем по должности, не задумался просить Помпея о содействии, и тот с радостью выразил свою полную на то готовность, ибо ему хотелось, чтобы Красс так или иначе всегда был обязан ему за какую-нибудь любезность; он стал усердно хлопотать и, наконец, заявил в Народном собрании, что он будет столь же благодарен за товарища по должности, как и за само консульство. Однако, находясь у власти, Красс и

Помпей не сохранили дружеских отношений. Расходясь почти во всем, ожесточаясь друг против друга и соперничая между собой, они сделали свое консульство бесполезным для государства и ничем его не ознаменовали, если не считать того, что Красс, совершив грандиозное жертвоприношение Гераклу, угостил народ на десяти тысячах столов и дал каждому хлеба на три месяца. Уже консульство их подходило к концу, когда однажды в Народном собрании римский всадник Гай Аврелий, человек не знатный, по образу жизни сельский житель, общественными делами не занимавшийся, поднявшись на возвышение для оратора, рассказал о бывшем ему во сне видении: «Сам Юпитер,— сказал он,— явился мне и велел объявить всенародно его волю, чтобы вы не ранее дозволили консулам сложить с себя власть, чем они станут друзьями». В то время как человек этот говорил, а народ призывал консулов к примирению, Помпей стоял молча, а Красс первый, подав ему руку, сказал: «Полагаю, сограждане, что я не совершаю ничего низкого или недостойного себя, делая первый шаг и предлагая любовь и дружбу Помпею, которого вы, когда он еще был безбородым, провозгласили Великим и еще не участвующего в сенате признали заслуживающим триумфа».

XIII. ВОТ ВСЕ, что в консульстве Красса достойно упоминания, цензорство же его оказалось совершенно бесцельным и безрезультатным, ибо он не произвел ни пересмотра списков сената, ни обследования всадников, ни оценки имущества граждан. Товарищем его по должности был Лутаций Катул, человек самый кроткий из всех римлян, и все же, когда Красс затеял опасное и несправедливое дело, намереваясь превратить Египет в данника римлян, Катул, говорят, воспротивился этому самым решительным образом. Отсюда возникло разногласие между ними, и они добровольно сложили с себя власть.

Во время важных событий, связанных с заговором Катилины и едва не приведших к ниспровержению государственного порядка в Риме, некоторое подозрение коснулось и Красса: нашелся человек, назвавший его заговорщиком, но никто этому не поверил. Правда, и Цицерон в одном из своих сочинений недву-

смысленно винит Красса и Цезаря, но это сочинение было издано лишь после смерти их обоих. В другом же сочинении — «О консульстве» — Цицерон рассказывает, как Красс, явившись к нему ночью, принес письмо, касавшееся дела Катилины, и уже тогда подтвердил, что заговор существует. Как бы то ни было, Красс с тех пор питал постоянную ненависть к Цицерону, но открыто вредить последнему мешал ему сын. Ибо Публий, начитанный и любознательный, был привязан к Цицерону в такой степени, что, когда тот подвергся судебному преследованию, он вместе с ним сменил одежду на траурную и заставил сделать то же и других молодых людей. В конце концов он убедил отца примириться с Цицероном.

XIV. ЦЕЗАРЬ же, едва возвратившись из провинции, стал готовиться к соисканию консульской должности. Он видел, что Красс и Помпей снова не ладят друг с другом, и не хотел просьбами, обращенными к одному, сделать себя врагом другого, а вместе с тем не надеялся на успех без поддержки обоих. Тогда он занялся их примирением, постоянно внушая им, что, вредя друг другу, они лишь усиливают Цицеронов, Катулов и Катонов, влияние которых обратится в ничто, если они, Красс и Помпей, соединившись в дружеский союз, будут править совместными силами и по единому плану. Убедив и примирив их, Цезарь составил и слил из всех троих непреоборимую силу, лишившую власти и сенат и народ, причем повел дело так, что те двое не стали сильнее один через другого, но сам он через них приобрел силу и вскоре при поддержке того и другого блистательно прошел в консулы. Цезарь превосходно управлял делами, и постановлением Народного собрания Красс и Помпей дали ему войско и послали в Галлию, засадив его таким образом как бы в крепость и полагая, что, закрепив за ним власть над доставшейся ему провинцией, они смогут без помехи поделить между собой все остальное. Помпея на этот шаг толкнуло его безмерное честолюбие, а к старой болезни Красса — корыстолюбию — из-за подвигов Цезаря присоединилась новая неудержимая страсть к трофеям и триумфам. Уступая Цезарю в этом одном и считая себя в остальном выше него, Красс не успокоился до тех пор, пока замыслы его

не привели к его бесславной смерти и к народному бедствию.

Цезарь приехал из Галлии в город Луку, и туда же собрались многие из римлян, в том числе Красс и Помпей, которые частным образом сговорились с ним крепко держаться за власть и подчинить себе все управление: Цезарю предстояло остаться во главе своего войска, а Красс и Помпей должны были взять себе другие провинции и войска. Путь к этому был один — искать второго консульства, а для этого нужно было, чтобы Цезарь, в то время как они будут домогаться власти, помогал им, переписываясь с друзьями и посылая побольше воинов для подачи голосов в их пользу.

XV. ВЕРНУВШИСЬ после этого в Рим, Красс и его сторонники встретили общую подозрительность: распространилась упорная молва, что не к добру было то свидание. Когда в сенате Марцеллин и Домиций спросили Помпея, намерен ли он выставить свою кандидатуру, тот ответил, что, быть может, он ее и выставит, а может быть, и нет. На вторичный вопрос о том же он сказал, что сделает это для добрых граждан, но не сделает для дурных. Помпей в ответах своих показался всем надменным и чванным, Красс же ответил скромнее, заявив, что если это может принести пользу государству, то он будет домогаться власти, в противном случае — воздержится. После такого ответа искать консульства решились и некоторые другие, в том числе Домиций. Но когда Красс и Помпей явно обнаружили свои намерения, иные из соискателей, испугавшись, отступили, Домиция же, своего родственника и друга, подбодрял Катон, увещая и побуждая не отказываться от надежды, так как ему предстоит бороться за общую свободу; ибо Помпею и Крассу нужна не консульская должность, а тирания, и то, что ими делается,— не соискание консульства, а захват провинций и войск. Внушая все это и сам думая так, Катон привел Домиция на форум едва ли не против его воли, причем многие к ним примкнули. И немало удивлялись люди: «Почему Помпей и Красс вторично ищут консульства, почему опять оба вместе, почему не с кем-либо другим? Ведь у нас есть много мужей, несомненно достойных управлять делами вме-

сте с Крассом или вместе с Помпеем». Устрашившись этих толков, пособники Помпея не остановились ни перед какими бесчинствами и насилиями и в довершение всего устроили засаду Домицию, еще до света спускавшемуся на форум в сопровождении других лиц, убили несшего перед ним факел, многих ранили, в том числе Катона, а прочих обратили в бегство и заперли в доме, после чего Помпей и Красс были избраны консулами. Вскоре они опять окружили курию вооруженными людьми, прогнали с форума Катона и убили нескольких человек, оказавших сопротивление; Цезарю они продлили власть на второе пятилетие, а себе из провинций выбрали Сирию и обе Испании. Был брошен жребий: Сирия досталась Крассу, испанские же провинции — Помпею.

XVI. ЖЕРЕБЬЕВКА эта удовлетворила всех. Большинство народа желало, чтобы Помпей находился поблизости от города, да и Помпей, влюбленный в свою жену, намерен был проводить здесь бо̀льшую часть времени. Красс же, как только выпал ему жребий, не мог скрыть своей радости, считая, что более блестящей удачи, чем на этот раз, у него еще не бывало. Перед народом и посторонними он еще как-то себя сдерживал, но среди близких ему людей говорил много пустого и ребяческого, не соответствующего ни его возрасту, ни характеру, ибо вообще-то он вовсе не был хвастуном и гордецом. Но тогда, возгордясь безмерно и утратив рассудок, уже не Сирией и не парфянами ограничивал он поле своих успехов, называл детскими забавами походы Лукулла против Тиграна и Помпея против Митридата, и мечты его простирались до бактрийцев, индийцев и до моря, за ними лежащего. Хотя в постановлении Народного собрания, касавшемся Красса, ничего не было сказано о парфянской войне, но все знали, что Красс к ней неудержимо стремится. К тому же Цезарь написал ему из Галлии, одобряя его намерения и поощряя его к войне. Так как народный трибун Атей обнаружил намерение препятствовать походу Красса и многие к нему присоединились, считая недопустимым, чтобы кто-либо пошел войной против людей, ни в чем не провинившихся, да притом еще связанных с Римом договором, Красс, испугавшись, обратился к Помпею с просьбой оказать

ему поддержку и проводить его из города. Ибо велик был почет, каким пользовался Помпей среди простого иарода. И иа этот раз вид Помпея, идущего впереди со спокойиым взором и спокойиым лицом, успокоил толпу, собравшуюся было поднять крик и задержать Красса: люди молча расступились и дали им дорогу. Но иавстречу выступил Атей и начал с того, что обратился к Крассу, умоляя ие идти дальше, а затем приказал ликтору схватить и остаиовить его. Одиако другие трибуиы этому воспротивились, и ликтор отпустил Красса, Атей же подбежал к городским воротам, поставил там пылающую жаровню, и, когда Красс подошел, Атей, воскуряя фимиам и совершая возлияния, иачал изрекать страшиые, приводящие в трепет заклятия и призывать, произнося их имена, каких-то ужасных, неведомых богов. По словам римлян, эти таииственные древние заклинания имеют такую силу, что иикто из подвергшихся им ие избежал их действия, да и сам произиосящий навлекает иа себя иесчастье, а потому изрекают их лишь иемиогие и в исключительных случаях. Поэтому и Атея порицали за то, что ои, возиегодовав на Красса ради государства, на это же государство иаложил такие заклятия и навел такой страх.

XVII. КРАСС прибыл в Брундизий. Море, как всегда зимою, было иеспокойио, ио Красс ждать ие стал, отплыл и потерял в пути миого судов. Собрав уцелевшую часть войска, ои спешио двинулся сушей, через Галатию. Здесь застал он царя Дейотара, человека очеиь старого, заиятого тогда осиоваиием нового города. «Царь! — сказал он ему шутя,— в двеиадцатом часу начинаешь ты строить». А галат, засмеявшись, ответил: «Да и ты, император, как я вижу, не слишком-то раио идешь иа парфян». Крассу было за шестьдесят, а выглядел ои еще старше своих лет.

На первых порах по прибытии иа место течеиие дел отвечало надеждам Красса. Ибо ои без труда иавел мост через Евфрат, спокойио переправил войско и занял миогие города в Месопотамии, сдавшиеся ему добровольио. В одиом из иих, где неограничеиио правил некий Аполлоний, было убито сто римских солдат, после чего Красс привел к городу войско и, овладев им, разграбил все ценности, а жителей продал в

рабство. Греки называли этот город Зенодотией. По случаю покорения его Красс позволил войску провозгласить себя императором, чем навлек на себя великий стыд, так как, удовлетворившись столь малым, показал, что у него нет никакой надежды совершить что-либо большее. Оставив в покоренных городах караульные отряды, общим числом в семь тысяч пехотинцев и тысячу всадников, сам Красс ушел в Сирию на зимние квартиры и, кроме того,— чтобы встретиться с сыном, который во главе тысячи отборных всадников прибыл от Цезаря из Галлии, украшенный знаками отличия за доблесть.

Можно полагать, что это было первой его ошибкой (если не считать самого похода, оказавшегося величайшей из ошибок): вместо того, чтобы идти вперед и занять Вавилон и Селевкию, города, неизменно враждебные парфянам, он дал врагам время подготовиться. Обвиняли Красса и за дела его в Сирии, которые подобали скорее дельцу, чем полководцу. Ибо не проверкою своих вооруженных сил занимался он и не упражнением солдат в военных состязаниях, а исчислял доходы с городов и много дней подряд взвешивал и мерил сокровища богини в Иераполе, предписывал городам и правителям производить набор воинов, а потом за деньги освобождал их от этой повинности. Всем этим Красс обесславил себя и заслужил презрение. И вот от этой самой богини, которую иные называют Афродитой, иные Герой, а иные считают причиной и естественной силой, породившей из влаги начала и зачатки всего и открывшей людям первоисточник всех благ, было ему первое знамение: при выходе из храма первым упал молодой Красс, а затем, запнувшись за него, упал и старший.

XVIII. В ТО ВРЕМЯ как Красс стал уже стягивать войска, снимая их с зимних стоянок, к нему явились послы от Арсака с кратким извещением: они заявили, что если войско послано римским народом, то война будет жестокой и непримиримой, если же, как слышно, Красс поднял на парфян оружие и захватил их земли не по воле отечества, а ради собственной выгоды, то Арсак воздерживается от войны и, снисходя к годам Красса, отпускает римлянам их солдат, которые находятся скорее под стражей, чем на сторожевой

службе. Когда же Красс стал хвастаться, что даст ответ в Селевкии, старший из послов, Вагиз, засмеялся и, показав ему на обращенную вверх ладонь, ответил: «Скорее тут вырастут волосы, Красс, чем ты увидишь Селевкию». Затем послы возвратились к царю Гироду и объявили, что предстоит война.

Между тем из городов Месопотамии, в которых стояли римские гарнизоны, явились, насилу вырвавшись оттуда, несколько солдат с тревожными вестями. Они видели собственными глазами целые скопища врагов и были свидетелями сражений, данных неприятелем при штурмах городов. Все это они передавали, как водится, в преувеличенно страшном виде, уверяя, будто от преследующих парфян убежать невозможно, сами же они в бегстве неуловимы, будто их диковинные стрелы невидимы в полете и раньше, чем заметишь стрелка́, пронзают насквозь все, что ни попадается на пути, а вооружение закованных в броню всадников такой работы, что копья их всё пробивают, а панцири выдерживают любой удар. Солдаты слышали это, и мужество их таяло. Раньше они были уверены, что парфяне ничем не отличаются ни от армян, ни от каппадокийцев, которых Лукулл бил и грабил, сколько хотел, считали, что самое трудное в этой войне — предстоящий долгий путь и преследование беглецов, ускользающих из рук, а теперь, вопреки надеждам, предвидели борьбу и большие опасности, так что даже некоторые из начальников полагали, что Крассу следовало бы остановиться и созвать совет, чтобы вновь обсудить общее положение дел. В числе их был и квестор Кассий. Да и гадатели тайно давали знать, что при жертвоприношениях Крассу постоянно выходят дурные и неотвратимые предзнаменования. Но Красс не обращал внимания ни на гадателей, ни на тех, кто советовал ему что-либо другое, кроме как торопиться.

XIX. В ОСОБЕННОСТИ же ободрил Красса Артабаз, царь армянский. Он прибыл в лагерь с шестью тысячами всадников — то были, как их называли, царские стражи и провожатые. Артабаз обещал еще десять тысяч конных латников и три тысячи пехоты, беря их содержание на себя. Царь убеждал Красса вторгнуться в Парфию через Армению, так как там

он не только будет иметь в изобилии все необходимое для войска,— об этом позаботится сам царь,— но и совершит путь в безопасности, будучи защищен от врага горами, непрерывной чередой холмов, словом местностью, неудобопроходимой для конницы— единственной силы парфян. Красс остался очень доволен расположением царя и его щедрой помощью, но сказал, что пойдет через Месопотамию, где оставлено много храбрых римских воинов. После этого царь армянский уехал.

В то время как Красс переправлял войско через реку у Зевгмы, много раз прогрохотал небывалой силы гром, частые молнии засверкали навстречу войску, и ветер, сопровождаемый тучами и грозой, налетев на понтонный мост, разрушил и разметал бо̀льшую его часть. Место, где Красс предполагал разбить лагерь, было дважды поражено молнией. Одна из лошадей полководца в блестящей сбруе увлекла возничего к реке и исчезла под водою. Говорят также, что первый орел, который был поднят, сам собою повернулся назад. И еще совпадение: когда после переправы солдатам стали раздавать еду, в первую очередь были выданы чечевица и соль, которые у римлян считаются знаками траура и ставятся перед умершими. Затем у самого Красса, когда он произносил речь, вырвались слова, страшно смутившие войско. Ибо он сказал, что мост через реку он приказывает разрушить, дабы никто из солдат не вернулся назад. Он должен был бы, почувствовав неуместность этих слов, взять их обратно или объяснить их смысл оробевшим людям. Но Красс со свойственной ему самоуверенностью пренебрег этим. Наконец, в то время как он приносил очистительную жертву и жрец подал ему внутренности животного, он выронил их из рук. Видя опечаленные лица присутствующих, Красс, улыбнувшись, сказал: «Такова уж старость! Но оружия мои руки не выронят».

XX. С ЭТОГО места он двинулся вдоль реки с семью легионами, без малого четырьмя тысячами всадников и легковооруженными в числе, приблизительно равном числу всадников. Несколько лазутчиков, вернувшись из разведки, донесли, что местность совершенно безлюдна, но замечены следы множества лошадей,

как бы совершивших поворот и уходящих от преследования. После этого и сам Красс еще больше утвердился в своих надеждах на успех, и воины прониклись пренебрежением к парфянам, думая, что те даже не вступят в бой. Кассий же вновь обратился к Крассу с советом, говоря, что лучше всего было бы ему задержать войско в одном из охраняемых караульными отрядами городов, пока он не узнает о неприятеле чего-либо достоверного, если же не узнает, то двигаться на Селевкию вдоль реки. В этом случае суда с продовольствием, идя рядом с войском, смогут в изобилии доставлять продукты, и к тому же река защитит войско от обходов с фланга, и оно будет в постоянной готовности встретить противника лицом к лицу и вступить в бой на равных условиях.

XXI. ПОКА Красс все это обдумывал и взвешивал, явился вождь арабского племени по имени Абгар, человек лукавый и коварный, ставший для Красса и его войска самым большим и решающим злом из всех, какие судьба соединила для их погибели. Некоторые из тех, кто участвовал в походах Помпея, знали его как человека, в какой-то мере пользовавшегося вниманием римского полководца и прослывшего другом римского народа. А теперь он был подослан военачальниками парфянского царя с тем, чтобы, сопутствуя Крассу, попытаться завлечь его как можно дальше от реки и холмов на необъятную равнину, где можно было бы его окружить, ибо парфяне решили пойти на все, лишь бы избежать встречи с римлянами лицом к лицу. Итак, явившись к Крассу, варвар (а речь его обладала силою убеждения) стал превозносить Помпея как своего благодетеля, выразил восхищение воинской мощью Красса, но вместе с тем порицал его за медлительность, за то, что он чего-то ждет и все готовится, как будто ему нужно оружие, а не проворность рук и ног для борьбы против людей, которые давно только о том и помышляют, как бы, забрав наиболее ценные вещи и тех, кто им дорог, умчаться к скифам и гирканам. «Но все же, если ты намерен сразиться,— говорил он,— следует поспешить, пока царь не собрал в одно место все свои силы, потому что теперь против вас брошены только Сурена и Силлак с наказом отвлечь на себя ваше внимание,

самого же царя нигде не видно». Все это была ложь: Гирод, разделив с самого начала свои силы на две части, сам в отместку Артабазу разорял Армению, Сурену же послал против римлян — и поступил он так отнюдь не из высокомерия, как говорят иные. Ибо не подобало бы тому, кто даже Красса, первого человека в Риме, считает недостойным себя противником, идти войной на Артабаза, нападать на армянские села и опустошать их. На самом деле царь, как видно, испугался опасности и словно бы засел в засаде в ожидании будущего, а Сурену послал вперед померяться с неприятелем силами в бою и сбивать его с пути. Сурена же был человек далеко недюжинный: по богатству, знатности рода и славе он занимал второе место после царя, мужеством же и талантом превосходил среди парфян всех своих современников; к тому же никто не мог сравниться с ним ни ростом, ни красотою. В поход выступал он не иначе, как везя за собой припасы на тысяче верблюдов и двести повозок с наложницами; тысяча конников, закованных в броню, и еще большее число легковооруженных сопровождали его особу; всех же всадников, прислужников и рабов было у него не менее десяти тысяч. По происхождению своему он владел наследственным правом первым возложить на царя диадему при вступлении его на престол. А того же Гирода, находившегося в изгнании, он вернул парфянам и овладел для него великою Селевкиею, первым взойдя на стену и собственной рукою обратив в бегство противников. В ту пору ему не было еще и тридцати лет, а он заслужил уже величайшую славу своей рассудительностью и умом. Ими-то главным образом он и погубил Красса, ибо тот, отуманенный сначала самонадеянностью и гордыней, а позже под влиянием страхов и несчастий стал легко поддаваться на обманы.

XXII. ИТАК, варвар, убедив Красса и отвлекши его от реки, вел римлян по равнине — дорогой, сначала удобной и легкой, а затем крайне тяжелой: на пути лежали глубокие пески, и трудно было идти по безлесным и безводным равнинам, уходившим из глаз в беспредельную даль. Воины не только изнемогали от жажды и трудностей пути, но и впадали в уныние от безотрадных картин: они не видели ни куста, ни ру-

чья, ни горного склона, ни зеленеющих трав — их взорам представлялись морю подобные волны песков, окружавшие войско со всех сторон. Уже в этом проглядывал коварный замысел, а тут явились и послы от Артабаза Армянского и рассказали о том, как жестоко страдает он в напряженной борьбе с обрушившимся на него Гиродом; лишенный возможности послать подмогу Крассу, он советует ему либо — что лучше всего — повернуть и, соединясь с армянами, сообща бороться против Гирода, либо идти дальше, но при этом всегда становиться лагерем на высотах, избегая мест, удобных для конницы. Однако Красс, в гневе и безрассудстве своем, ничего в ответ не написал и велел лишь сказать, что теперь у него нет времени для Армении, а позже он явится туда для расправы с Артабазом за его предательство.

Кассий вознегодовал и на этот раз, но Красса, не желавшего его слушать, перестал переубеждать, варвара же наедине осыпа́л бранью: «Какой злой дух, скверненший из людей, привел тебя к нам? Какими зельями и приворотами соблазнил ты Красса, ввергнув войско в разверстую глубь пустыни, идти путем, приличествующим скорее главарю разбойничьей шайки кочевников, чем римскому полководцу?» А лукавый варвар униженно просил и уговаривал потерпеть еще немного, а над воинами, идя рядом и оказывая им помощь, подшучивал и говорил со смехом: «Вы, должно быть, воображаете себя шагающими по родной Кампании, если так тоскуете по воде ключей и ручьев, по тени деревьев, по баням и гостиницам, забывая, что вы уже переступили границы арабов и ассирийцев!» Так-то Абгар поучал римлян, и прежде чем его предательство обнаружилось, ускакал не таясь от Красса, а уверив его в том, что хочет подготовить ему успех и спутать все расчеты неприятеля.

XXIII. В ТОТ день Красс, говорят, вышел не в пурпурном плаще, как это в обычае у римских полководцев, а в черном, спохватившись же, тотчас его сменил; затем некоторые из знамен были подняты знаменосцами с таким трудом и после столь долгих усилий, будто они вросли в землю. Красс, однако, смеялся над этим и спешил в путь, принуждая пехоту поспевать за конницей. Но тут несколько человек из числа послан-

ных в разведку вернулись с известием, что остальные перебиты неприятелем, что сами они с трудом спаслись бегством, а враги в великом множестве смело идут на римлян. Все встревожились, Красс же, совершенно ошеломленный, еще не совсем придя в себя, стал наспех строить войско в боевой порядок. Сначала он, как предлагал Кассий, растянул пеший строй по равнине на возможно большее расстояние в предупреждение обходов, конницу же распределил по обоим крыльям, но потом изменил свое решение и, сомкнув ряды, построил войско в глубокое каре, причем с каждой стороны выставил по двенадцати когорт, а каждой когорте придал по отряду всадников, дабы ни одна из частей войска не осталась без прикрытия конницы и можно было бы ударить на врага в любом направлении, не страшась за собственную безопасность. Один из флангов он поручил Кассию, другой — молодому Крассу, а сам стал в центре. Продвигаясь в таком порядке, они подошли к речке, название которой Балисс. Река была невелика и не обильна водой, но в эту сушь и зной, после трудностей безводного, полного тягот пути, воины очень ей обрадовались. Бо̀льшая часть начальников полагала, что здесь и надлежит расположиться на отдых и ночевку, разузнать, насколько это возможно, какова численность и боевое построение врагов, а с рассветом двинуться против них. Но, побуждаемый сыном и его всадниками, которые советовали идти вперед и вступить в бой, Красс приказал, чтобы, кто хочет, ели и пили, оставаясь в строю, и, не дав людям как следует утолить голод и жажду, повел их не ровным шагом, с передышками, как это делается перед битвой, а быстро, без остановок, до тех пор, пока они не увидели неприятеля, который, против ожидания, не показался римлянам ни многочисленным, ни грозным: Сурена заслонил передовыми отрядами основные свои силы и скрыл блеск вооружения, приказав воинам заслониться плащами и кожами. Когда же парфяне подошли ближе, их военачальник подал знак, и вся равнина сразу огласилась глухим гулом и наводящим трепет шумом. Ибо парфяне, воодушевляя себя перед боем, не трубят в рога и трубы, а поднимают шум, колотя в обтянутые кожей полые инструменты, которые

обвешиваются кругом медными погремками. Эти инструменты издают какой-то низкий, устрашающий звук, смешанный как бы со звериным ревом и раскатами грома; парфяне хорошо знают, что из всех чувствований слух особенно легко приводит душу в замешательство, скорее всех других возбуждает в ней страсти и лишает ее способности к здравому суждению.

XXIV. УСТРАШИВ римлян этими звуками, парфяне вдруг сбросили с доспехов покровы и предстали перед неприятелем пламени подобные — сами в шлемах и латах из маргианской, ослепительно сверкавшей стали, кони же их в латах медных и железных. Явился и сам Сурена, огромный ростом и самый красивый из всех; его женственная красота, казалось, не соответствовала молве об его мужестве — по обычаю мидян, он притирал лицо румянами и разделял волосы пробором, тогда как прочие парфяне, чтобы казаться страшнее, носят волосы на скифский лад, опуская их на лоб. Первым намерением парфян было прорваться с копьями, расстроить и оттеснить передние ряды, но, когда они распознали глубину сомкнутого строя, стойкость и сплоченность воинов, то отступили назад и, делая вид, будто в смятении рассеиваются кто куда, незаметно для римлян охватывали каре кольцом. Красс приказал легковооруженным броситься на неприятеля, но не успели они пробежать и нескольких шагов, как были встречены тучей стрел; они отступили назад, в ряды тяжелой пехоты и положили начало беспорядку и смятению в войске, видевшем, с какой скоростью и силой летят парфянские стрелы, ломая оружие и пронзая все защитные покровы — и жесткие и мягкие — одинаково. А парфяне, разомкнувшись, начали издали со всех сторон пускать стрелы, почти не целясь (римляне стояли так скученно и тесно, что и умышленно трудно было промахнуться), круто сгибая свои тугие большие луки и тем придавая стреле огромную силу удара. Уже тогда положение римлян становилось бедственным: оставаясь в строю, они получали рану за раной, а пытаясь перейти в наступление, были бессильны уравнять условия боя, так как парфяне убегали, не прекращая пускать стрелы. В этом они после скифов искуснее всех; да и

нет ничего разумнее, как, спасаясь, защищаться и тем снимать с себя позор бегства.

XXV. ПОКА римляне надеялись, что парфяне, истощив запас стрел, либо воздержатся от сражения, либо вступят в рукопашный бой, они все же не теряли мужества. Но когда стало известно, что поблизости стоит множество верблюдов, навьюченных стрелами, откуда, подъезжая, их берут передовые воины, Красс, не видя этому конца, стал падать духом. Через посланных он велел своему сыну постараться заставить неприятелей принять бой раньше, чем они его окружат, ибо парфянская конница устремлялась главным образом на него, чтобы обойти крыло, которым он командовал, и ударить ему в тыл. Итак, молодой Красс, взяв тысячу триста всадников, в том числе тысячу прибывших от Цезаря, пятьсот лучников, а из тяжеловооруженных — ближайшие восемь когорт, повел их обходным движением в атаку. Но стремившиеся окружить его парфяне, потому ли, что попали в болото, как некоторые полагают, или же замышляя захватить Красса как можно дальше от отца, повернули назад и поспешно ускакали. Красс, крича, что враги дрогнули, погнался за ними, а с ним вместе Цензорин и Мегабакх. Последний выдавался мужеством и силой, Цензорин же был удостоен сенаторского звания и отличался как оратор; оба были товарищи Красса и его сверстники. Они увлекли за собой конницу, пехота тоже не отставала, в надежде на победу охваченная рвением и радостью. Римлянам представлялось, что они одерживают верх и гонятся за неприятелем, пока, продвинувшись далеко вперед, они не поняли обмана: враги, которых они считали убегающими, повернули против них, и сюда же устремились другие, в еще большем числе. Римляне остановились в расчете, что, видя их малочисленность, парфяне вступят в рукопашный бой. Но те выстроили против римлян лишь своих броненосных конников, остальную же конницу не построили в боевой порядок, а пустили скакать вокруг них. Взрывая копытами равнину, парфянские кони подняли такое огромное облако песчаной пыли, что римляне не могли ни ясно видеть, ни свободно говорить. Стиснутые на небольшом пространстве, они сталкивались друг с другом и, поражае-

мые врагами, умирали не легкою и не скорою смертью, но корчились от нестерпимой боли, и, катаясь с вонзившимися в тело стрелами по земле, обламывали их в самих ранах, пытаясь же вытащить зубчатые острия, проникшие сквозь жилы и вены, рвали и терзали самих себя. Так умирали многие, но и остальные не были в состоянии защищаться. И когда Публий призывал их ударить на броненосных конников, они показывали ему свои руки, приколотые к щитам, и ноги, насквозь пробитые и пригвожденные к земле, так что оии не были способиы ии к бегству, ии к защите. Тогда Публий, ободрив конницу, стремительно ринулся на врагов и схватился с ними врукопашную. Но ие равны были его силы с неприятельскими ни в нападении, ни в обороие: галлы били легкими, коротенькими дротиками в панцири из сыромятиой кожи или железные, а сами получали удары копьем в слабо защищенные, обнаженные тела. Публий же больше всего полагался имеино на них и с ними показал чудеса храбрости. Галлы хватались за вражеские копья и, сходясь вплотиую с врагами, стеснеииыми в движениях тяжестью доспехов, сбрасывали их с коней. Многие же из них, спешившись и подлезая под брюхо неприятельским коням, поражали их в живот. Лошади вздымались на дыбы от боли и умирали, давя и седоков своих и противников, перемешавшихся друг с другом. Но галлов жестоко мучила непривычная для них жажда и зиой. Да и лошадей своих оии чуть ли не всех потеряли, когда устремлялись на парфянские копья. Итак, им поиеволе пришлось отступить к тяжелой пехоте, ведя с собой Публия, уже изиемогавшего от ран. Увидя поблизости песчаиый холм, римляне отошли к нему; внутри образовавшегося круга оии поместили лошадей, а сами сомкнули щиты, рассчитывая, что так им легче будет отражать варваров. Но на деле произошло обратное. Ибо на ровном месте находящиеся в первых рядах до известной степеии облегчают участь стоящих за ними, а на склоне холма, где все стоят один над другим и те, что сзади, возвышаются над остальными, они не могли спастись и все одииаково подвергались обстрелу, оплакивая свое бессилие и свой бесславный конец.

При Публии находились двое греков из числа жителей соседнего города Карры — Иероним и Никомах. Они убеждали его тайно уйти с ними и бежать в Ихны — лежащий поблизости город, принявший сторону римлян. Но он ответил, что нет такой страшной смерти, испугавшись которой Публий покинул бы людей, погибающих по его вине, а грекам приказал спасаться и, попрощавшись, расстался с ними. Сам же он, не владея рукой, которую пронзила стрела, велел оруженосцу ударить его мечом и подставил ему бок. Говорят, что и Цензорин умер подобным же образом, а Мегабакх сам покончил с собою, как и другие виднейшие сподвижники Публия. Остальных, продолжавших еще сражаться, парфяне, поднимаясь по склону, пронзали копьями, а живыми, как говорят, взяли не более пятисот человек. Затем, отрезав головы Публию и его товарищам, они тотчас же поскакали к Крассу.

XXVI. А ПОЛОЖЕНИЕ Красса было вот какое. После того как он приказал сыну напасть на парфян, кто-то принес ему известие, что неприятель обращен в бегство и римляне, не щадя сил, пустились в погоню. Заметив вдобавок, что и те парфяне, которые действовали против него, уже не так настойчиво нападают (ведь бóльшая их часть ушла вслед за Публием), Красс несколько ободрился, собрал свое войско и отвел его на возвышенность в надежде, что скоро вернется и сын. Из людей, которых Публий, очутившись в опасности, отправлял к нему, посланные первыми погибли, наткнувшись на варваров, а другие, с великим трудом проскользнув, сообщили, что Публий пропал, если ему не будет скорой и сильной подмоги. Тогда Крассом овладели одновременно многие чувства, и он уже ни в чем не отдавал себе ясного отчета. Терзаемый разом и беспокойством за исход всего дела и страстным желанием прийти на помощь сыну, он, в конце концов, сделал попытку двинуть войско вперед. Но в это самое время стали подходить враги, еще больше прежнего нагоняя страх своими криками и победными песнями, и опять бесчисленные литавры загремели вокруг римлян, ожидавших начала новой битвы. Те из парфян, которые несли воткнутую на копье голову Публия, подъехали ближе, показали ее

врагам и, издеваясь, спрашивали, кто его родители и какого он роду, ибо ни с чем не сообразно, чтобы от такого отца, как Красс,— малодушнейшего и худшего из людей, мог родиться столь благородный и блистающий доблестью сын. Зрелище это сильнее всех прочих бед сокрушило и расслабило души римлян, и не жажда отмщения, как следовало бы ожидать, охватила их всех, а трепет и ужас. Однако же Красс, как сообщают, в этом несчастье превзошел мужеством самого себя. Вот что говорил он, обходя ряды: «Римляне, меня одного касается это горе! А великая судьба и слава Рима, еще не сокрушенные и не поколебленные, зиждутся на вашем спасении. И если у вас есть сколько-нибудь жалости ко мне, потерявшему сына, лучшего на свете, докажите это своим гневом против врагов. Отнимите у них радость, покарайте их за свирепость, не смущайтесь тем, что случилось: стремящимся к великому должно при случае и терпеть. Не без пролития крови низвергнул Лукулл Тиграна и Сципион Антиоха; тысячу кораблей потеряли предки наши в Сицилии, в Италии же — многих полководцев и военачальников, но ведь ни один из них своим поражением не помешал впоследствии одолеть победителей. Ибо не только счастьем, а стойким и доблестным преодолением несчастий достигло римское государство столь великого могущества».

XXVII. ТАК говорил Красс, ободряя своих солдат, но тут же убедился, что лишь немногие из них мужественно внимали ему. Приказав им издать боевой клич, он сразу обнаружил унылое настроение войска — так слаб, разрознен и неровен был этот клич, тогда как крики варваров раздавались по-прежнему отчетливо и смело. Между тем враги перешли к действиям. Прислужники и оруженосцы, разъезжая вдоль флангов, стали пускать стрелы, а передовые бойцы, действуя копьями, стеснили римлян на малом пространстве — исключая тех немногих, которые решались, дабы избегнуть гибели от стрел, бросаться на врагов, но, не причинив им большого вреда, сами умирали скорой смертью от тяжких ран: парфяне вонзали во всадников тяжелые, с железным острием копья, часто с одного удара пробивавшие двух человек. Так сражались они, а с наступлением ночи удалились, го-

воря, что даруют Крассу одну ночь для оплакивания сына — разве что он предпочтет сам прийти к Арсаку, не дожидаясь, пока его приведут силой.

Итак, парфяне, расположившись поблизости, были преисполнены надежд. Для римлян же наступила ужасная ночь; никто не думал ни о погребении умерших, ни об уходе за ранеными и умирающими, но всякий оплакивал лишь самого себя. Ибо, казалось, не было никакого исхода — все равно, будут ли они тут дожидаться дня или бросятся ночью в беспредельную равнину. Притом и раненые сильно обременяли войско: если нести их, то они будут помехой при поспешном отступлении, а если оставить, то криком своим они дадут знать о бегстве. И хотя Красса считали виновником всех бед, воины все же хотели видеть его и слышать его голос. Но он, закутавшись, лежал в темноте, служа для толпы примером непостоянства судьбы, для людей же здравомыслящих — примером безрассудного честолюбия; ибо Красс не удовольствовался тем, что был первым и влиятельнейшим человеком среди тысяч и тысяч людей, но считал себя совсем обездоленным только потому, что его ставили ниже тех двоих. Легат Октавий и Кассий пытались поднять и ободрить его, но он наотрез отказался, после чего те по собственному почину созвали на совещание центурионов и остальных начальников и, когда выяснилось, что никто не хочет оставаться на месте, подняли войско, не подавая трубных сигналов, в полной тишине. Но лишь только неспособные двигаться поняли, что их бросают, лагерем овладели страшный беспорядок и смятение, сопровождавшиеся воплями и криками, и это вызвало сильную тревогу и среди тех, кто уже двинулся вперед,— им показалось, что нападают враги. И много раз сходили они с дороги, много раз снова строились в ряды, одних из следовавших за ними раненых брали с собой, других бросали и таким образом потеряли много времени — все, если не считать трехсот всадников, которых начальник их Эгнатий привел глубокой ночью к Каррам. Окликнув на латинском языке охранявшую стены стражу, Эгнатий, как только караульные отозвались, приказал передать начальнику отряда Копонию, что между Крассом и парфянами произошло большое сражение. Ни-

чего ие прибавив к этому и не сказав, кто он, Эгиатий поскакал дальше к Зевгме и спас свой отряд, ио заслужил худую славу тем, что покинул своего полководца. Впрочем, брошеииые им тогда Копоиию слова оказались полезными для Красса. Сообразив, что такая поспешиость и иеясиость в речи изобличают человека, ие имеющего сообщить иичего хорошего, Копоиий приказал солдатам вооружиться и, лишь только услышал, что Красс двииулся в путь, вышел к иему навстречу и проводил войско в город.

XXVIII. ПАРФЯНЕ, заметив бегство римляи, не стали, однако, их преследовать иочью, ио с иаступлеиием дия, подъехав к лагерю, перебили оставшихся в ием, в числе ие меиее четырех тысяч человек, а миогих, блуждавших по равнине, захватили, догнав на конях. Легат же Варгунтей еще иочью оторвался от войска с четырьмя когортами, но сбился с дороги. Окружив нх на каком-то холме, враги, хоть те и защищались, истребили всех, за исключением двадцати, пробившихся сквозь их ряды с обнаженными мечами,— этих оии отпустили живыми, дивясь их мужеству, и дали им спокойно уйти в Карры.

До Суреиы дошло ложное известне, будто Красс с лучшей частью войска бежал, а толпа, которая стеклась в Карры,— ие что ииое, как ие стоящий вниманиия сброд. Итак, полагая, что плоды победы потеряны, ио все еще сомиеваясь и желая узиать истину, дабы решнть, оставаться ли ему иа месте и осадить город или преследовать Красса, оставнв жителей Карр в покое,— Сурена подослал к городским стенам одиого из бывших при нем переводчиков с поручеинем вызвать, изъясияясь по-латиниски, самого Красса нли Кассия и передать, что Суреиа желает с иими встретиться для переговоров. Переводчик сказал, что требовалось, слова его были переданы Крассу, и тот принял предложенне, а вскоре явились от варваров арабы, хорошо зиавшие в лицо и Красса и Кассия, так как до сражеиия оии побывали в римском лагере. Увндев стоящего иа стене Кассия, они сообщнли, что Суреиа готов заключить с римляиами перемирие и дать им беспрепятствеино уйти, если оии дружественно относятся к царю и покннут Месопотамию: он уверен, что это будет для обеих сторои выгоднее, чем до-

водить дело до последней крайности. Кассий согласился и потребовал, чтобы было назначено место и время для свидания Красса с Суреною. Арабы, пообещав все исполнить, ускакали.

XXIX. СУРЕНА, обрадованный тем, что противники попали в положение осажденных, на следующий же день привел к городу парфян, которые вели себя дерзко и требовали, чтобы римляне, если хотят получить мир, выдали им Красса и Кассия заключенными в оковы. Осажденные досадовали на то, что поддались обману, и, советуя Крассу отбросить отдаленные и напрасные надежды на армян, держались того мнения, что нужно бежать, но так, чтобы никто из жителей Карр не узнал о том до времени. Но обо всем узнал Андромах, из них самый вероломный,— Красс не только открыл ему тайну, но и доверил быть проводником в пути. Таким образом, ничто не укрылось от парфян: Андромах осведомлял их о каждом шаге римлян. Но так как парфянам было трудно сражаться ночью и это вообще не в их обычае, Красс же выступил именно ночью, то, чтобы погоня не слишком отстала, Андромах пустился на хитрости: он шел то по одной, то по другой дороге и, наконец, после долгих и изнурительных блужданий завел тех, кто за ним следовал, в болотистое, пересеченное многочисленными рвами место. Нашлись, впрочем, среди римлян и такие, которые догадались, что не к добру кружит и путает их Андромах, и отказались за ним следовать. Кассий снова вернулся в Карры. Проводники его (они были арабы) советовали переждать там, пока луна не пройдет через созвездие Скорпиона, но Кассий ответил им: «А я вот еще более того опасаюсь Стрельца»,— и с пятьюстами всадников уехал в Сирию. Те римляне, которых вели надежные проводники, достигли гористой местности, называемой Синнаками, и еще до рассвета оказались в безопасности. Их было до пяти тысяч, а предводительствовал ими доблестный Октавий. Красса же, опутанного сетями Андромаха, день застал в непроходимой местности, среди болот. С ним было четыре когорты, совсем немного всадников и пять ликторов. С большим трудом попав на дорогу, в то время как враги уже наседали, а чтобы соединиться с Октавием, оставалось пройти еще двенадцать

стадиев, он взобрался на холм, не слишком недоступный для конницы и малонадежный, расположенный под Синнаками и соединенный с ними длинной грядой, которая тянется через равнину. Октавий видел всю опасность его положения и первый устремился к нему на выручку с горстью людей, а затем, укоряя самих себя, помчались вслед за ним и остальные. Они отбросили врагов от холма, окружили Красса и оградили его щитами, похваляясь, что нет такой парфянской стрелы, которая коснулась бы полководца прежде, чем все они умрут, сражаясь за него.

XXX. СУРЕНА, видя, что парфяне уже не с прежним пылом идут навстречу опасности, и сообразив, что если с наступлением ночи римляне окажутся среди гор, то задержать их будет невозможно, решил взять Красса хитростью. А именно, он отпустил часть пленных, слышавших в лагере варваров преднамеренные разговоры о том, что царь совсем не хочет непримиримой вражды с римлянами, а желал бы, великодушно обойдясь с Крассом, приобрести их дружбу. Варвары прекратили бой, и Сурена, в сопровождении высших начальников спокойно подъехав к холму, спустил тетиву лука и протянул правую руку. Он приглашал Красса обсудить условия перемирия, говоря, что мужество и мощь царя испытаны римлянами против его воли, кротость же свою и доброжелательство царь выказывает по собственному желанию, ныне, когда они отступают, заключая мир и не препятствуя им спастись. Эти слова Сурены все приняли с удовлетворением и были им чрезвычайно обрадованы. Но Красс, терпевший беды не от чего иного, как от обманов парфян, считая столь внезапную перемену невероятной, не поверил и стал совещаться. Между тем воины подняли крик, требуя переговоров с врагом, и затем стали поносить и хулить Красса за то, что он бросает их в бой против тех, с кем сам он не решается даже вступить в переговоры, хотя они и безоружны. Красс сделал было попытку их убедить, говорил, что, проведя остаток дня в гористой, пересеченной местности, они ночью смогут двинуться в путь, указывал им дорогу и уговаривал не терять надежды, когда спасение уже близко. Но так как те пришли в неистовство и, гремя оружием, стали угрожать ему,

Красс, испугавшись, уступил и, обратясь к своим, сказал только: «Октавий и Петроний и вы все, сколько вас здесь есть, римские военачальники! Вы видите, что я вынужден идти, и сами хорошо понимаете, какой позор и насилие мне приходится терпеть. Но если вы спасетесь, скажите всем, что Красс погиб, обманутый врагами, а не преданный своими согражданами».

XXXI. ОКТАВИЙ не остался на холме, но спустился вместе с Крассом; ликторов же, которые было двинулись за ним, Красс отослал обратно. Первыми из варваров, встретивших его, были двое полуэллинов. Соскочив с коней, они поклонились Крассу и, изъясняясь по-гречески, просили его послать вперед несколько человек, которым Сурена покажет, что и сам он и те, кто с ним, едут, сняв доспехи и безоружные. На это Красс ответил, что если бы он хоть сколько-нибудь заботился о сохранении своей жизни, то не отдался бы им в руки. Все же он послал двух братьев Росциев узнать, на каких условиях должна состояться встреча и сколько человек отправляются на переговоры. Сурена тотчас же схватил и задержал их, а затем с высшими начальниками подъехал на коне к римлянам. «Что это? — молвил он.— Римский император идет пеший, а мы едем верхами!» — и приказал подвести Крассу коня. Красс же на это заметил, что ни он, ни Сурена не погрешат, поступая при свидании каждый по обычаю своей страны. Затем Сурена заявил, что, хотя военные действия между римлянами и царем Гиродом прекращены и вражда сменилась миром, все же следует, доехав до реки, написать его условия. «Ибо,— добавил он,— вы, римляне, вовсе не помните о договорах»,— и протянул Крассу руку. Когда же Красс приказал привести свою лошадь, Сурена сказал: «Не надо, царь дарит тебе вот эту»,— и в ту же минуту рядом с Крассом очутился конь, украшенный золотой уздой. Конюшие, подсадив Красса и окружив его, начали подгонять лошадь ударами. Первым схватился за поводья Октавий, за ним военный трибун Петроний, а затем и прочие стали вокруг, силясь удержать лошадь и оттолкнуть парфян, теснивших Красса с обеих сторон. Началась сумятица, затем посыпались и удары; Октавий, выхватив меч, убивает у варваров одного из конюхов, другой ко-

нюх — самого Октавия, поразив его сзади. Петроний был безоружен, он получил удар в панцирь, но соскочил с лошади невредимый. Красса же убил парфянин по имени Эксатр. Иные говорят, что это неверно, что умертвил его другой, а Эксатр лишь отсек голову и руку у трупа. Впрочем, об этом скорее догадываются, чем судят наверняка, ибо одни из находившихся там римлян погибли, сражаясь вокруг Красса, другие же поспешили ускакать на холм. Подъехавшие к холму парфяне объявили, что Красс наказан по заслугам, а прочим Сурена предлагает смело сойти вниз. Одни сдались, спустившись с холма, другие ночью рассеялись, но спаслись из них лишь немногие, остальных же выследили, захватили и убили арабы. Говорят, что погибло здесь двадцать тысяч, а живыми было взято десять тысяч человек.

XXXII. СУРЕНА послал Гироду в Армению голову и руку Красса, а сам, передав через гонцов в Селевкию весть, что везет туда Красса живого, устроил нечто вроде шутовского шествия, издевательски называя его триумфом. Один из военнопленных, Гай Пакциан, очень похожий на Красса, одетый в парфянское женское платье и наученный откликаться на имя Красса и титул императора, ехал верхом на лошади; впереди его ехали на верблюдах несколько трубачей и ликторов, к их розгам были привязаны кошельки, а на секиры насажены свежеотрубленные головы римлян; позади следовали селевкийские гетеры-актрисы, в шутовских песнях на все лады издевавшиеся над слабостью и малодушием Красса. А народ смотрел на это. Сурена же, собрав селевкийский совет старейшин, представил ему срамные книги «Милетских рассказов» Аристида. На этот раз он не солгал: рассказы были действительно найдены в поклаже Рустия и дали повод Сурене поносить и осмеивать римлян за то, что они, даже воюя, не могут воздержаться от подобных деяний и книг. Но мудрым показался селевкийцам Эзоп, когда они смотрели на Сурену, подвесившего суму с милетскими непотребствами спереди, а за собой везущего целый парфянский Сибарис в виде длинной вереницы повозок с наложницами. Все в целом это шествие напоминало гадюку или же скиталу: передняя и бросавшаяся в глаза его

часть была схожа с диким зверем и наводила ужас своими копьями, луками и конницей, а кончалось оно — у хвоста походной колонны — блудницами, погремками, песнями и ночными оргиями с женщинами. Достоин, конечно, порицания Рустий, но наглы и хулившие его за «Милетские рассказы» парфяне — те самые, над которыми не раз царствовали «Арсакиды», родившиеся от милетских и ионийских гетер.

XXXIII. В ТО ВРЕМЯ, как все это происходило, Гирод уже примирился с Артабазом Армянским и согласился на брак его сестры и своего сына Пакора. Они задавали друг другу пиры и попойки, часто устраивали и греческие представления, ибо Гироду были не чужды греческий язык и литература, Артабаз же даже сочинял трагедии и писал речи и исторические сочинения, из которых часть сохранилась. Когда ко двору привезли голову Красса, со столов было уже убрано и трагический актер Ясон из Тралл декламировал из «Вакханок» Еврипида стихи, в которых говорится об Агаве. В то время как ему рукоплескали, в залу вошел Силлак, пал ниц перед царем и затем бросил на середину залы голову Красса. Парфяне рукоплескали с радостными криками, и слуги, по приказанию царя, пригласили Силлака возлечь. Ясон же передал одному из актеров костюм Пенфея, схватил голову Красса и, впав в состояние вакхического исступления, начал восторженно декламировать следующие стихи:

Только что срезанный плющ —
Нашей охоты добычу счастливую —
С гор несем мы в чертог.

Всем присутствующим это доставило наслаждение. А когда он дошел до стихов, где хор и Агава поют, чередуясь друг с другом:

«Кем же убит он?»
«Мой это подвиг!» —

Эксатр, который присутствовал на пире, вскочил с места и выхватил у Ясона голову в знак того, что произносить эти слова подобает скорее ему, чем Ясону. Царь в восхищении наградил его по обычаю своей страны, а Ясону дал талант серебра. Таков, говорят, был конец, которым, словно трагедия, завершился поход Красса.

Но и жестокосердие Гирода и вероломство Сурены получили достойное возмездие. Сурену Гирод вскоре умертвил из зависти к его славе, а сам потерял своего сына Пакора, побежденного римлянами в сражении. Затем, когда его постиг недуг, перешедший в водянку, другой сын его, Фраат, со злым умыслом дал отцу акониту. Но яд подействовал, как лекарство, и вышел вместе с водой, так что больному стало легче, и тогда Фраат, избрав самый верный путь, задушил отца.

[СОПОСТАВЛЕНИЕ]

XXXIV (I). ПРИСТУПАЯ к сравнению, надо прежде всего сказать, что Никий нажил свое богатство менее постыдным путем, чем Красс. Вообще говоря, трудно одобрить доходы от рудников, в которых работают главным образом преступники или варвары, причем некоторые из них заключены в оковы и гибнут в опасных и вредных для здоровья местах, однако рядом с барышами, которые извлечены из пожаров и распродаж конфискованного Суллой имущества, они кажутся более пристойными. А ведь Красс использовал эти способы обогащения столь же открыто, как земледелие и ростовщичество. Красса изобличали в том, что он берет взятки за свои выступления в сенате, оскорбляет союзников, заискивает перед женщинами, укрывает негодяев. Сам он решительно отвергал такие обвинения, но Никия ни в чем подобном никто не упрекал, хотя бы и ложно. Правда, вызывало насмешки его малодушие, когда он задабривал деньгами доносчиков, что было бы недостойно, конечно, Перикла и Аристида, но неизбежно для него, от природы лишенного храбрости. В более позднее время оратор Ликург, которому вменяли в вину подкуп какого-то доносчика, не смущаясь, оправдывался в Народном собрании: «Я доволен, что после столь долгого исполнения государственных обязанностей вы ловите меня на том, что я давал, а не брал».

В расходах Никий проявил больше здравого смысла, ища себе славы в щедрых приношениях богам, устройстве гимнастических состязаний и театральных

зрелищ. Однако по сравнению с тем, что тратил Красс на угощение многих десятков тысяч людей или даже на полный их прокорм, все имущество Никия вместе с его расходами представляется каплей в море. Поэтому мне удивительно, как люди могут не понимать, что с известной точки зрения порок есть не что иное, как разноречивость и непоследовательность,— коль скоро они видят, как нажитое нечестным путем тратится затем без всякой пользы.

XXXV *(II)*. СКАЗАННОГО о богатстве достаточно. В государственных делах Никию и на волос не было свойственно ни коварство, ни несправедливость, ни насилие, ни наглость. Напротив, он сам оказывался жертвой Алкивиадовых хитростей и перед народом всегда выступал с уважением и осторожностью. Крассу же ставят в вину страшное вероломство и низость, имея в виду его непостоянство и во вражде и в дружбе. Он сам не отрицал, что пришел к консульству путем насилия, наняв людей, которые покушались на Катона и Домиция. Когда народ голосованием решал вопрос о распределении провинций, многие тогда получили раны, четверо были убиты, и Красс сам,— о чем я не упомянул в его жизнеописании,— ударом кулака разбил в кровь лицо Луцию Аннию и выгнал прочь этого сенатора, перечившего ему. Но если Красс был склонен к насилию и тирании, то Никий заслуживает самого сурового порицания за нерешительность в государственных делах, за малодушие и попустительство самым последним мерзавцам. Красс в подобных случаях выказывал мужество и величие духа, и соперниками его были, клянусь Зевсом, не какие-нибудь там Клеон и Гипербол, а прославленный Цезарь и трижды триумфатор Помпей. Ни перед одним из них он не отступил, но с обоими сравнялся могуществом, а добившись избрания на должность цензора, достиг даже большего, чем Помпей. Занимаясь делами величайшей государственной важности, нужно думать не о том, что может избавить тебя от завистников, а о том, как стяжать славу, которая своим величием способна ослабить зависть. Если тебе дороже всего безопасность и тишина, если на ораторском возвышении ты робеешь перед Алкивиадом, в Пилосе — перед лакедемонянами, перед Пердиккой — во Фра-

ки, то в Афинах было много удобных для отдыха мест, чтобы вдали от забот сплетать себе венок безмятежности, как говорят некоторые философы. Страстное влечение Никия к миру было поистине божественным качеством, а прекращение войны — самым высоким проявлением эллинского духа на государственном поприще. В этом отношении Красс недостоин, чтобы его сравнивали с Никием, хотя бы он подчинил Риму Каспийское море и Индийский океан.

XXXVI *(III)*. В ГОСУДАРСТВЕ, где живо понятие о нравственном совершенстве, лицо, облеченное высшими полномочиями, не вправе уступать дорогу негодяям, власть — людям беспринципным и оказывать доверие лицам, не заслуживающим его, как это сделал Никий, когда сам передал командование Клеону, который в государстве был никем и лишь без всякого стыда горланил с возвышения для ораторов. Я не хвалю Красса, который во время Спартаковой войны торопился дать решительное сражение, забывая об осторожности. Однако его толкало на это честолюбивое опасение, как бы не подоспел Помпей и не лишил его славы, как Муммий — Метелла в Коринфе. Но совершенно нелепо и непростительно вел себя Никий. Ведь не честь, не власть, сопряженную с надеждами на легкий успех, уступил он врагу, но, предвидя огромные трудности, грозящие командующему под Пилосом, пожертвовал общим благом ради собственного спокойствия и безопасности. Не в пример ему Фемистокл во время Персидских войн, чтобы не допустить к командованию человека никчемного и не погубить государство, подкупом убедил его отказаться от должности, и Катон выступил соискателем на выборах народных трибунов именно тогда, когда увидел, что государство стоит перед величайшими затруднениями и опасностями. Тот же, кто сберегает свое военное искусство для борьбы против Миноя, Киферы и жалких мелосцев, а когда нужно дать бой лакедемонянам, снимает с себя воинский плащ и передает неопытному и самонадеянному Клеону корабли, людей, оружие и командование в походе, требующем особой, чрезвычайной опытности,— тот губит не свою личную славу, а свободу и независимость отечества. В дальнейшем его насильно, вопреки собственному желанию, заста-

вили воевать с сиракузянами, и было похоже, что он дал Сицилии уйти из рук афинян по своей слабохарактерности и малодушию, а не потому, что находил захват острова бесполезным.

Однако он неизменно пользовался благоволением сограждан — недаром афиняне постоянно голосовали за него, как за самого опытного и лучшего полководца, хотя он никогда не любил воевать и уклонялся от поста командующего. Крассу же, который все время рвался к должности командующего, никак не удавалось ее получить, если не считать войны против рабов, когда в Риме не было ни Помпея, ни Метелла, ни обоих Лукуллов и у римлян не было иного выбора. А ведь именно в ту пору Красс пользовался наибольшим почетом и влиянием, но даже ревностные его приверженцы понимали, что, как говорит комический поэт,

Он доблестен везде, где нет оружия.

Разумеется, никакого проку от его добрых качеств не было тем римлянам, которых, вопреки их желанию, повели в поход властолюбие и честолюбие Красса. Если афиняне насильно послали на войну Никия, то Красс насильно повел в бой римлян, и по вине Красса пострадало государство, а Никий сам пострадал по вине государства.

XXXVII *(IV)*. ВПРОЧЕМ, если судить о событиях, которыми завершается их жизнь, Никий больше заслуживает похвалы, чем Красс порицания. Ведь Никий, полагаясь на свой опыт и расчеты, как и подобает мудрому полководцу, не увлекся надеждами сограждан, но решительно отверг план захвата Сицилии, Красс же повинен в том, что к Парфянской войне, им же самим затеянной, относился с крайним легкомыслием. У Красса были далеко идущие замыслы: пока Цезарь покорял западные области — кельтов, германцев, Британию, Красс рвался на восток, к Индийскому океану, желая присоединить к римской державе всю Азию, что уже пытался исполнить Помпей, а до него — Лукулл, мужи, неизменно пользовавшиеся доброй славой, однако домогавшиеся того же, что и Красс, и следовавшие тем же побуждениям. Сенат противился назначению Помпея на должность командующего, а когда Цезарь разбил триста тысяч

германцев, Катон советовал выдать его побежденным и тем самым гнев богов за вероломство обратить на него одного. Но народ отвернулся от Катона и пятнадцать дней приносил благодарственные жертвы за победу, всецело отдавшись ликованию. А какие чувства возникли бы и сколько дней сжигались бы жертвы, если бы Красс из Вавилона послал весть о победе, а затем двинулся бы дальше и сделал римскими владениями Мидию, Персиду, Гирканию, Сузы, Бактры! Если, по слову Еврипида, «неизбежно творит беззаконие» тот, кому в тягость мирная жизнь и кто не умеет довольствоваться тем, что есть,— тогда уж, по крайней мере, подобало не Скандию, не Менду разрушать до основания, не за беглецами-эгинцами, покинувшими родину и прятавшимися в чужой стране, охотиться, словно за дичью. Нет, отступая от справедливости, надо и к самой несправедливости относиться с уважением и не чинить ее по случайному поводу, не обращать на предметы нестоящие и ничтожные. Те, которые одобряют намерения, вызвавшие поход Александра, намерения же, руководившие Крассом, порицают, неправильно судят о начале дела по его исходу.

XXXVIII (V). В САМИХ военных действиях Никия немало доблестного. Он побеждал врага во многих битвах и чуть было не взял Сиракузы. Не он один несет ответственность за все бедствия, тут можно винить и его болезнь и завистъ сограждан в Афинах. Красс же множеством своих ошибок отпугнул от себя счастье, и поразительно не то, что этот глупец оказался слабее парфян, а то, что перед его глупостью не устояла даже удачливость римлян. Никий благоговел перед наукой прорицания, Красс смеялся надо всем, что к ней относится, однако обоих постиг один конец, поэтому трудно судить, какой путь надежнее. Лучше все же ошибиться из осторожности, следуя стариным убеждениям и обычаям, чем самонадеянно их преступать. Если, наконец, сопоставить гибель того и другого, то Красс заслуживает меньше упреков: ведь он не сдался в плен, не был ни связан, ни введен в заблуждение ложными упованиями, но уступил просьбе друзей и пал жертвой вероломства врагов; Никий же, в надежде ценою позора и бесславия получить спасение, сдался врагам — и сделал свою смерть особенно позорной.

АГЕСИЛАЙ И ПОМПЕЙ

АГЕСИЛАЙ

I. ЦАРЬ Архидам, сын Зевксидама, правивший лакедемонянами с большой славой, оставил после себя сына по имени Агид от своей первой жены Лампидо, женщины замечательной и достойной, и второго, младшего — Агесилая от Эвполии, дочери Мелесиппида. Так как власть царя по закону должна была перейти к Агиду, а Агесилаю предстояло жить, как обыкновенному гражданину, он получил обычное спартанское воспитание, очень строгое и полное тру-

дов, но зато приучавшее юношей к повиновению. Поэтому-то, как сообщают, Симонид и назвал Спарту «укрощающей смертных»: благодаря своему укладу жизни она делает граждан необычайно послушными закону и порядку, подобно тому как лошадь с самого начала приучают к узде. Детей же, которых ожидает царская власть, закон освобождает от подобных обязанностей. Следовательно, положение Агесилая отличалось от обычного тем, что он пришел к власти, после того как сам приучен был повиноваться. Вот почему он умел лучше других царей обходиться со своими подданными, соединяя с природными качествами вождя и правителя простоту и человеколюбие, полученные благодаря воспитанию.

II. КОГДА он находился в так называемых агелах вместе с другими мальчиками, его возлюбленным был Лисандр, пленившийся прежде всего его природной сдержанностью и скромностью, ибо, блистая среди юношей пылким усердием, желанием быть первым во всем, обладая крепостью тела и живостью нрава, которую ничем нельзя было сдержать, Агесилай отличался в то же время таким послушанием и кротостью, что все приказания выполнял не за страх, а за совесть: его более огорчали упреки, чем трудная работа. Красота его в юные годы делала незаметным телесный порок — хромоту. К тому же он переносил ее легко и жизнерадостно, всегда первый смеялся над своим недостатком и этим как бы исправлял его. От этого еще более заметным делалось его честолюбие, так как он никогда не выставлял свою хромоту в качестве предлога, чтобы отказаться от какого-либо дела или работы.

Мы не имеем ни одного изображения Агесилая, ибо он сам не хотел этого и даже перед смертью запретил рисовать свое мертвое тело или лепить статую. Есть сведения, что он был небольшого роста и с виду ничем не замечателен, но живость и жизнерадостность при любых обстоятельствах, веселый нрав, привлекательные черты и приятный голос заставляли до самой старости предпочитать его красивым и цветущим людям. Как сообщает Теофраст, эфоры наложили штраф на Архидама за то, что он взял себе жену

слишком маленького роста, «ибо,— сказали они,— она будет рожать нам не царей, а царьков».

III. ВО ВРЕМЯ правления Агида Алкивиад бежал из Сицилии в Лакедемон. Не успел он толком обжиться в Спарте, как его уже обвинили в связи с женой Агида Тимеей. Агид сам сказал, что родившегося у нее ребенка он не признает своим, но что это сын Алкивиада. Тимея, как сообщает Дурид, отнюдь не была огорчена этим и дома в присутствии служанок шепотом называла ребенка Алкивиадом, а не Леотихидом, а сам Алкивиад говорил, что сошелся с Тимеей, не имея в виду ее обесчестить, но из честолюбивого желания, чтобы его потомки царствовали над спартанцами. После случившегося Алкивиад тайно скрылся из Лакедемона, опасаясь Агида. К мальчику же Агид всегда относился с презрением, считая его незаконнорожденным. Но во время последней болезни Агида Леотихид плачем и просьбами добился того, что царь в присутствии многих признал его своим сыном. Однако после смерти Агида Лисандр, одержавший над афинянами победу на море и пользовавшийся большим влиянием в Спарте, предложил передать царскую власть Агесилаю, так как Леотихид — незаконнорожденный и недостоин получить ее. Многие другие граждане также выступили за Агесилая и принялись ревностно поддерживать его, уважая его за высокие нравственные качества и еще за то, что он воспитывался вместе с ними и прошел спартанское обучение. Однако в Спарте был некий предсказатель Диопит, знавший много старинных прорицаний и считавшийся очень сведущим в божественных делах. Он заявил, что будет грехом, если спартанцы выберут царем хромого, и во время разбора этого дела прочитал следующее прорицание:

Спарта! Одумайся ныне! Хотя ты, с душою надменной,
Поступью твердой идешь, но власть взрастишь ты хромую.
Много придется тебе нежданных бедствий изведать,
Долго хлестать тебя будут войны губительной волны.

Против этого возразил Лисандр, говоря, что если спартанцы так боятся этого оракула, то они должны скорее остерегаться Леотихида. «Ибо,— сказал он,— божеству безразлично, если царствует кто-либо хро-

мающий на ногу, но если царем будет незаконнорожденный и, следовательно, не потомок Геракла, то это и будет „хромым царением"». Агесилай прибавил к этому, что сам Посейдон засвидетельствовал незаконное рождение Леотихида, изгнав землетрясением Агида из спальни, а Леотихид родился более чем через десять месяцев после этого.

IV. НА ЭТИХ-ТО основаниях и при таких обстоятельствах Агесилай был провозглашен царем; он тотчас вступил во владение имуществом Агида, лишив этого права Леотихида как незаконнорожденного. Однако, видя, что родственники Леотихида с материнской стороны люди вполне порядочные, сильно нуждаются, Агесилай отдал им половину имущества; так распорядившись наследством, он вместо зависти и недоброжелательства стяжал себе славу и расположение сограждан.

По словам Ксенофонта, Агесилай, во всем повинуясь своему отечеству, достиг величайшей власти и делал все, что хотел. Вот что имеет в виду Ксенофонт. В то время самой большой силой в государстве были эфоры и старейшины; первые из них находились у власти только один год, вторые же сохраняли свое достоинство пожизненно и имели полномочия, ограничивающие власть царей, как об этом рассказано в жизнеописании Ликурга. Поэтому цари с давних времен живут с ними в раздорах, передавая эту вражду от отца к сыну. Но Агесилай избрал другой путь. Вместо того, чтобы ссориться с ними и делать их своими врагами, он всячески угождал им, не предпринимая ничего без их совета, а будучи призван ими, всегда торопился явиться как можно скорее. Всякий раз, как подходили эфоры, когда он, сидя на царском троне, решал дела, он поднимался им навстречу; каждому вновь избранному старейшине он всегда посылал в качестве почетного дара теплый плащ и быка. Этими поступками он хотел показать, что почитает их и тем возвышает их достоинство, в действительности же незаметно для окружающих все более укреплял собственное могущество и увеличивал значение царской власти благодаря всеобщему расположению, которым он пользовался.

V. В СВОИХ отношениях с согражданами он был безупречен, когда дело касалось врагов, но не друзей: противникам он не причинял вреда несправедливо, друзей же поддерживал и в несправедливых поступках. Агесилай считал постыдным не уважать своих противников, если они действовали достойно, но не мог порицать своих друзей, когда они ошибались, более того, он гордился, что помогал им, принимая тем самым участие в совершаемых ошибках, ибо полагал, что никакая помощь, оказываемая друзьям, не позорна. Когда его враги попадали в беду, он первым выражал им свое сочувствие и охотно приходил на подмогу, если они об этом просили; так он завоевывал всеобщую любовь и привлекал всех на свою сторону. Заметив это, эфоры, опасаясь усиления Агесилая, наложили на него штраф под тем предлогом, что граждан, принадлежавших всему городу, он делает как бы своей собственностью. Ибо подобно тому, как естествоиспытатели полагают, что если бы во вселенной исчезли спор и вражда, то из-за согласия всех вещей между собой не только остановились бы небесные светила, но прекратилось бы всякое рождение и движение,— так, очевидно, и законодатель лакедемонский внес в свое государство честолюбие и соперничество как средство для разжигания добродетели, желая, чтобы споры и соревнование всегда существовали в среде достойных граждан; ибо взаимное послушание и благожелательство, достигнутое без предварительной борьбы, есть проявление бездеятельности и робости и несправедливо носит имя единомыслия. Для некоторых очевидно, что это понимал еще Гомер: он не изобразил бы Агамемнона довольным тем, что Одиссей и Ахилл бранят друг друга «ужасными словами», если бы не считал, что ревнивые несогласия лучших людей друг с другом приносят большую пользу общему делу. Однако тут невозможно обойтись без известных ограничений, ибо слишком далеко идущее соревнование вредит государству и приносит много бедствий.

VI. ЕДВА успел Агесилай вступить на царствование, как люди, прибывшие из Азии, известили, что персидский царь готовит большой флот, чтобы вытеснить лакедемонян с моря. Лисандр, желая тотчас отправить-

ся в Азию, чтобы помочь своим друзьям, которых он оставил там правителями и владыками городов и которые затем за жестокости и насилия были либо изгнаиы согражданамн, лнбо убиты, убедил Агесилая иачать войну и предпрннять далекий поход, переправнвшись через море прежде, чем варвар закончит свои прнготовлення. Одновременно Лисандр написал своим друзьям в Азию, чтобы они отправили послов в Лакедемон и просили в полководцы Агесилая. Итак, Агесилай явился в Народное собрание и согласился принять на себя руководство войной, если ему дадут тридцать спартанцев в качестве военачальников и советиков, две тысячи отборных вольноотпущеннников и шесть тысяч воннов нз чнсла союзников. Благодаря содействню Лисандра этн требовання были охотно прнняты и Агесилай послан вместе с тридцатью спартанцами, среди которых Лнсандр был поистине первым не только по своей славе и влиянию, но и из-за дружбы с Агеснлаем, считавшим себя еще более обязанным ему за этот поход, чем за царскую власть.

В то время, как его войско собиралось в Гересте, Агесилай со свонмн друзьями прибыл в Авлиду и заночевал там. Во сне ему привиделось, что кто-то обращается к нему со словамн: «Царь лакедемонян, ты понимаешь, конечно, что никто еще не выступал как вождь всей Греции, кроме Агамемнона в прежние времена и тебя в настоящее время. Так как ты теперь руководишь тем же народом, выступаешь против тех же врагов и отправляешься на войну с того же самого места, то ясно, что н тебе нужно принести богнне жертву, которую прннес Агамемнон, отплывая отсюда». Агеснлай сразу же вспомннл о девушке, которую отец принес в жертву, повннуясь жрецам. Однако он не испугался, но, проснувшись, рассказал свой сон друзьям и заявил, что необходимо оказать богине те почестн, которые доставляют ей удовольствие, но что подражать невежественности древнего полководца он не намерен. По предпнсанию Агеснлая была украшена венком лань, и его жрец прннес животное в жертву, однако не по тому обряду, которому обычно следовал жрец, поставленный беотийцамн. Услышав об этом, беотархи сильно разгневались и отправили своих служителей к Агесилаю, запрещая ему приносить

жертвы вопреки законам и старинным обычаям беотийцев. Служители же не только выполнили порученное, но и сбросили с алтаря части жертвенных животных. Раздосадованный Агесилай отплыл, негодуя на фиванцев и в то же время сильно смутившись этим предзнаменованием, думая, что теперь поход будет для него неудачным и он не выполнит того, что наметил.

VII. КОГДА они прибыли в Эфес, влияние Лисандра и всеобщее к нему уважение стали вскоре тягостны и невыносимы Агесилаю. Действительно, народ толпился у дверей Лисандра и все ходили за ним, прислуживая лишь ему, как если бы Агесилай обладал только титулом и именем командующего, полученными благодаря закону, действительным же владыкой, который все может и всем вершит, был Лисандр. Ведь никто из полководцев, посылавшихся в Азию, не смог стать таким могущественным и грозным, никто не сделал больше добра своим друзьям и зла своим врагам. Все это было еще свежо в памяти людей. К тому же, видя простоту в обхождении, безыскусственность и общительность Агесилая, в то время как Лисандр проявлял резкость, суровость и краткость в речах, они заискивали перед Лисандром, стараясь всячески угодить только ему. Остальные спартанцы тяжело переносили необходимость быть более прислужниками Лисандра, чем советниками царя. Наконец, почувствовал себя задетым и сам Агесилай, который, хотя и не был завистлив и не огорчался оттого, что почести оказываются кому-то еще, однако был очень честолюбив и не хотел стоять ниже других; более всего он опасался, что, если будут совершены блестящие деяния, их припишут Лисандру из-за его прежней славы. Поэтому он стал вести себя таким образом: во-первых, он выступал против всех советов Лисандра и все начинания, к которым тот уже приступил с особенным усердием, Агесилай отменил и проводил вместо них совсем другие; затем, из тех, кто приходил к нему с просьбами, он отпускал ни с чем всех, кто, как он узнавал, особенно полагается на Лисандра. Точно так же и в суде те, кому Лисандр собирался повредить, выигрывали дело и, наоборот, тем, кому он явно и усердно покровительствовал, трудно было уйти от наказания.

Так как это было не случайно, но делалось изо дня в день и как бы с намерением, Лисандр, наконец, понял причину и не скрыл этого от своих друзей, но прямо сказал им, что те попали в немилость из-за него; при этом он призывал их угождать теперь царю и тем, кто имеет больший вес, чем он, Лисандр.

VIII. ОДНАКО многим казалось, что таким поведением и подобными речами он хочет вызвать недоброжелательство к царю. Поэтому Агесилай, желая задеть его еще больше, поручил ему раздачу мяса и, как говорят, в присутствии многих заявил: «Пусть теперь эти люди пойдут на поклон к моему раздатчику мяса». Удрученный этим, Лисандр сказал ему: «Ты хорошо умеешь, Агесилай, унижать друзей». «Да,— ответил Агесилай,— тех, которые хотят быть более могущественными, чем я». Лисандр возразил: «Быть может, это верно скорее в применении к твоим словам, чем к моим поступкам; дай мне, однако, какое-нибудь место или должность, где я смогу быть тебе полезным, не огорчая тебя». После этого Лисандр был послан к Геллеспонту и склонил там на сторону Агесилая перса Спитридата из сатрапии Фарнабаза; перс этот имел большие богатства и двести всадников. Однако гнев Лисандра не утих: затаив обиду, он замышлял даже отнять царскую власть у двух родов и передать ее всем спартиатам. И, наверное, из вражды к Агесилаю он произвел бы большой переворот в государстве, если бы не погиб раньше, во время беотийского похода. Так обычно честолюбивые натуры, если они не соблюдают меры в своих поступках на государственном поприще, терпят беды вместо ожидаемых выгод. Если Лисандр был груб и не знал меры в своем честолюбии, то и Агесилай, разумеется, мог бы иными, более достойными средствами исправить ошибки этого выдающегося и честолюбивого человека. Но, видимо, одна и та же страсть мешала первому признать власть своего начальника, а второму — без раздражения стерпеть ошибки своего товарища.

IX. СНАЧАЛА Тиссаферн, боясь Агесилая, заключил с ним договор, по которому персидский царь обещал предоставить греческим городам свободу и право жить по собственным законам. Позже, однако, решив, что у него уже достаточно сил, он начал войну. Аге-

силай охотно приирял вызов, так как возлагал большие иадежды иа свой поход. К тому же ои счнтал постыдиым, что «десять тысяч» под иачальством Ксенофоита дошли до самого моря, ианося поражения царю, когда только оин хотели этого, в то время как ои, предводительствуя лакедемоияиами, достигшими верховного владычества иа суше и иа море, ие мог показать грекам ии одного деяния, достойиого памятн. Чтобы поскорее отплатить Тиссаферну за его вероломство дозволениою хитростью, он сделал вид, что собирается выступить в Карию. Когда же там собрались воинские силы варваров, он неожидаиио вторгся во Фригию. Здесь ои завоевал миого городов и захватнл большне богатства. Этим ои показал своим друзьям, что иарушеиие договора означает презреиие к богам, обмаи же врага, напротив, ие только справедлив, ио н доставляет большую славу, удовлетворение и выгоду.

Так как враг превосходил его коииицей и к тому же знамеиия при жертвоприиошеииях были иеблагоприятиы, Агесилай вериулся в Эфес и стал собирать кониицу, приказывая, чтобы каждый богатый человек, если ои сам ие хочет участвовать в походе, выставил за себя по одной лошади и всадиику. Миогие согласились иа это, и вскоре вместо трусливых гоплитов у Агесилая собралась многочнслеииая н боеспособная коиница. Ои говорил, что и Агамемнон поступил прекрасио, когда отпустил из войска трусливого богача, получив вместо иего прекрасиую кобылу. По приказанию Агесилая торговцы добычей продавали пленников обиажеииыми. Одежду покупали охотно, но иад плениыми, чьи иагие тела былн белымн н рыхлыми из-за изиежеииого образа жизин, все иасмехались, считая их бесполезиыми для работы, ие нмеющими иикакой цены. Увидя это, Агесилай подиялся и сказал: «Это люди, с которыми вы воюете, а это вещи, из-за которых вы ведете войиу».

X. КОГДА подошло время для возобиовлеиия военных действий, Агесилай объявил, что поведет войско в Лидию. На этот раз ои ие обманывал Тиссафериа, но тот, ие доверяя Агесилаю после того, как был введеи им в заблуждеиие, теперь обмаиул самого себя. Он считал, что Агесилай, который, по его миеиию, испытывал недостаток в коииице, выступнт теперь

в Карию, где местность не благоприятствует передвижению всадников. Когда же Агесилай, как он говорил ранее, прибыл на равнину у Сард, Тиссаферн вынужден был поспешить на помощь городу. При этом он напал со своей конницей на воинов противника, которые разбрелись по равнине с целью грабежа, и многих из них уничтожил. Агесилай, сообразив, что пехота противника еще не подошла, сам же он имеет под рукой все свое войско, решил дать сражение как можно скорее. Поставив легкую пехоту между всадниками, он приказал им выступать и ударить на противника, не теряя ни минуты, сам же следом повел тяжелую пехоту. Варвары были обращены в бегство, и греки, устремившиеся в погоню, многих убили и захватили вражеский лагерь. После этой битвы греки не только могли беспрепятственно брать добычу и уводить рабов и скот из царских владений, но с удовлетворением увидели, что Тиссаферн, злейший враг греков, понес справедливое возмездие. Царь немедленно отправил против него Титравста, который отрубил голову Тиссаферну, а затем обратился к Агесилаю с просьбой прекратить войну и отплыть домой, предлагая ему при этом деньги, но тот ответил, что вопрос о мире может решить только сама Спарта, а что касается до него, то он больше находит удовольствия в обогащении своих солдат, чем в том, чтобы самому стать богатым. Вообще же, сказал он, у греков считается прекрасным брать у врага не подарки, а добычу. Однако, чтобы выказать признательность Титравсту, наказавшему общего врага греков Тиссаферна, он выступил со своим войском во Фригию, взяв у перса тридцать талантов на путевые издержки.

По дороге он получил скиталу от спартанских властей, приказывавших ему взять командование и над флотом. Такую честь не оказывали никому, кроме Агесилая. Он бесспорно был, как говорит и Теопомп, величайшим и известнейшим среди своих современников, но и за всем тем более гордился своими личными качествами, чем огромною властью. Теперь, однако, он, как кажется, совершил ошибку, поручив командование флотом Писандру. Несмотря на то, что были более опытные и рассудительные люди, он принял во

внимание не интересы отечества, а родственные чувства и в угоду своей жене, братом которой был Писандр, поставил его во главе морских сил.

XI. САМ АГЕСИЛАЙ, вступив с войском в землю, подчиненную Фарнабазу, не только оказался в местах, изобилующих всем необходимым, но и собрал много денег. Пройдя до самой Пафлагонии, он привлек на свою сторону пафлагонского царя Котия, который желал дружбы с ним, восхищаясь его доблестью и честностью. Спитридат же, с тех пор как отделился от Фарнабаза и перешел к Агесилаю, постоянно сопровождал его во всех походах. У него был сын — прекрасный юноша по имени Мегабат, которого Агесилай горячо любил. Спитридат имел также и дочь, красивую девушку на выданье. Агесилай уговорил Котия жениться на ней, а сам, взяв у него тысячу всадников и две тысячи легковооруженных пехотинцев, возвратился во Фригию. Он принялся опустошать землю Фарнабаза, который не оказывал сопротивления, не доверяя даже крепостям, но, захватив с собою бóльшую часть своей казны и сокровищ, бродил по всей стране, избегая встречи с Агесилаем. Наконец, Спитридат с помощью спартанца Гериппида захватил его лагерь и овладел всеми его богатствами. Однако Гериппид учинил такой строгий надзор над захваченным, вынуждая варваров возвращать добычу и все подробно осматривая и расследуя, что рассердил Спитридата, и тот сразу же ушел со всеми пафлагонцами в Сарды. Это, как сообщают, до крайности опечалило Агесилая. Он был недоволен прежде всего тем, что лишился такого благородного человека, как Спитридат, а с ним — и значительных военных сил; затем он стыдился, что его могут упрекнуть в скряжничестве и корыстолюбии, в то время как он всегда стремился очистить от них не только собственную душу, но и отечество. Кроме этих двух явных причин, его не менее мучила и любовь к Мегабату, хотя, когда юноша бывал с ним, он упорно, всеми силами старался побороть эту страсть. Однажды, когда Мегабат подошел к нему с приветствием и хотел обнять и поцеловать его, Агесилай уклонился от поцелуя. Юноша был сконфужен, перестал подходить к нему и приветствовал его лишь издали. Тогда Агесилай, жалея, что

лишился его ласки, с притворным удивлением спросил, что случилось с Мегабатом, отчего тот перестал приветствовать его поцелуями. «Ты сам виноват,— ответили его друзья,— так как не принимаешь поцелуев красивого мальчика, но в страхе бежишь от них. Его же и сейчас можно убедить прийти к тебе с поцелуями, если ты только снова не проявишь робости». После некоторого молчания и раздумья Агесилай ответил: «Вам не нужно уговаривать его, так как я нахожу больше удовольствия в том, чтобы снова начать с самим собою эту борьбу за его поцелуи, чем в том, чтобы иметь все сокровища, которые я когда-либо видел». Так держал себя Агесилай, когда Мегабат был поблизости; когда же тот удалился, он почувствовал такую страсть к нему, что, трудно сказать, удержался ли бы он от поцелуев, если бы тот снова появился перед ним.

XII. НЕКОТОРОЕ время спустя Фарнабаз захотел вступить с Агесилаем в переговоры. Встречу им устроил кизикиец Аполлофан, гостеприимец того и другого. Агесилай, прибывший первым к назначенному месту со своими друзьями, расположился в тени на густой траве, поджидая Фарнабаза. Когда тот прибыл и увидел лежащего Агесилая, то из почтения к нему, не обращая внимания на разостланные для него мягкие шкуры и пестрые ковры, и сам опустился на землю, хотя был одет в удивительно тонкое и роскошно вышитое платье. После первых приветствий у Фарнабаза не оказалось недостатка в упреках по адресу лакедемонян; ибо те были многим обязаны ему во время войны с афинянами, теперь же грабили его землю. Агесилай видел, что сопровождавшие его спартанцы потупились от стыда и находятся в затруднении, понимая, что Фарнабаз действительно обижен несправедливо. Поэтому он ответил: «Да, Фарнабаз, раньше мы были друзьями царя и по-дружески относились к его интересам; теперь мы стали его врагами и поступаем с ним по-вражески. Видя, что ты сам желаешь быть собственностью царя, мы, конечно, стараемся вредить ему в твоем лице. Но с того дня, как ты предпочтешь называться другом и союзником греков, а не рабом царя, можешь быть уверен, что и это войско, и это оружие, и суда, и каждый из нас сделается за-

щитником твоего имущества и твоей свободы, без которой для людей не существует ничего прекрасного и ничего желанного». Тогда Фарнабаз открыл ему свои истинные намерения. «Если царь,— сказал он,— пришлет другого полководца, то я буду вашим союзником; если же он передаст верховное командование мне, то у меня не будет недостатка в рвении, чтобы сражаться с вами за моего царя и вредить вам». Агесилай остался доволен этим ответом и, взяв Фарнабаза за правую руку и став с ним рядом, сказал: «Я желал бы, Фарнабаз, чтобы ты, с подобными чувствами, был бы нам лучше другом, чем врагом».

XIII. ФАРНАБАЗ со своими людьми удалился, а сын его, задержавшись, подбежал к Агесилаю и сказал ему, улыбаясь: «Агесилай, я делаю тебя моим гостеприимцем». И с этими словами он отдал ему дротик, который держал в руке. Агесилай охотно принял подарок и, очарованный красотой и дружелюбием юноши, оглядел присутствующих, чтобы найти у них что-нибудь достойное для ответного дара прекрасному и благородному персу. Заметив лошадь писца Идея с дорогими бляхами на сбруе, он тотчас снял это украшение и подарил юноше. И в дальнейшем он постоянно о нем вспоминал, и, когда впоследствии тот был изгнан из отеческого дома своими братьями и искал убежища в Пелопоннесе, Агесилай проявил к нему величайшее внимание и помогал ему даже в его любовных делах. Тот влюбился в афинского мальчика-борца, и так как тот был для ребенка слишком высок и крепок, его могли не допустить к участию в Олимпийских состязаниях. Перс обратился с просьбами за него к Агесилаю, который, желая угодить своему гостеприимцу, горячо взялся за дело и довел его до конца, хотя и с большим трудом. Агесилай во всем прочем строго придерживался законов, но когда дело касалось дружбы, считал неукоснительную приверженность справедливости пустой отговоркой. Так, передают, что им была написана карийцу Гидриею записка следующего содержания: «Если Никий невиновен — отпусти его, если он виновен — отпусти его из любви к нам; итак, отпусти его в любом случае». Вот как по большей части относился Агесилай к друзьям. Однако, когда того требовало общее дело,

ои более счнтался с обстоятельствами. Так, например, он доказал это одиажды, когда, снимаясь поспешно с лагеря, покинул своего возлюбленного, иаходившегося в болезнеиином состоянии. Тот звал его и молил остаться, но Агеснлай повериулся и сказал: «Трудно быть н сострадательиым и рассудительиым одиовремеино». Об этом случае рассказывает философ Иероним.

XIV. ПРОШЛО только два года командования Агесилая, а слух о нем распростраиился далеко. Прн этом особенно прославлялись его рассудительность, простота н умеренность. На своем путн ои остаиавливался в пределах самых чтнмых святнлнщ отдельио от своих спутииков, делая богов свидетелями и очевидцами таких поступков, которые мы обычио совершаем в уедииении, нзбегая чужих взоров. Среди миогих тысяч воииов трудио было бы найтн такого, у которого постель была бы проще н дешевле, чем у Агесилая. К жаре н холоду он был настолько безразличен, как если бы однн лишь он был создан, чтобы переиосить любые перемеиы погоды, посылаемые богамн. Но самым приятным зрелищем для греков, иаселяющнх Азию, было вндеть, как полководцы и наместннки, обычио невыносимо гордые, изнежениые богатством н роскошью, с трепетом угождают человеку в простом, поиошенном плаще н беспрекословно меияют свое поведеине, выслушав от него лишь одио по-лаконски иемиогословное замечаиие. Прн этом миогнм прнходилн на ум слова Тимофея:

Арес — тираи, а золота Эллада не страшится.

XV. В ТО ВРЕМЯ Азия сильно волновалась и склониа была к отпадеиию от персов. Агесилай навел порядок в азнатскнх городах н придал нм надлежащее государственное устройство, не прнбегая к казиям н нзгиаиию граждан. Затем он решил двннуться дальше, чтобы, удалнв войиу от Греческого моря, заставнть царя сразнться за его собственную жнзнь и сокровнща Суз н Экбатан н таким образом лишнть его возможиостн возбуждать войиу средн греков, сидя спокойно на своем троне и подкупая своекорыстиых нскателей народной благосклонностн. Однако в это время к иему прнбыл спартанец Эпнкиднд с нзвестнем, что Спарте угрожает опасная война в самой Грецни н что

эфоры призывают его, приказывая прийти на помощь согражданам.

О, скольких тяжких бед вы, эллины, виной!

Ибо каким еще словом можно назвать эту зависть, эти объединения и вооруженные приготовления греков для борьбы с греками же — все то, чем они сами отвратили уже склонившееся на их сторону счастье, обернув оружие, направленное против варваров, и войну, ведущуюся вдали от Греции, против самих себя? Я не согласен с коринфянином Демаратом, сказавшим, что все греки, не видевшие Александра сидевшим на троне Дария, были лишены величайшего наслаждения. Я полагаю, им бы скорее нужно было плакать при мысли, что полководцы эллинов, сражавшиеся при Левктрах, Коронее, Коринфе, являются виновниками того, что честь эта выпала на долю Александра и Македонии. Из всех поступков Агесилая нет более славного, чем это возвращение,— нельзя найти лучшего примера справедливости и повиновения властям. Ибо если Ганнибал, когда он находился в отчаянном положении и когда его уже почти вовсе вытеснили из Италии, лишь с большим трудом повиновался тем, кто призывал его для защиты родины; если Александр при известии о сражении между Антипатром и Агидом сказал с усмешкой: «Похоже, друзья, что в то время, как мы побеждаем Дария, в Аркадии идет война мышей»,— то как не считать счастливой Спарту, когда Агесилай проявил такое уважение к отечеству и почтительность к законам? Едва успела прийти к нему скитала, как он отказался и от блестящих успехов, и от могущества, и от заманчивых надежд и, оставив «несвершенным дело», тотчас же отплыл. Он покинул своих союзников в глубокой печали по нем, опровергая слова Эрасистрата, сына Феака, о том, что лакедемоняне лучше в общественных, афиняне же в частных делах. Ибо если он проявил себя прекрасным царем и полководцем, то еще более безупречен и приятен был как товарищ и друг для тех, кто находился с ним в близких отношениях.

Так как персидские монеты чеканились с изображением стрелка из лука, Агесилай сказал, снимаясь

с лагеря, что персидский царь изгоняет его из Азии с помощью десяти тысяч стрелков: такова была сумма, доставленная в Афины и Фивы и разделенная между народными вожаками, чтобы они подстрекали народ к войне со спартанцами.

XVI. ПЕРЕЙДЯ через Геллеспонт, Агесилай двинулся по Фракии, не спрашивая на то разрешения ни у одного из варварских племен; он лишь отправил к каждому из них гонца с вопросом, желают ли они, чтобы он прошел через их страну как друг или как враг. Все приняли его дружелюбно и посылали ему для охраны столько людей, сколько было в их силах; одни лишь так называемые трохалы, которым и Ксеркс, как сообщают, должен был уплатить за проход через их землю, потребовали у Агесилая сто талантов серебра и столько же женщин. Но Агесилай, насмехаясь над ними, спросил: «Почему же они сразу не пришли, чтобы получить плату?» Он двинулся против них, вступил в сражение и обратил варваров в бегство, нанеся им тяжелые потери. С тем же вопросом он обратился к царю Македонии; тот ответил, что подумает, а Агесилай сказал: «Хорошо, пусть он думает, а мы пока пойдем вперед». Царь удивился его смелости и, испугавшись, сообщил ему, что он может пройти по его стране как друг.

Так как фессалийцы были в союзе с врагами Спарты, Агесилай стал опустошать их владения, послав, однако, в то же время в Ларису Ксенокла и Скифа с предложением дружбы. Оба они были схвачены и заключены в тюрьму. Все возмущались этим и полагали, что Агесилаю необходимо тотчас выступить и осадить Ларису, однако он, сказав, что не хочет занять даже всю Фессалию ценою жизни хотя бы одного из этих двоих, получил обоих обратно, заключив мирное соглашение. Но этому, быть может, не стоит и удивляться: ведь когда в другой раз Агесилай узнал, что у Коринфа произошла большая битва и со стороны спартанцев пало совсем немного, со стороны же противника — множество, он не проявил ни радости, ни гордости и лишь сказал с глубоким вздохом: «Горе тебе, Греция, что ты сама погубила столько людей, которые, если бы они еще жили, способны бы-

ли бы, объединившись, победить всех варваров, вместе взятых».

Во время его похода фарсальцы нападали на него и наносили урон войску. Агесилай, возглавив пятьсот всадников, напал на фарсальцев, обратил их в бегство и поставил трофей у Нартакия. Этой победе он особенно радовался, ибо лишь с конницей, созданной им самим, победил людей, гордившихся более всего своим искусством в верховой езде.

XVII. СЮДА к нему прибыл из Спарты эфор Дифрид, принеся приказание тотчас вторгнуться в Беотию. Агесилай, считая, что этот план должен быть выполнен позже, после более тщательных приготовлений, полагал, однако, что нельзя оказывать неповиновение властям. Он объявил своим войскам, что скоро настанет тот день, ради которого они пришли из Азии, и призвал к себе две моры из стоявших у Коринфа сил. Лакедемоняне, чтобы оказать ему особую честь, возвестили в Спарте, что те из юношей, кто желает выступить на помощь царю, могут записаться в списки. Так как охотно записались все, власти отобрали 50 человек, наиболее цветущих и сильных, и отослали их в войско.

Агесилай, между тем, пройдя через Фермопилы, двинулся по Фокиде, дружественно к нему расположенной. Но лишь только он вступил в Беотию и встал лагерем у Херонеи, как во время затмения солнца, которое приняло очертания луны, получил известие о смерти Писандра и о победе Фарнабаза и Конона в морской битве при Книде. Агесилай был сильно опечален как гибелью Писандра, так и ущербом, который понесло отечество, однако, чтобы не внушить воинам робости и отчаяния, в то время как они готовились к борьбе, он приказал людям, прибывшим с моря, говорить противоположное действительности — что битва была выиграна спартанцами. Он сам появился с венком на голове, принес жертвы богам за хорошее известие и отослал своим друзьям части жертвенных животных.

XVIII. ОТСЮДА он выступил дальше и, оказавшись при Коронее лицом к лицу с противником, выстроил войско в боевой порядок, поручив орхоменцам левое крыло и став во главе правого. У неприятеля на пра-

вом фланге стояли фиваицы, на левом — аргивяне. Ксенофонт, вернувшийся из Азии и сам участвовавший в сражении рядом с Агесилаем, рассказывает, что эта битва была наиболее ожесточениой из всех, которые происходили в те времена. Первое столкновеиие не вызвало, правда, упориой и длительной борьбы: фиваицы обратили в бегство орхоменцев, а Агесилай — аргивян. Одиако и те и другие, узиав, что их левое крыло опрокинуто и отступает, повернули назад. Агесилай мог бы обеспечить себе вериую победу, если бы он не ударил фиваицам в лоб, а дал им пройти мимо и бросился бы на них сзади. Однако из-за ожесточения и честолюбия он сшибся с противником грудь с грудью, желая опрокинуть его своим натиском. Враги приняли удар с не меиьшею отвагой, и вспыхиуло горячее сражение по всей боевой линии, особенно напряжеииое в том месте, где стоял Агесилай, окруженный пятьюдесятью спартанцами, боевой пыл которых, как кажется, послужил на этот раз спасением для царя. Ибо они сражались, защищая его, с величайшей храбростью и, хотя и не смогли уберечь царя от ран, однако, когда его паицирь был уже пробит во миогих местах мечами и копьями, выиесли его с большим трудом, но живого; тесно сплотившись вокруг него, они миогих врагов положили иа месте и сами потеряли многих. Когда обнаружилось, что одолеть фиванцев прямым ударом — задача слишком трудная, спартанцы принуждены были прииять план, отвергнутый ими в начале сражения. Они расступились перед фиванцами и дали нм пройти между своими рядами, а когда те, увидев, что прорыв уже совершен, нарушили строй, спартанцы погнались за ними и, поравнявшись, напали с флангов. Однако им не удалось обратить врагов в бегство: фиваицы отошли к Геликону, причем эта битва преисполнила их самомнеиием, так как им удалось остаться непобеждеиными, несмотря на то, что они были одни, без союзников.

XIX. АГЕСИЛАЙ, хотя и страдал от многочисленных ран, не удалился сразу в палатку, но приказал отнести себя на носилках к строю своих, чтобы убедиться, что трупы убитых собраны н находятся в пределах досягаемости. Противников, которые укрывались

в близлежащем храме Афины Итонийской, он приказал отпустить. Около этого храма находился трофей, который поставили в свое время беотийцы во главе со Спартоном, когда они на этом месте победили афинян и убили Толмида. На следующее утро Агесилай, чтобы испытать, желают ли фиванцы возобновить сражение, приказал воинам украсить себя венками и под звуки флейт поставить пышный трофей, как подобает победителям. Когда же противники прислали послов с просьбой о выдаче трупов, он заключил с ними перемирие и, закрепив таким образом победу, отправился на носилках в Дельфы, где в это время происходили Пифийские игры. Агесилай устроил торжественное шествие в честь Аполлона и посвятил богу десятую часть добычи, захваченной им в Азии, что составляло сто талантов.

По возвращении в Спарту он сразу же завоевал симпатии граждан и всеобщее удивление своими привычками и образом жизни. Ибо, в отличие от большинства полководцев, он не вернулся с чужбины другим человеком, преобразившимся под воздействием чужеземных нравов, недовольным всем отечественным, ссорящимся со своими согражданами; наоборот, он вел себя так, как если бы никогда не переходил на другую сторону Эврота, уважал и любил родные обычаи, не изменил ничего ни в пище, ни в купаньях, ни в образе жизни своей жены, ни в украшении своего оружия, ни в домашнем хозяйстве. Даже двери собственного дома, которые были настолько древними, что, казалось, были поставлены еще Аристодемом, он сохранил в прежнем состоянии. По словам Ксенофонта, канатр его дочери не был более пышным, чем у других. Канатром лакедемоняне называют деревянные изображения грифов и полукозлов-полуоленей, в которых они возят своих дочерей во время торжественных шествий. Ксенофонт не записал имени дочери Агесилая, и Дикеарх досадовал на то, что мы не знаем имен ни дочери Агесилая, ни матери Эпаминонда. Однако в лакедемонских надписях мы нашли, что жена Агесилая носила имя Клеоры, дочерей же звали Эвполия и Ипполита. В Лакедемоне и поныне хранится также копье Агесилая, ничем не отличающееся от других.

XX. ЗАМЕЧАЯ, как некоторые нз граждан гордятся н чванятся тем, что выкармлнвают коией для ристалищ, Агесилай уговорил сестру свою Книнску отправить колесиицу для участия в Олимпнйскнх состязаииях. Этим он хотел показать грекам, что подобиая победа ие требует иикакой доблести, а лншь богатства и расточительностн. Мудрецу Ксенофонту, который всегда находнлся прн ием и пользовался его винманнем, ои посоветовал прнвезтн свонх детей в Лакедемои для воспнтання, чтобы они овладели прекрасиейшей из иаук — повиноваться и властвовать.

После смерти Лисандра Агесилай раскрыл большой заговор, который тот устроил протнв иего тотчас по возвращеинн нз Азнн, н решнл показать, какнм граждаинином был Лнсандр при жнзнн. Прочтя сохранившуюся в бумагах Лнсаидра речь, сочннеиную Клеоном Галикарнасским, которую Лисандр от своего имеин иамеревался держать перед иародом, речь, содержавшую прнзывы к перевороту н нзменению государствеиного устройства, Агеснлай хотел обиародовать ее. Одиако однн из старейшнн, прочнтав эту речь и ужасиувшнсь искусству убеждения, с каким оиа была иапнсана, посоветовал Агесилаю не выкапывать Лисандра из могнлы, ио лучше похороинть вместе с инм и эту речь. Агеснлай последовал совету н отказался от своего иамерения. Свонм противникам ои инкогда ие прнчниял вреда открыто, ио умел добиться, чтобы оин былн назначены полководцамн или иачальствующими лицами, затем уличал их в иедобросовестиости и корыстолюбни при исполнеинн свонх обязаниостей и, иаконец, когда дело доходнло до суда, поддержнвал их и помогал им. Такнм образом ои делал из врагов друзей и привлекал их иа свою сторону, так что не нмел ни одного протнвиика. Второй царь, Агесиполид, был сыном изгиаиинка и к тому же еще очеиь молод по возрасту, а по характеру кроток и мягок, и потому прниимал мало участия в государствеиных делах. Однако Агесилай счел иеобходимым обязать благодарностью н его. Оба царя, когда находились в городе, ходили к одиой и той же фндитии и питались за одиим столом. Зиая, что Агесиполид, так же как и сам ои, очеиь расположен к любовным делам, Агесилай всегда заводил с иим разговор о пре-

красных мальчиках. Он склонял юношу к любовным утехам и сам помогал ему в его увлечениях. Дело в том, что в лаконских любовных связях нет ничего грязного, наоборот, они сочетаются с большой стыдливостью, честолюбием и стремлением к добродетели, как сказано в жизнеописании Ликурга.

XXI. БЛАГОДАРЯ своему большому влиянию в государстве Агесилай добился, чтобы командование флотом было поручено его сводному брату по матери Телевтию. Затем он предпринял поход в Коринф и сам захватил с суши Длинные стены, Телевтий же на кораблях...[1]. В это время аргивяне, которые тогда владели Коринфом, справляли Истмийские игры. Появившись в коринфской земле, когда они только что совершили жертвоприношение, Агесилай заставил их бежать, бросив все приготовления к празднеству. Бывшие с ним коринфские изгнанники обратились к нему с просьбой взять на себя распорядительство в состязаниях, но он отказался и, предоставив это им самим, ждал, чтобы обезопасить их от нападения, пока не окончатся жертвоприношения и состязания. Некоторое время спустя, когда он удалился, аргивяне справили Истмийские игры еще раз, и при этом оказалось, что из числа состязавшихся некоторые были вторично провозглашены победителями, но были и такие, которые в первый раз победили, а во второй попали в список побежденных. Узнав об этом, Агесилай объявил, что аргивяне сами себя уличили в трусости, так как, полагая распорядительство на играх чем-то большим и важным, не осмелились сразиться с ним за эту честь. Сам он считал необходимым ко всем подобным вещам относиться сдержанно. У себя в отечестве он готовил хоры, устраивал состязания и всегда на них присутствовал, проявляя большое честолюбие и усердие и не пропуская даже ни одного состязания мальчиков и девочек, но то, что восхищало остальных, ему было словно вовсе неведомо и незнакомо. Однажды он встретился с трагическим актером Каллиппидом, имя которого было прославлено среди греков и который пользовался всеобщим признанием. Каллиппид первым приветствовал Агесилая,

[1] Текст испорчен.

а затем с гордым видом смешался с сопровождавшими царя на прогулке, рассчитывая, что тот скажет ему какую-либо любезность. Наконец, Каллиппид не вытерпел и сказал: «Разве ты не узнаешь меня, царь?» — на что Агесилай, повернувшись к нему, ответил: «Сдается мне, что ты, Каллиппид, дикеликт?» — так называют лакедемоняне мимов. В другой раз его позвали послушать человека, подражающего пению соловья. Агесилай отказался, сказав: «Я слышал самого соловья». Врач Менекрат за успешное излечение в нескольких безнадежных случаях получил прозвище Зевса. Он бесстыдно пользовался этим прозвищем и отважился даже написать Агесилаю: «Менекрат-Зевс желает здравствовать Агесилаю». Агесилай написал в ответ: «Царь Агесилай желает Менекрату быть в здравом уме».

XXII. КОГДА Агесилай находился еще около Коринфа и после захвата Герея наблюдал, как его воины уводят пленных и уносят добычу, к нему прибыли послы из Фив с предложением дружественного союза. Агесилай, всегда ненавидевший этот город, нашел такой случай подходящим, чтобы выразить свое презрение к фиванцам, и сделал вид, что не видит и не слышит послов. Но он потерпел заслуженное возмездие за свою гордыню. Ибо еще не успели фиванцы уйти, как прибыли к нему гонцы с известием, что целая мора спартанцев изрублена Ификратом. Такое большое несчастье уже давно не постигало лакедемонян: они потеряли многих славных воинов, причем гоплиты оказались побежденными легкой пехотой и лакедемоняне — наемниками. Агесилай тотчас поспешил на выручку, но, когда узнал, что дело уже совершилось, быстро вернулся в Герей и уже сам предложил явиться беотийским послам. А фиванцы, платя ему той же монетой, теперь ни словом не упомянули о мире, а лишь просили пропустить их в Коринф. Агесилай, разгневанный, сказал: «Если вы желаете видеть, как ваши друзья гордятся своими успехами, вы вполне можете подождать до завтра». И, взяв их с собой, он на следующий день опустошил коринфские владения и подошел к самому городу. Доказав этим, что коринфяне не отваживаются оказывать ему сопротивление, он отпустил посольство фиванцев. Присоединив к се-

бе людей, уцелевших из потерпевшей поражение моры, Агесилай отвел войско в Лакедемон; по пути он снимался с лагеря до рассвета и останавливался лишь с наступлением темноты, чтобы те из аркадян, которые ненавидели его и завидовали ему, не могли теперь радоваться его несчастью.

Несколько позже он, из расположения к ахейцам, предпринял вместе с ними поход в Акарнанию и захватил там большую добычу, победив акарнанцев в сражении. Ахейцы просили его остаться у них до зимы, чтобы помешать противникам засеять поля. Однако Агесилай ответил, что он сделает как раз обратное, ибо враги будут тем более страшиться войны, если к лету земля будет засеяна. Так и случилось: когда акарнанцы узнали о готовящемся новом походе Агесилая, они заключили с ахейцами мир.

XXIII. ПОСЛЕ того как Конон и Фарнабаз, с помощью царского флота завоевав владычество на море, стали опустошать берега Лаконии, а афиняне на деньги, полученные от Фарнабаза, вновь укрепили свой город, лакедемоняне решили заключить мир с царем. Они послали Анталкида к Тирибазу с тем, чтобы позорнейшим, несправедливейшим образом предать царю греков, населяющих Азию,— тех греков, за которых столько сражался Агесилай. Потому и вышло, что этот позор меньше всего коснулся самого Агесилая; к тому же Анталкид был его врагом и всеми силами содействовал миру, полагая, что война укрепляет власть Агесилая, увеличивает его славу и влияние. Все же человеку, который сказал, что лакедемоняне стали приверженцами персов, Агесилай ответил: «А по-моему, скорее персы — лакедемонян». Кроме того, он угрожал объявлением войны тем, кто не желал принять условия мира, и заставил таким образом всех подчиниться тем требованиям, которые предъявил персидский царь. При этом больше всего Агесилай добивался, чтобы фиванцы, провозгласив самостоятельность Беотии, тем самым ослабили себя.

Однако его намерения стали вполне ясными лишь из его дальнейшего поведения. Ибо, когда Фебид совершил недостойное дело, захватив Кадмею в мирное время, все греки были охвачены негодованием; возмущались и сами спартанцы, особенно же противники

Агесилая. В гневе они спрашивали Фебида, по чьему приказанию он так поступил, и всеобщие подозрения были обращены на Агесилая. Но Агесилай без колебаний открыто выступил на защиту Фебида, говоря, что важно выяснить только, принес ли этот поступок какую-нибудь пользу. «Ибо все, что приносит пользу Лакедемону,— говорит он,— вполне допустимо совершать на свой страх и риск, даже без чьего-либо приказания». И этот человек на словах считал справедливость высшей добродетелью, утверждая при всяком удобном случае, что храбрость не приносит никакой пользы там, где нет справедливости, и что если бы все стали справедливыми, храбрость вообще была бы не нужна! Когда ему говорили, что то или иное угодно великому царю, он отвечал: «Но почему он должен быть более великим, чем я, если он не более справедлив?» — вполне разумно полагая, что превосходство в величии должно определяться справедливостью, ибо это и есть подлинно царская мера. Он не принял письма, в котором царь после заключения мира предлагал ему гостеприимство и дружбу, ответив, что достаточно общей дружбы их государств и нет необходимости в какой-то частной дружбе. Однако в своих поступках он не остался верен этим убеждениям, он был слишком увлечен честолюбием и жаждой первенства, и это особенно ясно обнаружилось в истории с занятием Фив. Он не только спас жизнь Фебиду, но и убедил государство взять ответственность за это преступление, разместить в Кадмее караульный отряд и предоставить фиванские дела и государственное устройство на произвол Архия и Леонтида, с помощью которых Фебид вошел в город и захватил крепость.

XXIV. ВОТ ПОЧЕМУ уже в первую минуту у всех явилась мысль, что Фебид был только исполнителем, а зачинщик всего дела — Агесилай. Дальнейшие события с несомненностью подтвердили это подозрение. Ибо когда фиванцы изгнали спартанский отряд и освободили свой город, Агесилай обвинил их в том, что они убили Архия и Леонтида (а те лишь по имени были полемархами, на деле же — тиранами), и объявил им войну. На этот раз с войском в Беотию был отправлен Клеомброт, ставший царем после смерти

Агесиполида. Агесилай же, поскольку уже сорок лет назад вышел из отроческого возраста и по законам мог ие участвовать в походах, отказался от командования, так как незадолго до того он воевал с флиунтцами из-за изгнаиииков и теперь ему было иеловко чинить насилие иад фиванцами во имя дела тиранов.

В это время гармостом в Феспиях был спартанец Сфодрий, принадлежавший к числу противников Агесилая. Это был человек далеко не без смелости и не без честолюбия, но более преисполненный пустых надежд, чем благоразумия. Он-то, желая стяжать славу и считая, что Фебид, благодаря своему дерзкому поступку в Фивах, стал знаменит, пришел к выводу, что он приобретет имя еще более громкое, если иеожидаииым нападением захватит Пирей и этим отрежет афинян от моря. Передают также, что это была затея беотархов с Мелоном и Пелопидом во главе. Оии подослали к Сфодрию людей, прикинувшихся друзьями лакедемонян, которые льстивыми похвалами и уверениями, что лишь ои один достоин такого подвига, побудили Сфодрия взяться за дело. Этот поступок по своей несправедливости и противозакоиности был подобен поступку Фебида, но в исполнеиии его ие было ни такой же смелости, ни такого же успеха. Ибо Сфодрий иадеялся за ночь достичь Пирея, ио день застал его на Триасийской равиине. Говорят, что при виде яркого света, лившегося со стороиы элевсинских святилищ, его солдат охватили смятение и ужас. Мужество покинуло и его самого, так как замысел его уже не мог более оставаться в тайне, и, захватив небольшую добычу, ои позорно и бесславно огступил в Феспии. Тогда в Спарту были отправлены послы из Афин, чтобы обвинить Сфодрия. Однако по прибытии их в Лакедемои обнаружилось, что спартанские власти не иуждаются ии в каких обвиинителях и уже привлекают Сфодрия к суду по обвииению, угрожающему смертной казнью. Однако тот ие являлся на суд, опасаясь гнева сограждаи, которые, стыдясь афинян, хотели сами казаться оскорблеииыми, чтобы их не считали соучастниками преступлеиий.

XXV. У СФОДРИЯ был сын Клеоиим, еще совсем юный и красивой иаружиости, к которому пылал страстью сын царя Агесилая Архидам. Последний,

разумеется, разделял беспокойство Клеонима по поводу опасности, угрожающей его отцу, однако не мог открыто ничего для него сделать и вообще как-либо ему помочь, ибо Сфодрий принадлежал к числу противников Агесилая. Тем не менее Клеоним пришел к Архидаму и со слезами умолял его, чтобы он умилостивил Агесилая, которого друзья Сфодрия опасались больше всего. В течение трех или четырех дней Архидам повсюду ходил за Агесилаем, не решаясь, однако, из страха и стыда заговорить с ним о деле. Наконец, когда день суда был уже близок, он решился сказать Агесилаю, что Клеоним обратился к нему, прося за своего отца. Агесилай знал о страсти Архидама, но не препятствовал ей, так как Клеоним еще с детства больше, чем кто-либо другой, подавал надежды на то, что станет выдающимся человеком. Тем не менее, когда сын обратился к нему с этой просьбой, Агесилай никак его не обнадежил, ответив только, что он подумает, что можно сделать, не нарушая приличия и благопристойности. С этими словами он удалился. Архидам был так пристыжен, что прекратил свои свидания с Клеонимом, хотя до этого привык видеть его по нескольку раз в день. Друзья Сфодрия считали его дело окончательно проигранным, пока один из приятелей Агесилая, Этимокл, не открыл им истинное мнение Агесилая: по его словам, тот очень порицал поступок Сфодрия, но во всем прочем считал его доблестным мужем и полагал, что государство нуждается в подобных воинах. Из расположения к сыну Агесилай при всяком удобном случае высказывал это суждение о деле Сфодрия, так что и Клеоним вскоре узнал о хлопотах Архидама, и друзья Сфодрия с большей смелостью стали помогать обвиняемому. Агесилай вообще очень любил своих детей, и о нем часто рассказывают забавную историю, будто он дома играл со своими детьми, когда они были еще маленькими, и ездил вместе с ними верхом на палочке. Когда один из друзей увидел его за этим занятием, Агесилай попросил не говорить об этом никому, пока тот сам не станет отцом.

XXVI. СФОДРИЙ был оправдан, и афиняне, узнав об этом, решились на войну. Агесилая резко порицали, считая, что из-за нелепой ребяческой страсти

своего сына он воспрепятствовал справедливому решению суда и таким образом сделал свое отечество повинным в величайшем беззаконии по отношению ко всем грекам. Однако, когда Агесилай увидел, что Клеомброт не расположен вести борьбу с фиванцами, он отказался от применения закона, которым воспользовался перед этим походом, и сам стал совершать набеги на Беотию. Он причинял много вреда фиванцам, однако и сам терпел от них немало, так что, когда он был ранен, Анталкид сказал ему: «Да, недурно заплатили тебе фиванцы за то, что вопреки их невежеству и нежеланию учиться ты все же выучил их сражаться». Действительно, как сообщают, фиванцы в ту пору стали более искусными в военном деле, чем когда бы то ни было прежде, как бы получая закалку во время многочисленных походов лакедемонян на их владения. Поэтому и Ликург в древности, в трех так называемых ретрах, запретил выступать много раз против одних и тех же врагов, чтобы те не научились искусству ведения войны. Даже союзники лакедемонян были очень недовольны Агесилаем, видя, что он стремится погубить фиванцев не за вину их перед Спартой, а только из-за оскорбленного честолюбия. Не имея никакой необходимости разорять Беотию, говорили союзники, они почему-то в большом числе ежегодно должны следовать повсюду за лакедемонянами, хотя самих лакедемонян бывает в походе так немного. В ответ на это Агесилай, желая показать, какова цена их многочисленности, проделал, как говорят, следующее. Он велел сесть с одной стороны союзникам, всем вместе, с другой — одним лакедемонянам. Затем через глашатая он пригласил встать сначала всех гончаров, когда же те встали, предложил сделать то же всем кузнецам, затем — плотникам, строителям и всем прочим ремесленникам по очереди. В конце концов поднялись почти все союзники, но ни один из лакедемонян, которым было строго запрещено заниматься каким-либо искусством или обучаться какому-либо ремеслу. Тогда Агесилай улыбнулся и сказал: «Ну вот, друзья, вы видите, насколько больше высылаем воинов мы, чем вы».

XXVII. НА ОБРАТНОМ пути из Фив, в Мегарах, когда Агесилай подымался на акрополь к правительст-

венному зданию, он почувствовал судорогу и жестокую боль в здоровой ноге. Голень вздулась, налилась кровью — судя по внешнему виду — и необычайно воспалилась. Какой-то врач из Сиракуз вскрыл ему жилу ниже лодыжки. Мучения прекратились, однако вышло столько крови и текла она так неудержимо, что последовал глубокий обморок и возникла серьезная опасность для жизни Агесилая. Наконец кровотечение было остановлено, а Агесилая доставили на носилках в Лакедемон, где он долгое время пролежал больным, не будучи в состоянии выступить в поход.

За это время спартанцы потерпели много неудач как на суше, так и на море. Величайшей из них было сражение при Тегирах, где спартанцы впервые были побеждены фиванцами в открытом бою. Все уже пришли к выводу о необходимости заключить всеобщий мир. В Лакедемон съехались посольства изо всех концов Греции для обсуждения условий договора. В числе послов был Эпаминонд — муж, знаменитый своей образованностью и познаниями в философии, но тогда еще не проявивший себя как полководец. Видя, что все прочие пресмыкаются перед Агесилаем, он один решился выступить с откровенной речью, в которой говорил не только об интересах фиванцев, но и об общем благе всей Греции. Он указал, что война увеличивает могущество Спарты, отчего все остальные терпят ущерб, что мир должен быть основан на началах всеобщего равенства и справедливости, что он будет прочным лишь в том случае, если все будут между собой равны.

XXVIII. АГЕСИЛАЙ, замечая, что Эпаминонд пользуется вниманием и горячими симпатиями присутствующих греков, задал ему вопрос: «Считаешь ли ты правильным с точки зрения всеобщего равенства и справедливости, чтобы беотийские города пользовались независимостью?» Эпаминонд, не задумываясь и не смущаясь, ответил Агесилаю тоже вопросом: не считает ли тот справедливым, чтобы и жители Лаконии получили независимость? Тогда Агесилай в страшном гневе вскочил с места и потребовал, чтобы Эпаминонд заявил определенно, готов ли он предоставить независимость Беотии. Эпаминонд, в свою очередь, спросил его, предоставят ли спартанцы независимость жите-

лям Лаконии. Агесилай был возмущен и охотно ухватился за удобный предлог для того, чтобы немедленно вычеркнуть фиванцев из списка заключивших мирный договор и объявить им войну. Всем прочим грекам он предложил, заключив мир, разойтись по домам; дела, поддающиеся мирному решению, он советовал разрешить мирным путем, а неподдающиеся — войной, так как очень трудно было найти путь к уничтожению всех разногласий.

В это время Клеомброт с войском стоял в Фокиде. Эфоры тотчас отправили ему приказ выступить против фиванцев, разослав в то же время повсюду людей для сбора союзников, которые, хотя и не желали воевать и тяготились войной, еще не осмеливались противоречить лакедемонянам или отказывать им в послушании. Было много дурных предзнаменований, о которых уже рассказано в жизнеописании Эпаминонда, и лакедемонянин Протой возражал против похода; несмотря на это Агесилай не отступился от своего намерения и начал войну, надеясь, что при создавшихся обстоятельствах, когда вся Греция на их стороне и фиванцы одни исключены из мирного договора, представляется удобный случай отомстить Фивам. Однако ход событий вскоре показал, что причиной этой войны был скорее гнев, чем хладнокровный расчет. В самом деле, мирный договор был заключен в Лакедемоне четырнадцатого скирофориона, а уже через двадцать дней — пятого гекатомбеона спартанцы были побеждены в битве при Левктрах. В этой битве погибла тысяча лакедемонян, царь Клеомброт и окружавшие его храбрейшие спартанцы. Среди них, как говорят, был и красавец Клеоним, сын Сфодрия, который три раза падал под ударами врагов около царя и столько же раз поднимался, пока не был убит, сражаясь с фиванцами.

XXIX. ЭТО поражение было неожиданным для спартанцев и столь же неожиданным был успех фиванцев, подобного которому еще не бывало в войнах греков между собой. Тем не менее доблесть побежденных вызвала не меньше восхищения и сочувствия, чем доблесть победителей. Ксенофонт говорит, что поведение и разговоры выдающихся людей замечательны даже в забавах и за вином, и он прав; но не менее, а еще бо-

лее следует обращать внимание на то, что делают или говорят выдающиеся люди, стремясь и в несчастье сохранить свое достоинство. В это время в Спарте как раз справлялся праздник Гимнопедий при большом стечении в город иноземцев, и в театре состязались хоры, когда прибыли вестники из Левктр с рассказом о поражении. Эфоры, хотя им и было ясно с самого начала, что эта неудача подкосила благополучие Спарты и что власть ее в Греции погибла, тем не менее не позволили ни удалить из театра хоры, ни изменить чего-либо в порядке праздника; они лишь сообщили имена убитых их родственникам, разослав гонцов по домам, сами же продолжали руководить зрелищами и состязанием хоров. На следующее утро, когда всем уже стали известны имена погибших и уцелевших, отцы, родственники и близкие убитых сошлись на площади и с сияющими лицами, преисполненные гордостью и радостью, приветствовали друг друга. Родственники же уцелевших, напротив, оставались вместе с женами дома, как бы находясь в трауре; и если кто-нибудь из них вынужден был выйти из дому, то по его внешнему виду, голосу и взгляду видно было, как велики его уныние и подавленность. Это было особенно заметно на женщинах: те, которые ожидали встретить своего сына живым после битвы, ходили в печальном молчании, те же, о смерти сыновей которых было объявлено, тотчас появились в храмах и навещали друг друга с веселым, гордым видом.

XXX. ОДНАКО, когда союзники отпали от Спарты и все ждали, что Эпаминонд, гордый своей победой, вторгнется в Пелопоннес, многие спартанцы вновь вспомнили предсказание о хромоте Агесилая. Они впали в величайшее уныние и прониклись страхом перед божеством, полагая, что несчастья обрушились на город из-за того, что они удалили от царствования человека со здоровыми ногами, избрав царем хромого и увечного, и тем самым нарушили приказание божества, которое больше всего предостерегало их именно против этого. И все же, благодаря славе Агесилая, его доблести и другим заслугам, они продолжали пользоваться его услугами не только в военных делах — в качестве царя и полководца, но и в гражданских трудностях — в качестве целителя и посредника. Дело

в том, что спартанцы не решались, как полагалось по закону, лишить гражданской чести тех граждан, которые проявили трусость в сражении (в Спарте их называли «убоявшимися»), ибо таких было очень много, и в том числе виднейшие люди, так что можно было предполагать, что они подымут восстание. Такие «убоявшиеся» по закону не только лишаются права занимать какую-либо должность, но считается позорным вступать с кем бы то ни было из них в родство по браку. Каждый, кто встречает их, может их ударить. Они обязаны ходить жалкими, неопрятными, в старом, потертом плаще с разноцветными заплатами и брить только полбороды. Вот почему и было опасно оставлять в городе много таких граждан, в то время как он нуждался в немалом числе воинов. В этих обстоятельствах спартанцы избрали Агесилая законодателем. Не прибавив, не вычеркнув и не изменив ничего в законах, он пришел в Народное собрание и сказал: «Сегодня нужно позволить спать законам, но с завтрашнего дня и впредь законы эти должны иметь полную силу». Этим он не только сохранил государству законы, но и гражданскую честь — всем тем людям.

Затем, желая вывести молодежь из состояния уныния и печали, он вторгся в Аркадию. Здесь он остерегался вступить в решительное сражение с противником, но захватил один небольшой городок близ Мантинеи и опустошил поля. Благодаря этому он внушил своим согражданам новые, лучшие надежды на будущее, показав, что отчаиваться рано.

XXXI. ВСКОРЕ после этого Эпаминонд вместе с союзниками вторгся в Лаконию, имея не менее сорока тысяч гоплитов, за которыми с целью грабежа следовало множество легковооруженных или же вовсе не вооруженных, так что общая численность вторгшихся достигала семидесяти тысяч. К этому времени доряне занимали Лакедемон уже в продолжение не менее шестисот лет, и за весь этот период еще ни один враг не отважился вступить в их страну: беотийцы были первыми врагами, которых спартанцы увидели на своей земле и которые теперь опустошали ее — ни разу дотоле не тронутую и не разграбленную — огнем и мечом, дойдя беспрепятственно до самой реки и горо-

да. Дело в том, что Агесилай не разрешил спартанцам сразиться с таким, как говорит Теопомп, «валом и потоком войны», но занял центр города и самые важные пункты, терпеливо снося угрозы и похвальбы фиванцев, которые выкликали его имя, призывая его как подстрекателя войны и виновника всех несчастий сразиться за свою страну. Но не менее заботил Агесилая царивший в городе переполох, вопли и беспорядочные метания пожилых людей, негодовавших по поводу случившегося, и женщин, которые не могли оставаться спокойными и совершенно обезумели от крика неприятелей и вида их костров. Тяжелым ударом для его славы было и то, что, приняв город самым сильным и могущественным в Греции, он теперь видел, как сила этого города пошатнулась и неуместной стала горделивая похвальба, которую он сам часто повторял,— что, мол, еще ни одна лакедемонская женщина не видела дыма вражеского лагеря. Говорят, что и Анталкид в споре с одним афинянином о храбрости, когда тот сказал: «А мы вас часто отгоняли от Кефиса»,— ответил: «Но мы вас никогда не отгоняли от Эврота». Подобным же образом один ничем не замечательный спартанец в ответ на замечание аргивянина: «Много вас лежит погребенными в Арголиде»,— возразил: «Но ни один из вас — в Лаконии».

XXXII. СООБЩАЮТ, что Анталкид, который был тогда эфором, в страхе тайно переправил своих детей на Киферу. Агесилай же, когда заметил, что враги намереваются перейти Эврот и силой ворваться в город, оставил все другие позиции и выстроил лакедемонян перед центральными, возвышенными частями города. Как раз в это время Эврот из-за обилия снегов на горах выступил из берегов и разлился шире обыкновенного, но переправу вброд не столько затрудняла быстрота течения, сколько ледяной холод воды. Агесилаю указали на Эпаминонда, который выступил перед строем; как говорят, он долго смотрел на фиванского полководца, провожая его глазами, однако сказал лишь: «Какой беспокойный человек!» Как ни старался Эпаминонд из честолюбия завязать сражение в самом городе и поставить трофей, он не смог выманить Агесилая или вызвать его на бой, а потому снял-

ся с лагеря, отошел от города и стал опустошать страну.

В Лакедемоне, между тем, около двухсот граждан, из числа недостойных и испорченных, которые уже давно составили заговор, захватили Иссорий, сильно укрепленный и неприступный пункт, где находилось святилище Артемиды. Лакедемоняне хотели тотчас кинуться на них, но Агесилай, опасаясь мятежа, приказал остальным соблюдать спокойствие, сам же, одетый в плащ, в сопровождении лишь одного раба приблизился к заговорщикам, говоря, что они не поняли его приказания: он посылал их не сюда и не всех вместе, а одних — туда (он указал на другое место), других — в иные кварталы города. Те же, услышав его, обрадовались, считая, что их замысел не раскрыт, и, разделившись, разошлись по тем местам, которые он указал. Агесилай немедленно послал за другими воинами и занял с ними Иссорий; ночью же он приказал арестовать и убить около пятнадцати человек из числа заговорщиков. Вскоре был раскрыт другой, еще более значительный заговор спартанцев, которые собирались тайно в одном доме, подготовляя переворот. Но при величайшем беспорядке было одинаково опасно как привлечь их к суду, так и оставить заговор без внимания. Поэтому Агесилай, посовещавшись с эфорами, приказал убить их без суда, хотя прежде ни один спартанец не подвергался смертной казни без судебного разбирательства. Из периэков и илотов, которые были включены в состав войска, многие перебежали из города к врагу. Так как это вызывало упадок духа в войске, Агесилай предписал своим служителям обходить каждое утро постели воинов в лагере, забирать оружие перебежчиков и прятать его; благодаря этому число перебежчиков оставалось неизвестным.

Одни писатели говорят, что фиванцы отступили из Лаконии из-за начавшихся холодов, а также оттого, что аркадяне стали в беспорядке уходить и разбегаться, другие — что они и так провели там целых три месяца и успели опустошить бо́льшую часть страны. Теопомп же сообщает иное: беотархи уже решили отступить, когда к ним прибыл спартанец Фрикс, доставив им от Агесилая в качестве платы за отступление десять талантов, так что, выполняя то, что было заду-

мано прежде, они еще получили от врагов деньги на дорогу. Но я не понимаю, как мог один лишь Теопомп знать об этом, в то время как остальным это осталось неизвестным.

XXXIII. НО ВСЕ утверждают единогласно, что спасением своим Спарта была тогда обязана Агесилаю, который на этот раз отрешился от присущих ему по природе качеств — честолюбия и упрямства и действовал с большой осторожностью. Тем не менее после этого падения он не смог поднять мощь и славу своего города на прежнюю высоту. Как случается со здоровым телом, которое приучено к постоянному и строжайшему режиму, так случилось и с государством: чтобы погубить все его благополучие, оказалось достаточным одной лишь ошибки, одного лишь колебания весов. Иначе и быть не могло, ибо с государственным устройством, наилучшим образом приспособленным для мира, единомыслия и добродетели, пытались соединить насильственную власть и господство над другими — то, что Ликург считал совершенно ненужным для счастья и процветания города. Это и привело Спарту к упадку.

Агесилай отказался впредь от командования в походах из-за своего преклонного возраста. Сын же его, Архидам, с войском, пришедшим ему на помощь от тирана из Сицилии, победил аркадян в так называемой «Бесслезной битве» (в ней из воинов Архидама не был убит ни один, а врагов пало очень много). Эта битва была самым лучшим доказательством того, как обессилела Спарта. Прежде победа над врагами считалась таким обычным делом, что в честь ее не приносили никаких жертв, кроме петуха; возвратившиеся из сражения не испытывали особенной гордости, и весть о победе даже никого особенно не радовала. Так, после битвы при Мантинее, которую описывает Фукидид, первому, кто прибыл с известием о победе, спартанские власти не послали в качестве награды за радостную весть ничего иного, кроме куска мяса от общей трапезы. В этот же раз, когда получилось сообщение о битве, а затем прибыл Архидам, никто уже не мог удержаться от выражения своих чувств; первым встретил его отец в слезах радости вместе со всеми властями; множество стариков и женщин спус-

тились к реке, воздымая к небу руки и благодаря богов, словно лишь в тот день Спарта смыла свой позор и вновь обрела право смотреть на лучезарное солнце. Говорят, что до этой битвы мужья не решались прямо взглянуть на жен, стыдясь своего поражения.

XXXIV. КОГДА Мессена была вновь основана Эпаминондом и прежние ее граждане стали стекаться туда со всех сторон, лакедемоняне не были в состоянии помешать этому и не отважились выступить с оружием, но негодовали и гневались на Агесилая за то, что в его царствование они лишились страны, не уступавшей Лаконии по размерам и превосходящей плодородием другие области Греции, страны, которой они столько времени владели. Вот почему Агесилай и не принял предложенного фиванцами мира. Однако, не желая на словах уступить эту страну тем, кто на деле уже держал ее в своих руках, и упорствуя в этом, он не только не получил обратно этой области, но чуть было не потерял самое Спарту, обманутый военной хитростью неприятеля. Дело в том, что, когда мантинейцы вновь отложились от Фив и призвали на помощь лакедемонян, Эпаминонд, узнав, что Агесилай вышел с войском и приближается к нему, ночью незаметно для мантинейцев снялся с лагеря и повел армию из Тегеи прямо на Лакедемон. Обойдя Агесилая, он едва не захватил внезапным нападением город, лишенный всякой защиты. Однако Агесилаю донес об этом, по словам Каллисфена, феспиец Эвтин, по Ксенофонту же — какой-то критянин. Агесилай немедленно послал в Спарту конного гонца, а через короткое время явился и сам. Немного позже фиванцы перешли Эврот и совершили нападение на город. Агесилай отбивался не по возрасту решительно и ожесточенно, так как видел, что спасение теперь уже не в осмотрительной обороне, но в безоглядной отваге. Такой отваге он никогда раньше не доверял и не давал ей воли, но теперь лишь благодаря ей отразил опасность, вырвал город из рук Эпаминонда, поставил трофей и показал детям и женщинам, что лакедемоняне самым достойным образом платят отечеству за то воспитание, которое оно им дало. Особенно отличался в этом сражении Архидам, который с необычайным мужеством и ловкостью быстро перебегал по тесным уличкам в на-

нболее опасные места н вместе с небольшой кучкой окружавших его воннов повсюду оказывал врагу сопротнвление. Велнколепное и достойное удивления зрелнще не только согражданам, но н противникам доставнл также Исад, сын Фебнда. Прекрасно сложенный, высокнй н стройный, он был в том возрасте, когда люди, переходя от отрочества к возмужалости, находятся в расцвете снл. Он выскочил нз своего дома совершенно нагой, не прикрыв нн доспехамн, ни одеждой свое тело, натертое маслом, держа в одной руке копье, в другой меч, н бросился в гущу врагов, повергая наземь н поражая всех, кто выступал ему навстречу. Он даже не был ранен, потому лн, что в награду за храбрость его охраняло божество, нлн потому, что показался врагам существом сверхъестественным. Говорят, что эфоры сначала наградили его венком, а затем наказалн штрафом в тысячу драхм за то, что он отважнлся выйтн навстречу опасности без доспехов.

XXXV. НЕСКОЛЬКО дней спустя пронзошла бнтва прн Мантннее; и Эпаминонд уже опрокнnул первые ряды протнвннка, тесня врагов и быстро преследуя нх, когда, как рассказывает Дноскорнд, протнв него выступнл лакедемоняннн Антикрат и пронзнл его копьем. Однако лакедемоняне еще и теперь называют потомков Антикрата Махеронами [Machairíones], н это доказывает, что Эпамннонд был поражен махерой [máchaira] — короткнм мечом. Испытывая прн жнзнн Эпамннонда вечный страх перед ннм, спартанцы так восхищалнсь подвнгом Антнкрата, что не только даровали ему постановленнем Народного собрания особые почестн н награды, но н всему его роду предоставилн освобождение от налогов, которым и в наше время еще пользуется Калликрат, однн нз потомков Антнкрата. После этой бнтвы н смертн Эпамннонда грекн заключнлн между собой мир. Агеснлай хотел нсключнть нз мнрного договора мессенцев, не прнзнавая в нpropх граждан самостоятельного государства. Так как все остальные греки стоялн за включение мессенцев в число участнников договора и за прннятие от ннх клятвы, лакедемоняне отказалнсь участвовать в мнре и одни продолжалн войну, надеясь вернуть себе Мессению. Из-за этого Агеснлая считалн человеком жестокнм

и упрямым, вечно жаждущим войны: ведь он всеми способами подкапывался под всеобщий мир и препятствовал ему, а с другой стороны, испытывая нужду в деньгах, должен был отягощать своих друзей в Спарте займами и поборами вместо того, чтобы в таких тяжелых обстоятельствах, упустив из своих рук столько городов и такую власть на суше и на море, положить конец бедствиям и не домогаться столь алчно мессенских владений и доходов.

XXXVI. ЕЩЕ ХУДШУЮ славу стяжал он, когда поступил на службу к Таху, правителю Египта. Никто не одобрял того, что человек, считавшийся первым во всей Греции, чья слава распространилась по всему миру, теперь предоставил себя в распоряжение варвару, отпавшему от своего царя, продал за деньги свое имя и славу, превратившись в предводителя наемного войска. Даже если бы в возрасте свыше восьмидесяти лет, с телом, испещренным рубцами от ран, он вновь принял на себя, как прежде, славное и прекрасное предводительство в борьбе за свободу греков, то и в этом случае нельзя было бы не упрекнуть его за излишнее честолюбие. Ведь и для славного дела есть соответствующий возраст и подходящее время, да и вообще славное отличается от позорного более всего надлежащей мерой. Но Агесилай совершенно не заботился об этом и ничто не считал недостойным, если это было на пользу государству; напротив, ему казалось недостойным жить в городе без дела и спокойно ожидать смерти. Поэтому он набрал наемников на средства, посланные Тахом, снарядил несколько судов и отплыл, взяв с собой, как и прежде, тридцать спартанцев в качестве советников.

Когда Агесилай прибыл в Египет, к его судну отправились виднейшие полководцы и сановники царя, чтобы засвидетельствовать свое почтение. И остальные египтяне, много наслышанные об Агесилае, ожидали его с нетерпением; все сбежались, чтобы посмотреть на него. Когда же вместо блеска и пышного окружения они увидели лежащего на траве у моря старого человека маленького роста и простой наружности, одетого в дешевый грубый плащ, они принялись шутить и насмехаться над ним. Некоторые даже говорили: «Совсем как в басне: гора мучилась в родах,

а разрешилась мышью». Еще более удивились они его странным вкусам, когда из принесенных и приведенных даров гостеприимства он принял только пшеничную муку, телят и гусей, отказавшись от изысканных лакомств, печений и благовоний, и в ответ на настойчивые просьбы принять и эти дары предложил раздать их илотам. Однако, как говорит Теофраст, ему понравился египетский тростник, из которого плетут простые, изящные венки, и при отплытии он попросил и получил от царя немного этого тростника.

XXXVII. ПО ПРИБЫТИИ он соединился с Тахом, который был занят приготовлениями к походу. Однако Агесилай был назначен не главнокомандующим, как он рассчитывал, а лишь предводителем наемников; флотом командовал афинянин Хабрий, а всем войском — сам Тах. Это было первым, что огорчило Агесилая, но, кроме того, и во всем прочем он вынужден был с досадой переносить хвастовство и тщеславие египтянина. Он сопровождал его в морском походе в Финикию, беспрекословно ему подчиняясь — вопреки своему достоинству и нраву, пока, наконец, обстоятельства не сложились более благоприятно. Дело в том, что Нектанебид, двоюродный брат Таха, начальствовавший над одной из частей его войска, отпал от него, был провозглашен египтянами царем и отправил людей к Агесилаю с просьбой о помощи. О том же просил он и Хабрия, обещая обоим большие подарки. Когда Тах узнал об этом, он принялся убеждать их не уходить от него, и Хабрий пытался увещаниями и уговорами сохранить дружеские отношения между Агесилаем и Тахом. Но Агесилай отвечал: «Ты, Хабрий, прибыл сюда по собственному желанию и потому волен поступать, как вздумается, меня же отправило полководцем к египтянам мое отечество. Следовательно, я не могу воевать с теми, к кому прислан в качестве союзника, если не получу из Спарты нового приказания». После этого разговора он послал в Спарту несколько человек, которые должны были там обвинять Таха, Нектанебида же всячески восхвалять. Тах и Хабрий со своей стороны послали в Спарту уполномоченных, при этом первый ссылался на старинную дружбу и союз, второй же обещал быть еще более преданным другом Спарты, чем до тех пор. Ла-

кедемоняне, выслушав послов, ответили египтянам, что предоставляют дело на благоусмотрение Агесилая, самому же Агесилаю отправили приказ смотреть лишь за тем, чтобы его поступки принесли пользу Спарте. Таким-то образом Агесилай со своими наемниками перешел на сторону Нектанебида, совершив под предлогом пользы для отечества неуместный и неподобающий поступок; ибо, если отнять этот предлог, то наиболее справедливым названием для такого поступка будет предательство. Но лакедемоняне, считающие главным признаком блага пользу, приносимую отечеству, не признают ничего справедливого, кроме того, что, по их мнению, увеличивает мощь Спарты.

XXXVIII. ТАХ, когда наемники покинули его, обратился в бегство, но в Мендесе восстал против Нектанебида другой человек, также провозглашенный царем, и двинулся на него, собрав войско из ста тысяч человек. Желая ободрить Агесилая, Нектанебид говорил ему, что хотя враги и многочисленны, они представляют собой нестройную толпу ремесленников, неопытных в военном деле, и потому с ними можно не считаться. Агесилай отвечал на это: «Но я боюсь не их численности, а как раз их неопытности и невежества, которые всегда трудно обмануть. Ибо неожиданно обмануть можно только тех, кто подозревает обман, ожидает его и пытается от него защищаться. Тот же, кто ничего не подозревает и не ожидает, не дает никакой зацепки желающему провести его, подобно тому, как стоящий неподвижно борец не дает возможности противнику вывести его из этого положения». Вскоре после этого мендесец попытался привлечь Агесилая на свою сторону, подослав к нему своих людей. Это внушило опасения Нектанебиду. Когда же Агесилай стал убеждать его вступить как можно скорей в сражение и не затягивать войны с людьми, которые, хоть они и неопытны в военном деле, могут благодаря своей многочисленности легко окружить его, обвести рвом его лагерь и вообще во многом предупредить его шаги, Нектанебид стал еще больше подозревать и бояться своего союзника и отступил в большой, хорошо укрепленный город. Агесилай был очень оскорблен этим недоверием, однако, стыдясь еще раз перейти на сторону противника и покинуть

дело неоконченным, последовал за Нектанебидом и вошел вместе с ним в крепость.

XXXIX. НЕПРИЯТЕЛЬ выступил следом и начал окружать город валом и рвом. Египтянином вновь овладел страх — он боялся осады и хотел вступить в бой, греки горячо поддерживали его, так как в крепости не было запасов хлеба. Но Агесилай решительно препятствовал этому намерению, и египтяне пуще прежнего хулили и поносили его, называя предателем царя. Однако теперь он сносил клевету гораздо спокойнее и выжидал удобного случая, чтобы привести в исполнение военную хитрость, которую он замыслил. Хитрость же эта заключалась в следующем. Враги вели глубокий ров вокруг городских стен, чтобы окончательно запереть осажденных. Когда оба конца рва, окружавшего весь город, подошли близко один к другому, Агесилай, дождавшись темноты, приказал грекам вооружиться, явился к царю и сказал ему следующее: «Юноша, час спасения настал; я не говорил о нем прежде, чем он наступит, чтобы не помешать его приходу. Враги сами, собственноручно рассеяли грозившую нам опасность, выкопав такой ров, что готовая часть его представляет препятствие для них самих, лишая их численного превосходства, оставшееся же между концами рва пространство позволяет нам сразиться с ними на равных условиях. Смелей же! Постарайся проявить себя доблестным мужем, устремись вперед вместе с нами и спаси себя и все войско. Ведь стоящие против нас враги не выдержат нашего натиска, а остальные отделены от нас рвом и не смогут причинить нам вреда». Нектанебид изумился изобретательности Агесилая, стал в середину греческого строя и, напав на врагов, легко обратил их в бегство.

Как только Агесилай овладел доверием Нектанебида, он вновь прибегнул к той же военной хитрости: то отступая, то приближаясь, то делая обходные движения, Агесилай загнал бóльшую часть неприятелей в такое место, которое с двух сторон было окаймлено глубокими, наполненными водой рвами. Промежуток между рвами он перегородил, построив там боевую линию своей фаланги, и этим добился того, что враги могли выступить против него только с равным числом

бойцов и в то же время были не в состоянии зайти ему во фланг или в тыл. Поэтому после недолгого сопротивления они обратились в бегство. Многие из них были убиты, остальные же рассеялись.

XL. ПОСЛЕ этого египтянин укрепил и упрочил свою власть. Желая выразить свою любовь и расположение к Агесилаю, Нектанебид стал просить его остаться с ним и провести в Египте зиму. Но Агесилай спешил домой, зная, что Спарта ведет войну, содержит наемников и потому нуждается в деньгах. Нектанебид отпустил его с большими почестями, щедро наградив и дав в числе прочих почетных подарков двести тридцать талантов для ведения войны. Уже наступила зима, и Агесилай держался со своими кораблями поближе к суше. Он высадился на побережье Африки, в пустынном месте, которое носит название Менелаевой гавани, и здесь умер в возрасте восьмидесяти четырех лет, после того как процарствовал в Спарте более сорока одного года, из коих свыше тридцати лет, вплоть до битвы при Левктрах, был наиболее влиятельным и могущественным человеком в Лакедемоне и считался как бы предводителем и царем всей Греции.

У лакедемонян существует обычай: тела тех, кто умер на чужбине, погребать на месте кончины, тела же царей доставлять на родину. Поэтому сопровождавшие Агесилая спартанцы залили тело за неимением меда расплавленным воском и доставили затем в Лакедемон. Царская власть перешла к сыну Агесилая Архидаму и оставалась за его родом вплоть до Агида, который был пятым царем после Агесилая и при попытке восстановить старинное государственное устройство пал от руки Леонида.

ПОМПЕЙ

I. К ПОМПЕЮ римский народ, по-видимому, испытывал вначале такие же чувства, какие Эсхилов Прометей к Гераклу, своему спасителю, которого он приветствует следующими словами:

Любимый нами сын враждебного отца.

Действительно, ни одного полководца римляне не ненавидели так сильно и так жестоко, как отца Помпея — Страбона. При жизни последнего они опасались силы его оружия (он был замечательным воином), когда же Страбон умер от удара молнии, тело его во время выноса сбросили с погребального ложа и осквернили. С другой стороны, никто из римлян, кроме Помпея, не пользовался такой любовью народа,— любовью, которая возникла бы столь рано, столь стремительно возрастала в счастье и оказалась бы столь надежною в несчастьях. Причина ненависти к отцу Помпея была лишь одна — его ненасытное корыстолюбие. Напротив, для любви к сыну было много оснований: умеренный образ жизни, любовь к военным упражнениям, убедительность в речах, честный характер, приветливое обхождение, так что никто не был менее его назойливым в своих домогательствах, никто не умел более приятно оказывать услуги нуждающемуся в них. К тому же, когда он что-нибудь давал, то делал это непринужденно, а принимал дары с достоинством.

II. В ЮНОСТИ Помпей имел довольно привлекательную внешность, которая располагала в его пользу прежде, чем он успевал заговорить. Приятная наружность соединялась с величием и человеколюбием, и в его цветущей юности уже предчувствовались зрелая сила и царственные повадки. Мягкие откинутые назад волосы и живые, блестящие глаза придавали ему сходство с изображениями царя Александра (впрочем, не столько было истинного сходства, сколько разговоров о нем). Поэтому вначале, когда Помпею давали имя этого героя, он не отвергал его, так что некоторые даже в насмешку стали называть его Александром. Так, Луций Филипп, бывший консул, защищая Помпея на суде, сказал: «Нет ничего неожиданного в том, что Филипп любит Александра». Сообщают, что гетера по имени Флора уже старухой постоянно с удовольствием вспоминала о своей связи с Помпеем, говоря, что никогда не покидала его ложа без чувства сожаления. Флора рассказывала еще, что в нее был влюблен один из приятелей Помпея, некто Геминий, доставлявший ей много хлопот своим ухаживанием. Наконец, она объявила, что не может согласиться на его домога-

тельства из-за Помпея. Тогда Геминий обратился к самому Помпею, и тот уступил гетеру приятелю. С этих пор Помпей разошелся с Флорой и даже больше не встречался с ней, хотя, по-видимому, продолжал ее любить. Флора, однако, перенесла свой разрыв с Помпеем не так, как это обычно бывает у гетер, а долгое время мучилась от печали и тоски. Между тем, как говорят, Флора находилась тогда в расцвете своей красоты и получила такую известность, что Цецилий Метелл, украшая храм Диоскуров картинами и статуями, велел написать ее портрет и посвятил его богам. У одного из вольноотпущенников Помпея, Деметрия, который пользовался у него огромным влиянием и оставил состояние в четыре тысячи талантов, была жена неотразимой красоты. Помпей обходился с ней, против своего обыкновения, довольно грубо и сурово из опасения, как бы не подумали, что он пленился ее прославленной прелестью. Несмотря на такую, далеко идущую осторожность и осмотрительность в подобного рода делах, Помпею не удалось все же избежать укоров со стороны недругов. Последние обвиняли его в связях с замужними женщинами, утверждая, что в угоду им он часто не считается с общественными делами и пренебрегает ими.

О скромности и простоте образа жизни Помпея приводят такой рассказ. Во время болезни, когда он потерял аппетит, врач предписал больному в пищу дрозда. Слуги, как ни искали, не смогли найти птицы в продаже, так как сезон прошел, и один слуга сказал, что дроздов можно сыскать у Лукулла, который откармливает их круглый год. Больной ответил на это: «Неужели жизнь Помпея может зависеть от причуд роскоши Лукулла?» И, пренебрегши советом врача, он съел какое-то кушанье из самых доступных. Этот случай относится, впрочем, к более позднему времени его жизни.

III. КОГДА Помпей еще очень молодым отправился вместе со своим отцом в поход против Цинны, он жил в одной палатке со своим приятелем, неким Луцием Теренцием. Этот Теренций был подкуплен Цинной и собирался убить Помпея, в то время как его сообщники должны были поджечь палатку полководца. Помпею сообщили о заговоре во время обеда. Молодой

человек нисколько не смутился, напротив, он выпил вина с бо́льшим удовольствием, чем обычно, и ласково говорил с Теренцием, когда же пришла пора ложиться спать, тайком вышел из своей палатки и выставил охрану около палатки отца, сохраняя при этом полное спокойствие. Между тем, Теренций, как только решил, что настало время действовать, вскочил, вытащил меч, подошел к ложу Помпея и, предполагая, что тот лежит на постели, стал наносить удар за ударом. Тотчас вслед за тем в лагере поднялась суматоха, и воины, горя ненавистью к своему полководцу и подстрекая друг друга к мятежу, начали разбирать палатки и браться за оружие. Сам полководец, испугавшись шума, не выходил из палатки. Напротив, Помпей открыто появился среди воинов, с плачем умолял их не покидать отца и, наконец, бросился ничком на землю перед воротами лагеря. Там он лежал и, проливая слезы, просил уходящих воинов растоптать его ногами. Воины, устыдившись, возвращались, и таким образом все, кроме восьмисот человек, изменили свое намерение и примирились с полководцем.

IV. СРАЗУ после кончины Страбона Помпей был привлечен, вместо умершего, к суду по делу о хищении государственных денег. Изобличив одного из вольноотпущенников, Александра, Помпей доказал, что бо́льшая часть денег похищена этим вольноотпущенником. Однако самого Помпея обвинили в том, что он присвоил охотничьи сети и книги из добычи, захваченной в Аскуле. Эти вещи он действительно получил от отца после взятия Аскула, но потерял их, когда после возвращения Цинны в Рим его телохранители ворвались в дом Помпея и разграбили его. На этом процессе у Помпея было немало предварительных столкновений с обвинителем. В них молодой человек выказал быструю сообразительность и твердый не по летам ум и тем стяжал немалую славу и симпатии сограждан, так что претор Антистий, который был судьей на процессе, полюбил Помпея и предложил ему в жены свою дочь. Об этом он вел переговоры с друзьями Помпея. Помпей принял предложение, и между ними было заключено тайное соглашение, однако из-за хлопот Антистия в пользу Помпея об этой сделке стало известно народу. Наконец, когда Антистий ог-

ласил вынесенный судьями оправдательный приговор, то, как по команде, народ издал возглас, произносимый по старинному обычаю на свадьбах,— «Таласию!» Происхождение этого обычая, как говорят, следующее. Когда самые доблестные римляне похищали дочерей сабинян, пришедших в Рим посмотреть на игры, несколько безвестных поденщиков и пастухов схватили красивую и высокую девушку и, взвалив ее на плечи, понесли. Чтобы какой-нибудь знатный человек при встрече не отнял добычи, они бежали с криком «Таласию!» Таласий был одним из всеми любимых и известных граждан, и потому, слыша это имя, встречные хлопали в ладоши как бы в знак радости и одобрения. Так как брак Таласия оказался счастливым, это восклицание, как говорят, стало употребляться в шутку на свадьбах. Это объяснение наиболее правдоподобно из всех. Спустя несколько дней Помпей вступил в брак с Антистией.

V. ОТПРАВИВШИСЬ в лагерь Цинны, Помпей затем испугался каких-то ложных обвинений и наговоров и тайком быстро покинул лагерь. Так как Помпей нигде не показывался, то в лагере прошел слух, будто Цинна велел убить юношу. Тогда старые враги и ненавистники Цинны подняли против него восстание. Цинна бежал, но был схвачен каким-то центурионом, преследовавшим его с обнаженным мечом. Припав к коленям врага, Цинна протянул ему свой драгоценный перстень с печаткой, а тот с жестокою издевкой ответил: «Я пришел сюда не скреплять печатью договор, а покарать нечестивого и беззаконного тирана». С этими словами он убил Цинну. После смерти Цинны его сменил, став во главе правления, Карбон — тиран, еще более безрассудный, чем Цинна. Однако был уже близок Сулла, ожидавшийся с нетерпением большинством граждан, которые из-за выпавших на их долю бедствий уже самоё перемену властителя почитали великим благом. Несчастия довели государство до такого состояния, что люди, не надеясь больше на свободу, мечтали лишь о более или менее снисходительном господине.

VI. ПОМПЕЙ находился тогда в италийской области Пицене, отправившись туда отчасти потому, что там были его земельные владения, но главным образом

из-за того, что ему были приятны чувства любви и преданности, которые в память об отце питали к нему тамошние города. Помпей видел, что самые знатные и лучшие граждане оставляют свое имущество и отовсюду, словно корабли в надежную гавань, стекаются в лагерь Суллы в поисках убежища. Сам он счел ниже своего достоинства явиться к Сулле бессильным беглецом, умоляя о помощи, но предпочел прибыть к нему, оказав важную услугу, с почетом, во главе войска. Поэтому он предпринял попытку возмутить пиценцев, которые охотно ему повиновались и не слушали уговоров посланцев Карбона. Когда некто Ведий сказал пиценцам, что вождем у них — Помпей, только что сошедший со школьной скамьи, они разъярились и, напав на Ведия, убили его. Двадцати трех лет отроду Помпей, никем не назначенный, по собственному почину облек себя полномочиями полководца; на площади большого города Auксима он воздвиг судейское возвышение и особым эдиктом повелел двум сторонникам Карбона, весьма влиятельным в городе братьям Вентидиям, покинуть Ауксим. Затем Помпей стал набирать воинов и, как полагается, назначил им центурионов; то же самое он делал, объезжая соседние города. Все сторонники Карбона бежали, прочие же с радостью отдали себя в распоряжение Помпея. Таким образом за короткое время он набрал три полных легиона, запасся продовольствием, вьючными животными, повозками и всем прочим снаряжением и двинулся к Сулле, не спеша и не желая скрываться, но задерживаясь в пути, чтобы тревожить неприятеля, и во всех областях Италии, через которые он проходил, стараясь поднять восстание против Карбона.

VII. ПРОТИВ Помпея выступили сразу три неприятельских полководца — Каррина, Целий и Брут, но они ударили на него не все разом и не в лоб, а совершали обходное движение тремя отрядами с целью окружить и уничтожить противника. Помпей, однако, не испугался, но, собрав свои силы в одном пункте, во главе конницы напал на войско Брута. Со стороны неприятеля выступила галльская конница, и Помпей, метнув дротик, поразил начальника, отличавшегося необыкновенной силой. После этого остальные всадники повернули назад и расстроили ряды пехотинцев,

так что началось общее бегство. Затем между неприятельскими начальниками пошли раздоры, и каждый отступил в полном беспорядке. Города стали переходить на сторону Помпея, считая, что враги от страха уже совершенно рассеялись. Вскоре на него напал консул Сципион. Однако не успели еще оба войска пустить в ход дротики, как воины Сципиона, приветствуя воинов Помпея, перешли на его сторону, Сципиону же пришлось бежать. Наконец, сам Карбон выслал к реке Эзии многочисленные отряды всадников, но и этому нападению Помпей оказал решительное сопротивление: враг был обращен в бегство и загнан во время преследования в неудобную и непроходимую для конницы местность. Неприятельские воины, видя, что нет надежды спастись, вынуждены были сдаться со своим оружием и конями.

VIII. СУЛЛА ничего не знал еще об этих событиях. При первых известиях и слухах о том, что Помпей должен действовать против стольких неприятельских полководцев, располагавших столь большими силами, Сулла испугался за Помпея и немедленно выступил ему на помощь. Когда Помпей узнал, что Сулла уже недалеко, он приказал командирам вооружить воинов и выстроить их в боевом порядке для смотра, чтобы они произвели на главнокомандующего самое лучшее, блестящее впечатление. Помпей рассчитывал на великие почести со стороны Суллы, но получил даже больше, чем ожидал. Завидев приближение Помпея с войском, состоявшим из сильных и здоровых людей, гордых своими победами, Сулла соскочил с коня. Как только Помпей приветствовал его по обычаю, назвав императором, Сулла, в свою очередь, назвал его этим же именем, причем никто не ожидал, что Сулла присвоит человеку молодому, еще даже не сенатору, тот титул, за который сам он сражался со Сципионами и Мариями. И дальнейшее поведение Суллы вполне соответствовало этим первым проявлениям любезности: так, когда приходил Помпей, Сулла вставал и обнажал голову — почесть, которую он не часто оказывал кому-либо другому, хотя в его окружении было много уважаемых людей. Однако от этих почестей Помпей не возгордился. Напротив, когда Сулла вознамерился немедленно послать его

в Галлию, где Метелл во время своего управления, по-видимому, не совершил ничего достойного тех огромных сил, какие были в его распоряжении, Помпей заявил, что неблагородно было бы лишать командования человека, старшего годами и превосходящего его славой; однако если Метелл и пожелает и сам потребует, то он, Помпей, готов ему помогать на войне и во всем остальном окажет поддержку. Метелл принял предложение и написал Помпею, чтобы тот приезжал. После этого Помпей вторгся в Галлию и не только совершил сам удивительные подвиги, но сумел подогреть и разжечь уже почти угасший от старости воинственный пыл и отвагу Метелла. Так расплавленная на огне медь, если облить ею твердые и холодные куски металла, как говорят, размягчает и плавит их скорее самого огня. Но ведь подобно тому, как не принимают в расчет и не вносят в списки юношеские победы борца, который занял впоследствии первое место среди взрослых и повсюду с почетом побеждал на состязаниях, так и подвиги, совершенные тогда Помпеем в Галлии, хотя сами по себе и удивительные, все же меркнут перед множеством великих битв и войн позднейшего времени. Поэтому я не решился во всех подробностях описывать дела Помпея в Галлии, чтобы не пропустить более значительных его деяний и событий, в которых как раз обнаруживается характер этого мужа.

IX. СТАВ владыкой Италии и провозглашенный диктатором, Сулла вознаградил всех своих полководцев и всех начальников: он обогащал их, возводил на высшие государственные должности и щедро и охотно удовлетворял все их желания. Помпей вызывал восхищение Суллы своей воинской доблестью. Последний хотел породниться с Помпеем, считая, что это будет весьма полезно для его власти. Жена Суллы Метелла одобряла планы мужа; и вот оба они уговаривают Помпея развестись с Антистией и взять в жены падчерицу Суллы, дочь Метеллы и Скавра Эмилию, которая была в это время замужем и уже беременна. Способ заключения этого брака был, конечно, тиранический и скорее в духе времен Суллы, чем в характере Помпея: беременную Эмилию приводят от ее мужа к Помпею, а Антистию изгоняют позорным и самым

жалким образом, хотя она недавно из-за своего мужа потеряла отца: Антистий был убит в курии, так как из-за Помпея его считали сторонником Суллы. Мать Антистии не перенесла всех этих несчастий и сама наложила на себя руки, так что к трагедии Помпеева брака присоединилось и это горестное обстоятельство и, клянусь Зевсом, еще одно: Эмилия сразу же умерла от родов в доме своего нового мужа.

X. СПУСТЯ некоторое время пришла весть о том, что Перперна укрепляется в Сицилии, стараясь превратить остров в опорный пункт для остатков враждебного стана приверженцев Мария; там же, близ Сицилии, находился Карбон с флотом, а Домиций вторгся в Африку, и много других важных изгнанников, успевших избежать гибели, стекалось туда же. Против них был послан Помпей с большим войском. Перперна немедленно уступил ему остров, и он начал восстанавливать разрушенные города, обходясь милостиво со всеми, кроме мамертинцев в Мессене. Мамертинцы не пожелали явиться к его судейскому креслу и признать его власть, ссылаясь на то, что были освобождены от нее старинным римским законом. Тогда Помпей заявил им: «Перестаньте приводить статьи законов тому, у кого за поясом меч». И отношение Помпея к Карбону представляется бесчеловечным глумлением над его несчастьями. Ведь если убийство Карбона было необходимо (как, быть может, оно и было), то его следовало совершить немедленно после пленения, и тогда ответственность пала бы на того, кто отдал приказ. Однако вместо этого Помпей велел привести к себе римлянина, трижды бывшего консулом, и в оковах заставил его стоять перед своим судейским креслом, а сам, к негодованию и раздражению присутствующих, вел следствие сидя. Затем последовал приказ увести и казнить Карбона. Когда приговоренного привели к месту казни, он, увидев обнаженный меч, просил, как передают, дать ему место и немного времени для отправления естественных потребностей. Гай Оппий, один из друзей Цезаря, рассказывает о бесчеловечном поступке Помпея с Квинтом Валерием. Помпей знал, что Валерий — человек большой учености и исключительно преданный науке. Когда Валерия привели пленником к Помпею, тот при-

нял его дружески; после совместной прогулки, выспросив у него все нужные сведения, Помпей велел слугам немедленно отвести несчастного на казнь. Однако к рассказам Оппия о врагах и друзьях Цезаря следует относиться с большой осторожностью.

Помпей карал, и то лишь по необходимости, наиболее знатных и явных врагов Суллы, захваченных в плен, остальным же, насколько было возможно, позволял скрыться, а некоторым даже сам помогал бежать. Помпей решил наказать город гимерцев за то, что жители его держали сторону враждебного стана. Народный вожак Стеннид попросил слова и сказал, что Помпей поступит несправедливо, если, отпустив виновного, погубит ни в чем не повинных людей. На вопрос Помпея, кого именно он считает виновным, Стеннид ответил: «Себя: своих друзей я убедил примкнуть к твоим противникам, а врагов заставил силой». Помпей был восхищен смелостью и благородством этого человека и сначала даровал прощение ему, а затем простил и всех прочих. Узнав из донесений, что воины его в походе позволяют себе всякие бесчинства, Помпей опечатал их мечи, и в случае взлома печати виновный подвергался наказанию.

XI. В ТО ВРЕМЯ как Помпей занимался этими делами и управлял Сицилией, он получил постановление сената и письмо Суллы с приказанием отплыть в Африку со всеми силами для войны против Домиция. Последний собрал войско во много раз большее, чем то, с каким незадолго до того Марий, переправившийся из Африки в Италию, захватил верховную власть над римлянами и из изгнанника сделался тираном. Спешно окончив все приготовления, Помпей оставил правителем Сицилии Меммия, мужа своей сестры, а сам отплыл на ста двадцати боевых кораблях и восьмистах грузовых с продовольствием, оружием, деньгами и военными машинами. Как только одна часть флота пристала к берегу в Утике, а другая в Карфагене, на сторону Помпея перешли семь тысяч неприятельских воинов, сам же он привел с собой шесть полных легионов. По прибытии в Африку с ним случилось, говорят, забавное происшествие. Какие-то из его воинов, по-видимому, случайно наткнувшись на клад, добыли большие деньги. Когда об этой находке стало

известно, у других воинов явилась мысль, что вся эта местность полна кладов, спрятанных карфагенянами в пору их бедствий. Много дней Помпей не мог совладать со своими воинами, которые искали клады. Он ходил вокруг и со смехом наблюдал, как столько тысяч людей копают и переворачивают пласты земли на равнине. Наконец воины утомились от этой работы и предложили Помпею вести их, куда ему угодно, так как они достаточно наказаны за свою глупость.

XII. ДОМИЦИЙ выстроил свое войско к бою, но, так как от неприятеля его отделял трудный для перехода овраг с крутыми склонами, а сильный ветер с дождем, поднявшийся с утра, никак не утихал, Домиций решил в тот день отказаться от сражения и дал сигнал отступить. Помпей же, видя в отходе противника удобный случай для нападения, внезапно двинувшись вперед, перешел овраг. Враги уже расстроили ряды, среди них царил беспорядок, только отдельные воины там и сям смогли оказать сопротивление. Кроме того, ветер переменился и дождь хлестал им прямо в лицо. Правда, и римлянам буря причиняла много затруднений, так как они не могли ясно видеть друг друга. Сам Помпей подвергся опасности и едва не был убит каким-то воином, который, не узнав его, спросил пароль и не сразу получил ответ. В жестокой сече (из двадцати тысяч сторонников Домиция, как сообщают, уцелело только три тысячи) враг был разбит. Солдаты приветствовали Помпея, называя его императором. Помпей, однако, отказался от этого почетного звания, пока лагерь врагов еще не взят; если же, сказал он, воины считают его достойным этого почетного титула, они должны сначала разрушить лагерь. Воины тотчас устремились на вражеский частокол; сам Помпей сражался без шлема, опасаясь повторения недавнего случая. Лагерь был захвачен, и Домиций пал. Затем одни города тотчас же добровольно подчинились Помпею, другие были взяты приступом. Один из тамошних царей, Иарб, союзник Домиция, попал в плен, а царская власть была передана Гиемпсалу. Используя свой успех и боевой пыл войска, Помпей вторгся в Нумидию. Многодневный путь прошел он по этой стране и одолел всех, кто попадался ему навстречу. Страх перед римлянами, уже ослабев-

ший было в душах варваров, Помпей восстановил в прежней силе. Он говорил, что даже звери, обитающие в Африке, должны узнать мощь и отвагу римлян, и поэтому несколько дней провел в охоте на львов и слонов. Как сообщают, он одолел врагов, подчинил Африку и уладил разногласия царей в течение всего сорока дней. Тогда ему было двадцать четыре года.

XIII. ПО ВОЗВРАЩЕНИИ в Утику Помпей получил письменное приказание Суллы распустить войско и с одним легионом ожидать на месте своего преемника по командованию. Этот приказ вызвал тайное неудовольствие и возмущение Помпея и открытое негодование войска. Когда Помпей стал убеждать воинов возвратиться на родину, они принялись ругать Суллу, заявили, что ни в коем случае не оставят своего полководца, и просили Помпея не доверять тирану. Сперва Помпей пытался успокоить воинов убеждением, когда же это не удалось, он сошел с возвышения и в слезах удалился в свою палатку. Воины вывели его и снова посадили на возвышение. Бóльшая часть этого дня прошла в переговорах: солдаты предлагали Помпею остаться и быть их начальником, а тот упрашивал их подчиниться и не бунтовать; это продолжалось до тех пор, пока в ответ на их настойчивые крики Помпей не поклялся, что наложит на себя руки, если они вздумают применить насилие, и лишь эта угроза едва заставила воинов отказаться от своего намерения.

Между тем Сулла сначала получил известие об отложении Помпея. Он сказал тогда своим друзьям, что, видимо, его удел в преклонном возрасте воевать с мальчиками, потому что и Марий, будучи еще совсем молодым, доставил ему множество хлопот и подверг смертельной опасности. Когда же выяснилось истинное положение дел и Сулла увидел, что все римляне готовы радостно встретить и принять Помпея, тогда диктатор поспешил превзойти всех. Он встретил Помпея далеко за городом, приветствовал его как нельзя более сердечно и не только сам громко назвал его «Магном», но и всем присутствующим велел называть Помпея этим именем. Слово «Магн» означает «великий». По сообщениям некоторых писателей, сначала это прозвище Помпей получил от своего войска

в Африке, ио в полиую силу оио вошло лишь после того, как Сулла его подтвердил. Сам Помпей позже всех и лишь спустя долгий срок, уже посланный в качестве проконсула в Испанию против Сертория, иачал в своих письмах и распоряжениях именовать себя Помпеем Магном: к тому временеи это имя стало уже настолько привычным, что больше ие вызывало зависти. Я не могу упустить случая, чтобы ие выразить восхищения древиими римлянами, которые давали такие имена и прозвища в награду ие только за воинские подвиги, ио и за заслуги и доблести в жизии гражданской. Так, иарод даровал прозвище «Максим» [Maximus], что зиачит «величайший», Валерию за примирение восставшего иарода с сеиатом, а также Фабию Руллу в иаграду за то, что тот исключил из сената попавших туда иескольких разбогатевших сыновей вольноотпущенников.

XIV. СПУСТЯ иекоторое время Помпей стал домогаться триумфа, Сулла же ие соглашался, потому что закон-де ие разрешает триумфа иикому, кроме коисула и претора. Ведь и Сципион Старший, одержав более великие и более важиые победы над карфагеиянами в Испаиии, не требовал себе триумфа, так как он не был ии коисулом, ии претором. Если же Помпей, у которого еще не совсем пробился пушок на подбородке, который по годам еще ие может заседать в сенате, совершит триумфальиый въезд в Рим, это возбудит всеобщую неиависть и против его, Суллы, власти, и против оказанных Помпею почестей. Таковы были доводы Суллы, который хотел показать, что ие даст Помпею исполнить свое иамереиие, а если тот ослушается, то воспротивится этому и накажет его за упрямство. Однако Помпей ие смутился, ио сказал Сулле, что больше людей поклоияется восходящему солнцу, чем заходящему, намекая на то, что могущество Помпея растет, а силы диктатора слабеют и истощаются. Слова Помпея Сулла ие расслышал, но видя по выражеиию лиц и жестам присутствующих, что оии изумлены, спросил, что сказал Помпей. Когда ему повторили его слова, Сулла, пораженный смелостью Помпея, дважды вскричал: «Пусть празднует триумф!» Миогие были раздражеиы и возмущены, и из желания еще больше огорчить их Помпей, как сооб-

щают, задумал ехать на колеснице, запряженной четырьмя слонами, так как он привез из Африки много этих животных, захваченных у тамошних царей. Но так как ворота оказались слишком узкими, то ему пришлось отказаться от своего намерения и заменить слонов конями. Воины его, получив меньше, чем ожидали, намеревались расстроить шумом и суматохой триумфальное шествие. Помпей заявил, что ему безразличны их угрозы и что он скорее готов отказаться от триумфа, чем заискивать перед солдатами. При этом Сервилий, человек знатный и особенно противившийся триумфу Помпея, сказал, что видит теперь, что Помпей поистине велик и достоин триумфа. Без сомнения, если бы Помпей захотел, он легко бы попал тогда в сенат. Однако он не прилагал к этому никаких усилий, стремясь прийти к славе необычным путем. Ведь не было бы ничего удивительного, если бы Помпей сделался сенатором раньше установленного возраста, однако совершенно особенной честью являлся триумф, разрешенный тому, кто еще не был сенатором. Это обстоятельство немало помогло Помпею приобрести расположение народа: народ веселился, когда после триумфа Помпею пришлось участвовать в смотре наряду с прочими всадниками.

XV. СУЛЛА был раздосадован, видя, какой славы и могущества достиг Помпей; однако, стесняясь чинить препятствия молодому человеку, он ничего не предпринимал. Исключение составил только случай, когда Помпей силой и против воли диктатора сделал консулом Лепида, поддержав его кандидатуру и благодаря собственному влиянию доставив ему народную благосклонность. Видя, как Помпей возвращается домой через форум в сопровождении толпы народа, Сулла сказал: «Я вижу, молодой человек, что ты рад своему успеху. Как это благородно и прекрасно с твоей стороны, что Лепид, отъявленный негодяй, по твоему ходатайству перед народом избран консулом, и даже более успешно, чем Катул, один из самых добропорядочных людей. Пришла пора тебе не дремать и быть на страже: ведь ты приобрел врага, гораздо более сильного, чем ты сам». Свое неблагожелательное отношение к Помпею Сулла весьма ясно выразил в оставленном им завещании, так как всем своим дру-

зьям, назначив их опекунами своего малолетнего сына, он отказал по завещанию подарки, Помпея же вовсе обошел. Последний вынес эту обиду весьма спокойно и с достоинством. Поэтому, когда Лепид и некоторые другие пытались воспрепятствовать сожжению тела Суллы на Поле и устройству похорон на счет государства, Помпей, вмешавшись, добился и погребальных почестей для умершего, и принятия мер безопасности во время погребения.

XVI. ВСКОРЕ после кончины Суллы его предсказания исполнились. Лепид, желая присвоить себе власть умершего диктатора, стал действовать напрямик, открытым путем: он тотчас взялся за оружие, собрал около себя и привел в движение расстроенные остатки приверженцев Мария, которым удалось спастись от преследований Суллы. Товарищ Лепида по должности, Катул, к которому присоединялась благонамеренная и здравомыслящая часть сената и народа, пользовался особенным уважением за свое благоразумие и справедливость и был тогда одним из наиболее значительных людей в Риме, однако он, видимо, имел склонность скорее к государственной деятельности, чем к военному искусству. В силу такого стечения обстоятельств пришлось обратиться к Помпею. Последний не колебался, к какой стороне ему примкнуть,— он присоединился к лучшим гражданам и тотчас же был назначен главнокомандующим в войне против Лепида, который уже подчинил себе бóльшую часть Италии и с помощью войска Брута завладел Галлией по эту сторону Альп. Начав борьбу, Помпей повсюду легко одолел своих врагов, и только у Мутины в Галлии ему пришлось стоять долгое время, осаждая Брута. Между тем Лепид устремился на Рим, и, расположившись лагерем под его стенами, требовал себе вторичного консульства, устрашая жителей своим многочисленным войском. Письмо Помпея с сообщением об успешном и бескровном окончании войны рассеяло все страхи. Ибо Брут то ли сам сдался вместе с войском, то ли войско, изменив своему полководцу, покинуло его. Бруту пришлось отдаться в руки Помпея; получив в провожатые несколько всадников, он удалился в какой-то городок на реке Паде, где на следующий день был убит подосланным Помпеем

Геминием. Этот поступок Помпея навлек на него множество упреков. В самом деле, тотчас после перехода к нему войска Брута Помпей написал сенату, что Брут якобы сдался добровольно, а затем, после убийства Брута, отправил второе письмо с обвинениями против него. Сын этого Брута вместе с Кассием убил Цезаря. Однако сын не был похож на отца ни тем, как он вел войну, ни своей кончиной, как об этом рассказывается в его жизнеописании.

Лепид между тем тотчас бежал из Италии и переправился в Сардинию. Там он занемог и умер, совершенно упав духом, но не из-за крушения своего предприятия, как сообщают некоторые, а потому что ему случайно попалось письмо, из которого он узнал о неверности своей жены.

XVII. В ЭТО время Серторий, полководец, вовсе не похожий на Лепида, завладел Испанией и внушал римлянам ужас, так как к нему, словно к последнему очагу воспаления, стеклись все дурные соки гражданских войн. Он разбил уже многих второстепенных полководцев и воевал тогда с Метеллом Пием. Метелл был знаменитым и отважным воином, но, видимо, от старости сделался слишком вялым, чтобы уметь пользоваться удобным случаем на войне, лишился способности быстро разбираться в сложных обстоятельствах. Серторий же дерзко, по-разбойничьи, нападал на него; он постоянно беспокоил засадами и обходными движениями старого полководца, опытного в руководстве тяжелым и неповоротливым войском, сражающимся в выстроенных по всем правилам боевых порядках. Помпей, у которого войско было наготове, добивался, чтобы его отправили на помощь Метеллу. Несмотря на приказание Катула, Помпей не распускал своего войска, но под разными предлогами все время держал его под оружием около Рима, до тех пор пока, по предложению Луция Филиппа, ему не предоставили должности главнокомандующего в войне с Серторием. Рассказывают, что, когда кто-то с удивлением спросил Филиппа в сенате, неужели он считает нужным облечь Помпея консульскими полномочиями, или, как говорят в Риме, послать его вместо консула, Филипп отвечал: «Нет, вместо обоих консу-

лов»,— желая дать понять этим, что оба тогдашних консула — полнейшие ничтожества.

XVIII. ПО ПРИБЫТИИ в Испанию (как это обычно бывает при появлении нового прославленного полководца) Помпей возбудил у многих новые надежды. Некоторые племена, еще непрочно связанные с Серторием, пришли в движение и стали переходить на сторону Помпея. Серторий же презрительно отзывался о Помпее: так, например, он в шутку говорил, что ему было бы не нужно другого оружия, кроме розги и плетки, против этого мальчишки, если бы он не боялся той старухи (он имел в виду Метелла). На самом же деле он весьма остерегался Помпея и из страха перед ним стал вести войну с большей осторожностью, чем прежде. А Метелл, вопреки всем ожиданиям, целиком предался распутной жизни и удовольствиям, нрав его внезапно переменился, он сделался тщеславным и расточительным, и это обстоятельство лишь увеличивало громкую известность Помпея, принося ему расположение сограждан, так как он стремился показать простоту своего образа жизни, что, конечно, не стоило ему больших усилий. Ведь по своей натуре Помпей отличался умеренностью и умением сдерживать свои желания.

Среди различных событий и превратностей войны особенно огорчило Помпея взятие Серторием Лаврона. В уверенности, что он окружил Сертория, Помпей даже хвастался этим, но вдруг оказалось, что он сам окружен врагами. Не смея двинуться, он вынужден был наблюдать, как враги в его присутствии сожгли город дотла. Однако Помпей разгромил у Валентии Геренния и Перперну — полководцев, бежавших к Серторию и командовавших у него войсками, и перебил при этом свыше десяти тысяч человек.

XIX. ГОРДЫЙ своим успехом и окрыленный великими надеждами, Помпей поспешно двинулся против самого Сертория, чтобы не делить с Метеллом славу победы. На реке Сукроне, когда день уже клонился к вечеру, войска вступили в сражение, причем оба полководца опасались прихода Метелла, так как Помпей хотел сражаться один, а Серторий — только с одним противником. Исход битвы оказался, однако, неопределенным, так как с обеих сторон победу одержало

одно крыло. Но из двух полководцев больше славы заслужил Серторий, так как он обратил в бегство стоявшее против него крыло вражеского войска. Что касается Помпея, который сражался верхом, то на него бросился вражеский пехотинец огромного роста. Они сошлись друг с другом в рукопашной схватке, причем ударом меча каждый поразил другого в руку, но результат был различен: Помпей был только ранен, а своему противнику отрубил руку напрочь. Затем еще несколько вражеских воинов бросилось на Помпея, римляне обратились в бегство, но самому Помпею все-таки удалось вопреки ожиданию ускользнуть, бросив врагам коня, украшенного золотой уздечкой и драгоценной сбруей. Враги начали делить добычу и, споря из-за нее, упустили Помпея. С наступлением следующего дня оба полководца снова построили войска в боевой порядок, чтобы довершить дело, но после прибытия Метелла Серторий отступил, приказав своему войску рассеяться. Так обычно войско его расходилось, а затем люди собирались вновь. Поэтому нередко Серторию случалось блуждать одному, но нередко, подобно внезапно вздувшемуся горному потоку, он устремлялся на врагов во главе стопятидесятитысячного войска.

После битвы Помпей двинулся навстречу Метеллу и, когда они находились поблизости друг от друга, приказал ликторам опустить связки прутьев в знак уважения к Метеллу как к человеку, облеченному более высоким званием. Метелл, однако, отклонил эту честь и, хотя занимал прежде должность консула и по возрасту был гораздо старше, во всем проявлял по отношению к своему молодому товарищу дружелюбие и предупредительность, не требуя для себя никаких преимуществ, за исключением лишь того, что во время совместной стоянки лагерем пароль обоим войскам давал Метелл. Однако большей частью они стояли по отдельности, так как хитрый враг, стремительно передвигаясь и завязывая бой то в одном, то в другом месте, всегда ухитрялся разъединить их и отдалить друг от друга. В конце концов Серторий вытеснил обоих полководцев из подвластной ему Испании: он перерезал пути подвоза продовольствия, опустошал страну и господствовал на море, и из-за

недостатка съестных припасов они вынуждены были отступить в другие провинции.

XX. ПОМПЕЙ уже истратил бо́льшую часть своего имущества на эту войну и стал просить денег у сената. Он заявил, что, в случае отказа, явится с войском в Италию требовать денег. Консулом тогда был Лукулл, враждовавший с Помпеем. Однако Лукулл ускорил высылку денег Помпею, так как, домогаясь командования в войне с Митридатом, он боялся дать Помпею повод отказаться от борьбы с Серторием и обратиться против Митридата — противника, борьба с которым, казалось, обещала славу и легкую победу.

Между тем Серторий был предательски умерщвлен своими друзьями. Самый главный из них — Перперна — пытался продолжать дело Сертория. У Перперны были те же самые силы и средства, но не хватало способностей и разума для столь же успешного их применения. Помпей тотчас выступил против него и, заметив нерешительность Перперны, выслал вперед десять когорт в качестве приманки, приказав им рассеяться по равнине. Лишь только Перперна напал на них и стал преследовать, Помпей явился со всем своим войском и в завязавшемся сражении разбил врага наголову. Сам Перперна был взят в плен и приведен к Помпею, который велел его казнить. Помпея не следует обвинять в неблагодарности или в забвении услуги, оказанной ему в Сицилии (как это делают некоторые): он действовал с великою мудростью, исходя из соображений всеобщего блага. Ведь Перперна, завладев перепиской Сертория, показывал письма к нему некоторых весьма влиятельных римлян, которые желали, возбудив волнения в государстве, изменить тогдашнюю форму правления и приглашали Сертория в Италию. Из опасения, как бы эти письма не послужили причиной еще более ужасных войн, чем только что окончившиеся, Помпей велел убить Перперну, а письма сжег, даже не прочитав их.

XXI. ПОСЛЕ этого Помпей остался в Испании еще на некоторое время, чтобы успокоить наиболее сильные волнения. Наведя порядок и прекратив смуты, он переправил свое войско в Италию, как раз в самый разгар войны с рабами. Поэтому главнокомандующий Красс поспешил с безумной смелостью дать сраженье

рабам; счастье сопутствовало Крассу в этой битве, и он уничтожил двенадцать тысяч триста вражеских воинов. Однако судьба сделала Помпея в какой-то степени участником и этой победы, так как пять тысяч беглецов с поля сражения попали в его руки. Казнив всех пленников, Помпей поспешно написал сенату, что Красс разбил гладиаторов в открытом бою, а он, Помпей, вырвал войну с корнем. Из расположения к Помпею римляне благосклонно выслушивали и повторяли эти слова, и никто даже в шутку не осмеливался утверждать, что победы над Серторием в Испании принадлежат кому-нибудь другому, а не являются всецело делом Помпея. Однако столь великое уважение и надежды, возлагавшиеся на Помпея, в какой-то мере соединялись с подозрениями и страхом, что он не распустит своего войска, а тотчас с помощью вооруженной силы станет на путь единовластия и пойдет по стопам Суллы. Поэтому было почти столько же людей, выходивших к нему навстречу с дружескими приветствиями, сколько и тех, кто делал это из страха. Когда Помпей рассеял и это подозрение, объявив, что распустит войско сразу после триумфа, у его недоброжелателей остался только один повод для обвинений, а именно они упрекали Помпея в том, что он скорее держит сторону народа, чем сената, и решил восстановлением власти народных трибунов, которую отменил Сулла, добиться народного расположения. И это было верно, ибо ни к чему другому народ римский не стремился более неистово, ничего не желал более страстно, как видеть восстановленной власть народных трибунов. Поэтому Помпей считал большой удачей, что ему представляется удобный случай для проведения в жизнь этой меры: он полагал, что не найдет другого способа отблагодарить граждан за их любовь к нему, если этим средством воспользуется до него кто-либо иной.

XXII. ЗАТЕМ Помпею был назначен второй триумф, и он был избран консулом. Однако не эти почести вызывали удивление перед ним и делали его великим в глазах народа. Доказательством его славы было то, что Красс, замечательный оратор, один из самых богатых и наиболее влиятельный из тогдашних государственных деятелей, Красс, который смотрел свысока

на самого Помпея и всех прочих, не решился все же домогаться консульства, не испросив согласия у Помпея. Помпей, однако, с удовольствием принял просьбу Красса, так как давно уже хотел оказать ему какую-нибудь услугу и любезность, и обратился к народу, настоятельно рекомендуя ему Красса; он заявил открыто, что будет столь же благодарен гражданам за товарища по должности, как и за самую должность. Однако после избрания консулы во всем разошлись друг с другом и начали враждовать. Красс имел больше влияния в сенате, а сила Помпея была в исключительной любви народа. Ибо Помпей восстановил власть народных трибунов и допустил внесение закона, вновь предоставлявшего суды в распоряжение всадников.

Но всего более радовался народ, видя, как Помпей просит освободить его от военной службы. Дело в том, что у римских всадников существует обычай по истечении установленного законом срока военной службы приводить своего коня на форум, чтобы его осмотрели двое должностных лиц, так называемые цензоры. При этом каждый должен перечислить полководцев, под начальством которых он служил, представить отчет о своих подвигах и получить отставку; каждому, в зависимости от его поведения, присуждается похвала или порицание. Цензоры Геллий и Лентул восседали тогда на своих креслах в полном облачении, и перед ними проходили всадники, подвергавшиеся цензу. Среди этих всадников показался и Помпей: он спускался на форум, имея на себе знаки отличия своей должности и ведя под уздцы своего коня. Когда Помпей приблизился настолько, что цензоры могли его видеть, он приказал ликторам расчистить дорогу и повел лошадь к возвышению, на котором сидели власти. Среди изумленного народа воцарилось молчание, а у цензоров это зрелище вызвало смешанное чувство почтительного уважения и радости. Затем старший из них спросил: «Помпей Магн, я спрашиваю тебя, все ли походы, предписанные законом, ты совершил?» Помпей отвечал громким голосом: «Я совершил все походы и все под моим собственным начальством». После этих слов раздались ликующие крики народа, которые уже невозможно было прекра-

тить. Цензоры встали со своих мест и проводили Помпея домой в угоду согражданам, которые, рукоплеща, следовали за ними.

XXIII. УЖЕ ПОДХОДИЛ конец консульства Помпея, а между тем несогласия его с Крассом усиливались. В это время некто Гай Аврелий, человек, принадлежавший к сословию всадников, но державшийся в стороне от общественной жизни, поднялся в Народном собрании на возвышение для ораторов и обратился к народу с речью. Он рассказал, что во сне ему явился Юпитер и повелел сказать консулам, чтобы те не сдавали должности, не примирившись друг с другом. После этого заявления Помпей продолжал стоять неподвижно, а Красс, приветствуя Помпея, заговорил с ним. Затем, обратившись к народу, он сказал: «Полагаю, граждане, что я не совершу ничего недостойного или низкого, если первым пойду навстречу Помпею, которого вы еще безбородым юношей удостоили почетного прозвания „Великий" и, когда он еще не был сенатором, почтили двумя триумфами». Итак, консулы примирились и сложили свои полномочия.

После этого Красс не изменил прежнего образа жизни, что же касается Помпея, то он теперь избегал брать на себя защиту граждан в суде, мало-помалу оставил форум и редко посещал общественные места, да и то всегда в сопровождении большой свиты своих сторонников. Нелегко было теперь встретить его одного, не окруженного толпой, и даже вообще увидеть его. Охотнее всего Помпей появлялся в сопровождении многочисленной толпы клиентов, думая, что придаст себе этим важности и величия; он был убежден, что слишком частое и близкое общение с народом может умалить его достоинство. Действительно, люди, величие которых родилось на поле брани и которые не могут приспособиться к гражданскому равенству, облачившись в тогу, подвергаются опасности потерять свою славу. Ведь кто был первым на войне, и в гражданской жизни желает быть первым, а те, кому на войне приходилось довольствоваться вторыми местами, почитают невыносимым чье-либо превосходство в гражданской жизни. Поэтому, когда они застают на форуме человека, увенчанного славой побед и триум-

фов, они стараются подчинить и унизить его; а тому, кто, сломив свою гордость, отступает перед ними, они оставляют добытые на войне почести и могущество, не завидуя им. Доказательством этого будут события, которые послужат вскоре предметом нашего рассказа.

XXIV. МОГУЩЕСТВО пиратов зародилось сперва в Киликии. Вначале они действовали отважно и рискованно, но вполне скрытно. Самоуверенными и дерзкими они стали только со времени Митридатовой войны, так как служили матросами у царя. Когда римляне в пору гражданских войн сражались у самых ворот Рима, море, оставленное без охраны, стало мало-помалу привлекать пиратов и поощряло их на дальнейшие предприятия, так что они не только принялись нападать на мореходов, но даже опустошали острова и прибрежные города. Уже многие люди, состоятельные, знатные и, по общему суждению, благоразумные, начали вступать на борт разбойничьих кораблей и принимать участие в пиратском промысле, как будто он мог принести им славу и почет. Во многих местах у пиратов были якорные стоянки и крепкие наблюдательные башни. Флотилии, которые они высылали в море, отличались не только прекрасными, как на подбор, матросами, но также искусством кормчих, быстротой и легкостью кораблей, предназначенных специально для этого промысла. Гнусная роскошь пиратов возбуждала скорее отвращение, чем ужас перед ними: выставляя напоказ вызолоченные кормовые мачты кораблей, пурпурные занавесы и оправленные в серебро весла, пираты словно издевались над своими жертвами и кичились своими злодеяниями. Попойки с музыкой и песнями на каждом берегу, захват в плен высоких должностных лиц, контрибуции, налагаемые на захваченные города,— все это являлось позором для римского владычества. Число разбойничьих кораблей превышало тысячу, и пиратам удалось захватить до четырехсот городов. Они разграбили много неприкосновенных до того времени святилищ — кларосское, дидимское, самофракийское, храм Хтонии в Гермионе, храм Асклепия в Эпидавре, храмы Посейдона на Истме, на мысе Тенаре и на Калаврии, храмы Аполлона в Акции и на Левкаде, храмы Геры на Самосе, в Аргосе и на мысе Лакинии. Сами пираты справляли

в Олимпе странные, непонятные празднества и совершали какие-то таинства; из них до сих пор еще имеют распространение таинства Митры, впервые введенные ими.

Чаще всего пираты совершали злодеяния против римлян; высаживаясь на берег, они грабили на больших дорогах и разоряли именья вблизи от моря. Однажды они похитили и увезли с собой даже двух преторов, Секстилия и Беллина — в окаймленных пурпуром тогах, со слугами и ликторами. Они захватили также дочь триумфатора Антония, когда она отправлялась в загородный дом; Антонию пришлось выкупить ее за большую сумму денег. Однако самым наглым их злодеянием было вот какое. Когда какой-нибудь пленник кричал, что он римлянин, и называл свое имя, они, притворяясь испуганными и смущенными, хлопали себя по бедрам и, становясь на колени, умоляли о прощении. Несчастный пленник верил им, видя их униженные просьбы. Затем одни надевали ему башмаки, другие облачали в тогу, для того-де, чтобы опять не ошибиться. Вдоволь поиздевавшись над ним таким образом и насладившись его муками, они, наконец, спускали среди моря сходни и приказывали высаживаться, желая счастливого пути, если же несчастный отказывался, то его сталкивали за борт и топили.

XXV. МОГУЩЕСТВО пиратов распространилось почти что на все Средиземноморье, так что море стало совершенно недоступным для мореходства и торговли. Именно это обстоятельство и побудило римлян, уже испытывавших недостачу продовольствия и опасавшихся жестокого голода, послать Помпея очистить море от пиратов. Один из друзей Помпея, Габиний, внес законопроект, предоставлявший Помпею не только командование флотом, но прямое единовластие и неограниченные полномочия во всех провинциях. Действительно, этот законопроект давал полководцу власть на море по эту сторону Геракловых столпов и повсюду на суше на расстоянии четырехсот стадиев от моря. Из области, на которую распространялась власть полководца, исключались только немногие страны среди тех, что находились под господством римлян; в нее входили наиболее значительные варварские пле-

мена и владения самых могущественных царей. Кроме этого, Помпей был уполномочен выбрать из числа сенаторов пятнадцать легатов в качестве подчиненных ему начальников на местах, брать сколько угодно денег из казначейства и от откупщиков и снарядить флот из двухсот кораблей, причем ему было предоставлено право набирать как воинов, так и экипажи гребцов.

После прочтения этого закона народ принял его с чрезвычайным удовольствием, но знатнейшие и наиболее влиятельные сенаторы держались мнения, что такая неограниченная и неопределенного характера власть должна возбуждать скорее страх, чем зависть. Поэтому все они были против закона, кроме Цезаря, который поддержал закон, конечно, меньше всего ради Помпея, но с самого начала заискивая у народа и стараясь приобрести его расположение. Прочие сенаторы сильно нападали на Помпея. Один из консулов сказал, что если Помпей желает подражать Ромулу, то ему не избежать участи последнего. За эти слова консулу угрожала опасность быть растерзанным народом. Когда против закона выступил Катул, то народ, из чувства уважения, выслушал его с полным спокойствием. После во многом совершенно беспристрастных похвал Помпею он посоветовал беречь такого человека, а не подвергать его опасностям в войнах, следующих одна за другой. «Кого же другого вы найдете,— сказал он,— если потеряете Помпея?» «Тебя!» — закричали все единодушно. Так Катулу пришлось удалиться, не убедив народа. Затем начал говорить Росций, но так как никто его не слушал, то он пальцами показал, что Помпея следует выбрать не одного, но дать ему товарища. Это предложение, как сообщают, исторгло у раздраженного народа крик такой силы, что пролетавший над форумом ворон упал бездыханный в толпу. Падение птиц, по-моему, происходит не оттого, что в воздухе, в силу его разрыва или рассеяния, образуется большое пустое пространство, но скорее потому, что звук поражает пернатых словно ударом, когда он, поднимаясь с такой силой, производит сильные колебания и волнения воздуха.

XXVI. НА ЭТОТ раз собрание разошлось, не приняв никакого решения. А в тот день, когда нужно было утвердить закон, Помпей тайно выехал в свое именье. Узнав же о принятии закона, он ночью возвратился в Рим, чтобы избежать зависти, которую могла возбудить встреча его толпою народа. На следующее утро Помпей появился открыто и принес жертву богам; снова было созвано Народное собрание, и Помпей добился принятия, кроме утвержденного уже закона, многих других постановлений, так что почти удвоил свои военные силы. Действительно, он снарядил пятьсот кораблей, набрал сто двадцать тысяч тяжелой пехоты и пять тысяч всадников. Помпей выбрал двадцать четыре сенатора в качестве подчиненных себе начальников; кроме того, ему были даны два квестора. Тотчас же цены на продовольствие упали, и это обстоятельство подало повод обрадованному народу говорить, что самое имя Помпей положило конец войне. Помпей разделил все Средиземное море на тринадцать частей; в каждой части он сосредоточил определенное число кораблей во главе с начальником. Таким образом, распределив свои силы повсюду, Помпей тотчас захватил как бы в сеть большое количество пиратских кораблей и отвел их в свои гавани. Успевшие спастись корабли, гонимые со всех сторон, начали прятаться в Киликии, как пчелы в улье. Против них выступил в поход сам Помпей с шестьюдесятью кораблями. До этого похода он за сорок дней, благодаря своей неутомимой деятельности и рвению начальников, совершенно очистил от пиратских кораблей Тирренское и Ливийское моря, а также море вокруг Сардинии, Корсики и Сицилии.

XXVII. МЕЖДУ тем в Риме консул Пизон, ненавидя Помпея и завидуя ему, чинил всевозможные препятствия его начинаниям и приказал даже распустить экипажи кораблей. Тогда Помпей отправил флот в Брундизий, а сам через Этрурию направился в Рим. Лишь только в Риме узнали об этом, все высыпали на дорогу встречать полководца, как будто они только что не провожали его. Быстрота и внезапность перемены вызывала радость у римлян, так как рынок в изобилии наполнился продовольствием. Поэтому Пизону грозила опасность лишиться должности, и Габиний

уже составил для этой цели проект закона. Помпей, однако, воспротивился этому и в остальиых делах, выступая в Народном собрании, проявил снисходительность. Закончив все необходимые дела, Помпей направился в Брундизий и оттуда вышел в море. Будучи стеснен во времени, Помпей поспешно плыл мимо многих городов, однако Афины ои не миновал. Высадившись там, он принес жертвы богам и обратился к иароду с речью, а затем тотчас вериулся иа корабль. Возвращаясь, он прочитал обращеииые к нему две иадписи, состоящие из одного стиха каждая. Одна, на внутренней стороне ворот, гласила:

Человек ты, помни это! В той же мере ты и бог.

А сиаружи была начертана такая иадпись:

Ожидали, преклонялись, увидали — в добрый путь!

Некоторые из находившихся еще в открытом море и державшихся вместе пиратских кораблей изъявили Помпею покорность. Последний обошелся с ними милостиво: он взял суда, не причинив зла команде. Тогда остальные пираты, в надежде на пощаду, вместе с женами и детьми начали сдаваться самому Помпею, избегая иметь дело с подчинеииыми ему начальниками. Помпей всем им оказывал милосердие и с их помощью выслеживал тех, которые еще скрывались, сознавая свои страшные преступления; когда же эти последние попадали в его руки, Помпей подвергал их наказанию.

XXVIII. БОЛЬШИНСТВО самых могущественных пиратов, однако, поместило свои семьи и сокровища, а также всех, кто не был способен иосить оружие, в крепостях и укрепленных городах на Тавре, а сами, снарядив свои корабли, ожидали шедшего против них Помпея у Коракесия в Киликии. В происшедшем сражении пираты были разбиты и осаждены в своих крепостях. В конце концов разбойники отправили к Помпею посланцев просить пощады и сдались вместе с городами и островами, которыми оии овладели, а затем укрепили их настолько, что ие только взять их силой, но даже подступиться к ним было нелегко.

Таким образом, война была завершена, и не более как за три месяца с морским разбоем было поконче-

но повсюду. Кроме множества другнх кораблей, Помпей захватнл девяносто судов с окованными медью носами. Что касается самих пиратов (а их было взято в плен больше двадцатн тысяч), то казнить всех Помпей не решнлся; с другой стороны, он считал неблагоразумным отпустить разбойннков на свободу н позволить нм рассеяться или вновь собраться в значнтельном чнсле, так как это большей частью былн люди обннщавшне и вместе с тем закаленные войной. Помпей исходнл нз убеждения, что по природе своей человек нnкогда не был н не является дnким, необузданным существом, но что он портится, предаваясь пороку вопрекн своему естеству, мнрные же обычан и перемена образа жнзнн и местожительства облагоражнвают его. Даже лютые зверн, когда с ними обращаются более мягко, утрачнвают свою лютость н свнрепость. Поэтому Помпей решнл переселить этнх людей в местность, находящуюся вдалн от моря, дать нм возможность нспробовать прелесть добродетельной жнзни н прнучнть их жить в городах н обрабатывать землю. Часть пиратов по приказанию Помпея принялн маленькне н безлюдные города Кнлнкнн, население которых получнло добавочный земельный надел и смешалось с новымн поселенцами. Солы, незадолго до того опустошенные армянскнм царем Тиграном, Помпей приказал восстановить н поселил там много разбойников. Большинству же нх он назначил местом жительства Днму в Ахайе, так как этот город, будучи совершенно безлюдным, обладал большим колнчеством плодородной земли.

XXIX. ЭТИ действия Помпея вызвали порицанне со стороны завистников, а его поступок с Метеллом не встретил одобрення даже у близкнх друзей. Дело в том, что Метелл, родственннк того Метелла, который был товарнщем Помпея по командованию в Испанни, был послан на Кркт еще до нзбрання Помпея главнокомандующнм. Остров Крит был тогда вторым после Киликин средоточием пнратских шаек. Метелл захватил множество пнратов в плен, разрушнл их гнезда и самих нх велел казннть. Оставшнеся в жнвых были осаждены Метеллом. Онн отправнли посланцев к Помпею, умоляя прибыть на остров, так как он-де является частью подвластной ему земли и во всех от-

ношениях входит в определенную законом приморскую полосу. Помпей благосклонно выслушал просьбу пиратов и письменно приказал Метеллу прекратить войну. Вместе с тем он повелел городам на Крите не подчиняться Метеллу и послал туда претором одного из подчиненных ему начальников — Луция Октавия. Последний присоединился к осажденным пиратам и, сражаясь вместе с ними, не только доставил Помпею неприятности, но и выставил его в смешном виде: из зависти и ревности к Метеллу Помпей как бы ссудил свое имя таким нечестивым и безбожным людям, а своею славою разрешил прикрываться для защиты и пользоваться как амулетом. Уже Ахилл, говорят, распаленный жаждой славы, поступал не как подобает мужу, а как безрассудный юноша, запрещая другим метать стрелы в Гектора:

Славы б не отнял произивший, а он бы вторым не явился.

А Помпей даже взял под защиту общего врага, заступился за него, чтобы лишить триумфа полководца, потратившего так много труда на борьбу с разбойниками. Метелл, однако, не сдал командования; он захватил пиратов в плен и подверг их наказанию, Октавия же с оскорблениями и бранью отпустил из лагеря.

XXX. КОГДА в Рим пришло известие, что война с пиратами окончена, а Помпей на досуге объезжает города, один из народных трибунов, Манилий, предложил закон о передаче Помпею всех провинций и войск, во главе которых стоял Лукулл, с прибавлением Вифинии (где наместником был Глабрион), для войны с царями Митридатом и Тиграном; за Помпеем должны были также сохраниться морские силы и командование на море на прежних условиях. Эта мера была не чем иным, как подчинением всей римской державы произволу одного человека. Действительно, из провинций, которые он еще не получил в свое распоряжение на основании прежнего закона, теперь переходили под его власть Фригия, Ликаония, Галатия, Каппадокия, Киликия, Верхняя Колхида и Армения вместе с лагерями и войсками, бывшими под начальством Лукулла в войне против Митридата и Тиграна. Этот закон лишал Лукулла славы и наград за совершенные им подвиги, и он получал преемника скорее для

триумфа, чем для ведения войны. Однако знать не придавала этому большого значения, хотя и понимала, что Лукулл незаслуженно терпит обиду,— знатным римлянам была тягостна власть Помпея. Считая ее настоящей тиранией, они втайне побуждали и ободряли друг друга противодействовать закону, чтобы не потерять свободы, но когда наступило время, из страха перед народом все уклонились от обсуждения и молчали, и только Катул выступил со множеством доводов против закона и с обвинениями против Манилия; но так как в Народном собрании ему не удалось никого убедить, то он обратился к сенату и много раз кричал с ораторского возвышения, что по примеру предков сенат должен искать гору или скалу, удалившись на которую он спасет свободу. Все же законопроект был утвержден, как сообщают, всеми трибами, и Помпей во время своего отсутствия был облечен почти всей полнотой власти, чего Сулла добился от государства войной и насилием.

Получив письмо с известием о постановлении Народного собрания, в присутствии друзей, приносивших ему поздравления, Помпей, говорят, нахмурив брови и хлопнув себя по бедру, сказал, как бы уже утомленный и недовольный властью: «Увы, что за бесконечная борьба! Насколько лучше было бы остаться одним из незаметных людей — ведь теперь я никогда не избавлюсь от войн, никогда не спасусь от зависти, не смогу мирно жить в деревне с женой!» Даже самым близким друзьям Помпея эти лицемерные слова были неприятны, так как друзья прекрасно понимали, что раздоры с Лукуллом, разжигавшие его врожденное честолюбие и стремление господствовать, доставляли ему радость.

XXXI. ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, его поступки вскоре показали это. Помпей всюду издавал распоряжения, созывал воинов, приглашал к себе подвластных римлянам правителей и царей и, проезжая через провинции, не оставлял неприкосновенным ни одного указа Лукулла: он отменял наложенные наказания, отнимал полученные награды и вообще ревностно старался во всем показать сторонникам Лукулла, что тот уже не имеет никакой власти. Так как Лукулл через своих друзей принес жалобу на действия Помпея, то было решено,

чтобы оба полководца встретились. Встреча произошла в Галатии. Так как оба они были великие полководцы, прославленные блестящими победами, то их сопровождали ликторы с пучками прутьев, увитых лавровыми ветвями. Лукулл прибыл из стран, богатых растительностью и тенистыми деревьями, Помпей же как раз прошел через безлесную и сухую область. Когда ликторы Лукулла увидели засохшие и совершенно увядшие лавры Помпея, они поделились своими свежими лавровыми ветвями и увенчали ими связки прутьев Помпея. Это происшествие сочли предзнаменованием того, что Помпей явился, чтобы похитить славу и плоды побед Лукулла.

Лукулл был старше по консульству и по летам, но Помпей — выше достоинством, так как имел два триумфа. Впрочем, при первой встрече они обошлись друг с другом как можно более вежливо и любезно, прославляли подвиги друг друга и поздравляли друг друга с победами. Однако при дальнейших переговорах, не придя ни к какому справедливому и умеренному соглашению, они стали упрекать друг друга: Помпей упрекал Лукулла в алчности, а Лукулл его — во властолюбии, и лишь с великим трудом друзьям удалось прекратить ссору. Лукулл распределил часть захваченных в Галатии земель и другие награды по своему усмотрению. Помпей же, расположившись лагерем в некотором отдалении, запретил повиноваться Лукуллу и отнял у последнего всех его воинов, кроме тысячи шестисот, которых из-за строптивого нрава считал для себя бесполезными, а для Лукулла — опасными. Кроме того, открыто издеваясь над подвигами Лукулла, он говорил, что тот сражался с театральными и призрачными царями, ему же предстоит борьба с настоящим войском, научившимся воевать на неудачах, так как Митридат обратился теперь к коннице, мечам и большим щитам. В ответ на это Лукулл говорил, что Помпей явился сюда сражаться с тенью войны, он привык-де, подобно стервятнику, набрасываться на убитых чужою рукой и разрывать в клочья останки войны. Так, Помпей приписал себе победы над Серторием, Лепидом и Спартаком, которые принадлежали, собственно, Крассу, Метеллу и Катулу. Поэтому неудивительно, что человек, который сумел

присоединиться к триумфу над беглыми рабами, теперь всячески старается присвоить себе славу армянской и понтийской войны.

XXXII. ПОСЛЕ этого Лукулл уехал, Помпей же, разделив весь свой флот для охраны моря между Финикией и Боспором, сам выступил против Митридата. Хотя у царя было тридцать тысяч человек пехоты и две тысячи конницы, он все же не решался дать Помпею сражение. Сначала Митридат расположился лагерем на сильно укрепленной и неприступной горе, но покинул эту позицию из-за недостатка воды. Гору занял затем Помпей. Предположив по виду растительности и по характеру горных ущелий, что на этом месте должны быть источники воды, он приказал прорыть повсюду колодцы, и тотчас в лагере появилась вода в изобилии; Помпей дивился, как это Митридат за все время стоянки здесь об этом не догадался. Затем Помпей окружил вражеский лагерь и стал обносить его валом. Митридат выдерживал осаду в течение сорока пяти дней, а затем, перебив неспособных носить оружие и больных, незаметно бежал с лучшей частью своего войска. Помпей, однако, настиг царя на Евфрате и устроил свой лагерь рядом. Боясь, как бы Митридат не успел раньше него переправиться через Евфрат, Помпей в полночь построил войско в боевой порядок и выступил. В это время Митрндату, как передают, было видение, раскрывшее ему будущее. Царю показалось, будто он плывет с попутным ветром по Эвксинскому понту и, находясь уже в виду Боспора, приветствует своих спутников как человек, радующийся надежному и верному спасению. Но вдруг царь увидел, что, всеми покинутый, он носится по волнам на жалком обломке судна. Когда Митридат находился еще под впечатлением сна, пришли друзья и, подняв его, сообщили о приближении Помпея. Необходимо было прннять меры для защиты лагеря, н начальники вывели войско, выстроив его в боевой порядок. Помпей же, заметив приготовления врагов, опасался пойти на такое рискованное дело, как битва в темноте, считая, что достаточно только окружить врагов со всех сторон, чтобы они не могли бежать; днем же он надеялся неожиданно напасть на царя, несмотря на превосходство его сил. Но старшие начальники вой-

ска Помпея пришли к нему с настоятельной просьбой и советом немедленно начать атаку. Действительно, мрак не был непроницаемым, так как луна на ущербе давала еще достаточно света, чтобы различать предметы. Это-то обстоятельство как раз и погубило царское войско. Луна была за спиною у нападавших римлян, и так как она уже заходила, тени от предметов, вытягиваясь далеко вперед, доходили до врагов, которые не могли правильно определить расстояние. Враги думали, что римляне достаточно близко от них, и метали дротики впустую, никого не поражая. Когда римляне это заметили, они с криком устремились на врагов. Последние уже не решались сопротивляться, и римляне стали убивать охваченных страхом и бегущих воинов; врагов погибло больше десяти тысяч, лагерь их был взят. Сам Митридат в начале сражения вместе с отрядом из восьмисот всадников прорвался сквозь ряды римлян, однако отряд этот быстро рассеялся и царь остался всего лишь с тремя спутниками. Среди них находилась его наложница Гипсикратия, всегда проявлявшая мужество и смелость, так что царь называл ее Гипсикратом. Наложница была одета в мужскую персидскую одежду и ехала верхом; она не чувствовала утомления от долгого пути и не уставала ухаживать за царем и его конем, пока, наконец, они не прибыли в крепость Синору, где находилось множество царских сокровищ и драгоценностей. Митридат взял оттуда драгоценные одежды и роздал их тем, кто собрался снова вокруг него после бегства. Каждого из своих друзей царь снабдил смертоносным ядом, чтобы никто против своей воли не попался в руки врагов. Отсюда Митридат направился в Армению к Тиграну. Но после того как Тигран отказал ему в убежище и даже объявил награду в сто талантов за его голову, Митридат, миновав истоки Евфрата, продолжал свое бегство через Колхиду.

XXXIII. МЕЖДУ ТЕМ Помпей совершил вторжение в Армению, куда его приглашал молодой Тигран. Последний уже восстал против своего отца и встретил Помпея у реки Аракса. Эта река начинается в той же местности, что и Евфрат, но, поворачивая на восток, впадает в Каспийское море. Помпей и молодой Тигран шли вперед, захватывая города, встречавшиеся на пу-

ти. Однако царь Тигран, совсем недавно разбитый Лукуллом, узнав о мягком и добром характере Помпея, впустил римский караульный отряд в свой дворец, а сам в сопровождении друзей и родственников отправился к Помпею, чтобы отдаться в его руки. Когда царь верхом прибыл к лагерю, двое ликторов Помпея, подойдя к нему, велели сойти с коня и идти пешком, так как никогда в римском лагере не видели ни одного всадника. Тигран повиновался и даже, отвязав свой меч, передал им. Наконец, когда царь предстал перед Помпеем, он снял свою китару, намереваясь сложить ее к ногам полководца и, что самое постыдное, упасть перед ним на колени. Помпей, однако, успел схватить царя за правую руку и привлечь к себе. Затем он усадил его рядом с собой, а сына по другую сторону. Он объявил царю, что виновник всех прежних его несчастий — Лукулл, который отнял у него Сирию, Финикию, Киликию, Галатию и Софену. Землями же, которые еще остались у него, пусть он владеет, выплатив римлянам за нанесенную обиду семь тысяч талантов, а царем в Софене будет его сын. Эти условия Тигран охотно принял, и тогда римляне приветствовали его, как подобает царю, а Тигран, чрезвычайно обрадованный, обещал дать каждому воину по полмины серебра, центуриону по десяти мин, трибуну по таланту. Сын, напротив, сильно досадовал и когда его пригласили на угощенье, заявил, что не нуждается в таких почестях со стороны Помпея, ибо может найти себе другого римлянина. Тогда Помпей велел наложить на него оковы и содержать в тюрьме для триумфа. Немного спустя Фраат, царь парфян, прислал к Помпею послов, требуя выдачи молодого Тиграна как своего зятя и предлагая считать границей обеих держав Евфрат. Помпей отвечал, что Тигран больше родственник отцу, чем тестю, а что касается границы, то она будет установлена по справедливости.

XXXIV. ЗАТЕМ Помпей оставил Афрания для охраны Армении, а сам, не видя иного выхода, направился преследовать Митридата через земли, населенные кавказскими племенами. Самые многочисленные из этих племен — альбаны и иберы; область иберов простирается до Мосхийских гор и Эвксинского Понта,

а альбаны живут к востоку до Каспийского моря. Альбаны сперва согласились пропустить Помпея через их страну. Но, когда зима застигла римское войско в этой земле и римляне справляли праздник Сатурналий, альбаны, собравшись числом не менее сорока тысяч, переправились через реку Кирн и напали на них. Река Кирн берет начало с Иберийских гор, принимает в себя Аракс, текущий из Армении, и затем впадает двенадцатью устьями в Каспийское море. Некоторые, однако, утверждают, что Кирн не сливается с Араксом, но сам по себе, хотя и очень близко от Аракса, впадает в то же море.

Помпей спокойно позволил варварам совершить переправу, хотя мог воспрепятствовать ей. Затем он напал на врагов и обратил их в бегство, многих перебив. Когда царь альбанов через послов попросил пощады, Помпей простил ему обиду и, заключив мир, двинулся против иберов. Последние не уступали по численности альбанам, но были гораздо воинственнее; они горели желанием показать свою преданность Митридату и прогнать Помпея. Иберы не были подвластны ни мидийцам, ни персам; им удалось даже избежать власти македонян, так как Александр слишком быстро должен был отступить из Гирканин. Однако Помпей разгромил и их в бóльшом сражении, перебив девять тысяч и взяв в плен больше десяти тысяч человек. После этого он вторгся в Колхиду. Здесь на реке Фасид его встретил Сервилий во главе флота, который охранял Эвксинский понт.

XXXV. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ Митридата, который скрылся в области племен, живущих на Боспоре и вокруг Мэотиды, представляло большие затруднения. Кроме того, Помпей получил известие о новом бунте альбанов. В раздражении и гневе Помпей повернул назад, против них; он снова перешел реку Кирн — с трудом и подвергая войско опасности, ибо варвары возвели на реке длинный частокол. Так как ему предстоял долгий и мучительный путь по безводной местности, он приказал наполнить водой десять тысяч бурдюков. Выступив против врагов, Помпей нашел их у реки Абанта уже построившимся в боевой порядок. Войско варваров состояло из шестидесяти тысяч пехотинцев и двенадцати тысяч всадников; однако

большинство воинов было плохо вооружено и одето в звериные шкуры. Во главе войска стоял брат царя по имени Косид; он, как только дело дошло до рукопашной, напав на Помпея, метнул в него дротик и попал в створку панциря. Помпей же, пронзив его копьем, убил на месте. В этой битве, как передают, на стороне варваров сражались также амазонки, пришедшие с гор у реки Термодонта. Действительно, после битвы, когда римляне стали грабить тела убитых варваров, им попадались щиты и котурны амазонок, однако ни одного трупа женщины не было замечено. Амазонки живут в той части Кавказа, что простирается до Гирканского моря, однако они не граничат с альбанами непосредственно, но между ними обитают гелы и леги. С этими племенами они ежегодно встречаются на реке Термодонте и проводят с ними вместе два месяца, а затем удаляются в свою страну и живут там сами по себе, без мужчин.

XXXVI. ПОСЛЕ этой битвы Помпей намеревался пройти до Каспийского моря, но вынужден был повернуть назад из-за множества ядовитых пресмыкающихся, хотя находился от моря на расстоянии всего трех дней пути. Затем он отступил в Малую Армению. Царям элимеев и мидийцев в ответ на их посольства Помпей отправил дружественные послания. Против парфянского царя, который совершил вторжение в Гордиену и разорял подвластные Тиграну племена, Помпей послал войско во главе с Афранием. Последний изгнал парфян и преследовал их вплоть до Арбелитиды.

Из всех захваченных в плен наложниц Митридата Помпей не сошелся ни с одной, но всех их отослал родителям и родственникам. Ведь большинство их были дочери полководцев и правителей. Только Стратоника, которая имела наибольшее влияние на царя и которая управляла одной из крепостей с самыми богатыми сокровищами, была, по-видимому, дочерью какого-то старого и бедного арфиста. Играя на арфе однажды во время ужина, она сразу произвела на Митридата столь сильное впечатление, что, забрав ее с собою, он отправился в опочивальню, а старика отослал домой, раздраженного тем, что у него не спросили в вежливой форме разрешения. Однако, про-

снувшись на следующее утро, отец увидел в своей комнате столы с серебряными и золотыми кубками и толпу слуг, евнухов и мальчиков, протягивавших ему драгоценные одежды; перед дверью стоял конь, украшенный роскошной сбруей, подобно коням, принадлежащим друзьям царя. Полагая, что это шутка, что над ним издеваются, старик собирался уже выбежать за дверь, но слуги задержали его, объявив, что царь подарил ему большой дом недавно умершего богача и эти дары только начатки и малый образец остального добра и сокровищ, которые его ожидают. В конце концов, насилу поверив своему счастью и надев на себя пурпурную одежду, старик вскочил на коня и поскакал по городу с криком: «Все это мое!» Людям, которые смеялись над ним, он говорил, что не этому должны они удивляться, а тому, что он, обезумев от радости, не бросает в них камнями. Такой-то вот породы и крови была Стратоника. Она не только передала Помпею крепость, но и поднесла много подарков; из них Помпей принял лишь те, которые могли служить украшением храмов или годились для его триумфа, всем же остальным велел ей владеть на здоровье. Также он передал квесторам для государственного казначейства ложе, стол и трон — все из золота, которые ему прислал царь иберов с просьбою принять в дар.

XXXVII. В НОВОЙ крепости Помпей нашел тайные записи Митридата и прочел их не без удовольствия, так как в них содержалось много сведений, объясняющих характер этого царя. Это были воспоминания, из которых явствовало, что царь среди многих других отравил и собственного сына Ариарафа, а также Алкея из Сард за то, что тот победил его на конских ристаниях. Кроме того, там находились толкования сновидений, которые видел сам царь и некоторые из его жен; затем непристойная переписка между ним и Монимой. По словам Теофана, среди бумаг была найдена записка Рутилия, побуждающая царя к избиению римлян в Азии. Большинство писателей разумно считает это злостной выдумкой Теофана, который ненавидел Рутилия, может быть, из-за того, что тот представлял по характеру полную ему противоположность; возможно также, что Теофан хотел ока-

зать услугу Помпею, отца которого Рутилий изобразил в своей истории величайшим негодяем.

XXXVIII. Из Новой крепости Помпей прибыл в Амис. Здесь под влиянием своего безмерного честолюбия он совершил поступки, достойные порицания. Ведь прежде он сам издевался над Лукуллом за то, что тот,— хотя враг не был еще добит,— раздавал награды и почести, как обычно делают победители по окончании войны. А теперь,— хотя Митридат еще был владыкой на Боспоре и располагал боеспособным войском,— Помпей сам поступал точно так же: распоряжался провинциями (как будто с врагом уже было покончено) и раздавал награды, когда к нему во множестве являлись полководцы и властители; он наградил и двенадцать варварских царьков. В угоду последним Помпей не захотел в ответной грамоте парфянскому царю обратиться к нему, величая титулом «царь царей», как это делали при обращении остальные.

Теперь им овладело бурное стремление захватить Сирию и проникнуть через Аравию к Красному морю, чтобы победоносно достигнуть Океана, окружающего со всех сторон обитаемый мир. Ведь и в Африке он первый дошел с победой до Внешнего моря, и в Иберии сделал Атлантический океан границей Римской державы, а незадолго до того, преследуя альбанов, едва не дошел до Гирканского моря. Итак, Помпей решил снова выступить с войском, чтобы замкнуть Красным морем круг своих походов, кроме того, он видел, что к Митридату трудно подступиться с оружием и что при бегстве он опаснее, чем в сражении.

(XXXIX.) Объявив, что он обречет царя в жертву врагу более страшному, чем он сам,— голоду, Помпей своим флотом преградил путь купеческим кораблям в Боспор. Тем, кто будет пойман при попытке прорвать заслон, было объявлено наказание — смертная казнь.

Затем во главе большей части войска Помпей выступил в поход. Найдя еще не погребенные тела тех, кто пал во главе с Триарием в несчастном сраженье с Митридатом, Помпей приказал похоронить их всех с почетом и пышностью (это упущение Лукулла, видимо, особенно возбудило против него ненависть

воинов). Афраний подчинил обитавших у подножия Амана арабов, а сам Помпей между тем спустился в Сирию и под предлогом отсутствия в ней законных царей объявил эту страну провинцией и достоянием римского народа. Помпей покорил также Иудею и захватил в плен царя Аристобула. Что касается городов, то многие он основал, а многие освободил, подвергая наказанию тиранов, захвативших их. Больше всего времени он посвящал разбирательству судебных дел, улаживая споры городов и царей. Куда он сам не мог прибыть, он посылал своих друзей. Так, он послал трех посредников и третейских судей к армянам и парфянам, которые попросили его решить их спор об одной области. Действительно, слава его могущества была велика, но не меньшей была и слава его справедливости и милосердия. Эта его слава покрывала большинство проступков его друзей и доверенных лиц, так как по натуре он был не способен обуздывать или карать провинившихся. Сам же он оказывал такой ласковый прием всем, кто имел с ним дело, что обиженные легко забывали и прощали алчность и грубость его помощников.

XL. ПЕРВЫМ и самым влиятельным любимцем Помпея был вольноотпущенник Деметрий, молодой человек, весьма неглупый, однако слишком злоупотреблявший своим счастливым положением. О нем передают такие рассказы. Философ Катон, будучи еще юношей, но уже заслужив великое уважение за доблесть и высокие качества духа, в отсутствие Помпея приехал в Антиохию с целью осмотреть город. Сам он, как обычно, ходил пешком, а сопровождавшие его друзья ехали верхом. Перед городскими воротами Катон заметил толпу людей в белых одеждах; вдоль дороги по одной стороне стояли рядами юноши, по другой — мальчики. Это обстоятельство сильно раздосадовало Катона, так как он решил, что все это устроено в его честь, из уважения к нему, хотя он вовсе не нуждался ни в чем подобном. Он предложил, однако, друзьям спешиться и идти вместе с ним. Когда они подошли ближе, их встретил распорядитель церемонии с венком на голове и жезлом и осведомился у них, где они оставили Деметрия и когда он изволит прибыть. Друзей Катона стал разбирать смех.

Сам же Катон, воскликнув: «О несчастный город!»,— прошел мимо, ничего не ответив на вопрос. Впрочем, Помпей смягчал ненависть окружающих к Деметрию тем, что и сам безропотно переносил дерзости вольноотпущенника. Действительно, как передают, на пирах у Помпея, когда хозяин сам еще ожидал и принимал других гостей, Деметрий зачастую уже с важностью возлежал за столом, закутавшись в тогу по самые уши. Еще до своего возвращения в Италию он приобрел великолепные дома в предместьях Рима, редкостной красоты места для прогулок и увеселений и дорогостоящие сады, которые обычно называли Деметриевыми. Напротив, сам Помпей вплоть до своего третьего триумфа жил умеренно и неприхотливо. Впоследствии, когда он воздвиг римлянам прекрасный и знаменитый театр, он велел пристроить для себя дом — как бы в дополнение к театру; этот дом был лучше прежнего, но все же до того скромный, что тот, кто стал его владельцем после Помпея, войдя в дом впервые, с удивлением спросил: «Где же обедал Помпей Магн?» Так рассказывают об этом.

XLI. ЦАРЬ петрейских арабов сначала ни во что не ставил римлян, а теперь в сильном испуге отправил Помпею послание, извещая о своей готовности во всем ему подчиниться. Желая укрепить такое настроение царя, Помпей двинулся к Петре. Многие порицали Помпея за этот поход, считая его лишь предлогом для отказа от преследования Митридата, и требовали, чтобы Помпей обратился теперь против этого старинного врага, вновь воспрянувшего духом и собиравшего силы. Как сообщали, Митридат готовился вести свое войско в Италию через земли скифов и пэонийцев. Однако Помпей полагал, что ему будет легче разбить войско Митридата в открытом бою, чем захватить его в бегстве; поэтому он не желал напрасно тратить силы на преследование врага и проводил другие военные начинания, умышленно замедляя ход событий. Сама судьба счастливо разрешила это затруднение. Когда Помпею оставалась лишь небольшая часть пути до Петры и на этот день уже был разбит лагерь, а Помпей упражнялся близ него в верховой езде, прибыли гонцы из Понта с радостной вестью. Об этом можно было судить по наконечникам

их копий, которые были обвиты лаврами. Лишь только воины заметили лавры, они стали собираться к Помпею. Последний хотел сперва закончить свои упражнения, но воины начали кричать и так настоятельно требовали, чтобы он прочитал донесения, что он, соскочив с коня, отправился с ними в лагерь. В лагере не было готового возвышения для полководца и даже походного не успели соорудить (его обычно складывают из плотных кусков дерна), но воины поспешно, с чрезмерным усердием стащили в одно место вьючные седла и сделали из них возвышение. Помпей поднялся на него и сообщил воинам о смерти Митридата, который покончил с собой, после того как его собственный сын Фарнак поднял против него восстание. Фарнак овладел всем, что принадлежало его отцу, и написал Помпею, что он сделал это ради него и римского народа.

XLII. ЭТА ВЕСТЬ, как и следовало ожидать, чрезвычайно обрадовала войско; воины приносили жертвы и устраивали угощения, как будто в лице Митридата погибли десятки тысяч врагов. Помпей счастливо закончил теперь все свои дела и походы, хотя и не надеялся, что это произойдет так легко, и тотчас возвратился из Аравии. Затем, быстро проследовав через лежащие по пути провинции, он прибыл в Амис, где нашел множество присланных Фарнаком подарков и многочисленные трупы членов царской семьи. Среди них находился и труп самого Митридата, который трудно было опознать (потому что слуги при бальзамировании забыли удалить мозг); однако те, кому поручили произвести осмотр, опознали царя по шрамам. Что касается Помпея, то он не решился посмотреть на тело Митридата, но, чтобы умилостивить гнев карающего божества, тотчас велел отослать труп в Синопу. Однако Помпей с удивлением рассматривал одежды, которые носил царь, и его великолепное драгоценное оружие. Ножны от меча Митридата стоимостью в четыреста талантов некий Публий украл и продал Ариарату, а изумительной работы китару Гай, выросший с Митридатом, тайно передал сыну Суллы Фавсту, который его об этом просил. Но Помпей тогда ничего не узнал, Фарнак же открыл пропажу и наказал похитителей.

Устроив и приведя в порядок азиатские дела, Помпей с необычайной пышностью направился в обратный путь. По прибытии в Митилену он объявил город свободным ради Теофана и присутствовал там на учрежденном в старину состязании поэтов, единственной темой которого в тот раз было прославление его подвигов. Театр в Митилене так понравился Помпею, что он велел снять план его, чтобы построить в Риме подобное же здание, но большего размера и более великолепное. На Родосе он слушал выступления всех софистов и подарил каждому по таланту. Посидоний записал свою лекцию об изобретении вообще, читанную им в присутствии Помпея и направленную против ритора Гермагора. В Афинах Помпей выказал подобную же щедрость по отношению к философам; на восстановление города он пожертвовал пятьдесят талантов. Он надеялся возвратиться в Италию с такой славой, какой не стяжал до него ни один человек, и страстно желал, чтобы его семья встретила его с такими же чувствами, какие он сам питал к ней. Однако божество всегда ревниво старается примешивать к блестящим и великнм дарам судьбы некоторую частицу невзгод; оно уже давно подстерегало Помпея, готовясь испортнть ему счастливое возвращение. Супруга Помпея — Муция — в его отсутствие нарушила супружескую верность. Пока Помпей находился далеко, он не обращал внимания на доходившие до него слухн, но теперь, вблизи Италин, видимо, имея время более тщательно обдумать дело, он послал Муции разводное письмо. Ни тогда, нн впоследствии он не объяснил причины развода; прнчина эта названа Цнцероном в его пнсьмах.

XLIII. **В РИМЕ** шли о Помпее всевозможные слухи, и еще до его прибытня поднялось сильное смятение, так как опасались, что он поведет тотчас свое войско на Рим и установит твердое единовластне. Красс, взяв с собой детей и деньги, уехал из Рима, оттого ли, что он действительно испугался, или, скорее, желая дать пищу клевете, чтобы усилнть зависть к Помпею. Помпей же тотчас по прибытин в Италию собрал на сходку своих воинов. В подходящей к случаю речи он благодарил их за верную службу и приказал разойтись по домам, помня о том, что нужно будет

вновь собраться для его триумфа. После того, как войско таким образом разошлось и все узнали об этом, случилось нечто совершенно неожиданное. Жители городов видели, как Помпей Магн без оружия, в сопровождении небольшой свиты, возвращается, как будто из обычного путешествия. И вот из любви к нему они толпами устремлялись навстречу и провожали его до Рима, так что он шел во главе большей силы, чем та, которую он только что распустил. Если бы он задумал совершить государственный переворот, для этого ему вовсе не нужно было бы войска.

XLIV. ТАК КАК закон не разрешал триумфатору перед триумфом вступать в город, то Помпей послал сенату просьбу оказать ему услугу и отложить выборы консулов, чтобы он мог своим присутствием содействовать избранию Пизона. Катон выступил против этого, и план Помпея на этот раз не удался. Помпей удивлялся смелости и настойчивости, с какими этот человек, один, открыто выступил в защиту права, и пожелал любым способом привлечь его на свою сторону. У Котона были две племянницы, и Помпей намеревался сам жениться на одной, а другую дать в жены своему сыну. Катон, однако, заподозрил здесь хитрость, поняв, что его хотят некоторым образом подкупить. Но его сестра и жена досадовали на то, что он отверг свойство с Помпеем Магном. Между тем Помпей, желая сделать консулом Афрания, роздал за него много денег по центуриям, и граждане приходили за деньгами в сады Помпея. Дело это получило огласку, и Помпей стал подвергаться нападкам за то, что высшую должность, которой сам добился своими великими деяниями, сделал продажной для тех, кто не мог завоевать ее доблестью. Катон сказал тогда своим женщинам: «Этот позор должны будут разделить те, кто вступит в родство с Помпеем». И женщины согласились, что Катон лучше их судит о том, что прилично и что подобает.

XLV. ТРИУМФ Помпея был столь велик, что, хотя и был распределен на два дня, времени не хватило и многие приготовления, которые послужили бы украшению любого другого великолепного триумфа, выпа-

ли из программы зрелища. На таблицах, которые несли впереди, были обозначены страны и народы, над которыми справлялся триумф: Понт, Армения, Каппадокия, Пафлагония, Мидия, Колхида, иберы, альбаны, Сирия, Киликия, Месопотамия, племена Финикии и Палестины, Иудея, Аравия, а также пираты, окончательно уничтоженные на суше и на море. В этих странах было взято не менее тысячи крепостей и почти девятьсот городов, у пиратов было захвачено восемьсот кораблей, тридцать девять опустошенных городов были заселены вновь. Кроме того, на особых таблицах указывалось, что доходы от податей составляли до сих пор пятьдесят миллионов драхм, тогда как завоеванные им земли принесут восемьдесят пять миллионов. Помпей внес в государственную казну чеканной монеты и серебряных и золотых сосудов на двадцать тысяч талантов, не считая того, что он роздал воинам, причем получившему самую меньшую долю досталось тысяча пятьсот драхм. В триумфальной процессии, не считая главарей пиратов, вели как пленников сына Тиграна, царя Армении, вместе с женой и дочерью, жену самого Тиграна, Зосиму, царя иудеев Аристобула, сестру Митридата, пятерых его детей и скифских жен; затем вели заложников, взятых у альбанов, иберов и царя Коммагены. Было выставлено множество трофеев, в целом равное числу побед, одержанных самим Помпеем и его полководцами. Но что больше всего принесло славы Помпею, что ни одному римлянину еще не выпадало на долю, это то, что свой третий триумф он праздновал за победу над третьей частью света. До него и другие трижды справляли триумф, но Помпей получил первый триумф за победу над Африкой, второй — над Европой, а этот последний — над Азией, так что после трех его триумфов создавалось впечатление, будто он некоторым образом покорил весь обитаемый мир.

XLVI. ПОМПЕЮ тогда не было еще, как утверждают писатели, во всем сравнивающие и сближающие его с Александром, тридцати четырех лет; в действительности же возраст его приближался к сорока. Каким счастьем было бы для него как раз тогда окончить свою жизнь, когда ему еще сопутствовала Александрова удача. Вся остальная его жизнь прино-

сила ему либо успехи, навлекавшие на него зависть и ненависть, либо непоправимые несчастья. Действительно, свое влияние в государстве, приобретенное благодаря собственным заслугам, он употряблял на пользу других людей и употреблял недостойным образом; так, способствуя усилению других, он наносил ущерб своему доброму имени и незаметно был сломлен собственной силой и величием. Когда в руки неприятеля попадают ключевые позиции в городе, они умножают вражескую мощь — подобным образом Цезарь, обязанный своим возвышением в государстве влиянию Помпея, совершенно уничтожил того самого человека, благодаря которому одержал верх над остальными. Произошло это следующим образом.

После возвращения из Азии Лукулла, смертельно оскорбленного Помпеем, сенат не только устроил Лукуллу торжественный прием, но и стал побуждать его к государственной деятельности, чтобы с его помощью ограничить влияние Помпея, который также был уже в Риме. Лукулл, правда, растерял свой пыл и охладел к государственной деятельности, предавшись удовольствиям и развлечениям праздности и богатства. Тем не менее он напал на Помпея и принялся так настойчиво защищать свои распоряжения в Азии, которые Помпей отменил, что при поддержке Катона достиг в сенате полной победы. Потерпев поражение и теснимый в сенате, Помпей был вынужден прибегнуть к помощи народных трибунов и связаться с мальчишками. Самый отвратительный и наглый из них, Клодий, охотно пойдя навстречу Помпею, поставил его в полную зависимость от народа. Клодий заставлял Помпея, вопреки его достоинству, бегать за собой по форуму и пользовался его поддержкой, чтобы придать вес законопроектам, которые он предлагал, и речам, которые он произносил, желая лестью снискать расположение толпы. Кроме того,— словно обществом своим он не позорил, но благодетельствовал Помпея,— Клодий требовал еще награды, которую впоследствии и получил,— Помпей принес ему в жертву Цицерона, который был другом Помпея и очень часто оказывал ему услуги на государственном поприще. Когда Цицерон в минуту опасности обратился за помощью к Помпею, последний даже не принял

его, но, приказав закрыть двери перед всеми, кто приходил к нему, сам ушел через другой выход. Цицерону пришлось тогда из страха перед судебным процессом тайно покинуть Рим.

XLVII. В ЭТО ВРЕМЯ Цезарь по возвращении в Рим после претуры предпринял такой ход, который в тот момент стяжал ему горячую любовь сограждан, а впоследствии доставил огромную власть, Помпею же и самому государству нанес тяжелейший ущерб. Цезарь стал добиваться своего первого консульства. Несогласия между Помпеем и Крассом, если бы Цезарь присоединился к одному из них, сразу делали его врагом другого. Имея это в виду, Цезарь попытался примирить обоих государственных деятелей — дело само по себе прекрасное, мудрое и отвечающее интересам государства, но затеянное с дурным намерением и проведенное с тонким коварством. До сих пор разделенное на две части могущество, как груз на корабле, выравнивало крен и поддерживало равновесие в государстве. Теперь же могущество сосредоточилось в одном пункте и сделалось настолько неодолимым, что опрокинуло и разрушило весь существующий порядок вещей. Поэтому Катон в ответ на утверждение, что республику ниспровергла возникшая впоследствии вражда между Цезарем и Помпеем, заявил, что ошибаются те, кто считает причиной гибели республики это последнее обстоятельство. Действительно, не раздоры, не вражда этих государственных деятелей, а их объединение и дружба принесли республике первейшее и величайшее несчастье.

Цезарь был избран консулом и тотчас в угоду беднякам и неимущим внес законопроект об основании колоний и раздаче земель; тем самым он нарушил достоинство своего сана, превратив консульство в своего рода трибунат. Когда товарищ Цезаря по должности, Бибул, воспротивился его намерениям, а Катон старался всемерно помочь Бибулу, Цезарь просто выпустил на ораторское возвышение Помпея и, обратившись к нему, спросил, одобряет ли тот внесенные им законопроекты. Когда последовал утвердительный ответ, Цезарь продолжал: «Итак, если кто-нибудь вздумает насилием помешать законопроекту, придешь ли ты на помощь народу?» «Конечно,— отве-

тил Помпей,— против тех, кто угрожает мечом, я выступлю с мечом и щитом». Ничего более грубого Помпей, кажется, до этого дня еще не говорил и не совершал. Поэтому в оправдание Помпея говорили, что эти слова сорвались у него с языка сгоряча. Однако последующие события ясно показали, что Помпей совершенно подчинился Цезарю. Действительно, вопреки всем ожиданиям, Помпей женился на Юлии, дочери Цезаря, уже обрученной с Цепионом и собиравшейся выйти замуж через несколько дней. Чтобы смягчить гнев Цепиона, Помпей обещал ему в жены собственную дочь, хотя она тоже была ранее обручена с Фавстом, сыном Суллы. Сам Цезарь женился на Кальпурнии, дочери Пизона.

XLVIII. ПОСЛЕ этого Помпей наполнил Рим своими воинами и вершил все дела путем открытого насилия. Так, его воины внезапно напали на Бибула, когда тот спускался на форум вместе с Лукуллом и Катоном, и переломали прутья его ликторов; кто-то из них высыпал на голову Бибула корзину с навозом; двое народных трибунов, его сопровождавшие, были ранены. Очистив таким образом форум от своих противников, Цезарь и Помпей утвердили закон о распределении земель. Соблазненный этим законом, народ сделался сговорчивым и склонным принимать всякое их предложение; теперь он вовсе не вникал ни во что, но молчаливо одобрял их законопроекты. Таким образом были утверждены распоряжения Помпея, из-за которых у него шел спор с Лукуллом, Цезарю же были предоставлены Галлия по эту и по ту стороны Альп и Иллирия, а также четыре полных легиона сроком на пять лет; консулами на следующий год были выбраны Пизон, тесть Цезаря, и Габиний, один из наиболее отвратительных льстецов Помпея. Во время этих событий Бибул сидел взаперти в своем доме; в течение восьми месяцев он не появлялся для выполнения своих обязанностей консула, а лишь издавал указы, полные злобных обвинений против его противников — Помпея и Цезаря. Что касается Катона, то он, словно одержимый пророческим наитием, предвещал в сенате предстоящую судьбу республики и самого Помпея. Лукулл же, устав от борьбы, жил на покое, как человек, уже неспособный

больше к государственной деятельности. По этому поводу Помпей заметил, что старику предаваться роскоши подобает еще меньше, чем заниматься государственными делами. Тем не менее и сам Помпей быстро растерял свою энергию, ухаживая за молодой женой; он посвящал ей бо́льшую часть своего времени, проводя вместе с нею целые дни в загородных именьях и садах и вовсе не обращая внимания на то, что творилось на форуме. Клодий, бывший тогда народным трибуном, стал относиться к нему пренебрежительно и позволил себе весьма наглые поступки. Так, он изгнал из Рима Цицерона и послал Катона на Кипр под предлогом ведения войны на этом острове. Видя, что народ всецело ему предан, потому что он во всем угождает народу, Клодий сразу же после отъезда Цезаря в Галлию сделал попытку отменить некоторые распоряжения Помпея. Он захватил пленного Тиграна и держал его в своем доме, а затем возбудил судебные процессы против друзей Помпея, чтобы испробовать, какова сила влияния Помпея. В конце концов, когда Помпей лично выступил на одном из таких процессов, Клодий в окружении толпы бесстыдных негодяев поднялся на возвышение и задал такие вопросы: «Кто разнузданный тиран? Кто этот человек, ищущий человека? Кто почесывает одним пальцем голову?» На каждый вопрос толпа громко и стройно, словно хорошо обученный хор, выкрикивала, едва лишь Клодий встряхивал краем тоги,— «Помпей».

XLIX. Эти нападки, конечно, сильно огорчали Помпея, который не привык подвергаться поношениям и был совершенно неопытен в подобного рода борьбе. Однако еще больше он опечалился, узнав, что сенат злорадствует по поводу нанесенных ему оскорблений, считая его наказанным за предательство по отношению к Цицерону. Между тем на форуме дело дошло до драки, причем несколько человек было ранено, а одного из рабов Клодия поймали с обнаженным мечом при попытке пробраться к Помпею сквозь толпу обступивших его людей. Помпей, боявшийся наглых выходок и злословия Клодия, воспользовался этим предлогом, чтобы больше не появляться на форуме, пока Клодий оставался в своей должности.

Все это время Помпей не выходил из своего дома, обсуждая с друзьями, как бы смягчить гнев сената и лучших граждан против него. Куллеон советовал ему развестись с Юлией и, порвав с Цезарем, перейти на сторону сената. Помпей отверг этот совет, а принял предложение тех, кто желал возвращения Цицерона, заклятого врага Клодия, человека, пользовавшегося величайшим расположением сената. Во главе сильного отряда Помпей проводил на форум брата Цицерона, и тот обратился к народу с просьбой за изгнанника; после схватки, в которой было множество раненых и даже несколько убитых, Помпею удалось одолеть Клодия. Возвратившись законным порядком из изгнания, Цицерон не только сразу же примирил Помпея с сенатом, но, выступив в пользу хлебного закона, снова сделал Помпея до некоторой степени владыкой всех земель и морей, принадлежавших римлянам. Ибо власти и надзору Помпея были подчинены гавани, торговые центры, продажа зерна — одним словом, вся деятельность мореходов и земледельцев. Клодий обвинял Помпея, доказывая, что этот закон внесен не из-за нехватки хлеба, а наоборот, нехватка искусственно вызвана, чтобы провести закон и чтобы новые полномочия опять оживили как бы парализованную силу Помпея. Другие видели во всем этом хитрую выдумку консула Спинтера, который желал облечь Помпея высшей властью для того, чтобы его самого послали на помощь царю Птолемею. Однако народный трибун Каниний предложил законопроект, по которому Помпей должен был без военной силы, а только с двумя ликторами примирить александрийцев с царем. Помпей, видимо, был доволен этим предложением, сенат же отверг его под тем благовидным предлогом, что он опасается за жизнь Помпея. На форуме и около сенатской курии были найдены разбросанные грамоты, в которых говорилось, что Птолемей просит назначить полководцем в помощь ему Помпея, а не Спинтера. Тимаген говорит, что Птолемей покинул Египет без настоятельной необходимости, но лишь по совету Теофана, который старался доставить Помпею новый источник личного обогащения и создать предлог для нового похода. Подлая угодливость Теофана сообщает, конечно, убедительность этой истории, но,

с другой стороны, сам характер Помпея, который неспособен был из честолюбия на столь низкое коварство, делает ее совершенно невероятной.

L. ПОСТАВЛЕННЫЙ во главе снабжения хлебом, Помпей начал направлять в различные области своих легатов и друзей, сам же, отплыв в Сицилию, Сардинию и Африку, собрал там большое количество хлеба. Когда он собирался выйти в море, поднялась буря, и кормчие не решались сняться с якоря. Тогда Помпей первым взошел на борт корабля и, приказав отдать якорь, вскричал: «Мне нужно плыть, а жить вовсе не необходимо!» При такой отваге и рвении Помпею сопутствовало счастье, и ему удалось наполнить рынки хлебом, а море покрыть грузовыми судами с продовольствием. Поэтому была оказана помощь даже чужеземцам, и изобилие из богатого источника потоком разлилось по всем землям.

LI. ЦЕЗАРЬ в это время, благодаря Галльской войне, достиг большого могущества. И хотя он находился так далеко от Рима и был, по-видимому, занят войной с бельгами, свевами и британцами, однако благодаря своей хитрости умел в самых важных делах незаметно оказывать противодействие Помпею в Народном собрании. Со своим войском он обращался, как с живым телом, не просто направляя его против варваров, но боями с неприятелем, словно охотой или травлей зверей, закаляя его и делая непобедимым и страшным. Золото, серебро и прочую богатую добычу, захваченную в бесчисленных походах, Цезарь отсылал в Рим. Эти средства он употреблял на подарки эдилам, преторам, консулам и их женам, чем приобрел расположение многих. Поэтому, когда он, перейдя Альпы, зимовал в Луке, туда наперерыв устремилось множество мужчин и женщин и среди прочих — двести сенаторов (в их числе Помпей и Красс), так что у дверей дома Цезаря можно было увидеть сто двадцать ликторских связок, различных лиц в консульском и преторском ранге. Всех прибывших Цезарь отпустил, щедро раздавая деньги и посулы, а с Помпеем и Крассом он заключил соглашение. Последние должны были добиваться консульства, а Цезарь в помощь им обещал послать большой отряд воинов для голосования. Как только совершится их избрание,

они разделят между собой провинции и командование войском, за Цезарем же должны быть утверждены его провинции на следующее пятилетие.

Это соглашение, ставшее известным в народе, первые лица в государстве встретили с большим неудовольствием. Марцеллин, выступая перед собравшимся народом, спросил обоих претендентов, будут ли они домогаться консульства. Когда народ потребовал, чтобы они дали ответ, Помпей отвечал первым, сказав, что, может быть, он будет домогаться консульства, а может быть, и нет. Красс же дал более скромный ответ, заявив, что поступит так, как считает полезным для общего блага. Когда, наконец, Марцеллин выступил против Помпея и, видимо, допустил в своей речи резкие выражения, Помпей объявил, что Марцеллин самый несправедливый человек на свете, вовсе не знающий благодарности: ведь он, Помпей, сделал его из немого красноречивым, а из голодного пресыщенным обжорой.

LII. ВСЕ ПРОЧИЕ претенденты на должность консула отступились от своих домогательств, и только Луция Домиция Катон убедил не отказываться, всячески его ободряя и говоря, что борьба с тиранами идет не за консульскую должность, а за свободу. Помпей, боясь упорства Катона, опасаясь, как бы он, и без того ведя за собой весь сенат, не привлек на свою сторону здравомыслящую часть народа, не допустил Домиция на форум; он подослал вооруженных людей, которые убили сопровождавшего Домиция факелоносца, а остальных обратили в бегство. Последним отступил Катон: защищая Домиция, он получил рану в правый локоть.

Такими-то средствами Помпей и Красс добились консульства, но и в прочих своих действиях при исполнении должности они проявили не больше скромности. Прежде всего, когда народ хотел выбрать Катона претором и уже приступил к голосованию, Помпей распустил собрание под предлогом неблагоприятных знамений. Вместо Катона подкупленные центурии выбрали претором Ватиния. Затем через народного трибуна Требония Помпей и Красс внесли законопроект, по которому,— как было условлено прежде,— полномочия Цезаря были продлены на второе пятиле-

тие; Крассу была предоставлена Сирия и ведение войны против парфян, а самому Помпею — вся Африка и обе Испаиии с четырьмя легионами, из которых два Помпей по просьбе Цезаря на время передал ему для Галльской войиы. По истечении срока коисульства Красс отправился в свою провинцию, Помпей же, освятив воздвигиутый им театр, устроил гимнастические и мусические состязаиия, а также травлю диких зверей, при которой было убито пятьсот львов. Под коиец Помпей показал еще битву со слоиами — зрелище, всего более поразившее римляи.

LIII. ЭТИ ЗРЕЛИЩА вызвали у иарода изумление перед Помпеем и любовь к иему, ио, с другой стороны, и не меньшую зависть. Помпей передал войска и управление провинциями своим доверенным легатам, а сам проводил время с женой в Италии, в своих имеиьях, переезжая из одиого места в другое и не решаясь оставить ее то ли из любви к ней, то ли из-за ее привязаииости к иему. Ибо приводят и это последиее осиование. Всем была известиа нежность к Помпею молодой жеищины, страстио любившей мужа, невзирая на его годы. Отчасти причиной этому была, по-видимому, воздержиость мужа, который довольствовался только своей жеиой, отчасти же его природная величавость, соедииявшаяся с приятиым и привлекательиым обхождеиием, особеиио соблазиительным для женщин, если призиать за истину свидетельство гетеры Флоры.

При выборах эдилов дело дошло до рукопашиой схватки, и много людей около Помпея было убито, так что ему пришлось переменить запачкаииую кровью одежду. Слуги, принесшие одежду Помпея, произвели своей беготней сильиый шум в доме. При виде окровавлеииой тоги молодая женщина, бывшая в ту пору беремеииой, лишилась чувств и с трудом пришла в себя. От такого сильного испуга и волиеиия у иее начались преждевремеиные роды. Поэтому даже те, кто весьма резко порицал дружбу Помпея с Цезарем, не могли сказать иичего дуриого о любви этой женщиины. Она забеременела снова и, родив дочь, скончалась от родов, ребеиок же пережил мать лишь на иемного дней. Помпей совершил уже все приготовлеиия для похорои в своем альбаиском имении, одна-

ко народ силой заставил перенести тело на Марсово поле, скорее из сострадания к молодой женщине, чем в угоду Помпею и Цезарю. Из них обоих, однако, народ, по-видимому, больше уважения оказывал отсутствующему Цезарю, чем Помпею, который был в Риме. Тотчас же после смерти Юлии город пришел в волнение, всюду царило беспокойство и слышались сеющие смуту речи. Родственный союз, который прежде скорее скрывал, чем сдерживал, властолюбие этих двух людей, был теперь разорван. Вскоре пришло известие о гибели Красса в войне с парфянами. Его гибель устранила еще одно важное препятствие для возникновения гражданской войны. Действительно, из страха перед Крассом оба соперника так или иначе держались по отношению друг к другу в пределах законности. Но после того, как судьба унесла третьего участника состязания, можно было вместе с комическим поэтом сказать, что один борец, выходя на борьбу с другим,

Маслом себя умащает и руки песком натирает.

Нет, для человеческой натуры, любого счастья мало! Насытить и удовлетворить ее невозможно, поскольку даже такая огромная власть, распространявшаяся на столь обширное пространство, не могла утишить честолюбия этих двух людей. Хотя им и приходилось слушать и читать о том, что даже у богов

Натрое все делено и досталося каждому царство,—

они считали, что для них двоих не хватает всей римской державы.

LIV. ВЫСТУПАЯ как-то в Народном собрании, Помпей заметил, что всякую почетную должность ему давали скорее, чем он того ожидал, и он отказывался от этой должности раньше, чем ожидали другие. О справедливости этого замечания свидетельствует то, что он всегда распускал после похода свои войска. Но тогда, полагая, что Цезарь войска не распустит, Помпей старался в противовес ему упрочить собственное положение, обеспечив высшие государственные должности за своими приверженцами. Впрочем, он не вводил никаких новшеств и не желал обнаруживать своего недоверия к Цезарю,— напротив, старался показать, что презирает его и ни во что не ставит.

Когда же Помпей стал замечать, что высшие государственные должности распределяются не по его желанию, так как граждане подкуплены, он решил не препятствовать смуте. Тотчас пошли толки о диктаторе. Первым осмелился открыто заявить об этом народный трибун Луцилий, убеждая народ выбрать Помпея диктатором. Катон так резко возражал против этого, что Луцилию грозила опасность потерять должность трибуна. Многие друзья Помпея выступили в его защиту, утверждая, что он не ищет и не желает этой должности. Катон похвалил за это Помпея и убеждал его позаботиться о восстановлении законного порядка. Тогда Помпей, устыдившись, принял меры к восстановлению порядка, и были избраны консулы — Домиций и Мессала. Потом, однако, опять началась смута, и многие стали уже более решительно толковать о диктаторе. Катон, боясь, что его вынудят подчиниться насилию, решил, что лучше предоставить Помпею какую-либо законную должность и тем отвратить его от этой неограниченной и тиранической власти. Даже Бибул, хотя и был врагом Помпея, первым подал свое мнение в сенате об избрании Помпея единственным консулом, ибо таким образом республика или избавится от теперешних беспорядков, или будет порабощена самым доблестным мужем. Это предложение показалось странным, имея в виду лицо, от которого оно исходило. Тогда встал Катон; все ждали, что он будет возражать против нового законопроекта, но, когда в сенате воцарилось молчание, он заявил, что сам не внес бы такого предложения, однако, коль скоро оно уже внесено другим, он советует его принять, предпочитая любую власть безвластию; кроме того, он считает, что лучше Помпея никто не сумеет управлять государством при таком беспорядке. Сенат принял предложение и постановил, чтобы Помпей, выбранный консулом, правил один; если же он сам потребует себе товарища, пусть изберет его не раньше, как через два месяца. Итак, интеррекс Сульпиций назначил Помпея консулом, и Помпей дружески приветствовал Катона, выразив тому большую благодарность и прося частным образом помогать ему советом при выполнении должности. Катон же отвечал, что, по его мнению, Помпей

вовсе не обязан его благодарить, так как все, что он, Катон, говорил в сенате, он сказал не ради него, Помпея, а ради государства; он будет, добавил Катон, давать Помпею советы частным образом, если к нему обратятся, а если не обратятся, он публично выскажет то, что сочтет полезным и нужным. Таков Катон был во всем.

LV. ПО ПРИБЫТИИ в город Помпей женился на Корнелии, дочери Метелла Сципиона и вдове погибшего в войне с парфянами Публия, сына Красса, на которой тот женился, когда она была еще девушкой. У этой молодой женщины, кроме юности и красоты, было много и других достоинств. Действительно, она получила прекрасное образование, знала музыку и геометрию и привыкла с пользой для себя слушать рассуждения философов. Эти ее качества соединялись с характером, лишенным несносного тщеславия — недостатка, который у молодых женщин вызывается занятием науками. Происхождение и доброе имя ее отца были безупречны. Тем не менее брак не встретил одобрения из-за большой разницы в возрасте жениха и невесты: ведь по годам Корнелии скорее подходило быть женой сына Помпея. Более проницательные люди полагали, что Помпей пренебрегает интересами государства: находясь в затруднительном положении, государство избрало его своим врачом и всецело доверилось ему одному, а он в это время увенчивает себя венками и справляет свадебные торжества, меж тем как ему следовало бы считать несчастьем это свое консульство, ибо, конечно, оно не было бы предоставлено ему вопреки установившимся обычаям, если бы в отечестве все обстояло благополучно.

Когда Помпей начал процессы о подкупе и лихоимстве и издал законы, на основании которых были возбуждены судебные преследования, он вел все дела со строгим беспристрастием, добился безопасности, порядка и спокойствия в судах, председательствуя там под охраной вооруженной силы. Однако в одном из таких процессов оказался замешанным тесть его Сципион, и тут Помпей пригласил к себе триста шестьдесят судей и просил их помочь тестю. Обвинитель отказался от процесса, увидев, что судьи провожают Сципиона с форума. Поэтому о Помпее снова

пошла дурная слава. Но еще более резким порицаниям он подвергся, когда в нарушение собственного закона, запрещавшего похвальные речи лицу, привлеченному к судебной ответственности, выступил с похвалой Планку. Катон, который как раз был в числе судей, закрыв руками уши, объявил, что не подобает ему слушать похвалы в нарушение закона. Катон был исключен из числа судей перед голосованием, но, к стыду для Помпея, Планк все же был осужден голосами остальных судей. Спустя несколько дней бывший консул Гипсей, обвиняемый в подкупе, подкараулил Помпея, когда тот возвращался после бани домой, к обеду, и стал умолять о помощи, обнимая его колени. Помпей же, пройдя мимо него, заметил презрительно, что тот может испортить ему обед, но ничего другого не добьется. Эта видимая неровность в его поведении навлекала на него порицания. Впрочем, все государственные дела Помпей привел в порядок. На оставшиеся пять месяцев своего пребывания в должности он выбрал сотоварищем своего тестя. Было вынесено постановление продлить Помпею срок управления провинциями на следующее четырехлетие; кроме того, ему было дано по тысяче талантов в год на содержание войска.

LVI. ДРУЗЬЯ Цезаря воспользовались этим предлогом, чтобы потребовать некоторого внимания и к Цезарю — человеку, который вел так много войн для распространения римского владычества. В самом деле, говорили они, Цезарь заслуживает второго консульства или продления срока командования, чтобы другой начальник, придя на смену, не похитил у него славы великих подвигов, но чтобы тот, кто их совершил, продолжал командовать в покое и почете. Когда из-за этих требований возникли разногласия, Помпей, как бы стремясь из дружеского расположения к Цезарю избавить его от зависти, объявил, что у него есть письма Цезаря, в которых тот выражает желание принять преемника и отказаться от командования; однако было бы справедливо предоставить ему право заочно домогаться консульства. Против этого восстал Катон, потребовавший, чтобы Цезарь искал себе какой-либо награды у сограждан только как частный человек, сложив оружие. Помпей, словно убежденный

доводами Катона, не настаивал на своем мнении, и тем сделал свои замыслы по отношению к Цезарю еще более подозрительными. Он послал Цезарю требование вернуть переданные ему легионы под предлогом предстоящей войны с парфянами. Цезарь отослал воинов назад, щедро одарив, хотя и знал, зачем у него их требовали.

LVII. ПОСЛЕ этого Помпей опасно занемог в Неаполе, но поправился. Неаполитанцы, по предложению Праксагора, справили благодарственное празднество в честь избавления его от опасности. Неаполитанцам стали подражать соседи, и, таким образом, празднества распространились по всей Италии, так что маленькие и большие города один за другим справляли многодневные праздники. Не хватало места для тех, кто отовсюду сходился на праздник: дороги, селения и гавани были переполнены народом, справлявшим празднества с жертвоприношениями и пиршествами. Многие встречали Помпея, украсив себя венками, с пылающими факелами в руках, а провожая, осыпали его цветами, так что его возвращение в Рим представляло собой прекрасное и внушительное зрелище. Это-то обстоятельство, как говорят, больше всего и способствовало возникновению войны. Ибо гордыня и великая радость овладели Помпеем и вытеснили все разумные соображения об истинном положении дел. Помпей совершенно отбросил теперь свою обычную осторожность, которая прежде всегда обеспечивала безопасность и успех его предприятиям, стал чрезмерно дерзок и с пренебрежением говорил о могуществе Цезаря. Он считал, что ему не будет нужды пускать в ход против Цезаря оружие или обращаться к каким-либо затруднительным и хлопотливым действиям, но что теперь он гораздо легче уничтожит соперника, чем когда-то его возвысил. К тому же в это время из Галлии прибыл Аппий с легионами, которые Помпей дал взаймы Цезарю. Аппий сильно умалял подвиги Цезаря в Галлии и распространял о нем клеветнические толки. Помпей, говорил он, не имеет представления о своем собственном могуществе и славе, если хочет бороться против Цезаря каким-то иным оружием, в то время как он может сокрушить соперника с помощью его же собственного войска, лишь

только появится перед ним,— так велика, дескать, в этом войске ненависть к Цезарю и любовь к Помпею. Так Помпей проникался все большим высокомерием и, веря в свое могущество, дошел до такого пренебрежения к силам соперника, что высмеивал тех, кто страшился войны; тех же, кто говорил ему, что не видит войска, которое будет сражаться против Цезаря, если тот пойдет на Рим, Помпей с веселой улыбкой просил не беспокоиться. «Стоит мне только,— говорил он,— топнуть ногой в любом месте Италии, как тотчас же из-под земли появится и пешее и конное войско».

LVIII. В ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ Помпею Цезарь взялся за дело более решительно. Он не удалялся более на значительное расстояние от Италии и от времени до времени посылал в Рим своих воинов на выборы должностных лиц. Многих высших магистратов он тайно привлекал на свою сторону, подкупая их деньгами. Среди них были консул Павел, за тысячу пятьсот талантов изменивший Помпею, народный трибун Курион, избавленный Цезарем от его огромных долгов, и Марк Антоний, который по дружбе к Куриону был причастен к его долгам. Один из начальников, посланных Цезарем в Рим, как рассказывали, стоял у сенатской курии и, услышав, что сенат отказывается продлить срок командования Цезаря, ударил рукой по мечу и вскричал: «Ну, тогда вот этот меч даст ему разрешение!» К этой же цели были направлены все действия и приготовления Цезаря.

Впрочем, требования и предложения Куриона в защиту Цезаря по виду были вполне разумны и направлены к общему благу. А предложил он одно из двух: или лишить Помпея командования, или, если Помпей удержит его, не отнимать войска у Цезаря; пусть они либо, став частными лицами, блюдут закон и справедливость, либо, оставаясь соперниками, довольствуются нынешним положением и не стараются его изменить. Тот, кто ослабит одного из них, только удвоит этим могущество, которого страшится. В ответ на это предложение консул Марцелл назвал Цезаря разбойником и потребовал объявить его врагом отечества, если он не сложит оружия. Тем не менее Ку-

риону с помощью Антония и Пизона удалось заставить сенат высказаться: он предложил отойти в сторону тем сенаторам, которые требовали, чтобы только один Цезарь сложил оружие, а Помпей сохранил командование. И бóльшая часть сенаторов отошла в сторону. Когда же Курион попросил отойти в сторону тех, кто считает, что оба соперника должны сложить оружие и отказаться от власти, то за Помпея подали голос двадцать пять сенаторов, а за предложение Куриона — все остальные. Сияющий от радости, думая, что уже одержал победу, Курион выбежал из курии и устремился в Народное собрание, где его встретили рукоплесканиями, осыпав венками и цветами. Помпей не присутствовал на заседании сената, потому что полководцы, командующие легионами, не имеют права вступать в город. Между тем поднялся Марцелл и заявил, что не может дольше сидеть и выслушивать все эти рассуждения: он видит, как десять легионов уже переходят Альпы, и потому идет, чтобы снарядить в путь того, кто станет сражаться против них за отечество.

LIX. ПОСЛЕ этого, как бы в знак траура, сенаторы переменили свою одежду. Марцелл, сопровождаемый всем сенатом, пошел через форум за городскую черту к Помпею. Став против него, Марцелл сказал: «Приказываю тебе, Помпей, оказать помощь отечеству, пользуясь для этого не только наличными вооруженными силами, но и набирая новые легионы». То же самое заявил и Лентул, один из двух избранных на следующий год консулов. Помпей принялся набирать войско, однако одни вовсе не подчинялись его приказам, иные — немногие — собирались с трудом и неохотно, большинство же громко требовало примирения соперников. Ибо, несмотря на противодействие сената, Антоний прочитал в Народном собрании письмо Цезаря с весьма соблазнительными для народа предложениями. А именно, Цезарь предлагал обоим вернуться из своих провинций и распустить войска, затем, отдавшись в распоряжение и на милость народа, представить отчет о своей деятельности. Но Лентул, вступивший уже в должность консула, не созывал сената. Цицерон, который незадолго до того возвратился из Киликии, хлопотал о соглашении

и внес предложение, чтобы Цезарь, покинув Галлию и распустив все остальное войско, сохранил за собою лишь два легиона и провинцию Иллирию и ожидал своего второго консульства. Однако, когда Лентул выступил против этого, а Катон громко заявил, что Помпей совершит ошибку, позволив еще раз себя обмануть, соглашение не состоялось.

LX. МЕЖДУ ТЕМ пришло сообщение, что Цезарь занял Аримин, большой город в Италии, и со всем войском идет прямо на Рим. Последнее известие, однако, было ложным. Ибо Цезарь шел, ведя за собой не больше трехсот всадников и пяти тысяч пехотинцев. Он не стал дожидаться подхода остальных сил, стоявших за Альпами, так как предпочитал напасть на врага врасплох, когда тот находится в замешательстве, чем дать ему время подготовиться к войне. Подойдя к реке Рубикону, по которой проходила граница его провинции, Цезарь остановился в молчании и нерешительности, взвешивая, насколько велик риск его отважного предприятия. Наконец, подобно тем, кто бросается с кручи в зияющую пропасть, он откинул рассуждения, зажмурил глаза перед опасностью и, громко сказав по-гречески окружающим: «Пусть будет брошен жребий»,— стал переводить войско через реку.

Лишь только распространились первые слухи об этом событии, в Риме воцарилось беспокойство, страх и смятение, какого не бывало никогда раньше. Сенат тотчас с величайшей поспешностью собрался к Помпею, явились и высшие должностные лица. Тулл спросил Помпея, где его войско и насколько оно многочисленно. После некоторого промедления Помпей неуверенно ответил, что легионы, пришедшие от Цезаря, находятся в готовности, а кроме того, он предполагает быстро свести воедино набранные прежде тридцать тысяч человек. Тогда Тулл вскричал: «Ты обманул нас, Помпей!» — и предложил послать послов к Цезарю. Некто Фавоний, вообще человек незлобивый, но уверенный, что своей упрямой надменностью он подражает благородному прямодушию Катона, предложил Помпею топнуть ногой и вывести из-под земли обещанные легионы. Помпей спокойно вынес эту бестактную издевку. Когда же Катон стал напоминать

ему о том, что еще вначале говорил о Цезаре, Помпей ответил, что предсказаиия Катона оказались более верными, а он, Помпей, действовал более дружелюбно, чем следовало.

LXI. КАТОН предложил выбрать Помпея главнокомандующим с иеограиичеиными полномочиями, прибавив, что виновиик этих великих бед должен сам положить им конец. Катон тотчас выехал в Сицилию (ему была назначеиа эта провииция), так же поступил и каждый из остальиых должностных лиц, отправившись в назначенную ему по жребию провинцию. Между тем почти вся Италия была охвачена смятеиием, и деловая жизнь иаходилась в расстройстве. Иногородние отовсюду поспешно сбегались в Рим, а столичные жители, напротив, уезжали, оставляя город, где при таком смятении и беспорядке достойные граждане проявили слабость, а буйная чернь оказала дерзкое неповиновение властям. Действительно, никак не удавалось успокоить страхи и опасения, и действовать в согласии со здравым размышлением Помпею не давали, но в каком бы состоянии духа кто ни находился,— будь то страх, печаль или беспокойство,— он со своими заботами являлся к Помпею, так что в один и тот же день нередко принимались противоположные решения. Получить о врагах достоверные сведения Помпей не мог, так как слишком миого было вестников-очевидцев, выражавших неудовольствие, если ои им не верил. Наконец, он издал указ, в котором объявил, что в городе начался мятеж, а потому велел всем сеиаторам следовать за собой, предупреждая, что будет считать всякого оставшегося другом Цезаря. Так, поздно вечером, Помпей покинул город. Консулы бежали, даже не совершив полагающегося по обычаю перед началом войны жертвоприношения. Но, несмотря на все обрушившиеся на Помпея невзгоды, его по-прежнему можно было назвать счастливым из-за любви к иему людей: хотя многие выражали недовольство войиой, но не было никого, кто бы ненавидел военачальиика. Напротив, нашлось, пожалуй, больше таких, кто ие в силах был покинуть Помпея, нежели тех, кто бежал во имя свободы.

LXII. СПУСТЯ немного дней Цезарь, вступив в Рим, овладел городом. Со всеми он обошелся милостиво

и расположил жителей к себе; только одному из народных трибунов, Метеллу, когда тот попытался помешать ему взять деньги из казнохранилища, он пригрозил смертью, добавив слова еще более суровые, чем сама угроза: он сказал, что ему тяжелее произнести угрозу, чем привести ее в исполнение. Прогнав Метелла и взяв из казначейства что ему было нужно, Цезарь начал преследовать Помпея; он спешил изгнать последнего из Италии, пока не прибыло из Испании его войско. Между тем Помпей захватил Брундизий и, приготовив достаточное число кораблей, тотчас отправил на них консулов с тридцатью когортами в Диррахий; тестя своего Сципиона и сына Гнея он отослал в Сирию собирать флот. В Брундизии Помпей велел между тем укрепить городские ворота и поставить на стены наиболее проворных воинов; жителям он приказал сидеть спокойно по домам, а весь город внутри стен избороздить рвами и на всех улицах, кроме двух, по которым он сам отступил к морю, вбить острые колья. На третий день Помпею удалось беспрепятственно погрузить на корабли остальное войско. Затем он внезапно дал сигнал воинам, охранявшим стены, и, быстро приняв на борт подбежавших, отошел от берега. Увидев оставленные защитниками стены, Цезарь понял, что враги бежали, и, преследуя их, едва не набрел на ямы и колья, однако, предупрежденный брундизийцами, принял меры предосторожности и двинулся в обход; обнаружилось, что все вражеские корабли вышли в море, кроме двух, да и те имели на борту лишь незначительное число воинов.

LXIII. НЕРЕДКО отплытие Помпея считают одной из самых удачных его военных хитростей. Сам Цезарь, однако, выражал удивление, почему Помпей, владея укрепленным городом, ожидая подхода войска из Испании и господствуя на море, все-таки оставил Италию. Цицерон также порицает Помпея за то, что, ведя войну, тот скорее подражал тактике Фемистокла, чем Перикла, хотя находился в положении, сходном скорее с Перикловым, чем с Фемистокловым. Цезарь на деле показал, как сильно он боится затяжной войны. Действительно, он послал в Брундизий захваченного в плен Нумерия, друга Помпея, предлагая согла-

шение на справедливых условиях. Однако Нумерий отплыл вместе с Помпеем. После этого Цезарь в течение шестидесяти дней без кровопролития стал владыкой всей Италии. Сперва он думал тотчас же начать преследование Помпея, но из-за отсутствия кораблей пошел походом в Испанию, имея в виду склонить на свою сторону находившиеся там войска Помпея.

LXIV. МЕЖДУ ТЕМ Помпей успел собрать большие военные силы. Флот Помпея не имел себе равных. Он состоял из пятисот боевых кораблей и огромного числа легких и сторожевых судов. Что касается его конницы, то к ней принадлежал цвет молодежи Рима и Италии в числе семи тысяч человек, выдающихся своим происхождением, богатством и отвагой. Пешее войско, однако, было смешанным по составу и еще требовало выучки. Во время пребывания в Берое Помпей рьяно взялся за его обучение, принимая личное участие в военных упражнениях, словно человек, находящийся в полном расцвете сил. Личный пример полководца имел громадное влияние на мужество воинов. Они видели, как пятидесятивосьмилетний Помпей Магн то состязался пешим в полном вооружении, то верхом, на полном скаку, ловко вытаскивал и вновь вкладывал в ножны меч, то в метании дротика показывал не только необыкновенную точность попадания, но и такую силу броска, что даже многие из молодых воинов не могли его превзойти.

К нему прибывали цари и властители различных народностей, и в его свите находилось так много знатных римлян, что они составляли целый сенат. К Помпею приехали, покинув Цезаря, Лабиен, близкий друг последнего, воевавший вместе с ним в Галлии, и Брут — сын того Брута, который был убит в Галлии. Этот Брут был человеком возвышенного образа мыслей, который никогда прежде не обращался к Помпею и даже не приветствовал его при встречах, считая убийцей своего отца. Теперь же Брут пожелал служить под начальством Помпея как освободителя Рима. Цицерон, хотя в своих сочинениях и советах проводил совершенно иные мысли, считал, однако, постыдным для себя не принадлежать к числу тех, кто подвергается опасности ради отечества. Прибыл к Помпею в Македонию также некий Тидий Секстий,

человек весьма преклонного возраста и к тому же хромой. Другие не могли удержаться от насмешек и шуток над ним, но Помпей, завидев Тидия, поднялся и бросился к нему навстречу. В его прибытии Помпей усматривал прекрасное доказательство правоты своего дела, раз находились люди, которые, несмотря на возраст и немощь, предпочитали переносить опасность вместе с ним, отказавшись от покойной и мирной жизни.

LXV. ПОСЛЕ того как сенат, по предложению Катона, вынес постановление не предавать смерти ни одного римлянина, кроме как в открытом бою, и не грабить подвластных римлянам городов, сторонники Помпея приобрели еще бо́льшие симпатии. Даже те, кто не имел к войне ни малейшего отношения — потому ли, что жил слишком далеко, или же потому, что был слишком слаб и вовсе не принимался в расчет,— даже они соединили свои желания с помпеянцами и в речах сражались за правое дело, объявляя врагом богов и людей всякого, кто от всей души не желает победы Помпею. Впрочем, и Цезарь выказывал милосердие при своих победах. Так, разбив и вынудив сдаться войско Помпея в Испании, он отпустил полководцев на свободу, а воинов присоединил к своему войску. Затем он снова перешел Альпы и, пройдя всю Италию, прибыл около зимнего солнцеворота в Брундизий. Отсюда он переправился через море и высадился в Орике. Затем он послал к Помпею его друга Вибиллия, которого держал в плену, предлагая встретиться, а после встречи, на третий день, распустить все свои войска и затем, поклявшись сохранять дружбу, возвратиться в Италию. Это предложение Помпей опять счел подстроенной ему западней. Он поспешно спустился к морю и занял все укрепленные места, которые были сильными опорными пунктами для пехоты, а также гавани и пристани, удобные для мореходов, так что всякий ветер дул на счастье Помпею, принося ему хлеб, войска или деньги. Что касается Цезаря, то ему и на суше и на море приходилось встречаться с затруднениями: необходимость вынуждала его искать сражения, часто нападая на вражеские укрепления и при каждом удобном случае вызывая неприятеля на бой. В большинстве стычек

Цезарь одерживал верх, но однажды едва не потерпел полного поражения и чуть не лишился своего войска. Помпей сражался с замечательным мужеством, пока не обратил в бегство всех врагов, перебив две тысячи воинов Цезаря. Однако он не смог — или побоялся — ворваться в лагерь Цезаря. Поэтому, обращаясь к друзьям, Цезарь сказал: «Сегодня победа осталась бы за противниками, если бы у них было кому побеждать».

LXVI. ЭТИМ успехом помпеянцы сильно возгордились и спешили теперь решить дело в открытом бою... Сам Помпей уже писал чужеземным царям, полководцам и городам в тоне победителя; все же он страшился опасностей битвы, надеясь длительной войной и лишениями сокрушить врагов, неодолимых в сражении и издавна привыкших побеждать в одном строю, но утомленных и от старости уже неспособных более нести все тяготы походной жизни — длительные переходы, частые перемены стоянок, рытье рвов и возведение стен — и поэтому спешивших как можно скорее вступить в рукопашную схватку. Прежде Помпей умел каким-то образом убедить своих сторонников сохранять спокойствие. Но теперь, после битвы, когда Цезарь из-за недостатка продовольствия выступил в поход, направляясь через область атаманов в Фессалию, уже нельзя было сдержать воинственный пыл помпеянцев: одни кричали, что Цезарь обратился в бегство, и предлагали следовать за ним по пятам, другие считали, что нужно переправиться в Италию, третьи, наконец, стали посылать в Рим своих слуг и друзей, чтобы заранее занять дома вблизи форума, намереваясь тотчас же по возвращении домогаться высших должностей. Многие по собственному почину отплыли к Корнелии на Лесбос, куда ее тайно отправил Помпей, чтобы сообщить ей радостную весть об окончании войны.

Когда собрался сенат, Афраний внес предложение напасть на Италию, так как эта страна — самая славная награда за победу на войне, и к тем, кто ею владеет, тотчас присоединяются Сицилия, Сардиния, Корсика, Испания и вся Галлия. Помпей должен теперь, продолжал он, главное внимание обратить на отечество: ведь Италия находится рядом и протяги-

вает к нему руки с мольбой о помощи, поэтому не подобает равнодушно смотреть, как она томится в позорном рабстве у прислужников и льстецов тиранов. Сам Помпей объявил, однако, что считает бесчестным вторично бежать перед Цезарем и снова оказаться в положении преследуемого, когда счастливый случай дает ему возможность гнаться по пятам за врагом. Кроме того, было бы противно совести и долгу бросить на произвол судьбы Сципиона и бывших консулов в Греции и Фессалии — ведь эти люди вместе с большими денежными средствами и значительным войском попадут в руки Цезаря; о Риме же больше всего печется тот, кто воюет как можно дальше от него — для того чтобы этот город мог спокойно ожидать победителя, не испытывая бедствий войны и даже не слыша о них.

LXVII. ПОСЛЕ этого заявления Помпей начал преследовать Цезаря, твердо решив уклоняться от схватки, но взять врага измором, тесня и преследуя его по пятам. Он и вообще считал этот план весьма разумным, и, кроме того, до него дошли какие-то толки, ходившие среди всадников, что, дескать, нужно как можно скорее разгромить Цезаря, а затем уничтожить и его, Помпея. Некоторые утверждают, что Помпей не давал Катону никакого важного поручения, но когда шел против Цезаря, то оставил его при обозе на берегу моря из опасения, как бы Катон после победы над Цезарем не вынудил его, Помпея, отказаться от командования. Между тем, пока Помпей таким образом спокойно следовал за врагом, окружающие начали осыпать его упреками, обвиняя в том, что он-де воюет не против Цезаря, а против отечества и сената, чтобы навсегда сохранить свою власть и навсегда превратить тех, что считали себя владыками вселенной, в своих слуг и телохранителей. С другой стороны, Домиций Агенобарб, называя Помпея при каждом удобном случае Агамемноном и царем царей, возбудил к нему сильную зависть. И Фавоний досаждал Помпею своими шутками не менее, чем иные — несвоевременными откровенностями. «Друзья,— кричал Фавоний,— неужели в нынешнем году не будет нам тускульских фиг?» Луций Афраний, который потерял войско в Испании и за это был

обвинен в измене, видя теперь, что Помпей избегает сражения, сказал, что очень удивлен, почему это его обвинители не дают битвы оптовому покупщику провинций. Этими и множеством других подобных речей окружающие заставили Помпея, человека, для которого слава и уважение друзей были превыше всего, оставить свои лучшие планы и увлечься их надеждами и стремлениями — уступчивость, которая не подобает даже кормчему корабля, не говоря уже о полководце, обладающем неограниченной властью над столькими народами и армиями. Помпей никогда не хвалил врачей, потворствующих желаниям больных, однако уступил больной части своего войска, опасаясь неприязни тех, чье спасение было его целью. В самом деле, можно ли считать находящимися в здравом уме людей, которые, расхаживая по лагерю, уже домогались консульства и претуры или, как Спинтер, Домиций и Сципион, яростно спорили между собой из-за должности верховного жреца, принадлежавшей Цезарю, и вербовали себе сторонников? Словно перед ними стоял лагерем армянский царь Тигран или царь набатеев, а не знаменитый Цезарь и его войско, с которым он завоевал тысячу городов, покорил более трехсот народов и оставаясь всегда победителем в бесчисленных битвах с германцами и галлами, захватил в плен миллион человек и столько же уничтожил в сражениях!

LXVIII. ВСЕ ЖЕ, когда войско спустилось на Фарсальскую равнину, настойчивые и шумные требования заставили Помпея назначить военный совет. Первым на совете поднялся Лабиен, начальник конницы, и клятвенно заверил, что не отступит в битве ни на шаг, пока не обратит врага в бегство. Такую же клятву принесли и все остальные.

Ночью Помпей видел во сне, будто народ встречает его при входе в театр рукоплесканиями, а сам он украшает храм Венеры Победоносной приношениями из добычи. Это видение, с одной стороны, внушило Помпею мужество, а с другой — причинило беспокойство, так как Помпей опасался принести роду Цезаря, который вел свое происхождение от Венеры, блеск и славу. Проснулся Помпей от безотчетного смятения, охватившего лагерь. В утреннюю стражу

над лагерем Цезаря, где царило полное спокойствие, засиял яркий свет. От него загорелся ярким пламенем факел и, поднявшись на воздух, упал в лагере Помпея. Цезарь говорит, что сам видел это знамение при обходе караульных постов.

С наступлением дня Цезарь начал было движение на Скотуссу, и его воины уже снимали палатки и высылали вперед обоз и рабов. В это время прибыли разведчики с сообщением, что во вражеском лагере переносят с места на место много оружия, что они заметили там движение и шум, какие обычно бывают перед битвой. Затем прибыли другие разведчики и объявили, что передовые части врага уже строятся в боевой порядок. Цезарь сказал, что наступил долгожданный день, что, наконец, они будут сражаться не с голодом и нуждой, а с людьми, и отдал приказ быстро поднять перед своей палаткой пурпурный хитон, что у римлян служит сигналом к битве. Заметив сигнал, воины с радостными криками оставили свои палатки и кинулись к оружию. И когда начальники повели их туда, где было назначено построение, то каждый, словно отлично выученный участник хора, спокойно и быстро занял свое место.

LXIX. САМ ПОМПЕЙ стоял на правом фланге, чтобы сражаться против Антония, в центре, против Луция Кальвина, он поставил своего тестя Сципиона, на левом же крыле находился Луций Домиций, поддерживаемый значительными силами конницы. Здесь Помпей сосредоточил почти всех своих всадников, чтобы с их помощью сокрушить Цезаря, прорвав боевую линию прославленного своей исключительной храбростью десятого легиона, в рядах которого обычно сражался сам Цезарь. Цезарь, заметивший, что левый фланг неприятеля так надежно прикрыт конницей и испуганный блеском ее оружия, послал за шестью когортами и поставил их позади десятого легиона с приказанием сохранять спокойствие, чтобы враги не заметили их. Когда же конница врага двинется вперед, им надлежит, пробившись через передние ряды бойцов, не метать копья, как обычно делают самые храбрые, спеша начать рукопашную, а бить вверх, целя противнику в глаза и в лицо. Ведь эти юные красавцы-танцоры, говорил он, не устоят

и, сохраняя свою красоту, не смогут смотреть на железо, направляемое им прямо в глаза.

Таковы были распоряжения Цезаря. В это время Помпей верхом на коне осматривал боевой порядок своего войска. Он увидел, что противники, выстроившись, спокойно ожидают подходящего момента для нападения, тогда как бо́льшая часть его собственного войска не сохраняет спокойствия, а по неопытности волнуется и даже охвачена смятением. В страхе, что уже в начале битвы его войско будет смято и рассеяно, Помпей приказал передовым бойцам крепко стоять на месте и с копьями наперевес ожидать нападения врага. Цезарь порицает такую тактику. Этот приказ, по его мнению, ослабил силу, которой обладает удар, нанесенный с разбегу, а так как Помпей запретил атаку, которая более всего наполняет воинов воодушевлением и пылом, ибо крик и стремительное движение усиливают их мужество, то этим он охладил и сковал их волю к победе.

В войске Цезаря насчитывалось двадцать две тысячи человек, а у Помпея — немногим больше чем вдвое.

LXX. УЖЕ С ОБЕИХ сторон был дан сигнал и раздались трубные звуки, призывающие к битве. Большинство участников думало лишь о себе, и только немногие — благороднейшие из римлян, а также несколько греков, прямого участия в сражении не принимавшие,— с приближением страшного часа битвы стали задумываться о том, как далеко завели римскую державу алчность и честолюбие. Здесь сошлись друг с другом братские войска, родственное оружие, общие знамена, мужество и мощь государства обратились против него же самого, показывая этим, до чего слепа и безумна охваченная страстью человеческая натура! Ведь если бы эти люди захотели спокойно властвовать и наслаждаться плодами своих побед, то бо́льшая и лучшая часть суши и моря была бы уже подчинена их доблести. Если бы им было угодно, они могли бы удовлетворить свою страсть к трофеям и триумфам, утоляя жажду славы в войнах против парфян и германцев. Поле их деятельности представляли бы Скифия и Индия, и при этом у них было бы благовидное прикрытие для своей алчности — они бы

просвещали и облагораживали варварские народы. Разве могла бы какая-нибудь скифская конница, парфянские стрелки или богатство индийцев устоять перед натиском семидесяти тысяч римлян под предводительством Помпея и Цезаря, чьи имена эти народы услышали гораздо раньше имени римлян — так много диких народов они покорили своим победоносным оружием?! Теперь они сошлись на бой, не щадя своей славы (ради которой принесли в жертву даже отечество): ведь до этого дня каждый из них носил имя непобедимого. Да, их прежнее свойство́, очарование Юлии, тот знаменитый брак с самого начала были всего лишь обманными залогами, выданными с корыстной целью; истинной же дружбы в их отношениях не было вовсе.

LXXI. КАК ТОЛЬКО Фарсальская долина наполнилась людьми и конями и с обеих сторон были подняты сигналы к нападению, из боевой линии войска Цезаря первым вырвался вперед некий Гай Крассиан во главе ста двадцати человек, чтобы выполнить данное им Цезарю великое обещание. Дело в том, что Цезарь, выходя из лагеря, первым увидел этого человека и, обратившись к нему, спросил, что он думает о предстоящем сражении. Подняв правую руку, Крассиан закричал в ответ: «Ты одержишь, Цезарь, блестящую победу, а меня ты сегодня похвалишь живого или мертвого!» Помня эти свои слова, он устремился вперед, увлекая за собой многих воинов, и затем обрушился на самый центр вражеского строя. Тотчас пошли в ход мечи, было много убитых. Крассиану удалось пробиться вглубь, изрубив бойцов первой линии, но какой-то неприятельский воин остановился и нанес ему удар такой силы, что острие, пройдя через рот, вышло под затылком. Когда Крассиан пал, битва здесь некоторое время шла с переменным успехом.

На правом крыле Помпей не скоро начал атаку, но все оглядывался на другое крыло и медлил, ожидая, к чему приведут действия конницы. Конница уже развернула свои отряды, чтобы окружить Цезаря и опрокинуть на пехоту его немногочисленных всадников, выставленных впереди. Однако по сигналу Цезаря его конница отступила, а выстроенные позади воины числом три тысячи человек, дабы избежать

охвата, внезапно выступилн вперед и пошлн на врага, а затем, как им было приказано, подняли копья вверх, целясь врагам прямо в лнцо. Всадникн Помпея, и вообще-то неопытные в военном деле, не ожидали такого маневра и не были к нему подготовлены, а потому не вынесли ударов в глаза н лицо: онн отворачивалнсь, закрывалн себе глаза руками и, наконец, бесславно обратились в бегство. Не обращая вннмания на бегущих, вонны Цезаря двннулись протнв вражеской пехоты; пехота Помпея была теперь лишена прнкрытия конницы, н ее легко можно было обойтн с фланга и окружнть. Когда этн вонны нанеслн удар во фланг, а десятый легион одновременно ринулся вперед, неприятели, не выдержав натнска, броснлись врассыпную, так как вндели, что как раз там, где онн думали окружить врагов, нм самим грозит окруженне.

LXXII. КОГДА онн обратнлись в бегство, Помпей, увидев облако пылн, догадался о поражении своей конницы. Трудно сказать, о чем он думал в тот миг, но он совершенно уподобился безумцу, потерявшему способность действовать целесообразно. Забыв, что он — Помпей Магн, нн к кому не обращаясь, медленно шел он в лагерь, так что к нему прекрасно подходили известные стихи:

Зевс же, владыка превыспрениий, страх иниспослал иа Аякса:
Стал ои смущеиный и, щит свой изад семикожный забросив,
Вспять отступал, меж толпою враждебиых, как зверь, озираясь.

В таком состояннн Помпей пришел в свою палатку н безмолвно сидел там до тех пор, пока вместе с беглецами в лагерь не ворвалось множество преследователей. Тогда он пронзнес только: «Неужелн уже дошло до лагеря?» Затем, ннчего больше не прибавив, поднялся, надел подходящую к обстоятельствам одежду н вышел нз лагеря. Остальные легноны Помпея также бежалн, н победителн устронлн в лагере страшную резню обозных н караулнвшнх палатки слуг. Воинов пало только шесть тысяч, как утверждает Азиний Поллнон, который сражался в этой битве на стороне Цезаря.

При взятнн лагеря выявнлось безрассудное легкомыслне помпеянцев: каждая палатка была увита мир-

товыми ветвями и украшена цветными коврами, всюду стояли столы с чашами для питья, были поставлены кратеры с вином, и вообще все было приспособлено и приготовлено скорее для жертвоприношения и празднества, чем для бегства. Так, обольщенное надеждами и полное безумной дерзости, шло на бой войско Помпея.

LXXIII. УДАЛИВШИСЬ немного от лагеря, Помпей пустил коня во весь опор и — так как погони не было — в сопровождении немногих друзей беспрепятственно продолжал путь, предаваясь размышлениям, каких и следовало ожидать от человека, который в течение тридцати четырех лет привык покорять всех неприятелей. Только теперь, на старости лет, в первый раз узнав, что такое поражение и бегство, Помпей вспоминал битвы и войны, в которых выросла его слава, потерянная ныне за один час, и думал о том, что еще недавно он стоял во главе столь великих сил, пеших и конных, и множества кораблей, а теперь бежит, жалкий и униженный, вынужденный скрываться от преследования врагов.

Миновав Лариссу, Помпей добрался до Темпейской долины. Почувствовав сильную жажду, он бросился ничком на землю и стал пить прямо из реки, затем поднялся и продолжал путь через Темпейскую долину, пока не достиг моря. Там он остановился до утра в какой-то рыбачьей хижине. На рассвете Помпей в сопровождении свободных спутников взошел на борт речного судна, рабам же велел, ничего не боясь, идти к Цезарю. Плывя вдоль берега, Помпей заметил большой торговый корабль, готовый к отплытию. Хозяином его был римлянин по имени Петиций, совершенно не связанный с Помпеем дружескими отношениями, но знавший его в лицо. Этому человеку прошлой ночью Помпей явился во сне (но не таким, каким Петицию часто приходилось видеть его наяву, а в жалком и униженном обличии) и заговорил с ним. Этот свой сон он как раз рассказывал спутникам — люди праздные любят порассуждать о делах первостепенной важности,— как вдруг один из матросов сообщил, что видит речное судно, идущее на веслах от берега, и каких-то людей, которые машут одеждой и протягивают к ним руки. Остановившись,

Петиций сразу узнал Помпея, каким тот явился ему во сне. Ударив себя по лбу, он велел матросам спустить шлюпку и протянул правую руку, приглашая Помпея взойти на корабль. По одному виду Помпея Петиций догадался о происшедшей в его судьбе перемене и, не ожидая ни обращений, ни слов, принял его на борт со всеми, кого тот попросил принять (это были оба Лентула и Фавоний); затем он вышел в море. Немного спустя, увидев царя Дейотара, спешившего к морю, они также взяли его на корабль.

Между тем наступила обеденная пора, и хозяин корабля приготовил обед из припасов, которые были под рукой. Фавоний, увидев, что Помпей, оставшись без слуг, начал сам разуваться, тотчас подбежал, разул его и помог натереться маслом. Вообще с того времени Фавоний ухаживал за Помпеем, постоянно прислуживая ему, как рабы служат господам,— вплоть до омовения ног и приготовления обеда, так что, увидев эти благородные, искренние и непритворные услуги, можно было бы сказать:

О, сколь прекрасно все у благородных душ!

LXXIV. ТАК ПОМПЕЙ прибыл в Амфиполь, а оттуда направился в Митилену, чтобы взять с собой Корнелию и сына. Став на якорь у берега, он отправил в город посланца с сообщением, но не с тем, какого ожидала Корнелия, которая, получая радостные вести и письма, надеялась, что исход войны решился при Диррахии и Помпею осталось только преследовать Цезаря. Вот в каком положении застал ее посланец и потому не решился ее приветствовать; скорее слезами, чем словами рассказав ей почти обо всех самых важных несчастиях, он попросил ее поспешить, если она желает увидеть Помпея — на одном корабле, и к тому же чужом. Услышав это, Корнелия упала на землю и долгое время лежала безмолвная, лишившаяся чувств; затем, с трудом придя в себя и сообразив, что теперь не время жаловаться и плакать, она бросилась бежать через город к морю. Помпей встретил ее и подхватил на руки, так как она снова едва не рухнула наземь. «Я вижу, о мой супруг,— сказала она,— что не твоя судьба, а моя бросила тебя на этот единственный корабль, тебя, который до

женитьбы на Корнелии объезжал это море на пятистах кораблях. Зачем ты приехал повидаться со мною? Почему не оставил меня в жертву моему пагубному демону, меня, которая осквернила и тебя столь великим бедствием? Какой была бы я счастливой женщиной, если бы умерла до печального известия о кончине моего первого мужа Публия на войне с парфянами! Как благоразумно поступила бы, покончив с собой после его смерти, как я желала этого! Но я осталась жить на горе Помпею Магну!»

LXXV. НА ЭТО обращение Корнелии Помпей, как сообщают, отвечал так: «Да, Корнелия, до сих пор ты знала лишь один из моих жребиев — счастливый, и он-то, быть может, тебя и обманул, потому что оставался неизменным дольше, чем это бывает обычно. Но мы — люди, и нам приходится терпеть и такую участь, как ныне, а потому следует еще раз попытать счастья. Ведь еще есть надежда из теперешнего положения вернуться к прежнему для того, кто сменил прежнее на теперешнее». В ответ на эти слова Корнелия послала в город за своими вещами и слугами. Между тем митиленцы приветствовали Помпея и приглашали его прибыть в город. Помпей, однако, отклонил их предложение и посоветовал подчиниться победителю и не унывать, ибо Цезарь — человек благожелательный и мягкого характера. Затем Помпей вступил в беседу с философом Кратиппом, который прибыл из города, чтобы повидаться с ним, причем жаловался на провидение, высказывая свои сомнения на этот счет. Кратипп, согласившись с его доводами, пытался внушить ему лучшие надежды, чтобы не докучать ему неуместными возражениями. В противном же случае он мог бы легко доказать Помпею, что римскому государству из-за полного расстройства в делах правления необходимо единовластие. Затем он мог бы спросить: «Каким же образом и с помощью каких доводов, Помпей, мы убедимся, что ты, одержав верх, пользовался бы своим счастьем лучше, чем Цезарь? Нет, нам должно принимать свершившееся, смиряясь с волей богов».

LXXVI. ЗАТЕМ Помпей принял на корабль жену и друзей и продолжал плавание, заходя во все гавани, где была вода и продовольствие. Первым городом,

куда он прибыл, была Атталия в Памфилии. Там к нему присоединилось несколько триер из Киликии, собрались воины, и снова при нем оказалось шестьдесят сенаторов. Когда Помпей узнал, что его флот стоит в боевой готовности, а Катон с большим войском переправился в Африку, он начал горько жаловаться на своих друзей и упрекать себя за то, что позволил уговорить себя дать сражение только на суше, без всякого участия морских сил, в которых он обладал бесспорным перевесом, и не держал флот наготове: в последнем случае, даже потерпев поражение на суше, он мог бы на море противопоставить противнику огромную мощь. Действительно, важнейшей ошибкой Помпея и самой ловкой военной хитростью Цезаря было то, что эта битва разыгралась в местности, расположенной так далеко от моря.

Между тем Помпей, вынужденный все же что-то предпринять, исходя из сложившегося положения дел, послал за помощью в окрестные города. Некоторые города он объезжал сам, требуя денег и снаряженных судов. Помпей опасался, однако, как бы враг со свойственной ему стремительностью и быстротой не захватил его самого врасплох, прежде чем будут закончены необходимые приготовления, и начал подыскивать себе убежище, где бы он мог в случае нужды найти приют. После совещания выяснилось, что ни одна провинция не годится для этой цели. Что же касается чужеземных царств, то сам Помпей высказал мнение, что парфянское царство является наиболее могущественным и в состоянии не только принять и защитить их в теперешнем жалком положении, но и снова усилить и вернуть назад с огромным войском. Из остальных участников совещания большинство высказалось в пользу Африки и царя Юбы. Однако Теофан Лесбосский объявил, что ему представляется нелепым, оставив без внимания Египет, находящийся всего лишь в трех днях пути, и Птолемея, хотя еще и очень молодого человека, но по отцу обязанного Помпею дружбой и благодарностью, отдаться в руки парфян — самого вероломного из народов. Помпей, продолжал он, не желает уступить римлянину, своему бывшему тестю, первое место и удовольствоваться второю после него ролью, отказывается подвергнуть

испытанию его великодушие, но готов отдаться на волю Арсака, который даже Красса согласился принять под свою власть только мертвым. Он хочет свою молодую супругу из рода Сципионов отвезти в страну варваров, которые мерой своего могущества считают необузданное своеволие; пусть она даже и не подвергнется там никаким оскорблениям — все равно для нее было бы ужасно оказаться во власти тех, кто может их причинить. Это последнее обстоятельство, как говорят, одно лишь удержало Помпея от путешествия на Евфрат, если только он вообще руководился какими-либо соображениями, а не демон направлял его по этому пути.

LXXVII. ТАКИМ образом, верх одержало предложение отправиться в Египет, и Помпей с женой отплыл с Кипра на селевкийской триере; остальные спутники плыли вместе с ним частью на боевых, частью на грузовых кораблях. Море удалось пересечь беспрепятственно. Узнав затем, что Птолемей стоит с войском у Пелусия и ведет войну против своей сестры, Помпей двинулся туда, отправив вперед посланца объявить царю о своем прибытии и просить о помощи. Птолемей был еще очень молод. Потин, управлявший всеми делами, собрал совет самых влиятельных людей (их влияние зависело исключительно от его произвола) и велел каждому высказать свое мнение. Возмутительно было, что о Помпее Магне совет держали евнух Потин, хиосец Теодот — нанятый за плату учитель риторики, и египтянин Ахилла. Эти советники были самыми главными среди спальников и воспитателей царя. И решения такого-то совета должен был ожидать, стоя на якоре в открытом море вдали от берега, Помпей, который считал ниже своего достоинства быть обязанным своим спасением Цезарю!

Советники разошлись во мнениях: одни предлагали отправить Помпея восвояси, другие же — пригласить и принять. Теодот, однако, желая показать свою проницательность и красноречие, высказал мысль, что оба предложения представляют опасность: ведь, приняв Помпея, сказал он, мы сделаем Цезаря врагом, а Помпея своим владыкой; в случае же отказа Помпей, конечно, поставит нам в вину свое изгнание, а Цезарь — необходимость преследовать Помпея.

Поэтому наилучшим выходом из положения было бы пригласить Помпея и затем убить его. В самом деле, этим мы окажем и Цезарю великую услугу, и Помпея нам уже не придется опасаться. «Мертвец не кусается»,— с улыбкой закончил он.

LXXVIII. СОВЕТНИКИ одобрили этот коварный замысел, возложив осуществление его на Ахиллу. Последний, взяв с собой некоего Септимия, ранее служившего военным трибуном у Помпея, Сальвия, который был у него центурионом, и трех или четырех слуг, вышел из гавани и направился к кораблю Помпея. На борту корабля находились в этот миг знатнейшие из спутников Помпея, чтобы наблюдать происходящее. Когда они заметили, что прием не отличается царственной пышностью и вовсе не соответствует ожиданиям Теофана, так как всего только несколько человек на одной рыбачьей лодке плывут навстречу кораблю, им показалось подозрительным это неуважение и они стали советовать Помпею немедленно выйти в море, пока они находятся еще вне обстрела. Между тем лодка приблизилась, Септимий встал первым и, обратившись к Помпею по-латыни, назвал его императором. Ахилла же приветствовал его по-гречески и пригласил сойти в лодку, так как, дескать, здесь очень мелко и из-за песчаных отмелей проплыть на триере невозможно. В это время спутники Помпея заметили несколько царских кораблей, на борт которых поднимались воины; берег был занят пехотинцами. Поэтому спастись бегством, даже если бы Помпей переменил свое решение, казалось немыслимым, а к тому же выказать недоверие означало бы дать убийцам оправдание в их преступлении. Итак, простившись с Корнелией, которая заранее оплакивала его кончину, Помпей приказал двоим центурионам, вольноотпущеннику Филиппу и рабу по имени Скиф спуститься в лодку. И когда Ахилла уже протянул ему с лодки руку, он повернулся к жене и сыну и произнес ямбы Софокла:

Когда к тирану в дом войдет свободный муж,
Он в тот же самый миг становится рабом.

LXXIX. ЭТО БЫЛИ последние слова, с которыми Помпей обратился к близким, затем он вошел в лод-

ку. Корабль находился на значительном расстоянии от берега, и так как никто из спутников не сказал ему ни единого дружеского слова, то Помпей, посмотрев на Септимия, промолвил: «Если я не ошибаюсь, то узнаю моего старого соратника». Тот кивнул только головой в знак согласия, но ничего не ответил и видом своим не показал дружеского расположения. Затем последовало долгое молчание, в течение которого Помпей читал маленький свиток с написанной им по-гречески речью к Птолемею. Когда Помпей стал приближаться к берегу, Корнелия с друзьями в сильном волнении наблюдала с корабля за тем, что произойдет, и начала уже собираться с духом, видя, что к месту высадки стекается множество придворных, как будто для почетной встречи. Но в тот момент, когда Помпей оперся на руку Филиппа, чтобы легче было подняться, Септимий сзади пронзил его мечом, а затем вытащили свои мечи Сальвий и Ахилла. Помпей обеими руками натянул на лицо тогу, не сказав и не сделав ничего не соответствующего его достоинству; он издал только стон и мужественно принял удары. Помпей скончался пятидесяти девяти лет, назавтра после дня своего рождения.

LXXX. СПУТНИКИ Помпея на кораблях, как только увидели убийство, испустили жалобный вопль, слышный даже на берегу. Затем, подняв якоря, они поспешно обратились в бегство, причем сильный ветер помогал беглецам выйти в открытое море. Поэтому египтянам, которые пустились было за ними вслед, пришлось отказаться от своего намерения.

Убийцы отрубили Помпею голову, а нагое тело выбросили из лодки, оставив лежать напоказ любителям подобных зрелищ. Филипп не отходил от убитого, пока народ не насмотрелся досыта. Затем он обмыл тело морской водой и обернул его какой-то из своих одежд. Так как ничего другого под руками не было, он осмотрел берег и нашел обломки маленькой лодки, старые и трухлявые; все же их оказалось достаточно, чтобы послужить погребальным костром для нагого и к тому же изувеченного трупа. Когда Филипп переносил и складывал обломки, к нему подошел какой-то уже преклонного возраста римлянин, который еще в молодости участвовал в первых походах Помпея. «Кто

ты такой, приятель,— спросил он Филиппа,— коли собираешься погребать Помпея Магна?» Когда тот ответил, что он вольноотпущенник Помпея, старик продолжал: «Эта честь не должна принадлежать одному тебе! Прими и меня как бы в участники благочестивой находки, чтобы мне не во всем сетовать на свое пребывание на чужбине, которое после стольких тяжких превратностей дает мне случай исполнить, по крайней мере, хотя одно благородное дело — коснуться собственными руками и отдать последний долг великому полководцу римлян». Так совершалось погребение Помпея.

На следующий день прибыл с Кипра Луций Лентул; ничего не зная о происшедшем, он плыл вдоль берегов Египта. Увидев погребальный костер и стоящего рядом человека, но не узнав издали Филиппа, он вскричал: «Кто это свершил срок, определенный судьбой, и покоится здесь?»,— а затем со вздохом прибавил: «Быть может, это ты, Помпей Магн!» Вскоре при высадке на берег он был схвачен и также казнен. Таков был конец Помпея.

Немного спустя Цезарь прибыл в Египет — страну, запятнавшую себя таким неслыханным злодеянием. Он отвернулся как от убийцы от того, кто принес ему голову Помпея, и, взяв кольцо Помпея, заплакал. На печатке был вырезан лев, держащий меч. Ахиллу и Потина Цезарь приказал казнить. Сам царь был разбит в сражении и утонул в реке. Софисту же Теодоту удалось ускользнуть от наказания, назначенного ему Цезарем, так как он бежал из Египта и скитался, ведя жалкую жизнь и презираемый всеми. Когда Марк Брут после убийства Цезаря завладел Азией, он отыскал там Теодота и приказал подвергнуть его мучительной казни.

Останки Помпея были переданы Корнелии, которая похоронила их в Альбанском имении.

[СОПОСТАВЛЕНИЕ]

LXXXI *(I)*. ТАК КАК жизнеописания этих двух людей у нас перед глазами, рассмотрим теперь вкратце и сопоставим их отличительные особенности. Первая

особенность состоит в том, что Помпей достиг могущества и прославился исключительно законными путями, по собственному почину оказав много важных услуг Сулле, когда тот освобождал Италию от тиранов. Что же касается Агесилая, то он, напротив, как кажется, овладел царской властью не безупречным — с точки зрения и божеских, и человеческих законов — способом. Так, он объявил незаконнорожденным Леотихида, которого его брат сам признал законным наследником, и выставил в смешном виде оракул о хромом царствовании. Во-вторых, Помпей и при жизни Суллы постоянно воздавал диктатору подобающие почести, и после его кончины, вопреки противодействию Лепида, позаботился о погребении умершего и даже выдал свою дочь замуж за сына Суллы Фавста. Агесилай же, воспользовавшись случайным предлогом, отдалил от себя Лисандра и подверг его грубым оскорблениям. Услуги, оказанные Сулле Помпеем, были не менее тех, какие оказал ему Сулла, тогда как Агесилая Лисандр сделал царем Спарты и полководцем всей Греции. Третье различье состоит в том, что несправедливости, допускавшиеся Помпеем в государственных делах и судах, вызывались родственными связями. Действительно, Помпею приходилось быть соучастником большинства неблаговидных поступков Цезаря и Сципиона, каждый из которых был его тестем. С другой стороны, Сфодрия, которого должны были казнить за несправедливый поступок с афинянами, Агесилай избавил от заслуженной кары и из-за страсти своего сына, а решительную поддержку Фебиду, нарушителю мирного договора с фиванцами, он оказал, бесспорно, покрывая само преступление. Вообще, сколько вреда причинил Помпей римлянам, уступая друзьям или по неведению, столько же бед навлек Агесилай на лакедемонян, раздув пламя Беотийской войны в угоду своему пылкому честолюбию.

LXXXII *(II)*. ЕСЛИ в неудачах обоих этих людей следует усматривать также и недоброжелательство судьбы, то участь Помпея оказалась совершенно неожиданной для римлян, лакедемоняне же заранее знали судьбу Агесилая, но он не дал им уберечься от хромого царствования. В самом деле, если бы Леоти-

хид даже тысячу раз был уличен в том, что он чужеземец и незаконнорожденный, то, конечно, эврипонтидам не трудно было бы найти для Спарты законного царя со здоровыми ногами, если бы только Лисандр не заставил их забыть об оракуле. То целительное средство, которое в затруднительных обстоятельствах после несчастной битвы при Левктрах Агесилай применил к «убоявшимся», предложив на один день позволить законам спать, обнаруживает его замечательную государственную мудрость, и в жизни Помпея нельзя найти ничего подобного. Последний не считал себя обязанным соблюдать им же самим установленные законы, чтобы показать друзьям свое могущество. Агесилай же, поставленный перед необходимостью ради спасения сограждан отменить законы, нашел средство, благодаря которому законы и не погубили граждан, и в то же время не были отменены, чтобы их не погубить. Неподражаемым примером государственной мудрости Агесилая мне представляется также и тот известный его поступок, когда он сразу же по получении скиталы прекратил свой Азиатский поход. Агесилай не пользовался мощью государства в такой мере, как Помпей, и своим величием он обязан самому себе, но ради блага отечества он отказался от такого могущества и славы, какой никто не обладал ни прежде, ни после него, за исключением Александра.

LXXXIII *(III)*. С ДРУГОЙ стороны, что касается походов и военных подвигов, то сам Ксенофонт, я думаю, не стал бы сравнивать победы Агесилая с числом трофеев Помпея, величиной армий, бывших под его начальством, количеством битв и одержанных им побед, хотя этому писателю ради его прочих достоинств предоставлено как бы преимущественное право писать и говорить об Агесилае что ему угодно.

Думается также, что Помпей своим милостивым отношением к врагам выгодно отличается от Агесилая. Последний хотел поработить Фивы и превратить в пустыню Мессену (хотя Мессена и Спарта владели равными долями в общем наследии, а Фивы были городом, откуда происходил его род) и из-за этого чуть было не лишился самой Спарты и потерял владычество над Грецией. Помпей же не только поселил

в городах пиратов, которые, изменив свое ремесло, перешли к новому образу жизни, но и сделал своим союзником побежденного армянского царя Тиграна,— которого мог бы провести пленником в своей триумфальной процессии,— заявив, что вечность для него ценнее одного дня.

Но если на войне следует отдавать предпочтение только важнейшим делам и планам, которые имели решительный успех, то лакедемонянин талантом полководца далеко превзошел римлянина. Действительно, во-первых, он не покинул и не отдал города врагам, хотя они вторглись в страну с семидесятитысячным войском, а у него была лишь горстка воинов, да к тому же потерпевших поражение при Левктрах. Помпей, напротив, в страхе бежал из Рима, едва только Цезарь с пятью тысячами тремястами человек захватил единственный город Италии: он либо малодушно отступил перед малочисленным противником, либо ошибочно счел врагов значительно сильнее. Кроме того, Помпей отправился в путь с женой и детьми, а семьи остальных граждан оставил беззащитными, между тем как ему следовало бы или победить, сражаясь за родину, или же принять мирные предложения сильнейшего противника, тем более что тот был его согражданином и свойственником. А в результате как раз тому человеку, которому он считал опасным продлить срок командования или предоставить консульство, он дал возможность захватить Рим и объявить Метеллу, что он считает его самого и всех остальных своими пленниками.

LXXXIV (IV). ДЕЙСТВУЯ в соответствии с непреложным и важнейшим для хорошего полководца правилом: будучи сильным — принуждать врага к сраженью, а чувствуя слабость — уклоняться от боя, Агесилай всегда оставался непобедимым. Цезарь, когда был слабее, ускользал от Помпея, чтобы не потерпеть пораженья, а лишь только стал сильнее, то заставил его в одном сухопутном сраженье рискнуть всем, что было в его руках, и сразу завладел богатствами, продовольствием и господством на море; если бы все это по-прежнему оставалось в руках врага, то последний мог бы покончить с Цезарем без всякой битвы. То, что при этом приводят в качестве наилуч-

шего оправдания, служит самым сильным упреком опытному полководцу. Действительно, для молодого полководца (к тому же еще смущенного криком и шумом своих воинов и недостаточно сильного, чтобы противостоять их требованиям) было бы естественно и простительно отказаться от своих самых надежных расчетов. Но кто может найти извинение тому, что Помпей Магн, чей лагерь римляне называли отечеством, а палатку — сенатом, считая отступниками и предателями тех, кто вершил государственными делами в Риме, о котором было известно, что он никогда не подчинялся никакому начальнику, но все свои походы с великой славой проделал главнокомандующим, — кто найдет извинение тому, повторяю я, что такой человек из-за пустяков, из-за шуток Фавония и Домиция, из-за того, чтобы его не называли Агамемноном, ринулся в опасное сраженье, рискуя верховной властью и свободой? Если он принимал в расчет славу и позор лишь одного дня, он должен был бы сразу начать сопротивление врагу и защищать Рим, а, выдавая свое бегство за Фемистоклову военную хитрость, не должен был впоследствии считать позорным промедление перед битвой в Фессалии. Ведь божество не указало именно на Фарсальскую равнину как на арену для битвы за господство над миром и глашатай не призывал соперников спуститься на равнину и не увенчал одного из них венком. Напротив, господствуя на море, Помпей имел возможность выбрать множество других равнин, тысячи городов; наконец, в его распоряжении был бы весь мир, если бы он только захотел подражать Фабию Максиму, Марию, Лукуллу и даже самому Агесилаю. Этому последнему не только в Спарте пришлось выдержать такое же мятежное недовольство сограждан, которые хотели защищать от фиванцев свою землю, но также и в Египте терпеливо выносить подозрения и клеветнические обвинения со стороны царя, которому он советовал сохранять спокойствие. Агесилай, умея быть настойчивым в выполнении своих планов, раз уж он признал их наилучшими, не только спас египтян против их воли и постоянно оберегал Спарту во время столь сильных потрясений, но даже воздвиг в самом

городе памятник победы над фиванцами, дав согражданам возможность вновь одержать победу, благодаря тому что раньше не дал им пасть жертвой собственного своеволия. Поэтому впоследствии Агесилая хвалили те, своеволию которых он противился. Напротив, Помпея, который допускал ошибки по вине других, порицали те самые люди, которые побуждали его их совершать.

Некоторые утверждают, однако, что его обманул тесть Сципион, похитив и утаив большую часть денег, привезенных из Азии, с тем, чтобы заставить Помпея дать сражение, так как иначе-де не хватит денег. Если бы это даже было и верно, все же полководец не должен, попав в подобные обстоятельства, так легко позволить себя обмануть, не должен опрометчиво идти на риск решительного сражения. Вот в чем мы усматриваем различие между этими двумя людьми.

LXXXV (V). ПОМПЕЙ отплыл в Египет по необходимости, как изгнанник, Агесилай же отправился туда не по необходимости, но и не из благородных побуждений, а ради денег, чтобы на средства, полученные от варваров, воевать против греков. Затем то самое, в чем мы виним египтян, погубивших Помпея, египтяне ставят в вину Агесилаю. Действительно, Помпей доверился им и поплатился за это жизнью, Агесилай же был облечен египтянами полным доверием, но покинул на произвол судьбы тех, к кому он прибыл на помощь, перейдя на сторону их врагов.

АЛЕКСАНДР И ЦЕЗАРЬ

АЛЕКСАНДР

I. ОПИСЫВАЯ в этой книге жизнь царя Александра и жизнь Цезаря, победителя Помпея, мы из-за множества событий, которые предстоит рассмотреть, не предпошлем этим жизнеописаниям иного введения, кроме просьбы к читателям не винить нас за то, что мы перечислим не все знаменитые подвиги этих людей, не будем обстоятельно разбирать каждый из них в отдельности, и наше изложение по большей части будет кратким. Мы пишем не историю, а жизнеописа-

ния, и не всегда в самых славных деяниях бывает видна добродетель или порочность, но часто какой-нибудь ничтожный поступок, слово или шутка лучше обнаруживают характер человека, чем битвы, в которых гибнут десятки тысяч, руководство огромными армиями и осады городов. Подобно тому, как художники, мало обращая внимания на прочие части тела, добиваются сходства благодаря точному изображению лица и выражения глаз, в которых проявляется характер человека, так и нам пусть будет позволено углубиться в изучение признаков, отражающих душу человека, и на основании этого составлять каждое жизнеописание, предоставив другим воспевать великие дела и битвы.

II. ПРОИСХОЖДЕНИЕ Александра не вызывает никаких споров: со стороны отца он вел свой род от Геракла через Карана, а со стороны матери — от Эака через Неоптолема. Сообщают, что Филипп был посвящен в Самофракийские таинства одновременно с Олимпиадой, когда он сам был еще отроком, а она девочкой, потерявшей своих родителей. Филипп влюбился в нее и сочетался с ней браком, добившись согласия ее брата Ариббы. Накануне той ночи, когда невесту с женихом закрыли в брачном покое, Олимпиаде привиделось, что раздался удар грома и молния ударила ей в чрево, и от этого удара вспыхнул сильный огонь; языки пламени побежали во всех направлениях и затем угасли. Спустя некоторое время после свадьбы Филиппу приснилось, что он запечатал чрево жены: на печати, как ему показалось, был вырезан лев. Все предсказатели истолковывали этот сон в том смысле, что Филиппу следует строже охранять свои супружеские права, но Аристандр из Тельмесса сказал, что Олимпиада беременна, ибо ничего пустого не запечатывают, и что беременна она сыном, который будет обладать отважным, львиным характером. Однажды увидели также змея, который лежал, вытянувшись вдоль тела спящей Олимпиады; говорят, что это больше, чем что-либо другое, охладило влечение и любовь Филиппа к жене и он стал реже проводить с нею ночи — то ли потому, что боялся, как бы женщина его не околдовала или же не опоила, то ли считая, что она связана с высшим существом, и потому

избегая близости с ней. О том же самом существует и другой рассказ. Издревле все женщины той страны участвуют в орфических таинствах и в оргиях в честь Диониса; участниц таинств называют клодонками и мималлонками, а действия их во многом сходны с обрядами эдонянок, а также фракиянок, живущих у подножья Гемоса (этим последним, по-моему, обязано своим происхождением слово «фрэскэуэйн» [thréskeúein], служащее для обозначения неумеренных, сопряженных с излишествами священнодействий). Олимпиада ревностнее других была привержена этим таинствам и неистовствовала совсем по-варварски; во время торжественных шествий она несла больших ручных змей, которые часто наводили страх на мужчин, когда, выползая из-под плюща и из священных корзин, они обвивали тирсы и венки женщин.

III. ПОСЛЕ явившегося ему знамения Филипп отправил в Дельфы мегалополитанца Херона, и тот привез ему оракул Аполлона, предписывавший приносить жертвы Аммону и чтить этого бога больше всех других. Говорят также, что Филипп потерял тот глаз, которым он, подглядывая сквозь щель в двери, увидел бога, спавшего в образе змея с его женой. Как сообщает Эратосфен, Олимпиада, провожая Александра в поход, ему одному открыла тайну его рождения и настоятельно просила его не уронить величия своего происхождения. Другие историки, наоборот, рассказывают, что Олимпиада опровергала эти толки и восклицала нередко: «Когда же Александр перестанет оговаривать меня перед Герой?»

Александр родился в шестой день месяца гекатомбеона, который у македонян называется лой, в тот самый день, когда был сожжен храм Артемиды Эфесской. По этому поводу Гегесий из Магнесии произнес остроту, от которой веет таким холодом, что он мог бы заморозить пламя пожара, уничтожившего храм. «Нет ничего удивительно,— сказал он,— в том, что храм Артемиды сгорел: ведь богиня была в это время занята, помогая Александру появиться на свет». Находившиеся в Эфесе маги считали несчастье, приключившееся с храмом, предвестием новых бед; они бегали по городу, били себя по лицу и кричали, что этот день породил горе и великое бедствие для Азии. Филипп,

который только что завоевал Потидею, одновременно получил три известия: во-первых, что Парменион в большой битве победил иллирийцев, во-вторых, что принадлежавшая ему скаковая лошадь одержала победу на Олимпийских играх, и, наконец, третье — о рождении Александра. Вполне понятно, что Филипп был сильно обрадован, а предсказатели умножили его радость, объявив, что сын, рождение которого совпало с тремя победами, будет непобедим.

IV. ВНЕШНОСТЬ Александра лучше всего передают статуи Лисиппа, и сам он считал, что только этот скульптор достоин ваять его изображения. Этот мастер сумел точно воспроизвести то, чему впоследствии подражали многие из преемников и друзей царя,— легкий наклон шеи влево и томность взгляда. Апеллес, рисуя Александра в образе громовержца, не передал свойственный царю цвет кожи, а изобразил его темнее, чем он был на самом деле. Как сообщают, Александр был очень светлым, и белизна его кожи переходила местами в красноту, особенно на груди и на лице. Кожа Александра очень приятно пахла, а изо рта и от всего тела исходило благоухание, которое передавалось его одежде,— это я читал в воспоминаниях Аристоксена. Причиной этого, возможно, была температура его тела, горячего и огненного, ибо, как думает Теофраст, благовоние возникает в результате воздействия теплоты на влагу. Поэтому больше всего благовоний, и притом самых лучших, производят сухие и жаркие страны, ибо солнце удаляет с поверхности тел влагу, которая дает пищу гниению. Этой же теплотой тела, как кажется, порождалась у Александра и склонность к пьянству и вспыльчивость.

Еще в детские годы обнаружилась его воздержность: будучи во всем остальном неистовым и безудержным, он был равнодушен к телесным радостям и предавался им весьма умеренно; честолюбие же Александра приводило к тому, что его образ мыслей был не по возрасту серьезным и возвышенным. Он любил не всякую славу и искал ее не где попало, как это делал Филипп, подобно софисту хваставшийся своим красноречием и увековечивший победы своих колесниц в Олимпии изображениями на монетах. Однажды, когда приближенные спросили Александра, отличав-

шегося быстротой ног, не пожелает ли он состязаться в беге на Олимпийских играх, он ответил: «Да, если моими соперниками будут цари!» Вообще Александр, по-видимому, не любил атлетов: он устраивал множество состязаний трагических поэтов, флейтистов, кифаредов и рапсодов, а также различные охотничьи соревнования и бои на палках, но не проявлял никакого интереса к кулачным боям или к панкратию и не назначал наград их участникам.

V. КОГДА в отсутствие Филиппа в Македонию прибыли послы персидского царя, Александр, не растерявшись, радушно их принял; он настолько покорил послов своей приветливостью и тем, что не задал ни одного детского или малозначительного вопроса, а расспрашивал о протяженности дорог, о способах путешествия в глубь Персии, о самом царе — каков он в борьбе с врагами, а также о том, каковы силы и могущество персов, что они немало удивлялись и пришли к выводу, что прославленные способности Филиппа меркнут перед величием замыслов и стремлений этого мальчика. Всякий раз, как приходило известие, что Филипп завоевал какой-либо известный город или одержал славную победу, Александр мрачнел, слыша это, и говорил своим сверстникам: «Мальчики, отец успеет захватить все, так что мне вместе с вами не удастся совершить ничего великого и блестящего». Стремясь не к наслаждению и богатству, а к доблести и славе, Александр считал, что чем больше получит он от своего отца, тем меньше сможет сделать сам. Возрастание македонского могущества порождало у Александра опасения, что все великие деяния будут совершены до него, а он хотел унаследовать власть, чреватую не роскошью, удовольствиями и богатством, но битвами, войнами и борьбою за славу.

Само собой разумеется, что образованием Александра занимались многочисленные воспитатели, наставники и учителя, во главе которых стоял родственник Олимпиады Леонид, муж сурового нрава; хотя сам Леонид и не стыдился звания воспитателя и дядьки, звания по существу прекрасного и достойного, но из уважения к нему и его родственным связям все называли его руководителем и наставником Александра. Дядькой же по положению и по званию был Ли-

симах, акарнанец родом. В этом человеке не было никакой утонченности, но лишь за то, что он себя называл Фениксом, Александра — Ахиллом, а Филиппа — Пелеем, его высоко ценили и среди воспитателей он занимал второе место.

VI. ФЕССАЛИЕЦ Филоник привел Филиппу Букефала, предлагая продать его за тринадцать талантов, и, чтобы испытать коня, его вывели на поле. Букефал оказался диким и неукротимым; никто из свиты Филиппа не мог заставить его слушаться своего голоса, никому не позволял он сесть на себя верхом и всякий раз взвивался на дыбы. Филипп рассердился и приказал увести Букефала, считая, что объездить его невозможно. Тогда присутствовавший при этом Александр сказал: «Какого коня теряют эти люди только потому, что по собственной трусости и неловкости не могут укротить его». Филипп сперва промолчал, но когда Александр несколько раз с огорчением повторил эти слова, царь сказал: «Ты упрекаешь старших, будто больше их смыслишь или лучше умеешь обращаться с конем». «С этим, по крайней мере, я справлюсь лучше, чем кто-либо другой»,— ответил Александр. «А если не справишься, какое наказание понесешь ты за свою дерзость?» — спросил Филипп. «Клянусь Зевсом,— сказал Александр,— я заплачу то, что стоит конь!» Поднялся смех, а затем отец с сыном побились об заклад на сумму, равную цене коня. Александр сразу подбежал к коню, схватил его за узду и повернул мордой к солнцу: по-видимому, он заметил, что конь пугается, видя впереди себя колеблющуюся тень. Некоторое время Александр пробежал рядом с конем, поглаживая его рукой. Убедившись, что Букефал успокоился и дышит полной грудью, Александр сбросил с себя плащ и легким прыжком вскочил на коня. Сперва, слегка натянув поводья, он сдерживал Букефала, не нанося ему ударов и не дергая за узду. Когда же Александр увидел, что норов коня не грозит больше никакою бедой и что Букефал рвется вперед, он дал ему волю и даже стал понукать его громкими восклицаниями и ударами ноги. Филипп и его свита молчали, объятые тревогой, но когда Александр, по всем правилам повернув коня, возвратился к ним, гордый и ликующий, все разразились громкими криками.

Отец, как говорят, даже прослезился от радости, поцеловал сошедшего с коня Александра и сказал: «Ищи, сын мой, царство по себе, ибо Македония для тебя слишком мала!»

VII. ФИЛИПП видел, что Александр от природы упрям, а когда рассердится, то не уступает никакому насилию, но зато разумным словом его легко можно склонить к принятию правильного решения; поэтому отец старался больше убеждать, чем приказывать. Филипп не решался полностью доверить обучение и воспитание сына учителям музыки и других наук, входящих в круг общего образования, считая, что дело это чрезвычайно сложное и, как говорит Софокл,

Кормило нужно тут и твердая узда.

Поэтому царь призвал Аристотеля, самого знаменитого и ученого из греческих философов, а за обучение расплатился с ним прекрасным и достойным способом: Филипп восстановил им же самим разрушенный город Стагиру, откуда Аристотель был родом, и возвратил туда бежавших или находившихся в рабстве граждан. Для занятий и бесед он отвел Аристотелю и Александру рощу около Миезы, посвященную нимфам, где и поныне показывают каменные скамьи, на которых сидел Аристотель, и тенистые места, где он гулял со своим учеником. Александр, по-видимому, не только усвоил учения о нравственности и государстве, но приобщился и к тайным, более глубоким учениям, которые философы называли «устными» и «скрытыми» и не предавали широкой огласке. Находясь уже в Азии, Александр узнал, что Аристотель некоторые из этих учений обнародовал в книгах, и написал ему откровенное письмо в защиту философии, текст которого гласит: «Александр Аристотелю желает благополучия! Ты поступил неправильно, обнародовав учения, предназначенные только для устного преподавания. Чем же будем мы отличаться от остальных людей, если те самые учения, на которых мы были воспитаны, сделаются общим достоянием? Я хотел бы превосходить других не столько могуществом, сколько знаниями о высших предметах. Будь здоров». Успокаивая уязвленное честолюбие Александра, Аристотель оправдывается, утверждая, что

эти учения хотя и обнародованы, но вместе с тем как бы и не обнародованы. В самом деле, сочинение о природе было с самого начала предназначено для людей образованных и совсем не годится ни для преподавания, ни для самостоятельного изучения.

VIII. МНЕ КАЖЕТСЯ, что и любовь к врачеванию Александру более, чем кто-либо другой, внушил Аристотель. Царь интересовался не только отвлеченной стороной этой науки, но, как можно заключить из его писем, приходил на помощь заболевшим друзьям, назначая различные способы лечения и лечебный режим. Вообще Александр от природы был склонен к изучению наук и чтению книг. Он считал, и нередко говорил об этом, что изучение «Илиады» — хорошее средство для достижения военной доблести. Список «Илиады», исправленный Аристотелем и известный под названием «Илиада из шкатулки», он всегда имел при себе, храня его под подушкой, вместе с кинжалом, как об этом сообщает Онесикрит. Так как в глубине Азии Александр не имел под рукой никаких иных книг, Гарпал по приказу царя прислал ему сочинения Филиста, многие из трагедий Еврипида, Софокла и Эсхила, а также дифирамбы Телеста и Филоксена. Александр сначала восхищался Аристотелем и, по его собственным словам, любил учителя не меньше, чем отца, говоря, что Филиппу он обязан тем, что живет, а Аристотелю тем, что живет достойно. Впоследствии царь стал относиться к Аристотелю с подозрительностью, впрочем не настолько большою, чтобы причинить ему какой-либо вред, но уже самое ослабление его любви и привязанности к философу было свидетельством отчуждения. Однако врожденные и привитые ему с детства рвение и страсть к философии не угасли в душе Александра, как это доказывают почести, оказанные им Анаксарху, пятьдесят талантов, посланные Ксенократу, и заботы о Дандамиде и Калане.

IX. КОГДА Филипп пошел походом против византийцев, Александр, которому было только шестнадцать лет, остался правителем Македонии, и ему была доверена государственная печать. За это время Александр покорил восставших медов, захватил их город, изгнал оттуда варваров и, заселив его переселенца-

ми из различных мест, назвал Александрополем. Александр участвовал также в битве с греками при Херонее и, говорят, первый бросился в бой со священным отрядом фиванцев. И в наши дни показывают старый дуб у реки Кефиса — так называемый дуб Александра, возле которого стояла его палатка; неподалеку находятся могилы македонян. За все это Филипп, естественно, очень любил сына, так что даже радовался, когда македоняне называли Александра своим царем, а Филиппа полководцем.

Однако неприятности в царской семье, вызванные браками и любовными похождениями Филиппа, перешагнули за пределы женской половины его дома и стали влиять на положение дел в государстве; это порождало многочисленные жалобы и жестокие раздоры, которые усугублялись тяжестью нрава ревнивой и скорой на гнев Олимпиады, постоянно восстанавливавшей Александра против отца. Самая сильная ссора между ними произошла по вине Аттала на свадьбе Клеопатры, молодой девушки, с которой Филипп вступал в брак, влюбившись в нее несмотря на свой возраст. Аттал, дядя невесты, опьянев во время пиршества, стал призывать македонян молить богов, чтобы у Филиппа и Клеопатры родился законный наследник престола. Взбешенный этим Александр вскричал: «Так что же, негодяй, я по-твоему незаконнорожденный, что ли?» — и швырнул в Аттала чашу. Филипп бросился на сына, обнажив меч, но по счастью для обоих гнев и вино сделали свое дело: царь споткнулся и упал. Александр, издеваясь над отцом, сказал: «Смотрите люди! Этот человек, который собирается переправиться из Европы в Азию, растянулся, переправляясь от ложа к ложу». После этой пьяной ссоры Александр забрал Олимпиаду и, устроив ее жить в Эпире, сам поселился в Иллирии. В это время коринфянин Демарат, связанный с царским домом узами гостеприимства и пользовавшийся поэтому правом свободно говорить с царем, приехал к Филиппу. После первых приветствий и обмена любезностями Филипп спросил его, как ладят между собою греки. «Что и говорить, Филипп, кому как не тебе заботиться о Греции,— отвечал Демарат,— тебе, который в свой собственный дом внес распрю и беды!» Эти слова за-

ставили Филиппа одуматься, и он послал за Александром, уговорив его, через посредничество Демарата, вернуться домой.

X. КОГДА Пиксодар, сатрап Карии, стремясь заключить военный союз с Филиппом, задумал породниться с ним и предложил свою старшую дочь в жены сыну царя Арридею, он послал с этой целью в Македонию Аристокрита. Опять пошли разговоры; и друзья и мать Александра стали клеветать на его отца, утверждая, будто Филипп блестящей женитьбой и сильными связями хочет обеспечить Арридею царскую власть. Весьма обеспокоенный этим Александр послал трагического актера Фессала в Карию, поручив ему убедить Пиксодара отвергнуть незаконнорожденного и к тому же слабоумного Арридея, а вместо этого породниться с Александром. Этот план понравился Пиксодару гораздо больше первоначального. Узнав об этом, Филипп...[1] вошел в комнату Александра вместе с одним из его близких друзей — Филотом, сыном Пармениона. Царь горько корил сына и резко бранил его, называя человеком низменным, недостойным своего высокого положения, раз он хочет стать зятем карийца, подвластного царю варваров. Коринфянам же Филипп написал, чтобы они, заковав Фессала в цепи, прислали его в Македонию. Из остальных друзей Александра Филипп изгнал из Македонии Гарпала, Неарха, а также Эригия и Птолемея; впоследствии Александр вернул их и осыпал величайшими почестями.

Когда Павсаний, потерпевший жестокую обиду изза Аттала и Клеопатры, не нашел справедливости у Филиппа и убил его, то в этом преступлении больше всего обвиняли Олимпиаду, утверждая, будто она подговорила и побудила к действию разъяренного молодого человека. Обвинение коснулось и Александра: шли толки, что, когда после нанесенного ему оскорбления Павсаний встретил Александра и пожаловался ему на свою судьбу, тот ответил стихом из «Медеи»:

Всем отомстить — отцу, невесте, жениху.

Тем не менее, разыскав участников заговора, Александр наказал их и очень возмущался тем, что

[1] Текст испорчен.

Олимпиада в его отсутствие жестоко расправилась с Клеопатрой.

XI. ИТАК, двадцати лет от роду Александр получил царство, которому из-за сильной зависти и страшной ненависти соседей грозили со всех сторон опасности. Варварские племена не хотели быть рабами, но стремились восстановить искони существовавшую у них царскую власть; что же касается Греции, то Филипп, покоривший ее силой оружия, не успел принудить греков смириться и покорно нести свое бремя. Филипп только перевернул и смешал там все, оставив страну в великом разброде и волнении, вызванном непривычным порядком вещей. Все это внушало македонянам опасения, и они считали, что Александру вовсе не следует вмешиваться в дела Греции и прибегать там к насилию, а восставших варваров надо привести к покорности, не обращаясь к жестоким мерам и стараясь пресекать попытки к перевороту в самом зародыше. Александр придерживался противоположного мнения и стремился добиться безопасности и спасти положение дерзостью и неустрашимостью, так как полагал, что, прояви он хоть малейшую уступчивость, и все враги тотчас на него набросятся. Волнениям среди варваров и войнам в их землях он сразу же положил конец, быстро пройдя с войском вплоть до реки Истра, где он в большой битве разбил царя трибаллов Сирма. Узнав, что фиванцы восстали и что афиняне в союзе с ними, Александр немедленно повел свои войска через Фермопилы и объявил, что он хочет, чтобы Демосфен, который назвал его мальчиком, когда он воевал с иллирийцами и трибаллами, и подростком, когда он достиг Фессалии, увидел его мужчиной под стенами Афин. Подойдя к Фивам, Александр, желая еще раз дать жителям возможность раскаяться в содеянном, потребовал выдать только Феника и Протита и обещал безнаказанность тем, кто перейдет на его сторону. Фиванцы, с своей стороны, потребовали выдачи Филота и Антипатра и призвали тех, кто хочет помочь освобождению греков, перейти на их сторону. Тогда Александр приказал македонянам начать сражение. Фиванцы бились с мужеством и доблестью, превышавшими их силы, оказывая сопротивление врагу во много раз более многочисленному.

Однако, когда македонский гарнизон, занимавший Кадмею, выйдя из крепости, напал на них с тыла, большинство фиванцев попало в окружение и погибло в битве. Город был взят, разграблен и стерт с лица земли. Александр рассчитывал, что греки, потрясенные таким бедствием, впредь из страха будут сохранять спокойствие; кроме того, он оправдывал свои действия тем, что удовлетворил своих союзников, ибо фокейцы и платейцы выдвигали против фиванцев ряд обвинений. Пощадив только жрецов, граждан, связанных с македонянами узами гостеприимства, потомков Пиндара, а также тех, кто голосовал против восстания, Александр продал всех остальных в рабство, а их оказалось более тридцати тысяч. Убитых было более шести тысяч.

XII. СРЕДИ многочисленных бедствий и несчастий, постигших город, произошло следующее. Несколько фракийцев ворвались в дом Тимоклеи, женщины добродетельной и пользовавшейся доброй славой. Пока фракийцы грабили имущество Тимоклеи, их предводитель насильно овладел женщиной, а потом спросил ее, не спрятала ли она где-нибудь золото или серебро. Тимоклея ответила утвердительно и, отведя фракийца в сад, показала колодец, куда, по ее словам, она бросила во время взятия города самые ценные из своих сокровищ. Фракиец наклонился над колодцем, чтобы заглянуть туда, а Тимоклея, став сзади, столкнула его вниз и бросала камни до тех пор, пока не убила врага. Когда связанную Тимоклею привели к Александру, уже по походке и осанке можно было судить о величии духа этой женщины — так спокойно и бесстрашно следовала она за ведущими ее фракийцами. На вопрос царя, кто она такая, Тимоклея ответила, что она сестра полководца Теагена, сражавшегося против Филиппа за свободу греков и павшего при Херонее. Пораженный ее ответом и тем, что она сделала, Александр приказал отпустить на свободу и женщину и ее детей.

XIII. АЛЕКСАНДР заключил мир с афинянами, несмотря на то, что они проявили большое сочувствие к бедствию, постигшему Фивы: уже начав справлять таинства, они в знак траура отменили праздник и оказали всяческую поддержку беглецам из Фив. То ли

потому, что Александр, подобно льву, уже насытил свой гнев, то ли потому, что он хотел противопоставить жесточайшему и бесчеловечнейшему деянию милосердный поступок, однако царь не только простил афинянам все их провинности, но даже дал им наказ внимательно следить за положением дел в стране: по его мысли, в том случае если бы с ним случилась беда, именно Афинам предстояло править Грецией. Говорят, что впоследствии Александр не раз сожалел о несчастье фиванцев и это заставляло его со многими из них обходиться милостиво. Более того, убийство Клита, совершенное им в состоянии опьянения, и трусливый отказ македонян следовать за ним против индийцев, отказ, который оставил его поход незавершенным, а славу неполной,— все это Александр приписывал гневу и мести Диониса. Из оставшихся в живых фиванцев не было ни одного, кто бы впоследствии, придя к царю и попросив у него что-нибудь, получил отказ. Вот то, что касается Фив.

XIV. СОБРАВШИСЬ на Истме и постановив вместе с Александром идти войной на персов, греки провозгласили его своим вождем. В связи с этим многие государственные мужи и философы приходили к царю и выражали свою радость. Александр предполагал, что так же поступит и Диоген из Синопы, живший тогда возле Коринфа. Однако Диоген, нимало не заботясь об Александре, спокойно проводил время в Крании, и царь отправился к нему сам. Диоген лежал и грелся на солнце. Слегка приподнявшись при виде такого множества приближающихся к нему людей, философ пристально посмотрел на Александра. Поздоровавшись, царь спросил Диогена, нет ли у него какой-нибудь просьбы: «Отступи чуть в сторону,— ответил тот,— не заслоняй мне солнца». Говорят, что слова Диогена произвели на Александра огромное впечатление и он был поражен гордостью и величием души этого человека, отнесшегося к нему с таким пренебрежением. На обратном пути он сказал своим спутникам, шутившим и насмехавшимся над философом: «Если бы я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном».

Желая вопросить бога о предстоящем походе, Александр прибыл в Дельфы. Случилось так, что его

приезд совпал с одним из несчастливых дней, когда закон не позволяет давать предсказания. Сначала Александр послал за прорицательницей, но так как она, ссылаясь на закон, отказалась прийти, Александр пошел за ней сам, чтобы силой притащить ее в храм. Тогда жрица, уступая настойчивости царя, воскликнула: «Ты непобедим, сын мой!» Услышав это, Александр сказал, что он не нуждается больше в прорицании, так как уже получил оракул, который хотел получить.

Когда Александр выступил в поход, среди прочих знамений, которые явило ему божество, было вот какое: в эти дни с находившейся в Либетрах деревянной статуи Орфея (она была сделана из кипарисового дерева) обильно капал пот. Все боялись этого знамения, но Аристандр призвал не терять мужества, говоря, что Александр совершит подвиги, достойные песен и сказаний, и тем заставит потеть и трудиться певцов и сочинителей гимнов.

XV. ВОЙСКО Александра состояло по сообщению тех, которые указывают наименьшее число, из тридцати тысяч пехотинцев и четырех тысяч всадников, а по сведениям тех, которые называют наибольшее,— из сорока трех тысяч пехотинцев и пяти тысяч всадников. Средств на содержание войска у Александра было, как сообщает Аристобул, не более семидесяти талантов, по словам Дурида, продовольствия было только на тридцать дней, кроме того, по сведениям Онесикрита, царь задолжал двести талантов. Несмотря на то, что при выступлении Александр располагал столь немногим и был так стеснен в средствах, царь прежде, чем взойти на корабль, разузнал об имущественном положении своих друзей и одного наделил поместьем, другого — деревней, третьего — доходами с какого-нибудь поселения или гавани. Когда, наконец, почти все царское достояние было распределено и роздано, Пердикка спросил его: «Что же, царь, оставляешь ты себе?» «Надежды!» — ответил Александр. «В таком случае,— сказал Пердикка,— и мы, выступающие вместе с тобой, хотим иметь в них долю». Пердикка отказался от пожалованного ему имущества, и некоторые из друзей Александра последовали его примеру. Тем же, кто просил и принимал его

благодеяния, Александр дарил охотно, и таким образом он роздал почти все, чем владел в Македонии.

С такой решимостью и таким образом мыслей Александр переправился через Геллеспонт. Прибыв к Илиону, Александр принес жертвы Афине и совершил возлияния героям. У надгробия Ахилла он, согласно обычаю, умастил тело и нагой состязался с друзьями в беге вокруг памятника; затем, возложив венок, он сказал, что считает Ахилла счастливцем, потому что при жизни он имел преданного друга, а после смерти — великого глашатая своей славы. Когда царь проходил по Илиону и осматривал достопримечательности, кто-то спросил его, не хочет ли он увидеть лиру Александра. Царь ответил, что она его нисколько не интересует, разыскивает же он лиру Ахилла, под звуки которой тот воспевал славу и подвиги доблестных мужей.

XVI. МЕЖДУ тем полководцы Дария собрали большое войско и построили его у переправы через Граник. Сражение было неизбежно, ибо здесь находились как бы ворота Азии, и, чтобы начать вторжение, надо было биться за право входа. Однако многих пугала глубина реки, обрывистость и крутизна противоположного берега, который предстояло брать с боем. Некоторые полагали также, что следует считаться с обычаем, установившимся в отношении месяца десия: в этом месяце македонские цари обыкновенно не начинали походов. Однако Александр поправил дело, приказав называть этот месяц вторым артемисием. Пармениону, который настаивал на том, что в такое позднее время дня переправа слишком рискованна, Александр ответил, что ему будет стыдно перед Геллеспонтом, если, переправившись через пролив, он убоится Граника, и с тринадцатью илами всадников царь бросился в реку. Он вел войско навстречу неприятельским копьям и стрелам на обрывистые скалы, усеянные пехотой и конницей врага, через реку, которая течением сносила коней и накрывала всадников с головой, и казалось, что им руководит не разум, а безрассудство и что он действует, как безумец. Как бы то ни было, Александр упорно продолжал переправу и ценой огромного напряжения сил овладел противоположным берегом, мокрым и скользким, так как

почва там была глинистая. Тотчас пришлось начать беспорядочное сражение, воины по-одному вступали в рукопашный бой с наступавшим противником, пока, наконец, удалось построить войско хоть в какой-то боевой порядок. Враги нападали с криком, направляя конницу против конницы; всадники пускали в ход копья, а когда копья сломались, стали биться мечами. Многие устремились на Александра, которого легко было узнать по щиту и по султану на шлеме: с обеих сторон султана было по перу удивительной величины и белизны. Пущенный в царя дротик пробил сгиб панциря, но тела не коснулся. Тут на Александра одновременно бросились два персидских военачальника, Ресак и Спитридат. От одного царь увернулся, а на Ресака напал первым и ударил его копьем, но копье от удара о панцирь сломалось, и Александр взялся за меч. Спитридат, остановив коня сбоку от сражавшихся и быстро приподнявшись в седле, нанес Александру удар персидской саблей. Гребень шлема с одним из перьев отлетел и шлем едва выдержал удар, так что острие сабли коснулось волос Александра. Спитридат снова приподнялся, но перса опередил Клит, по прозвищу Черный, пронзив его насквозь копьем. Одновременно упал и Ресак, пораженный мечом Александра.

Пока конница Александра вела этот опасный бой, македонская фаланга переправилась через реку и сошлась с пехотой противника. Персы сопротивлялись вяло и недолго; в скором времени все, кроме греческих наемников, обратились в бегство. Эти последние, сомкнув ряды у подножия какого-то холма, были готовы сдаться при условии, если Александр обещает им безопасность. Однако, руководясь скорее гневом, чем расчетом, Александр напал на них первым и при этом потерял своего коня, пораженного в бок мечом (это был не Букефал, а другой конь). Именно в этой схватке больше всего македонян было ранено и убито, так как сражаться пришлось с людьми воинственными и отчаявшимися в спасении. Передают, что варвары потеряли двадцать тысяч пехотинцев и две тысячи пятьсот всадников. Аристобул сообщает, что в войске Александра погибло всего тридцать четыре человека, из них девять пехотинцев. Александр приказал воздвигнуть бронзовые статуи погибших; статуи

эти изваял Лисипп. Разделяя честь победы с греками, царь особо выделил афинянам триста захваченных у врага щитов, а на остальной добыче приказал от имени всех победителей сделать гордую надпись: «Александр, сын Филиппа, и греки, за исключением лакедемонян, взяли у варваров, населяющих Азию». Кубки, пурпурные ткани и другие вещи подобного рода, захваченные у персов, за небольшим исключением, Александр отослал матери.

XVII. ЭТО СРАЖЕНИЕ сразу изменило положение дел в пользу Александра, и он занял Сарды — главную твердыню приморских владений варваров. Многие города и области также подчинились ему, сопротивление оказали только Галикарнас и Милет. Овладев силой этими городами и подчинив окрестные земли, Александр стал думать, что делать дальше, и много раз менял свои решения: то он хотел поскорее встретиться с Дарием для решающей битвы, то останавливался на мысли сперва воспользоваться богатствами приморских областей и лишь потом, усилившись, идти против царя.

Недалеко от города Ксанта, в Ликии, есть источник, который, говорят, как раз в это время без всякой видимой причины пришел в волнение, разлился и вынес из глубины медную таблицу со следами древних письмен. Там было начертано, что персидскому государству придет конец и что оно будет разрушено греками. Вдохновленный этим предсказанием, Александр поспешил освободить от персов приморские области вплоть до Финикии и Киликии. Быстрое продвижение македонян через Памфилию дало многим историкам живописный материал для вымыслов и преувеличений. Как они рассказывают, море, по божественному изволению, отступило перед Александром, хотя обычно оно стремительно катило свои волны на берег, лишь изредка оставляя обнаженными небольшие утесы у подножия крутой, изрезанной ущельями горной цепи. Несомненно, что именно этот неправдоподобный рассказ высмеивает Менандр в одной из своих комедий:

Всё, совсем как Александру, удается мне. Когда
Отыскать хочу кого-то, сразу он найдется сам.
Если надо мне за море, я и по морю пройду.

Между тем сам Александр не упоминает в своих письмах о каких-либо чудесах такого рода, но говорит, что он двигался по так называемой «Лестнице» и прошел ее, выйдя из Фаселиды. В этом городе он провел несколько дней и видел там стоявшую на рыночной площади статую недавно скончавшегося Теодекта (он был родом из Фаселиды). После ужина Александр, пьяный, в сопровождении веселой компании, направился к памятнику и набросал к его подножию много венков. Так, забавляясь, он воздал дань признательности человеку, с которым познакомился благодаря Аристотелю и занятиям философией.

XVIII. ПОСЛЕ этого царь покорил оказавших ему сопротивление жителей Писидии и занял Фригию. Взяв город Гордий, о котором говорят, что он был родиной древнего царя Мидаса, Александр увидел знаменитую колесницу, дышло которой было скреплено с ярмом кизиловой корою, и услышал предание (в истинности его варвары были вполне убеждены), будто тому, кто развяжет узел, закреплявший ярмо, суждено стать царем всего мира. Большинство писателей рассказывает, что узел был столь запутанным, а концы так искусно запрятаны, что Александр не сумел его развязать и разрубил мечом; тогда в месте разруба обнаружились многочисленные концы креплений. Но, по рассказу Аристобула, Александру легко удалось разрешить задачу и освободить ярмо, вынув из переднего конца дышла крюк — так называемый «гестор» [héstor], которым закрепляется яремный ремень.

Вскоре после этого, подчинив Пафлагонию и Каппадокию, Александр узнал о смерти Мемнона, от которого, более чем от любого из полководцев Дария в приморских областях, можно было ждать бесчисленных хлопот и затруднений. Это известие еще больше укрепило Александра в его намерении совершить поход в глубь страны.

В это время Дарий двигался из Суз по направлению к морю. Он полагался на численность своего войска (под его началом было шестьсот тысяч) и к тому же царя воодушевило сновидение, которое маги истолковывали, исходя из желания скорее угодить, чем раскрыть истинное его значение. Дарию приснилось,

что македонская фаланга вся объята огнем и что Александр прислуживает ему, а на Александре та самая стола, которую он, Дарий, носил, еще будучи царским гонцом; потом Александр вошел в храм Бела и исчез. Божество, по-видимому, возвещало этим сном, что македоняне совершат блестящие подвиги, молва о которых разнесется повсюду, и что Александр завладеет Азией, подобно тому как завладел ею Дарий, который был гонцом, а стал царем, и что вскоре после этого македонский царь со славой окончит свою жизнь.

XIX. УЗНАВ о длительном пребывании Александра в Киликии, Дарий счел это признаком трусости, что еще больше ободрило его. В действительности же причиной задержки была болезнь царя, вызванная по мнению одних переутомлением, а по мнению других — простудою после купания в ледяной воде реки Кидна. Никто из врачей не решался лечить Александра, считая, что опасность слишком велика и что ее нельзя одолеть никаким лекарством; в случае неудачи врачи боялись навлечь на себя обвинения и гнев македонян. Один только Филипп, акарнанец, видя тяжелое состояние больного, поставил дружбу превыше всего и счел преступным не разделить опасность с Александром и не исчерпать — пусть даже с риском для себя — все средства. Он приготовил лекарство и убедил царя оставить все сомнения и выпить его, если он желает восстановить свои силы для продолжения войны. В это самое время находившийся в лагере македонян Парменион послал царю письмо, советуя ему остерегаться Филиппа, так как Дарий будто бы посулил врачу большие подарки и руку своей дочери и тем склонил его к убийству Александра. Царь прочитал письмо и, не показав его никому из друзей, положил себе под подушку. В установленный час Филипп в сопровождении друзей царя вошел к нему, неся чашу с лекарством. Александр передал ему письмо, а сам без колебаний, доверчиво взял у него из рук лекарство. Это было удивительное, достойное созерцания зрелище. В то время как Филипп читал письмо, Александр пил лекарство, затем оба одновременно взглянули друг на друга, но несходно было их поведение: на ясном, открытом лице Александра отражалось благово-

ление и доверие к Филиппу, между тем как врач, возмущенный клеветой, то воздымал руки к небу и призывал богов в свидетели, то, бросаясь к ложу царя, умолял его мужаться и доверять ему. Лекарство сначала очень сильно подействовало на Александра и как бы загнало вглубь его телесные силы: утратив дар речи, больной впал в беспамятство и едва подавал признаки жизни. Вскоре, однако, Александр был приведен Филиппом в чувство, быстро окреп и, наконец, появился перед македонянами, уныние которых не прекращалось, пока они не увидели царя.

XX. В ВОЙСКЕ Дария находился бежавший со своей родины македонянин по имени Аминт, хорошо знавший характер Александра. Видя, что Дарий намеревается идти на Александра узкими горными проходами, Аминт посоветовал персидскому царю оставаться на месте, чтобы дать сражение на широких открытых равнинах и использовать свое значительное численное превосходство. Дарий ответил, что боится, как бы враги не обратились в бегство и Александр от него не ускользнул. «Этого, царь,— сказал Аминт,— ты можешь не опасаться. Александр обязательно пойдет против тебя и, наверно, уже идет». Однако Аминт не сумел убедить царя, и Дарий, снявшись с лагеря, направился в Киликию, а Александр в это же время двинул свои войска на персов в Сирию. Ночью оба войска разминулись, и каждое тотчас повернуло назад. Александр, обрадованный счастливой случайностью, спешил захватить персов в горных проходах, а Дарий стремился вывести свою армию из теснин и вернуться в прежний лагерь. Он уже осознал, что совершил ошибку, вступив в эту сильно пересеченную местность, зажатую между морем и горами, разделенную посередине рекой Пинаром и неудобную для конницы, но очень выгодную для действий малочисленных сил врага. Отличную позицию Александру предоставила судьба, но победу ему обеспечило скорее искусное командование, чем слепое счастье. Несмотря на то, что его силы значительно уступали численностью силам варваров, Александр не дал себя окружить, напротив, обойдя своим правым крылом левое крыло вражеского войска, он ударил персам во фланг и обратил стоявших против него варваров в бегство.

Сражаясь в первых рядах, Александр был ранен мечом в бедро, как сообщает Харет, самим Дарием, ибо дело дошло до рукопашной схватки между ними. Но Александр, рассказывая об этой битве в письме к Антипатру, не называет того, кто нанес ему рану. Он пишет, что был ранен в бедро кинжалом, но что ранение не было опасным.

Александр одержал блестящую победу, уничтожил более ста десяти тысяч врагов, но не смог захватить Дария, который, спасаясь бегством, опередил его на четыре или пять стадиев. Во время погони Александру удалось захватить колесницу и лук царя. По возвращении он обнаружил, что македоняне грабят лагерь варваров, вынося оттуда всякого рода ценности, которых было огромное множество, несмотря на то, что большую часть обоза персы оставили в Дамаске и пришли к месту битвы налегке. Воины предназначили для Александра наполненную драгоценностями палатку Дария со множеством прислуги и богатой утварью. Александр тотчас снял доспехи и, направившись в купальню, сказал: «Пойдем, смоем пот битвы в купальне Дария!» «Не Дария, а Александра! — воскликнул один из друзей царя.— Ведь собственность побежденных должна не только принадлежать победителям, но и называться по их имени». Когда Александр увидел всякого рода сосуды — кувшины, тазы, флаконы для притираний, все искусно сделанные из чистого золота, когда он услышал удивительный запах душистых трав и других благовоний, когда, наконец, он прошел в палатку, изумлявшую своими размерами, высотой, убранством лож и столов,— царь посмотрел на своих друзей и сказал: «Вот это, по-видимому, и значит царствовать!»

XXI. АЛЕКСАНДР уже собрался обедать, когда ему сообщили, что взятые в плен мать, жена и две незамужние дочери Дария, увидев его колесницу и лук, зарыдали и стали бить себя в грудь, полагая, что царь погиб. Долгое время Александр молчал: несчастья семьи Дария волновали его больше, чем собственная судьба. Наконец, он отправил Леонната, поручив ему сообщить женщинам, что Дарий жив, а им нечего бояться Александра, ибо войну за верховное владычество он ведет только с Дарием, им же будет предостав-

лено все то, чем они пользовались прежде, когда еще правил Дарий. Слова эти показались женщинам милостивыми и благожелательными, но еще более человечными были поступки Александра. Он разрешил им похоронить павших в битве персов — всех, кого они пожелают, взяв для этой цели одежды и украшения из военной добычи, не лишил семью Дария почестей, которыми она пользовалась прежде, не уменьшил числа слуг, а средства на ее содержание даже увеличил. Однако самым царственным и прекрасным благодеянием Александра было то, что этим благородным и целомудренным женщинам, оказавшимся у него в плену, не пришлось ни слышать, ни опасаться, ни ждать ничего такого, что могло бы их опозорить. Никто не имел доступа к ним, не видел их, и они вели такую жизнь, словно находились не во вражеском лагере, а в священном и чистом девичьем покое. А ведь, по рассказам, жена Дария была самой красивой из всех цариц, точно так же как и Дарий был самым красивым и рослым среди мужчин; дочери же их походили на родителей. Александр, который, по-видимому, считал, что способность владеть собой для царя важнее, нежели даже умение побеждать врагов, не тронул пленниц; вообще до своей женитьбы он не знал, кроме Барсины, ни одной женщины. Барсина, вдова Мемнона, была взята в плен под Дамаском. Она получила греческое воспитание...[1] отличалась хорошим характером; отцом ее был Артабаз, сын царской дочери. Как рассказывает Аристобул, Александр последовал совету Пармениона, предложившего ему сблизиться с этой красивой и благородной женщиной. Глядя на других красивых и статных пленниц, Александр говорил шутя, что вид персиянок мучителен для глаз. Желая противопоставить их привлекательности красоту своего самообладания и целомудрия, царь не обращал на них никакого внимания, как будто они были не живыми женщинами, а безжизненными статуями.

XXII. ОДНАЖДЫ Филоксен, командовавший войском, стоявшим на берегу моря, написал Александру, что у него находится некий тарентинец Феодор, желающий продать двух мальчиков замечательной красо-

[1] Текст испорчен.

ты, и осведомлялся у царя, не хочет ли он их купить. Александр был крайне возмущен письмом и не раз жаловался друзьям, спрашивая, неужели Филоксен так плохо думает о нем, что предлагает ему эту мерзость. Самого Филоксена он жестоко изругал в письме и велел ему прогнать прочь Феодора вместе с его товаром. Не менее резко выбранил он и Гагнона, который написал, что собирается купить и привезти ему знаменитого в Коринфе мальчика Кробила. Узнав, что два македонянина, служившие под началом Пармениона,— Дамон и Тимофей, обесчестили жен каких-то наемников, царь письменно приказал Пармениону в случае, если это будет доказано, убить их, как диких зверей, сотворенных на пагубу людям. В том же письме царь пишет о себе дословно следующее: «Никто не сможет сказать, что я видел жену Дария, желал ее увидеть или хотя бы прислушивался к тем, кто рассказывал мне о ее красоте». Александр говорил, что сон и близость с женщиной более всего другого заставляют его ощущать себя смертным, так как утомление и сладострастие проистекают от одной и той же слабости человеческой природы.

Александр отличался также крайней воздержанностью в пище, чему он дал множество ясных доказательств; одним из таких доказательств были его слова, обращенные к Аде, которую он назвал своей матерью и сделал царицей Карии. В знак любви Ада ежедневно посылала ему изысканные яства и печения, а потом отправила к нему своих самых искусных поваров и пекарей. Царь велел передать Аде, что он не нуждается ни в ком и ни в чем подобном, так как его воспитатель Леонид дал ему лучших поваров: для завтрака — ночной переход, а для обеда — скудный завтрак. «Мой воспитатель,— сказал он,— имел обыкновение обшаривать мою постель и одежду, разыскивая, не спрятала ли мне туда мать какого-нибудь лакомства или чего-нибудь сверх положенного».

XXIII. И К ВИНУ Александр был привержен меньше, чем это обычно считали; думали же так потому, что он долго засиживался за пиршественным столом. Но в действительности Александр больше разговаривал, чем пил, и каждый кубок сопровождал длинной

речью. Да и пировал он только тогда, когда у него было много свободного времени. Если же доходило до дела, Александра не могли удержать, как это не раз бывало с другими полководцами, ни вино, ни сон, ни развлечения, ни женщины, ни занимательные зрелища. Об этом свидетельствует вся его жизнь, которую, как коротка она ни была, он сумел заполнить многочисленными и великими подвигами. В свободные дни Александр, встав ото сна, прежде всего приносил жертвы богам, а сразу после этого завтракал сидя; день он проводил в охоте, разбирал судебные дела, отдавал распоряжения по войску или читал. Во время похода, если не надо было торопиться, Александр упражнялся в стрельбе из лука или выскакивал на ходу из движущейся колесницы и снова вскакивал в нее. Нередко Александр, как это видно из дневников, забавлялся охотой на лисиц или на птиц. На стоянках царь совершал омовения или умащал тело; в это время он расспрашивал тех, кто ведал поварами или пекарями, приготовлено ли все, что следует, к обеду. Было уже поздно и темно, когда Александр, возлежа на ложе, приступал к обеду. Во время трапезы царь проявлял удивительную заботливость о сотрапезниках и внимательно наблюдал, чтобы никто не был обижен или обделен. Из-за своей разговорчивости царь, как уже было сказано, много времени проводил за вином. В остальное время Александр был самым обходительным из всех царей и умел всех расположить к себе, но за пиршественным столом его хвастливость становилась тягостной. Он и сам безудержно хвастался и жадно прислушивался к словам льстецов, ставя тем самым в затруднительное положение наиболее порядочных из присутствовавших гостей, которым не хотелось ни соревноваться с льстецами, ни отставать от них в восхвалении Александра: первое казалось позорным, а второе — чреватым опасностями. После пира Александр совершал омовение и спал нередко до полудня, а иногда проводил в постели весь последующий день.

Александр был равнодушен к лакомствам и изысканным блюдам, часто, когда ему привозили с побережья редчайшие фрукты или рыбу, он все раздаривал друзьям, ничего не оставляя себе. Однако обеды,

которые устраивал Александр, всегда были великолепны, и расходы на них росли вместе с его успехами, пока не достигли десяти тысяч драхм. Больше этого царь сам никогда не расходовал и не разрешал тратить тем, кто принимал его у себя.

XXIV. ПОСЛЕ битвы при Иссе Александр послал войска в Дамаск и захватил деньги, пожитки, жен и детей персов. Бо́льшая часть добычи досталась фессалийским всадникам, особо отличившимся в битве: Александр намеренно послал в Дамаск именно их, желая дать им возможность обогатиться. Остальное войско Александра также имело все в изобилии. Македоняне тогда впервые научились ценить золото, серебро, женщин, вкусили прелесть варварского образа жизни и, точно псы, почуявшие след, торопились разыскать и захватить все богатства персов.

Александр, однако, решил сперва покорить приморские области. Тотчас к нему с изъявлением покорности явились цари Кипра. Вся Финикия также покорилась — за исключением Тира. Александр осаждал Тир в течение семи месяцев: он насыпал валы, соорудил военные машины и запер город со стороны моря флотом в двести триер. Во время осады Александр увидел во сне, что Геракл протягивает ему со стены руку и зовет его к себе. В то же время многим жителям Тира приснилось, будто Аполлон сказал, что он перейдет к Александру, так как ему не нравится то, что происходит в городе. Тогда, словно человека, пойманного с поличным при попытке перебежать к врагу, тирийцы опутали огромную статую бога веревками и пригвоздили ее к цоколю, обзывая Аполлона «александристом». Александру приснился еще один сон: он увидел сатира, который издалека заигрывал с ним, но увертывался и убегал, когда царь пытался его схватить, и дал себя поймать лишь после долгой погони и уговоров. Прорицатели убедительно истолковали этот сон, разделив слово «сатир» на две части: «Са» [твой] и «Тир». И сейчас показывают источник, возле которого Александр в сновидении гонялся за сатиром.

Во время осады Александр совершил поход на обитавших в горах Антиливана арабов. В этом походе царь из-за своего воспитателя Лисимаха подверг свою жизнь серьезной опасности. Этот Лисимах по-

всюду сопровождал Александра, ссылаясь на то, что он не старше и не слабее Феникса. Когда воины Александра приблизились к горам, они оставили коней и двинулись дальше пешком. Все ушли далеко вперед, но царь не решался покинуть уставшего Лисимаха, тем более что наступал вечер и враги были близко. Ободряя старика и идя с ним рядом, Александр с немногими воинами незаметно отстал от войска и, когда стало темно и очень холодно, остановился на ночлег в месте суровом и опасном. Вдали там и сям виднелись костры, разведенные неприятелем. Александр, который в беде всегда умел собственным примером ободрить македонян, рассчитывая на быстроту своих ног, побежал к ближайшему костру. Двух варваров, сидевших возле огня, царь поразил мечом, затем, выхватив из костра головню, он вернулся к своим. Македоняне развели такой большой костер, что часть варваров была устрашена и обратилась в бегство, тех же, кто отважился приблизиться, они отбросили и остаток ночи провели спокойно. Об этом случае сообщает Харет.

XXV. ОСАДА Тира закончилась так. После многочисленных сражений Александр основным своим силам предоставил отдых, но, чтобы не давать покоя врагу, посылал небольшие отряды к городским стенам. В эти дни прорицатель Аристандр заклал жертву и, рассмотрев внутренности, смело объявил присутствовавшим, что город непременно будет взят еще в этом месяце. Слова предсказателя были встречены смехом и шутками — ведь шел как раз последний день месяца. Увидев, что прорицатель оказался в затруднительном положении, Александр, который всегда покровительствовал гаданиям, приказал считать этот день не тридцатым, а двадцать восьмым. Затем, приказав протрубить сигнал, он начал штурмовать стены Тира более решительно, чем первоначально намеревался. Атака была столь ожесточенной, что даже оставленные в лагере не усидели на месте и бросились на помощь. Тирийцы прекратили сопротивление, и город был взят в тот же самый день.

Вскоре после этого, когда Александр осаждал Газу, самый большой город Сирии, на плечо ему упал ком земли, сброшенный сверху пролетавшей мимо

птицей. Эта птица, усевшись затем на одну из осадных машин, запуталась в сухожилиях, с помощью которых закрепляют канаты. Это знамение сумел правильно истолковать Аристандр: Александр был ранен в плечо, но город все-таки взял.

Значительную часть захваченной здесь добычи Александр отправил Олимпиаде, Клеопатре и друзьям. Воспитателю Леониду, вспомнив об одной своей детской мечте, он послал пятьсот талантов ладана и сто талантов мирры. Некогда Леонид во время жертвоприношения упрекнул Александра, хватавшего благовония целыми пригоршнями и бросавшего их в огонь: «Ты будешь так щедро жечь благовония, когда захватишь страны, ими изобилующие. Пока же расходуй то, чем располагаешь, бережливо». Теперь Александр написал Леониду: «Я послал тебе достаточно ладана и мирры, чтобы ты впредь не скупился во время жертвоприношений!»

XXVI. ОДНАЖДЫ Александру принесли шкатулку, которая казалась разбиравшим захваченное у Дария имущество самой ценной вещью из всего, что попало в руки победителей. Александр спросил своих друзей, какую ценность посоветуют они положить в эту шкатулку. Одни говорили одно, другие — другое, но царь сказал, что будет хранить в ней «Илиаду». Это свидетельствуют многие лица, заслуживающие доверия. Если верно то, что, ссылаясь на Гераклида, сообщают александрийцы, Гомер оказался нужным и полезным для Александра спутником в походе. Рассказывают, например, что, захватив Египет, Александр хотел основать там большой, многолюдный греческий город и дать ему свое имя. По совету зодчих он было уже отвел и огородил место для будущего города, но ночью увидел удивительный сон. Ему приснилось, что почтенный старец с седыми волосами, встав возле него, прочел следующие стихи:

> Нá море шумно-широком находится остров, лежащий
> Против Египта; его именуют нам жители Фарос.

Тотчас поднявшись, Александр отправился на Фарос, расположенный несколько выше Канобского устья; в ту пору он был еще островом, а теперь соединен с материком насыпью. Александр увидел местность уди-

вительно выгодно расположенную. То была полоса земли, подобная довольно широкому перешейку; она отделяла обширное озеро от моря, которое как раз в этом месте образует большую и удобную гавань. Царь воскликнул, что Гомер, достойный восхищения во всех отношениях, вдобавок ко всему — мудрейший зодчий. Тут же Александр приказал начертить план города, сообразуясь с характером местности. Под рукой не оказалось мела, и зодчие, взяв ячменной муки, наметили ею на черной земле большую кривую, равномерно стянутую с противоположных сторон прямыми линиями, так что образовалась фигура, напоминающая военный плац. Царь был доволен планировкой, но вдруг, подобно туче, с озера и с реки налетели бесчисленное множество больших и маленьких птиц различных пород и склевало всю муку. Александр был встревожен этим знамением, но ободрился, когда предсказатели разъяснили, что оно значит: основанный им город, объявили они, будет процветать и кормить людей самых различных стран. После этого, приказав надзирателям следить за постройкой, Александр отправился к храму Аммона. Дорога туда была длинная, тяжелая и утомительная. Более всего путникам грозили две опасности: отсутствие воды, ибо много дней они шли пустыней, и свирепый южный ветер, который обрушивался на них среди зыбучих, бесконечных песков. Говорят, что когда-то в древности этот ветер воздвиг вокруг войска Камбиза огромный песчаный вал и, приведя в движение всю пустыню, засыпал и погубил пятьдесят тысяч человек. Все это было заранее известно почти всем, но если Александр ставил перед собой какую-либо цель, удержать его было невозможно. Ибо судьба, покровительствовавшая его устремлениям, делала его упрямым. Он не только ни разу не был побежден врагами, но даже оказывался сильнее пространства и времени; это поощряло его и без того пылкое честолюбие и увлекало на осуществление самых пылких замыслов.

XXVII. ПОМОЩЬ, которую оказывало божество Александру в этом трудном походе, внушила людям больше веры в него, чем оракулы, полученные позднее; мало того, именно эта помощь, пожалуй, и породила доверие к оракулам. Начать с того, что по-

сланные Зевсом обильные и продолжительные дожди освободили людей от страха перед муками жажды. Дожди охладили раскаленный песок, сделав его влажным и твердым, и очистили воздух, так что стало легко дышать. Затем, когда оказалось, что вехи, расставленные в помощь проводникам, уничтожены и македоняне блуждали без дороги, теряя друг друга, вдруг появились вороны и стали указывать путь. Они быстро летели впереди, когда люди шли за ними следом, и поджидали медливших и отстававших. Самое удивительное, как рассказывает Каллисфен, заключалось в том, что ночью птицы криком призывали сбившихся с пути и каркали до тех пор, пока люди снова не находили дорогу.

Когда пустыня осталась позади и царь подошел к храму, жрец Аммона, обратившись к Александру, сказал ему, что бог Аммон приветствует его как своего сына. Царь спросил, не избег ли наказания кто-либо из убийц его отца. Но жрец запретил Александру кощунствовать и сказал, что отец его — не из числа смертных. Тогда царь изменил форму вопроса и осведомился, все ли убийцы Филиппа понесли наказание, а затем спросил о себе, будет ли ему дано стать властителем всех людей. Бог ответил, что это будет ему дано и что Филипп отомщен полностью. Царь принес богу великолепные дары, а людям роздал деньги.

Так пишет об ответах оракула большинство историков. Сам же Александр в письме к матери говорит, что он получил некие тайные предсказания, о которых по возвращении расскажет ей одной. Некоторые сообщают, что жрец, желая дружески приветствовать Александра, обратился к нему по-гречески: «О пайдион!» («О, дитя!»), но из-за своего варварского произношения выговорил «с» вместо «н», так что получилось «О пай Диос!» («О, сын Зевса!»). Александру пришлась по душе эта оговорка, а отсюда ведет начало рассказ о том, что бог назвал его сыном Зевса. Говорят также, что Александр слушал в Египте Псаммона; из всего сказанного философом ему больше всего понравилась мысль о том, что всеми людьми управляет бог, ибо руководящее начало в каждом человеке — божественного происхождения. Сам Александр по этому поводу судил еще более мудро и го-

ворнл, что бог — это общнй отец всех людей, но что он особо прнблнжает к себе лучшнх из иих.

XXVIII. ВООБЩЕ Александр держал себя по отношеиию к варварам очень гордо — так, словио был совершенно убежден, что он пронсходит от богов и сын бога; с грекамн же ои вел себя сдержаниее и менее настойчиво требовал, чтобы его прнзиавалн богом. Правда, в пнсьме к афнннянам по поводу Самоса он пншет: «Я бы не отдал вам этот свободный и прославлениый город, но уж владейте им, раз вы получнлн его от того, кто был тогда вашнм властелнном н назывался монм отцом». Прн этом ои нмел в внду Фнлнппа. Позднее, однако, раненный стрелой и нспытывая жестокне страдання, Александр сказал: «Это, друзья, течет кровь, а не

> Влага, какая струится у жителей иеба счастливых!»

Однажды, когда раздался снльный удар грома и все испугалнсь, прнсутствовавший прн этом софист Анаксарх обратнлся к Александру: «Ты ведь не можешь сделать ннчего похожего, сын Зевса?» «И не хочу. Зачем мне внушать ужас свонм друзьям, как ты это советуешь? — ответнл Александр смеясь.— Тебе ведь ие нравнтся мой обед потому, что ты видишь на столах рыб, а не головы сатрапов». В самом деле, говорят, что, увндев рыбешек, присланиых царем Гефестиоиу, Аиаксарх сказал нечто подобное, желая высмеять тех, кто, подвергая себя опасностям, ценой велнкнх усилнй добнвается славы, но в наслажденнях и удовольствнях мало илн почти совсем ие отлнчается от обыкновенных людей. Из всего сказанного ясно, что Александр сам не вернл в свое божественное пронсхожденне и не чваннлся нм, но лншь пользовался этнм вымыслом для того, чтобы порабощать других.

XXIX. ВОЗВРАТИВШИСЬ нз Егнпта в Финнкню, Александр прннес жертвы богам н устроил торжественные шествня н состязания кнклнческнх н трагнческнх хоров. Эти соревновання былн замечательны не только пышностью обстановкн, ио и соперинчеством устронтелей, нбо хорегамн были царн Кнпра. Словно нзбранные жребием по фнлам афинские граждане, они с уднвнтельным рвеннем состязалнсь друг с дру-

гом. Особенно упорной была борьба между саламинцем Никокреонтом и солийцем Пасикратом. По жребию им достались самые знаменитые актеры: Пасикрату — Афинодор, а Никокреонту — Фессал, в успехе которого был заинтересован сам Александр. Однако он не обнаружил своего расположения к этому актеру, прежде чем голосование не присудило победы Афинодору, и только тогда, как сообщают, уже покидая театр, сказал, что одобряет судей, но предпочел бы отдать часть своего царства, чтобы не видеть Фессала побежденным. Впрочем, когда Афинодор, оштрафованный афинянами за то, что не явился на состязания в дни Дионисий, попросил царя послать письмо в его защиту, Александр, хотя и не сделал этого, но заплатил за него штраф. Ликон Скарфийский, со славою игравший на сцене, добавил к своей роли в какой-то комедии строку, в которой заключалась просьба о десяти талантах. Александр засмеялся и подарил их актеру.

Тем временем Дарий прислал своих друзей с письмом к македонскому царю, предлагая Александру десять тысяч талантов выкупа за пленных, все земли по эту сторону Евфрата, одну из дочерей в жены, а также свою дружбу и союз. Когда Александр сообщил об этом предложении приближенным, Парменион сказал: «Будь я Александром, я принял бы эти условия». «Клянусь Зевсом, я сделал бы так же,— воскликнул Александр,— будь я Парменионом!» Дарию же Александр написал, что тот может рассчитывать на самый радушный прием, если явится к македонянам; в противном случае он сам пойдет на персидского царя.

XXX. ВСКОРЕ, однако, он пожалел об этом ответе, так как жена Дария умерла родами. Александр не скрывал своего огорчения тем, что упустил благоприятный случай проявить великодушие. Он приказал похоронить царицу со всей пышностью, не жалея никаких расходов. Тирей, один из евнухов, которые были захвачены вместе с персидскими женщинами, бежал из македонского лагеря и, проделав долгий путь верхом, добрался до Дария, чтобы сообщить ему о смерти жены. Громко зарыдав, царь стал бить себя по голове и воскликнул: «О, злой рок персов! Жена и сест-

ра царя живой попала в руки врага, а скончавшись, была лишена царского погребения!» «Но, царь,— перебил его евнух,— что касается похорон и подобающих царице почестей, у тебя нет оснований жаловаться на злую судьбу персов. Ни госпоже моей Статире, пока она была жива, ни твоей матери, ни дочерям не пришлось ни в чем нуждаться. Они пользовались всеми теми благами и преимуществами, что и прежде, за исключением только возможности видеть исходящий от тебя свет, который, по воле владыки Оромазда, вновь воссияет в былом блеске. Когда же Статира умерла, не было таких почестей, которых бы ей не воздали, и даже враги оплакивали ее. Ведь Александр столь же милостив к побежденным, сколь страшен в битве». После того, как Дарий выслушал этот рассказ, волнение и скорбь вызвали у него чудовищное подозрение, и, отведя евнуха подальше в глубь палатки, он сказал: «Если ты сам, подобно военному счастью персов, не перешел на сторону македонян и по-прежнему считаешь меня, Дария, своим господином, заклинаю тебя великим светом Митры и правой рукой твоего царя, скажи мне, не оплакиваю ли я сейчас лишь меньшую из бед, постигших Статиру, и не поразили ли нас еще более жестокие беды, пока она была жива? Не лучше ли было бы для нашей чести, если б в злосчастьях наших столкнулись мы с врагом кровожадным и жестоким? Разве стал бы молодой человек воздавать такие почести жене врага, будь его отношение к ней чистым?» Не успел царь произнести эти слова, как Тирей упал к его ногам, умоляя не обвинять Александра понапрасну и не бесчестить покойную жену и сестру свою. Не следует, говорил он, попав в беду, лишать себя самого большого утешения — сознания, что ты побежден человеком, обладающим сверхчеловеческой природой. Тирей призывал Дария отдать дань восхищения тому, чья скромность в обращении с персидскими женщинами даже превосходит храбрость, проявленную им в столкновении с персидскими мужами. Истинность своих слов евнух подтвердил страшными клятвами, а также привел много примеров воздержности и великодушия Александра. Тогда, выйдя к своим приближенным, Дарий воздел руки к небу и обратился с мольбою к богам:

«Боги, покровительствующие моему роду и царству, дайте мне восстановить могущество персов, чтобы моя держава вновь была столь же счастливой, какой я ее получил, и чтобы, став победителем, я мог отблагодарить Александра за все, что он сделал для моих близких, когда я попал в беду. Если же наступит роковой час возмездия и великих перемен, когда падет персидская держава, пусть никто, кроме Александра, не воссядет на трон Кира». Большинство писателей именно так передают эти события и речи.

XXXI. ПОСЛЕ того как Александр завоевал все земли до Евфрата, он пошел на Дария, двигавшегося ему навстречу с армией, численность которой достигала миллиона. В пути кто-то из приближенных, желая рассмешить царя, рассказал ему, какую игру затеяли обозные: разделившись на две партии, в каждой из которой был свой предводитель и полководец, они назвали одного Александром, а другого Дарием. Сперва они бросали друг в друга комьями земли, потом начался кулачный бой и, наконец, в пылу борьбы они взялись за камни и дубины; многих из них невозможно было унять. Услышав это, царь приказал, чтобы оба предводителя сразились один на один. Он сам вооружил «Александра», а Филот — «Дария». Все войско наблюдало за поединком, пытаясь в происходящем усмотреть грядущее. В упорном сражении победил тот, которого называли Александром. Царь подарил ему двенадцать деревень и предоставил право носить персидское платье. Об этом рассказывает Эратосфен.

Великая битва с Дарием произошла не под Арбелами, как пишут многие, а под Гавгамелами. Название это на местном наречии означает «Верблюжий дом», так как один из древних царей, спасшись от врагов на одногорбом верблюде, поместил его здесь и назначил на его содержание доходы с нескольких деревень.

В месяце боэдромионе, приблизительно в то время, когда в Афинах начинают справлять таинства, произошло лунное затмение. На одиннадцатую ночь после затмения, когда оба войска находились уже на виду друг у друга, Дарий приказал воинам оставаться в строю и при свете факелов устроил смотр. Алек-

сандр же, пока македоняне спали, вместе с предсказателем Аристандром совершал перед своей палаткой какие-то тайные священные обряды и приносил жертвы богу Фобосу. Вся равнина между Нифатом и Гордиейскими горами была освещена огнями варварского войска, из лагеря персов доносился неясный гул, подобный шуму безбрежного моря. Старейшие из приближенных Александра, и в особенности Парменион, были поражены многочисленностью врага и говорили друг другу, что одолеть такое войско в открытом бою было бы слишком трудным делом. Подойдя к царю, только что закончившему жертвоприношения, они посоветовали Александру напасть на врагов ночью, чтобы темнотою было скрыто то, что в предстоящей битве может внушить наибольший страх македонянам. Знаменитый ответ Александра: «Я не краду победу» — показался некоторым чересчур легкомысленным и неуместным перед лицом такой опасности. Другие считали, что Александр твердо уповал на свои силы и правильно предвидел будущее. Он не хотел, чтобы Дарий, обвинявший в прежней неудаче горы, теснины и море, усмотрел причину своего нынешнего поражения в ночном времени и темноте и отважился бы еще на одну битву. Александр понимал, что Дарий, располагающий столь великими силами и столь обширной страной, из-за недостатка людей или вооружения войны не прекратит, но сделает это только тогда, когда, побежденный в открытом сражении, потеряет мужество и утратит надежду.

XXXII. ПРИБЛИЖЕННЫЕ покинули царя, и Александр прилег отдохнуть в своей палатке; говорят, он так крепко проспал остаток ночи, что, против обыкновения, не проснулся на рассвете. Удивленные этим полководцы сами отдали первый приказ воинам — приступать к завтраку. Время не позволяло медлить долее, и Парменион, войдя в палатку и встав рядом с ложем Александра, два или три раза окликнул его. Когда Александр проснулся, Парменион спросил, почему он спит сном победителя, хотя впереди у него величайшее сражение. Александр, улыбнувшись, сказал: «А что? Разве ты не считаешь, что мы уже одержали победу, хотя бы потому, что не должны более

бродить по этой огромиой и пустыииой страие, преследуя уклоняющегося от битвы Дария?»

Не только перед битвой, но и в разгар сражения Александр проявил себя великим воином, никогда ие теряющим мужества и присутствия духа. В бою левый флаиг, находившийся под командоваиием Пармеииона, стал в беспорядке отступать, теснимый бактрийской конницей, которая с шумом и криком стремительно ударила на македоиян, в то время как всадники Мазея обошли фалангу и напали на охрану обоза. Парменион через гонцов сообщил Александру, что лагерь и обоз будут потеряны, если царь иемедленно не пришлет тыловым отрядам сильное подкреплеиие, сняв для этого часть войск с передней боевой линии. Как раз в это время Александр подавал окружавшим его воинам сигнал к наступлению. Услышав просьбу о помощи, он воскликнул, что Пармеиион, наверное, не в своем уме, если в расстройстве и волиеиии забыл, что победителям достанется все имущество врагов, а побеждеиным следует заботиться не об имуществе и рабах, а о том, чтобы, храбро сражаясь, со славой приинять смерть.

Приказав передать это Пармениону, Алексаидр надел шлем. Все остальные доспехи ои иадел еще в палатке: сицилийской работы гипендиму с поясом, а поверх нее двойной льняной панцирь, взятый из захваченной при Иссе добычи. Железиый шлем работы Теофила блестел так, словио был из чистого серебра. К нему был прикреплен усыпанный драгоценными камнями железный щиток, защищавший шею. Алексаидр иосил меч, подарок царя китийцев, удивительно легкий и прекрасной закалки; в сражеииях меч обычно был его главным оружием. Богаче всего был плащ, который царь иадел поверх доспехов. Это одеяние работы Геликона Старшего Алексаидру подарили в зиак уважения жители города Родоса, и он, готовясь к бою, всегда иадевал его. Устаиавливая боевой порядок, отдавая приказы, ободряя воинов и проверяя их готовность, Александр объезжал строй не на Букефале, а на другом коне, ибо Букефал был уже иемолод и его силы надо было щадить. Но перед самым боем к царю подводили Букефала, и, вскочив иа иего, Алексаидр тотчас начинал иаступлеиие.

XXXIII. ДОЛГИЙ разговор с фессалийцами и остальными греками, которые с громким криком призывали его вести их на варваров, придал Александру еще больше твердости, и, взяв копье в левую руку, а правую подняв вверх, он, как рассказывает Каллисфен, обратился к богам с мольбой, чтобы они, если он действительно сын Зевса, помогли грекам и вдохнули в них мужество. Прорицатель Аристандр в белом одеянии и золотом венке, скакавший рядом с царем, показал на орла, парившего над головой Александра и летевшего прямо в сторону врагов. Все видевшие это воодушевились. Воины ободряли друг друга, и фаланга, вслед за конницей, хлынула на врага. Варвары отступили прежде, чем передние ряды успели завязать бой. Яростно преследуя разбитого врага, Александр теснил персов к центру неприятельского расположения, где находился сам Дарий. Александр приметил его издалека, сквозь передние ряды персидских воинов,— Дарий стоял на высокой колеснице в середине царского отряда, рослый и красивый, окруженный множеством всадников в блестящем вооружении, сомкнувшихся вокруг его колесницы и готовых встретить врага. Однако чем ближе был Александр, тем более приходили они в смятение: гоня перед собой отступающих, разбивая строй тех, кто еще держался, он устрашил и рассеял почти всех телохранителей Дария. Только самые смелые и благородные бились за своего царя до последнего вздоха; падая друг на друга, они затрудняли преследование, судорожно цепляясь во вражеских всадников и их коней. Это страшное зрелище развертывалось на глазах у Дария, и окружавшие царя персидские воины уже гибли у самых его ног. Но повернуть колесницу и выехать на ней было невозможно, так как множество мертвых тел не давало колесам сдвинуться с места, а кони, почти скрытые под грудой трупов, становились на дыбы, делая возницу совершенно беспомощным. Бросив оружие и колесницу, Дарий, как рассказывают, вскочил на недавно ожеребившуюся кобылу и бежал. По-видимому, ему не удалось бы на этот раз скрыться, если бы снова не прискакали гонцы от Пармениона, призывая Александра на помощь, ибо на их фланге значительные силы врагов еще не были сломлены и оказывали

сопротивление. Вообще Пармениона обвиняют в том, что в этой битве он был медлителен и бездеятелен,— то ли под старость в нем не было уже прежней отваги, то ли, как утверждает Каллисфен, он тяготился возрастающей властью и могуществом Александра и завидовал ему. Раздосадованный тем, что Парменион требует помощи, Александр, не сообщая воинам правды о положении дел, подал сигнал прекратить преследование, будто бы потому, что наступила темнота и пора положить конец кровопролитию. Устремившись к той части войска, которая находилась в опасности, Александр по пути узнал, что враги полностью разбиты и обращены в бегство.

XXXIV. ТАКОЙ исход битвы, казалось, окончательно сломил могущество персов. Провозглашенный царем Азии, Александр устраивал пышные жертвоприношения, раздаривал своим друзьям богатства, дворцы, отдавал им в управление целые области. Стремясь заслужить уважение греков, Александр написал им, что власть тиранов должна быть повсюду уничтожена и все государства становятся свободными и независимыми. Платейцам же он отправил особое послание, обещая заново отстроить их город, ибо предки их некогда предоставили свою землю для сражения за свободу Греции. Часть военной добычи царь послал в Италию жителям Кротона, желая почтить доблесть и усердие атлета Фаилла, который во время персидских войн, несмотря на то, что все остальные италиоты уже отчаялись в победе греков, снарядил на собственный счет корабль и поплыл к Саламину, желая разделить опасность со всеми. Так ценил Александр доблесть, так усердно хранил он благодарную память о славных деяниях.

XXXV. ВО ВРЕМЯ перехода через Вавилонию, которая вся сразу же покорилась ему, Александр более всего был поражен пропастью в... [1], из которой, словно из некоего источника, непрерывно вырывался огонь, и обильным потоком нефти, образовавшим озеро невдалеке от пропасти. Нефть очень напоминает горную смолу, но она столь восприимчива к огню, что загорается еще до соприкосновения с пламенем от одного только света, излучаемого огнем, и нередко воспламе-

[1] Текст испорчен.

няет окружающий воздух. Желая показать Александру природную силу нефти, варвары опрыскали этой жидкостью улицу, которая вела к дому, где остановился царь; затем, когда стемнело, они встали на одном конце этой улицы и поднесли факелы к местам, смоченным нефтью. Нефть тотчас вспыхнула; пламя распространилось молниеносно, в мгновение ока оно достигло противоположного конца улицы, так что вся она казалась объятой огнем.

Среди тех, кто обычно омывал и умащал царя, забавляя его разными шутками и стремясь привести в веселое расположение духа, был некий афинянин Афинофан. Однажды, когда в купальне вместе с царем находился мальчик Стефан, обладавший прекрасным голосом, но очень некрасивый и смешной, Афинофан сказал: «Не хочешь ли, царь, чтобы мы испробовали это вещество на Стефане? Если даже к нему оно пристанет и не потухнет, то я без колебаний признаю, что сила этого вещества страшна и неодолима!» Стефан сам охотно соглашался на это испытание, но, как только мальчика обмазали нефтью и огонь коснулся его, яркое пламя охватило его с головы до пят, что привело Александра в крайнее смятение и страх. Не случись там, по счастью, нескольких прислужников, державших в руках сосуды с водой, предназначенной для омовения, остановить пламя не удалось бы вовсе, но даже и эти прислужники лишь с большим трудом потушили огонь на теле мальчика, который после этого находился в очень тяжелом состоянии.

Некоторые люди, стремясь примирить предание с истиной, вполне правдоподобно утверждают, что именно нефть была тем зельем, которым Медея смазала воспетые в трагедиях венок и пеплос. По их предположению, огонь не вырвался из этих предметов и не возник сам по себе; лишь когда пламя было поднесено близко, венок и пеплос сразу же притянули его к себе и мгновенно загорелись, ибо притекающие издалека лучи и струи огня некоторым телам приносят только свет и тепло, а в других телах, сухих и пористых или пропитанных жирной влагой, скапливаются, превращаются в огонь и быстро изменяют вещество.

По вопросу о происхождении нефти возникли спо-

ры, была ли она...[1] или, скорее, горючей жидкостью, вытекающей из недр там, где земля по своей природе жирная и огненная. Вавилония — страна очень жаркая, так что ячменные зерна нередко подпрыгивают и отскакивают от почвы, которая в этих местах под влиянием зноя постоянно колеблется; жители же Вавилонии в жаркую погоду спят на кожаных мехах, наполненных водою. Гарпал, оставленный наместником в этой стране, пожелал украсить греческими растениями царский дворец и места для прогулок и добился успеха; только плюща земля не принимала. Климат там знойный, а плющ — растение, любящее прохладу, совместить это невозможно, и потому плющ неизменно погибает. Я думаю, что подобные отступления, если только они не будут слишком пространными, не вызовут упреков даже со стороны придирчивых читателей.

XXXVI. АЛЕКСАНДР овладел Сузами, где нашел в царском дворце сорок тысяч талантов в чеканной монете, а также различную утварь и бесчисленные сокровища. Обнаружили там, как рассказывают, и пять тысяч талантов гермионского пурпура, пролежавшего в сокровищнице сто девяносто лет, но все еще сохранявшего свежесть и яркость. Это было возможно, как полагают, благодаря тому, что краску для багряных тканей изготовляют на меду, а для белых — на белом масле, а мед и масло надолго придают тканям чистый и яркий блеск. Динон рассказывает, что персидские цари хранили в своей сокровищнице сосуды с водой, привезенной из Нила и из Истра, что должно было свидетельствовать об огромных размерах персидской державы и могуществе власти, покорившей себе весь мир.

XXXVII. ВТОРЖЕНИЕ в Персиду было связано с большими трудностями, так как места там горные, малодоступные; к тому же страну обороняли знатнейшие персы (сам Дарий обратился в бегство). Но у Александра оказался проводник, который повел войско в обход, кратчайшим путем. Человек этот владел двумя языками, так как по отцу был ликийцем, а по матери — персом. Это, как говорят, и имела в виду Пифия, предсказавшая Александру, тогда еще маль-

[1] Текст испорчен.

чику, что ликнец будет служить ему проводником в походе на персов...[1]. Здесь было перебито множество пленников. Сам Александр пишет, что отдал приказ умертвить пленных, ибо считал это полезным для себя. Рассказывают, что денег там было найдено столько же, сколько в Сузах, а сокровища и драгоценности были вывезены оттуда на десяти тысячах повозок, запряженных мулами, и на пяти тысячах верблюдов.

Увидев большую статую Ксеркса, опрокинутую толпой, беспорядочно стекавшейся в царский дворец, Александр остановился и, обратившись к статуе, как к живому человеку, сказал: «Оставить ли тебя лежать здесь за то, что ты пошел войной на греков или поднять тебя за величие духа и доблесть, проявленные тобой в других делах?» Простояв долгое время в раздумье, Александр молча отошел. Желая дать отдых своим воинам,— а время было зимнее,— он провел там четыре месяца.

Рассказывают, что, когда он в первый раз сел под шитый золотом балдахин на царский трон, коринфянин Демарат, преданный друг Филиппа и Александра, по-стариковски заплакал и сказал: «Какой великой радости лишились те из греков, которые умерли, не увидав Александра восседающим на троне Дария!»

XXXVIII. ОДНАЖДЫ, перед тем как снова пуститься в погоню за Дарием, Александр пировал и веселился с друзьями. В общем веселье вместе со своими возлюбленными принимали участие и женщины. Среди них особенно выделялась Таида, родом из Аттики, подруга будущего царя Птолемея. То умно прославляя Александра, то подшучивая над ним, она, во власти хмеля, решилась произнести слова, вполне соответствующие нравам и обычаям ее родины, но слишком возвышенные для нее самой. Таида сказала, что в этот день, глумясь над надменными чертогами персидских царей, она чувствует себя вознагражденной за все лишения, испытанные ею в скитаниях по Азии. Но еще приятнее было бы для нее теперь же с веселой гурьбой пирующих пойти и собственной рукой на глазах у царя поджечь дворец Ксеркса, предавшего Афины губительному огню. Пусть говорят люди, что

[1] Текст испорчен.

женщнны, сопровождавшне Александра, сумели отомстнть персам за Грецню лучше, чем знаменнтые предводнтелн войска н флота. Слова этн былн встречены гулом одобрення н громкнмн рукоплесканнями. Побуждаемый упорными настояннями друзей, Александр вскочнл с места н с веиком на голове и с факелом в руке пошел впереди всех. Последовавшне за ннм шумной толпой окружилн царский дворец, сюда же с велнкой радостью сбежалнсь, неся в руках факелы, н другне македоняне, узнавшне о происшедшем. Они иадеялнсь, что, раз Александр хочет поджечь и уннчтожить царскнй дворец, зиачнт, он помышляет о возвращеннн на роднну н не намеревается жить среди варваров. Так рассказывают об этом некоторые, другне же утверждают, будто поджог дворца был здраво обдумаи заранее. Но все сходятся в одном: Александр вскоре одумался н приказал потушить огоиь.

XXXIX. НЕОБЫКНОВЕННАЯ щедрость, свойственная Александру от природы, в еще большей мере, чем прежде, проявлялась теперь, когда могущество его столь возросло. Прн этом щедрости всегда сопутствовала благожелательность, которая одна только н прндает дарам подлнннную ценность. Прнведу лншь немиогне примеры. Аристон, предводитель пеонийцев, убнл как-то вражеского воина и, показав его голову Александру, сказал: «Такой дар счнтается у нас достойным золотого кубка». «Всего лишь пустого кубка,— ответил Александр, смеясь,— и я подарю тебе кубок, но сначала наполию его внном и выпью за твое здоровье». Однн македоняннн из рядовых воннов гнал однажды мула, нагруженного царскнм золотом. Животное устало, и вонн, взвалив груз на себя, сам поиес его дальше. Когда царь увндел его мучеиня н разузиал, в чем дело, он сказал македоняинну, намеревавшемуся снять с себя ношу: «Не поддавайся усталостн, пройди остаток путн и отиесн это к себе в палатку». Вообще же он больше серднлся на тех, кто отказывался от его даров, чем на тех, кто выпрашивал нх. Так, Александр напнсал однажды в пнсьме Фокнону, что не будет более считать его своим другом, еслн он и впредь будет отклонять его благодеяння. Серапиону, одному из тех юношей, с которыми

он играл в мяч, он не дал ничего, так как тот ни о чем его и не просил. Однажды во время игры Серапион ни разу не бросил мяч Александру. Царь спросил его: «Почему ты не бросаешь мяч мне?» Серапион ответил: «Так ты ведь не просишь». Тогда Александр рассмеялся и щедро одарил юношу. Протей, один из тех, кто умел развлекать царя шутками за вином, казалось, впал у Александра в немилость. Когда друзья стали просить за него и сам он заплакал, Александр сказал, что прощает его. «О царь,— попросил Протей,— дай же мне какой-нибудь залог твоего расположения». В ответ на это Александр приказал выдать ему пять талантов.

О том, сколь огромны были богатства, которые Александр раздавал друзьям и телохранителям, можно понять из письма Олимпиады к сыну: «Оказывай своим друзьям благодеяния и проявляй к ним уважение как-нибудь иначе: ведь ты делаешь их всех равными царю, ты предоставляешь им возможность иметь много друзей, самого же себя обрекаешь на одиночество». Такие письма Александр получал от Олимпиады часто, но хранил их в тайне. Только однажды, когда Гефестион хотел по обыкновению вместе с ним прочесть распечатанное письмо, Александр не воспрепятствовал ему, но, сняв с пальца кольцо, приложил печать к губам Гефестиона.

Сына Мазея, одного из влиятельнейших людей при дворе Дария, Александр жаловал второй сатрапией, еще более обширной, чем та, которой он уже управлял, но сатрап не принял дара и сказал царю: «Некогда был один Дарий, теперь же ты создал много Александров». Пармениону Александр подарил дворец Багоя, в котором, как говорят, было захвачено одеяний на тысячу талантов. В письме к Антипатру он велел ему завести телохранителей, чтобы они защищали его от злоумышленников. Своей матери Александр отослал много даров, но не позволял ей вмешиваться в государственные и военные дела и кротко сносил ее упреки по этому поводу. Однажды, прочтя длинное письмо Антипатра с обвинениями против Олимпиады, Александр сказал: «Антипатр не знает, что одна слеза матери заставит забыть тысячи таких писем».

XL. АЛЕКСАНДР видел, что его приближеиные изнежились вконец, что их роскошь превысила всякую меру: теосец Гагион иосил башмаки с серебряными гвоздями; Леоииату для гимиасия привозили на верблюдах песок из Египта; у Филота скопилось так миого сетей для охоты, что их можио было растяиуть иа сто стадиев; при купаиии и иатираиии друзья царя чаще пользовались благовоиной мазью, чем оливковым маслом, повсюду возили с собой баищиков и спальииков. За все это царь мягко и разумио упрекал своих приближеииых. Александр высказывал удивлеиие, как это оии, побывавшие в стольких жестоких боях, ие помнят о том, что потрудившиеся и победившие спят слаще побежденных. Разве ие видят оии, сравиивая свой образ жизни с образом жизни персов, что иет ничего более рабского, чем роскошь и иега, и ничего более царствеиного, чем труд? «Сможет ли кто-либо из вас,— говорил он,— сам ухаживать за конем, чистить свое копье или свой шлем, если вы отвыкли прикасаться руками к тому, что всего дороже,— к собствеиному телу? Разве вы ие зиаете, что коиечная цель победы заключается для иас в том, чтобы не делать того, что делают побеждеиные?» Сам ои еще больше, чем прежде, подвергал себя лишениям и опасностям в походах и на охоте. Однажды лаконский посол, видевший, как Александр убил большого льва, воскликиул: «Алексаидр, ты прекрасио сражался со львом за царскую власть». Изображение этой охоты Кратер пожертвовал в Дельфы. Медиые статуи льва, собак, царя, вступившего в борьбу со львом, и самого Кратера, бегущего на помощь, созданы частью Лисиппом, частью Леохаром.

XLI. ВОЗЛАГАЯ труды иа себя и побуждая к доблести других, Александр ие избегал никаких опасностей, а его друзья, разбогатев и возгордившись, стремились только к роскоши и безделью, они стали тяготиться скитаниями и походами и постепеино дошли до того, что осмеливались порицать царя и дурио отзываться о ием. Сиачала Алексаидр относился к этому очень спокойио, ои говорил, что царям не в диковиiу слышать хулу в ответ на свои благодеяиия. Действительио, даже самое малое из того, что он сделал для своих приближеных, свидетельствовало о его

большой любви и уважении к ним. Я приведу лишь несколько примеров. Певкеста, который был ранен медведем, Александр упрекал в письме за то, что он не известил его об этом, хотя сообщил о своем ранении многим другим. «Но теперь,— просил Александр,— напиши мне, как ты себя чувствуешь, а также сообщи, кто из твоих спутников на охоте покинул тебя в беде, ибо эти люди должны понести наказание». Гефестиону, уехавшему куда-то по делам, Александр сообщает, что Пердикка копьем случайно ранил Кратера в бедро, в то время как они дразнили мангусту. Как-то раз, когда Певкест оправился от болезни, Александр написал его врачу Алексиппу благодарственное письмо. Увидев однажды во сне, что Кратер болен, Александр и сам принес за него жертвы, и Кратеру велел сделать то же самое. Врачу Павсанию, намеревавшемуся лечить Кратера чемерицей, Александр написал письмо, в котором выражал свою тревогу и советовал, как лучше применять это средство. Эфиальта и Кисса, которые первыми сообщили об измене и бегстве Гарпала, Александр велел заковать в кандалы как клеветников. Когда Александр отправлял на родину больных и старых воинов, некий Эврилох из Эг записался в число больных. Но впоследствии было обнаружено, что он ничем не болен, и Эврилох признался, что он горячо любит Телесиппу и хотел отправиться к морю вместе с ней. Александр спросил тогда, кто эта женщина, и услышав в ответ, что она свободная гетера, сказал: «Мы сочувствуем твоей любви, Эврилох, но ведь Телесиппа свободнорожденная — постарайся же с помощью речей или подарков склонить ее к тому, чтобы она осталась здесь».

XLII. МОЖНО только удивляться тому, сколько внимания уделял он своим друзьям. Он находил время писать письма даже о самых маловажных вещах, если только они касались близких ему людей. В одном письме он приказывает, чтобы был разыскан раб Селевка, бежавший в Киликию. Певкесту он выражает в письме благодарность за то, что тот поймал некоего Никона, который был рабом Кратера. Мегабизу Александр пишет о рабе, нашедшем убежище в храме: он советует Мегабизу при первой возможности выманить этого раба из его убежища и схватить вне хра-

ма, но внутри храма не трогать его. Рассказывают, что в первые годы царствования, разбирая дела об уголовных преступлениях, наказуемых смертной казнью, Александр во время речи обвинителя закрывал рукой одно ухо, чтобы сохранить слух беспристрастным и не предубежденным против обвиняемого. Позднее, однако, его ожесточили многочисленные измышления, скрывавшие ложь под личиной истины, и в эту пору, если до него доходили оскорбительные речи по его адресу, он совершенно выходил из себя, становился неумолимым и беспощадным, так как славой дорожил больше, чем жизнью и царской властью.

Намереваясь вновь сразиться с Дарием, Александр выступил в поход. Услышав о том, что Дарий взят в плен Бессом, Александр отпустил домой фессалийцев, вручив им в подарок, помимо жалованья, две тысячи талантов. Преследование было тягостным и длительным: за одиннадцать дней они проехали верхом три тысячи триста стадиев, многие воины были изнурены до предела, главным образом из-за отсутствия воды. В этих местах Александр однажды встретил каких-то македонян, возивших на мулах мехи с водой из реки. Увидев Александра, страдавшего от жажды,— был уже полдень,— они быстро наполнили водой шлем и поднесли его царю. Александр спросил их, кому везут они воду, и македоняне ответили: «Нашим сыновьям; но если ты будешь жить, мы родим других детей, пусть даже и потеряем этих». Услышав это, Александр взял в руки шлем, но, оглянувшись и увидев, что все окружавшие его всадники обернулись и смотрят на воду, он возвратил шлем, не отхлебнув ни глотка. Похвалив тех, кто принес ему воду, он сказал: «Если я буду пить один, они падут духом». Видя самообладание и великодушие царя, всадники, хлестнув коней, воскликнули, чтобы он не колеблясь вел их дальше, ибо они не могут чувствовать усталости, не могут испытывать жажду и даже смертными считать себя не могут, пока имеют такого царя.

XLIII. ВСЕ ПРОЯВИЛИ одинаковое усердие, но только шестьдесят всадников ворвалось во вражеский лагерь вместе с царем. Не обратив внимания на разбросанное повсюду в изобилии серебро и золото, проскакав мимо многочисленных повозок, которые бы-

ли переполнены детьми и женщинами и катились без цели и направления, лишенные возничих, македоняне устремились за теми, кто бежал впереди, полагая, что Дарий находится среди них. Наконец, они нашли лежащего на колеснице Дария, пронзенного множеством копий и уже умирающего. Дарий попросил пить, и Полистрат принес холодной воды; Дарий, утолив жажду, сказал: «То, что я не могу воздать благодарность за оказанное мне благодеяние,— вершина моего несчастья, но Александр вознаградит тебя, а Александра вознаградят боги за ту доброту, которую он проявил к моей матери, моей жене и моим детям. Передай ему мое рукопожатие». С этими словами он взял руку Полистрата и тотчас скончался.

Александр подошел к трупу и с нескрываемою скорбью снял с себя плащ и покрыл тело Дария. Впоследствии Александр нашел Бесса и казнил его. Два прямых дерева были согнуты и соединены вершинами, к вершинам привязали Бесса, а затем деревья отпустили, и, с силою выпрямившись, они разорвали его. Тело Дария, убранное по-царски, Александр отослал его матери, а Эксатра, брата Дария, принял в свое окружение.

XLIV. ЗАТЕМ Александр с лучшей частью войска отправился в Гирканию. Там он увидел морской залив, вода в котором была гораздо менее соленой, чем в других морях. Об этом заливе, который, казалось, не уступал по величине Понту, Александру не удалось узнать ничего определенного, и царь решил, что это край Меотиды. Между тем естествоиспытатели были уже знакомы с истиной: за много лет до похода Александра они писали, что Гирканский залив, или Каспийское море,— самый северный из четырех заливов Океана.

В тех местах какие-то варвары похитили царского коня Букефала, неожиданно напав на конюхов. Александр пришел в ярость и объявил через вестника, что если ему не возвратят коня, он перебьет всех местных жителей с их детьми и женами. Но когда ему привели коня и города добровольно покорились ему, Александр обошелся со всеми милостиво и даже заплатил похитителям выкуп за Букефала.

XLV. ИЗ ГИРКАНИИ Александр выступил с войсками в Парфию, и в этой стране, отдыхая от трудов, он впервые надел варварское платье, то ли потому, что умышленно подражал местным нравам, хорошо понимая, сколь подкупает людей все привычное и родное, то ли, готовясь учредить поклонение собственной особе, он хотел таким способом постепенно приучить македонян к новым обычаям. Но все же он не пожелал облачаться полностью в мидийское платье, которое было слишком уж варварским и необычным, не надел ни шаровар, ни кандия, ни тиары, а выбрал такое одеяние, в котором удачно сочеталось кое-что от мидийского платья и кое-что от персидского: более скромное, чем первое, оно было пышнее второго. Сначала он надевал это платье только тогда, когда встречался с варварами или беседовал дома с друзьями, но позднее его можно было видеть в таком одеянии даже во время выездов и приемов. Зрелище это было тягостным для македонян, но, восхищаясь доблестью, которую он проявлял во всем остальном, они относились снисходительно к таким его слабостям, как любовь к наслаждениям и показному блеску. Ведь, не говоря уже о том, что он перенес прежде, совсем незадолго до описываемых здесь событий он был ранен стрелой в голень, и так сильно, что кость сломалась и вышла наружу, в другой раз он получил удар камнем в шею, и долгое время туманная пелена застилала ему взор. И все же он не щадил себя, а непрестанно рвался навстречу всяческим опасностям; так, страдая поносом, он перешел реку Орексарт, которую принял за Танаид, и, обратив скифов в бегство, гнался за ними верхом на коне целых сто стадиев.

XLVI. МНОГИЕ, в том числе Клитарх, Поликлит, Онесикрит, Антиген и Истр, рассказывают, что в тех местах к Александру явилась амазонка, но Аристобул, секретарь Александра Харет, Птолемей, Антиклид, Филон Фиванский, Филипп из Теангелы, а также Гекатей Эретрийский, Филипп Халкидский и Дурид Самосский утверждают, что это выдумка. Их мнение как будто подтверждает и сам Александр. В подробном письме к Антипатру он говорит, что царь скифов дал ему в жены свою дочь, а об амазонке даже не

упоминает. Рассказывают, что, когда много времени спустя Онесикрит читал Лисимаху, тогда уже царю, четвертую книгу своего сочинения, в которой написано об амазонке, Лисимах с легкой усмешкой спросил историка: «А где же я был тогда?» Но как бы мы ни относились к этому рассказу — как к правдивому или как к вымышленному,— наше восхищение Александром не становится от этого ни меньшим, ни большим.

XLVII. АЛЕКСАНДР боялся, что македоняне падут духом и не захотят продолжать поход. Не тревожа до времени остальное войско, он обратился к тем лучшим из лучших, которые были с ним в Гиркании,— двадцати тысячам пехотинцев и трем тысячам всадников. Он говорил, что до сих пор варвары видели македонян как бы во сне, если же теперь, едва лишь приведя Азию в замешательство, македоняне решат уйти из этой страны, варвары сразу же нападут на них, как на женщин. Впрочем, тех, кто хочет уйти, он не собирается удерживать. Но пусть боги будут свидетелями, что македоняне покинули его с немногими друзьями и добровольцами на произвол судьбы,— его, который стремится приобрести для македонян весь мир. Примерно в тех же выражениях Александр пересказывает эту речь в письме к Антипатру; там же царь пишет, что, когда он кончил говорить, все воины закричали, чтобы он вел их хоть на край света. После того, как Александр добился успеха у этой части войска, было уже нетрудно убедить все остальное множество воинов, которые добровольно выразили готовность следовать за царем.

С этих пор он стал все больше приспосабливать свой образ жизни к местным обычаям, одновременно сближая их с македонскими, ибо полагал, что благодаря такому смешению и сближению он добром, а не силой укрепит свою власть на тот случай, если отправится в далекий поход. С этой же целью он отобрал тридцать тысяч мальчиков и поставил над ними многочисленных наставников, чтобы выучить их греческой грамоте и обращению с македонским оружием. И его брак с Роксаной, красивой и цветущей девушкой, в которую он однажды влюбился, увидев ее в хороводе на пиру, как всем казалось, вполне соответст-

вовал его замыслу, ибо брак этот сблизил Александра с варварами, и они прониклись к нему доверием и горячо полюбили его за то, что он проявил величайшую воздержность и не захотел незаконно овладеть даже той единственной женщиной, которая покорила его.

Когда Александр увидел, что один из его ближайших друзей, Гефестион, одобряет его сближение с варварами и сам подражает ему в этом, а другой, Кратер, остается верен отеческим нравам, он стал вести дела с варварами через Гефестиона, а с греками и с македонянами — через Кратера. Горячо любя первого и глубоко уважая второго, Александр часто говорил, что Гефестион — друг Александра, а Кратер — друг царя. Из-за этого Гефестион и Кратер питали скрытую вражду друг к другу и нередко ссорились. Однажды в Индии ссора их дошла до того, что они обнажили мечи. К тому и к другому бросились на помощь друзья, но Александр, пришпорив коня, подъехал к ним и при всех обругал Гефестиона, назвал его глупцом и безумцем, не желающим понять, что он был бы ничем, если бы кто-нибудь отнял у него Александра. Кратера он сурово разбранил с глазу на глаз, а потом, приведя их обоих к себе и примирив друг с другом, поклялся Аммоном и всеми другими богами, что никого из людей не любит так, как их двоих, но если он узнает когда-нибудь, что они опять ссорятся, то непременно убьет либо их обоих, либо зачинщика. Рассказывают, что после этого они даже в шутку ни словом, ни делом не пытались поддеть или уколоть друг друга.

XLVIII. ФИЛОТ, сын Пармениона, пользовался большим уважением среди македонян. Его считали мужественным и твердым человеком, после Александра не было никого, кто был бы столь же щедрым и отзывчивым. Рассказывают, что как-то один из его друзей попросил у него денег, и Филот велел своему домоуправителю выдать их. Домоуправитель отказался, сославшись на то, что денег нет, но Филот сказал ему: «Что ты говоришь? Разве у тебя нет какого-нибудь кубка или платья?» Однако высокомерием и чрезмерным богатством, слишком тщательным уходом за своим телом, необычным для частного лица образом жизни, а также тем, что гордость свою он проявлял

неумеренно, грубо и вызывающе, Филот возбудил к себе недоверие и зависть. Даже отец его, Парменион, сказал ему однажды: «Спустись-ка, сынок, пониже». У Александра он уже давно был на дурном счету. Когда в Дамаске были захвачены богатства Дария, потерпевшего поражение в Киликии, в лагерь привели много пленных. Среди них находилась женщина по имени Антигона, родом из Пидны, выделявшаяся своей красотой. Филот взял ее себе. Как это свойственно молодым людям, Филот нередко, выпив вина, хвастался перед возлюбленной своими воинскими подвигами, приписывая величайшие из деяний себе и своему отцу и называя Александра мальчишкой, который им обоим обязан своим могуществом. Женщина рассказала об этом одному из своих приятелей, тот, как водится, другому, и так молва дошла до слуха Кратера, который вызвал эту женщину и тайно привел ее к Александру. Выслушав ее рассказ, Александр велел ей продолжать встречаться с Филотом и обо всем, что бы она ни узнала, доносить ему лично.

XLIX. НИ О ЧЕМ не подозревая, Филот по-прежнему бахвалился перед Антигоной и в пылу раздражения говорил о царе неподобающим образом. Но, хотя против Филота выдвигались серьезные обвинения, Александр все терпеливо сносил — то ли потому, что полагался на преданность Пармениона, то ли потому, что страшился славы и силы этих людей. В это время один македонянин по имени Димн, родом из Халастры, злоумышлявший против Александра, попытался вовлечь в свой заговор юношу Никомаха, своего возлюбленного, но тот отказался участвовать в заговоре и рассказал обо всем своему брату Кебалину. Кебалин пошел к Филоту и просил его отвести их с братом к Александру, так как они должны сообщить царю о деле важном и неотложном. Филот, неизвестно по какой причине, не повел их к Александру, ссылаясь на то, что царь занят более значительными делами. И так он поступил дважды. Поведение Филота вызвало у братьев подозрение, и они обратились к другому человеку. Приведенные этим человеком к Александру, они сначала рассказали о Димне, а потом мимоходом упомянули и о Филоте, сообщив, что он дважды отверг их просьбу. Это чрезвычайно ожесточило Александра.

Воин, посланный арестовать Димна, вынужден был убить его, так как Димн оказал сопротивление, и это еще более усилило тревогу Александра: царь полагал, что смерть Димна лишает его улик, необходимых для раскрытия заговора. Разгневанный на Филота, Александр привлек к себе тех людей, которые издавна ненавидели сына Пармениона и теперь открыто говорили, что царь проявляет беспечность, полагая, будто жалкий халастриец Димн по собственному почину решился на столь великое преступление. Димн, утверждали эти люди,— не более как исполнитель, вернее даже орудие, направляемое чьей-то более могущественной рукой, а истинных заговорщиков надо искать среди тех, кому выгодно, чтобы все оставалось скрытым. Так как царь охотно прислушивался к таким речам, враги возвели на Филота еще тысячи других обвинений. Наконец, Филот был схвачен и приведен на допрос. Его подвергли пыткам в присутствии ближайших друзей царя, а сам Александр слышал все, спрятавшись за занавесом. Рассказывают, что, когда Филот жалобно застонал и стал униженно молить Гефестиона о пощаде, Александр произнес: «Как же это ты, Филот, такой слабый и трусливый, решился на такое дело?»

После смерти Филота Александр сразу же послал в Мидию людей, чтобы убить Пармениона — того самого Пармениона, который оказал Филиппу самые значительные услуги и который был, пожалуй, единственным из старших друзей Александра, побуждавшим царя к походу на Азию. Из трех сыновей Пармениона двое погибли в сражениях на глазах у отца, а вместе с третьим сыном погиб он сам.

Все это внушило многим друзьям Александра страх перед царем, в особенности же — Антипатру, который, тайно отправив послов к этолийцам, заключил с ними союз. Этолийцы очень боялись Александра из-за того, что они разрушили Эниады, ибо, узнав о гибели города, царь сказал, что не дети эниадян, но он сам отомстит за это этолийцам.

L. ЗА ЭТИМИ событиями вскоре последовало убийство Клита. Если рассказывать о нем без подробностей, оно может показаться еще более жестоким, чем убийство Филота, но если сообщить причину и все обсто-

ятельства его, стаиет ясиым, что оио совершилось ие предумышлеиио, а в результате иесчастиого случая, что гиев и опьяиеиие царя лишь сослужили службу злому року Клита. Вот как все случилось. Какие-то люди, приехавшие из-за моря, прииесли Алексаидру плоды из Греции. Восхищаясь красотой и свежестью плодов, царь позвал Клита, чтобы показать ему фрукты и дать часть из иих. Клит в это время как раз прииосил жертвы, ио, услышав приказ царя, приостаиовил жертвоприиошеиие и сразу же отправился к Алексаидру, а три овцы, иад которыми были уже совершеиы возлияиия, побежали за иим. Узиав об этом, царь обратился за разъясиеиием к прорицателям — Аристаидру и лакедемоияииу Аристомеиу. Оии сказали, что это дуриой зиак, и Алексаидр велел как можио скорее прииести умилостивительиую жертву за Клита. (Дело в том, что за три дия до этого Алексаидр видел страииый сои. Ему присиилось, что Клит вместе с сыиовьями Пармеииоиа сидит в чериых одеждах и все оии мертвы.) Но Клит ие дождался коица жертвоприиошеиия и отправился иа пир к царю, который только что прииес жертвы Диоскурам. В разгаре веселого пиршества кто-то стал петь песеики иекоего Праииха,— или, по словам других писателей, Пиериоиа,— в которых высмеивались полководцы, иедавио потерпевшие поражеиие от варваров. Старшие из присутствовавших сердились и браиили сочииителя и певца, ио Алексаидр и окружавшие его молодые люди слушали с удовольствием и велели певцу продолжать. Клит, уже пьяиый и к тому же от природы иесдержаииый и своевольиый, иегодовал больше всех. Ои говорил, что иедостойио среди варваров и врагов оскорблять македоияи, которые, хотя и попали в беду, все же миого лучше тех, кто иад иими смеется. Когда Алексаидр заметил, что Клит, должио быть, хочет оправдать самого себя, иазывая трусость бедою, Клит вскочил с места и воскликиул: «Но эта самая трусость спасла тебя, рождеииый богами, когда ты уже подставил свою спииу мечу Спитридата! Ведь благодаря крови македоияи и этим вот раиам ты столь вознесся, что, отрекшись от Филиппа, иазываешь себя сыиом Аммоиа!»

LI. С ГНЕВОМ Александр отвечал: «Долго ли еще, негодяй, думаешь ты радоваться, поносят нас при каждом удобном случае и призывая македонян к неповиновению?» «Да мы и теперь не радуемся, Александр, вкушая такие „сладкие" плоды наших трудов,— возразил Клит.— Мы считаем счастливыми тех, кто умер еще до того, как македонян начали сечь мидийскими розгами, до того, как македоняне оказались в таком положении, что вынуждены обращаться к персам, чтобы получить доступ к царю». В ответ на эти дерзкие речи поднялись друзья Александра и стали бранить Клита, а люди постарше пытались угомонить спорящих. Александр же, обратившись к Ксенодоху Кардийскому и Артемию Колофонскому, сказал: «Не кажется ли вам, что греки прогуливаются среди македонян, словно полубоги среди диких зверей?» Клит не унимался, он требовал, чтобы Александр при всех высказал то, что думает, или же чтобы он больше не приглашал к себе на пир людей свободных, привыкших говорить откровенно, а жил среди варваров и рабов, которые будут поклоняться его персидскому поясу и белому хитону. Александр уже не мог сдержать гнева: схватив лежавшее около него яблоко, он бросил им в Клита и стал искать свой кинжал. Но так как один из телохранителей, Аристофан, успел вовремя убрать кинжал, а все остальные окружили Александра и умоляли его успокоиться, он вскочил с места, по-македонски кликнул царскую стражу (это был условный знак крайней опасности), велел трубачу подать сигнал тревоги и ударил его кулаком, заметив, что тот медлит. Впоследствии этот трубач пользовался большим уважением за то, что благодаря его самообладанию весь лагерь не был приведен в смятение. Клита, не желавшего уступить, друзья с трудом вытолкали из пиршественного зала, но он снова вошел через другие двери, с превеликой дерзостью читая ямбы из «Андромахи» Еврипида:

Какой плохой обычай есть у эллинов...

Тут Александр выхватил копье у одного из телохранителей и, метнув его в Клита, который отбросил дверную завесу и шел навстречу царю, пронзил дерзкого насквозь. Клит, громко застонав, упал, и гнев

Александра сразу же угас. Опомнившись и увидев друзей, безмолвно стоявших вокруг, Александр вытащил из трупа копье и попытался вонзить его себе в шею, но ему помешали — телохранители схватили его за руки и насильно унесли в спальню.

LII. ПРОВЕДЯ всю ночь в рыданиях, он настолько изнемог от крика и плача, что на следующий день лежал безмолвно, испуская лишь тяжкие стоны. Друзья, напуганные его молчанием, без разрешения вошли в спальню. Но речи их не тронули Александра. Только когда прорицатель Аристандр, напомнив царю о сновидении, в котором ему явился Клит, и о дурном знамении при жертвоприношении, сказал, что все случившееся было уже давно определено судьбою, Александр, казалось, несколько успокоился.

Затем к нему привели Анаксарха из Абдер и философа Каллисфена — родственника Аристотеля. Каллисфен пытался кроткой и ласковой речью смягчить горе царя, а Анаксарх, который с самого начала пошел в философии особым путем и был известен своим презрительным отношением к общепринятым взглядам, подойдя к Александру, воскликнул: «И это Александр, на которого смотрит теперь весь мир! Вот он лежит, рыдая, словно раб, страшась закона и порицания людей, хотя он сам должен быть для них и законом и мерою справедливости, если только он победил для того, чтобы править и повелевать, а не для того, чтобы быть прислужником пустой молвы. Разве ты не знаешь,— продолжал он,— что Зевс для того посадил с собой рядом Справедливость и Правосудие, дабы всё, что ни совершается повелителем, было правым и справедливым?» Такими речами Анаксарх несколько успокоил царя, но зато на будущее время внушил ему еще большую надменность и пренебрежение к законам. Пользуясь расположением Александра, Анаксарх усилил его неприязнь к Каллисфену, которого царь и прежде-то недолюбливал за строгость и суровость. Рассказывают, что однажды на пиру, когда разговор зашел о временах года и погоде, Каллисфен, разделявший взгляды тех, которые считают, что в Азии холоднее, чем в Греции, в ответ на возражения Анаксарха сказал так: «Ты-то уж должен был бы согласиться с тем, что здесь холодней, чем в Греции.

Там ты всю зиму ходил в изношенном плаще, а здесь лежишь, укрывшись тремя коврами». После этого Анаксарх стал еще больше ненавидеть Каллисфена.

LIII. ДРУГИМ софистам и льстецам Каллисфен был также ненавистен, ибо юноши любили его за красоту речей, а пожилым людям он в неменьшей мере был приятен тем, что вел жизнь безупречную, чистую, чуждую искательства. Его жизнь неопровержимо доказывала, что он не уклонялся от истины, когда говорил, что отправился за Александром лишь затем, чтобы восстановить свой родной город и вернуть туда жителей. Ненавидимый из-за своей славы, он и поведением своим давал врагам пищу для клеветы, ибо большей частью отклонял приглашения к царскому столу, а если и приходил, то своей суровостью и молчанием показывал, что он не одобряет происходящего. Оттого-то Александр и сказал про него:

Противен мне мудрец, что для себя не мудр.

Рассказывают, что однажды на царском пиру при большом стечении приглашенных Каллисфену поручили произнести за кубком вина хвалебную речь в честь македонян, и он говорил на эту тему с таким красноречием, что присутствовавшие, стоя, рукоплескали и бросали ему свои венки. Тогда Александр привел слова Еврипида о том, что прекрасно говорить о прекрасном предмете — дело нетрудное, и сказал: «Теперь покажи нам свою силу, произнесши обвинительную речь против македонян, чтобы, узнав свои ошибки, они стали лучше». Тут уже Каллисфен заговорил подругому, в откровенной речи он предъявил македонянам многие обвинения. Он сказал, что раздор среди греков был единственной причиной успехов Филиппа и его возвышения, и в доказательство своей правоты привел стих:

Часто при распрях почет достается в удел негодяю.

Этой речью Каллисфен возбудил против себя лютую ненависть со стороны македонян, а Александр сказал, что Каллисфен показал не столько силу своего красноречия, сколько силу своей вражды к македонянам.

LIV. ПО СЛОВАМ Гермиппа, об этом случае рассказал Аристотелю Streб, чтец Каллисфена. Гермипп

добавляет, что Каллисфен почувствовал недовольство царя и, прежде чем выйти из зала, два или три раза повторил, обращаясь к нему:

Умер Патрокл, несравненно тебя превосходнейший смертный.

Аристотель, по-видимому, не ошибался, когда говорил, что Каллисфен — прекрасный оратор, но человек неумный.

Впрочем, благодаря тому, что Каллисфен упорно, как подобает философу, боролся против обычая падать ниц перед царем и один осмеливался открыто говорить о том, что вызывало тайное возмущение у лучших и старейших из македонян, он избавил греков от большого позора, а Александра — от еще большего, но себе самому уготовил погибель, ибо казалось, что он не столько убедил царя, сколько принудил его отказаться от почестей благоговейного поклонения.

Харет из Митилены рассказывает, что однажды на пиру Александр, отпив вина, протянул чашу одному из друзей. Тот, приняв чашу, встал перед жертвенником и, выпив вино, сначала пал ниц, потом поцеловал Александра и вернулся на свое место. Так поступили все. Когда очередь дошла до Каллисфена, он взял чашу (царь в это время отвлекся беседой с Гефестионом), выпил вино и подошел к царю для поцелуя. Но тут Деметрий, по прозвищу Фидон, воскликнул: «О царь, не целуй его, он один из всех не пал пред тобою ниц». Александр уклонился от поцелуя, а Каллисфен сказал громким голосом: «Что ж, одним поцелуем будет у меня меньше».

LV. СВОИМ поведением Каллисфен очень озлобил Александра, и тот охотно поверил Гефестиону, который сказал, что философ обещал ему пасть ниц перед царем, но не сдержал своего слова. Потом на Каллисфена обрушились Лисимах и Гагнон: они говорили, что софист расхаживает с таким гордым видом, словно он уничтожил тиранию, что отовсюду к нему стекаются зеленые юнцы, восторгающиеся им, как человеком, который один среди стольких тысяч сумел остаться свободным. Поэтому, когда был раскрыт заговор Гермолая, обвинения, которые возвели на Каллисфена его враги, представились царю вполне правдоподобными. А враги утверждали, будто на вопрос Гермолая, как стать самым знаменитым, Каллисфен

ответил: «Для этого надо убить самого знаменитого». Клеветники говорили, будто Каллисфен подстрекал Гермолая к решительным действиям, убеждал его не бояться золотого ложа и помнить, что перед ним человек, столь же подверженный болезням и столь же уязвимый, как и все остальные люди. Все же никто из заговорщиков даже под самыми страшными пытками не назвал Каллисфена виновным. И сам Александр вскоре после этого написал Кратеру, Атталу и Алкету, что мальчишки во время пыток брали всю вину на себя, уверяя, что у них не было соучастников. Позднее, однако, в письме к Антипатру Александр возлагает вину и на Каллисфена: «Мальчишек,— пишет он,— македоняне побили камнями, а софиста я еще накажу, как, впрочем, и тех, кто его прислал и кто радушно принимает в своих городах заговорщиков, посягающих на мою жизнь». Здесь Александр явно намекает на Аристотеля, ибо Каллисфен был его родственником, сыном его двоюродной сестры Геро́, и воспитывался в его доме. Некоторые сообщают, что Александр повесил Каллисфена, а другие — что Каллисфен умер в тюрьме от болезни. Харет рассказывает, что Каллисфена семь месяцев держали в оковах, под стражей, чтобы позднее судить его в большом собрании, в присутствии Аристотеля, но как раз в те самые дни, когда Александр был ранен в Индии, Каллисфен умер от ожирения и вшивой болезни.

LVI. НО ЭТО случилось позднее. А в ту пору коринфянин Демарат, будучи уже в преклонных годах, пожелал отправиться к Александру. Представ пред царем, он сказал, что великой радости лишились те из греков, которые умерли, не увидев Александра восседающим на троне Дария. Недолго довелось Демарату пользоваться благоволением царя, но когда он умер от старческой немощи, то удостоился пышного погребения. Воины насыпали в его честь огромный курган высотою в восемьдесят локтей, а останки его на великолепно украшенной колеснице были отвезены к морю.

LVII. АЛЕКСАНДР намеревался отправиться в Индию, но, видя, что из-за огромной добычи войско отяжелело и стало малоподвижным, однажды на рассвете велел нагрузить повозки и сначала сжег те из них,

которые принадлежали ему самому и его друзьям, а потом приказал поджечь повозки остальных македонян. Оказалось, что отважиться на это дело было гораздо труднее, чем совершить его. Лишь немногие были огорчены, большинство же, раздав необходимое нуждающимся, в каком-то порыве восторга с криком и шумом принялось сжигать и уничтожать все излишнее. Это еще более воодушевило Александра и придало ему твердости. В ту пору он был уже страшен в гневе и беспощаден при наказании виновных. Одного из своих приближенных, некоего Менандра, назначенного начальником караульного отряда в какой-то крепости, Александр приказал казнить только за то, что тот отказался там остаться. Орсодата, изменившего ему варвара, он собственной рукой застрелил из лука.

Около этого времени овца принесла ягненка, у которого на голове был нарост, формой и цветом напоминающий тиару, а по обеим сторонам нароста — по паре яичек. У Александра это знамение вызвало такое отвращение, что он пожелал очиститься от скверны. Обряд совершили вавилоняне, которых царь обыкновенно призывал к себе в подобных случаях. Друзьям Александр говорил, что он беспокоится не о себе, а об них, что он страшится, как бы божество после его смерти не вручило верховную власть человеку незнатному и бессильному. Но в скором времени печаль его была рассеяна добрым предзнаменованием. Начальник царских спальников, македонянин по имени Проксен, готовя у реки Окс место для палатки Александра, обнаружил источник густой и жирной жидкости. Когда вычерпали то, что находилось на поверхности, из источника забила чистая и светлая струя, ни по запаху, ни по вкусу не отличавшаяся от оливкового масла, такая же прозрачная и жирная. Это было особенно удивительным потому, что в тех местах не растут оливковые деревья. Рассказывают, что в самом Оксе вода очень мягкая, и у купающихся в этой реке кожа покрывается жиром. Как обрадовался Александр этому предзнаменованию, можно видеть из его письма к Антипатру. Он пишет, что это одно из величайших предзнаменований, когда-либо полученных им от божества. Прорицатели же утверждали, что оно предвещает поход славный, но тяжкий и суровый, ибо

божество дало людям оливковое масло для того, чтобы облегчить их труды.

LVIII. В БОЯХ Александр подвергал себя множеству опасностей и получил несколько тяжелых ранений, войско же его больше всего страдало от недостатка в съестных припасах и от скверного климата. Александр стремился дерзостью одолеть судьбу, а силу — мужеством, ибо он считал, что для смелых нет никакой преграды, а для трусов — никакой опоры. Рассказывают, что Александр долго осаждал неприступную скалу, которую оборонял Сисимитр. Когда воины совсем уже пали духом, Александр спросил Оксиарта, храбрый ли человек Сисимитр, и Оксиарт ответил, что Сисимитр — трусливейший из людей. Тогда Александр сказал: «Выходит дело, что мы можем захватить эту скалу,— ведь вершина у нее непрочная». Устрашив Сисимитра, он взял твердыню приступом. В другой раз, когда войско штурмовало столь же крутую и неприступную скалу, Александр послал вперед молодых македонян и, обратившись к одному юноше, которого тоже звали Александром, сказал ему: «Твое имя обязывает тебя быть мужественным». Храбро сражаясь, юноша пал в битве, и это очень огорчило царя.

Перед крепостью, называвшейся Нисой, македоняне остановились в нерешительности, так как их отделяла от нее глубокая река. Став на берегу, Александр сказал: «Почему я, глупец, не научился плавать?» И все же, взяв в руки щит, он хотел броситься в реку...[1] Когда Александр прекратил битву, к нему явились послы осажденных городов просить о мире. Сначала они были очень напуганы, увидев царя в простой одежде и с оружием в руках, но потом царю принесли подушку, и он велел старшему из послов, Акуфиду, сесть на нее. Пораженный великодушием и человечностью Александра, Акуфид спросил, чем могут они заслужить его дружбу. Александр сказал: «Пусть твои соотечественники изберут тебя правителем, а к нам пусть пришлют сто лучших мужей». На это Акуфид, рассмеявшись, отвечал: «Но мне будет легче править, царь, если я пришлю тебе худших, а не лучших».

[1] Текст испорчен.

LIX. ТАКСИЛ, как сообщают, владел в Индии страной, по размерам не уступавшей Египту, к тому же плодородной и богатой пастбищами, а сам он был человек мудрый. Приветливо приняв Александра, он сказал ему: «Зачем нам воевать друг с другом, Александр,— ведь ты же не собираешься отнять у нас воду и необходимые средства к жизни, ради чего только и стоит сражаться людям разумным? Всем остальным имуществом я охотно поделюсь с тобою, если я богаче тебя, а если беднее — с благодарностью приму дары от тебя». С удовольствием выслушав эту речь, Александр протянул Таксилу правую руку и сказал: «Не думаешь ли ты, что благодаря этим радушным словам между нами не будет сражения? Ты ошибаешься. Я буду бороться с тобой благодеяниями, чтобы ты не превзошел меня своей щедростью». Приняв богатые дары от Таксила, Александр преподнес ему дары еще более богатые, а потом подарил тысячу талантов в чеканной монете. Этот поступок очень огорчил его друзей, но зато привлек к нему многих варваров. Храбрейшие из индийцев-наемников, переходившие из города в город, сражались отчаянно и причинили Александру немало вреда. В одном из городов Александр заключил с ними мир, а когда они вышли за городские стены, царь напал на них в пути и, захватив в плен, перебил всех до одного. Это единственный позорный поступок, пятнающий поведение Александра на войне, ибо во всех остальных случаях Александр вел военные действия в согласии со справедливостью, истинно по-царски. Не меньше хлопот доставили Александру индийские философы, которые порицали царей, перешедших на его сторону, и призывали к восстанию свободные народы. За это многие из философов были повешены по приказу Александра.

LX. О ВОЙНЕ с Пором Александр сам подробно рассказывает в своих письмах. Между враждебными лагерями, сообщает он, протекала река Гидасп. Выставив вперед слонов, Пор постоянно вел наблюдение за переправой. Александр же велел каждый день поднимать в лагере сильный шум, чтобы варвары привыкли к нему. Однажды холодной и безлунной ночью Александр, взяв с собой часть пехоты и отборных

всадников, ушел далеко в сторону от врагов и переправился на небольшой остров. В это время пошел проливной дождь, подул ураганный ветер, в лагерь то и дело ударяли молнии. На глазах у Александра несколько воинов были убиты и испепелены молнией, и все же он отплыл от острова и попытался пристать к противоположному берегу. Из-за непогоды Гидасп вздулся и рассвирепел, во многих местах берег обрушился, и туда бурным потоком устремилась вода, к суше нельзя было подступиться, так как нога не держалась на скользком, изрытом дне. Рассказывают, что Александр воскликнул тогда: «О, афиняне, знаете ли вы, каким опасностям я подвергаюсь, чтобы заслужить ваше одобрение?» Так говорит Онесикрит, сам же Александр сообщает, что они оставили плоты и, погрузившись в воду по грудь, с оружием в руках двинулись вброд. Выйдя на берег, Александр с конницей устремился вперед, опередив пехоту на двадцать стадиев. Александр полагал, что если враги начнут конное сражение, то он легко победит их, если же они двинут вперед пехотинцев, то его пехота успеет вовремя присоединиться к нему. Сбылось первое из этих предположений. Тысячу всадников и шестьдесят колесниц, которые выступили против него, он обратил в бегство. Всеми колесницами он овладел, а всадников пало четыреста человек. Пор понял, что Александр уже перешел реку, и выступил ему навстречу со всем своим войском, оставив на месте лишь небольшой отряд, который должен был помешать переправиться остальным македонянам. Напуганный видом слонов и многочисленностью неприятеля, Александр сам напал на левый фланг, а Кену приказал атаковать правый. Враги дрогнули на обоих флангах, но всякий раз они отходили к слонам, собирались там и оттуда вновь бросались в атаку сомкнутым строем. Битва шла поэтому с переменным успехом, и лишь на восьмой час сопротивление врагов было сломлено. Так описал это сражение в своих письмах тот, по чьей воле оно произошло. Большинство историков в полном согласии друг с другом сообщает, что благодаря своему росту в четыре локтя и пядь, а также могучему телосложению Пор выглядел на слоне так же, как всадник на коне, хотя слон под ним был самый большой.

Этот слои проявил замечательную понятливость н трогательную заботу о царе. Пока царь еще сохранял силы, слон защищал его от нападавших врагов, но, почувствовав, что царь изнемогает от множества дротиков, вонзнвшихся в его тело, и боясь, как бы ои не упал, слон медленно опустился на колени и иачал осторожио вынимать хоботом из его тела один дротик за другим.

Когда Пора взяли в плен и Александр спросил его, как следует с ним обращаться, Пор сказал: «По-царски». Александр спросил, не хочет ли ои добавить еще что-нибудь. На это Пор ответил: «Все заключено в одном слове: по-царски». Назиачив Пора сатрапом, Алексаидр не только оставил в его власти всю ту область, иад которой он царствовал, но даже присоединил к ией новые земли, подчинив Пору нндийцев, прежде иезависимых. Рассказывают, что на этнх землях, населеиных пятиадцатью народами, находилось пять тысяч больших городов и великое множество деревень. Над другой областью, в три раза большей, Алексаидр поставил сатрапом Филиппа, одного нз своих близких друзей.

LXI. БИТВА с Пором стоила жизнн Букефалу. Как сообщает большинство историков, конь погнб от ран, но ие сразу, а поздиее, во время лечения. Онесикрит же утверждает, что Букефал нздох от старости тридцати лет от роду. Александр был очень опечален смертью коня, он так тосковал, словио потерял близкого друга. В память о коне он осиовал город у Гидаспа и иазвал его Букефалией. Рассказывают также, что, потеряв любимую собаку Периту, которую он сам вырастил, Александр основал город, названный ее именем. Сотион говорит, что слышал об этом от Потамона Лесбосского.

LXII. СРАЖЕНИЕ с Пором охладило пыл македонян и отбило у них охоту проникиуть дальше в глубь Индии. Лишь с большим трудом им удалось победить этого царя, выставившего только двадцать тысяч пехотинцев и две тысячи всадников. Македоняне решительно воспротивились намереиию Алексаидра переправиться через Ганг: они слышали, что эта река имеет тридцать два стадия в ширину и сто оргий в глубину и что противоположный берег весь занят воо-

руженными людьми, конями и слонами. Шла молва, что на том берегу их ожидают цари гандаритов и пресиев с огромным войском из восьмидесяти тысяч всадников, двухсот тысяч пехотинцев, восьми тысяч колесниц и шести тысяч боевых слонов. И это не было преувеличением. Андрокотт, который вскоре вступил на престол, подарил Селевку пятьсот слонов и с войском в шестьсот тысяч человек покорил всю Индию.

Сначала Александр заперся в палатке и долго лежал там в тоске и гневе. Сознавая, что ему не удастся перейти через Ганг, он уже не радовался ранее совершенным подвигам и считал, что возвращение назад было бы открытым признанием своего поражения. Но так как друзья приводили ему разумные доводы, а воины плакали у входа в палатку, Александр смягчился и решил сняться с лагеря. Перед тем, однако, он пошел ради славы на хитрость. По его приказу изготовили оружие и конские уздечки необычайного размера и веса и разбросали их вокруг. Богам были сооружены алтари, к которым до сих пор приходят цари пресиев, чтобы поклониться им и совершить жертвоприношения по греческому обряду. Андрокотт еще юношей видел Александра. Как передают, он часто говорил впоследствии, что Александру было бы нетрудно овладеть и этой страной, ибо жители ее ненавидели и презирали своего царя за порочность и низкое происхождение.

LXIII. ЖЕЛАЯ увидеть Океан, Александр построил большое число плотов и гребных кораблей, на которых македоняне медленно поплыли вниз по рекам. Но и во время плавания Александр не предавался праздности и не прекращал военных действий. Часто, сходя на берег, он совершал нападения на города и покорял все вокруг. В стране маллов, которые считались самыми воинственными из индийцев, он едва не был убит. Согнав врагов дротиками со стены, он первый взобрался на нее по лестнице. Но лестница сломалась, а варвары, стоявшие внизу у стены, подвергли его и тех немногих воинов, которые успели к нему присоединиться, яростному обстрелу. Александр спрыгнул вниз, в гущу врагов и, к счастью, сразу же вскочил на ноги. Потрясая оружием, царь устремился на врагов, и варварам показалось, будто от его те-

ла исходит какое-то чудесное сияние. Сперва они в ужасе бросились врассыпную, но затем, видя, что рядом с Александром всего лишь два телохранителя, ринулись на него и, несмотря на его мужественное сопротивление, нанесли ему мечами и копьями много тяжелых ран. Один из варваров, встав чуть поодаль, пустил стрелу с такой силой, что она пробила панцирь и глубоко вонзилась в кость около соска. От удара Александр согнулся, и воин, пустивший стрелу, подбежал к царю, обнажив варварский меч. Певкест и Лимней заслонили царя, но обоих тяжело ранили. Лимней сразу же испустил дух, Певкест удержался на ногах, а варвара убил сам Александр. Весь израненный, получив напоследок удар дубиной по шее, царь прислонился к стене, обратив лицо к врагам. Но в этот миг Александра окружили македоняне и, схватив его, уже потерявшего сознание, отнесли в палатку. В лагере тотчас же распространился слух, что царь мертв. С трудом спилив древко стрелы и сняв с Александра панцирь, принялись вырезать вонзившееся в кость острие, которое, как говорят, было шириной в три пальца, а длиной — в четыре пальца. В это время царь впал в глубокий обморок и был уже на волоске от смерти, но пришел в себя, когда острие было извлечено. Избежав смертельной опасности, он еще долгое время был очень слаб и нуждался в лечении и покое. Однажды он услышал, что македоняне шумят перед его палаткой, выражая желание увидеть своего царя. Накинув плащ, он вышел к ним и принес богам жертвы, а потом двинулся дальше, продолжая по пути покорять города и земли.

LXIV. АЛЕКСАНДР захватил в плен десять гимнософистов из числа тех, что особенно старались склонить Саббу к измене и причинили македонянам немало вреда. Этим людям, которые были известны своим умением давать краткие и меткие ответы, Александр предложил несколько трудных вопросов, объявив, что того, кто даст неверный ответ, он убьет первым, а потом — всех остальных по очереди. Старшему из них он велел быть судьею. Первый гимнософист на вопрос, кого больше — живых или мертвых, ответил, что живых, так как мертвых уже нет. Второй гимнософист на вопрос о том, земля или море взращивает зверей

более крупных, ответил, что земля, так как море — это только часть земли. Третьего Александр спросил, какое из животных самое хитрое, и тот сказал, что самое хитрое — то животное, которое человек до сих пор не узнал. Четвертый, которого спросили, из каких побуждений склонял он Саббу к измене, ответил, что он хотел, чтобы Сабба либо жил прекрасно, либо прекрасно умер. Пятому был задан вопрос, что было раньше — день или ночь, и тот ответил, что день был на один день раньше, а потом, заметив удивление царя, добавил, что задающий мудреные вопросы неизбежно получит мудреные ответы. Обратившись к шестому, Александр спросил его, как должен человек себя вести, чтобы его любили больше всех, и тот ответил, что наибольшей любви достоин такой человек, который, будучи самым могущественным, не внушает страха. Из трех остальных одного спросили, как может человек превратиться в бога, и софист ответил, что человек превратится в бога, если совершит нечто такое, что невозможно совершить человеку. Другому задали вопрос, что сильнее — жизнь или смерть, и софист сказал, что жизнь сильнее, раз она способна переносить столь великие невзгоды. Последнего софиста Александр спросил, до каких пор следует жить человеку, и тот ответил, что человеку следует жить до тех пор, пока он не сочтет, что умереть лучше, чем жить. Тут царь обратился к судье и велел ему объявить приговор. Когда судья сказал, что они отвечали один хуже другого, царь воскликнул: «Раз ты вынес такое решение, ты умрешь первым». На это софист возразил: «Но тогда ты окажешься лжецом, о царь: ведь ты сказал, что первым убьешь того, кто даст самый плохой ответ».

LXV. БОГАТО одарив этих гимнософистов, Александр отпустил их, а к самым прославленным, жившим уединенно, вдали от людей, послал Онесикрита, через которого пригласил их к себе. Онесикрит был сам философом из школы киника Диогена. По его словам, Калан принял его сурово и надменно, велел ему снять хитон и вести беседу нагим, так как иначе, дескать, он не станет с ним говорить, будь Онесикрит посланцем даже самого Зевса. Дандамид был гораздо любезнее. Выслушав рассказ Онесикрита о Сократе,

Пифагоре и Диогене, он сказал, что эти люди обладали, по-видимому, замечательиым дароваиием, ио слишком уж почитали законы. По другим сведеииям, Даидамид произнес только одиу фразу: «Чего ради Алексаидр явился сюда, проделав такой огромный путь?»

Калана Таксил уговорил явиться к Александру. Этого философа звали, собствеиио, Сфии, ио так как ои приветствовал всех встречных по-индийски — словом «кале», греки прозвали его Калаи. Рассказывают, что Калан воочию показал Алексаидру, что представляет собой его царство. Бросив иа землю высохшую и затвердевшую шкуру, Калаи иаступил иа ее край, и вся оиа подиялась вверх. Обходя вокруг шкуры, Калаи наступал иа иее с краю в разных местах и всякий раз повторялось то же самое. Когда же ои встал иа середину и крепко прижал ее к земле, вся шкура осталась иеподвижиой. Этим Калан хотел сказать, что Алексаидр должеи утвердиться в середиие своего царства и ие слишком от иее удаляться.

LXVI. ПЛАВАНИЕ вниз по течению рек продолжалось семь месяцев. Когда корабли вышли в Океаи, Алексаидр приплыл к острову, который ои сам называет Скиллустидой, а другие — Псилтукой. Высадившись иа берег, он прииес жертвы богам и, иасколько это было возможно, озиакомился с природой моря и побережья. Потом ои обратился к богам с молитвой, чтобы никто из людей после иего ие зашел дальше тех рубежей, которых ои достиг со своим войском. После этого ои иачал обратиый путь. Кораблям он приказал плыть вдоль суши так, чтобы берег Индии иаходился справа, начальником флота назиачил Неарха, а главиым кормчим — Оиесикрита. Сам Алексаидр, двииувшись сушею через страиу оритов, оказался в чрезвычайио тяжелом положеиии и потерял миожество людей, так что ему ие удалось привести из Индии даже четверти своего войска, а в иачале похода у иего было сто двадцать тысяч пехотиицев и пятнадцать тысяч всадииков. Тяжелые болезни, скверная пища, нестерпимый зной и в особеииости голод погубили миогих в этой бесплодной страие, иаселенной нищими людьми, все имущество которых состояло из жалких овец, да и те были в иичтожиом числе.

Овцы питались морской рыбой, и потому мясо их было зловонным и неприятным на вкус. Лишь по прошествии шестидесяти дней Александру удалось выбраться из этой страны, и как только он достиг Гедрозии, у него сразу же все появилось в изобилии, так как сатрапы и цари ближайших стран позаботились об этом заранее.

LXVII. ВОССТАНОВИВ свои силы, македоняне в течение семи дней веселой процессией шествовали через Карманию. Восьмерка коней медленно везла Александра, который беспрерывно, днем и ночью, пировал с ближайшими друзьями, восседая на своего рода сцене, утвержденной на высоком, отовсюду видном помосте. Затем следовало множество колесниц, защищенных от солнечных лучей пурпурными и пестрыми коврами или же зелеными, постоянно свежими ветвями, на этих колесницах сидели остальные друзья и полководцы, украшенные венками и весело пирующие. Нигде не было видно ни щитов, ни шлемов, ни копий, на всем пути воины чашами, кружками и кубками черпали вино из пифосов и кратеров и пили за здоровье друг друга, одни при этом продолжали идти вперед, а другие падали наземь. Повсюду раздавались звуки свирелей и флейт, звенели песни, слышались вакхические восклицания женщин. В течение всего этого беспорядочного перехода царило такое необузданное веселье, как будто сам Вакх присутствовал тут же и участвовал в этом радостном шествии. Прибыв в столицу Гедрозии, Александр вновь предоставил войску отдых и устроил празднества. Рассказывают, что однажды, хмельной, он присутствовал на состязании хоров, один из которых возглавлял его любимец Багой. Одержав победу, Багой в полном наряде прошел через театр и сел рядом с царем. Увидев это, македоняне принялись рукоплескать и закричали, чтобы царь поцеловал Багоя; они не успокоились до тех пор, пока Александр не обнял и не поцеловал его.

LXVIII. ТАМ ЖЕ к нему явился Неарх со своими людьми. Александр очень обрадовался и, выслушав рассказ о плавании, вознамерился сам поплыть с большим флотом вниз по течению Евфрата, затем обогнуть Аравию и Африку и через Геракловы столпы

пройти во Внутреннее море. С этой целью у Тапсака начали строить различные суда и отовсюду собирать мореходов и кормчих. Но слухи о том, что поход в глубь материка оказался очень тяжелым, что царь получил ранение в битве с маллами, что войско понесло большие потери, порождали сомнения в том, что Александр вернется невредимым, побуждали подвластные народы к мятежам, а полководцев и сатрапов толкали на несправедливости, бесчинства и своеволие. Вообще повсюду воцарился дух беспокойства и стремление к переменам. В это же время Олимпиада и Клеопатра окончательно рассорились с Антипатром и поделили царство между собой: Олимпиада взяла себе Эпир, а Клеопатра — Македонию. Узнав об этом, Александр сказал, что мать поступила разумнее, ибо македоняне не потерпят, чтобы над ними царствовала женщина.

Сообразуясь с обстоятельствами, Александр вновь послал Неарха к морю, поручив ему опустошить вооруженной рукой все прибрежные страны, а сам отправился в дальнейший путь, чтобы наказать провинившихся полководцев. Оксиарта, одного из сыновей Абулита, он убил сам, пронзив его копьем. Абулит не приготовил съестных припасов, а поднес царю три тысячи талантов в чеканной монете, и Александр велел ему бросить эти деньги коням. Кони, разумеется, не притронулись к такому «корму», и царь, воскликнув: «Что нам за польза в твоих припасах?» — приказал бросить Абулита в тюрьму.

LXIX. В ПЕРСИДЕ Александр прежде всего роздал женщинам деньги по обычаю прежних царей, которые всякий раз, когда они являлись в эту страну, давали каждой женщине по золотому. Рассказывают, что именно поэтому некоторые цари приезжали в Персиду очень редко, а Ох из жадности так ни разу туда и не явился, превратив себя в добровольного изгнанника.

Когда Александр узнал, что могила Кира разграблена, он велел казнить Поламаха, совершившего это преступление, хотя это был один из знатнейших граждан Пеллы. Прочтя надгробную надпись, Александр приказал начертать ее также и по-гречески, а она гласила: «О человек, кто бы ты ни был и откуда бы

ты ни явился,— ибо я знаю, что ты придешь,— я Кир, создавший персидскую державу. Не лишай же меня той горстки земли, которая покрывает мое тело». Эти слова произвели на Александра глубокое и сильное впечатление и навели его на горестные размышления о превратностях человеческой судьбы.

Здесь Калан, долгое время страдавший болезнью желудка, попросил соорудить для себя костер. Подъехав к костру на коне, он помолился, окропил себя, словно жертвенное животное, и срезал со своей головы клок волос в приношение богам. Затем, взойдя на костер, он попрощался с присутствовавшими македонянами, попросил их и царя провести этот день в веселой попойке и сказал, что царя он вскоре увидит в Вавилоне. Произнеся эти слова, он лег и укрылся с головой. Огонь подбирался все ближе, но он не двинулся с места, не шевельнул ни рукой, ни ногой. Так он принес себя в жертву богам по древнему обычаю мудрецов своей страны. Много лет спустя в Афинах то же самое совершил другой индиец, находившийся тогда в свите Цезаря. До сих пор там можно видеть могильный памятник, который называют «нагробием индийца».

LXX. ВОЗВРАТИВШИСЬ к себе после самосожжения Калана, Александр созвал на пир друзей и полководцев. На пиру он предложил потягаться в умении пить и назначил победителю в награду венок. Больше всех выпил Промах, который дошел до четырех хоев; в награду он получил венок ценою в талант, но через три дня скончался. Кроме него, как сообщает Харет, умерли еще сорок один человек, которых после попойки охватил сильнейший озноб.

В Сузах Александр женился на дочери Дария Статире и одновременно отпраздновал свадьбы друзей, отдав в жены самым лучшим своим воинам самых прекрасных персидских девушек. Для македонян, которые уже были женаты, он устроил общее свадебное пиршество; сообщают, что на этом пиру каждому из девяти тысяч приглашенных была вручена золотая чаша для возлияний. Изумительная щедрость царя проявилась и в том, что он из собственных средств заплатил долги своих воинов, израсходовав на это девять тысяч восемьсот семьдесят талантов. Этим

воспользовался Антиген Одноглазый. Обманным путем занеся свое имя в список должников и приведя к столу человека, который назвался его заимодавцем, он получил деньги. Но вскоре обман был раскрыт, и царь вне себя от гнева выгнал Антигена из дворца и отрешил его от командования. Этот Антиген проявил себя замечательным воином. Когда он был еще юношей и находился в войсках Филиппа, осаждавших Перинт, ему в глаз попала стрела из катапульты, но он не позволил вынуть стрелу и не покинул строя до тех пор, пока враги не были оттеснены и заперты в стенах города. Свой позор он переносил чрезвычайно тяжело: было видно, что от горя и тоски он готов наложить на себя руки. Опасаясь этого, царь смягчился и приказал Антигену оставить эти деньги у себя.

LXXI. ТРИДЦАТЬ тысяч мальчиков, которых Александр велел обучать и закалять, оказались не только сильными и красивыми, но также замечательно ловкими и умелыми в военных упражнениях. Александр очень этому радовался, а македоняне огорчались, опасаясь, что царь будет теперь меньше дорожить ими. Поэтому, когда Александр собирался отослать к морю больных и изувеченных воинов, македоняне сочли это обидой и оскорблением, они говорили, что царь выжал из этих людей все, что они могли дать, а теперь, с позором выбрасывая их, возвращает их отечеству и родителям уже совсем не такими, какими взял. Пусть же царь признает бесполезными всех македонян и отпустит их всех, раз у него есть эти молокососы-плясуны, с которыми он намерен покорить мир. Эти речи возмутили Александра. Гневно разбранив македонян, он прогнал их прочь и поручил охранять себя персам, выбрав из их числа телохранителей и жезлоносцев. Видя Александра окруженным персами, а самих себя устраненными и опозоренными, македоняне пали духом. Делясь друг с другом своими мыслями, они чувствовали, что от зависти и гнева готовы сойти с ума. Наконец, кое-как опомнившись, безоружные, в одних хитонах, они пошли к палатке Александра. С криком и плачем они отдали себя на волю царя, умоляя его поступить с ними, как с неблагодарными негодяями. Александр, хотя и несколько смягчился, все же не допустил их к себе, но они не ушли, а два дня и две

ночи терпеливо простояли перед палаткой, рыдая и призывая своего повелителя. На третий день Александр вышел к ним и, увидев их такими несчастными и жалкими, горько заплакал. Затем, мягко упрекнув их, он заговорил с ними милостиво и отпустил бесполезных воинов, щедро наградив их и написав Антипатру, чтобы на всех состязаниях и театральных зрелищах они сидели на почетных местах, украшенные венками, а осиротевшим детям погибших приказал выплачивать жалованье их отцов.

LXXII. ПРИБЫВ в Экбатаны Мидийские и устроив там необходимые дела, Александр стал снова бывать в театрах и на празднествах, так как из Греции к нему явились три тысячи актеров.

В эти дни тяжело заболел Гефестион. Человек молодой и воин, он не мог подчиниться строгим предписаниям врача и однажды, воспользовавшись тем, что врач его Главк ушел в театр, съел за завтраком вареного петуха и выпил большую кружку вина. После этого он почувствовал себя очень плохо и вскоре умер. Горе Александра не знало границ, он приказал в знак траура остричь гривы у коней и мулов, снял зубцы с крепостных стен близлежащих городов, распял на кресте несчастного врача, на долгое время запретил в лагере играть на флейте и вообще не мог слышать звуков музыки, пока от Аммона не пришло повеление оказывать Гефестиону почести и приносить ему жертвы как герою. Утешением в скорби для Александра была война, которую он превратил в охоту на людей: покорив племя коссеев, он перебил всех способных носить оружие. И это называли заупокойною жертвой в честь Гефестиона. На похороны, сооружение могильного кургана и на убранство, потребное для исполнения всех обрядов, Александр решил потратить десять тысяч талантов, но он хотел, чтобы совершенство исполнения превзошло денежные затраты. Более чем всеми другими мастерами, Александр дорожил Стасикратом, замыслы которого отличались великолепием, дерзостью, блеском и новизной. Незадолго до того Стасикрат обратился к царю и сказал, что Афону во Фракии скорее, чем какой-либо другой горе, можно придать вид человеческой фигуры и что, по приказанию Александра, он готов превратить Афон в

самую незыблемую и самую величественную статую царя, левой рукой охватывающую многолюдный город, а правой — изливающую в море многоводный поток. Царь отверг тогда это предложение, но теперь он только тем и занимался, что вместе с мастерами придумывал еще более нелепые и разорительные затеи.

LXXIII. НА ПУТИ в Вавилон к Александру вновь присоединился Неарх, корабли которого вошли в Евфрат из Великого моря. Неарх сообщил Александру, что ему встретились какие-то халдеи, которые просили передать царю, чтобы он не вступал в Вавилон. Но Александр не обратил на это внимания и продолжал путь. Приблизившись к стенам города, царь увидел множество воронов, которые ссорились между собой и клевали друг друга, причем некоторые из них падали замертво на землю у его ног. Вскоре после этого Александру донесли, что Аполлодор, командующий войсками в Вавилоне, пытался узнать о судьбе царя по внутренностям жертвенных животных. Прорицатель Пифагор, которого Александр призвал к себе, подтвердил это и на вопрос царя, каковы были внутренности, ответил, что печень оказалась с изъяном. «Увы,— воскликнул Александр,— это плохой знак!» Пифагору он не причинил никакого зла, на себя же очень досадовал, что не послушался Неарха. Бóльшую часть времени он проводил вне стен Вавилона, располагаясь лагерем в разных местах и совершая на корабле поездки по Евфрату. Его тревожили многие знамения. На самого большого и красивого льва из тех, что содержались в зверинце, напал домашний осел и ударом копыт убил его. Однажды Александр, раздевшись для натирания, играл в мяч. Когда пришло время одеваться, юноши, игравшие вместе с ним, увидели, что на троне молча сидит какой-то человек в царском облачении с диадемой на голове. Человека спросили, кто он такой, но тот долгое время безмолвствовал. Наконец, придя в себя, он сказал, что зовут его Дионисий и родом он из Мессении; обвиненный в каком-то преступлении, он был привезен сюда по морю и очень долго находился в оковах; только что ему явился Серапис, снял с него оковы и, приведя его

в это место, повелел надеть царское облачение и диадему и молча сидеть на троне.

LXXIV. АЛЕКСАНДР, по совету прорицателей, казнил этого человека, но уныние его еще усугубилось, он совсем потерял надежду на божество и доверие к друзьям. Особенно боялся царь Антипатра и его сыновей, один из которых, Иол, был главным царским виночерпием, а другой, Кассандр, приехал к Александру лишь недавно. Этот Кассандр однажды увидел каких-то варваров, простершихся ниц перед царем, и как человек, воспитанный в эллинском духе и никогда не видевший ничего подобного, невольно рассмеялся. Разгневанный Александр схватил обеими руками Кассандра за волосы и принялся с силой бить его головой о стену. В другой раз, когда Кассандр пытался что-то возразить людям, возводившим обвинение на Антипатра, Александр перебил его и сказал: «Что ты там толкуешь? Неужели ты думаешь, что эти люди, не претерпев никакой обиды, проделали такой длинный путь только ради того, чтобы наклеветать?» Кассандр возразил, что как раз это и доказывает несправедливость обвинения: затем, дескать, они и пришли издалека, чтобы их труднее было уличить во лжи. На это Александр сказал рассмеявшись: «Дорого же вам обойдутся эти Аристотелевы софизмы, это умение говорить об одном и том же и за и против, если только обнаружится, что вы хоть в чем-то обидели этих людей!» Вообще, как сообщают, непреоборимый страх перед Александром так глубоко проник в душу Кассандра и так прочно в ней укоренился, что много лет спустя, когда Кассандр, к тому времени уже царь македонян и властитель Греции, однажды прогуливался по Дельфам и, разглядывая статуи, неожиданно увидел изображение Александра, он почувствовал головокружение, задрожал всем телом и едва смог прийти в себя.

LXXV. ИСПОЛНЕННЫЙ тревоги и робости, Александр сделался суеверен, все сколько-нибудь необычное и странное казалось ему чудом, знамением свыше, в царском дворце появилось великое множество людей, приносивших жертвы, совершавших очистительные обряды и предсказывавших будущее. Сколь губительно неверие в богов и презрение к ним, столь же

губительно и суеверие, которое подобно воде, всегда стекающей в низменные места...[1]

Со всем тем, получив от Аммона прорицание, касавшееся Гефестиона, Александр отменил траур и стал снова бывать на религиозных празднествах и на пиршествах. Однажды после великолепного приема в честь Неарха и его спутников Александр принял ванну, как он делал обычно перед сном, и собирался уже было лечь, но, вняв просьбе Медия, отправился к нему на пир. Там он пил весь следующий день, а к концу дня его стало лихорадить. Некоторые писатели утверждают, будто Александр осушил кубок Геракла и внезапно ощутил острую боль в спине, как от удара копьем,— все это они считают нужным измыслить, чтобы придать великой драме окончание трагическое и трогательное. Аристобул же сообщает, что жестоко страдая от лихорадки, Александр почувствовал сильную жажду и выпил много вина, после чего впал в горячечный бред и на тридцатый день месяца десия умер.

LXXVI. В «ДНЕВНИКАХ» о болезни Александра сказано следующее. На восемнадцатый день месяца десия он почувствовал в бане сильнейший озноб и заснул там. На следующее утро он помылся, пошел в спальню и провел день, играя с Медием в кости. Вечером он принял ванну, принес богам жертвы и поел, а ночью его сильно лихорадило. На двадцатый день он принял ванну, совершил обычное жертвоприношение и, лежа в бане, беседовал с Неархом, который рассказывал ему о своем плавании по Великому морю. Двадцать первый день он провел таким же образом, но жар усилился, а ночью он почувствовал себя очень плохо и весь следующий день его лихорадило. Перенесенный в большую купальню, он беседовал там с военачальниками о назначении достойных людей на освободившиеся должности в войске. На двадцать четвертый день у Александра был сильный приступ лихорадки. Его пришлось отнести к жертвеннику, чтобы он мог совершить жертвоприношение. Высшим военачальникам он приказал остаться во дворце, а таксиархам и пентакосиархам — провести

[1] Текст испорчен.

ночь поблизости. На двадцать пятый день, перенесенный в другую часть дворца, он немного поспал, но лихорадка не унималась. Когда к нему пришли военачальники, он не мог произнести ни слова, то же повторилось и на двадцать шестой день. Македоняне заподозрили, что царь уже мертв, с криком и угрозами они потребовали у гетеров, чтобы их пропустили во дворец. Наконец они добились своего: двери дворца были открыты, и македоняне в одних хитонах по одному прошли мимо ложа царя. В этот же день Питон и Селевк были посланы в храм Сараписа, чтобы спросить у бога, не надо ли перенести Александра в его храм. Бог велел оставить Александра на месте. На двадцать восьмой день к вечеру Александр скончался. **(LXXVII)**. Все это почти слово в слово можно прочесть в «Дневниках».

Ни у кого тогда не возникло подозрения, что Александра отравили, но, как рассказывают, спустя пять лет Олимпиада поверила доносу и многих казнила. Останки Иола, который к тому времени умер, она приказала выбросить из могилы за то, что он будто бы подал Александру яд. Те, кто утверждает, что яд был послан Антипатром и что Антипатр сделал это по совету Аристотеля, ссылаются на рассказ некоего Гагнотемида, который сообщает, что слышал об этом от царя Антигона. Ядом, как передают, послужила ледяная вода, которая по каплям, как роса, стекает с какой-то скалы близ Нонакриды; ее собирают и сливают в ослиное копыто. Ни в чем другом хранить эту жидкость нельзя, так как, будучи очень холодной и едкой, она разрушает любой сосуд. Большинство писателей, однако, считает, что вообще все это выдумка и что никакого отравления не было. Убедительным доводом в пользу этого мнения может служить то, что на теле Александра, в течение многих дней, пока военачальники ссорились между собой, пролежавшем без всякого присмотра в жарком и душном месте, не появилось никаких признаков, которые свидетельствовали бы об отравлении; все это время труп оставался чистым и свежим.

Роксана была тогда беременна и потому пользовалась большим уважением у македонян. До крайности ревнивая и страстно ненавидевшая Статиру, она

при помощи подложного письма заманила ее и ее сестру к себе, обеих убила, бросила трупы в колодец и засыпала землей, причем Пердикка знал об этом и даже помогал ей. Сразу же после смерти Александра Пердикка приобрел огромную власть — тем, что повсюду таскал за собой Арридея — эту куклу на царском троне. Арридей, сын Филиппа от распутницы Филинны, был слабоумным из-за телесного недуга. Недуг этот не был врожденным и возник не сам собой: рассказывают, что, когда Арридей был ребенком, у него проявлялись добрые и благородные наклонности, но потом Олимпиада при помощи всяческих зелий довела его до того, что он лишился рассудка.

ЦЕЗАРЬ

I. КОГДА Сулла захватил власть, он не смог ни угрозами, ни обещаниями побудить Цезаря к разводу с Корнелией, дочерью Цинны, бывшего одно время единоличным властителем Рима; поэтому Сулла конфисковал приданое Корнелии. Причиной же ненависти Суллы к Цезарю было родство последнего с Марием, ибо Марий Старший был женат на Юлии, тетке Цезаря; от этого брака родился Марий Младший, который был, следовательно, двоюродным братом Цезаря. Занятый вначале многочисленными убийствами и неотложными делами, Сулла не обращал на Цезаря внимания, но тот, не довольствуясь этим, выступил публично, добиваясь жреческой должности, хотя сам едва достиг юношеского возраста. Сулла воспротивился этому и сделал так, что Цезарь потерпел неудачу. Он намеревался даже уничтожить Цезаря и, когда ему говорили, что бессмысленно убивать такого мальчишку, ответил: «Вы ничего не понимаете, если не видите, что в этом мальчишке — много Мариев». Когда Цезарь узнал об этих словах Суллы, он долгое время скрывался, скитаясь в земле сабинян. Но однажды, когда он занемог и его переносили из одного дома в другой, он наткнулся ночью на отряд сулланских воинов, осматривавших эту местность, чтобы задерживать всех скрывающихся. Дав начальнику от-

ряда Кориелию два талаита, Цезарь добился того, что был отпущеи, и тотчас, добравшись до моря, отплыл в Вифинию, к царю Никомеду.

Проведя здесь иемиого времени, ои иа обратном пути у острова Фармакуссы был захвачен в плеи пиратами, которые уже тогда имели большой флот и с помощью своих бесчисленных кораблей властвовали иад морем. (II). Когда пираты потребовали у иего выкупа в двадцать талантов, Цезарь рассмеялся, заявив, что оии не зиают, кого захватили в плеи, и сам предложил дать им пятьдесят талаитов. Затем, разослав своих людей в различиые города за деиьгами, ои остался среди этих свирепых киликийцев с одиим только другом и двумя слугами; несмотря иа это, он вел себя так высокомерио, что всякий раз, собираясь отдохиуть, посылал приказать пиратам, чтобы те ие шумели. Тридцать восемь дией пробыл ои у пиратов, ведя себя так, как если бы они были его телохранителями, а ие ои их плеииикам, и без малейшего страха забавлялся и шутил с ними. Ои писал поэмы и речи, декламировал их пиратам и тех, кто ие выражал своего восхищеиия, иазывал в лицо неучами и варварами, часто со смехом угрожая повесить их. Те же охотно выслушивали эти вольные речи, видя в них проявление благодушия и шутливости. Одиако, как только прибыли выкупиые деньги из Милета и Цезарь, выплатив их, был освобожден, ои тотчас снарядил корабли и вышел из милетской гаваии против пиратов. Он застал их еще стоящими иа якоре у острова и захватил в плеи бóльшую часть из иих. Захвачениые богатства ои взял себе в качестве добычи, а людей заключил в тюрьму в Пергаме. Сам ои отправился к Юнку, иаместиику Азии, иаходя, что тому, как претору, надлежит наказать взятых в плен пиратов. Однако Юик, смотревший с завистью на захвачеииые деньги (ибо их было иемало), заявил, что займется рассмотрением дела пленников, когда у иего будет время; тогда Цезарь, распрощавшись с ним, направился в Пергам, приказал вывести пиратов и всех до едииого распять, как он часто предсказывал им иа острове, когда они считали его слова шуткой.

III. ТЕМ ВРЕМЕНЕМ могущество Суллы пошло иа убыль, и друзья Цезаря стали звать его в Рим. Одиа-

ко Цезарь сначала отправился на Родос, в школу Аполлония, сына Молона, у которого учился и Цицерон и который славился не только ораторским искусством, но и своими нравственными достоинствами. Цезарь, как сообщают, и от природы был в высшей степени одарен способностями к красноречию на государственном поприще и ревностно упражнял свое дарование, так что, бесспорно, ему принадлежало второе место в этом искусстве; однако первенствовать в красноречии он отказался, заботясь больше о том, чтобы стать первым благодаря власти и силе оружия; будучи занят военными и гражданскими предприятиями, с помощью которых он подчинил себе государство, он не дошел в ораторском искусстве до того предела, который был ему указан природой. Позднее в своем произведении, направленном против сочинения Цицерона о Катоне, он сам просил не сравнивать это слово воина с искусной речью одаренного оратора, посвятившего много времени усовершенствованию своего дара.

IV. ПО ПРИБЫТИИ в Рим Цезарь привлек к суду Долабеллу по обвинению в вымогательствах в провинции, и многие из греческих городов представили ему свидетелей. Долабелла, однако, был оправдан. Чтобы отблагодарить греков за их усердие, Цезарь взялся вести их дело, которое они начали у претора Македонии Марка Лукулла против Публия Антония, обвиняя его во взяточничестве. Цезарь так энергично повел дело, что Антоний обратился с жалобой к народным трибунам в Рим, ссылаясь на то, что в Греции он не находится в равном положении с греками.

В самом Риме Цезарь, благодаря своим красноречивым защитительным речам в судах, добился блестящих успехов, а своей вежливостью и ласковой обходительностью стяжал любовь простонародья, ибо он был более внимателен к каждому, чем можно было ожидать в его возрасте. Да и его обеды, пиры и вообще блестящий образ жизни содействовали постепенному росту его влияния в государстве. Сначала завистники Цезаря не обращали на это внимания, считая, что он будет забыт сразу же после того, как иссякнут его средства. Лишь когда было поздно, когда эта сила уже так выросла, что ей трудно было что-

либо противопоставить, и направилась прямо на ниспровержение существующего строя, они поняли, что нельзя считать незначительным начало ни в каком деле. То, что не пресечено в зародыше, быстро возрастает, ибо в самом пренебрежении оно находит условия для беспрепятственного развития. Цицерон, как кажется, был первым, кто считал подозрительной и внушающей опасения деятельность Цезаря, по внешности спокойную, подобно гладкому морю, и распознал в этом человеке смелый и решительный характер, скрывающийся под маской ласковости и веселости. Он говорил, что во всех помыслах и образе действий Цезаря он усматривает тиранические намерения. «Но,— добавлял он,— когда я вижу, как тщательно уложены его волосы и как он почесывает голову одним пальцем, мне всегда кажется, что этот человек не может замышлять такое преступление, как ниспровержение римского государственного строя». Но об этом — позже.

V. ПЕРВОЕ доказательство любви к нему народа Цезарь получил в то время, когда, добиваясь должности военного трибуна одновременно с Гаем Помпилием, был избран бо́льшим числом голосов, нежели тот, второе же, и еще более явное, когда после смерти своей тетки Юлии, жены Мария, он не только произнес на форуме блестящую похвальную речь умершей, но и осмелился выставить во время похорон изображения Мария, которые были показаны впервые со времени прихода к власти Суллы, так как Марий и его сторонники были объявлены врагами государства. Некоторые подняли голос против этого поступка, но народ криком и громкими рукоплесканиями показал свое одобрение Цезарю, который спустя столь долгое время как бы возвращал честь Мария из Аида в Рим.

Держать надгробные речи при погребении старых женщин было у римлян в обычае, в отношении же молодых такого обычая не было, и первым сделал это Цезарь, когда умерла его жена. И это вызвало одобрение народа и привлекло его симпатии к Цезарю, как к человеку кроткого и благородного нрава. После похорон жены он отправился в Испанию в качестве квестора при преторе Ветере, которого он всегда по-

читал и сына которого позже, когда сам стал претором, сделал квестором. Вернувшись после отправления этой должности, он женился третьим браком на Помпее, имея от Корнелии дочь, которую впоследствии выдал замуж за Помпея Магна.

Щедро расточая свои деньги и покупая, казалось, ценой величайших трат краткую и непрочную славу, в действительности же стяжая величайшие блага за дешевую цену, он, как говорят, прежде чем получить первую должность, имел долгов на тысячу триста талантов. Назначенный смотрителем Аппиевой дороги, он издержал много собственных денег, затем, будучи эдилом, выставил триста двадцать пар гладиаторов, а пышными издержками на театры, церемонии и обеды затмил всех своих предшественников. Но и народ, со своей стороны, стал настолько расположен к нему, что каждый выискивал новые должности и почести, которыми можно было вознаградить Цезаря.

VI. РИМ тогда разделялся на два стана — приверженцев Суллы, имевших большую силу, и сторонников Мария, которые были полностью разгромлены, унижены и влачили жалкое существование. Чтобы вновь укрепить и повести за собой марианцев, Цезарь, когда воспоминания о его щедрости в должности эдила были еще свежи, ночью принес на Капитолий и поставил сделанные втайне изображения Мария и богинь Победы, несущих трофеи. На следующее утро вид этих блестевших золотом и сделанных чрезвычайно искусно изображений, надписи на которых повествовали о победах над кимврами, вызвал у смотрящих чувство изумления перед отвагой человека, воздвигнувшего их (имя его, конечно, не осталось неизвестным). Слух об этом вскоре распространился, и римляне сбежались поглядеть на изображения. При этом одни кричали, что Цезарь замышляет тиранию, восстанавливая почести, погребенные законами и постановлениями сената, и что он испытывает народ, желая узнать, готов ли тот, подкупленный его щедростью, покорно терпеть его шутки и затеи. Марианцы же, напротив, сразу появившись во множестве, подбодряли друг друга и с рукоплесканиями заполнили Капитолий; у многих из них выступили слезы

радости при виде изображения Мария, и они превозносили Цезаря величайшими похвалами, как единственного человека, который достоин родства с Марием. По этому поводу было созвано заседание сената, и Лутаций Катул, пользовавшийся тогда наибольшим влиянием у римлян, выступил с обвинением против Цезаря, бросив известную фразу: «Итак, Цезарь покушается на государство уже не путем подкопа, но с осадными машинами». Но Цезарь так умело выступил в свою защиту, что сенат остался удовлетворенным, и сторонники Цезаря еще более осмелели и призывали его ни перед чем не отступать в своих замыслах, ибо поддержка народа обеспечит ему первенство и победу над противниками.

VII. МЕЖДУ тем умер верховный жрец Метелл, и два известнейших человека, пользовавшихся огромным влиянием в сенате,— Сервилий Исаврийский и Катул,— боролись друг с другом, добиваясь этой должности. Цезарь не отступил перед ними и также выставил в Народном собрании свою кандидатуру. Казалось, что все соискатели пользуются равною поддержкой, но Катул, из-за высокого положения, которое он занимал, более других опасался неясного исхода борьбы и потому начал переговоры с Цезарем, предлагая ему большую сумму денег, если он откажется от соперничества. Цезарь, однако, ответил, что будет продолжать борьбу, даже если для этого придется еще бо́льшую сумму взять в долг. В день выборов, прощаясь со своей матерью, которая прослезилась, провожая его до дверей, он сказал: «Сегодня, мать, ты увидишь своего сына либо верховным жрецом, либо изгнанником». На выборах Цезарь одержал верх и этим внушил сенату и знати опасение, что он сможет увлечь народ на любую дерзость.

Поэтому Пизон и Катул упрекали Цицерона, пощадившего Цезаря, который был замешан в заговоре Катилины. Как известно, Катилина намеревался не только свергнуть существующий строй, но и уничтожить всякую власть и произвести полный переворот. Сам он покинул город, когда против него появились лишь незначительные улики, а важнейшие замыслы оставались еще скрытыми, Лентула же и Цетега оставил в Риме, чтобы они продолжали плести заговор.

Неизвестно, оказывал ли тайно Цезарь в чем-нибудь поддержку и выражал ли сочувствие этим людям, но в сенате, когда они были полностью изобличены и консул Цицерон спрашивал у каждого сенатора его мнение о наказании виновных, все высказывались за смертную казнь, пока очередь не дошла до Цезаря, который выступил с заранее обдуманной речью, заявив, что убивать без суда людей, выдающихся по происхождению своему и достоинству, несправедливо и не в обычае римлян, если это не вызвано крайней необходимостью. Если же впредь до полной победы над Катилиной они будут содержаться под стражей в италийских городах, которые может выбрать сам Цицерон, то позже сенат сможет в обстановке мира и спокойствия решить вопрос о судьбе каждого из них.

VIII. ЭТО предложение показалось настолько человеколюбивым и было так сильно и убедительно обосновано, что не только те, кто выступал после Цезаря, присоединились к нему, но и многие из говоривших ранее стали отказываться от своего мнения и поддерживать предложение Цезаря, пока очередь не дошла до Катона и Катула. Эти же начали горячо возражать, а Катон даже высказал в своей речи подозрение против Цезаря и выступил против него со всей резкостью. Наконец, было решено казнить заговорщиков, а когда Цезарь выходил из здания сената, то на него набросилось с обнаженными мечами много сбежавшихся юношей из числа охранявших тогда Цицерона. Но, как сообщают, Курион, прикрыв Цезаря своей тогой, благополучно вывел его, да и сам Цицерон, когда юноши оглянулись, знаком удержал их, либо испугавшись народа, либо вообще считая такое убийство несправедливым и противозаконным. Если все это правда, то я не понимаю, почему Цицерон в сочинении о своем консульстве ничего об этом не говорит. Позже его обвиняли в том, что он не воспользовался представившейся тогда прекрасной возможностью избавиться от Цезаря, а испугался народа, необычайно привязанного к Цезарю. Эта привязанность проявилась через несколько дней, когда Цезарь пришел в сенат, чтобы защищаться против выдвинутых подозрений, и был встречен враждебным

шумом. Вндя, что заседание затягивается дольше обычного, народ с криками сбежался и обступил здание, настоятельно требуя отпустить Цезаря.

Поэтому н Катон, снльно опасаясь восстания неимущих, которые, возлагая иадежды на Цезаря, воспламенялн и весь народ, убедил сенат учредить ежемесячные хлебные раздачи для бедняков. Это прнбавнло к остальным расходам государства иовый — в сумме семи миллнонов пятисот тысяч драхм ежегодно, но зато отвратило иепосредственно угрожавшую великую опасность, так как лишило Цезаря большей части его влняния как раз в то время, когда он собирался занять должность претора и вследствие этого должен был стать еще опаснее.

IX. ОДНАКО год его претуры прошел спокойно, и лншь в собственном доме Цезаря произошел неприятный случай. Был некий человек из числа старниной знати, известный своим богатством и красноречием, но в бесчинстве и дерзости не уступавший никому из прославленных распутников. Он был влюблен в Помпею, жену Цезаря, и пользовался взаимностью. Но женские комнаты строго охранялись, а мать Цезаря Аврелия, почтенная жеищина, своим постоянным иаблюденнем за невесткой делала свидаиия влюблеиных трудными и опаснымн. У римлян есть богиия, которую они называют Доброю, а греки — Женскою. Фрнгнйцы выдают ее за свою, считая супругою их царя Мидаса, римляне утверждают, что это нимфа Дриада, жена Фавна, по словам же греков — она та нз матерей Днониса, имя которой нельзя иазывать. Поэтому женщины, участвующне в ее празднике, покрывают шатер вннoградными лозами, и у иог богинн помещается, в соответствни с мифом, священиая змея. Ни одному мужчнне нельзя присутствовать на празднестве и даже находиться в доме, где справляется торжество; лишь женщнны творят священные обряды, во многом, как говорят, похожие на орфические. Когда прнходит день праздннка, консул или претор, в доме которого он справляется, должен покинуть дом вместе со всемн мужчинами, жена же его, приняв дом, пронзводнт священнодействня. Главная часть нх совершается ночью, сопровождаясь играми н музыкой.

X. В ТОМ году праздник справляла Помпея, и Клодий, не имевший еще бороды и поэтому рассчитывавший остаться незамеченным, явился туда, переодевшись в наряд арфистки и неотличимый от молодой женщины. Он нашел двери отпертыми и был благополучно проведен в дом одною из служанок, посвященной в тайну, которая и отправилась вперед, чтобы известить Помпею. Так как она долго не возвращалась, Клодий не вытерпел ожидания на одном месте, где он был оставлен, и стал пробираться вперед по большому дому, избегая ярко освещенных мест. Но с ним столкнулась служанка Аврелии и, полагая, что перед ней женщина, стала приглашать его принять участие в играх и, несмотря на его сопротивление, повлекла его к остальным, спрашивая, кто он и откуда. Когда Клодий ответил, что он ожидает Абру (так звали ту служанку Помпеи), голос выдал его, и служанка Аврелии бросилась на свет, к толпе, и стала кричать, что она обнаружила мужчину. Все женщины были перепуганы этим, Аврелия же, прекратив совершение таинств и прикрыв святыни, приказала запереть двери и начала обходить со светильниками весь дом в поисках Клодия. Наконец его нашли укрывшимся в комнате служанки, которая помогла ему войти в дом, и женщины, обнаружившие его, выгнали его вон. Женщины, разойдясь по домам, еще ночью рассказали своим мужьям о случившемся. На следующий день по всему Риму распространился слух, что Клодий совершил кощунство и повинен не только перед оскорбленными им, но и перед городом и богами. Один из народных трибунов публично обвинил Клодия в нечестии, и наиболее влиятельные сенаторы выступили против него, обвиняя его наряду с прочими гнусными беспутствами в связи со своей собственной сестрой, женой Лукулла. Но народ воспротивился их стараниям и принял Клодия под защиту, что принесло тому большую пользу в суде, ибо судьи были напуганы и дрожали перед чернью. Цезарь тотчас же развелся с Помпеей. Однако, будучи призван на суд в качестве свидетеля, он заявил, что ему ничего не известно относительно того, в чем обвиняют Клодия. Это заявление показалось очень странным, и обвинитель спросил его: «Но почему же тогда ты раз-

велся со своей женой?» «Потому,— ответил Цезарь,— что на мою жену не должна падать даже тень подозрения». Одни говорят, что он ответил так, как действительно думал, другие же — что он сделал это из угождения народу, желавшему спасти Клодия. Клодий был оправдан, так как большинство судей подало при голосовании таблички с неразборчивой подписью, чтобы осуждением не навлечь на себя гнев черни, а оправданием — бесславие среди знатных.

XI. ПОСЛЕ претуры Цезарь получил в управление провинцию Испанию. Так как он не смог прийти к соглашению со своими кредиторами, с криком осаждавшими его и противодействовавшими его отъезду, он обратился за помощью к Крассу, самому богатому из римлян. Крассу нужны были сила и энергия Цезаря для борьбы против Помпея; поэтому он удовлетворил наиболее настойчивых и неумолимых кредиторов Цезаря и, дав поручительство на сумму в восемьсот тридцать талантов, предоставил Цезарю возможность отправиться в провинцию.

Рассказывают, что, когда Цезарь перевалил через Альпы и проезжал мимо бедного городка с крайне немногочисленным варварским населением, его приятели спросили со смехом: «Неужели и здесь есть соревнование из-за должностей, споры о первенстве, раздоры среди знати?» «Что касается меня,— ответил им Цезарь с полной серьезностью,— то я предпочел бы быть первым здесь, чем вторым в Риме».

В другой раз, уже в Испании, читая на досуге что-то из написанного о деяниях Александра, Цезарь погрузился на долгое время в задумчивость, а потом даже прослезился. Когда удивленные друзья спросили его о причине, он ответил: «Неужели вам кажется недостаточной причиной для печали то, что в моем возрасте Александр уже правил столькими народами, а я до сих пор еще не совершил ничего замечательного!»

XII. СРАЗУ ЖЕ по прибытии в Испанию он развил энергичную деятельность. Присоединив в течение нескольких дней к своим двадцати когортам еще десять, он выступил с ними против каллаиков и лузитанцев, которых и победил, дойдя затем до Внешнего моря и покорив несколько племен, ранее не подвластных рим-

лянам. Достигнув такого успеха в делах военных, Цезарь не хуже руководил и гражданскими: он установил согласие в городах и прежде всего уладил споры между заимодавцами и должниками. А именно, он предписал, чтобы из ежегодных доходов должника одна треть оставалась ему, остальное же шло заимодавцам, пока таким образом долг не будет выплачен. Совершив эти дела, получившие всеобщее одобрение, Цезарь выехал из провинции, где он и сам разбогател и дал возможность обогатиться во время походов своим воинам, которые провозгласили его императором.

XIII. ЛИЦАМ, домогающимся триумфа, надлежало оставаться вне Рима, а ищущим консульской должности — присутствовать в городе. Цезарь, который вернулся как раз во время консульских выборов, не знал, что ему предпочесть, и поэтому обратился в сенат с просьбой разрешить ему домогаться консульской должности заочно, через друзей. Катон первым выступил против этого требования, настаивая на соблюдении закона. Когда же он увидел, что Цезарь успел многих расположить в свою пользу, то, чтобы затянуть разрешение вопроса, произнес речь, которая продолжалась целый день. Тогда Цезарь решил отказаться от триумфа и добиваться должности консула.

Итак, он прибыл в Рим и сразу же предпринял ловкий шаг, введя в заблуждение всех, кроме Катона. Ему удалось примирить Помпея и Красса, двух людей, пользовавшихся наибольшим влиянием в Риме. Тем, что Цезарь взамен прежней вражды соединил их дружбой, он поставил могущество обоих на службу себе самому и под прикрытием этого человеколюбивого поступка произвел незаметно для всех настоящий государственный переворот. Ибо причиной гражданских войн была не вражда Цезаря и Помпея, как думает большинство, но в большей степени их дружба, когда они сначала соединились для уничтожения власти аристократии, а затем поднялись друг против друга. Катон же, который часто верно предсказывал исход событий, приобрел за это вначале репутацию неуживчивого и сварливого человека, а впоследствии — славу советчика, хотя и разумного, но несчастливого.

XIV. ИТАК, Цезарь, поддерживаемый с двух сторон, благодаря дружбе с Помпеем и Крассом, добился успеха иа выборах и с почетом был провозглашен консулом вместе с Кальпурнием Бибулом. Едва лишь он вступил в должность, как из желания угодить черни виес законопроекты, более приличествовавшие какому-нибудь дерзкому народному трибуну, нежели консулу,— законопроекты, предлагавшие вывод колоннй и раздачу земель. В сенате все лучшие граждане высказались противив этого, н Цезарь, который давно уже искал к тому повода, поклялся громогласио, что черствость и высокомерие сенаторов вынуждают его против его воли обратиться к народу для совместных действий. С этими словами ои вышел на форум. Здесь, поставив рядом с собой с одиой стороны Помпея, с другой — Красса, он спросил, одобряют ли оии предложеиные закоиы. Когда они ответили утвердительно, Цезарь обратился к ним с просьбой помочь ему против тех, кто грозится противодействовать этим законопроектам с мечом в руке. Оба обещали ему свою поддержку, а Помпей прибавил, что против поднявших мечи он выйдет не только с мечом, но и со щитом. Эти слова огорчили аристократов, которые сочли это выступление сумасбродной, ребяческой речью, не приличествующей достоинству самого Помпея и роняющей уважение к сенату, зато народу они очень понравились.

Чтобы еще свободнее использовать в своих целях могущество Помпея, Цезарь выдал за него свою дочь Юлию, хотя она и была уже помолвлена с Сервилием Цепиоиом, последиему же он обещал дочь Помпея, которая также не была свободна, ибо была обручена с Фавстом, сыном Суллы. Немного позже сам Цезарь жеиился иа Кальпурнии, дочери Пизона, которого он провел в коисулы иа следующий год. Это вызвало сильное иегодование Катона, заявлявшего, что нет сил терпеть этих людей, которые брачиыми союзами добывают высшую власть в государстве и с помощью жеищии передают друг другу войска, провинции и должиости.

Бибул, товарищ Цезаря по консульству, всеми силами противодействовал его закоиопроектам; ио так как он иичего не добился и даже вместе с Катоном

рисковал быть убитым на форуме, то заперся у себя дома и не появлялся до истечения срока должности. Помпей вскоре же после своей свадьбы заполнил форум вооруженными воинами и этим помог народу добиться утверждения законов, а Цезарю получить в управление на пять лет обе Галлии — Предальпийскую и Заальпийскую — вместе с Иллириком и четыре легиона. Катона, который отважился выступить против этого, Цезарь отправил в тюрьму, рассчитывая, что тот обратится с жалобой к народным трибунам. Однако, видя, что Катон, не говоря ни слова, позволяет увести себя и что не только лучшие граждане угнетены этим, но и народ, из уважения к добродетели Катона, молча и в унынии следует за ним, Цезарь сам тайком попросил одного из народных трибунов освободить Катона.

Из остальных сенаторов лишь очень немногие посещали вместе с Цезарем заседания сената, прочие же, недовольные оскорблением их достоинства, воздерживались от участия в делах. Когда Консидий, один из самых престарелых, сказал однажды, что они не приходят из страха перед оружием и воинами, Цезарь спросил его: «Так почему же ты не боишься и не остаешься дома?» Консидий отвечал: «Меня освобождает от страха моя старость, ибо краткий срок жизни, оставшийся мне, не требует большой осторожности».

Но наиболее позорным из всех тогдашних событий считали то, что в консульство Цезаря народным трибуном был избран тот самый Клодий, который осквернил и брак Цезаря и таинство ночного священнодействия. Избран же он был с целью погубить Цицерона; и сам Цезарь отправился в свою провинцию лишь после того, как с помощью Клодия ниспроверг Цицерона и добился его изгнания из Италии.

XV. ТАКОВЫ были дела, которые он совершил перед Галльскими войнами. Что же касается до времени, когда Цезарь вел эти войны и ходил в походы, подчинившие Галлию, то здесь он как бы начал иную жизнь, вступив на путь новых деяний. Он выказал себя не уступающим никому из величайших, удивительнейших полководцев и военных деятелей. Ибо, если сравнить с ним Фабиев, Сципионов и Метеллов или живших одновременно с ним и незадолго до него

Суллу, Мария, обоих Лукуллов и даже самого Помпея, воинская слава которого превозносилась тогда до небес, то Цезарь своими подвигами одних оставит позади по причине суровости мест, в которых он вел войну, других — в силу размеров страны, которую он завоевал, третьих — имея в виду численность и мощь неприятеля, которого он победил, четвертых — принимая в расчет дикость и коварство, с которыми ему пришлось столкнуться, пятых — человеколюбием и снисходительностью к пленным, шестых — подарками и щедростью к своим воинам и, наконец, всех — тем, что он дал больше всего сражений и истребил наибольшее число врагов. Ибо за те неполные десять лет, в течение которых он вел войну в Галлии, он взял штурмом более восьмисот городов, покорил триста народностей, сражался с тремя миллионами людей, из которых один миллион уничтожил во время битв и столько же захватил в плен.

XVI. ОН ПОЛЬЗОВАЛСЯ такой любовью и преданностью своих воинов, что даже те люди, которые в других войнах ничем не отличались, с непреодолимой отвагой шли на любую опасность ради славы Цезаря. Примером может служить Ацилий, который в морском сражении у Массилии вскочил на вражеский корабль и, когда ему отрубили мечом правую руку, удержал щит в левой, а затем, нанося этим щитом удары врагам в лицо, обратил всех в бегство и завладел кораблем.

Другой пример — Кассий Сцева, который в битве при Диррахии, лишившись глаза, выбитого стрелой, раненный в плечо и бедро дротиками и принявший своим щитом удары ста тридцати стрел, кликнул врагов, как бы желая сдаться; но когда двое из них подошли к нему, то одному он отрубил руку мечом, другого обратил в бегство ударом в лицо, а сам был спасен своими, подоспевшими на помощь.

В Британии однажды передовые центурионы попали в болотистые, залитые водой места и подверглись здесь нападению противника. И вот один на глазах Цезаря, наблюдавшего за стычкой, бросился вперед и, совершив много удивительных по смелости подвигов, спас центурионов из рук варваров, которые разбежались, а сам последним кинулся в протоку и где

вплавь, где вброд перебрался на другую сторону, насилу преодолев все препятствия и потеряв при этом щит. Цезарь и стоявшие вокруг встретили его криками изумления и радости, а воин в большом смущении, со слезами бросился к ногам Цезаря, прося у него прощения за потерю щита.

В Африке Сципион захватил одно из судов Цезаря, на котором плыл назначенный квестором Граний Петрон. Захватившие объявили всю команду корабля своей добычей, квестору же обещали свободу. Но тот ответил, что воины Цезаря привыкли дарить пощаду, но не получать ее от других, и с этими словами бросился на собственный меч.

XVII. ПОДОБНОЕ мужество и любовь к славе Цезарь сам взрастил и воспитал в своих воинах прежде всего тем, что щедро раздавал почести и подарки: он желал показать, что добытые в походах богатства копит не для себя, не для того, чтобы самому утопать в роскоши и наслаждениях, но хранит их как общее достояние и награду за воинские заслуги, оставляя за собой лишь право распределять награды между отличившимися. Вторым средством воспитания войска было то, что он сам добровольно бросался навстречу любой опасности и не отказывался переносить какие угодно трудности. Любовь его к опасностям не вызывала удивления у тех, кто знал его честолюбие, но всех поражало, как он переносил лишения, которые, казалось превосходили его физические силы, ибо он был слабого телосложения, с белой и нежной кожей, страдал головными болями и падучей, первый припадок которой, как говорят, случился с ним в Кордубе. Однако он не использовал свою болезненность как предлог для изнеженной жизни, но, сделав средством исцеления военную службу, старался беспрестанными переходами, скудным питанием, постоянным пребыванием под открытым небом и лишениями победить свою слабость и укрепить свое тело. Спал он большей частью на повозке или на носилках, чтобы использовать для дела и часы отдыха. Днем он объезжал города, караульные отряды и крепости, причем рядом с ним сидел раб, умевший записывать за ним, а позади один воин с мечом. Он передвигался с такой быстротой, что в первый раз проделал путь от Рима

до Родана за восемь дней. Верховая езда с детства была для него привычным делом. Он умел, отведя руки назад и сложив их за спиной, пустить коня во весь опор. А во время этого похода он упражнялся еще и в том, чтобы, сидя на коне, диктовать письма, занимая одновременно двух или даже, как утверждает Оппий, еще большее число писцов. Говорят, что Цезарь первым пришел к мысли беседовать с друзьями по поводу неотложных дел посредством писем, когда величина города и исключительная занятость не позволяли встречаться лично. Как пример его умеренности в пище приводят следующий рассказ. Однажды в Медиолане он обедал у своего гостеприимца Валерия Леона, и тот подал спаржу, приправленную не обыкновенным оливковым маслом, а миррой. Цезарь спокойно съел это блюдо, а к своим друзьям, выразившим недовольство, обратился с порицанием: «Если вам что-либо не нравится,— сказал он,— то вполне достаточно, если вы откажетесь есть. Но если кто берется порицать подобного рода невежество, тот сам невежа». Однажды он был застигнут в пути непогодой и попал в хижину одного бедняка. Найдя там единственную комнату, которая едва была в состоянии вместить одного человека, он обратился к своим друзьям со словами: «Почетное нужно предоставлять сильнейшим, а необходимое — слабейшим»,— и предложил Оппию отдыхать в комнате, а сам вместе с остальными улегся спать под навесом перед дверью.

XVIII. ПЕРВОЮ из галльских войн, которую ему пришлось вести, была с гельветами и тигуринами. Эти племена сожгли двенадцать своих городов и четыреста деревень и двинулись через подвластную римлянам Галлию, как прежде кимвры и тевтоны, которым они, казалось, не уступали ни смелостью, ни многолюдством, ибо всего их было триста тысяч, в том числе способных сражаться — сто девяносто тысяч. Тигуринов победил не сам Цезарь, а Лабиен, которого он выслал против них и который разгромил их у реки Арара. Гельветы же напали на Цезаря неожиданно, когда он направлялся с войском к одному из союзных городов; тем не менее он успел занять надежную позицию и здесь, собрав свои силы, вы-

строил их в боевой порядок. Когда ему подвели коня, Цезарь сказал: «Я им воспользуюсь после победы, когда дело дойдет до погони. А сейчас — вперед, на врага!» — и с этими словами начал наступление в пешем строю. После долгой и упорной битвы он разбил войско варваров, но наибольшие трудности встретил в лагере, у повозок, ибо там сражались не только вновь сплотившиеся воины, но и женщины и дети, защищавшиеся вместе с ними до последней капли крови. Все были изрублены, и битва закончилась только к полуночи. К этой замечательной победе Цезарь присоединил еще более славное деяние, заставив варваров, уцелевших после сражения (а таких было свыше ста тысяч), соединиться и вновь заселить ту землю, которую они покинули, и города, которые они разорили. Сделал же он это из опасения, что в опустевшие области перейдут германцы и захватят их.

XIX. ВТОРУЮ войну он вел уже за галлов против германцев, хотя раньше и объявил в Риме их царя Ариовиста союзником римского народа. Но германцы были несносными соседями для покоренных Цезарем народностей, и было ясно, что они не удовлетворятся существующим порядком вещей, но при первом удобном случае захватят всю Галлию и укрепятся в ней. Когда Цезарь заметил, что начальники в его войске робеют, в особенности те молодые люди из знатных семей, которые последовали за ним из желания обогатиться и жить в роскоши, он собрал их на совет и объявил, что те, кто настроен так трусливо и малодушно, могут возвратиться домой и не подвергать себя опасности против своего желания. «Я же,— сказал он,— пойду на варваров с одним только десятым легионом, ибо те, с кем мне предстоит сражаться, не сильнее кимвров, а сам я не считаю себя полководцем слабее Мария». Узнав об этом, десятый легион отправил к нему делегатов, чтобы выразить свою благодарность, остальные же легионы осуждали своих начальников, и, наконец, все, исполнившись смелости и воодушевления, последовали за Цезарем и после многодневного пути разбили лагерь в двухстах стадиях от противника. Уже самый приход Цезаря несколько расстроил дерзкие планы Ариовиста, ибо он никак

не ожидал, что римляне, которые, казалось, не смогут выдержать натиска германцев, сами решатся на нападение. Он дивился отваге Цезаря и в то же время увидел, что его собственная армия приведена в замешательство. Но еще более ослабило мужество германцев предсказание священных жен, которые, наблюдая водовороты в реках и прислушиваясь к шуму потоков, возвестили, что нельзя начинать сражение раньше новолуния. Когда Цезарь узнал об этом и увидел, что германцы воздерживаются от нападения, он решил, что лучше напасть на них, пока они не расположены к бою, чем оставаться в бездеятельности, позволяя им выжидать более подходящего для них времени. Совершая налеты на укрепления вокруг холмов, где они разбили свой лагерь, он так раздразнил германцев, что те в гневе вышли из лагеря и вступили в битву. Цезарь нанес им сокрушительное поражение и, обратив в бегство, гнал их до самого Рейна, на расстоянии в четыреста стадиев, покрыв все это пространство трупами врагов и их оружием. Ариовист с немногими людьми успел все же переправиться через Рейн. Число убитых, как сообщают, достигло восьмидесяти тысяч.

XX. ПОСЛЕ этого, оставив свое войско на зимних квартирах в земле секванов, Цезарь сам, чтобы заняться делами Рима, направился в Галлию, лежащую вдоль реки Пада и входившую в состав назначенной ему провинции, ибо границей между Предальпийской Галлией и собственно Италией служит река Рубикон. Сюда к Цезарю приезжали многие из Рима, и он имел возможность увеличить свое влияние, исполняя просьбы каждого, так что все уходили от него, либо получив то, чего желали, либо надеясь это получить. Таким образом действовал он в течение всей войны: то побеждал врагов оружием сограждан, то овладевал самими гражданами при помощи денег, захваченных у неприятеля. А Помпей ничего не замечал.

Между тем бельги, наиболее могущественные из галлов, владевшие третьей частью всей Галлии, отложились от римлян и собрали многотысячное войско. Цезарь выступил против них со всей поспешностью и напал на врагов, в то время как они опустошали земли союзных римлянам племен. Он опрокинул полчи-

ща врагов, оказавших лишь ничтожное сопротивление, и учинил такую резню, что болота и глубокие реки, заваленные множеством трупов, стали легко проходимыми для римлян. После этого все народы, живущие на берегу Океана, добровольно покорились вновь, но против нервиев, наиболее диких и воинственных из племен, населяющих страну бельгов, Цезарь должен был выступить в поход. Нервии, обитавшие в густых чащобах, укрыли свои семьи и имущество далеко от врага, а сами в глубине леса в количестве шестидесяти тысяч человек напали на Цезаря как раз тогда, когда он, занятый сооружением вала вокруг лагеря, никак не ожидал нападения. Варвары опрокинули римскую конницу и, окружив двенадцатый и седьмой легионы, перебили всех центурионов. Если бы Цезарь, прорвавшись сквозь гущу сражающихся, не бросился со щитом в руке на варваров и если бы при виде опасности, угрожающей полководцу, десятый легион не ринулся с высот на врага и не смял его ряды, вряд ли уцелел бы хоть один римский воин. Но смелость Цезаря привела к тому, что римляне бились, можно сказать, свыше своих сил и, так как нервии все же не обратились в бегство, уничтожили их, несмотря на отчаянное сопротивление. Из шестидесяти тысяч варваров осталось в живых только пятьсот, а из четырехсот их сенаторов — только трое.

XXI. КОГДА весть об этом пришла в Рим, сенат постановил устроить пятнадцатидневные празднества в честь богов, чего не бывало раньше ни при какой победе. Но, с другой стороны, и сама опасность, когда восстало одновременно столько враждебных племен, казалась огромной, и любовь народа к Цезарю окружила его победы особенно ярким блеском.

Приведя в порядок дела в Галлии, Цезарь вновь перезимовал в долине Пада, укрепляя свое влияние в Риме, ибо те, кто, пользуясь его помощью, добивался должностей, подкупали народ его деньгами, а получив должность, делали все, что могло увеличить могущество Цезаря. Мало того, большинство из наиболее знатных и выдающихся людей съехалось к нему в Луку, в том числе Помпей, Красс, претор Сардинии Аппий и наместник Испании Непот, так что все-

го там собралось сто двадцать ликторов и более двухсот сенаторов. На совещании было решено следующее: Помпей и Красс должны быть избраны консулами, Цезарю же, кроме продления консульских полномочий еще на пять лет, должна быть также выдана определенная сумма денег. Это последнее условие казалось весьма странным всем здравомыслящим людям. Ибо как раз те лица, которые получили от Цезаря столько денег, предлагали сенату или, скорее, принуждали его, вопреки его желанию, выдать Цезарю деньги, как будто бы он не имел их. Катона тогда не было — его нарочно отправили на Кипр, Фавоний же, который был приверженцем Катона, не добившись ничего своими возражениями в сенате, выбежал из дверей курии, громко взывая к народу. Но никто его не слушал: иные боялись Помпея и Красса, а большинство молчало из угождения Цезарю, на которого оно возлагало все свои надежды.

XXII. ЦЕЗАРЬ ЖЕ, снова возвратясь к своим войскам в Галлию, застал там тяжелую войну: два германских племени — узипеты и тенктеры — перешли через Рейн, ища новых земель. О войне с ними Цезарь рассказывает в своих «Записках» следующее. Варвары отправили к нему послов, но во время перемирия неожиданно напали на него в пути, и потому их отряд из восьмисот всадников обратил в бегство пять тысяч всадников Цезаря, застигнутых врасплох. Затем они вторично отправили послов с целью снова обмануть его, но он задержал послов и повел на германцев войско, считая, что глупо доверять на слово столь вероломным и коварным людям. Танузий, правда, сообщает, что, когда сенат выносил постановления о празднике и жертвоприношениях в честь победы, Катон выступил с предложением выдать Цезаря варварам, чтобы очистить город от пятна клятвопреступления и обратить проклятие на того, кто один в этом повинен. Из тех, что перешли Рейн, четыреста тысяч было изрублено; немногие вернувшиеся назад были дружелюбно приняты германским племенем сугамбров.

Желая приобрести славу первого человека, перешедшего с войском Рейн, Цезарь использовал это в качестве предлога для похода на сугамбров и начал

постройку моста через широкий поток, который как раз в этом месте был особенно полноводным и бурным и обладал такой силой течения, что ударами несущихся бревен угрожал снести столбы, поддерживавшие мост. Но Цезарь приказал вколотить в дно реки огромные и толстые сваи и, как бы обуздав силу потока, в течение десяти дней навел мост, вид которого превосходил всякие ожидания. **(XXIII)**. Затем он перевел свои войска на другой берег, не встречая никакого сопротивления, ибо даже свевы, самые могущественные среди германцев, укрылись в далеких лесных дебрях. Поэтому он опустошил огнем землю врагов, укрепил бодрость тех, которые постоянно были союзниками римлян, и вернулся в Галлию, проведя в Германии восемнадцать дней.

Поход против британцев доказал исключительную смелость Цезаря. Ибо он был первым, кто вышел в Западный океан и переправился с войском через Атлантическое море, кто расширил римское господство за пределы известного круга земель, попытавшись овладеть островом столь невероятных размеров, что многие писатели утверждают, будто его и не существует, а рассказы о нем и самое его название — одна лишь выдумка. Цезарь дважды переправлялся на этот остров с противолежащего берега Галлии, но после того, как он нанес более вреда противнику, чем доставил выгоды своим войскам (у этих бедных и скудно живущих людей не было ничего, что стоило бы захватить), он закончил эту войну не так, как желал: взяв заложников у царя варваров и обложив их данью, он покинул Британию.

В Галлии его ждало письмо, которое не успели доставить ему в Британию. Друзья, находящиеся в Риме, сообщали о смерти его дочери, супруги Помпея, скончавшейся от родов. Как Помпеем, так и Цезарем овладела великая скорбь, друзей же их охватило смятенье, потому что теперь распались узы родства, которое еще поддерживало мир и согласие в страдающем от раздоров государстве: ребенок также вскоре умер, пережив свою мать лишь на несколько дней. Тело Юлии народ, несмотря на противодействие народных трибунов, отнес на Марсово поле и там похоронил.

XXIV. ЧТОБЫ поставить свое сильно увеличившееся войско на зимние квартиры, Цезарь вынужден был разделить его на много частей, а сам, как обычно, отправился в Италию. Но в это время вновь вспыхнуло всеобщее восстание в Галлии, и полчища восставших, бродя по стране, разоряли зимние квартиры римлян и нападали даже на укрепленные римские лагери. Наибольшая и сильнейшая часть повстанцев во главе с Амбиоригом перебила отряд Котты и Титурия. Затем с шестьюдесятьютысячной армией Амбиориг осадил легион Цицерона и едва не взял лагерь штурмом, ибо римляне все были ранены и держались скорее благодаря своей отваге, нежели силе.

Когда Цезарь, находившийся уже далеко, получил известие об этом, он тотчас вернулся и, собрав семь тысяч воинов, поспешил с ними на выручку к осажденному Цицерону. Осаждающие, узнав о его приближении, выступили навстречу, относясь с презрением к малочисленному противнику и рассчитывая сразу же его уничтожить. Цезарь, все время искусно избегая встречи с ними, достиг такого места, где можно было успешно обороняться против превосходящих сил врага, и здесь стал лагерем. Он удерживал своих воинов от всяких стычек с галлами и заставил их возвести вал и выстроить ворота, как бы обнаруживая страх перед врагом и поощряя его заносчивость. Когда же враги, исполнившись дерзости, стали нападать без всякого порядка, он сделал вылазку, обратил их в бегство и многих уничтожил.

XXV. ЭТА ПОБЕДА пресекла многочисленные восстания местных галлов, да и сам Цезарь в течение зимы разъезжал повсюду, энергично подавляя возникающие беспорядки. К тому же на смену погибшим легионам прибыло три легиона из Италии: два из них предоставил Цезарю Помпей из числа бывших под его командованием, а третий был набран заново в галльских областях по реке Пад.

Но вскоре обнаружились первые признаки самой большой и опасной войны, какая когда-либо велась в Галлии. Замысел ее давно уже созревал втайне и распространялся влиятельнейшими людьми среди самых воинственных племен. В их распоряжении были и многочисленные вооруженные силы, и большие сум-

мы денег, собранные для войны, и укрепленные города, и труднопроходимые местности. А так как по причине зимнего времени реки покрылись льдом, леса — снегом, долины были затоплены, тропы в одних местах исчезли под толстою снежной пеленой, в других сделались ненадежны из-за болот и разлившихся вод, то казалось совершенно очевидным, что Цезарь не сможет ничего сделать с восставшими. Поднялось много племен, но очагом восстания были земли арвернов и карнутов. Общим главнокомандующим повстанцы избрали Верцингеторига, отца которого галлы ранее казнили, подозревая его в стремлении к тирании.

XXVI. ВЕРЦИНГЕТОРИГ разделил свои силы на много отдельных отрядов, поставив во главе их многочисленных начальников, и склонил на свою сторону всю область, расположенную вокруг Арара. Он рассчитывал поднять всю Галлию, в то время как в самом Риме начали объединяться противники Цезаря. Если бы он сделал это немного позже, когда Цезарь был уже вовлечен в гражданскую войну, то Италии угрожала бы не меньшая опасность, чем во время нашествия кимвров. Но Цезарь, который, как никто другой, умел использовать на войне любое преимущество и прежде всего — благоприятное стечение обстоятельств, выступил со своим войском тотчас же по получении известия о восстании; большое пространство, которое он прошел в короткое время, быстрота и стремительность передвижения по зимнему бездорожью показали варварам, что на них движется непреодолимая и непобедимая сила. Ибо в тех местах, куда, казалось, и вестник с письмом не сможет проникнуть, даже пробираясь в течение долгого времени, они увидели вдруг самого Цезаря со всем войском. Цезарь шел, опустошая поля, уничтожая укрепления, покоряя города, присоединяя сдающихся, пока против него не выступило племя эдуев. Эдуи ранее были провозглашены братьями римского народа и пользовались особенным почетом, а потому теперь, примкнув к восставшим, они повергли войско Цезаря в тяжкое уныние. Цезарь был вынужден очистить их страну и направился через область лингонов к секванам, которые были его союзниками и земля которых отделяла

восставшие галльские области от Италии. Во время этого похода ои подвергся иападеиию врагов, окруживших его огромиыми полчищами, и решился дать битву. После долгого и кровопролитного сражения он в коице концов одолел и разбил варваров. Вначале, одиако, он, по-видимому, терпел урон,— по крайней мере арверны и ныне показывают висящий в храме меч Цезаря, захвачеииый в бою. Ои сам впоследствии, увидав этот меч, улыбнулся и, когда его друзья хотели убрать меч, не позволил сделать это, считая приношеиие священиым.

XXVII. МЕЖДУ ТЕМ большинство варваров из числа уцелевших в сражеиии скрылось со своим царем в городе Алезии. Во время осады этого города, казавшегося иеприступиым из-за высоких стен и миогочислеииости осажденных, Цезарь подвергся огромной опасности, ибо отборные силы всех галльских племен, объедииившихся между собой, прибыли к Алезии в количестве трехсот тысяч человек, в то время как число запершихся в городе было ие менее ста семидесяти тысяч. Стисиутый и зажатый меж двумя столь большими силами, Цезарь был вынуждеи возвести две стены: одну — против города, другую — против пришедших галлов, ибо было ясио, что если враги объедииятся, то ему конец. Борьба под Алезией пользуется заслужеииой славой, так как ии одиа другая войиа ие дает примеров таких смелых и искусных подвигов. Но более всего удивительио, как Цезарь, сразившись с многочислениым войском за стенами города и разбив его, проделал это иезаметио ие только для осаждениых, ио даже и для тех римлян, которые охраияли стеиу, обращеииую к городу. Последиие узнали о победе ие раиьше, чем услышали доиосящиеся из Алезии плач и рыдаиия мужчин и женщин, которые увидели, как римляне с противоположной стороны несут в свой лагерь множество щитов, украшениых серебром и золотом, панцирей, залитых кровью, множество кубков и галльских палаток. Так мгновенио, подобио сиу или призраку, была уиичтожена и рассеяна эта иесметиая сила, причем бо́льшая часть варваров погибла в битве. Наконец сдались и защитиики Алезии — после того, как причииили иемало хлопот и Цезарю и самим себе. Верцингеториг, руководи-

тель всей войны, надев самое красивое вооруженне и богато украсив коня, выехал нз ворот. Объехав вокруг возвышения, на котором сидел Цезарь, он соскочил с коня, сорвал с себя все доспехн н, сев у ног Цезаря, оставался там, пока его не заключили под стражу, чтобы сохраннть для триумфа.

XXVIII. ЦЕЗАРЬ давно уже решил низвергнуть Помпея — так же, конечно, как н Помпей его. После того как Красс, которого любой нз ннх в случае победы имел бы свонм противником, погиб в борьбе с парфянамн, Цезарю, если он хотел быть первым, не оставалось ничего иного, как уничтожить того, кому первенство уже прннадлежало, а Помпей, чтобы не допустить такого исхода, должен был своевременно устранить того, кого он страшнлся. Помпей лишь недавно начал опасаться Цезаря, а прежде относнлся к нему с пренебреженнем, считая, что не трудно будет уннчтожнть того, кто обязан своим возвышеннем ему, Помпею. Цезарь же,— который с самого начала питал эти намерення,— словно атлет, надолго удалнлся из поля зрення своих сопернннков. В галльских войнах он упражнял н себя и войско н подвнгамн свонми настолько увелнчил свою славу, что она сравнялась со славой побед Помпея. Теперь он пользовался всемн поводами, какне давали ему н сам Помпей, н условия времени, и упадок гражданской жизни в Риме, приведшнй к тому, что лнца, домогающнеся должностей, сндели на площади за своимн столикамн с деньгамн и бесстыдно подкупали чернь, а нанятый народ прнходнл в Собранне, чтобы бороться за того, кто дал ему денег,— бороться не с помощью голосования, а луками, пращами и мечамн. Нередко собравшиеся расходнлнсь лншь после того, как осквернят возвышение для оратора трупами н запятнают его кровью. Государство погружалось в пучнну анархин, подобно судну, несущемуся без управлення, так что здравомыслящне люди счнталн счастливым нсходом, еслн после таких безумств и бедствий течение событий прнведет к еднновластию, а не к чему-лнбо еще худшему. Многне уже осмелнвалнсь говорить открыто, что государство не может быть нсцелено ннчем, кроме еднновластня, и нужно принять это лекарство нз рук нанболее кроткого врача, под каковым онн подразу-

мевали Помпея. Помпей же, притворно, на словах, отнекиваясь от такой роли, на деле более всего добивался именно того, чтобы его провозгласили диктатором. Катон и его друзья поняли это и провели в сенате предложение избрать Помпея единственным консулом, чтобы тот, удовольствовавшись таким, более или менее законным, единовластием, не добивался диктатуры. Было решено также продлить ему время управления провинциями, которых у него было две — Испания и Африка. Управлял он ими при помощи легатов, ежегодно получая на содержание своих войск тысячу талантов из государственной казны.

XXIX. МЕЖДУ ТЕМ Цезарь, отправляя посредников в Рим, домогался консульства и требовал продления своих полномочий в провинциях. В то время как Помпей вначале хранил молчание, Марцелл и Лентул, всегда ненавидевшие Цезаря, выступили против исполнения его просьбы; к тем соображениям, которые диктовались обстоятельствами, они прибавили без нужды и многое иное, направленное к оскорблению и поношению Цезаря. Так, они требовали отнять права гражданства у обитателей Нового Кома в Галлии — колонии, вновь основанной Цезарем незадолго до этого, а одного из членов тамошнего совета, прибывшего в Рим, консул Марцелл даже высек розгами, заметив: «Это тебе в знак того, что ты не римский гражданин, отправляйся теперь домой и покажи рубцы Цезарю». Когда же Цезарь после этого возмутительного поступка Марцелла обильным потоком направил галльские богатства ко всем участвовавшим в управлении государством и не только освободил народного трибуна Куриона от больших долгов, но и дал консулу Павлу тысячу пятьсот талантов, на которые тот украсил форум знаменитым сооружением — базиликой, воздвигнув ее на месте прежней базилики Фульвии, Помпей, напуганный этими кознями, уже открыто и сам и через своих друзей стал ратовать за то, чтобы Цезарю был назначен преемник по управлению провинциями. Одновременно он потребовал у Цезаря обратно легионы, которые предоставил ему для войн в Галлии. Цезарь тотчас же отослал эти войска, наградив каждого воина двумястами пятьюдесятью драхмами.

Те, кто привел эти легионы к Помпею, распространяли в народе дурные слухи о Цезаре, одновременно ослепляя самого Помпея пустыми надеждами: эти люди уверяли его, что по нем тоскует войско Цезаря, и если здесь, в государстве, страдающем от скрытого недуга, он едва в силах бороться с завистниками, то там к его услугам войско, готовое тотчас, как только оно окажется в Италии, выступить на его стороне,— такую-де неприязнь навлек на себя Цезарь непрерывными походами, такое недоверие — своим стремлением к единовластию. Заслушавшись подобными речами, Помпей оставил всякие опасения, не заботился о приобретении воинской силы и думал победить Цезаря с помощью речей и законопроектов. Но Цезаря нимало не заботили постановления, которые выносил против него Помпей. Рассказывают, что один из военачальников Цезаря, посланный им в Рим, стоя перед зданием сената и слыша, что сенат отказывается продлить Цезарю срок командования, сказал, положив руку на рукоятку меча: «Ну, что ж, тогда вот это даст ему продление».

XXX. ВПРОЧЕМ, требования Цезаря внешне казались вполне справедливыми. А именно, он предлагал сам распустить свои войска, если и Помпей сделает то же самое, и оба они в качестве частных лиц будут ожидать от сограждан вознаграждения за свои дела. Ведь если у него отберут войско, а за Помпеем оставят и укрепят его силы, то, обвиняя одного в стремлении к тирании, сделают тираном другого. Куриона, сообщившего об этом предложении Цезаря народу, приветствовали шумными рукоплесканиями, ему даже бросали венки, как победителю на играх. Народный трибун Антоний вскоре принес в Народное собрание письмо Цезаря по поводу этого предложения и прочел его, несмотря на сопротивление консулов. Но в сенате тесть Помпея Сципион внес предложение объявить Цезаря врагом отечества, если он не сложит оружия в течение определенного срока. Консулы начали опрос, кто голосует за то, чтобы Помпей распустил свои войска, и кто за то, чтобы Цезарь распустил свои; за первое предложение высказались очень немногие, за второе же — почти все. Тогда Антоний внес предложение, чтобы оба одновременно

сложили с себя полномочия, и к этому предложению единодушно присоединился весь сенат. Но так как Сципион решительно выступил против этого, а консул Лентул кричал, что против разбойника надо действовать оружием, а не постановлениями, сенаторы разошлись и надели траурные одежды по поводу такого раздора.

XXXI. ПОСЛЕ этого от Цезаря прибыли письма с очень умеренными предложениями. Он изъявлял согласие отказаться от всех требований, если ему отдадут Предальпийскую Галлию и Иллирик с двумя легионами до тех пор, когда он сможет вторично выступить соискателем на консульских выборах. Оратор Цицерон, который только что прибыл из Киликии и стремился примирить враждующих, пытался смягчить Помпея, но тот, уступая в остальном, не соглашался оставить Цезарю войско. Тогда Цицерон убедил друзей Цезаря ограничиться упомянутыми провинциями и шестью тысячами воинов и положить конец вражде; на это соглашался и Помпей. Но консул Лентул и его друзья воспротивились и дошли до того, что позорным и бесчестным образом выгнали Антония и Куриона из сената. Тем самым они дали Цезарю наилучшее средство разжечь гнев воинов — надо было лишь указать им на то, что почтенные мужи, занимающие высокие государственные должности, вынуждены были бежать в одежде рабов на наемной повозке (к этому, из страха перед врагами, они прибегли, чтобы тайно ускользнуть из Рима).

XXXII. У ЦЕЗАРЯ было не более трехсот всадников и пяти тысяч человек пехоты. Остальные его воины оставались за Альпами, и он уже отправил за ними своих легатов. Но так как он видел, что для начала задуманного им предприятия и для первого приступа более необходимы чудеса отваги и ошеломительный по скорости удар, чем многочисленное войско (ибо ему казалось легче устрашить врага неожиданным нападением, чем одолеть его, придя с хорошо вооруженным войском), то он дал приказ своим командирам и центурионам, вооружившись кинжалами, без всякого другого оружия занять Аримин, значительный город в Галлии, избегая, насколько возможно, шума и кровопролития. Командование войском он поручил

Гортензию, сам же провел целый день на виду у всех и даже присутствовал при упражнениях гладиаторов. К вечеру, приняв ванну, он направился в обеденный зал и здесь некоторое время оставался с гостями. Когда уже стемнело, он встал и вежливо предложил гостям ожидать здесь, пока он вернется. Немногим же доверенным друзьям он еще прежде сказал, чтобы они последовали за ним, но выходили не все сразу, а поодиночке. Сам он сел в наемную повозку и поехал сначала по другой дороге, а затем повернул к Аримину. Когда он приблизился к речке под названием Рубикон, которая отделяет Предальпийскую Галлию от собственно Италии, его охватило глубокое раздумье при мысли о наступающей минуте, и он заколебался перед величием своего дерзания. Остановив повозку, он вновь долгое время молча обдумывал со всех сторон свой замысел, принимая то одно, то другое решение. Затем он поделился своими сомнениями с присутствовавшими друзьями, среди которых был и Азиний Поллион; он понимал, началом каких бедствий для всех людей будет переход через эту реку и как оценит этот шаг потомство. Наконец, как бы отбросив размышления и отважно устремляясь навстречу будущему, он произнес слова, обычные для людей, вступающих в отважное предприятие, исход которого сомнителен: «Пусть будет брошен жребий!» — и двинулся к переходу. Промчавшись остаток пути без отдыха, он еще до рассвета ворвался в Аримин, который и занял. Говорят, что в ночь накануне этого перехода Цезарь видел зловещий сон; ему приснилось, что он совершил ужасное кровосмешение, сойдясь с собственной матерью.

XXXIII. ПОСЛЕ взятия Аримина как бы широко распахнулись ворота перед войною во всех странах и на всех морях, и вместе с границей провинции были нарушены и стерты все римские законы; казалось, что не только мужчины и женщины в ужасе бродят по Италии, как это бывало и прежде, но и сами города, поднявшись со своих мест, бегут, враждуя друг с другом. В самом Риме, который был затоплен потоком беглецов из окрестных селений, власти не могли поддержать порядка ни убеждением, ни приказами. И немногого недоставало, чтобы город сам себя по-

губил в этом великом смятении и буре. Повсюду господствовали противоборствующие страсти и неистовое волнение. Ибо даже сторона, которая на какое-то время торжествовала, не оставалась в покое, но, вновь сталкиваясь в огромном городе с устрашенным и поверженным противником, дерзко возвещала ему еще более страшное будущее, и борьба возобновлялась. Помпея, который был ошеломлен не менее других, теперь осаждали со всех сторон. Одни возлагали на него ответственность за то, что он содействовал усилению Цезаря во вред и самому себе и государству, другие ставили ему в вину, что он позволил Лентулу оскорбить Цезаря, когда тот уже шел на уступки и предлагал справедливые условия примирения. Фавоний же предлагал ему топнуть ногой о землю, ибо Помпей как-то, похваляясь, говорил сенаторам, что незачем им суетиться и заботиться о приготовлениях к войне: если только Цезарь придет, то стоит ему, Помпею, топнуть ногою оземь, как вся Италия наполнится войсками. Впрочем, и теперь еще Помпей превосходил Цезаря числом вооруженных воинов; никто, однако, не позволял ему действовать в соответствии с собственными расчетами. Поэтому он поверил ложным слухам, что война уже у ворот, что она охватила всю страну, и, поддаваясь общему настроению, объявил публично, что в городе восстание и безвластие, а затем покинул город, приказав следовать за собой сенаторам и всем тем, кто предпочитает отечество и свободу тирании.

XXXIV. ИТАК, консулы бежали, не совершив даже обычных жертвоприношений перед дорогой; бежало и большинство сенаторов — с такою поспешностью, что они захватывали с собой из своего имущества первое попавшееся под руку, словно имели дело с чужим добром. Были и такие, которые раньше горячо поддерживали Цезаря, теперь же, потеряв от ужаса способность рассуждать, дали без всякой нужды увлечь себя этому потоку всеобщего бегства. Но самым печальным зрелищем был вид самого города, который накануне великой бури казался подобным судну с отчаявшимися кормчими, носящемуся по волнам и брошенному на произвол слепого случая. И все же, как бы много боли ни причиняло это переселение, римляне из

любви к Помпею считали землю изгнания своим отечеством и покидали Рим, словно он уже стал лагерем Цезаря. Даже Лабиен, один из ближайших друзей Цезаря, бывший его легатом и самым ревностным помощником его в галльских войнах, теперь бежал от него и перешел на сторону Помпея. Цезарь же отправил ему вслед его деньги и пожитки.

Прежде всего Цезарь двинулся на Домиция, который с тридцатью когортами занял Корфиний, и расположился лагерем у этого города. Домиций, отчаявшись в успехе, потребовал у своего врача-раба яд и выпил его, желая покончить с собой. Но вскоре, услышав, что Цезарь удивительно милостив к пленным, он принялся оплакивать себя и осуждать свое слишком поспешное решение. Однако врач успокоил его, заверив, что дал ему вместо яда снотворное средство. Домиций, воспрянув духом, поспешил к Цезарю, получил от него прощение и вновь перебежал к Помпею. Эти новости, дойдя до Рима, успокоили жителей, и некоторые из бежавших вернулись назад.

XXXV. ЦЕЗАРЬ включил в состав своего войска отряд Домиция, а также всех набиравшихся для Помпея воинов, которых он захватил в италийских городах, и с этими силами, уже многочисленными и грозными, двинулся на самого Помпея. Но тот не стал дожидаться его прихода, бежал в Брундизий и, послав сначала консулов с войском в Диррахий, вскоре, когда Цезарь был уже совсем рядом, сам отплыл туда же; об этом будет рассказано подробно в его жизнеописании. Цезарь хотел тотчас же поспешить за ним, но у него не было кораблей, и потому он вернулся в Рим, в течение шестидесяти дней сделавшись без всякого кровопролития господином всей Италии. Рим он нашел в более спокойном состоянии, чем ожидал, и так как много сенаторов оказалось на месте, он обратился к ним с примирительной речью, предлагая отправить делегацию к Помпею, чтобы достигнуть соглашения на разумных условиях. Однако никто из них не принял этого предложения, либо из страха перед Помпеем, которого они покинули в опасности, либо не доверяя Цезарю и считая его речь неискренней.

Народный трибун Метелл хотел воспрепятствовать Цезарю взять деньги из государственной казны и ссылался при этом на законы. Цезарь ответил на это: «Оружие и законы не уживаются друг с другом. Если ты недоволен моими действиями, то иди-ка лучше прочь, ибо война не терпит никаких возражений. Когда же после заключения мира я отложу оружие в сторону, ты можешь появиться снова и ораторствовать перед народом. Уже тем,— прибавил он,— что я говорю это, я поступаюсь моими правами: ведь и ты, и все мои противники, которых я здесь захватил, находитесь целиком в моей власти». Сказав это Метеллу, он направился к дверям казнохранилища и, так как не нашел ключей, послал за мастерами и приказал взломать дверь. Метелл, ободряемый похвалами нескольких присутствовавших, вновь стал ему противодействовать. Тогда Цезарь решительно пригрозил Метеллу, что убьет его, если тот не перестанет ему досаждать. «Знай, юнец,— прибавил он,— что мне гораздо труднее сказать это, чем сделать». Эти слова заставили Метелла удалиться в страхе, и все потребное для войны было доставлено Цезарю быстро и без помех.

XXXVI. ЦЕЗАРЬ направился в Испанию, решив прежде всего изгнать оттуда Афрания и Варрона, легатов Помпея, и, подчинив себе тамошние легионы и провинции, чтобы в тылу у него уже не было противников, выступить затем против самого Помпея. В Испании Цезарь не раз попадал в засады, так что его жизнь оказывалась в опасности, воины его жестоко голодали, и все же он неустанно преследовал неприятелей, вызывал их на сражения, окружал рвами, пока, наконец, не овладел и лагерями и армиями. Предводители бежали к Помпею.

XXXVII. ПО ВОЗВРАЩЕНИИ Цезаря в Рим его тесть Пизон стал убеждать его послать к Помпею послов для переговоров о перемирии, но Сервилий Исаврийский в угоду Цезарю возражал против этого. Сенат назначил Цезаря диктатором, после чего он вернул изгнанников и возвратил гражданские права детям лиц, объявленных при Сулле вне закона, а также путем некоторого снижения учетного процента облегчил положение должников. Издав еще несколько

подобных распоряжений, он через одиннадцать дней отказался от единоличной власти диктатора, объявив себя консулом вместе с Сервилием Исаврийским, и выступил в поход. В начале января, который приблизительно соответствует афинскому месяцу посидеону, около зимнего солнцеворота он отплыл с отборным отрядом конницы в шестьсот человек и пятью легионами, оставив остальное войско позади, чтобы не терять времени. После переправы через Ионийское море он занял Аполлонию и Орик, а флот снова отправил в Брундизий за отставшей частью войска. Солдаты были еще в пути. Молодые годы их миновали, и утомленные бесконечными войнами, они громко жаловались на Цезаря, говоря: «Куда же, в какой край завезет нас этот человек, обращаясь с нами так, как будто мы не живые люди, подвластные усталости? Но ведь и меч изнашивается от ударов, и панцирю и щиту нужно дать покой после столь продолжительной службы. Неужели даже наши раны не заставляют Цезаря понять, что он командует смертными людьми и что мы чувствуем лишения и страдания, как и все прочие? Теперь пора бурь и ветров на море, и даже богу невозможно смирить силой стихию, а он идет на все, словно не преследует врагов, а спасается от них». С такими речами они медленно подвигались к Брундизию. Но когда, прибыв туда, они узнали, что Цезарь уже отплыл, их настроение быстро изменилось. Они бранили себя, называли себя предателями своего императора, бранили и начальников за то, что те не торопили их в пути. Расположившись на возвышенности, солдаты смотрели на море, в сторону Эпира, дожидаясь кораблей, на которых они должны были переправиться к Цезарю.

XXXVIII. МЕЖДУ ТЕМ Цезарь, не имея в Аполлонии военных сил, достаточных для борьбы, и видя, что войска из Италии медлят с переправой, оказался в затруднительном положении. Поэтому он решился на отчаянное предприятие — на двенадцативесельном судне тайно от всех вернуться в Брундизий, хотя множество неприятельских кораблей бороздило море. Он поднялся на борт ночью в одежде раба и, усевшись поодаль, как самый незначительный человек, хранил молчание. Течением реки Аоя корабль уносило в море,

но утренний ветер, который обыкновенно успокаивал волнение в устье реки, прогоняя волны в море, уступил натиску сильного морского ветра, задувшего ночью. Река свирепо боролась с морским приливом. Сопротивляясь прибою, она шумела и вздувалась, образуя страшные водовороты. Кормчий, бессильный совладать со стихией, приказал матросам повернуть корабль назад. Услыхав это, Цезарь выступил вперед и, взяв пораженного кормчего за руку, сказал: «Вперед, любезный, смелей, не бойся ничего: ты везешь Цезаря и его счастье». Матросы забыли про бурю и, как бы приросши к веслам, с величайшим усердием боролись с течением. Однако идти дальше было невозможно, так как в трюм набралось много воды и в устье корабль подвергался грозной опасности. Цезарь, хотя и с большой неохотой, согласился повернуть назад. По возвращении Цезаря солдаты толпой вышли ему навстречу, упрекая его за то, что он не надеется на победу с ними одними, но огорчается из-за отставших и идет на риск, словно не доверяя тем легионам, которые высадились вместе с ним.

XXXIX. НАКОНЕЦ прибыл из Брундизия Антоний с войсками. Цезарь, осмелев, начал вызывать Помпея на сражение. Помпей разбил лагерь в удобном месте, имея возможность снабжать в изобилии свои войска с моря и с суши, тогда как солдаты Цезаря уже с самого начала испытывали недостаток в продовольствии, а потом из-за отсутствия самого необходимого стали есть какие-то коренья, кроша их на мелкие части и смешивая с молоком. Иногда они лепили из этой смеси хлебцы и, нападая на передовые караулы противника, бросали эти хлебцы, крича, что не прекратят осады Помпея до тех пор, пока земля будет рождать такие коренья. Помпей старался скрыть и эти хлебцы и эти речи от своих солдат, ибо те начали падать духом, страшась бесчувственности врагов и считая их какими-то дикими зверями.

Около укреплений Помпея постоянно происходили отдельные стычки. Победа во всех этих столкновениях оставалась за Цезарем, кроме одного случая, когда, потерпев неудачу, Цезарь чуть не лишился своего лагеря. Помпей произвел набег, против которого никто не устоял: рвы наполнились трупами, солдаты

Цезаря падали подле собственного вала и частокола, поражаемые неприятелем во время поспешного бегства. Цезарь вышел навстречу солдатам, тщетно пытаясь повернуть бегущих назад. Он хватался за знамена, но знаменосцы бросали их, так что неприятели захватили тридцать два знамени. Сам Цезарь едва не был при этом убит. Схватив какого-то рослого и сильного солдата, бежавшего мимо, он приказал ему остановиться и повернуть на неприятеля. Тот в смятении пред лицом ужасной опасности поднял меч, чтобы поразить Цезаря, но оруженосец Цезаря подоспел и отрубил ему руку. Однако Помпей — то ли по какой-то нерешительности, то ли случайно — не до конца воспользовался своим успехом, но отступил, загнав беглецов в их лагерь. Цезарь, который уже потерял было всякую надежду, сказал после этого своим друзьям: «Сегодня победа осталась бы за противниками, если бы у них было кому победить». Сам же, придя к себе в палатку и улегшись, он провел ночь в мучительной тревоге и тяжелых размышлениях о том, как неразумно он командует. Он говорил себе, что перед ним лежат обширные равнины и богатые македонские и фессалийские города, а он вместо того, чтобы перенести туда военные действия, расположился лагерем у моря, на котором перевес принадлежит противнику, так что скорее он сам терпит лишения осажденного, нежели осаждает врага. В таком мучительном душевном состоянии, угнетаемый недостатком продовольствия и неблагоприятно сложившейся обстановкой, Цезарь принял решение двинуться против Сципиона в Македонию, рассчитывая либо заманить Помпея туда, где тот должен будет сражаться в одинаковых с ним условиях, не получая поддержки с моря, либо разгромить Сципиона, предоставленного самому себе.

XL. В ВОЙСКЕ Помпея и среди начальников это вызвало пылкое желание пуститься в погоню, так как казалось, что Цезарь побежден и бежит. Но сам Помпей был слишком осторожен, чтобы отважиться на сражение, которое может решить исход всего дела. Обеспеченный всем необходимым на долгий срок, он предпочитал ждать, пока противник истощит свои силы. Лучшая часть войска Цезаря имела боевой опыт и неодолимую отвагу в битвах. Однако его солдаты

из-за преклонного возраста уставали от длительных переходов, от лагерной жизни, строительных работ и ночных бодрствований. Страдая от тяжких трудов вследствие телесной слабости, они теряли и бодрость духа. К тому же, как тогда говорили, дурное питание вызвало в армии Цезаря какую-то повальную болезнь. Но самое главное — у Цезаря не было ни денег, ни запасов продовольствия, и казалось, что в течение короткого времени его армия сама собой распадется.

XLI. ОДИН Катон, который при виде павших в бою неприятелей (их было около тысячи) ушел, закрыв лицо в знак печали, и заплакал, хвалил Помпея за то, что тот уклоняется от сражения и щадит сограждан. Все же остальные обвиняли Помпея в трусости и насмешливо звали его Агамемноном и царем царей: не желая отказаться от единоличной власти, он, дескать, гордится тем, что столько полководцев находятся у него в подчинении и ходят за распоряжениями к нему в палатку. Фавоний, подражая откровенным речам Катона, жаловался, что из-за властолюбия Помпея они в этом году не отведают тускульских фиг. Афраний, недавно прибывший из Испании, после столь неудачного командования и подозреваемый в том, что он за деньги продал свою армию Цезарю, спрашивал, почему же не сражаются с купцом, купившим у него провинции. Под давлением всего этого Помпей против воли начал преследование Цезаря.

А Цезарь проделал большую часть пути в тяжелых условиях, ниоткуда не получая продовольствия, но повсюду видя лишь пренебрежение из-за своей недавней неудачи. Однако после захвата Фессалийского города Гомфы ему не только удалось накормить армию, но и неожиданно найти для солдат избавление от болезни. В городе оказалось много вина, и солдаты вдоволь пили в пути, предаваясь безудержному разгулу. Хмель гнал недуг прочь, вновь возвращая заболевшим здоровье.

XLII. ОБА ВОЙСКА вступили на равнину Фарсала и расположились там лагерем. Помпей опять обратился к своему прежнему плану, тем более что и предзнаменования и сновидения были неблагоприятны. Зато окружавшие Помпея были до того самонадеянны и

уверены в победе, что Домиций, Спинтер и Сципион яростно спорили между собой о том, кто из них получит должность верховного жреца, принадлежавшую Цезарю. Они посылали в Рим заранее нанимать дома, приличествующие для консулов и преторов, рассчитывая сразу после войны занять эти должности. Особенно неудержимо рвались в бой всадники. Они очень гордились своим боевым искусством, блеском оружия, красотой коней, а также численным превосходством: против семи тысяч всадников Помпея у Цезаря была всего лишь одна тысяча. Количество пехоты также не было равным: у Цезаря было в строю двадцать две тысячи против сорока пяти тысяч у неприятеля.

XLIII. ЦЕЗАРЬ собрал свои войска и, сообщив им, что два легиона под командой Корнифиция находятся неподалеку, а пятнадцать когорт во главе с Каленом расположены около Мегар и Афин, спросил, желают ли они ожидать этих подкреплений или предпочитают рискнуть сами. Солдаты с громкими криками просили его не ждать, но вести их в бой и приложить старания к тому, чтобы они могли как можно скорее встретиться с неприятелем. Когда Цезарь совершал очистительное жертвоприношение, по заклании первого животного жрец тотчас объявил, что в ближайшие три дня борьба с неприятелем будет решена сражением. На вопрос Цезаря, не замечает ли он по жертве каких-либо признаков благополучного исхода битвы, жрец отвечал: «Ты сам лучше меня можешь ответить на этот вопрос. Боги возвещают великую перемену существующего положения вещей. Поэтому, если ты полагаешь, что настоящее положение вещей для тебя благоприятно, то ожидай неудачи, если же неблагоприятно — жди успеха». В полночь накануне битвы, когда Цезарь обходил посты, на небе видели огненный факел, который, казалось, пронесся над лагерем Цезаря и, вспыхнув ярким светом, упал в расположение Помпея, а в утреннюю стражу из лагеря Цезаря было заметно смятение в стане врагов. В этот день, однако, Цезарь не ожидал сражения. Он приказал сниматься с лагеря, намереваясь выступить по направлению к Скотуссе.

XLIV. КОГДА уже свернули лагерные палатки, к Цезарю прискакали разведчики с сообщением, что не-

приятель движется в боевом строю. Цезарь весьма обрадовался и, сотворив молитвы богам, стал строить войско, разделив его на три части. В центре он поставил Домиция Кальвина, левым флангом командовал Антоний, сам же он стоял во главе правого крыла, намереваясь сражаться в рядах десятого легиона. Увидев, однако, что против этого легиона расположена неприятельская конница, встревоженный ее численностью и блеском ее оружия, Цезарь приказал шести когортам, расположенным в глубине строя, незаметно перейти к нему и поставил их позади правого крыла, пояснив, как надо действовать, когда вражеская конница пойдет в наступление.

Помпей командовал правым флангом своей армии, левым — Домиций, а в центре находился Сципион, тесть Помпея. Вся конница Помпея была сосредоточена на левом фланге. Она должна была обойти правое крыло Цезаря и нанести неприятелям решительное поражение именно там, где командовал их полководец: полагали, что, какой бы глубины ни был строй неприятельской пехоты, она не сможет выдержать напора, но будет сокрушена и разбита под одновременным натиском многочисленной конницы.

Обе стороны собирались дать сигнал к нападению. Помпей приказал тяжеловооруженным не двигаться с места и с дротиками наготове ожидать, пока противник не приблизится на расстояние полета дротика. По словам Цезаря, Помпей допустил ошибку, не оценив, насколько стремительность натиска увеличивает силу первого удара и воодушевляет мужеством сражающихся. Цезарь уже был готов двинуть свои войска вперед, когда заметил одного из центурионов, преданного ему и опытного в военном деле. Центурион ободрял своих солдат и призывал их показать образец мужества. Цезарь обратился к центуриону, назвав его по имени: «Гай Крассиний, каковы у нас надежды на успех и каково настроение?» Крассиний, протянув правую руку, громко закричал ему в ответ: «Мы одержим, Цезарь, блестящую победу. Сегодня ты меня похвалишь живым или мертвым!» С этими словами он первым ринулся на неприятеля, увлекая за собой сто двадцать своих солдат; изрубив первых встретившихся врагов и с силой пробиваясь

вперед, он многих положил, пока наконец сам не был сражен ударом меча в рот, так что клинок прошел насквозь и вышел через затылок.

XLV. ТАК в центре сражалась пехота, а между тем конница Помпея с левого фланга горделиво тронулась в наступление, рассыпаясь и растягиваясь, чтобы охватить правое крыло противника. Однако, прежде чем она успела атаковать, вперед выбежали когорты Цезаря, которые против обыкновения не метали копий и не поражали неприятеля в ноги, а, по приказу Цезаря, целили врагам в глаза и наносили раны в лицо. Цезарь рассчитывал, что молодые солдаты Помпея, кичившиеся своей красотой и юностью, не привыкшие к войнам и ранам, более всего будут опасаться таких ударов, и не устоят, устрашенные как самою опасностью, так и угрозою оказаться обезображенными. Так оно и случилось. Помпеянцы отступали перед поднятыми вверх копьями, теряя отвагу при виде направленного против них оружия; оберегая лицо, они отворачивались и закрывались. В конце концов они расстроили свои ряды и обратились в позорное бегство, погубив все дело, ибо победители немедленно стали окружать и, нападая с тыла, рубить вражескую пехоту.

Когда Помпей с противоположного фланга увидел, что его конница рассеяна и бежит, он перестал быть самим собою, забыл, что он Помпей Магн. Он походил скорее всего на человека, которого божество лишило рассудка. Не сказав ни слова, он удалился в палатку и там напряженно ожидал, что произойдет дальше, не двигаясь с места до тех пор, пока не началось всеобщее бегство и враги, ворвавшись в лагерь, не вступили в бой с караульными. Тогда лишь он как бы опомнился и сказал, как передают, только одну фразу: «Неужели уже дошло до лагеря?» Сняв боевое убранство полководца и заменив его подобающей беглецу одеждой, он незаметно удалился. О дальнейшей его участи, как он, доверившись египтянам, был убит, мы рассказываем в его жизнеописании.

XLVI. А ЦЕЗАРЬ, прибыв в лагерь Помпея и увидев трупы врагов и продолжающуюся резню, со стоном воскликнул: «Вот чего они хотели, вот до какой крайности меня довели! Если бы Гай Цезарь, верши-

тель величайших воинскнх деяний, отказался тогда от командования, надо мною был бы, вероятно, произнесен смертный приговор». Азиний Поллион передает, что Цезарь произнес эти слова по-латыни, а сам он записал их по-гречески. Большинство убитых, как он сообщает, оказалось рабами, павшими при захвате лагеря, а воинов погибло не более шести тысяч. Бóльшую часть пленных Цезарь включил в свон легионы. Многим знатным римлянам он даровал прощение; в числе их был и Брут — впоследствин его убийца. Цезарь, говорят, был встревожен, не видя Брута, и очень обрадовался, когда тот оказался в числе уцелевших и пришел к нему.

XLVII. СРЕДИ многих чудесных знамений, предвещавших победу Цезаря, как о самом замечательном сообщают о знамении в городе Траллах. В храме Победы стояло изображение Цезаря. Земля вокруг статуи была от природы бесплодна и к тому же замощена камнем, и на ней-то, как сообщают, у самого цоколя выросла пальма.

В Патавни некто Гай Корнелий, человек знаменитый искусством гадания, соотечественник и знакомый писателя Ливия, как раз в тот день сидел и наблюдал за полетом птиц. По рассказу Ливия, он прежде всех узнал о времени битвы и заявил присутствующим, что дело уже началось и противники вступили в бой. Затем он продолжал наблюдение и, увидав новое знамение, вскочил с возгласом: «Ты победил, Цезарь!» Присутствующие были поражены, а он, сняв с головы венок, клятвенно заверил, что не возложит его вновь, пока его искусство гадания не подтвердится на деле. Ливий утверждает, что все это было именно так.

XLVIII. ЦЕЗАРЬ, даровав в ознаменование победы свободу фессалийцам, начал преследование Помпея. По прибытии в Азию он объявил свободными граждан Книда из расположения к Теопомпу, составителю свода мифов, а всем жителям Азии уменьшил подати на одну треть. Цезарь прибыл в Александрию, когда Помпей был уже мертв. Здесь Теодот поднес ему голову Помпея, но Цезарь отвернулся н, взяв в руки кольцо с его печатью, пролил слезы. Всех друзей и близких Помпея, которые, скитаясь по Египту, были

взяты в плен царем, он привлек к себе и облагодетельствовал. Своим друзьям в Риме Цезарь писал, что в победе для него самое приятное и сладостное — возможность даровать спасение все новым из воевавших с ним граждан.

Что касается Александрийской войны, то одни писатели не считают ее необходимой и говорят, что единственной причиной этого опасного и бесславного для Цезаря похода была его страсть к Клеопатре; другие выставляют виновниками войны царских придворных, в особенности могущественного евнуха Потина, который незадолго до того убил Помпея, изгнал Клеопатру и тайно злоумышлял против Цезаря. По этой причине, чтобы обезопасить себя от покушений, Цезарь, как сообщают, и начал тогда проводить ночи в попойках. Но Потин и открыто проявлял враждебность — во многих словах и поступках, направленных к понощению Цезаря. Солдат Цезаря он велел кормить самым черствым хлебом, говоря, что они должны быть довольны и этим, раз едят чужое. К обеду он выдавал глиняную и деревянную посуду, ссылаясь на то, что всю золотую и серебряную Цезарь якобы отобрал за долги. Действительно, отец царствовавшего тогда царя был должен Цезарю семнадцать с половиной миллионов драхм, часть этого долга Цезарь простил его детям, а десять миллионов потребовал теперь на прокормление войска. Потин советовал ему покинуть Египет и заняться великими своими делами, обещая позже вернуть деньги с благодарностью. Цезарь ответил на это, что он меньше всего нуждается в египетских советниках, и тайно вызвал Клеопатру из изгнания.

XLIX. КЛЕОПАТРА, взяв с собой лишь одного из друзей, Аполлодора Сицилийского, села в маленькую лодку и при наступлении темноты пристала вблизи царского дворца. Так как иначе трудно было остаться незамеченной, то она забралась в мешок для постели и вытянулась в нем во всю длину. Аполлодор обвязал мешок ремнем и внес его через двор к Цезарю. Говорят, что уже эта хитрость Клеопатры показалась Цезарю смелой и пленила его. Окончательно покоренный обходительностью Клеопатры и ее красотой, он примирил ее с царем для того, чтобы они царствова-

ли совместно. Во время всеобщего пира в честь примирения раб Цезаря, цирульник, из трусости (в которой он всех превосходил) не пропускавший ничего мимо ушей, все подслушивавший и выведывавший, проведал о заговоре, подготовляемом против Цезаря военачальником Ахиллой и евнухом Потином. Узнав о заговоре, Цезарь велел окружить стражей пиршественную залу. Потин был убит, Ахилле же удалось бежать к войску, и он начал против Цезаря продолжительную и тяжелую войну, в которой Цезарю пришлось с незначительными силами защищаться против населения огромного города и большой египетской армии. Прежде всего, он подвергся опасности остаться без воды, так как водопроводные каналы были засыпаны неприятелем. Затем, враги пытались отрезать его от кораблей. Цезарь принужден был отвратить опасность, устроив пожар, который, распространившись со стороны верфей, уничтожил огромную библиотеку. Наконец, во время битвы при Фаросе, когда Цезарь соскочил с насыпи в лодку, чтобы оказать помощь своим, и к лодке со всех сторон устремились египтяне, Цезарь бросился в море и лишь с трудом выплыл. Говорят, что он подвергался в это время обстрелу из луков и, погружаясь в воду, все-таки не выпускал из рук записных книжек. Одной рукой он поднимал их высоко над водой, а другой греб, лодка же сразу была потоплена. В конце концов, когда царь встал на сторону противников, Цезарь напал на него и одержал в сражении победу. Враги понесли большие потери, а царь пропал без вести. Затем, оставив Клеопатру, которая вскоре родила от него сына (александрийцы называли его Цезарионом), Цезарь направился в Сирию.

L. ПРИБЫВ оттуда в Азию, Цезарь узнал, что Домиций разбит сыном Митридата Фарнаком и с немногочисленной свитой бежал из Понта, а Фарнак, с жадностью используя свой успех, занял Вифинию и Каппадокию, напал на так называемую Малую Армению и подстрекает к восстанию всех тамошних царей и тетрархов. Цезарь тотчас же выступил против Фарнака с тремя легионами, в большой битве при городе Зеле совершенно уничтожил войско Фарнака и самого его изгнал из Понта. Сообщая об этом в Рим одно-

му из своих друзей, Матию, Цезарь выразил внезапность и быстроту этой битвы тремя словами: «Пришел, увидел, победил». По-латыни эти слова, имеющие одинаковые окончания, создают впечатление убедительной краткости.

LI. ЗАТЕМ Цезарь переправился в Италию и прибыл в Рим в конце года, на который он был вторично избран диктатором, хотя ранее эта должность никогда не была годичной. На следующий год он был избран консулом. Цезаря порицали за его отношение к восставшим солдатам, которые убили двух бывших преторов — Коскония и Гальбу: он наказал их лишь тем, что, обращаясь к ним, назвал их гражданами, а не воинами, а затем дал каждому по тысяче драхм и выделил большие участки земли в Италии. На Цезаря возлагали также вину за сумасбродства Долабеллы, корыстолюбие Матия и кутежи Антония; последний, в довершение ко всему прочему, присвоил какими-то нечистыми средствами дом Помпея и приказал его перестроить, так как он показался ему недостаточно вместительным. Среди римлян распространялось недовольство подобными поступками. Цезарь все это замечал, однако положение дел в государстве вынуждало его пользоваться услугами таких помощников.

LII. КАТОН и Сципион после сражения при Фарсале бежали в Африку и там при содействии царя Юбы собрали значительные силы. Цезарь решил выступить против них. Он переправился в Сицилию около времени зимнего солнцеворота и, желая лишить своих командиров всякой надежды на промедление и проволочку, сразу же велел раскинуть свою палатку на самом морском берегу. Как только подул попутный ветер, он отплыл с тремя тысячами пехоты и небольшим отрядом конницы. Высадив эти войска, он незаметно отплыл назад, боясь за свои главные силы. Он встретил их уже в море и благополучно доставил в лагерь. Узнав, что противники полагаются на какой-то старинный оракул, гласящий, что роду Сципионов всегда суждено побеждать в Африке, Цезарь,— трудно сказать, в шутку ли, чтобы выставить в смешном виде Сципиона, полководца своих врагов, или всерьез, желая истолковать предсказание в свою пользу,—

в каждом сражении отводил какому-то Сципиону почетное место во главе войска, словно главнокомандующему (среди людей Цезаря был некий Сципион Саллутион из семьи Сципионов Африканских, человек во всех других отношениях ничтожный и всеми презираемый). Сталкиваться же с неприятелем и искать сражения приходилось часто: армия Цезаря страдала от недостачи продовольствия и корма для лошадей, так что воины вынуждены были кормить лошадей морским мхом, смывая с него морскую соль и примешивая в качестве приправы немного травы.

Неприятельская конница из нумидийцев господствовала над страной, быстро появляясь всякий раз в большом числе. Однажды, когда конный отряд Цезаря расположился на отдых и какой-то ливиец плясал, замечательно подыгрывая себе на флейте, а солдаты веселились, поручив присмотр за лошадьми рабам, внезапно неприятели окружили и атаковали их. Часть воинов Цезаря была убита на месте, другие пали во время поспешного бегства в лагерь. Если бы сам Цезарь и Азиний Поллион не поспешили из лагеря на подмогу, война, пожалуй, была бы кончена. Во время другого сражения, как сообщают, неприятель также одержал было верх в завязавшейся рукопашной схватке, но Цезарь ухватил за шею бежавшего со всех ног знаменосца и повернул его кругом со словами: «Вон где враги!»

LIII. ЭТИ УСПЕХИ побудили Сципиона помериться силами в решительном сражении. Оставив Афрания в лагере и невдалеке от него Юбу, сам он занялся укреплением позиции для нового лагеря над озером около города Тапса, имея в виду создать здесь прибежище и опору в битве для всего войска. В то время как Сципион трудился над этим, Цезарь, с невероятной быстротой пройдя лесистыми местами, удобными для неожиданного нападения, одну часть его войска окружил, а другой ударил в лоб. Обратив врага в бегство, Цезарь воспользовался благоприятным моментом и сопутствием счастливой судьбы: при первом же натиске ему удалось захватить лагерь Афрания и после бегства Юбы совершенно уничтожить лагерь нумидийцев. В несколько часов Цезарь завладел тремя ла-

герями, причем пало пятьдесят тысяч неприятелей; Цезарь же потерял не более пятидесяти человек.

Так рассказывают об этой битве одни писатели. Другие утверждают, что Цезарь даже не участвовал в деле, но что его поразил припадок обычной болезни как раз в то время, когда он строил войско в боевой порядок. Как только он почувствовал приближение припадка, то, прежде чем болезнь совершенно завладела им и он лишился сознания, его отнесли в стоявшую поблизости башню и там оставили.

Некоторые из спасшихся бегством бывших консулов и преторов, попав в плен, покончили самоубийством, а многих Цезарь приказал казнить.

LIV. ГОРЯ желанием захватить Катона живым, Цезарь поспешил к Утике: Катон охранял этот город и поэтому не принял участия в сражении. Узнав о самоубийстве Катона, Цезарь явно опечалился, но никто не знал, чем именно. Он сказал только: «О, Катон, мне ненавистна твоя смерть, ибо тебе было ненавистно принять от меня спасение». Но сочинение, впоследствии написанное Цезарем против Катона, не содержит признаков мягкого, примирительного настроения. Как же он мог пощадить Катона живым, если на мертвого излил так много гнева? С другой стороны, снисходительность, проявленная Цезарем по отношению к Цицерону, Бруту и множеству других побежденных, заставляет некоторых заключить, что упомянутое выше сочинение родилось не из ненависти к Катону, а из соперничества на государственном поприще, и вот по какому поводу. Цицерон написал хвалебное сочинение в честь Катона, под заглавием «Катон». Сочинение это, естественно, у многих имело большой успех, так как оно было написано знаменитым оратором и на благороднейшую тему. Цезарь был уязвлен этим сочинением, считая, что похвала тому, чьей смерти он был причиной, служит обвинением против него. Он собрал много обвинений против Катона и назвал свою книгу «Антикатон». Каждое из этих двух произведений имело много сторонников в зависимости от того, кому кто сочувствовал — Катону или Цезарю.

LV. ПО ВОЗВРАЩЕНИИ из Африки в Рим Цезарь прежде всего произнес речь к народу, восхваляя свою победу. Он сказал, что захватил так много земли, что

ежегодно будет доставлять в государственное хранилище двести тысяч аттических медимнов зерна и три миллиона фунтов оливкового масла. Затем он отпраздновал триумфы — египетский, понтийский, африканский — не над Сципионом, разумеется, а над царем Юбой. Сына царя Юбы, еще совсем маленького мальчика, вели в триумфальной процессии. Он попал в счастливейший плен, так как из варвара и нумидийца превратился в одного из самых ученых греческих писателей. После триумфов Цезарь принялся раздавать солдатам богатые подарки, а народу устраивал угощения и игры. На двадцати двух тысячах столов было устроено угощение для всех граждан. Игры — гладиаторские бои и морские сражения — он дал в честь своей давно умершей дочери Юлии.

Затем была произведена перепись граждан. Вместо трехсот двадцати тысяч человек, насчитывавшихся прежде, теперь оказалось налицо всего сто пятьдесят тысяч. Такой урон принесли гражданские войны, столь значительную часть народа они истребили — и это еще не принимая в расчет бедствий, постигших остальную Италию и провинции!

LVI. ПОСЛЕ этого Цезарь был избран в четвертый раз консулом и затем отправился с войсками в Испанию против сыновей Помпея, которые, несмотря на свою молодость, собрали удивительно большую армию и выказали необходимую для полководцев отвагу, так что поставили Цезаря в крайне опасное положение. Большое сражение произошло около города Мунды. Цезарь, видя что неприятель теснит его войско, которое сопротивляется слабо, закричал, пробегая сквозь ряды солдат, что если они уже ничего не стыдятся, то пусть возьмут и выдадут его мальчишкам. Осилить неприятелей Цезарю удалось лишь с большим трудом. Противник потерял свыше тридцати тысяч человек; у Цезаря же пала тысяча самых лучших солдат. После сражения Цезарь сказал своим друзьям, что он часто сражался за победу, теперь же впервые сражался за жизнь. Эту победу он одержал во время праздника Дионисий — в тот самый день, когда, как сообщают, вступил в войну Помпей Магн. Промежуток времени между этими двумя событиями — четыре года. Млад-

ший из сыновей Помпея бежал, а немного дней спустя Дидий приcес голову старшего.

Эта война была последней, которую вел Цезарь. Отпразднованный по случаю победы триумф, как ничто другое, огорчил римлян. Негоже было Цезарю справлять триумф над несчастиями отечества, гордиться тем, чему оправданием перед богами и людьми могла служить одна лишь необходимость. Ведь Цезарь победил не чужеземных вождей и не варварских царей, но уничтожил детей и род человека, знаменитейшего среди римлян, попавшего в несчастье. Вдобавок прежде сам Цезарь ни через посланцев, ни письменно не сообщал о своих победах в гражданских войнах, но стыдился такой славы.

LVII. ОДНАКО, склонившись перед счастливой судьбой этого человека и позволив надеть на себя узду, римляне считали, что единоличная власть есть отдых от гражданских войн и прочих бедствий. Они выбрали его диктатором пожизненно. Эта несменяемость в соединении с неограниченным единовластием была открытой тиранией. По предложению Цицерона, сенат назначил ему почести, которые еще оставались в пределах человеческого величия, но другие наперебой предлагали чрезмерные почести, неуместность которых привела к тому, что Цезарь сделался неприятен и ненавистен даже самым благонамеренным людям. Ненавистники Цезаря, как думают, не меньше его льстецов помогали принимать эти решения, чтобы было как можно больше предлогов к недовольству и чтобы их обвинения казались вполне обоснованными. В остальном же Цезарь по окончании гражданских войн держал себя безупречно. Было даже постановлено — и, как думают, с полным основанием,— посвятить ему храм Милосердия в знак благодарности за его человеколюбие. Действительно, он простил многих выступавших против него с оружием в руках, а некоторым, как, например, Бруту и Кассию, предоставил почетные должности: оба они были преторами. Цезарь не допустил, чтобы статуи Помпея лежали сброшенными с цоколя, но велел поставить их на прежнее место. По этому поводу Цицерон сказал, что Цезарь, восстановив статуи Помпея, утвердил свои собственные. Друзья Цезаря просили, чтобы он окру-

жил себя телохранителями, и многие предлагали свои услуги. Цезарь не согласился, заявив, что, по его мнению, лучше один раз умереть, чем постоянно ожидать смерти. Видя в расположении к себе самую лучшую и надежную охрану и добиваясь такого расположения, он снова прибег к угощениям и хлебным раздачам для народа; для солдат он основывал колонии. Из них самые известные — Карфаген и Коринф, города, которым ранее довелось быть одновременно разрушенными, а теперь — одновременно восстановленными.

LVIII. ЧТО касается знати, то одним он обещал на будущее должности консулов и преторов, других прельщал другими должностями и почестями и всем одинаково внушал большие надежды, стремясь к тому, чтобы властвовать над добровольно подчиняющимися. Когда умер консул Максим, то на оставшийся до окончания срока его власти один день Цезарь назначил консулом Каниния Ребилия. По обычаю, многие направлялись приветствовать его, и Цицерон сказал: «Поспешим, чтобы успеть застать его в должности консула».

Многочисленные успехи не были для деятельной натуры Цезаря основанием спокойно пользоваться плодами своих трудов. Напротив, как бы воспламеняя и подстрекая его, они порождали планы еще более великих предприятий в будущем и стремление к новой славе, как будто достигнутая его не удовлетворяла. Это было некое соревнование с самим собой, словно с соперником, и стремление будущими подвигами превзойти совершенные ранее. Он готовился к войне с парфянами, а после покорения их имел намерение, пройдя через Гирканию вдоль Каспийского моря и Кавказа, обойти Понт и вторгнуться в Скифию, затем напасть на соседние с Германией страны и на самое Германию и возвратиться в Италию через Галлию, сомкнув круг римских владений так, чтобы со всех сторон империя граничила с Океаном.

Среди приготовлений к походу Цезарь задумал прорыть канал через коринфский перешеек и поручил наблюдение за этим Аниену. Затем он предпринял устройство глубокого канала, который перехватывал бы у самого города воды Тибра, чтобы повернуть течение реки к Цирцеям и заставить Тибр впадать в мо-

ре у Таррацины, сделав таким образом более безопасным и легким плавание для купцов, направляющихся в Рим. Кроме этого, он хотел осушить болота близ городов Пометии и Сетии с тем, чтобы предоставить плодородную землю многим десяткам тысяч людей. Далее, он хотел возвести плотину в море вблизи Рима и, расчистив мели у Остийского берега, устроить надёжные гавани и якорные стоянки для имеющего столь важное значение судоходства. Таковы были его приготовления.

LIX. ОСТРОУМНО задуманное и завершенное им устройство календаря с исправлением ошибок, вкравшихся в летосчисление, принесло огромную пользу. Дело не только в том, что у римлян в очень древние времена лунный цикл не был согласован с действительною длиною года, вследствие чего жертвоприношения и праздники постепенно передвигались и стали приходиться на противоположные первоначальным времена года: даже когда был введен солнечный год, который и применялся в описываемое нами время, никто не умел рассчитывать его продолжительность, и только одни жрецы знали, в какой момент надо произвести исправление, и неожиданно для всех включали вставной месяц, который они называли мерцедонием. Говорят, впервые еще Нума стал вставлять дополнительный месяц, найдя в этом средство для исправления погрешности в календаре, однако средство, действительное лишь на недолгое время. Об этом говорится в его жизнеописании. Цезарь предложил лучшим ученым и астрологам разрешить этот вопрос, а затем, изучив предложенные способы, создал собственный, тщательно продуманный и улучшенный календарь. Римляне до сих пор пользуются этим календарем и, по-видимому, у них погрешностей в летосчислении меньше, чем у других народов. Однако и это преобразование дало людям злокозненным и враждебным власти Цезаря повод для обвинений. Так, например, известный оратор Цицерон, когда кто-то заметил, что «завтра взойдёт созвездие Лиры», сказал: «Да, по указу», как будто бы и это явление, происходящее в силу естественной необходимости, могло произойти по желанию людей.

LX. СТРЕМЛЕНИЕ Цезаря к царской власти более всего возбуждало явную ненависть против него и стремление его убить. Для народа в этом была главная вина Цезаря; у тайных же недоброжелателей это давно уже стало благовидным предлогом для вражды в нему. Люди, уговаривавшие Цезаря принять эту власть, распространяли в народе слух, якобы основанный на Сивиллиных книгах, что завоевание парфянского царства римлянами возможно только под предводительством царя, иначе же оно недостижимо. Однажды, когда Цезарь возвратился из Альбы в Рим, они отважились приветствовать его как царя. Видя замешательство в народе, Цезарь разгневался и заметил на это, что его зовут не царем, а Цезарем. Так как эти слова были встречены всеобщим молчанием, Цезарь удалился в настроении весьма невеселом и немилостивом.

В другой раз сенат назначил ему какие-то чрезвычайные почести. Цезарь сидел на возвышении для ораторов. Когда к нему подошли консулы и преторы вместе с сенатом в полном составе, он не поднялся со своего места, а обращаясь к ним, словно к частным лицам, отвечал, что почести скорее следует уменьшить, чем увеличить. Таким поведением он вызвал, однако, недовольство не только сената, но и среди народа, так как все считали, что в лице сената Цезарь нанес оскорбление государству. Те, кому можно было не оставаться долее, тотчас же покинули заседание, сильно огорченные. Тогда Цезарь, поняв, что их поведение вызвано его поступком, тотчас возвратился домой, и в присутствии друзей откинул с шеи одежду, крича, что он готов позволить любому желающему нанести ему удар. Впоследствии он оправдывал свой поступок болезнью, которая не дает чувствам одержимых ею людей оставаться в покое, когда они, стоя, произносят речь к народу; болезнь эта быстро приводит в потрясение все чувства: сначала она вызывает головокружение, а затем судороги. Но в действительности Цезарь не был болен: передают, что он хотел, как и подобало, встать перед сенатом, но его удержал один из друзей или, вернее, льстецов — Корнелий Бальб, который сказал: «Разве ты не помнишь, что

ты Цезарь? Неужели ты не потребуешь, чтобы тебе оказывали почитание, как высшему существу?»

LXI. К ЭТИМ случаям присоединилось еще оскорбление народных трибунов. Справлялся праздник Луперкалий, о котором многие пишут, что в древности это был пастушеский праздник; в самом деле, он несколько напоминает аркадские Ликеи. Многие молодые люди из знатных семейств и даже лица, занимающие высшие государственные должности, во время праздника пробегают нагие через город и под смех, под веселые шутки встречных бьют всех, кто попадется им на пути, косматыми шкурами. Многие женщины, в том числе и занимающие высокое общественное положение, выходят навстречу и нарочно, как в школе, подставляют обе руки под удары. Они верят, что это облегчает роды беременным, а бездетным помогает понести. Это зрелище Цезарь наблюдал с возвышения для ораторов, сидя на золотом кресле, разряженный, как для триумфа. Антоний в качестве консула также был одним из зрителей священного бега. Антоний вышел на форум и, когда толпа расступилась перед ним, протянул Цезарю корону, обвитую лавровым венком. В народе, как было заранее подготовлено, раздались жидкие рукоплескания. Когда же Цезарь отверг корону, весь народ зааплодировал. После того как Антоний вторично поднес корону, опять раздались недружные хлопки. При вторичном отказе Цезаря вновь рукоплескали все. Когда таким образом затея была раскрыта, Цезарь встал со своего места и приказал отнести корону на Капитолий. Тут народ увидел, что статуи Цезаря увенчаны царскими коронами. Двое народных трибунов, Флавий и Марулл, подошли и сняли венки со статуй, а тех, кто первыми приветствовали Цезаря как царя, отвели в тюрьму. Народ следовал за ними с рукоплесканиями, называя обоих трибунов «брутами», потому что Брут уничтожил наследственное царское достоинство и ту власть, которая принадлежала единоличным правителям, передал сенату и народу. Цезарь, раздраженный этим поступком, лишил Флавия и Марулла власти. В обвинительной речи он, желая оскорбить народ, много раз назвал их «брутами» и «киманцами».

LXII. ПОЭТОМУ народ обратил свои надежды на Марка Брута. С отцовской стороны он происходил, как полагали, от знаменитого древнего Брута, а по материнской линии — из другого знатного рода, Сервилиев, и был зятем и племянником Катона. Почести и милости, оказанные ему Цезарем, усыпили в нем намерение уничтожить единовластье. Ведь Брут не только был спасен Цезарем во время бегства Помпея при Фарсале и не только своими просьбами спас многих своих друзей, но и вообще пользовался большим доверием Цезаря. Брут получил в то время самую высокую из преторских должностей и через три года должен был быть консулом. Цезарь предпочел его Кассию, хотя Кассий тоже притязал на эту должность. По этому поводу Цезарь, как передают, сказал, что, хотя притязания Кассия, пожалуй, и более основательны, он, тем не менее, не может пренебречь Брутом. Когда уже во время заговора какие-то люди донесли на Брута, Цезарь не обратил на это внимания. Прикоснувшись рукой к своему телу, он сказал доносчику: «Брут повременит еще с этим телом!» — желая этим сказать, что, по его мнению, Брут за свою доблесть вполне достоин высшей власти, но стремление к ней не может сделать его неблагодарным и низким.

Люди, стремившиеся к государственному перевороту, либо обращали свои взоры на одного Брута, либо среди других отдавали ему предпочтение, но, не решаясь говорить с ним об этом, исписали ночью надписями судейское возвышение, сидя на котором Брут разбирал дела, исполняя обязанности претора. Большая часть этих надписей была приблизительно следующего содержания: «Ты спишь, Брут!» или «Ты не Брут!». Кассий, заметив, что эти надписи все более возбуждают Брута, стал еще настойчивее подстрекать его, ибо Кассий питал к Цезарю личную вражду в силу причин, которые мы изложили в жизнеописании Брута. Цезарь подозревал его в этом. «Как вы думаете, чего хочет Кассий? Мне не нравится его чрезмерная бледность»,— сказал он как-то друзьям. В другой раз, получив донос о том, что Антоний и Долабелла замышляют мятеж, он сказал: «Я не особенно боюсь этих длинноволосых толстя-

ков, а скорее — бледных и тощих», намекая на Кассия и Брута.

LXIII. НО, ПО-ВИДИМОМУ, то, что назначено судьбой, бывает не столько неожиданным, сколько неотвратимым. И в этом случае были явлены, как сообщают, удивительные знамения и видения: вспышки света на небе, неоднократно раздававшийся по ночам шум, спускавшиеся на форум одинокие птицы — обо всем этом, может быть, и не стоит упоминать при таком ужасном событии. Но, с другой стороны, философ Страбон пишет, что появилось много огненных людей, куда-то несущихся; у раба одного воина из руки извергалось сильное пламя — наблюдавшим казалось, что он горит, однако, когда пламя исчезло, раб оказался невредимым. При совершении самим Цезарем жертвоприношения у жертвенного животного не было обнаружено сердца. Это было страшным предзнаменованием, так как нет в природе ни одного животного без сердца. Многие рассказывают также, что какой-то гадатель предсказал Цезарю, что в тот день месяца марта, который римляне называют идами, ему следует остерегаться большой опасности. Когда наступил этот день, Цезарь, отправляясь в сенат, поздоровался с предсказателем и шутя сказал ему: «А ведь мартовские иды наступили!», на что тот спокойно ответил: «Да, наступили, но не прошли!»

За день до этого во время обеда, устроенного для него Марком Лепидом, Цезарь, как обычно, лежа за столом, подписывал какие-то письма. Речь зашла о том, какой род смерти самый лучший. Цезарь раньше всех вскричал: «Неожиданный!» После этого, когда Цезарь покоился на ложе рядом со своей женой, все двери и окна в его спальне разом растворились. Разбуженный шумом и ярким светом Луны, Цезарь увидел, что Кальпурния рыдает во сне, издавая неясные, нечленораздельные звуки. Ей привиделось, что она держит в объятиях убитого мужа. Другие, впрочем, отрицают, что жена Цезаря видела такой сон; у Ливия говорится, что дом Цезаря был по постановлению сената, желавшего почтить Цезаря, украшен фронтоном и этот фронтон Кальпурния увидела во сне разрушенным, а потому причитала и плакала. С наступлением дня она стала просить Цезаря, если возмож-

но, не выходить и отложить заседание сената; если же он совсем не обращает внимания на ее сны, то хотя бы посредством других предзнаменований и жертвоприношений пусть разузнает будущее. Тут, по-видимому, и в душу Цезаря вкрались тревога и опасения, ибо раньше он никогда не замечал у Кальпурнии суеверного страха, столь свойственного женской природе, теперь же он увидел ее сильно взволнованной. Когда гадатели после многочисленных жертвоприношений объявили ему о неблагоприятных предзнаменованиях, Цезарь решил послать Антония, чтобы он распустил сенат.

LXIV. В ЭТО ВРЕМЯ Децим Брут по прозванию Альбин (пользовавшийся таким доверием Цезаря, что тот записал его вторым наследником в своем завещании), один из участников заговора Брута и Кассия, боясь, как бы о заговоре не стало известно, если Цезарь отменит на этот день заседание сената, начал высмеивать гадателей, говоря, что Цезарь навлечет на себя обвинения и упреки в недоброжелательстве со стороны сенаторов, так как создается впечатление, что он издевается над сенатом. Действительно, продолжал он, сенат собрался по предложению Цезаря, и все готовы постановить, чтобы он был провозглашен царем внеиталийских провинций и носил царскую корону, находясь в других землях и морях; если же кто-нибудь объявит уже собравшимся сенаторам, чтобы они разошлись и собрались снова, когда Кальпурнии случится увидеть более благоприятные сны,— что станут тогда говорить недоброжелатели Цезаря? И если после этого кто-либо из друзей Цезаря станет утверждать, что такое положение вещей — не рабство, не тирания, кто пожелает прислушаться к их словам? А если Цезарь из-за дурных предзнаменований все же решил считать этот день неприсутственным, то лучше ему самому прийти и, обратившись с приветствием к сенату, отсрочить заседание. С этими словами Брут взял Цезаря за руку и повел. Когда Цезарь немного отошел от дома, навстречу ему направился какой-то чужой раб и хотел с ним заговорить; однако оттесненный напором окружавшей Цезаря толпы, раб вынужден был войти в дом. Он передал себя в распоряжение Кальпурнии и просил оставить его

в доме, пока не вернется Цезарь, так как он должен сообщить Цезарю важные известия.

LXV. АРТЕМИДОР из Книда, знаток греческой литературы, сошелся на этой почве с некоторыми лицами, участвовавшими в заговоре Брута, и ему удалось узнать почти все, что делалось у них. Он подошел к Цезарю, держа в руке свиток, в котором было написано все, что он намеревался донести Цезарю о заговоре. Увидев, что все свитки, которые ему вручают, Цезарь передает окружающим его рабам, он подошел совсем близко, придвинулся к нему вплотную и сказал: «Прочитай это, Цезарь, сам, не показывая другим,— и немедленно! Здесь написано об очень важном для тебя деле». Цезарь взял в руки свиток, однако прочесть его ему помешало множество просителей, хотя он и пытался много раз это сделать. Так он и вошел в сенат, держа в руках только этот свиток. Некоторые, впрочем, сообщают, что кто-то другой передал этот свиток Цезарю и что Артемидор вовсе не смог подойти к Цезарю, оттесняемый от него толпой во все время пути.

LXVI. ОДНАКО это, может быть, просто игра случая; но место, где произошла борьба и убийство Цезаря и где собрался в тот раз сенат, без всякого сомнения, было избрано и назначено божеством, это было одно из прекрасно украшенных зданий, построенных Помпеем, рядом с его театром; здесь находилось изображение Помпея. Перед убийством Кассий, говорят, посмотрел на статую Помпея и молча призвал его в помощники, несмотря на то, что не был чужд эпикурейской философии; однако приближение минуты, когда должно было произойти ужасное деяние, по-видимому, привело его в какое-то исступление, заставившее забыть все прежние мысли. Антония, верного Цезарю и отличавшегося большой телесной силой, Брут Альбин нарочно задержал на улице, заведя с ним длинный разговор. При входе Цезаря сенат поднялся с мест в знак уважения. Заговорщики же, возглавляемые Брутом, разделились на две части: одни стали позади кресла Цезаря, другие вышли навстречу, чтобы вместе с Туллием Кимвром просить за его изгнанного брата; с этими просьбами заговорщики провожали Цезаря до самого кресла. Цезарь, сев в крес-

ло, отклонил их просьбы, а когда заговорщики приступили к нему с просьбами, еще более настойчивыми, выразил каждому их них свое неудовольствие. Тут Туллий схватил обеими руками тогу Цезаря и начал стаскивать ее с шеи, что было знаком к нападению. Каска первым нанес удар мечом в затылок; рана эта, однако, была неглубока и несмертельна: Каска, по-видимому, вначале был смущен дерзновенностью своего ужасного поступка. Цезарь, повернувшись, схватил и задержал меч. Почти одновременно оба закричали: раненый Цезарь по-латыни — «Негодяй, Каска, что ты делаешь?», а Каска по-гречески, обращаясь к брату,— «Брат, помоги!» Непосвященные в заговор сенаторы, пораженные страхом, не смели ни бежать, ни защищать Цезаря, ни даже кричать. Все заговорщики, готовые к убийству, с обнаженными мечами окружили Цезаря: куда бы он ни обращал взор, он, подобно дикому зверю, окруженному ловцами, встречал удары мечей, направленные ему в лицо и в глаза, так как было условлено, что все заговорщики примут участие в убийстве и как бы вкусят жертвенной крови. Поэтому и Брут нанес Цезарю удар в пах. Некоторые писатели рассказывают, что, отбиваясь от заговорщиков, Цезарь метался и кричал, но, увидев Брута с обнаженным мечом, накинул на голову тогу и подставил себя под удары. Либо сами убийцы оттолкнули тело Цезаря к цоколю, на котором стояла статуя Помпея, либо оно там оказалось случайно. Цоколь был сильно забрызган кровью. Можно было подумать, что сам Помпей явился для отмщенья своему противнику, распростертому у его ног, покрытому ранами и еще содрогавшемуся. Цезарь, как сообщают, получил двадцать три раны. Многие заговорщики переранили друг друга, направляя столько ударов в одно тело.

LXVII. ПОСЛЕ убийства Цезаря Брут выступил вперед, как бы желая что-то сказать о том, что было совершено; но сенаторы, не выдержав, бросились бежать, распространив в народе смятение и непреодолимый страх. Одни закрывали дома, другие оставляли без присмотра свои меняльные лавки и торговые помещения; многие бегом направлялись к месту убийства, чтобы взглянуть на случившееся, многие бежали

уже оттуда, насмотревшись. Антоний и Лепид, наиболее близкие друзья Цезаря, ускользнув из курии, укрылись в чужих домах. Заговорщики во главе с Брутом, еще не успокоившись после убийства, сверкая обнаженными мечами, собрались вместе и отправились из курии на Капитолий. Они не были похожи на беглецов: радостно и смело они призывали народ к свободе, а людей знатного происхождения, встречавшихся им на пути, приглашали принять участие в их шествии. Некоторые, например Гай Октавий и Лентул Спинтер, шли вместе с ними и, выдавая себя за соучастников убийства, приписывали себе славу. Позже они дорого поплатились за свое хвастовство: они были казнены Антонием и молодым Цезарем. Так они и не насладились славой, из-за которой умирали, ибо им никто не верил, и даже те, кто подвергал их наказанию, карали их не за совершенный проступок, а за злое намерение.

На следующий день заговорщики во главе с Брутом вышли на форум и произнесли речи к народу. Народ слушал ораторов, не выражая ни неудовольствия, ни одобрения, и полным безмолвием показывал, что жалеет Цезаря, но чтит Брута. Сенат же, стараясь о забвении прошлого и всеобщем примирении, с одной стороны, назначил Цезарю божеские почести и не отменил даже самых маловажных его распоряжений, а с другой—распределил провинции между заговорщиками, шедшими за Брутом, почтив и их подобающими почестями; поэтому все думали, что положение дел в государстве упрочилось и снова достигнуто наилучшее равновесие.

LXVIII. ПОСЛЕ вскрытия завещания Цезаря обнаружилось, что он оставил каждому римлянину значительный подарок. Видя, как его труп, обезображенный ударами, несут через форум, толпы народа не сохранили спокойствия и порядка; они нагромоздили вокруг трупа скамейки, решетки и столы менял с форума, подожгли все это и таким образом предали труп сожжению. Затем одни, схватив горящие головни, бросились поджигать дома убийц Цезаря; другие побежали по всему городу в поисках заговорщиков, стараясь схватить их, чтобы разорвать на месте. Од-

нако никого из заговорщиков найти не удалось, все надежно укрылись в домах.

Рассказывают, что некто Цинна, один из друзей Цезаря, как раз в прошедшую ночь видел странный сон. Ему приснилось, что Цезарь пригласил его на обед; он отказался, но Цезарь, не слушая возражений, взял его за руку и повел за собой. Услышав, что на форуме сжигают тело Цезаря, Цинна направился туда, чтобы отдать ему последний долг, хотя он был полон страха из-за своего сна и его лихорадило. Кто-то из толпы, увидев его, назвал другому,— спросившему, кто это,— его имя; тот передал третьему, и тотчас распространился слух, что это один из убийц Цезаря. Среди заговорщиков действительно был некий Цинна — тезка этому. Решив, что он и есть тот человек, толпа кинулась на Цинну и тотчас разорвала несчастного на глазах у всех. Брут, Кассий и остальные заговорщики, страшно напуганные этим происшествием, через несколько дней уехали из города. Их дальнейшие действия, поражение и конец описаны нами в жизнеописании Брута.

LXIX. ЦЕЗАРЬ умер всего пятидесяти шести лет от роду, пережив Помпея немногим более чем на четыре года. Цезарю не пришлось воспользоваться могуществом и властью, к которым он ценой величайших опасностей стремился всю жизнь и которых достиг с таким трудом. Ему достались только имя владыки и слава, принесшая зависть и недоброжелательство сограждан. Его могучий гений-хранитель, помогавший ему в течение всей жизни, и после смерти не оставил его, став мстителем за убийство, преследуя убийц и гонясь за ними через моря и земли, пока никого из них не осталось в живых. Он наказал всех, кто хоть как-то был причастен либо к осуществлению убийства, либо к замыслам заговорщиков.

Из всех случайностей человеческой жизни самая удивительная выпала на долю Кассия. Потерпев поражение при Филиппах, он покончил с собой, заколовшись тем самым коротким мечом, которым убил Цезаря.

Из сверхъестественных же явлений самым замечательным было появление великой кометы, которая ярко засияла спустя семь ночей после убийства Цезаря

и затем исчезла, а также ослабление солнечного света. Ибо весь тот год солнечный свет был бледным, солнце восходило тусклым и давало мало тепла. Поэтому воздух был мутным и тяжелым, ибо у солнечной теплоты не хватало силы проникнуть до земли; в холодном воздухе плоды увядали и падали недозрелыми. Явление призрака Цезаря Бруту показало с особенной ясностью, что это убийство неугодно богам. Вот как все происходило. Брут намеревался переправить свое войско из Абидоса на другой материк. Как обычно, ночью он отдыхал в палатке, но не спал, а думал о будущем. Рассказывают, что этот человек менее всех полководцев нуждался в сне и от природы был способен бодрствовать наибольшее количество времени. Ему послышался какой-то шум около двери палатки. Осмотрев палатку при свете уже гаснувшей лампы, он увидел страшный призрак человека огромного роста и грозного на вид. Сначала Брут был поражен, а затем, как только увидел, что призрак бездействует и даже не издает никаких звуков, но молча стоит около его постели, спросил, кто он. Призрак отвечал: «Брут, я — твой злой дух. Ты увидишь меня при Филиппах». Брут бесстрашно отвечал: «Увижу» — и призрак тотчас же исчез. Спустя недолгое время Брут стоял при Филиппах со своим войском против Антония и Цезаря. В первом сражении он одержал победу, обратив в бегство стоявшую против него армию Цезаря, и во время преследования разорил его лагерь. Когда Брут задумал дать второе сражение, ночью к нему явился призрак; он ничего не сказал Бруту, но Брут понял, что судьба его решена, и бросился навстречу опасности. Однако он не пал в сражении; во время бегства своей армии он, как сообщают, поднялся на какой-то обрыв и, бросившись обнаженной грудью на меч, который подставил ему кто-то из друзей, скончался.

ДЕМОСФЕН И ЦИЦЕРОН

ДЕМОСФЕН

I. СОЧИНИВШИЙ хвалебную песнь Алкивиаду по случаю его победы на колесничных бегах в Олимпии — был ли то Еврипид, как считает большинство, или кто-нибудь другой — утверждает, что для полного счастья необходимо прежде всего иметь отечеством «град знаменитый и славный». А я полагаю, Сосий, что для того, кто стремится к подлинному счастью, которое зависит в основном от душевного склада и образа мыслей, то, что он родился в неприметном

маленьком городке, столь же несущественно, как если бы мать его было малоросла и некрасива. Смешно, в самом деле, думать, что Иулида, крохотная часть небольшого острова Кеос, или Эгина, которую кто-то из афинян требовал удалить как «бельмо с глаза Пирея», хороших актеров и поэтов рождает, но справедливого, умеющего довольствоваться малым, разумного и великодушного человека произвести на свет не может. Другие искусства, возникшие как способ зарабатывать богатство и славу, в неприметных, маленьких городках, может, и впрямь хиреют, но добродетель, словно выносливое, неприхотливое растение, пускает корни всюду, где находит врожденную порядочность и дух трудолюбия. А потому, если в чем-то наши мысли и поступки не совсем безупречны, то винить за это по справедливости будем себя, а не скромные размеры своего отечества.

II. ПРАВДА, кто взялся за исторические изыскания, для которых требуется перечитать не только легкодоступные, отечественные, но и множество иноземных, рассеянных по чужим краям сочинений, тому действительно необходим прежде всего «град знаменитый и славный», просвещенный и многолюдный: только там, имея в изобилии всевозможные книги, а то, что ускользнуло от внимания писавших, но явно подтверждается устным преданием, собирая по слухам и разыскивая путем расспросов, он сможет издать свой труд с наименьшим числом погрешностей и пробелов. Что до меня, то я живу в небольшом городке и, чтобы не сделать его еще меньше, собираюсь в нем жить и дальше, а когда бывал в Риме и других местах Италии, то государственные дела и ученики, приходившие ко мне заниматься философией, не оставляли мне досуга, чтобы упражняться в языке римлян, и потому слишком поздно, уже на склоне лет, я начал читать римские книги. И — удивительное дело, но это правда — со мною случилось вот что: не столько из слов приходилось мне узнавать их содержание, сколько, наоборот, по содержанию, о котором так или иначе я имел уже некоторое представление, улавливать значение самих слов. Конечно, прочувствовать красоту римского слога, его сжатость, обилие метафор и стройность — словом все, чем украшается речь, —

мне кажется делом интересным и не лишенным приятности, но оно требует нелегкого труда и упорных занятий и под силу лишь тем, у кого больше свободного времени и чьи годы еще не препятствуют такого рода стремлениям.

III. ВОТ ПОЧЕМУ в этой, пятой по счету, книге сравнительных жизнеописаний, повествуя о Демосфене и Цицероне, их нрав и образ мысли мы будем изучать и сопоставлять по их поступкам и государственной деятельности, но сравнивать речи, чтобы решить, кто из них говорил внушительнее или приятнее, не беремся. Не то и мы попали бы в положение, о котором Ион сказал: «Дельфин на суше неуклюж» — слова, коих самонадеянный Цецилий не знал, иначе бы не отважился выпустить в свет сравнение Демосфена с Цицероном. Потому и приписывают божеству изречение «Познай самого себя», что мало кто умеет следовать ему.

Демосфена и Цицерона божество, похоже, с самого начала лепило по одному образцу: не только характеру их оно придало множество сходных черт, таких, например, как честолюбие и преданность гражданским свободам, малодушие перед лицом войн и опасностей, но примешало к этому и немало случайных совпадений. Трудно, мне кажется, найти других двух ораторов, которые, будучи людьми простыми и незнатными, добились славы и могущества, вступили в борьбу с царями и тиранами, лишились дочерей, были изгнаны из отечества, но с почестями вернулись, снова бежали, но были схвачены врагами и простились с жизнью тогда же, когда угасла свобода их сограждан. И если бы характер и случай, словно художники, вступили между собой в состязание, трудно было бы рассудить, кто придал этим двум мужам больше сходства — то ли чертами нрава тот, то ли жизненными обстоятельствами этот. Но рассказать надо сперва о том, который жил раньше.

IV. ОТЕЦ Демосфена, Демосфен, принадлежал, как сообщает Теопомп, к числу уважаемых и состоятельных граждан, а прозвище «Ножовщик» носил потому, что владел большой мастерской, где особо обученные рабы изготовляли мечи и ножи. Что же касается его матери, то оратор Эсхин уверяет, что отец ее был нек-

то Гилон, который бежал из Афин, спасаясь от обвинения в государственной измене, а мать — даже не эллинка, но правду ли он говорит или злословит и клевещет, установить мы не можем. В семилетнем возрасте Демосфен потерял отца, унаследовав большое состояние (общая стоимость его имущества достигала почти пятнадцати талантов), но опекуны с ним обошлись нечестно: часть наследства они расхитили, остальное же оставили совершенно без надзора, так что даже учителям его жалованье выплачивалось не полностью. Именно поэтому он, кажется, не получил воспитания, какое полагалось бы благородному мальчику, а также из-за хрупкого, нежного телосложения, так как мать оберегала его от физических упражнений, а дядьки-наставники к этому не принуждали. С самого детства он был хилым и болезненным, за что от сверстников, издевавшихся над его внешностью, получил позорную кличку «Батал». Батал, как уверяют некоторые, был женоподобный флейтист, и Антифан даже написал пьеску, в которой зло высмеял его. Другие упоминают Батала, как поэта, сочинителя застольных песенок непристойного содержания. Существует, наконец, мнение, что «баталом» в тогдашнем аттическом наречии называлась одна не совсем удобопроизносимая часть тела. «Аргасом» же — а было у него и такое прозвище — Демосфена прозвали либо за угрюмый и желчный нрав (у некоторых поэтов слово «аргас» употребляется в значении «змея»), либо за хриплый, неблагозвучный голос (известен поэт по имени Аргас, сочинитель скверных, тяжеловесных стихов). Впрочем, довольно об этом.

V. УВЛЕЧЕНИЕ красноречием у Демосфена началось, говорят, вот с чего. Оратор Каллистрат готовился выступать в суде по делу об Оропе, и этого выступления все ждали с большим нетерпением, ибо оратор он был весьма сильный, к тому же в расцвете славы, да и само дело было очень уж громкое. Услыхав, как учителя и дядьки сговариваются пойти на судебное слушание, Демосфен мольбами и просьбами добился от своего дядьки, чтобы он взял его с собой. А тот был в приятельских отношениях с прислужниками, которые ведали ключами от судебных помещений, и раздобыл место, откуда мальчик, никем не за-

меченный, мог бы слушать выступавших. Каллистрат блестяще выиграл дело, стяжав всеобщее восхищение, и Демосфен позавидовал его славе, видя, как толпа с восторженными восклицаниями провожает победителя домой, но еще больше поразился силе слова, которое, как он ясно понял, способно пленять и покорять решительно всех. С тех пор, забросив все остальные занятия и детские игры, он стал усердно упражняться в произнесении речей, надеясь со временем сделаться настоящим оратором. В наставники себе он выбрал Исея, хотя в то время еще преподавал Исократ,— то ли, как считают некоторые, оттого, что по причине сиротства не в состоянии был уплатить Исократу положенные десять мин, или же, вероятнее, потому, что для практических целей более пригодным считал красноречие Исея, действенное и изощренное. А Гермипп утверждает, что нашел записки неизвестного автора, где написано, что Демосфен был слушателем Платона и своим красноречием обязан главным образом ему. Тот же Гермипп, ссылаясь на Ктесибия, уверяет, что Демосфен досконально изучил руководства Исократа и Алкидаманта, тайком заполучив их от сиракузянина Каллия и некоторых других.

VI. КАК БЫ то ни было, едва достигнув совершеннолетия, Демосфен привлек своих опекунов к суду, а так как всевозможными увертками они ухитрялись каждый раз обжаловать приговор, писал против них речи одну за другой до тех пор, пока, закалившись, как выразился Фукидид, среди трудов и опасностей, не выиграл процесс. И хотя взыскать с них не удалось даже ничтожной доли отцовского наследства, он приобрел смелость и изрядный опыт в речах, а главное, вкусив славы и могущества, приобретаемых участием в публичных прениях, принял твердое решение выступить в Народном собрании и заняться государственной деятельностью. Рассказывают, что орхоменцу Лаомедонту, чтобы вылечить больную селезенку, пришлось помногу бегать, следуя совету врачей, и он настолько развил в себе эту способность, что стал участвовать даже в таких состязаниях, наградой за которые служит венок, и сделался одним из величайших бегунов. Так и Демосфену пришлось взяться за красноречие случайно, только затем, чтобы вернуть себе

имущество, но со временем он достиг в этом такого мастерства и силы, что уже и в прениях по государственным вопросам, словно в состязании за венок, превзошел всех сограждан, подвизавшихся на ораторском возвышении. Тем не менее его первое выступление народ встретил недовольными выкриками и насмешками над нелепым построением речи: ее периоды казались запутанными, а доказательства — неестественными и натянутыми. К этому добавлялись некоторая слабость голоса, неясное произношение и прерывистое дыхание, создававшее паузы между периодами и затемнявшее смысл произносимого. Кончилось тем, что Демосфен покинул Собрание, и когда он, подавленный, бродил по Пирею, его заметил Эвном из Трии, в то время уже совсем глубокий старик, и разбранил за то, что, красноречием почти не уступая Периклу, из малодушия и слабоволия он губит себя тем, что робеет перед толпой и вместо того, чтобы готовить свое тело к состязаниям, позволяет ему увядать от безделья.

VII. РАССКАЗЫВАЮТ, что однажды, после очередного провала, он возвращался домой, глубоко переживая неудачу, с закутанным от стыда лицом, и встретил актера Сатира, своего близкого друга, а тот вызвался его проводить. Демосфен стал ему жаловаться, что из всех ораторов он самый трудолюбивый, что растратил чуть ли не все свое здоровье и тем не менее его народ не жалует: в то время как пьяниц, матросов и невежд охотно слушают, не прогоняя с возвышения, его и знать не хотят. «Верно, Демосфен! — отвечал Сатир.— Но я быстро помогу твоей беде, если ты не откажешься прочитать мне наизусть что-нибудь из Еврипида или Софокла». После того как Демосфен прочитал, Сатир продекламировал тот же отрывок, но так выразительно и живо, что Демосфену он показался совершенно другим. Убедившись, сколько красоты и изящества придает речи такая игра, он понял, что упражнения мало что дают или даже вовсе бесполезны тому, кто пренебрегает произношением и мастерством исполнения. Тогда он устроил под землею особое помещение, которое, кстати, сохранилось до наших дней, и ежедневно, ни на что не отвлекаясь, спускался туда отрабатывать сценические приемы и

укреплять голос, а нередко проводил там по два и по три месяца подряд, наполовину обрив себе голову, чтобы от стыда невозможно было показаться на людях, даже если сильно захочется.

VIII. МАЛО того — даже случайные встречи, беседы, деловые переговоры он использовал как повод и предлог для того, чтобы хорошенько поработать. Оставшись один, он поскорее спускался в свое подземелье и повторял весь разговор с начала до конца со всеми относящимися к делу доводами. Те речи, которые ему приходилось слышать, он тщательно изучал, по памяти восстанавливая ход рассуждений и периоды: к словам, ему сказанным кем-то другим или своим собственным, он придумывал всевозможные поправки и способы выразить те же мысли иначе. Отсюда возникло мнение, что от природы Демосфен был малоодарен, но все мастерство свое и умение приобрел тяжким трудом. Вот что, казалось бы, подтверждало это со всей очевидностью: нелегко было услышать Демосфена выступающим без подготовки, и, даже когда народ вызывал его, сидевшего в Собрании, по имени, требуя выступить, он не вставал с места, если не обдумал и не приготовил речь заранее. За это многие ораторы издевались над ним, а Пифей однажды сострил, что от рассуждений Демосфена пахнет фитилем, на что Демосфен ядовито заметил: «Зато тебе светильник служит для другой цели!». В разговорах с другими, впрочем, он полностью этого не отрицал, признавая, что хотя и не пишет всей речи целиком, совсем без предварительных набросков все же не выступает. При этом он заявлял, что тот, кто готовит речи заранее, по-настоящему предан народу, что в этом и состоит служение ему, а проявлять равнодушие к тому, как воспримет речь большинство,— значит сочувствовать олигархии и рассчитывать больше на насилие, чем на убеждение. Что без подготовки Демосфен выступать не отваживался, доказывают еще и тем, что, когда, крики слушателей приводили его в замешательство, Демад нередко брал слово, чтобы выручить его, а вот он Демаду не помог ни разу.

XI. НО ТОГДА почему — могут спросить — даже Эсхин, издеваясь над Демосфеном, все же называл его «на редкость отважным оратором»? Почему он один

встал, чтобы дать отпор Пифону Византийскому, когда тот «изрыгал на афинян потоки угроз и оскорблений»? Или когда Ламах Миринейский в Олимпии произносил хвалебное слово царям Александру и Филиппу, где жестоко поносил граждан Фив и Олинфа, разве не он, поднявшись с места, подробно, на многочисленных примерах показал, сколько прекрасного для Эллады сделали фиванцы и халкидяне, и, наоборот, сколько зла причинили ей македонские прихвостни, при этом так распалил присутствующих, что, испугавшись криков толпы, софист постарался незаметно исчезнуть? Вероятно, Демосфен полагал, что прочие достоинства Перикла ему не очень нужны, зато важность его, невозмутимое спокойствие, привычку высказываться не по любому поводу, не сразу и не обо всем стремился перенять, считая, что именно это придавало Периклу величие, а потому, хотя и не пренебрегал совершенно славою сиюминутных речей, все же неохотно и нечасто полагался на волю случая. Тем не менее и отвага, и дерзость его речам были присущи, но не столько в записи, сколько при исполнении, если, конечно, верить Эратосфену, Деметрию Фалерскому и сочинителям комедий. Эратосфен, например, утверждает, что во время выступлений его часто охватывало как бы вакхическое неистовство; Деметрий рассказывает, как однажды, обращаясь к народу, он, словно одержимый божеством, обычные слова клятвы продекламировал стихами:

Клянусь землей, клянусь речными водами! —

а из комиков один его обзывает «болтунопустомелею», другой же, высмеивая его любовь к антитезам, говорит:

Наконец-то получил я то, что потерял давно,
и притом не «как подарок», но «как свою собственность».
— Ну, браток, ты выражаться стал горазд, как Демосфен!

Впрочем, повод к этой остроте Антифана дает, похоже, только речь о Галоннесе, где Демосфен советует афинянам принять этот остров не «как подарок» от Филиппа, но «как свое законное владение».

X. И ВСЕ ЖЕ Демад, опиравшийся на одну только силу дарования, по общему признанию, был непобе-

дим и, выступая без подготовки, явно превосходил Демосфена с его обдуманными и заученными речами. Так, Аристон Хиосский приводит слова Теофраста об этих ораторах. На вопрос, каков, по его мнению, Демосфен как оратор, он ответил: «Достоин своего города», а Демад — «Превосходит свой город». Тот же философ сообщает, что Полиевкт Сфеттиец, один из видных в то время афинских государственных деятелей, считал величайшим оратором Демосфена, но самым мощным — Фокиона, ибо наименьшим количеством слов тот выражал наибольшее богатство мысли. Да и сам Демосфен, всякий раз, как Фокион всходил на ораторское возвышение, чтобы выступить с возражениями, говорил, обращаясь к друзьям: «Вот она, гроза моих речей!» Не совсем ясно, правда, чего, собственно, опасался Демосфен: то ли силы красноречия этого мужа, то ли его образа жизни и безупречной репутации, понимая, что одно слово, один кивок человека, который пользуется доверием, весит больше, чем великое множество пространных периодов.

XI. ФИЗИЧЕСКИЕ недостатки свои он старался преодолеть упражнениями, о которых рассказывает Деметрий Фалерский, уверяя, что слышал это от самого Демосфена, уже глубокого старика. Невнятный, шепелявый выговор он пытался исправить тем, что, набравши в рот камешков, старался ясно и отчетливо читать отрывки из поэтов; голос укреплял тем, что разговаривал на бегу или, поднимаясь в гору, произносил, не переводя дыхания, стихи или какие-нибудь длинные фразы. Дома у него было большое зеркало, стоя перед которым он упражнялся в декламации. Рассказывают, что однажды к Демосфену пришел человек и попросил выступить на суде в его защиту, рассказав, что его избили. «Но ты ведь не пострадал от этого!» — сказал ему Демосфен. «Ничего себе — не пострадал!» — вскричал тот человек во весь голос. «Вот теперь,— ответил он,— я действительно слышу оскорбленного и пострадавшего». Вот сколько убедительности, считал он, словам придают тон и манера исполнения. Его собственное исполнение приводило большинство слушателей в восторг, но утонченные знатоки, в том числе и Деметрий Фалерский, находили его жалким, плоским и невыразительным. Эсион же,

как сообщает Гермипп, когда его спросили о древних и современных ему ораторах, ответил, что, если бы удалось послушать древних, нельзя было бы не поразиться тому, как красноречиво и торжественно они говорили с народом, но речи Демосфена, если их читать, несравненно лучше отделаны и отличаются большей силой. В записанном виде его речи — что и говорить — весьма суровы и резки, но и в случайных ответах он умел крепко съязвить. Демад однажды воскликнул: «Меня поучает, и кто? Демосфен! Свинья — Афину!»— «Эту самую Афину,— ответил он,— позавчера в Коллите поймали в чужой постели». Когда известный вор по кличке Железяка и тот пытался сострить насчет его бессонных ночей и работы при свете лампы,— «Знаю, знаю,— сказал Демосфен,— тебя огорчает, что ночью у меня в доме горит светильник. Зато вы, граждане афинские, не удивляйтесь кражам: воры у нас железные, а стены глинобитные». На этом, пожалуй, мы остановимся, хотя еще много чего могли бы порассказать в том же роде. Теперь его нрав и черты характера можно рассмотреть и с другой стороны, по его поступкам и государственной деятельности.

XII. В ГОСУДАРСТВЕННЫХ делах он стал принимать участие вскоре после начала Фокидской войны, как утверждает он сам и как можно заключить из его же речей против Филиппа, из которых одни написаны уже после того, как с фокидянами было покончено, другие же, самые ранние, касаются событий, непосредственно с этим связанных. Кроме того, когда он готовился выступить с обвинением против Мидия, ему было всего тридцать два года, и ясно, что как государственный деятель в то время он еще не имел ни веса, ни влияния. Именно этого, мне кажется, он и опасался, а потому решил принять от Мидия деньги и помириться с ним,

ибо не кроткий то был человек и не мягкосердечный,

но решительный и умеющий за себя постоять. Видя, что свалить Мидия с его богатством, красноречием и большими связями будет очень трудно, он уступил тем, кто просил за него. А три тысячи драхм сами по себе, мне кажется, не смягчили бы гнев Демосфена, если бы он надеялся и мог выиграть дело. Предметом

своей государственной деятельности избрав защиту эллинов против Филиппа и с честью подвизаясь на этом славном поприще, он быстро стяжал славу и приобрел такую известность своим красноречием и прямодушием, что им восхищалась вся Эллада, его расположения искал сам великий царь, а при дворе Филиппа с ним считались, как ни с каким другим оратором, и даже враги его признавали, что имеют дело с достойным противником. По крайней мере так отзываются о нем в своих обвинительных речах Эсхин и Гиперид.

XIII. И Я НЕ ПОНИМАЮ, отчего Теопомпу вздумалось утверждать, будто он отличался непостоянством и не способен был долго хранить верность одному и тому же делу, одним и тем же людям. Совершенно ведь ясно, что он до конца держался того направления в политике, которое выбрал вначале, что не только не менял своих убеждений в течение всей жизни, но и самой жизнью пожертвовал, чтобы им не изменить. Не таков он был, как Демад, который, оправдывая перемены своего мнения, говорил, что себе он противоречит часто, но отечеству никогда, или как Меланоп, который выступал против Каллистрата, но, не раз подкупленный им, брал назад свои предложения и говорил народу в таких случаях: «Каллистрат мне враг, но благо государства важнее», или как Никодем из Мессены, который защищал интересы Кассандра, а потом переметнулся на сторону Деметрия, говоря, что не совершает этим измены, ибо служить всегда нужно тому, кто сильнее. Нет, никогда ни словом, ни делом Демосфен не сворачивал и не уклонялся с намеченного пути, но, напротив, как бы в одном, неизменном ключе звучала вся его государственная деятельность, постоянно настроенная на один и тот же лад. Философ Панетий считает, что и речи его в большинстве своем пронизаны той мыслью, что нравственно прекрасное — и только оно — заслуживает предпочтения: таковы речи «О венке», «Против Аристократа», «За освобождение от повинностей», «Филиппики», в которых он зовет сограждан не к тому, что приятнее всего, или легче, или выгодней, а, наоборот, неоднократно высказывается в том смысле, что даже собственную безопасность и благополучие они должны ста-

вить на второе место, после нравственно прекрасного и достойного. И если бы к высоте своих помыслов и благородству речей он прибавил еще воинское мужество и полное бескорыстие, то заслуживал бы чести быть поставленным в один ряд не с современными ему ораторами Мероклом, Полиевктом и Гиперидом, но с древними — Кимоном, Фукидидом и Периклом.

XIV. СРЕДИ его современников Фокион хоть и вызывал нарекания как государственный деятель, ибо считался сторонником Македонии, однако мужеством и справедливостью, по общему признанию, не уступал Эфиальту, Аристиду и Кимону. Демосфен же, «в доспехах не отличившийся», как выражается Деметрий, и в отношении взяток не вполне безупречный (для звонкой монеты из Македонии, от Филиппа, он был неприступен, а вот потоку восточного золота, из Экбатан и Суз, позволил себя целиком затопить), красноречиво восхвалял добродетели предков, но куда хуже им подражал. И все же современных ему ораторов — только для Фокиона я делаю исключение — он далеко превосходил безукоризненностью репутации. Ясно и то, что с народом он говорил как никто другой смело и откровенно, сопротивляясь прихотям толпы и прямо-таки мертвой хваткой вцепляясь в ее промахи и заблуждения,— это видно по его речам. Теопомп рассказывает, как однажды афиняне требовали, чтобы он взял на себя роль обвинителя в каком-то процессе, но он отказался, а когда они возмущенно зашумели, встал и произнес такие слова: «Советчиком для вас, граждане афинские, я буду всегда, даже если вы этого не захотите, но доносчиком — ни за что, даже если вы этого пожелаете!» Крайним сторонником аристократии он показал себя и в деле Антифонта: хотя Собрание Антифонта оправдало, Демосфен его взял под стражу, привлек к суду Ареопага и, не считаясь с тем, что наносит народу оскорбление, доказал, что обвиняемый обещал Филиппу поджечь корабельные верфи, после чего подсудимый решением Ареопага был казнен. Привлек он к суду и жрицу Теориду, обвинив ее, помимо множества других нечестивых действий, еще и в том, что рабов она обучала искусству вводить в обман хозяев, и, требуя для нее смертного приговора, добился этой казни.

XV. ГОВОРЯТ, что и речь против полководца Тимофея, благодаря которой Аполлодор с него взыскал через суд долги, написал для Аполлодора Демосфен, равно как и речи против Формиона и Стефана, чем навлек на себя заслуженные упреки. Ведь и Формион выступал против Аполлодора с речью, составленной Демосфеном, который, ну прямо как ловкий торговец, из одной оружейной лавки продавал кинжалы для обеих враждующих сторон. Из речей, касающихся государственных дел, речи против Андротиона, Тимократа и Аристократа он написал для других, ибо в то время еще не приступал к государственной деятельности: полагают, что ему было только двадцать семь или двадцать восемь лет, когда он опубликовал их. А вот речь против Аристогитона он произнес сам, так же как и речь «Об освобождении от повинностей», с которой выступил ради сына Хабрия Ктесиппа, как уверяет он сам, или, как полагают некоторые, потому, что ухаживал за матерью этого молодого человека. Впрочем, их брак так и не состоялся, а женился он на уроженке Самоса, как сообщает Деметрий Магнесийский в сочинении «О соименниках». Что касается речи против Эсхина «О преступном посольстве», то неизвестно, была ли она произнесена вообще. Идоменей утверждает, что Эсхин был оправдан большинством всего в тридцать голосов, но едва ли это было так, если судить по речам обоих противников «О венке»: ведь ни тот, ни другой не упоминает свою распрю в таких выражениях, из которых было бы ясно, что дело дошло до суда. Однако другие рассудят об этом лучше меня.

XVI. ПОЛИТИЧЕСКИЕ убеждения Демосфена проявились вполне ясно еще во время мира, ибо ни одно действие македонского царя он не оставлял без нападок, но, напротив, каждый его шаг использовал для того, чтобы будоражить афинян и разжигать в них ненависть к этому человеку. Потому и при дворе Филиппа ни с кем так не считались, как с ним, и, когда в составе посольства из десяти человек он прибыл в Македонию, Филипп выслушал их всех, но, отвечая, возражал прежде всего Демосфену. Правда, в остальном он держался с Демосфеном менее учтиво, а знаки внимания оказывал главным образом Эсхину и Фи-

лократу. Поэтому, когда они расточали хвалы Филиппу,— он, дескать, и говорить мастер, и собою хорош, и — видит Зевс! — с друзьями выпить горазд,— Демосфен, побуждаемый завистью, съязвил, что, мол, первое хорошо для софиста, второе — для женщины, третье — для губки, но для царя не похвально ни одно.

XVII. КОГДА война стала неизбежной, когда и Филипп больше не мог бездействовать и афиняне, подстрекаемые Демосфеном, ожесточались все больше, для начала он призвал сограждан отправиться походом на Эвбею, порабощенную Филиппом через дружественных ему тиранов; именно он внес предложение, следуя которому афиняне переправились на остров и очистили его от македонян. Далее, когда македонский царь начал войну против Византия и Перинфа, Демосфен встал на их защиту, убедив народ не питать к ним вражды, забыть их провинность, связанную с Союзнической войной, и послать в помощь войско, благодаря которому оба города оказались спасены. Затем, в качестве посла разъезжая по городам и произнося пламенные речи, почти всех эллинов он вовлек в союз против Филиппа, так что, помимо гражданского ополчения, удалось навербовать пятнадцать тысяч пехотинцев и две тысячи всадников, причем деньги на жалованье этим наемникам вносились охотно и беспрекословно. Именно тогда произошел случай, о котором рассказывает Теофраст: союзники требовали установить точные размеры их взносов, на что афинский оратор Кробил ответил: «Пайком войну не прокормишь». Вся Эллада затаив дыхание следила за тем, как разворачиваются события, и хотя к союзу примкнули уже многие народы и города — эвбейцы, ахейцы, коринфяне, мегарцы, левкадийцы и керкиряне, самое трудное испытание Демосфена ожидало впереди: ему предстояло привлечь к союзу фиванцев, которые населяли страну, непосредственно граничащую с Аттикой, обладали огромной боевой мощью и в военном отношении тогда не имели себе равных среди эллинов. Нелегко было изменить настроение фиванцев, которых еще недавно Филипп расположил к себе услугами, оказанными им в ходе Фокидской войны, но

больше всего этому препятствовали пограничные споры, постоянно приводившие оба города к военным стычкам между собой.

XVIII. ТЕМ НЕ МЕНЕЕ, когда Филипп, гордый своим успехом при Амфиссе, внезапным ударом захватил Элатею и занял Фокиду, когда афиняне настолько были растеряны и подавлены страхом, что никто из них не решался подняться на ораторское возвышение, не зная, что предложить, среди всеобщего замешательства и молчания один Демосфен выступил с предложением заручиться поддержкой фиванцев; ободрив, как он это обычно делал, народ и воодушевив его надеждой, он вместе с другими был отправлен в Фивы в качестве посла. Но и Филипп, чтобы помешать афинскому посольству, послал туда, как сообщает Марсий, македонян Аминта и Клеарха, фессалийца Даоха и Фрасидея. В чем состоит их польза, фиванцам самим было ясно, но у каждого из них еще свежа была память об ужасах войны и фокидские раны еще не зажили. Однако сила Демосфенова красноречия, по словам Теопомпа, воспламенила их дух, разожгла честолюбие и затмила все прочие соображения настолько, что, забыв и страх, и осторожность, и благодарность, в порыве божественного исступления они устремились к доблести и чести. Столь неотразимое впечатление произвел на всех этот подвиг оратора, что Филипп тотчас послал вестников с просьбой о мире, и вся Эллада единодушно воспрянула, с надеждою глядя в будущее, а Демосфену повиновались, выполняя его указания, не только стратеги, но и беотархи, в Народном же собрании фиванцев тогда он главенствовал ничуть не меньше, чем в афинском, и, окруженный любовью тех и других, единолично управлял ими, ни в чем не нарушая справедливости, несмотря на свое высокое положение, но, напротив, как свидетельствует Теопомп, в высшей степени безупречно.

XIX. НО, ПОХОЖЕ, сама роковая судьба выбрала этот миг в круговороте событий, чтобы положить конец свободе Эллады, и, противодействуя усилиям Демосфена, предвещала будущее множеством зловещих предзнаменований: ужасающие пророчества изрекала

Пнфня, и многне вспомнналн древннй Снвнллнн оракул:

О, еслн б мог нзбежать я резнн на брегах Термодонта,
дабы взнрать на нее, как орел, нз заоблачной высн!
Плач и рыдания ждут побежденных, но смерть — победнвшнх.

Термодонт, как утверждают некоторые,— это небольшая речка у нас, близ Херонеи, и впадает она в Кефнс. Мы, однако, не знаем ни одного потока, который носнл бы ныне такое названне, н полагаем поэтому, что Термодонтом тогда называли речку, которая сейчас именуется Гемоном: ведь она протекает возле святилнща Геракла, в том месте, где эллнны разбилн свой лагерь, и из этого мы заключаем, что после бнтвы река оказалась настолько переполненной кровью и трупамн, что это названне получила вместо прежнего. Дурнд, впрочем, уверяет, что Термодонт вовсе не река, а что, устанавлнвая палатку и копая для этого землю, кто-то обнаружил каменную статуэтку, которая, как гласнла надпнсь на ней, изображала Термодонта, несущего на руках раненую амазонку. Но в связи с этнм, говорят, вспомнналн н другой оракул, гласнвший:

Здесь, у брегов Термодонта, жди битвы, зловещая птица!
Много в пожнву тебе человечьей достанется плотн.

XX. ТАК ЧТО рассуднть, как обстояло дело в действнтельности, нелегко. Между тем Демосфен, пренсполненный надежд на эллннское оружне, воодушевленный отвагой и рвением столькнх мужей, смело бросающих вызов врагу, прнзывал не обращать внимания на оракулы и не слушать прорицаннй, а Пнфню даже обвинял в сговоре с Фнлнппом; фиванцам он указывал на Эпамннонда и афинянам на Перикла, которые счнтали подобные вещи лншь благовндным оправданием трусостн, а руководствовались всегда только здравым смыслом. Вплоть до этого временн Демосфен держался как доблестный муж, а вот в бнтве ннкакой доблести, ннчего, что соответствовало бы его речам, он не проявнл, но, напротив, постыднейшим образом покннул строй и бежал, броснв оружне, даже не устыднвшнсь, по словам Пифея, надпнсн на своем щите, где золотымн буквамн было начертано: «В добрый

час!» Ну, а Филипп, одержав победу, впал в такое буйное ликование, что прямо с попойки отправился на поле битвы, где расхаживал среди трупов, распевая начальные слова Демосфенова законопроекта, деля их на стопы и притопывая в такт ногою:

Демосфен, сын Демосфена, пеаниец, предложил.

Протрезвев, однако, и осознав всю величину угрожавшей ему опасности, Филипп ужаснулся дарованию и могуществу оратора, который вынудил его за какую-то ничтожную долю дня поставить на карту не только власть свою, но и самую жизнь. Слухи об этом достигли и персидского царя, и тот отправил сатрапам приморских областей письмо с приказом снабжать Демосфена деньгами и уделять ему из всех эллинов наибольшее внимание как человеку, который способен отвлекать македонского царя и удерживать его волнениями в Элладе. Обо всем этом стало известно позднее, благодаря Александру, который в Сардах обнаружил письма Демосфена и донесения царских полководцев, где были указаны выданные ему суммы. **XXI.** А ТОГДА, пользуясь несчастьем, постигшим эллинов, враждебные Демосфену ораторы спешили втоптать его в грязь, обвиняя в государственных преступлениях и недобросовестном исполнении должностных обязанностей. Народ же не только освободил его от обвинений, но по-прежнему оказывал ему всевозможные почести, приглашая, как человека надежного, на высшие должности, и даже поручил ему, когда из-под Херонеи доставлен был для погребения прах погибших, произнести похвальное слово этим мужам; не с малодушием и унынием переносил народ случившееся, как напыщенно повествует Теопомп, но, напротив, чествуя своего советчика, показывал, что не жалеет о принятом решении. Похвальное слово Демосфен произнес, но, страшась своей роковой судьбы и злого гения, законопроекты с тех пор вносил не от своего имени, но через своих друзей, пока наконец не приободрился вновь в связи со смертью Филиппа. А погиб Филипп вскоре после своей победы при Херонее, пережив ее совсем ненадолго. Это, видимо, и пророчил в последнем стихе оракул:

Плач и рыдания ждут побежденных, но смерть — победивших.

XXII. О ТОМ, что скончался Филипп, Демосфена известили тайком, и, чтобы первым внушить согражданам веру в будущее, с веселым лицом он явился в Совет и сообщил, что видел сон, который предвещает афинянам великое благо, а вскоре прибыли и гонцы с вестью о смерти Филиппа. Радостную новость народ постановил немедля отпраздновать торжественными жертвоприношениями, а Павсания наградить венком. Демосфен ради такого случая появился на людях в белоснежном плаще, покрыв голову венком, хотя не прошло и семи дней после смерти его дочери, как говорит Эсхин, осыпая его за это бранью и обвиняя в ненависти к собственному ребенку, но если в скорби и причитаниях он видит признаки нежно любящей, благородной души, а самообладание и умение сдержанно переносить столь тяжкую утрату отвергает как что-то негодное, то этим только показывает, насколько он сам слаб и безволен. Я бы не сказал, что хорошо было со стороны афинян возлагать на себя венки и приносить жертвы по случаю смерти царя, который с ними, побежденными, обошелся так мягко и человеколюбиво; считаю предосудительным и даже подлым — живого осыпать почестями, даровать ему гражданство, а после того, как он пал от руки убийцы, не скрывая радости, пинать его, мертвого, и распевать победные гимны, так, будто они сами свершили сей доблестный подвиг. А то, что Демосфен свое семейное горе, слезы и причитания оставил женщинам, а сам поступил так, как считал полезным для государства, я одобряю и полагаю, что настоящий муж, а тем паче государственный деятель должен всегда стремиться к общему благу, от своих личных забот и переживаний отказываясь в пользу общественных, и эту репутацию свою беречь гораздо строже, чем актеры в роли царей и тиранов, которые тоже смеются и плачут на сцене не по своему настроению, а только в тех случаях, когда этого требует действие пьесы. Наконец, если в беде человек вообще имеет право на сочувствие, если убитого горем и безутешного необходимо успокаивать разговорами, наводя его мысли на что-нибудь приятное, так же как страдающему глазной болезнью советуют отводить взгляд от ярких, кричащих, а смотреть больше на бледные, приглушенные цвета, то в чем же

найдет он себе лучшее утешение, если не в той удаче, которая выпала отечеству, свои домашние обстоятельства растворяя в общегосударственных так, чтобы худшее стало менее заметным благодаря лучшему? Все это высказать нас побудило то, что Эсхин, насколько мы знаем, своими словами многих сумел разжалобить и растрогать до слез.

XXIII. МЕЖДУ ТЕМ города, вдохновляемые Демосфеном, снова сплотились в единый союз. Даже фиванцы, раздобыв с помощью Демосфена оружие, напали на македонский гарнизон и истребили большую его часть, а афиняне, собираясь выступить на их стороне, начали военные приготовления. Демосфен безраздельно господствовал на ораторском возвышении; он слал в Азию письма, подстрекая царских полководцев начать войну с Александром, которого презрительно именовал мальчишкой и Маргитом. Но стоило Александру, наведя порядок у себя в стране, самому появиться с войском в Беотии, как отвага афинян улетучилась и пыл Демосфена угас, фиванцы же, предательски брошенные ими, были вынуждены сражаться в одиночку и погубили свой город. Афинян охватил панический страх, и Демосфен вместе с другими был отправлен послом к Александру, но, убоявшись его гнева, от Киферона вернулся обратио, так и не выполнив своих посольских обязанностей. Александр между тем немедля отправил в Афины гонца, требуя выдачи десятерых вожаков, как сообщают Идоменей и Дурид, или же, если верить наиболее многочисленным и достоверным авторам, восьмерых, а именно: Демосфена, Полиевкта, Эфиальта, Ликурга, Мерокла, Демона, Каллисфена и Харидема. Тогда-то и рассказал Демосфен басню об овцах, которые выдали волкам собак, себя и своих сторонников уподобив собакам, охраняющим народ, а Александра Македонского назвав матерым волком. И прибавил: «Каждому из нас доводилось видеть, как, выставив для образца горстку пшеницы, торговцы продают целую партию зерна. Так поймите же, что, выдавая нас, вы себя предаете всех до единого!» Так рассказывает Аристобул из Кассандрии. И вот афиняне стали совещаться, не зная, что предпринять, пока наконец Демад, приняв пять талантов от тех, чьей выдачи добивался македонский царь,

не согласился отправиться к нему послом, чтобы просить за этих людей, то ли рассчитывая на дружбу с ним, то ли надеясь найти его, словно льва, пресыщенным убийствами и кровью. Как бы то ни было, Демад умолил царя простить их и примирил его с афинянами.

XXIV. С УХОДОМ Александра в Азию вся власть оказалась у сторонников Демада, Демосфен же утратил всякое влияние. Едва началось движение Агида в Спарте, он опять было воспрянул, но вскоре сник, ибо Афины Спарту не поддержали, Агид погиб и лакедемоняне наголову разбили. Тогда же наконец суд рассмотрел обвинение против Ктесифонта по делу о венке, выдвинутое еще при архонте Херонде, накануне битвы при Херонее, и дождавшееся решения спустя целых десять лет, при архонте Аристофонте, и политический процесс этот стал знаменит как ни один другой, благодаря и славе ораторов, и благородству судей, которые не поступились своим мнением в угоду обвинителям Демосфена, хотя они пользовались тогда огромным влиянием и поддержкой македонян, но, напротив, оправдали его с таким единодушием, что Эсхин не собрал и пятой части голосов. Эсхин тотчас удалился из города и остаток жизни своей провел на Родосе и в Ионии, преподавая там красноречие и философию.

XXV. А ВСКОРЕ в Афины явился из Азии Гарпал, который бежал от Александра, зная за собой тяжкую провинность в виде крупной растраты и опасаясь царя, ибо с друзьями он стал крут на расправу. После того как Гарпал обратился к народу с мольбой об убежище и сдался на его милость со всеми своими деньгами и кораблями, многие ораторы, с вожделением глядя на эти сокровища, наперебой стали защищать беглеца, уговаривая афинян оказать ему помощь и предоставить убежище. Демосфен же поначалу советовал гнать его прочь, чтобы не ввергнуть Афины в войну, дав к этому повод беззаконными, не оправданными необходимостью действиями. Но несколько дней спустя, при составлении описи драгоценностей, Гарпал, заметив, что Демосфен заинтересовался изящной работы персидским кубком и внимательно рассматривает украшающую его чеканку, предложил

ему взять кубок в руку, чтобы прикинуть на вес, много ли в нем золота. Кубок оказался очень массивным, и Демосфен в изумлении спросил, сколько же он весит, на что Гарпал с улыбкой ответил: «Для тебя — двадцать талантов» — и, едва наступила ночь, прислал ему этот кубок с двадцатью талантами денег. Большой, видно, мастер был Гарпал по блеску в глазах и оживлению на лице угадать в человеке страсть к золоту, ибо Демосфен и впрямь не устоял перед взяткой, но, побежденный ею, как бы впустил к себе вражеский гарнизон и перешел на сторону Гарпала. На следующий день Демосфен явился в Собрание, красиво и аккуратно обмотав себе горло шерстяной повязкой, и когда присутствующие начали шуметь, требуя, чтобы он выступил, знаками стал показывать, что у него, дескать, пропал голос. Шутники по этому поводу острили, уверяя, будто ночью оратора прохватила простуда не простая, но золотая. Некоторое время спустя о взятке стало известно всему народу, и когда Демосфен пытался взять слово, чтобы оправдаться, толпа, не желая его слушать, негодующе зашумела, а кто-то, вскочив, с издевкой выкрикнул: «Неужели, граждане афинские, вы не выслушаете того, в чьих руках кубок?» Кончилось тем, что Гарпала афиняне выслали из города и, опасаясь, как бы их не призвали к ответу за расхищенные ораторами деньги, учинили строжайшее дознание, обыскивая дома один за другим, за исключением Калликла, сына Арренида: только его жилище, по словам Теопомпа, освободили от обыска на том основании, что хозяин только что отпраздновал свадьбу и дома находилась молодая супруга.

XXVI. ДЕМОСФЕН, идя опасности навстречу, потребовал, чтобы дело расследовал Ареопаг и виновные понесли суровое наказание. Когда же Ареопаг одним из первых объявил виновным его самого, он предстал перед судом и, будучи приговорен к штрафу в пятьдесят талантов, был взят под стражу, но, не перенеся, по его словам, позора и тягот заключения, бежал из тюрьмы, одних стражников обманув, а других подкупив. Рассказывают, что не успел он уйти далеко от города, как заметил, что его догоняют несколько граждан, которые всегда к нему относились враждеб-

но, и хотел было спрятаться, но те, окликнув его по имени, подошли поближе и просили принять от них денег на дорогу, объяснив, что ради этого догоняли его от самого дома, а также советовали не отчаиваться и мужественно переносить случившееся, но Демосфен в ответ горько заплакал со словами: «Могу ли я не отчаиваться, покидая город, где даже враги у меня такие, каких в ином месте и друзей не найти?» Изгнание он переносил тяжело, большую часть времени просиживая на побережье Эгины и Трезена и с тоскою глядя на Аттику глазами, полными слез,— настолько тяжело, что высказывал, как упоминают, недостойные мысли, не согласные с тем пылом, который всегда отличал его в государственных делах. Так, покидая Афины, он, говорят, воскликнул, простирая руки к Акрополю: «О Полиада-владычица! Зачем благоволишь ты трем злейшим тварям: змею, сове и народу?» А знакомым юношам, приходившим к нему для доверительных бесед, он советовал от общественных дел держаться подальше, уверяя, что если бы с самого начала передним лежали два пути: один в Собрание к ораторскому возвышению, другой же навстречу гибели — и если бы он предвидел все бедствия, связанные с государственной деятельностью, бесконечные тяжбы, страх, клевету и зависть, то выбрал бы тот, который ведет прямо к смерти.

XXVII. МЕЖДУ ТЕМ, пока он находился в изгнании, Александр скончался, и эллины снова поднялись против общего врага, причем Леосфен, совершая чудеса храбрости, запер Антипатра в осажденной Ламии. И вот оратор Пифей и Каллимедонт по кличке Краб, бежав из Афин, перешли на сторону Антипатра и вместе с его друзьями и послами начали разъезжать по городам, убеждая эллинов мятежа не поднимать и афинян не поддерживать; Демосфен же присоединился к афинскому посольству и, прилагая все силы, помогал ему сплачивать города на борьбу с македонянами, чтобы вышвырнуть их из Эллады. В Союзном собрании аркадян, рассказывает Филарх, между Пифеем и Демосфеном произошла перепалка, в которой первый защищал интересы македонян, а второй отстаивал дело эллинов. Пифей сказал, что если в дом приносят ослиное молоко, там наверняка есть боль-

ной; так и город неизбежно заболевает, стоит в нем появиться афинскому посольству; Демосфен же это сравнение вывернул наизнанку, сказав, что и ослиное молоко — больному исцеление, а афинское посольство — городу спасение. Афиняне были столь довольны действиями Демосфена, что народным постановлением позволено было ему возвратиться в Афины. Предложение об этом внес Демон из Пеании, двоюродный брат Демосфена, и на Эгину за ним выслали триеру. Когда из Пирея он направлялся в город, за ним шествовали представители власти и жрецы, а навстречу ему вышли с ликующими приветствиями все до единого граждане. Именно тогда, по словам Деметрия Магнесийского, Демосфен, воздев к небу руки, воскликнул, что этот день вознес его на вершину блаженства, оттого что в отечество он возвращается более достойно, чем Алкивиад, ибо не силой принудил, но делами убедил он сограждан принять его к себе обратно. Но так как штраф все еще тяготел над ним, а отменить приговор в знак благодарности было невозможно, закон обошли с помощью хитрой уловки. Согласно обычаю, при жертвоприношении Зевсу Спасителю тем, кто готовил и украшал алтарь, платили деньги, и на этот раз обеспечить все необходимое поручили Демосфену за вознаграждение в пятьдесят талантов, которые и составляли сумму штрафа.

XXVIII. НО НЕДОЛГО пришлось ему наслаждаться возвращением на родину, ибо вскоре дело эллинов было проиграно окончательно: в месяце метагитнионе произошла битва при Кранноне, в боэдромионе Мунихию занял македонский гарнизон, в пианепсионе погиб Демосфен. Произошло это вот при каких обстоятельствах. Как только стало известно, что Антипатр и Кратер приближаются к Афинам, Демосфен и его сторонники поспешили скрыться из города, и народ по предложению Демада приговорил их к смерти. Бежавшие рассеялись кто куда, и Антипатр разослал на их поиски людей, командовал которыми Архий по прозвищу Ищейка. Про этого Архия, уроженца Фурий, рассказывают, что когда-то он был трагедийным актером, и сообщают, будто учеником его был непревзойденный в этом искусстве эгинец Пол. Впрочем, Гермипп Архия называет в числе учеников оратора Лак-

рита, а Деметрий утверждает, что он принадлежал к школе Анаксимена. Так вот, этот Архий оратора Гиперида, марафонца Аристоника и Гимерея, брата Деметрия Фалерского, которые укрылись на Эгине в святилище Эака, силою вытащил оттуда и отправил в Клеоны к Антипатру; там они были казнены, причем Гипериду, говорят, перед смертью еще и вырезали язык.

XXIX. УЗНАВ, что Демосфен нашел прибежище на Калаврии в храме Посейдона, Архий вместе с фракийскими копейщиками на суденышках переправился туда и стал уговаривать его покинуть храм и отправиться с ним вместе к Антипатру, уверяя, что ему не сделают ничего плохого. А Демосфену накануне ночью привиделся странный сон. Снилось ему, будто он с Архием состязается в исполнении трагической роли и хотя успех на его стороне, хотя игрою своей он покорил весь театр, из-за бедности и скудости постановки победа достается сопернику. Поэтому, сколь ни дружелюбно с ним разговаривал Архий, Демосфен, не сходя с места ни на шаг, посмотрел на него и сказал: «Архий! Никогда не верил я твоей игре, не верю сейчас и твоим посулам!» Когда же в бешенстве Архий начал ему угрожать, Демосфен воскликнул: «Вот это прорицания уже безошибочные, с македонского треножника, а все, что ты говорил перед этим, было только актерской игрой. Подожди уж немного, я напишу домой пару слов». Сказав это, он отошел в глубь храма, взял в руки табличку, как бы намереваясь писать, поднес к губам тростниковое перо и, закусив его кончик, оставался некоторое время неподвижен, как он это обычно делал, обдумывая то, что пишет, потом закутался с головою в плащ, и голова его бессильно поникла. Столпившиеся у двери копейщики, решив, что он малодушничает, стали издеваться над ним, обзывая трусом и бабой, а Архий, подойдя поближе, просил его подняться и снова завел те же речи, обещая помирить его с Антипатром. Но Демосфен, едва почувствовав, что действие яда уже сказывается и быстро набирает силу, отбросил плащ и, глядя Архию прямо в лицо, сказал: «Изволь теперь сыграть, да побыстрее, Креонта из трагедии и тело это швырнуть без погребения. О Посейдон-гостеприимец, даже

твой храм осквернили Антипатр и македонцы, я же покидаю его живым!» С этими словами он потребовал, чтобы ему помогли встать, и сделал несколько шагов, шатаясь и дрожа всем телом, но как только оставил позади себя алтарь, рухнул и со стоном испустил дух.

XXX. ЧТО КАСАЕТСЯ яда, то Аристон утверждает, что Демосфен его извлек из тростникового пера, как это описано выше. Но некий Папп, истории которого следует Гермипп, сообщает, что, после того как Демосфен пал бездыханным возле алтаря, выяснилось, что на табличке у него написано только начало письма: «Демосфен — Антипатру», и ничего больше, а в ответ на недоумения о причине столь внезапной смерти фракийцы, стоявшие у дверей, рассказали, как из какой-то тряпицы он извлек яд, положил его на ладонь, поднес ко рту и проглотил, причем сами они, как ни странно, решили, что он глотает золото, но его служанка, отвечая на расспросы Архия, сказала, что он уже давно носил на шнурке этот узелок вместо амулета. Эратосфен, в свою очередь, уверяет, что яд он хранил в полом браслете, который постоянно носил на запястье. Что касается остальных, писавших о Демосфене,— а их великое множество,— то разноречивые мнения их едва ли стоит перечислять; укажу только суждение родственника оратора, Демохара, который считал, что не яд, а боги избавили Демосфена от жестокости македонян, послав ему легкую, безболезненную смерть. Погиб он в шестнадцатый день пианепсиона, самый мрачный день Тесмофорий, когда женщины постятся в храме богини. Немного позже афинский народ воздал Демосфену заслуженные почести, воздвигнув ему бронзовый памятник, а старшему из его рода дав почетное право на обед в пританее. На постаменте памятника была высечена всем известная надпись:

Если бы сила твоя, Демосфен, была разуму равной,
нас покорить бы не смог сам македонский Арей.

Те, кто утверждает, будто ее сочинил на Калаврии сам Демосфен, перед тем, как принять яд, несут чистейший вздор.

XXXI. ПЕРЕД самым приездом нашим в Афины, говорят, произошел такой случай. Какой-то солдат, ко-

торого в суд вызывал наместник, все свои жалкие деньги спрятал в ладонях статуи Демосфена (одна рука ее прикрывала другую), а рядом рос невысокий платан, и ворох листьев — то ли ветер случайно сорвал их, то ли сам воин их так набросал — надежно укрыл под собою деньги на довольно долгое время. Когда же человек тот, вернувшись обратно, нашел деньги нетронутыми, слух об этом разнесся по всему городу, и многие остроумцы, пользуясь случаем, старались перещеголять друг друга, сочиняя эпиграммы насчет неподкупности Демосфена. Что же касается Демада, то недолго пришлось ему извлекать выгоду из репутации, которую он себе снискал: карающее за Демосфена возмездие послало его в Македонию, и те, перед кем он так подло заискивал, предали его заслуженной казни, потому что он и раньше был неприятен им, а в этот раз провинился настолько, что избежать наказания было невозможно. Дело в том, что стало известно его письмо, в котором он призывал Пердикку завладеть Македонией и спасти эллинов, опутанных прогнившей старой веревкой (так он называл Антипатра). После обвинительной речи, произнесенной Динархом из Коринфа, разъяренный Кассандр Демадова сына умертвил прямо в объятьях отца, а потом казнил и самого Демада, который ценою величайшего несчастья понял наконец, что первыми изменники предают самих себя, о чем много раз говорил Демосфен и чему он упорно не верил.

Итак, Соссий, ты получил жизнеописание Демосфена, составленное из всего, что нам приходилось читать или слышать о нем.

ЦИЦЕРОН

I. МАТЬ Цицерона Гельвия, как говорят, была знатного рода и добродетельной жизни; относительно же отца нельзя было узнать ничего достоверного, ибо одни говорят, что он родился и вырос в какой-то сукновальне, другие же выводят род его от Туллия Аттия, со славой царствовавшего над вольсками. Как бы то ни было, первый в роду, называвшийся Цицероном,

был, по-видимому, лицом достойным упоминания, почему и потомки не только не отбросили этого прозвища, но любили его, хоть и подвергались из-за него насмешкам: словом «Цицер» латиняне называют горох, у первого же Цицерона кончик носа имел неглубокую выемку, вроде желобка в горошине, откуда он и получил свое прозвище. Говорят, и сам Цицерон, о котором теперь идет речь, еще в ту пору, как впервые стал домогаться власти и принялся за государственные дела, с юношеской заносчивостью сказал друзьям своим, по мнению которых ему следовало бы избегать прозвища и переменить его, что он добьется своего, и Цицерон покажет себя славнее Скавров и Катулов. Посвящая же богам, в бытность свою квестором в Сицилии, серебряную вещь, он написал на ней лишь два первых из своих имен — Марк и Туллий, а взамен третьего велел, шутки ради, мастеру выгравировать рядом с надписью горошину. Вот что рассказывают о его имени.

II. МАТЬ Цицерона разрешилась им от бремени безболезненно и легко, родился же он, говорят, в третий день новых календ; ныне в этот день магистраты приносят обеты и жертвы за императора. Кормилице же его, по рассказам, явился призрак, предвестивший, что она вскармливает того, кто принесет великую пользу всем римлянам. И хоть такие случаи вообще представляются не более как сновидениями и вздором, Цицерон скоро доказал, что предсказание было истинной; достигнув школьного возраста и выказав блестящие способности, он составил себе имя и приобрел известность среди детей, так что отцы их стали посещать уроки, желая собственными глазами взглянуть на Цицерона и получить представление о прославленной быстроте и понятливости, с какими он усваивал науки; а более грубые из них сердились на своих сыновей, видя, как на улицах они с почетом окружают Цицерона. Будучи — как того требует Платон от натуры любознательной и склонной к философии — почитателем всякого научного знания, не пренебрегая каким бы то ни было учением и общеобразовательным предметом, он как-то особенно усердно отдавался поэтическому творчеству. Сохранилась небольшая поэма его «Понтий Главк», сочиненная им еще в дет-

ском возрасте и написанная в тетраметрах. С течением времени, овладевая этим искусством и в более разнообразных его видах, он прослыл не только как оратор, но и как поэт, превосходнейший из римлян. Но вот слава ораторского таланта Цицерона жива и поныне, несмотря на появившиеся с тех пор в латинской речи немалые новшества, а поэтическое его творчество, вследствие появления множества новых даровитых поэтов, совершенно утратило славу и почет.

III. ОКОНЧИВ начальную школу, Цицерон слушал академика Филона, который не только больше всех других учеников Клитомаха восхищал римлян красноречием, но и снискал их любовь своим характером; а сойдясь в то же время с Муцием и его друзьями, людьми, сведущими в управлении государственными делами и первенствовавшими в сенате, он с помощью их ознакомился на опыте и с законами; некоторое время участвовал он также в походах, под начальством Суллы, во время марсийской войны. Но затем, видя, что республика впадает в междоусобия, а из состояния междоусобия скатывается к монархии, он перешел к созерцательной жизни, сблизился с учеными греками и стал заниматься науками вплоть до того времени, когда Сулла одержал верх, и государство, как казалось, получило некоторую устойчивость. В эти же годы Хрисогон, вольноотпущенник Суллы, объявившего о продаже имущества одного лица, как убитого во время проскрипций, сам купил это имущество за 2000 драхм. А когда Росций, сын и наследник убитого, возмущенный этим, стал доказывать, что имущество стоит 250 талантов, Сулла же, став в положение ответчика, разгневался и возбудил против Росция придуманный Хрисогоном процесс по обвинению его в отцеубийстве,— не только никто Росцию не помог, но все от него отвернулись, устрашенные суровостью Суллы. Покинутый, таким образом, всеми, юноша прибег к Цицерону, а друзья последнего стали в один голос подстрекать его, говоря, что другого более блестящего и лучшего начала на пути его к славе быть не может. И Цицерон, приняв на себя защиту Росция, имел успех, вызвавший восхищение, но из страха перед Суллой уехал в Грецию, распространив

слух, что телесные его недуги требуют врачевания. Да и на самом деле был он телом худ и тощ, а по причине болезни желудка ел до скудости мало и лишь в поздние часы. Голос же его, сильный и хороший, был резок и необработан; доходя в разгар речи, пылкой и патетической, всегда до высоких тонов, он заставлял опасаться за здоровье оратора.

IV. ПРИБЫВ в Афины, Цицерон прослушал лекции Антиоха Аскалонского и был очарован обилием и прелестью его речи, но к новшествам, которые тот вводил в учение, относился неодобрительно. Ибо Антиох уже отдалился от Новой Академии и оставил точку зрения Карнеада, потому ли, что подчинил свое мышление явным чувственным восприятиям, или, как говорят иные, потому что, изменив свои взгляды из честолюбивых побуждений и из-за разногласий с последователями Клитомаха и Филона, стал в большей части вопросов развивать учение стоиков. Цицерон же любил академиков и уделял им большое внимание, так что предполагал даже, в случае если б его совсем вытеснили с арены политической деятельности, перенести свою жизнь сюда от форума и общественных дел и проводить ее в тишине, занимаясь философией.

Но когда до него дошло известие о смерти Суллы, а в то же время тело его, укрепленное гимнастикой, сделалось юношески здоровым, голос же, теперь уже обработанный, развился, приобрел приятную для слуха полноту и вполне соответствовал физическому состоянию всего организма; когда, к тому же, и римские друзья в многочисленных письмах просили, и Антиох настойчиво советовал вернуться к государственным делам,— Цицерон снова занялся совершенствованием своего красноречия как необходимого орудия: упражняясь в нем сам и посещая прославленных ораторов, он развивал свой талант государственного деятеля. Для этого он предпринял путешествие в Азию и на Родос. Из ораторов Азии он учился у адрамиттийца Ксенокла, магнесийца Дионисия и карийца Мениппа, а на Родосе — у оратора Аполлония, сына Молона, и философа Посидония. Рассказывают, что Аполлоний, не понимавший латинской речи, попросил Цицерона говорить во время их занятий по-гречески. Тот охотно

последовал приглашению, полагая, что так лучше будут исправлены его ошибки. Когда он произнес свою речь, все были поражены и стали состязаться друг с другом в похвалах, Аполлоний же и слушал его с видом далеко не веселым, и по окончании речи долго сидел в задумчивости; видя же огорчение Цицерона, сказал ему: «Тебя, Цицерон, я хвалю и удивляюсь тебе, но жалею о судьбе Эллады, воочию убеждаясь, что единственное из прекрасного, оставшееся еще у нас — образованность и красноречие — и то благодаря тебе сделалось достоянием римлян».

V. ИСПОЛНЕННЫЙ надежд, Цицерон устремил все помыслы к политике, но был остановлен в своем порыве одним предсказанием. Ибо, вопросив бога в Дельфах, каким путем ему возможно было бы наиболее прославиться, он получил от пифии указание принять в руководители своей жизни собственные природные качества, а не мнение толпы. И он вел себя первое время в Риме осторожно, медлил занимать общественные должности и оставался в тени, слыша притом обычные в низших народных слоях Рима бранные слова, «грек» и «схоласт[1]». Но когда Цицерон, честолюбивый от природы и подстрекаемый отцом и друзьями, посвятил себя делу судебной защиты, он выдвинулся на первое место, и притом не мало-помалу, а сразу же стал блистать славой и оставил далеко позади себя всех состязавшихся на форуме ораторов. Говорят, что он не менее Демосфена страдал недостатками в декламации, а потому усердно поучался как у комического актера Росция, так и у трагического — Эзопа. Про этого Эзопа рассказывают, что в то время, как он исполнял однажды в театре роль Атрея, придумывающего месть Фиесту, мимо него неожиданно пробежал кто-то из прислужников, а тот, потеряв в страстном увлечении рассудок, ударил его скипетром и убил. Декламация же Цицерона немало содействовала убедительности его речей. Высмеивая ораторов, прибегавших к громкому крику, он говорил, что те по немощи своей выезжают на громогласии, подобно тому как хромые садятся на лошадей. Тонкое остроумие, вкладываемое в такие

[1] Праздный человек.

шутки и насмешки, казалось уместным для адвоката и изящным приемом, но, пользуясь им слишком часто, Цицерон обижал многих и заслужил репутацию человека злого.

VI. БУДУЧИ избран в голодный год в квесторы и получив по жребию эту должность в Сицилии, он первое время был населению в тягость, так как понуждал его к поставкам хлеба в Рим; в дальнейшем же испытав на себе его заботливость, справедливость и кротость, люди стали почитать его как никого из бывших у них когда-либо начальников. А когда к претору Сицилии были присланы многие знатные родовитые юноши, обвинявшиеся в нарушении дисциплины и недостатке мужества во время войны, Цицерон отлично провел их защиту и отстоял их. Гордый этими успехами, возвращался он в Рим, но тут, по собственному его признанию, попал в смешное положение: случайно встретив в Кампании лицо, пользовавшееся известностью и считавшееся его другом, Цицерон спросил, что говорят римляне о его, Цицерона, деяниях и что думают о них — он воображал, что весь город полон молвой об имени и славе его дел. А тот ответил ему вопросом: «Да где же ты был, Цицерон, все это время?» Тогда Цицерон совершенно пал духом, спрашивая себя, не растаяла ли молва о нем в городе, точно в необъятном море, нисколько не послужив ему к славе. Позже он образумился и намного умерил свое честолюбие, поняв, что слава, к которой он стремился, есть нечто неопределенное и не имеющее достижимого предела. Однако ж чрезвычайная любовь к похвалам и слишком страстное увлечение славой никогда не оставляли его и часто сбивали с правильного пути наперекор рассудку.

VII. ТРУДЯСЬ с великим усердием на политическом поприще, Цицерон считал, что если ремесленники, имея дело с инструментами и другими неодушевленными орудиями своего мастерства, хорошо знают и названия их, и место, и пригодность к работе, то государственному человеку, мероприятия которого, к общественным делам относящиеся, осуществляются через посредство людей, и подавно стыдно быть настолько беспечным и нерадивым, чтобы не знать своих сограждан. Поэтому он не только приучал себя запо-

минать их имена, но знал и о местожительстве каждого из сколько-нибудь видных людей, и об имениях, которыми они владели, и о лицах, дружбой которых они пользовались, и о соседях их, так что по какой бы дороге в Италии Цицерон ни проезжал, он легко мог и назвать и показать земли и виллы своих друзей.

Имея состояние небольшое, хотя и достаточное для покрытия своих расходов, он вызывал удивление тем, что не принимал ни денежных вознаграждений, ни подарков за судебные защиты — особенно же в тот раз, когда взялся вести процесс по обвинению Верреса. Человека этого, совершившего множество неблаговидных поступков в должности пропретора в Сицилии и привлеченного к суду сицилийцами, он заставил осудить, и не речами своими, а как бы именно тем, что речи не сказал. Ибо когда из-за потворства Верресу со стороны преторов, постоянными отсрочками дотянувших разбор дела до последнего дня сессии, стало очевидно, что времени для произнесения речей в этот день не хватит, и что судопроизводство останется незаконченным,— Цицерон, поднявшись с места и заявив, что в речах нет надобности, вызвал и допросил свидетелей, а вслед за тем предложил судьям подавать голоса. Вспоминают и о нескольких остроумных словах Цицерона во время этого процесса. Словом «Веррес» римляне называют холощеного поросенка, а некий вольноотпущенник, по имени Цецилий, выказывавший приверженность к иудейскому закону, хотел сам выступить, в качестве обвинителя, против Верреса, отстранив сицилийцев. «Какое дело,— заметил Цицерон,— иудею до поросенка». У того же Верреса был великовозрастный сын, о котором говорили, что он порочно проводит свою молодость. Услыхав от Верреса упреки в распущенности, Цицерон ответил ему: «Сыновей должно бранить у себя дома». Оратор же Гортензий, не решавшийся открыто защищать Верреса, но все же поддавшийся уговорам присутствовать при обсуждении вопроса о денежном взыскании, получил за это, в виде взятки, сфинкса из слоновой кости. Цицерон сказал Гортензию что-то в иносказательной форме, а когда тот заявил, что не умеет отга-

дывать загадок, заметил ему: «А ведь в доме у тебя есть сфинкс».

VIII. ТАК ОСУЖДЕН был Веррес, Цицерон же, исчисливший подлежавшую взысканию сумму в 750 000, был злостно обвинен в том, что он преуменьшил штраф, будучи подкуплен. Между тем, в бытность его эдилом, сицилийцы, движимые чувством благодарности, приносили ему много из того, что доставалось с острова, а Цицерон, с своей стороны, ннчего из этого не обратил себе на пользу, но воспользовался щедростью сицилийцев лишь для того, чтобы снизить, насколько это было возможно, цены на рынке.

В Арпине у него была красивая вилла, в окрестностях Неаполя — поместье, блнз Помпен — другое, оба небольшне. К этому прибавилось приданое жены его Теренции в сто тысяч и полученное от кого-то наследство стоимостью до 90 тыс. денарнев. На этн средства он жил не нуждаясь н вместе с тем скромно в обществе греческих н римских ученых. Редко случалось, чтобы он обедал до захода солнца, и не столько по недостатку времени, сколько нз-за того, что он страдал слабостью желудка. Да н вообще в отношении ухода за свонм телом был он щепетилен и заботлив, так что растирания применял н прогуливался точно установленное чнсло раз. Воспитав таким режимом свой организм, он сохраннл его здоровым и стойким в многочнсленных, великих и исполненных борьбы трудах своих.

Предоставив брату унаследованный отцовский дом, он сам поселился близ Палатина для того, чтобы не обременять своих посетителей дальностью путн. Прнходнло же к Цицерону ежедневно с прнветствием не меньше народу, чем к Крассу нли к Помпею, людям, которые вызывали в римлянах величайшее удивление и были сильнейшими из всех, первый — своим богатством, второй — благодаря своей воинской славе. Но Цицерона почитал даже и Помпей, а тот своей политикой значительно содействовал могуществу и славе Помпея.

IX. НЕСМОТРЯ НА ТО, что преторства домогалнсь вместе с ним многне сильные люди, Цицерон был избран на эту должность первым из всех н, по общему признанню, исполнял свон обязанностн как безукорнз-

ненно честный судья. Рассказывают, что Лициний Макр, человек, имевший уже сам по себе большую силу в городе, да притом еще пользовавшийся поддержкой Красса, будучи привлечен Цицероном к суду за хищения и полагаясь на свое влияние и благосклонное к себе отношение, ушел в то время, как судьи еще голосовали, к себе домой, наскоро остриг голову, надел как бы в знак того, что выиграл процесс, белую тогу и двинулся было снова на форум. Встретившись же у порога с Крассом, принесшим известие, что судьи единогласно вынесли обвинительный приговор, Лициний вернулся к себе, слег в постель и умер. Дело это создало Цицерону репутацию ревностного блюстителя законности.

Ватиний, человек не совсем уравновешенный и в своих выступлениях в суде пренебрежительно относившийся к магистратам, страдал опухолями, сплошь покрывавшими его шею. Явившись однажды в суд, он попросил о чем-то Цицерона, а так как последний не соглашался и долгое время раздумывал, тот заметил, что, будь он претором, не стал бы он колебаться в таком деле. Цицерон же, обернувшись к нему, ответил: «Но ведь у меня не такая толстая шея».

За два или за три дня до окончания полномочий Цицерона кто-то привлек к суду Манилия для ответа по обвинению в хищениях. Манилий же этот пользовался особенным благоволением народа, который полагал, что он подвергся преследованию из-за Помпея, ибо последний был его другом. Когда он попросил назначить ему срок, Цицерон предоставил ему один лишь следующий день и возбудил этим недовольство в народе: преторы имели обыкновение давать подсудимым не менее десяти дней сроку. Трибуны заставили Цицерона выступить публично и предъявили ему обвинение. Попросив, чтобы его выслушали, Цицерон напомнил, что к подсудимым он всегда относился снисходительно и гуманно, насколько это позволяют законы; недопустимым почел бы он для себя отказать в том же Манилию, почему и назначил нарочно тот единственный день, который еще остался в его распоряжении как претора; сбросить дело на руки другому претору не значило бы желать помочь Манилию. Слова эти произвели удивительную переме-

ну в настроении, и народ, при дружных кликах одобрения, просил Цицерона принять иа себя защиту Манилия, чему он охотно подчинился, главным образом ради Помпея, тогда отсутствовавшего. Вторично выступив, он снова держал к народу речь, в которой с юношеской отвагой порицал сторонников олигархии и завистников Помпея.

X. ОДНАКО Ж в консулы был он проведен в интересах государства, причем аристократическая партия оказывала ему не меньшую поддержку, чем народная. Вот по какой причине выдвигали его и те и другие. Пронсшедшие при Сулле перемены в государственном устройстве сначала казались нелепыми, теперь же, по истечении некоторого времени и в силу привычки, стали представляться народным массам чем-то неплохим и достаточно устойчивым. Но были и люди, стремившиеся поколебать и изменить настоящее положение дел, притом ради собственных выгод, а не ради общего блага. Между тем Помпей все еще воевал с царями в Понте и в Армении, в Риме же не было никакой боеспособной силы, которая могла бы быть противопоставлена этим любителям новшеств. А у них был главой человек отважный, предприимчивый и по характеру своему готовый иа все — Луций Катнлина. Помимо других миогочисленных и важных преступлений, он некогда навлек иа себя обвинение в сожительстве с своей дочерью и в убийстве брата. Опасаясь же суда над собою за это дело, он убедил Суллу вписать убитого как еще живого в число тех, кто должен был умереть. Избрав его своим главою, злоумышленники дали друг другу клятву верности, причем заклали над жертвенником человека и вкусили его мяса. Значительная часть городской молодежи была развращеиа Катилиной; каждого из них ублажал он постоянно всякими удовольствиями, попойками, даже доставлял им любовниц и, не скупясь, давал необходимые для всего этого средства.

К отпадению была подготовлена вся Этрурия н значительная часть Предальпийской Галлии. Да н в Риме замечалась крайняя шаткость настроений из-за создавшейся аномалии в распределении богатств: люди самые известные и знатные обнищали, разорившись на зрелища, пиры, на траты, связанные с вла-

столюбивыми стремлениями, и на постройки, а богатства их стеклись к людям низкого звания и рода. При таком положении дел достаточно было немногого, чтобы нарушилось равновесие, и всякий отважный человек мог подорвать государственный строй, уже сам по себе нездоровый.

XI. ОДНАКО Катилина, желая заранее занять крепкий опорный пункт, стал домогаться консульства, причем сильно надеялся на то, что будет править совместно с Гаем Антонием, который сам по себе как правитель не был способен ни на очень хорошее, ни на очень дурное, но мог служить придатком к другой, руководящей силе. Из лучших граждан большинство, предвидя это заранее, выставило кандидатуру Цицерона, а так как народ отнесся к ней благосклонно, кандидатура Катилины отпала, а Цицерон и Гай Антоний были избраны, несмотря на то, что из кандидатов один лишь Цицерон происходил от отца-всадника, а не сенатора.

XII. ЗАМЫСЛЫ Катилины еще оставались тайной для народа. Цицерон же, вступив в должность, встретился с большими трудностями — предвестниками предстоящей борьбы. Ибо, с одной стороны, те, которым законы Суллы препятствовали занимать магистратуры — а таких было немало и они были не слабы — прибегали к демагогии, домогаясь должностей, и, хотя в их речах, направленных против тирании Суллы, было много верного и справедливого, но они расшатывали государственный строй не вовремя и не считаясь с обстоятельствами. А с другой стороны, по тем же самым основаниям вносили законопроекты и народные трибуны, предлагая учредить децемвират с неограниченными полномочиями; децемвирам как имеющим неограниченную власть над всей Италией, над всей Сирией и над всем, что было присоединено к Риму в последнее время благодаря Помпею, предоставлялось право продавать государственные имущества, выносить приговоры, кого найдут нужным подвергать изгнанию, заселять города колонистами, брать деньги из казны, содержать и набирать войска по мере надобности. Поэтому такому закону сочувствовали и некоторые из видных людей, в первую же очередь Гай Антоний, соправитель Цицерона, рассчи-

тывавший попасть в число десяти. Можно было полагать, что, зная о перевороте, подготовляемом Катилиной, он не был настроен к нему враждебно, будучи обременен долгами. Вот это больше всего и пугало лучших граждан. Стараясь прежде всего привлечь Антония, Цицерон провел постановление о передаче Антонию в управление провинции Македонии, а от предлагаемой ему самому Галлии отказался и склонил столь важной уступкой Антония на свою сторону, как своего рода наемного актера, который должен был вторить ему во всех государственных делах. И вот, когда Антоний сделался покорным и послушным, Цицерон уже с большей смелостью стал противодействовать бунтовщикам, а именно, выступив в сенате против того же закона, он так поразил своей речью тех самых, кто его предлагал, что они ничего ему не возразили. Затем, когда они вторично принялись за то же и, подготовившись, вызвали консулов в комиции, Цицерон нимало не испугался, а пригласил сенат следовать за собой и, выступив перед народом, не только убедил его отвергнуть закон, но и заставил трибунов, побежденных столь блестящим красноречием, отказаться и от прочих замыслов.

XIII. ПОИСТИНЕ, человек этот лучше всех сумел показать римлянам, сколько привлекательности может придать правому делу красноречие; он показал, что правда непреоборима, если ее высказывают умело, и что хорошему государственному деятелю надлежит на деле всегда предпочитать правое угодному толпе, а речью скрашивать горечь полезного. Примером чарующей прелести его слова может служить и следующий случай, происшедший из-за мест в театре во время его консульства. До сих пор всадники сидели в театре вперемешку с толпой и смотрели на зрелища вместе с народом, но трибуну Марку Отону первому пришло на ум оказать честь всадникам, отделив их от прочих граждан и предоставив им особое место, которое они сохраняют за собой и поныне. Народ же принял это как бесчестие для себя и, когда в театре появился Отон, стал свистать, всадники же горячо приветствовали его рукоплесканиями. Народ усилил свист, те — свои аплодисменты, а затем стороны, обратившись друг против друга, перешли к пе-

ребранке, так что в театре начался беспорядок. Но после того как Цицерон, уведомленный об этом, явился в театр и, вызвав народ к храму Беллоны, оказал на него воздействие словами порицания и убеждения, люди эти, вернувшись в театр, стали громко рукоплескать Отону и соревноваться со всадниками в оказании ему знаков уважения и почета.

XIV. НО ГРУППА собравшихся вокруг Катилины заговорщиков, притаившаяся было в страхе, снова ободрилась. Они начали сходиться вместе и призывали друг друга смелее приняться за дело раньше, чем явится Помпей, уже возвращавшийся, как было слышно, со своим войском. Катилину же подстрекали главным образом ветераны Суллы; они осели по всей Италии, большая же их часть, в том числе самые боеспособные, расселилась по этрусским городам; все они снова стали мечтать о грабежах и расхищении готовых богатств. Имея предводителем Манлия, человека из числа тех, которые особенно отличались в походах под начальством Суллы, они примкнули к Катилине и явились в Рим, чтобы поддержать его кандидатуру, ибо Катилина снова домогался консульства, решив убить Цицерона в суматохе, во время самых комиций. Казалось, и божество предостерегало от того, что совершалось, землетрясениями, громовыми ударами и появлением призраков; людские же показания, хотя и были справедливы, еще не могли быть использованы как улики против человека знатного и столь влиятельного, каким был Катилина. Поэтому Цицерон, отсрочив день выборов, вызвал Катилину в сенат и допросил его обо всем, что о нем говорили. Последний же, полагая, что и в сенате есть люди, стремящиеся к новым порядкам, и, вместе с тем, желая выказать себя перед своими сообщниками, дал Цицерону резкий ответ. «Что же ужасного делаю я,— сказал он,— если, имея перед собою два тела, одно истощенное и гибнущее, но с головою, а другое без головы, но сильное и большое, я сам приставляю к последнему голову». После этих слов, содержавших намек на сенат и народ, Цицерон еще более устрашился, так что от дому до Марсова поля его, одетого в панцирь, проводили все влиятельные люди и многие из молодежи. Сам он, спуская тогу с плеч, наме-

реиио выставлял наружу часть паицирря, дабы показать, в какой опасиостн ои иаходится. Народ, иегодуя, стал собираться вокруг иего и, в коице коицов, приступил к голосоваиию, вторично отверг Катилину, а выбрал в коисулы Силаиа и Муреиу.

XV. ВСКОРЕ после этого, когда к Катилиие уже стали сходиться и составлять отряды бывшие в Этрурии привержеицы его, и близок был день, назиачеииый для иападеиия, к дому Цицероиа, около полуиочн явнлись первейшне среди римлян и влиятельиейшие люди — Марк Красс, Марк Марцелл и Сципион Метелл. Постучавшись в двери и вызвав привратиика, оин прнказали разбуднть Цицероиа и сказать ему об нх приходе. Дело в том, что Крассу после ужина привратник его подал прниесеиные каким-то иензвестным человеком письма. Письма, адресоваиные другим лнцам, были подписаны, н одно лишь, предиазначавшееся Крассу, было аноннмное. Красс прочитал одио это письмо и, так как в ием говорнлось, что Катилнна готовит велнкое кровопролитне, и давался совет тайио уйтн из города, он остальных писем распечатывать ие стал, а тотчас же явнлся к Цицероиу, поражеииый грозившей опасиостью, а быть может, желая освободиться от обвинеиий, которые падали на него из-за дружественых связей с Катилииой. Итак, посовещавшись с иими, Цицерои на рассвете следующего дия собрал сеиат, передал прииесеииые с собою письма тем, иа чье имя оии были прислаиы, и предложил прочесть их вслух. Во всех без различия говорилось о заговоре. А когда пришло известие от бывшего претора Квиита Аррия, уведомлявшего о формироваиии боевых отрядов в Этрурии, и другое — о том, что Манлий бродит по окрестиостям этрусских городов, все время ожидая новостей из Рима,— сенат постаиовнл вверить республнку коисулам, с тем чтобы они поступали по своему усмотрению в целях спасеиия государства. Исстари велось, что сеиат поступал так не часто, ио лишь под угрозой большой опасиости.

XVI. ПОЛУЧИВ эту власть, Цицерои виешние дела всецело доверил Квииту Метеллу, управленне же городом взял в свои руки, н каждый деиь выходнл, охраияемый таким множеством людей, что занимал зиачительную часть форума, когда вводнл туда за со-

бой своих провожатых. С своей стороны, Катилина, не будучи уже в состоянии терпеть дальнейшее промедление, решил сам ускользнуть к Манлию и его отряду, а Марцию и Цетегу отдал приказание явиться, захватив мечи, поутру к двери Цицерона под предлогом приветствия, и напав, умертвить его. Об этом известила Цицерона Фульвия, женщина знатного рода, придя к нему ночью, и увещевала его остерегаться Цетега. А те явились на рассвете и, не допущенные в дом, стали спорить и подняли такой шум, что навлекли на себя еще большее подозрение. Цицерон же, выйдя из дому, созвал сенат в храм Юпитера Остановителя, которого римляне называют Статором; храм этот построен у начала священной дороги, там, где поднимаются на Палатин. Когда сюда пришел вместе с другими и Катилина, как бы для того чтобы оправдаться, то никто из сенаторов не остался сидеть вместе с ним — все они отошли от его скамьи. Когда он начал говорить, его стали шумно прерывать и, наконец, Цицерон, поднявшись с места, приказал ему удалиться из города. «Раз я,— сказал он,— действую словом, а ты оружием, между нами должна быть стена». Катилина, тотчас же выступив во главе 300 вооруженных людей из города, окруженный словно военачальник ликторами с секирами и сопровождаемый военными значками, двинулся к Манлию. Собрав затем до 20 тысяч войска, он стал обходить города, склонял их на свою сторону и призывал к восстанию. И когда дело дошло таким образом до открытой войны, для борьбы с Катилиной был послан Антоний.

XVII. ТЕХ из соблазненных Катилиной людей, которые остались в городе, собрал и ободрил Корнелий Лентул, по прозвищу Сура, человек знатного рода, но дурной жизни, раньше изгнанный за распутное поведение из сената, а теперь вторично занимавший должность претора, как это было обычно для лиц, желающих вернуть себе сенаторское звание. Говорят, что прозвище Суры было дано ему по следующему поводу. Исполняя во времена Суллы должность квестора, он растратил большие суммы государственных денег. А когда разгневанный Сулла в сенате потребовал у него отчета, тот выступил, приняв самый бес-

печный и небрежный вид, и заявил, что отчета не даст, а выставит икру ноги: так обычно делают мальчики, когда проиграют партию в мяч. Поэтому-то он и прозван Сурой, так как римляне словом «сура» обозначают икру ноги. Привлеченный к ответственности в другой раз, он подкупил некоторых из судей и, будучи оправдан большинством двух лишь голосов, заметил, что взятка, данная им одному из судей, оказалась лишней тратой: с него достаточно было бы и того, если б он был оправдан большинством одного только голоса. Человека этого, бывшего уже от природы таким и возбужденного к тому же Катилиной, окончательно совратили лжепрорицатели и шарлатаны пустыми надеждами, читая ему стихи и пророчества, ими же выдуманные, но якобы взятые из сивиллиных книг и предвещающие, что судьбою назначено трем Корнелиям единовластно править в Риме; из них двое уже исполнили волю судеб — Цинна и Сулла, и теперь ему, остающемуся третьему Корнелию, божество готовит монархию, которую он должен принять, не упуская из-за промедлений, подобно Катилине, благоприятного случая.

XVIII. ИТАК, Лентул строил не ничтожные какие-либо мелочные планы, а хотел истребить весь сенат и кого окажется возможным из прочих граждан, а самый город сжечь и никого не щадить, кроме детей Помпея: их намерен он был похитить, держать при себе и оберегать как заложников, которые обеспечат ему примирение с Помпеем: повсюду уже шли упорные слухи о возвращении последнего из его большого похода. Для нападения была назначена одна из ночей праздника Сатурналий. Мечи, паклю и серу заговорщики спрятали, снеся все это в дом Цетега. Выбрав сто человек и разделив город на столько же частей, они в каждую из них назначили по жребию одного из этих людей, чтобы поджигали сразу многие, и город запылал одновременно со всех сторон. Другие же должны были заградить водопроводы и убивать тех, кто приходил бы за водой.

В то время как делались эти приготовления, в Риме находились двое послов от аллоброгов, народа, терпевшего тогда горькую участь и тяготившегося римским владычеством. Лентул с товарищами, пола-

гая, что послы могут пригодиться для побуждения Галлии к восстанию и отпадению от Рима, включили их в число своих сообщников и дали им письма для их сената и другие для Катилины, в первых обещая аллоброгам независимость, в последних призывая Катилину даровать свободу рабам и спешить в Рим. Послали они вместе с ними к Катилине и некоего Тита, родом кротонца, которому поручено было нести письма. Но за этими распоряжениями, исходившими от людей опрометчивых и много раз собиравшихся вместе за вином и в обществе женщин, неустанно следил Цицерон, действовавший с трезвой обдуманностью и во всем отлично разбиравшийся. Имея, к тому же, в своем распоряжении множество людей, наблюдавших за тем, что творилось вокруг и помогавших ему в слежке, скрытно сносясь и с многими доверенными лицами, которые считались участниками заговора, Цицерон узнал и об условии, заключенном заговорщиками с иноземцами. Устроив ночью засаду, он задержал кротонца с его письмами при тайном содействии тех же аллоброгов.

XIX. СОБРАВ на рассвете следующего дня сенат в храме Согласия, он ознакомил присутствующих с содержанием писем и выслушал осведомителей. С сообщением выступил и Юний Силан: некоторые люди слышали, как Цетег говорил, что предстоит убийство трех консулов и четырех преторов. Известие в этом же роде передал и бывший консул Пизон, а Гай Сульпиций, один из преторов, посланный в дом Цетега, нашел там много метательного и другого оружия, особенно же много вновь отточенных мечей и кинжалов. В конце концов, после того как сенат постановил обещать кротонцу безнаказанность в случае, если он все откроет, Лентул был изобличен и отрекся от власти (ибо он был тогда претором), снял с себя в сенате свою окаймленную пурпуром тогу и заменил ее приличествовавшей его несчастию одеждой. Как он, так и сообщники его были переданы преторам для содержания их под домашним арестом.

Наступил уже вечер, и народ толпился в ожидании, когда Цицерон вышел из сената. Обратясь к гражданам, он объяснил им дело, а затем, провожаемый ими, вошел в дом жившего с ним по соседству

друга — собственный его дом заняли женщины, справлявшие там таинственными священнодействиями праздник той богини, которую римляне называют Доброй, а греки Женской богиней: ей ежегодно приносятся жертвы в доме консула женой или матерью последнего в присутствии дев-весталок. Итак, войдя в дом и имея при себе лишь очень немногих лиц, Цицерон стал обдумывать, как поступить ему с теми людьми. Применить к ним высшую меру наказания, соответствовавшую столь великим преступлениям, он остерегался и не решался на это, с одной стороны, из врожденного чувства гуманности, а с другой — опасаясь, как бы не показалось, что он злоупотребил своей властью, сурово расправившись с людьми знатного происхождения и имевшими в городе влиятельных друзей. Поступить же с ними мягче мешал страх перед угрожавшей с их стороны опасностью. Ибо, подвергшись каре, более легкой, чем смертная казнь, они не оценят этого, но, соединив свою исконную порочность с новым приливом озлобления, возгорятся готовой на все решимостью; а сам он, и без того не слывущий в народе человеком очень мужественным, покажется малодушным и слабым.

XX. В ТО ВРЕМЯ как Цицерон терзался этими сомнениями, женщинам, совершавшим жертвоприношения, было явлено знамение: когда огонь, казалось, уже совсем затухал, алтарь выбросил из пепла и сожженной коры большое и яркое пламя. Прочие женщины перепугались, а весталки велели жене Цицерона Теренции, не медля, отправиться к мужу и сказать ему, чтобы он делал то, что признал нужным для блага государства, так как богиня даровала яркий свет, предвещающий ему благополучие и славу. Теренция (а это была и в других случаях женщина отнюдь не кроткая и не робкая по природе, но отличавшаяся честолюбием и, по признанию самого Цицерона, больше входившая в его заботы о государственных делах, чем делившаяся с ним домашними заботами) не только передала ему это, но и сама постаралась восстановить его против заключенных. То же делали и Квинт, брат Цицерона, и один из товарищей его по научным занятиям, Публий Нигидий, содействием которого он пользовался при решении очень

многих важных государственных дел. Когда на следующий день в сенате был поставлен на обсуждение вопрос о наказании тех людей, и Силану первому было предложено подать свое мнение, тот сказал, что их следует отвести в тюрьму и применить высшую кару. Все, один за другим, присоединялись к этому мнению, пока не настал черед Цезаря, который позже стал диктатором. Будучи тогда еще молод, тая в себе задатки предстоящего величия, он своей политикой и замыслами уже вступил на тот путь, следуя которому заменил римскую республику монархией. От других он умел скрывать это, но в Цицероне много раз возбуждал подозрения, хоть и не выдавал себя ничем, что могло бы послужить уликой. Некоторые даже говорили, что он чуть не был уличен, но сумел вывернуться. Другие же говорят, что Цицерон умышленно оставил донос на Цезаря без внимания и без последствий, страшась его влияния и друзей, ибо было совершенно ясно, что скорее ради этих последних Цезарь будет избавлен от преследования, чем они из-за Цезаря подвергнутся преследованию.

XXI. И ВОТ, когда очередь дошла до него, Цезарь, встав с места, высказался за то, чтобы арестованных не казнить, а, обратив их имущество в государственную собственность, самих удалить в города, какие покажутся Цицерону подходящими, и держать скованными под стражей, пока не будет побежден Катилина. Мнению этому, отличавшемуся гуманностью и высказанному говорившим с величайшей убедительностью, немалый вес придал и Цицерон: поднявшись в свою очередь, он развил обе точки зрения, соглашаясь частью с первой из них, частью с тем, что сказал Цезарь. Да и все друзья, полагая, что предложение Цезаря соответствует интересам Цицерона (ибо он меньше подвергнется обвинениям, если не казнит тех людей), склонялись скорее на сторону этого второго мнения, так что и Силан передумал и взял обратно свои слова, заявив, что он за смертную казнь не стоял, ибо для римского сенатора высшая кара — тюрьма. Когда это мнение было высказано, первым против него восстал Лутаций Катул, а вслед за тем его поддержал и Катон: обратив всю силу своего красноречия на усиление подозрений против Цезаря,

он наполнил гневом сердца сенаторов, и обвиняемым был вынесен смертный приговор. Тогда Цезарь выступил против конфискации имуществ, считая несправедливым, чтобы сенат, отвергнув все, что было гуманного в его, Цезаря, предложении, использовал лишь самую жестокую его часть. А так как многие сильно настаивали, он обратился к народным трибунам; последние не вступились, но Цицерон сам пошел на уступки и отказался от конфискации.

XXII. ВСЛЕД за тем он отправился вместе с сенаторами к арестованным; они находились не все в одном и том же месте, но каждый из них под стражей у одного из преторов. Забрав первым Лентула с Палатина, он повел его по Священной дороге и через середину форума, окруженный кольцом охранявших его высших должностных лиц, между тем как народ следовал за ним в немом ужасе от совершавшегося; в особенности же была поражена изумлением и страхом молодежь, которой представлялось, что она присутствует при совершении какого-то древнего обряда аристократии. Перейдя форум и прибыв к тюрьме, Цицерон передал Лентула палачу с приказанием казнить его. Приведя вслед за тем Цетега, равно как и каждого из прочих по очереди, он предал их смерти. Заметив же еще многих из сообщников, стоявших кучкой на форуме в неведении о происшедшем и ожидавших ночи в предположении, что арестованные еще живы и могут быть освобождены, он громко крикнул им: «Они прожили». Так выражаются римляне о людях, которые умерли, когда не хотят произносить зловещих слов.

Был уже вечер, и Цицерон направился через площадь домой, но уже не среди шествующих с ним в тишине и порядке граждан, а встречаемый кликами и рукоплесканиями людей, громко называвших его восстановителем и спасителем отечества; многочисленные огни освещали улицы: у дверей все ставили светильники и факелы. А женщины освещали его путь с крыш в знак почета, глядя как он с великим торжеством возвращается в сопровождении знатнейших людей. Почти все они завершили великие войны, въезжали в город триумфаторами, присоединили к Риму немало земель и морей, но, шествуя с Цицеро-

ном, единодушно говорили, что многим полководцам народ римский обязан благодарностью за богатства, военную добычу и за свое могущество, но за безопасность и спасение — одному только Цицерону, отвратившему от него столь великую и грозную опасность. Ибо не то казалось достойным удивления, что он помешал осуществлению плана и покарал исполнителей, а то, что самый обширный по замыслу из всех когда-либо бывших мятежей был им подавлен с помощью наименее бедственных мер, без волнений и смут: стекшиеся к Катилине люди, лишь только узнали о том, что случилось с Лентулом и Цетегом, в громадном большинстве покинули его и разбежались, а сам он, вступив во главе оставшихся при нем в битву с Антонием, погиб; отряд же его был уничтожен.

XXIII. ОДНАКО Ж были и лица, готовые и хулить действия Цицерона и вредить ему. Имели они и вождей из числа выбранных на следующий год магистратов — претора Цезаря и народных трибунов Метелла и Бестию. Приняв власть в то время, как до окончания полномочий Цицерона оставалось лишь несколько дней, они не позволили ему выступать перед народом и, поставив на рострах скамьи, не пускали его туда и не давали возможности говорить; единственное, что они ему предложили — это выступить лишь для клятвенного отречения от должности, если бы он того пожелал. Под этим условием и выступил Цицерон — как бы для присяги, и, когда вокруг него водворилась тишина, он произнес клятву, но не ту, которую установили предки, а свою особенную, еще неслыханную: поклялся он в том, что спас отечество и сохранил в полной неприкосновенности его господство. И весь народ единодушно повторил за ним его клятву. Цезарь же и народные трибуны, еще более ожесточившись после этого, готовили Цицерону новые тревоги: они внесли закон, согласно которому Помпей с войском призывался в Рим с целью положить конец властвованию Цицерона. Но в это время великую пользу принес и ему и всему государству Катон: он был тогда народным трибуном и противился декретам своих сотоварищей, будучи облечен равной с ними властью, но пользуясь большей славой. Легко разрешив и дру-

гие затруднения и выступив перед народом, он так возвеличил в своей речи консульство Цицерона, что народ постановил оказать последнему еще небывалые почести и приветствовать его как отца отечества. Насколько известно, Цицерону первому досталась честь этого имени, которое Катон дал ему в народном собрании.

XXIV. ВЕЛИКУЮ приобрел он тогда силу в городе, но и многих заставил ненавидеть себя и не дурным каким-либо поступком, а потому лишь, что возбуждал общее недовольство постоянным самовосхвалением и самовозвеличиванием. Ибо ни сенат, ни суд не могли собраться без того, чтобы не услышать его разглагольствований о Катилине и Лентуле. Даже свои книги и писания он стал наполнять похвалами самому себе. Эта некрасивая манера привилась к нему, словно какая-то порча, почему и речь его, полная прелести и грации, сделалась тягостной и неприятной для тех, кто ее слышал. В то же время, несмотря на столь неумеренное его честолюбие, он был далек от того, чтобы завидовать другим. Как видно из его сочинений, он без малейшей зависти восхваляет людей, живших как до него, так и в его время. Но многое из того, что он сказал, передается и по памяти: об Аристотеле, например, что он — река струящегося золота, о диалогах Платона — что это речи Зевса, если ему свойствен человеческий язык. Теофраста же он называл «своей усладой», а на вопрос, какая из речей Демосфена кажется ему наилучшей, он ответил: «Самая длинная».

Некоторые лица, выдающие себя за поклонников Демосфена, придираются к словам Цицерона, попавшим в письмо к одному из друзей, где сказано, что Демосфен иногда дремлет над своими речами, но они забывают о великих и восторженных похвалах, которые Цицерон часто воздает этому оратору, забывают и о том, что те из речей, над которыми он ревностнее всего трудился, а именно речи против Антония, названы им «филиппиками». Из современников же его, прославившихся даром слова или мудростью, нет ни одного, кого он не сделал бы еще более славным, доброжелательно отзываясь о каждом и в речах своих и в писаниях. Перипатетику Кратиппу выхлопотал он

римское гражданство у Цезаря, бывшего тогда уже диктатором, а у ареопага — постановление о том, чтобы просить того же Кратиппа остаться в Афинах, дабы он вел собеседования с юношеством и служил украшением города. Есть и письма Цицерона к Героду и другие — к сыну, в которых он уговаривает их учиться у Кратиппа. Ритора же Горгия обвиняет он в том, что тот поощряет молодого человека к чувственным удовольствиям и попойкам, а сыну велит избегать общения с Горгием. Из греческих писем Цицерона это почти единственное, написанное в несколько раздраженном тоне, если не считать еще другого — к византийцу Пелопу. На Горгия он нападает заслуженно, если тот в самом деле был тем дурным и распутным человеком, каким казался. С Пелопом же он сводит мелочные счеты, упрекая последнего в том, что тот не постарался исходатайствовать для него у византийцев какие-то почести и декреты.

XXV. НЕ ТОЛЬКО это говорит об его надменности, но и то, что, увлекаясь своим красноречием, он часто выходил из границ дозволенного. Так, например, он защитил однажды в суде Мунатия, и когда тот после своего оправдания возбудил судебное преследование против Сабина, друга Цицерона, последний, говорят, настолько забылся от гнева, что сказал: «Разве ты, Мунатий, сам добился своего оправдания, а не я окутал густым мраком суд, когда все было ясно?» Расхвалив с трибуны Марка Красса, он имел большой успех, а потом через несколько дней стал поносить его. «Не ты ли сам хвалил меня недавно на этом же месте?» — спросил его Красс. «Да, для практики,— отвечал Цицерон: — я упражнялся в речи на неблагодарную тему». В другой раз Красс заявил, что никто из Крассов не прожил в Риме долее 60-ти лет, а позднее отрицал это, говоря: «Зачем стал бы я это говорить?» «Ты знал,— ответил Цицерон,— что римляне с радостью услышат об этом, и заискивал перед ними». Тот же Красс уверял однажды, будто ему нравятся стоики, утверждающие, что богат тот, кто добродетелен. «А не тем ли, скорее, они тебе нравятся,— заметил Цицерон,— что согласно их учению, все принадлежит мудрому». Красс же был известен своим сребролюбием. А когда один из сыновей Красса, ка-

завшийся похожим на некоего Аксия и из-за сплетен насчет последнего навлекавший этим сходством бесчестие на свою мать, выступил в сенате с речью, имевшей успех, и Цицерона спросили, какого он о нем мнения, тот ответил: «Достоин Красса».

XXVI. НАМЕРЕВАЯСЬ отплыть в Сирию, Красс почел для себя лучшим иметь в Цицероне друга, чем врага. Заверяя его в своей дружбе, он выразил желание пообедать у него, и Цицерон любезно его принял. Немного дней спустя некоторые из друзей замолвили перед ним слово за Ватиния, стремившегося, по их словам, к примирению и установлению дружественных отношений (Ватиний был его врагом). «Уж не хочет ли и Ватиний пообедать у меня?» — спросил Цицерон. Таков-то был он по отношению к Крассу. А самого Ватиния, страдавшего опухолью шейных желез, он назвал, в то время как тот защищал свое дело перед судом, надутым оратором. Прослышав же, что Ватиний умер, а вскоре затем узнав достоверно, что он жив, Цицерон сказал: «В таком случае, пусть умрет скверной смертью тот, кто солгал так скверно». Когда Цезарь провел постановление о разделе между воинами земель в Кампании, в сенате многие стали высказывать недовольство, Луций же Геллий, едва ли не самый старый из сенаторов, сказал, что этому не бывать, пока он жив. «Подождем,— заметил на это Цицерон: — ибо не велика отсрочка, которую требует Геллий». Был в Риме некий Октавий, который слыл за уроженца Ливии. На замечание его во время какого-то процесса, что он не слышит Цицерона, последний ответил: «А ведь нельзя сказать, что у тебя не проколото ухо». Метелл Непот сказал однажды, что Цицерон своими обвинительными речами погубил больше людей, чем защитительными спас. «Вполне согласен с тобою,— ответил Цицерон,— что во мне больше добросовестности, чем уменья говорить». Некий юноша, обвинявшийся в том, что дал отцу своему яду в лепешке, держал себя дерзко и говорил, что готовит поношение Цицерону; тот сказал на это: «Охотнее приму от тебя это, чем лепешку». Публий Сестий, взяв себе в качестве защитника в каком-то процессе Цицерона вместе с некоторыми другими, хотел все время говорить сам и никому не давал вы-

молвить слово. Когда стало ясно, что судьи его оправдают, и они уже приступили к голосоваиию, Цицерон сказал: «Пользуйся сегодия возможностью, Сестий, ибо завтра ты не будешь оратором». Публия Косту, человека иевежествениого и бездариого, но претендовавшего на звaиие юриста, вызвал ои однажды свидетелем по какому-то делу, н когда последиий заявил, что ничего ие зиает, Цицерон заметил ему: «Ты, верио, полагаешь, что тебя спрашивают о чемнибудь, касающемся законов». Метелл Непот в какомто споре все время повторял: «Кто твой отец, Цицерон?» «Ответ на такой вопрос,— сказал Цицерон,— для тебя сделала более затруднительным твоя мать». Мать Непота слыла жеищииой распутной, а сам он — человеком взбалмошным. Однажды он, внезапно покннув должность народного трибуна, отплыл к Помпею в Сирию, а затем вернулся, что было еще нелепее. Похоронив с великой заботливостью своего наставиика Филагра, он поставил на его могиле каменного вороиа. «Очень мудро поступил ты,— заметнл ему Цицерон,— он скорее выучил тебя летать, чем говорить». Марк Аппий, выступая в каком-то процессе, заявил в виде предисловня, что друг проснл его выказать заботливость, здравый смысл н добросовестность. «Неужелн,— спросил Цицерон,— ты такой жестокосердый человек, что ничего не хочешь сделать из миогого, о чем проснл тебя друг?»

XXVII. МОЖНО призиать, что примеиение колких шуток против врагов или тяжущейся стороиы допустимо в качестве ораторского приема. Но Цицерону случалось обидно шутить над людьми просто ради смеха, и это часто навлекало на него иеиависть. Упомяну и о иесколькнх таких случаях. Марка Аквилия, два зятя которого иаходились в нзгнании, ои прозвал Адрастом. В цензорство же Луция Котты, человека сверх меры любившего вино, происходили выборы Цицерона в консулы. Ему захотелось пить. Утоляя жажду, он сказал своим друзьям, обступившим его со всех сторон: «Вы правы, опасаясь, как бы цеизор не рассердился иа меия за то, что я пью воду». Встретнв же Викония, который вел с собою трех своих крайне некрасивых дочерей, он воскликнул: «Без изволенья Феба он родил детей».

Марк Геллий, который, как полагают, происходил от родителей несвободнорожденных, читал однажды перед сенаторами письма прекрасным и сильным голосом. «Не удивляйтесь,— промолвил Цицерон: — И этот один из тех, которые были публичными крикунами». А когда Фавст, сын Суллы, неограниченно правившего в Риме и предавшего многих смерти посредством публичных объявлений — проскрипций, оказался весь в долгах и, расточив большую часть своего имущества, объявил аукцион, Цицерон заметил, что это объявление нравится ему больше, чем отцовское.

XXVIII. ИЗ-ЗА ЭТОГО он и стал многим неприятен, и против него сплотилась и партия Клодия по следующему поводу. Клодий, человек знатного рода, был возрастом юн, нравом же смел и своеволен. Влюбленный в Помпею, жену Цезаря, он тайно проник в его дом в одежде и с принадлежностями арфистки: женщины в доме Цезаря совершали сокровенное, недоступное мужским взорам священнодействие, и из мужчин там не было никого. Но Клодий, совсем еще юный и безбородый, надеялся незаметно пробраться вместе с женщинами к Помпее. Он вошел ночью в большой дом и заблудился в переходах. В то время как он блуждал там, его увидела прислужница Аврелии, матери Цезаря, и спросила его имя. Вынужденный сказать что-нибудь, Клодий ответил, что ищет служанку Помпеи, которую зовут Аврой, а та, разобрав, что голос не женский, стала кричать и созывать женщин; женщины же заперли двери и, обыскав все помещение, захватили Клодия, укрывшегося в спальне рабыни, вместе с которой он вошел в дом. Дело это получило широкую огласку, и Цезарь развелся с Помпеей, Клодия же привлек к суду, обвинив его в нечестии.

XXIX. А ЦИЦЕРОН был другом Клодия и имел в нем во время событий, связанных с именем Катилины, ревностнейшего помощника и телохранителя. Однако, в то время как Клодий, возражая против обвинения, утверждал, что он тогда в Риме не был, а проживал в отдаленнейших местах, Цицерон засвидетельствовал, что тот пришел к нему в дом и разговаривал о некоторых делах. Так именно это и было в дей-

ствительности. Но Цицерон, по-видимому, выступил свидетелем не правды ради, а с тем, чтобы оправдаться перед женой своей Теренцией: она ненавидела Клодия из-за сестры его Клодии, которая, по ее мнению, хотела вступить в брак с Цицероном и устраивала это дело через посредство некоего Тулла. Этот последний был товарищем и одним из самых близких друзей Цицерона, а в то же время постоянно бывал у Клодии и оказывал ей услуги как близкой соседке, чем и навлек на себя подозрения Теренции. Своенравная и командовавшая своим мужем, она побудила его выступить вместе с другими против Клодия и дать свои показания. Свидетельствовали же против Клодия многие честные люди, обвиняя его в клятвопреступлениях, плутовстве, подкупе черни, совращении женщин. А Лукулл выставил и служанок свидетельницами того, что Клодий был в связи с младшей из своих сестер в то время, как она жила в замужестве с ним, Лукуллом. По мнению многих, Клодий находился в близких отношениях и с другими двумя своими сестрами — Тертией, женой Марка Рекса, и Клодией, женой Метелла Целера; последнюю прозвали Квадрантарией за то, что кто-то из ее любовников, насыпав в кошелек медных монет, послал ей это вместо серебра: самую мелкую из медных монет римляне называют квадрантом. Из-за этой-то сестры и пострадала больше всего репутация Клодия. Но так как, несмотря на это, народ стал тогда во враждебные отношения к тем, кто свидетельствовал и выступал против Клодия, судьи испугались и поставили вокруг судилища стражу, а сами по большей части подавали свои таблички с неразборчивыми начертаниями. Но все же большинство из них высказалось, по-видимому, за его оправдание, а по слухам имел место и подкуп. Поэтому Катул, встретив судей, сказал им: «Правильно поступили вы, потребовав себе для безопасности стражу: вы боялись, как бы кто-нибудь не отнял у вас денег». А Цицерон так ответил Клодию, попрекавшему его тем, что судьи не дали веры его, Цицерона, показаниям: «Но ведь мне поверили двадцать пять судей, ибо столько было их, осудивших тебя, а тебе не поверили тридцать, так как они оправдали тебя не раньше, как взяв деньги». Но Цезарь, вы-

званный в суд, показаний против Клодия не дал, причем заявил, что он не подозревает жену свою в прелюбодеянии, и развелся с нею потому, что супружеская жизнь Цезаря должна быть чиста не только от постыдных поступков, но и от порочащих слухов.

XXX. ИЗБЕГНУВ этой опасности, Клодий, избранный в народные трибуны, тотчас же обратился против Цицерона, собирая и используя ему во вред всякие дела и всяких людей. При этом расположение народа снискивал он себе льготными законами, а каждому из консулов дал по большой провинции, проведя соответствующий закон в народном собрании: Пизону — Македонию и Габинию — Сирию. Многих из бедняков он приобщил к своей политике и окружил себя вооруженными рабами.

Из трех самых влиятельных в то время людей Красс открыто враждовал с Цицероном. Помпей вел с тем и другим из них двойную игру, Цезарь собирался выступить с войском в Галлию. С этим последним и стал искать сближения Цицерон, хоть тот не только не был его другом, но оставался у него под подозрением со времени заговора Катилины: он выразил желание сопровождать Цезаря в походе в качестве его легата. А когда Цезарь на это согласился, Клодий, видя, что Цицерон ускользает из-под его власти как народного трибуна, сделал вид, что готов идти на примирение. Возлагая большую часть вины на Теренцию, постоянно упоминая о Цицероне с уважением, повторяя с наружным благожелательством, что он не чувствует ни ненависти, ни вражды, и ограничиваясь мягкими дружескими упреками,— он совершенно рассеял опасения Цицерона, и последний отказался от должности легата у Цезаря и снова занялся общественными делами. Раздраженный этим отказом, Цезарь ободрил Клодия и заставил Помпея совершенно отвернуться от Цицерона, а сам свидетельствовал против него перед народом, заявляя, что ему кажется беззаконным поступок Цицерона, казнившего не осужденных судом людей — Лентула и Цетега с товарищами. Таково было обвинение, и по этому обвинению Цицерон был привлечен к суду. Попав, таким образом, в опасное положение подсудимого, он переменил одежду, отпустил волосы и, обходя город,

молил народ о защите. А Клодий встречал его повсюду на улицах, окруженный толпой иаглых и дерзких людей, которые всячески осменвая изменившийся вид его н одежду, а иередко бросая в него грязью и камнями, препятствовали ему обращаться к народу. **XXXI.** ОДНАКО вместе с Цицероном переменили одежду и всадникн, чуть ли не в полном составе, и не менее 20 000 юношей следовали за ннм, отпустнв волосы и вторя его мольбам. Собрался затем и сеиат, дабы вынестн постановленне, согласно которому и народ должен был перемеинть, как бы в знак траура, одежду, а когда консулы этому воспротнвились, Клодий же окружил сенат вооруженивми людьмн, миогие из сеиаторов выбежалн оттуда, разрывая туннки н громко крича. Но так как зрелнще это не пробудило нн жалости ии стыда, и Цнцерону приходнлось либо бежать, лнбо решить дело вооружеиной борьбой с Клодием, ои обратился с просьбой о помощи к Помпею, предиамеренно удалившемуся и прожнвавшему за городом, в своем албанском нменни. Сиачала он послал туда Пизона, своего зятя, который должеи был передать просьбу, а затем отправился и сам. Но извещеиный об этом Помпей не посмел показаться ему иа глаза, ибо непреодолимый стыд испытывал он перед человеком, ие раз вступавшим ради иего в великие бои н в своей политике миогое сделавшнм ему в угоду. А теперь, став зятем Цезаря, ои, по настоянию последнего, предал забвению эти давние услуги и, выскользнув через другие дверн, уклонился от свидания. Преданный, такнм образом, Помпеем, и оставшнсь одинокнм, Цнцерон прибег к консулам. Но Габинний выказал недоступность, Пизон же обошелся с ннм в разговоре мягче, советуя ему удалиться, уступить натнску Клодия, перетерпеть превратность судьбы и сиова стать спасителем отечества, из-за иего же находящегося теперь в состоянии смуты и терпящего бедствия. Получнв такой ответ, Цицерои стал советоваться с друзьями. Из них Лукулл предлагал ему остаться, рассчитывая, что он одержит верх, прочие же предлагалн бежать, говоря, что иарод скоро соскучится по ием, пресытившнсь безумствами Клодия. С этим согласился и Цицерон. Перенеся на Капитолнй особо чтимую им статую Мииервы, которая была

доставлеиа в его доме и долгое время находилась у иего, он посвятил ее, сделав следующую надпись: «Миие рве, охраиительиице Рима». Принияв затем от друзей провожатых, он незаметио, глубокой ночью вышел из города и иаправился сухим путем, через Лукаиию, с иамерением добраться до Сицилии.

XXXII. КОГДА обиаружилось, что он бежал, Клодий провел постаиовлеиие об его изгиаиии и обнародовал эдикт, повелевавший отказывать ему в огие и воде и ие давать приюта ближе, чем за 500 миль от Италии. Почти все придавали очень мало значения этому эдикту из уважеиия к Цицерону. Всячески выказывая ему радушие, его провожали дальше. Одиако в луканском городе Гиппоиии, иыие изываемом Вибоиом, некий Вибий, сицилиец родом, пользовавшийся большим расположением Цицероиа и во время коисульства его бывший иачальииком рабочих-строителей, не принял его к себе в дом, а объявил, что отведет ему место за городом. Также и Гай Вергилий, сицилийский претор, одии из иаиболее близких к Цицероиу людей, письмеиио просил его воздержаться от приезда в Сицилию. Удручеииый этим, ои отправился в Бруидизий. Направясь оттуда при попутном ветре к Диррахию и встретив на море противиый ветер, ои иа следующий деиь возвратился, но затем виовь отплыл. Говорят, что когда ои прибыл в Диррахий и собирался сойти иа берег, произошло землетрясеиие и в то же время подиялось волиеиие иа море. Гадатели заключили из этого, что изгиаиие его ие будет длительиым, ибо явления эти зиамеиуют перемеиу. Несмотря иа то, что миогие дружествеиио его навещали, а греческие города иаперерыв отправляли к нему депутации, Цицерои проводил большую часть времеии в уиыиии и глубокой грусти, устремляя свои взоры, подобио безиадежио влюблениому, к Италии, через меру предаваясь малодушию в своем иесчастии, подавлеииый и уиижеииый, чего едва ли кто мог ожидать от человека, прошедшего школу столь высокой учеиости; да и сам ои часто просил друзей называть его ие оратором, а философом: философия избраиа им, как осиовиое заиятие, красиоречием же пользуется ои лишь по мере надобиости, как орудием общественой деятельиости. Но честолюбие способио смы-

вать с душн, как краску, всякое ученне и накладывать на людей, заннмающихся общественнымн делами, отпечаток страстей, свойственных толпе, с которой онн общаются н свыкаются, еслн только не оберечь себя от этого должным образом, стараясь в сношеннях с посторонннми прнобщаться только к самым делам, но не к сопутствующнм им страстям.

XXXIII. А КЛОДИЙ, нзгиав Цицерона, сжег его виллы, сжег его дом н построил на этом месте храм Свободы. Остальное же имущество он назначнл к распродаже и ежедневно объявлял о ней через глашатая, ио иикто иичего не покупал. Нагнав этим страх на оптнматов н увлекая вслед за собою разнуздавшийся народ иа путь крайинх, дерзкнх бесчинств, он стал иападать и на Помпея и отменять иекоторые нз распоряжеиий, сделанных им во время похода. Уннженный этим, Помпей порнцал себя за то, что покииул Цицероиа, н иачал усиленно действовать в обратном направленнн, подготовляя с помощью друзей его возвращение в отечество. А когда Клоднй стал этому противиться, сенат с своей стороны постановнл не утверждать ни одного решення н не заннматься государственнымн деламн, еслн Цнцерону ие будет дана возможность вернуться. Но в год, когда у властн стоял коисул Лентул с своей партней, когда волиения распространнлнсь настолько, что на форуме былн ранены народные трнбуны, а Квннт, брат Цицерона, вынуждеи был укрыться, лежа, как мертвый среди трупов,— иастроенне народа начало меняться. Однн из иародных трнбунов, Анинй Мнлон, первый отважился привлечь Клодия к суду за насилия. К Помпею же прнсоеднннлнсь многие нз народа н из жнтелей окрестных городов. Выступив с нними и прогиав Клодня с форума, он пригласнл граждан приступить к голосованию. Еще нникогда, говорят, нн по какому делу не голосовал народ с таким едннодушнем. А сеиат, соревнуясь с иародом, предложнл воздать благодариость всем городам, оказавшнм Цицерону услуги во время его нзгнання, н восстановнть на государственные средства его дом и внллы, которые уничтожнл Клоднй.

Возвратился же Цнцерои на шестнадцатый месяц после изгиання. И такова была радость городов,

столь велико усердие встречавших его людей, что и сказанные им впоследствии по этому поводу слова не выражают всей правды. А сказал он, что вся Италия несла его на плечах и так внесла его в Рим. Даже Красс, враждебный ему до изгнания, и тот с готовностью вышел тогда ему навстречу и помирился с ним, чтобы, как говорил он, доставить удовольствие своему сыну Публию, почитателю Цицерона.

XXXIV. НЕСКОЛЬКО времени спустя Цицерон, дождавшись отлучки Клодия и явившись в сопровождении многих граждан на Капитолий, сорвал и уничтожил таблички трибунов, содержавшие записи постановлений. Когда Клодий обвинял по этому поводу Цицерона, а последний указывал, что тот незаконно попал из патрициев в народные трибуны и, следовательно, ничто из сделанного им не имеет законной силы, Катон вознегодовал и выступил с возражениями: Клодия он не хвалил, а, наоборот, был возмущен его деятельностью, но вместе с тем называл опасным и насильственным актом постановление сената об уничтожении столь великого множества решений и дел, в числе которых находились и его собственные распоряжения, относящиеся к Кипру и Византию. Цицерон оскорбился выступлением Катона, однако ж чувство это не дошло до открытой неприязни, и они стали лишь сдержаннее в изъявлении друг другу своего расположения.

XXXV. ПОСЛЕ этих событий Милон убивает Клодия. Привлеченный к суду за убийство, он выставил Цицерона своим защитником. Сенат же, боясь, как бы из-за преследования, которому подвергается столь известный и вместе с тем пылкий по характеру человек, каким был Милон, не произошло в городе волнений, поручил Помпею руководить как этим процессом, так и другими, дабы обеспечить безопасность городу и судам. Помпей еще с ночи занял воинскими отрядами окружающие форум возвышенности, и Милон, опасаясь, как бы Цицерон, смутившись столь непривычным для него зрелищем, не провел защиты хуже обыкновенного, уговорил его отправиться на форум в носилках и спокойно ждать там, пока не соберутся судьи и не наполнится людьми судилище. А Цицерон, как известно, не только был робок на вой-

не, но и говорить начинал со страхом: во многих процессах он с трудом переставал трястись и дрожать только тогда, когда доходил в речи до высшего подъема, становясь уже более уверенным в себе. Приняв же однажды на себя защиту Лициния Мурены, привлеченного к суду Катоном, и стремясь из честолюбия превзойти пользовавшегося успехом Гортензия, он не дал себе ни часу отдыха ночью и, в результате, изнуренный умственным напряжением и бдением, показался уступающим Гортензию.

Итак, сойдя с носилок, Цицерон направился к месту суда над Милоном. Увидя же расположившегося как бы лагерем на высотах Помпея, а вокруг всей площади ярко блестевшее оружие, он настолько смутился, что с трудом мог начать свою речь, прерывающимся голосом и трясясь всем телом, между тем как сам Милон явился в суд с видом непоколебимого мужества, не сочтя даже нужным отпустить волосы и переменить одежду на траурную. Надо полагать, что именно это обстоятельство в значительной мере способствовало его осуждению. Но Цицерон в этом процессе показался скорее человеком преданным интересам своих друзей, чем трусливым.

XXXVI ЦИЦЕРОН вступил в число жрецов, которых римляне называют авгурами, на место Красса младшего, после того как последний погиб в земле парфян. Затем, получив по жребию провинцию Киликию и войско, состоявшее из 12 000 тяжеловооруженных и 1600 всадников, он отплыл по назначению. Поручено ему также было устроить дела в Каппадокии, сделав ее дружественной и покорной царю Ариобарзану. Он подчинил и умиротворил эти области, не навлекая на себя ни с чьей стороны упреков и не прибегая к военным действиям. Обратив затем внимание на начинавшиеся среди киликийцев, под влиянием парфянской неудачи римлян, волнения и на возмущения в Сирии, он успокоил их кротостью своего управления. Он не принимал даров даже в тех случаях, когда их давали цари, жителей же провинции освободил от пиров в свою честь, а сам ежедневно приглашал приятных ему лиц к столу, угощая без роскоши, но радушно. При доме его не было привратника, а самого его никто не заставал лежащим: с раннего утра он

принимал являвшихся к нему с приветствиями, стоя или прохаживаясь перед спальней. Говорят, что он ни розгами никого не сек, ни одежд не разрывал, не поносил никого словами и не налагал взысканий в оскорбительной форме. Раскрыв же многочисленные случаи хищения народных денег, он поднял этим благосостояние городов, причем виновные, возвратив похищенное, ничего больше не претерпели и сохранили свои гражданские права. Вел он также войну, обратив в бегство разбойников, живших в окрестностях Амана, за что был провозглашен солдатами императором. А когда оратор Целий просил Цицерона прислать из Киликии в Рим для какого-то зрелища барсов, тот написал ему, рисуясь своими деяниями, что барсов в Киликии нет: они убежали в Карию, рассердившись на то, что с ними одними воюют, между тем как все пользуются миром.

Отплыв из своей провинции, Цицерон сначала пристал к Родосу, а затем с удовольствием провел некоторое время в Афинах, стосковавшись по былым своим занятиям. Сойдясь здесь с самыми видными представителями греческой образованности, приветливо встретившись с прежними своими друзьями и знакомыми, он вернулся из почтившей его подобающим образом Греции в Рим в то самое время, как республика, переживая как бы воспалительный процесс, вовлеклась в междоусобную войну.

XXXVII. И ВОТ, когда в сенате был поставлен на голосование вопрос о награждении его триумфом, Цицерон заявил, что ему приятнее было бы сопровождать в триумфальном шествии Цезаря, если бы прекратился раздор. То же советовал он и частным образом: много раз писал Цезарю, настойчиво просил и Помпея, успокаивая и уговаривая каждого из них. А когда дело стало уже непоправимым, и Цезарь перешел в наступление, Помпей же не остался на месте, а покинул город в сопровождении многих лучших людей, Цицерон не присоединился к ним в этом бегстве, и можно было думать, что он перейдет на сторону Цезаря. Вполне очевидно, что в поисках решения он долго бросался из стороны в сторону и жестоко страдал. Ибо в своих письмах он говорит, что не знает, в какую сторону должно ему обратиться,— если

у Помпея есть прекрасиое, заслуживающее уважеиия осиоваиие вести войну, зато Цезарь удачнее пользуется обстоятельствами и лучше умеет спасать и себя и своих друзей: в этих условиях ясно, от кого надо бежать, но неясно, к кому бежать. В то же время Требатий, один из товарнщей Цезаря, написал ему письмо, в котором говорнлось, что ему, Цнцерону, скорее всего иадлежало бы, как полагает Цезарь, примкнуть к партии последнего и разделнть с иим его иадежды; если же он отказывается от этого из-за преклонного возраста, то лучше бы было ему ехать в Грецию и, оставаясь там, жить спокойно в стороне от обеих партий. Удивленный тем, что Цезарь ие напнсал ему сам, Цнцерон ответнл в сердцах, что он ие совершнт ннчего, что было бы недостойно прежних его дел. Так говорится об этом в его письмах.

XXXVIII. ЛИШЬ только Цезарь отправился в Испанню, Цицерон отплыл к Помпею, где его встретилн с радостью все, кроме Катона: последний, увидев Цнцерона наедине, сильно порицал его за то, что он присоединился к Помпею; ибо ему, Катону, не к лицу было бы измеиить тому направлению в полнтике, которого ои держался с самого иачала, тогда как Цицерон принес бы большую пользу отечеству и друзьям, если б оставался в Рнме нейтральным, сообразуясь в своих действнях с ходом событнй; а теперь он явнлся сюда, крайне неосмотрительио, без всякой нужды сделавшись врагом Цезаря, чтобы подвергиуться вместе с другими столь велнкой опасности. Слова эти изменили намерення Цнцероиа; повлияло на него и то обстоятельство, что Помпей не поручал ему инкакого важного дела. Но в этом виионат был он сам: не скрывая того, что он расканвается, Цнцерон порочил приготовления Помпея, с затаеиным иедоброжелательством критиковал его распоряжения и не мог воздержаться от насмешки н острословия, иаправленных против его соратников. Сам он ходил по лагерю угрюмый н печальный, других же заставлял смеяться, хоть им было вовсе не до смеху. Но лучше приведу здесь иесколько примеров таких острот. Так, Домитий, продвигая на командную должность человека к военному делу неспособного, говорил про него, что он отлнчается прекрасиым иравом и благоразу-

мием. «Почему же,— спросил Цицерон,— ты не прибегаешь его для опеки над твоими детьми?» Некоторые хвалили лесбосца Теофана, который был начальником лагерных рабочих, за то, что он хорошо успокоил родосцев, потерявших свой флот. «Какое это великое благо иметь начальником грека!» — воскликнул Цицерон. А в то время, как Цезарь имел почти во всем успех и как бы уже держал Помпея в осаде, Цицерон так ответил Лентулу, сказавшему, что друзья Цезаря, как слышно, настроены мрачно: «Ты хочешь сказать, что они сердятся на Цезаря». Некий Марций, только что явившийся из Рима, рассказывал, что там ходят упорные слухи, будто Помпей осажден. «Так ты для того и отплыл оттуда, чтобы удостовериться в этом собственными глазами?» — спросил Цицерон. После поражения Нонний сказал, что следует надеяться на лучшее, ибо в лагере Помпея остались семь орлов. «Прекрасен был бы твой совет,— возразил Цицерон,— если бы мы воевали с галками». Лабиен же, полагаясь на какие-то предсказания, уверял, что Помпею суждено одержать верх. «Так значит,— сказал Цицерон,— это была хитрость, что мы потеряли свой лагерь».

XXXIX. ПОСЛЕ битвы при Фарсале, в которой он не принимал участия по болезни, когда Помпей бежал, Катон, располагавший в Диррахии многочисленным войском и большим флотом, потребовал от Цицерона, чтобы он принял на себя обязанности командующего, согласно с законом и как лицо облеченное ранее консульским достоинством. Цицерон отказался от командования и вообще от участия в войне. Тут молодой Помпей и друзья его, называя Цицерона изменником, уже выхватили было мечи, и он едва ли избег бы гибели, если б не вступился Катон, который с трудом отстоял его от них и проводил из лагеря. Прибыв же в Брундизий, он прожил здесь некоторое время в ожидании Цезаря, которого задерживали дела в Азии и Египте. А когда стало известно, что Цезарь причалил в Таренте и переходит оттуда сухим путем в Брундизий, Цицерон поспешил ему навстречу, не теряя окончательно надежды, но все же боясь испытать в присутствии многих настроение человека, ему враждебного и одержавшего верх. Но ему ничего не при-

шлось ни сделать, ни сказать, что было бы противно его достоинству. Ибо Цезарь, увидя Цицерона, шедшего ему навстречу далеко впереди других, ласково приветствовал его, сойдя с коня, и прошел много стадий пути, беседуя с ним одним. С того времени он не переставал оказывать Цицерону знаки уважения и благосклонности, и когда тот написал хвалебное слово в честь Катона, Цезарь в ответном слове воздал хвалу красноречию Цицерона и всей его жизни, находя в нем величайшее сходство с Периклом и Фераменом. Сочинение Цицерона носит заглавие «Катон», Цезаря же — «Антикатон». Рассказывают также, что когда Квинт Лигарий был обвинен в том, что стал одним из врагов Цезаря, и Цицерон принял на себя его защиту, Цезарь сказал своим друзьям: «Что мешает нам послушать, после долгого перерыва, речь Цицерона, если Лигарий уже давно признан нами негодяем и врагом?» Но Цицерон с самого начала своей речи взволновал Цезаря необычайно, в дальнейшем же своем развитии его речь стала столь разнообразна в выражении чувств и исполнилась столь удивительного очарования, что Цезарь много раз менялся в лице; ясно было, что и душевное его состояние постоянно меняется. А под конец, когда оратор коснулся сражения под Фарсалом, Цезарь, охваченный волнением, задрожал всем телом и выронил записки, которые держал в руках. Так покоренный, он оправдал Лигария.

XL. В ДАЛЬНЕЙШЕМ ЖЕ, после того как республика превратилась в монархию, Цицерон, отстранившись от общественных дел, посвятил свои досуги молодым людям, желавшим заниматься философией, а так как они принадлежали к числу самых родовитых и знатных, он снова, благодаря знакомству с ними, приобрел очень большое влияние в городе. Основным же его делом было составлять и переводить философские диалоги, а также перелагать на латинский язык отдельные термины, принятые в диалектике и физике. Ибо, как говорят, он первый, или преимущественно он, дал латинские названия таким словам, как «представление», «согласие», «воздержание от суждения», «восприятие», а также «неделимое», «не имеющее частей», «пустота» и многое другое в этом же

роде, сумев с помощью отчасти метафор, отчасти собственных значений, сделать их понятными и легко усвояемыми. Способностью же своею легко сочинять стихи он пользовался для развлечения, и всякий раз, как ему случалось увлечься этим занятием, он, говорят, сочинял в одну ночь до 500 стихов.

Проводя тогда большую часть времени в своем тускуланском поместье, Цицерон писал друзьям, что он живет жизнью Лаэрта; быть может, он шутил по своему обыкновению, быть может, страстно стремился к государственной деятельности, побуждаемый честолюбием и печалясь о тогдашних порядках. Изредка приезжал он в город ради того, чтобы приветствовать Цезаря, причем бывал первым среди людей, готовых назначать Цезарю почести и старавшихся всегда сказать что-нибудь новое в похвалу ему и его деяниям. Таковы, например, слова его о статуях Помпея; они были сняты и брошены на землю. Цезарь же приказал поставить их на прежние места, и они были поставлены. По этому-то поводу Цицерон и сказал, что Цезарь, столь великодушно восстанавливая статуи Помпея, воздвигает свои собственные.

XLI. ГОВОРЯТ, что он задумал написать всю отечественную историю, со включением в нее многого из истории Греции и с добавлением цельных греческих рассказов и мифов, но его удержали от этого как многочисленные общественные дела, так и многие личные неприятности и беды, большая часть которых приключилась, как кажется, по его собственной вине. Во-первых, он развелся со своей женой Теренцией на том основании, что она нисколько не заботилась о нем во время войны, так что ему пришлось отправиться в путь, нуждаясь в необходимых дорожных припасах, да и по возвращении в Италию он не нашел в ней никакого к себе благожелательства. Ибо она не явилась к нему ни разу в течение всего долгого времени, проведенного им в Брундизии, а когда отправилась туда, в этот дальний путь дочь-подросток, та не дала ей ни приличествующих случаю провожатых, ни припасов на дорогу. Да и дом передала она ему в совершенно заброшенном виде и пустым, при множестве долгов. Таковы были, говорят, наиболее благовидные предлоги для развода. Но он сам же блистательным

образом оправдал отрицавшую все это Теренцию, женившись вскоре на девушке, прельстившей его своею молодостью, как говорила об этом повсюду Теренция, а как пишет о том же Тирон, вольноотпущенник Цицерона — ради денег для уплаты долгов. Девица была очень богата, Цицерон же, назначенный, по доверенности, ее опекуном, охранял ее имущество, а так как долгов у него было на сумму в несколько десятков тысяч, он поддался убеждениям друзей и домашних вступить с нею в брак, несмотря на разницу лет, и, воспользовавшись ее деньгами, удовлетворить кредиторов. Вспоминая об этом браке в речи, написанной в ответ на «Филиппики», Антоний говорит, что Цицерон прогнал жену, возле которой состарился — остроумная насмешка над домоседством Цицерона, как человека бездеятельного и не воинственного. Вскоре после этой женитьбы умерла от родов его дочь, в доме Лентула, за которого она была выдана после смерти ее первого мужа Пизона. Для утешения Цицерона к нему отовсюду собрались философы, но он был так сильно огорчен случившимся, что развелся со своей молодой женой из-за того, что та, как ему показалось, была рада смерти Туллии.

XLII. ТАК ОБСТОЯЛИ домашние дела Цицерона. В заговоре же против Цезаря он участия не принял, хотя был связан самыми тесными узами дружбы с Брутом, и, по-видимому, тяготясь настоящим положением дел, тосковал, как никто другой, о старых порядках. Но участники заговора боялись его характера, как недостаточно смелого, да и преклонных лет его — возраста, когда и в самых сильных натурах иссякает отвага.

После того как Брут и Кассий с товарищами привели в исполнение свой замысел, друзья же Цезаря объединились против них, снова возникли опасения, как бы город не был ввергнут в междоусобную войну. Антоний, бывший тогда консулом, собрал сенат и в краткой речи призывал к единомыслию, а Цицерон, приведя множество подобавших случаю доводов, убедил сенат принять по примеру афинян решение об амнистии по делам, имевшим отношение к Цезарю, Бруту же и Кассию дать провинции. Но ничего из этого не вышло. Ибо народ, уже сам по себе жалевший

о Цезаре, лишь только увидел покойника, выносимого через площадь, между тем как Антоний показывал собравшимся обагренную кровью и исколотую мечами одежду,— бросился вне себя от гнева разыскивать по форуму убийц и побежал к их домам с огнем, чтобы поджечь их. А те, приняв заранее меры предосторожности, избежали этого, но предвидя много других опасностей, покинули город.

XLIII. АНТОНИЙ же тотчас поднял голову и, как человек имевший намерение править единовластно, стал страшен всем, а Цицерону в особенности. Ибо, видя вновь возрастающее влияние последнего в республике и близость его к Бруту, Антоний тяготился его присутствием. Надо полагать, что они и раньше относились друг к другу с некоторой подозрительностью, вследствие полнейшего несходства их во всем жизненном укладе. Опасаясь всего этого, Цицерон хотел было отправиться в Сирию с Долабеллой, в качестве его легата, но Гиртий и Панса, которым предстояло быть консулами после Антония, люди честные и преданные Цицерону, просили его не покидать их, обещая, что при нем они лишат власти Антония. Цицерон же не отнесся к ним с недоверием, но и не совсем поверил им; он распрощался с Долабеллой, а с Гиртием условился, что проведет лето в Афинах и вернется, когда тот примет консульскую должность, после чего отплыл один. Но плавание его затянулось, а из Рима, как это часто бывает, стали доходить до него неожиданные вести, будто с Антонием произошла удивительная перемена, что он все делает и решает в угоду сенату и что недостает лишь его, Цицерона, присутствия, чтобы дела устроились наилучшим образом. Браня свою чрезмерную осторожность, Цицерон повернул назад в Рим. На первых порах надежды не обманули его: навстречу ему стеклось такое множество народу, что рукопожатия и дружеские приветствия близ ворот и при въезде заняли почти весь день. Но когда на следующий день Антоний собрал сенат и пригласил его туда, Цицерон не пошел и пролежал в постели, ссылаясь на то, что чувствует себя слабым от усталости. На самом же деле то был, очевидно, страх перед злым умыслом, вызванный в нем некоторыми подозрениями и предупреждением, полученным

им в пути. Раздраженный этим, Антоний послал воинов с приказанием привести Цицерона или сжечь его дом, но, во внимание к многочисленным возражениям и просьбам, удовлетворился тем, что взял с него залог. После этого они не здоровались при встречах и остерегались друг друга, и в таких отношениях и застал их приехавший из Аполлонии молодой Цезарь. Он объявил себя наследником умершего Цезаря и вступил в спор с Антонием из-за 25 миллионов, которые тот взял себе из имущества покойного.

XLIV. ВВИДУ этого Филипп, женатый на матери молодого Цезаря, и Марцелл, муж его сестры, явившись вместе с юношей к Цицерону, условились с ним, что он будет поддерживать Цезаря и в сенате и перед народом силою своего красноречия и своим влиянием в делах государственного управления, а тот с помощью денег и войска обеспечит безопасность Цицерона: молодой человек уже располагал не малым числом воинов, служивших под начальством Цезаря. Была, по-видимому, еще более важная причина, в силу которой Цицерон охотно согласился заключить дружбу с молодым Цезарем. Кажется, еще при жизни Помпея и Цезаря, ему привиделось во сне, будто некто позвал на Капитолий сенаторских сыновей, так как Юпитер должен был объявить одного из них властителем Рима; поспешно сбежавшиеся граждане стояли вокруг храма, а мальчики, храня молчание, сидели в окаймленных пурпуром тогах. Внезапно открылись двери, и мальчики, вставая поодиночке, торжественно проходили вокруг бога. Озирая каждого, бог отсылал их назад, и они уходили огорченные. Но когда приблизился молодой Цезарь, он простер руку и изрек: «Римляне, наступит конец вашим междоусобиям, когда этот станет властителем». Таково, говорят, было сновидение Цицерона, причем наружность мальчика ясно запечатлелась и сохранилась в его памяти, но самого мальчика он во сне не опознал. На следующий же день, в то время как Цицерон спускался к Марсову полю, а мальчики возвращались оттуда с гимнастических упражнений, первым из них попался ему на глаза именно тот, кто ему приснился. Пораженный этим, Цицерон спросил, кто его родители. Оказалось, что это был сын Октавия,

человека не очень знатного, и Аттии, племянницы Цезаря, вследствие чего Цезарь, не имевший собственных детей, и оставил ему по завещанию свое имущество и дом. С этих пор, говорят, Цицерон при встречах с мальчиком оказывал ему большое внимание, а тот дружелюбно принимал его расположение. К тому же случилось так, что год его рождения совпал с годом консульства Цицерона.

XLV. ВОТ ТЕ видимые причины их дружбы, на которые обычно указывают. Но прежде всего Цицерона сблизила с Цезарем ненависть к Антонию, а затем его прирожденная слабость к почестям: он рассчитывал использовать в своей политике силы Цезаря, а юноша так подольщался к нему, что называл его своим отцом. Негодуя по этому поводу, Брут в письмах своих к Аттику обвиняет Цицерона в том, что тот, прислуживаясь к Цезарю из страха перед Антонием, явно ищет не свободы для отечества, а для себя милостивого господина. Однако ж сына его, занимавшегося в Афинах у философов, Брут принял к себе, назначил на командную должность и много раз давал ему поручения, успешно выполнявшиеся последним.

В это время могущество Цицерона в городе достигло высшего подъема. Распоряжаясь всем, чем хотел, он изгнал Антония, восстановил против него всех и отправил для борьбы с ним обоих консулов, Гиртия и Пансу. Вместе с тем он убедил сенат предоставить Цезарю ликторов и знаки преторской власти, как борцу за отечество. Но когда Антоний был побежден, а оба консула были убиты, и войска их, прибыв с поля битвы, примкнули к Цезарю, сенат, убоявшись молодого человека, которому столь блистательно благоприятствовала судьба, попытался почестями и подарками склонить войска к уходу от Цезаря, лишив его таким образом военных сил, под тем предлогом, что после бегства Антония в защитниках уж нет надобности. С своей стороны, Цезарь, устрашенный таким оборотом дел, подослал к Цицерону людей с тем, чтобы они просили и убедили его одновременно добиваться консульства для обоих, а затем, приняв власть, распоряжаться делами, как ему вздумается и руководить юношей, который добивается лишь этого титула и славы. Цезарь сам

признается, что он боялся роспуска войск и рисковал остаться одиноким, почему и воспользовался вовремя властолюбием Цицерона, побудив его домогаться консульства и обещав поддержать его на выборах.

XLVI. ЦИЦЕРОН — старик, вконец обольщенный и обманутый юношей, поддержавший его кандидатуру и сделавший сенат ему послушным,— тогда же подвергся за это обвинениям со стороны друзей, а немного позже и сам почувствовал, что погубил себя и пожертвовал свободой народа. Ибо Цезарь, усилившись и приняв консульскую должность, от Цицерона отошел, а стал другом Антонию и Лепиду и, соединив воедино их войска со своими, поделил между ними верховное управление, словно какую-нибудь частную собственность; они внесли в проскрипционные списки более 200 человек, которых решено было умертвить. Из всех спорных вопросов наиболее продолжительные препирательства вызывал вопрос о включении в этот список Цицерона, Антоний не шел ни на какие соглашения, если только Цицерон не будет убит первым, Лепид поддерживал Антония, Цезарь же противился обоим. Три дня продолжались их тайные переговоры в уединении, близ города Бононии, причем сходились они на месте, расположенном поодаль лагерей и окруженном рекой. Первые два дня Цезарь, говорят, боролся за Цицерона, на третий же уступил и пожертвовал им. Обменялись же они следующим образом: Цезарь уступил Цицерона, Лепид — своего брата Павла и Антоний — Луция Цезаря, который приходился ему дядей с материнской стороны. Так лишились они от бешеной злобы способности мыслить по-человечески или, лучше сказать, показали, что нет зверя свирепее человека, совмещающего в себе дурные страсти и власть.

XLVII. В ТО ВРЕМЯ как творились эти дела, Цицерон находился вместе с братом в своем поместье близ Тускула. Узнав же о проскрипциях, они решили перейти в Астуру, приморское поместье Цицерона, а оттуда отплыть в Македонию к Бруту, ибо уже ходили слухи, что он располагает большими силами. Отправились они, удрученные горем, в носилках; останавливаясь в пути и располагая носилки рядом, они горько сетовали друг перед другом. Особенно беспокоился Квинт, думая об их беспомощности, ибо,

говорил Квинт, он ничего не взял с собой, да и у Цицерона запас был скуден. Итак, лучше будет, если Цицерон опередит его в бегстве, а он догонит его, захватив из дому необходимое. Так они и порешили, а затем обнялись на прощание и в слезах расстались. И вот, несколько дней спустя, Квинт, выданный рабами людям, искавшим его, был умерщвлен вместе с сыном. А Цицерон, принесенный в Астуру и найдя там судно, тотчас сел на него и плыл, пользуясь попутным ветром, до Цирцея. Кормчие хотели немедля отплыть оттуда, но Цицерон, потому ли, что боялся моря или не совсем еще потерял веру в Цезаря, сошел с судна и прошел пешком 100 стадий, как бы направляясь в Рим, а затем, в смятении, снова изменил намерение и спустился к морю в Астру. Здесь провел он ночь в ужасных мыслях о безвыходном своем положении, так что ему приходило даже в голову тайно пробраться к Цезарю в дом и, покончив с собою у его очага, навлечь на него духа мести; и от этого шага отвлек его страх мучений. И опять хватаясь за другие придумываемые им беспорядочные планы, он предоставил своим рабам везти его морем в Кайету, где у него было имение — приятное убежище в летнюю пору, когда так ласкающе веют пассатные ветры. В этом месте находится и небольшой храм Аполлона, возвышающийся над морем. В то время, как судно Цицерона подходило на веслах к берегу, навстречу ему налетела, каркая, поднявшаяся с храма стая воронов. Рассевшись по обеим сторонам реки, одни из них продолжали каркать, другие клевали крепления снастей, и это показалось всем дурным предзнаменованием. Итак, Цицерон сошел на берег и, войдя в свою виллу, прилег отдохнуть. Множество воронов сели на окно, издавая громкие крики, а один из них, слетев на постель, стал понемногу стаскивать с лица Цицерона плащ, которым он укрылся. А рабы, видя это, с укором спрашивали себя, неужели будут они ждать, пока не станут свидетелями убийства их господина и не защитят его, тогда как животные оказывают ему помощь и заботятся о нем в незаслуженном им несчастии. Действуя то просьбами, то понуждением, они понесли его в носилках к морю.

XLVIII. В ЭТО ЖЕ время явились убийцы, центурион Геренний и военный трибун Попиллий, которого Цицерон некогда защищал в процессе по обвинению его в отцеубийстве; были при них и слуги. Найдя двери запертыми, они взломали их. Цицерона на месте не оказалось, да и люди, находившиеся в доме, утверждали, что не видели его. Тогда, говорят, некий юноша, вольноотпущенник Квинта, брата Цицерона, по имени Филолог, воспитанный Цицероном в занятиях литературой и наукам, указал трибуну на людей с носилками, по густо обсаженным, тенистым дорожкам направлявшихся к морю. Трибун, взяв с собою несколько человек, побежал вокруг сада к выходу; Цицерон же, увидев бегущего по дорожкам Геренния, приказал рабам поставить носилки тут же, а сам, взявшись по своей привычке левой рукой за подбородок, упорно смотрел на убийц; его запущенный вид, отросшие волосы и изможденное от забот лицо внушали сожаление, так что почти все присутствовавшие закрыли свои лица в то время, как его убивал Геренний. Он выставил шею из носилок и был зарезан. Умер он на шестьдесят четвертом году от рождения. Затем Геренний, следуя приказу Антония, отрубил Цицерону голову и руки, которыми он написал «Филиппики»: Цицерон сам назвал свои речи против Антония «Филиппиками»; «Филиппиками» они называются и поныне.

XLIX. АНТОНИЮ случилось быть в комициях в то самое время, как в Рим были привезены отрубленные части тела Цицерона. Услышав об этом и увидя их, он закричал, что проскрипции теперь кончились. Голову же и руки приказал он выставить на трибуне над рострами — зрелище, от которого римляне содрогнулись, думая про себя, что они видят не лицо Цицерона, а образ души Антония. Только в одном показал он себя справедливым, не в пример всему прочему, выдав Филолога жене Квинта Помпонии. А та, получив полную власть над этим человеком, заставила его, помимо других примененных ею страшных мучений, вырезывать по кускам собственное мясо, жарить и есть. Так, по крайней мере, рассказывают некоторые из историков. Но вольноотпущенник самого Цицерона Тирон совсем не упоминает даже о предательстве Филолога.

Я слышал, что много лет спустя Цезарь вошел однажды к одному из своих внуков. Последний держал в руках книгу Цицерона и в испуге спрятал ее под одежду. Цезарь заметил это, взял книгу и, стоя, прочел значительную ее часть; возвращая же ее мальчику, сказал: «Ученый то был муж, дитя мое, ученый и любивший свое отечество». Победив же вскоре после этого Антония и вступив в консульскую должность, он взял себе в сотоварищи сына Цицерона, в консульство которого сенат уничтожил статуи Антония, отменил присвоенные ему почести и постановил, чтобы впредь никто из Антониев не носил имени Марка. Таким образом божество предоставило дому Цицерона довершить наказание Антония.

[СОПОСТАВЛЕНИЕ]

L(I). ИТАК, все достойное внимания, что нам удалось разыскать из написанного о Демосфене и Цицероне, изложено. Оставляя в стороне их ораторские качества, не могу, однако же, не заметить, что Демосфен все дарование, какое имел от природы или приобрел упражнениями, посвятил одному красноречию, зато ясностью и силой превзошел всех, кто соперничал с ним в судах и собраниях; великолепием слога и пышностью — мастеров торжественного красноречия; точностью и умением — софистов. Цицерон же, усердно работавший над собою как оратор, усвоил вместе с тем обширные, разнообразные познания и не только оставил множество собственных философских сочинений в духе учения академиков, но и в речах своих, как судебных, так и государственных, явно старается выставить напоказ свою ученость. Виден по их речам и характер обоих. Демосфеново красноречие, чуждое шуток и прикрас, сжатое, мощное и суровое, не фитилем отдает, как острил Пифей, но воздержным образом жизни, неустанными размышлениями и снискавшим насмешки угрюмым, желчным его нравом. Цицерон же в погоне за остротами нередко впадал в шутовство и даже серьезные предметы, выступая в суде, высмеивал с выгодой для себя, но переходя при этом границы дозволенного. Так, в речи за Целия он заявил, что нет ничего странного, если в этот век,

склонный к расточительству и роскоши, его подзащитный предается наслаждениям, ибо не пользоваться тем, что доступно, может только безумец тем более, что самые знаменитые философы в наслаждении усматривают высшее благо. Рассказывают также, что, защищая в свое консульство Мурену, привлеченного к суду Катоном, он, чтобы поддеть Катона, долго издевался над учением стоиков за нелепость так называемых «парадоксов», и слушатели хохотали так заразительно, что даже судьи не выдержали, на что Катон, слегка улыбнувшись, заметил сидевшим с ним рядом: «До чего смешной у нас консул!» Любовь к смеху и шуткам, похоже, вообще была свойственна Цицерону, потому и лицо у него всегда было ясным и улыбающимся. Демосфен же был неизменно серьезен, и выражение хмурой озабоченности почти не покидало его, за что враги, по его же словам, называли его не иначе как «Угрюмец» и «Упрямец».

LI(II). И ЕЩЕ, насколько можно судить по их произведениям, один хвалил себя умеренно, неназойливо и не ради самих похвал, но исключительно для других, более высоких целей, вообще же был сдержан и осмотрителен, между тем как неумеренные самовосхваления Цицерона изобличают в нем неуемное тщеславие, когда, например, он восклицает, что оружие должно склониться перед тогой и триумфальный лавр — пред ораторским словом. Наконец, не только свои деяния и поступки, но даже речи, им произнесенные и написанные, он восхваляет, словно задиристый мальчишка, который пытается соперничать с софистами Исократом и Анаксименом, а не муж, призванный вести за собою и наставлять римлян,

бойцов могучих, гибельных противнику.

Красноречие государственному деятелю, разумеется, необходимо, но искать и жаждать от красноречия славы — дело недостойное. В этом отношении несравненно больших похвал заслуживает Демосфен, который говорил, что его ораторские способности — всего лишь некоторый навык, да и то требующий большой снисходительности со стороны слушателей, а тех, кто такими способностями кичится, справедливо считал грубыми ремесленниками.

LII (III). В РЕЧАХ перед народом и в делах государственных оба онн были настолько влиятельны, что даже те, кто командовал войсками и армиями, искали их поддержки: у Демосфена — Харет, Диопиф и Леосфен, у Цнцерона — Помпей и юный Цезарь, о чем сам Цезарь свидетельствует в записках, посвященных Агрнппе и Меценату. Что же касается того, в чем, по всеобщему убежденню, нрав человека подвергается нанбольшему нспытанню и выявляется ярче всего, а нменно — полномочий и властн, пробуждающей каждую из потаенных страстей н раскрывающей все порокн, то у Демосфена ее ннкогда не было, и возможности суднть о себе в этом отиошенни он не оставил, нбо ни одной видной должностн не заннмал н даже теми войсками, которые собрал для борьбы с Фнлнппом, не командовал. Цнцерон же, которого посылали квестором в Сицнлию, проконсулом в Кнлнкню н Каппадокию, в ту пору, когда корыстолюбие процветало, когда военачальннки и наместннкн не просто воровали, но прямо-таки грабнли провинцин, когда брать взяткн не счнталось зазорным и уже тот заслуживал любви н восхнщения, кто делал это умеренно,— Цнцерон дал ясные доказательства своего равнодушня к наживе, своей человечности н добропорядочностн. А в самом Рнме, избранный формально консулом, но по существу получнв неограниченные, диктаторские полномочня для борьбы с Катилниой н его сообщниками, он подтверднл вещие слова Платона о том, что лншь тогда избавятся государства от зла, когда волею благого случая сойдутся воедино снльная власть, мудрость н справедлнвость. Демосфена порнцают за то, что свое красноречне он сделал источником наживы, тайком сочняя речи для суднвшихся друг с другом Формиона и Аполлодора, за то, что он покрыл себя позором, прннявшн деньгн от царя, н, наконец, был осуждеи за взятку от Гарпала. Даже если прнзнать лжецамн тех, кто это пншет,— а такнх немало,— невозможно все-таки отрнцать, что смотреть равнодушно на царские дары, прнсылаемые в знак благодарности н почета, у Демосфена мужества не хватало, да н не мог поступнть иначе человек, который ссужал деньги под залог кораблей и груза; о бескорыстнн же Цнцерона, который, отвергая на-

стоятельиые просьбы, ии разу ие приият щедрых подарков ни от сицилийцев, будучи у них эдилом, ни от царя Каппадокии в бытиость свою прокоисулом, ни от друзей в Риме, когда ои покидал город, отправляясь в изгиаиие, мы уже говорили.

LIII(IV). И ДАЖЕ изгиаиие для одного, изобличеиного в лихоимстве, обернулось позором, а другому стяжало славу как человеку, пострадавшему за прекраснейший подвиг — избавление отечества от злодеев. Поэтому о бегстве Демосфеиа иикто не сожалел, а из расположеиия к Цицероиу даже сеиат облачился в траур и отказался рассматривать какие-либо вопросы до тех пор, пока Цицероиу ие будет разрешеио вернуться обратио. Зато само изгиаиие Цицерои провел в бездействии, праздио сидя в Македонии, тогда как Демосфен свое изгиаиие ознаменовал выдающимися деяииями. Сражаясь, как уже было сказаио, за дело эллинов, ои объезжал города, прогоиял македоиских послов и проявил себя в этом намиого лучшим граждаиином, чем при тех же обстоятельствах Фемистокл и Алкивиад. Но и вернувшись в отечество, ои продолжал прежиюю деятельиость и до коица сражался против Аитипатра и македоияи. А Цицерона Лелий упрекал в сеиате за то, что он сидит молча, в то время как Цезарь, еще безбородый мальчишка, противозакоиио добивается коисулата. Порицал его в письмах и Брут, обвиияя в том, что ои взрастил еще худшую тираиию, чем ииспровергиутая им, Брутом

LIV(V). И НАКОНЕЦ, о смерти обоих. Нельзя не пожалеть Цицероиа, вспомииая, как его, старика, обезумевшего от страха, рабы таскали в иосилках из одиого места в другое, как, пытаясь избежать смерти, ои прятался от убийц, иастигших его чуть раиьше иазиачеиного природою срока, и все-таки был зарезаи. Что же касается Демосфеиа, то, хотя ои и проявил иекоторую слабость, прибегиув к убежищу, восхищения достойио и то, что ои бережио храиил при себе яд, и то, как воспользовался им: раз уж сам бог не позаботился о его неприкосиовеииости, спасеиие себе ои нашел у другого, более величествеиного алтаря, ускользнув от иаемиых копейщиков и торжествуя иад жестокостью Антипатра.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЛИСАНДР И СУЛЛА

ЛИСАНДР

Дата рождения Лисандра неизвестна, умер в 395 г. до н. э.

Стр. 7. *Сокровищница акантийцев* — всякий значительный греческий город воздвигал в Дельфах, у храма Аполлона, сокровищницу, где хранились приношения отдельных граждан и всего города. Акант — город на полуострове Халкидика (на северо-востоке Греции).

Брасид — один из самых выдающихся спартанских полководцев времени Пелопоннесской войны, вынудивший Акант, принадлежавший к Афинскому морскому союзу, перейти на сторону Спарты, после поражения аргивяне боролись со спартанцами из-за пограничного города Тиреи (середина VI в. до н. э.).

Стр. 8. *Бакхиады* — знатный коринфский род, около 200 лет правивший Коринфом, а в середине VII в. до н. э. изгнанный тираном Кипселом.

Стр. 9. *...Кир... прибыл в Сарды...* — На последнем этапе Пелопоннесской войны воюющие стороны обращались к Персии за помощью.

Тиссаферн — персидский сатрап, до прибытия Кира правил почти всею Малой Азией, а затем лишь над одной из ее областей. Об отношениях Тиссаферна и Алкивиада см. «Алкивиад», XXIV.

Стр. 10. *Дарик* — персидская золотая монета, равная 120 греческим оболам, которую начал чеканить царь Дарий I.

Стр. 12. *Наварх* — командующий флотом.

Стр. 13. *Львиная шкура* — постоянный атрибут Геракла.

Поликрат Самосский — тиран, правивший Самосом во второй половине VI в. до н. э.

Стр. 14. *Агид* — спартанский царь Агид II (426—401 гг. до н. э.).

Лампсак — город в Малой Азии на берегу Геллеспонта (Дарданелл).

Элеунт — город у южного входа в Геллеспонт (на европейском берегу).

Сест — город севернее Элеунта, на том же берегу.

Эгоспотамы (т. е. Козьи реки) — речушка, впадающая в Геллеспонт.

Херсонес (по-гречески «полуостров») — полуостров Херсонес Фракийский, с юго-востока омываемый Геллеспонтом.

Стр. 16. *Пятнадцать стадиев* — менее 3 км.

Эвагор — царь города Саламина на Кипре (410—374 гг. до н. э.), союзник Афин.

...в один час положив конец войне... — Сражение при Эгоспотамах (405 г. до н. э.), по сути дела, действительно завершает Пелопоннесскую войну. Взятие Афин в следующем году — всего лишь эпилог ее.

Стр. 17. *Даимах* из Платей — писатель III в. до н. э., автор книги об Индии, которая уже в древности считалась собранием небылиц.

Стр. 19. *Гармост* (т. е. распорядитель) — полномочный наместник и начальник спартанского гарнизона в зависевших от Лакедемона городах.

Самосцев он изгнал... — Плутарх несколько смещает события: Самос пал уже после взятия Афин.

Стр. 20. Жителей *Эгины* (острова невдалеке от берегов Аттики) афиняне изгнали еще в 431 г. до н. э. и заселили остров колонистами из Аттики. Та же судьба постигла в 416 г. мелосцев (Мелос — один из Кикладских островов), а в 421-м граждан Скионы, города на фракийском полуострове Халкидика.

Длинные стены — линия укреплений, соединявших Афины с их морским портом Пиреем.

Ферамен — афинский государственный деятель, отправленный послом к Лисандру для мирных переговоров, впоследствии один из тридцати тиранов, казненный своими же товарищами за то, что осуждал жестокость их правления.

Стр. 21. *...все были растроганы...* — У Еврипида дочь вероломно убитого царя Микен Агамемнона, выдана замуж за крестьянина. Ее судьба ассоциируется с участью Афин.

Стр. 22. *...в Керамике спит много сов.* — Керамик — «Гончарный квартал», северо-западная часть Афин, черепичная же крыша по-гречески «керамос». Сова, священная птица богини Афины была как бы гербом Афин.

...палочками в форме вертела... в горсти умещалось как раз столько... — Плутарх сопоставляет obolós (обол) и obeliskos (маленький вертел). Слово drachmē одного корня с глаголом drassomai (хватать) — собственно, и означает «горсть».

Стр. 23. *Анаксандрид* (вероятно, III в. до н. э.) — автор каталога священных приношений, хранившихся в Дельфах, а затем похищенных.

Стр. 24. *Херил* — видимо, Херил Самосский, автор не дошедшей до нас эпической поэмы о греко-персидских войнах.

Антимах Колофонский — известный поэт и грамматик V—IV вв. до н. э.

...объявит себя... Лисандровым... — Тем самым победитель посвящал свою победу человеку, чье имя он просил поставить рядом со своим.

Стр. 25. *Фарнабаз* — персидский сатрап, правивший северо-западной частью Малой Азии; во время Пелопоннесской войны он больше поддерживал Спарту, чем Афины.

Стр. 26. *Сын Лаэрта* — Одиссей.

Храм Аммона — знаменитый храм и оракул египетского бога Аммона, которого греки отождествляли с Зевсом, находился в оазисе Сива (Аммоний) Ливийской пустыни.

Стр. 27. *...афиняне... напали на Тридцать...* — После установления олигархического правления Тридцати тиранов изгнанные и бежавшие из Афин сторонники демократии обосновались в Фивах. Вскоре им удалось захватить аттическую крепость Филу у беотийской границы, а затем (в 403 г. до н. э.) овладеть всей Аттикой. Часть тиранов погибла в сражениях, остальные вынуждены были покинуть Афины. Место Тридцати заняли Десять (умеренные олигархи), которые продолжали борьбу с демократами. Павсанию действительно удалось примирить враждующих, Трасибул вступил в Афины, была объявлена всеобщая амнистия. Но гражданский мир оказался непродолжительным: народ требовал расправы над уцелевшими тиранами, власть Десяти пала, и была восстановлена демократическая конституция.

...побольше... государство... — Мегарида была одною из самых небольших по территории областей Греции.

Стр. 31... *следуя рассказу одного историка...* — По-видимому, Эфора.

Стр. 32. *Беотийская* (или Коринфская) война началась в 394 г. до н. э.

Фиванцев обвиняют... — Готовясь к походу в Малую Азию, Агесилай приносил перед отплытием торжественную жертву Артемиде в Авлиде (приморский городок в Беотии). Жертвы уже горели на алтарях, когда явились фиванцы, помешали закончить обряд и выгнали Агесилая из храма.

Андроклид и *Амфитей* — вожди демократов в Фивах.

Стр. 34. *Стиракс* — дерево, дающее благовонную смолу. В Греции оно встречалось очень редко. Сын Зевса и Европы *Радамант* (ставший в подземном царстве судьей мертвых) бежал с Крита от своего брата Миноса и переселился в Беотию.

Стр. 35. *Исмений* — храм Аполлона Исменского на берегу реки Исмеи, у входа в Фивы. Битва при Делии произошла в 424 г. до н. э., фиванцы победили в ней афинян.

СУЛЛА

Даты жизни Суллы — 138—78 гг. до н. э.

Стр. 36. *...из патрициев, или... эвпатридов...* — Eupatridai — «происходящие от славного отца», родовая знать, высшее сословие в древних Афинах. По первому значению это слово действительно близко к латинскому patricii.

Публий Корнелий *Руфин* был консулом дважды — в 290 и 277 г. до н. э.

Римский *фунт* равен 326 г.

Стр. 37. *Африканский поход* — война с Югуртой.

Словом *нумм,* обозначающим всякую монету, римляне обычно называли сестерций, равный по стоимости $^1/_4$ аттической драхмы; драхма точно соответствовала римскому денарию, поэтому Плутарх, говоря о событиях римской истории, счет денег обыкновенно ведет на драхмы.

Стр. 39. *Тектосаги* — галльское племя, обитавшее к северо-востоку от Пиренеев; они поддерживали воевавших с Римом кимвров и тевтонов.

Кто имеется в виду под *марсами* — неясно.

Стр. 40. *Цезарь* — какой Цезарь здесь имеется в виду, неизвестно, но не будущий диктатор, которому тогда было семь лет.

Ариобарзан — царь Каппадокии, изгнанный из своих владений армянским царем Тиграном, союзником Митридата. Сулла был пропретором (наместником в ранге претора) Киликии (область в юго-восточной части Малой Азии) и по прямому поручению сената занимался делами соседней Каппадокии.

Гордий — опекун малолетнего царя, посаженного на престол Тиграном и Митридатом.

Арсак — все парфянские цари из династии Арсакидов носили это имя в память о своем родоначальнике Арсаке (Аршаке). В данном случае речь идет об Арсаке VIII Митридате II.

Стр. 41. *Тимофей* — афинский военачальник, много лет успешно командовавший флотом афинян. Однако после одного неудачного похода (350 г. до н. э.) он был обвинен в измене, приговорен к огромному штрафу и ушел в изгнание.

Стр. 43. *...его выбрали консулом...* — В 88 г. до н. э.

Тит — римский историк Тит Ливий. Плутарх ссылается на не дошедшую до нас LXXVII книгу его «Истории».

Стр. 45. *Беллона* — древнеиталийская богиня войны. Ее следует отличать от азиатской Беллоны, упоминаемой ниже, на с. 47 (позднее оба культа, очевидно, слились).

Стр. 47. *Пикты* — почтовая станция, где меняли лошадей государственные курьеры, примерно в 40 км юго-восточнее Рима, на так называемой Латинской дороге.

Стр. 48. *...провалив Нония... и Сервилия...* — Первый выставил свою кандидатуру на должность народного трибуна, второй, по-видимому, добивался консульства.

Стр. 49. *Отняв Азию у римлян...* — Провинция Азия возникла на месте Пергамского царства и занимала крайнюю западную часть Малой Азии. Столицей ее был город Пергам.

Боспор — Боспорское царство, расположенное в восточной части Крыма, на побережье Азовского моря и Северного Кавказа, с центром в Пантикапее (ныне Керчь), было покорено Митридатом еще до начала борьбы с римлянами.

Понт — северо-восточная часть Малой Азии. *Малея* — юго-восточная оконечность Пелопоннесса.

Аристион — философ-эпикуреец, при поддержке Митридата захвативший власть в Афинах в 88 г. до н. э.

Верхний город — вероятно, сами Афины в отличие от Пирея, лежащего ниже, на берегу моря.

Стр. 50. *Ликей* (Лицей) — роща или, точнее, загородный парк при храме Аполлона Ликейского; в парке был гимнасий, где учил Аристотель. Отсюда значение этого слова в новых языках.

В *Эпидавре*, городе на восточном побережье Пелопоннеса, находился знаменитый и очень богатый храм бога врачевания Асклепия.

Из царских пожертвований — речь идет о пожертвованиях последнего мидийского царя Креза (VI в. до н. э.), одного из богатейших царей древности.

Стр. 51. Валерий *Флакк*, избранный консулом на 86 г. до н. э. вместо Мария, который умер в самом начале года, был послан в Грецию против Митридата, чтобы заменить Суллу на посту главнокомандующего, но затем убит своим же легатом Гаем Флавием Фимбрией.

Лекифы — сосуды для масла, часто изготовлявшиеся из кожи.

Стр. 52. *Гектей* — $^1/_6$ медимна (медимн — 52,5 кг.).

Эвмолп — сын Посейдона, мифический основатель Элевсинских мистерий.

Священные ворота назывались так потому, что выводили на дорогу к священному городу Элевсину (дорога также звалась Священной).

Стр. 53. *Антестерион* — 8-й месяц аттического календаря, соответствующий февралю — марту.

Арсенал Филона — морской арсенал, вмещавший до тысячи боевых судов. Архитектор Филон жил в IV—III вв. до н. э.

Стр. 54. *Титорой* называлась одна из вершин Парнасского кряжа; фокейцы бежали туда во время персидского нашествия 480 г. до н. э.

Патронида — город в Фокиде.

Элатийская равнина в Фокиде продолжала к северо-западу обширную Беотийскую равнину. По ней протекала река Кефис.

Стр. 55. В *Лебадии* был храм Трофония со знаменитым в древности оракулом.

Стр. 56. *Мы* — т. е. херонейцы, земляки Плутарха.

...явилась Кадму корова... — Согласно мифу, после похищения Зевсом Европы ее брат Кадм был послан отцом на поиски сестры. Аполлон (*Пифийский бог*) запретил Кадму продолжать поиски и приказал идти следом за коровой, которую он встретит, а где она остановится — выстроить город. Так возникли Фивы.

Стр. 58. *...только на Сатурналиях...* — Во время Сатурналий в память о «золотом веке», когда владыкой Италии был Сатурн (греческий Кронос) и царило всеобщее равенство, рабы получали на один день свободу.

Стр. 60. *Тилфоссий* — гора в Беотии.

Стр. 61. *«Император»* («повелитель») — первоначально было почетным титулом, который воины давали своему командующему после большой победы, в более широком смысле это слово обозначало полководца, облеченного всей полнотой военной и судебной власти.

Озеро — большое озеро Копаида, куда впадал Кефис. Орхомен стоял близ устья Кефиса.

Стр. 63. *Плетр* — здесь: мера площади, около 0,1 га.

...руку, которою он погубил столько римлян? — Сулла намекает на жесточайшую резню римлян и италиков, учиненную по приказанию Митридата во всех городах провинции Азии в 89 г. до н. э. В течение одного дня было перебито более 80 тыс. человек без различия пола и возраста (Плутарх ниже называет число вдвое большее).

Меды — фракийское племя, учинявшее разбойничьи набеги на Македонию.

Филиппы — город в юго-восточной Македонии близ фракийской границы.

Троада — северо-западная часть Малой Азии.

Стр. 64. *Митридат отплыл в Понт.* — Осенью 85 г. до н. э.

Тиатиры — город невдалеке от Пергама.

Азию же Сулла покарал... — В начале войны греческое население провинции Азии встречало Митридата с восторгом, величая его отцом и спасителем Азии.

Тетрадрахма — монета стоимостью в четыре драхмы.

Стр. 65. *...посвятили в таинства...* — Речь идет об Элевсинских мистериях.

Перипатетиками назывались сначала ученики, а потом последователи Аристотеля, который учил во время прогулок (по-гречески peripatoi) в Ликее. Верно ли следующее ниже сообщение, судить трудно.

Скепсий — город в Троаде.

Эдепс — город на западном берегу острова Эвбеи, славившийся целебными источниками.

Диррахий (или Эпидамн) — приморский город в Иллирии.

Брундизий — порт на восточном берегу южной Италии. Это был обычный путь из Греции в Италию.

Стр. 66. *...четырьмястами пятьюдесятью когортами.*— В легионах марианцев когорта насчитывала 500 воинов; таким образом, противники Суллы располагали 225 тыс. человек, Сулла же высадился в Брундизии весной 83 г. до н. э. во главе 40-тысячной армии.

Сильвий — город в Апулии.

Стр. 67. *Фидентия* — город в северной Италии, неподалеку от Пармы.

Сигния — город примерно в 52 км к юго-востоку от Рима.

Стр. 68. Гней Корнелий *Долабелла* — один из полководцев Суллы, консул 81 г. до н. э.

Пренеста — древний латинский город приблизительно в 32 км к востоку от Рима.

Фенестелла — римский историк второй половины I в. до н. э.— начала I в. н. э., автор не дошедших до нас «Анналов».

Стр. 69. *Девятый час дня* — это третий час пополудни.

Стр. 70. *Антемна* (или Антемны) — городок в нескольких километрах к северу от Рима.

Стр. 71. *...составил список из восьмидесяти имен.*— Такое массовое объявление вне закона получило название «проскрипция».

Стр. 72. *Альбанское имение* — расположенное у подножия Альбанской горы в Латии, юго-восточнее Рима.

Луций Сергий *Катилина* — будущий организатор знаменитого заговора 63 г. до н. э.

Стр. 73. *...умыл руки в священной кропильнице.*— Всякий, приближающийся к богу, должен был очистить себя от скверны.

Он провозгласил себя диктатором...— Сулла получил дикта-туру иа неопределенный срок в конце 82 г. до и. э. Последиий до иего диктатор был назиачен еще во время II Пуинческой войны. Впрочем, эта диктатура ие походила на старнниую, когда диктатора облекали неограиичеинымн полиомочиями на срок не более шести месяцев и для одной строго определеииой целн (ведеиия войны, усмнрення восстаиия и т. п.). Сулла же действительно «провозгласил» себя днктатором, хотя все формальности были соблюдены: его «нзбрал» иарод, утвердив выиесеиный на голосоваине закоиопроект о верховиой власти.

Стр. 74. *...сложил... власть...*— Сулла сложил с себя днктаторские полномочня в 79 г. до н. э. На 78-й год коисулами были избраиы Марк Эмилнй *Лепид,* отец будущего участнnка второго трнумвирата, и Квинт Лутаций *Катул,* сыи Катула, часто упомииаемого в жизнеописаиии Мария, причем Лепид получнл больше голосов, чем Катул. После смерти Суллы Лепнд пытался провестн законы, иаправлеииые против сулланской коистнтуцин, а уже после окоичания срока своего консульства двииулся во главе войска на Рнм, но был разбит суллаицами, бежал в Сардиинию и там умер.

Стр. 75. Квнит *Росций* Галл — зиаменитый комическнй н трагический актер.

Стр. 76. *Акаст* — мифический царь Иолка в Фессалии.

Алкман — выдающийся лирическнй поэт VII в. до и. э.

Ферекид — учитель Пнфагора, быть может, лицо легендарное.

Каллисфен — историк и философ, о нем см. «Александр», гл. LV.

Публий *Муций* Сцевола — коисул 117 г. до н. э., знаток римского граждаиского права.

Эвн — вождь I восстаиия рабов в Сицилии (138—132 гг. до и. э.).

Природа *вшивой болезни* (фтирназнса), о которой пншет Плутарх, ие вполие ясиа, ио сведеиия о том, что *«плоть сгнила, превратившись во вшей»,* разумеется, не соответствуют действнтельности.

Дикеархия — греческий город в Кампаинн, впоследствии римская колония Путеолы. Блнз этого города находнлось нмеине Суллы, где он провел последннй год жнзни.

[СОПОСТАВЛЕНИЕ]

Стр. 79. *«Хоть дома львы...»* — Намек на то, что спартанцы дома хранили траднциоииую простоту иравов, но за рубежамн Лаконин предавались безудержной роскошн.

КИМОН И ЛУКУЛЛ

КИМОН

Даты жизни Кимона — ок. 504—449 гг. до н. э.

Стр. 84. *Нашествие мидян* — греко-персидские войны. Набег галлов на Балканский полуостров относится к 276 г. до н. э.

...напились несмешанным вином... — Древние не пили вина в чистом виде, но, как правило, смешивали его с водой, пить неразбавленное вино было признаком невоздержности.

...Проходил Луций Лукулл. — Эти события относятся, очевидно, к 86 или 85 г. до н. э., т. е. к I Митридатовой войне.

Стр. 86. По мифам, *Геракл,* совершая свои подвиги, доходил до Гибралтара и Пиренеев, *Дионис* предпринял поход в Индию, а *Персей* побывал в Африке и покорил персов, которые от него и получили свое имя.

Архелай и *Мелантий* — поэты середины V в. до н. э.

Знаменитый историк *Фукидид* часто и подолгу жил в Скаптесиле, недалеко от которой находились принадлежавшие ему золотые рудники. Сведения о насильственной смерти Фукидида на чужбине сомнительны.

Стр. 87. *Дем* — единица территориально-административного деления древней Аттики.

Мильтиад, победитель персов при Марафоне, предпринял в 489 г. до н. э. поход против союзных персам островов, экспедиция оказалась неудачной, и Мильтиад был присужден к возмещению связанных с нею издержек.

...прозван Коалемом. — То есть глупцом.

Писианактов портик был расписан художниками Полигнотом и Миконом, после чего получил новое название — Расписного (или Пестрого).

Лаодика — одна из дочерей Приама.

Площадь Кекропа — городская площадь в Афинах, окаймленная общественными зданиями (Кекроп — легендарный основатель Афин).

Стр. 88. *...внести в казну наложенный на ее отца штраф...* — Связанное с осуждением и неуплатой штрафа бесчестье по афинским законам переходило после смерти отца на детей. Есть сведения, что Кимон был даже заключен в тюрьму и лишь вмешательство Каллия освободило его и вернуло ему гражданские права.

Панетий (ок. 180—99 гг. до н. э.) — философ-стоик, основатель так называемой Средней Стои.

Архелай — философ, учитель Сократа; естествоиспытателем назван потому, что занимался проблемами натурфилософии.

В сражении — т. е. в битве при Саламине (480 г. до н. э.).

Стр. 89. *Византий* (позднее Константинополь) — город на европейском берегу пролива Босфор, ныне Стамбул.

Стр. 90. *Героический стих* — гекзаметр (этим размером сложен героический эпос).

Гераклейское прорицалище — Гераклея Понтийская (на южном берегу Черного моря) лежала в устье реки, называвшейся так же, как река в царстве мертвых,— Ахеронт. Здесь, по верованиям древних, находился спуск в преисподнюю и прорицалище, где вызывали и вопрошали души умерших.

Стримон — река на границе Фракии я Македонии.

Стр. 91. *Менестей* — правитель и вождь афинян во время Троянской войны.

Ктесий — портовый город на Скиросе.

Стр. 92. *...по прошествии... четырехсот лет...* — Описка Плутарха или переписчиков, предание относило Тесея к XIII в. до н. э., т. е. прах его пролежал на Скиросе около 800 лет.

Апсефион — архонт 469 г. до н. э.

Возлияния — ритуальные возлияния за столом: первые капли из чаши проливались на пол в честь божества.

Стр. 93. *Персидские кафтаны* — кандии, долгополая верхняя одежда с рукавами.

Стр. 94. *Аркесил* — вероятно, имеется в виду победитель на состязаниях в гонках колесниц на Олимпийских играх (V в. до н. э.) и отец упоминаемого ниже Лиха.

Стр. 95. *Дарики* бывали только золотые. Видимо, речь идет о каких-то серебряных монетах, внешне схожих с дариками.

Стр. 96. *Вся Азия* — имеется в виду Малая Азия: *Иония* — часть западного ее побережья, *Памфилия* — срединная часть южного побережья.

Книд — город на Книдском полуострове, самом юго-западном выступе Малой Азии. *Триопий* — мыс неподалеку от Книда.

Ласточкины острова — в 280 км юго-восточнее, против берегов Памфилии и Ликии (область западнее Памфилии).

...соединил палубы мостками... — Триеры (боевые корабли с тремя рядами весел), которые выстроил Фемистокл, имели палубный настил только в носовой и кормовой части, и лишь там находились вооруженные воины, теперь же на переброшенных Кимоном мостках они могли размещаться вдоль всего борта.

Стр. 97. *У реки Эвримедонта* — битва при Эвримедонте произошла в 469 г. до н. э.

Стр. 98. *Темные скалы* — два островка при выходе из Босфора в Черное море.

Кратер Македонский — ученый III в. до н. э., составивший свод архивных материалов по истории Аттики.

Почести Каллию — по-видимому, Плутарх ошибается: так называемый Каллиев мир, завершивший греко-персидские войны, был подписан в 449 г. до н. э., уже после смерти Кимона.

Стр. 99. *Александр* — македонский царь Александр I, тайно помогавший грекам во время войн с персами.

Стр. 100. *Эвполид* — афинский комедиограф, современник и соперник Аристофана, его сочинения дошли до нас в виде фрагментов.

Клейтор (или Клитор) — город на Пелопоннесе, в Аркадии.

Стр. 101. *Архидам* II царствовал с 469 по 427 г. до н. э.

Тайгет — самый высокий горный кряж Пелопоннеса, идущий вдоль лаконско-мессенской границы.

Стр. 102. *...отовсюду с полей сбежались илоты...* — Восстание государственных рабов-илотов, поддержанное *периэками*, свободными, но неполноправными жителями Лаконии, а также мессенцами, носит название III Мессенской войны. Оно продолжалось 10 лет.

...ворвались... к клеонянам... — Клеоны — город к юго-западу от Коринфа был захвачен коринфянами в 60-х годах V в. до н. э. Мегары постоянно враждовали с Коринфом.

Итома — гора в Северной Мессении.

Стр. 103. *...изгнали Кимона...* — В 461 г. до н. э.

Танагра — город в Беотии, близ границы Аттики. Поход спартанцев относится к 457 г. до н. э.

...отступало перед интересами отечества. — Многие ученые считают, что сведения о досрочном возвращении Кимона недостоверны и что он вернулся лишь в 451 г. до н. э.

Стр. 105. *...покончил с собой.* — Ошибка Плутарха: Фемистокл умер не меньше чем за 10 лет до описываемых событий.

Китий — город на южном берегу острова Кипр. *Кимон* умер в первый же год похода.

ЛУКУЛЛ

Даты жизни Луция Лициния Лукулла — ок. 117 — ок. 56 гг. до н. э.

Стр. 106. *Дед Лукулла* — Луций Лициний Лукулл (звавшийся так же, как его сын и внук) был консулом 151 г. до н. э. Отец Лукулла был наместником Сицилии в 102 г. до н. э. и вел неудачную борьбу с восставшими рабами; там он и совершил на-

званное ниже преступление, за которое поплатился изгнанием из Рима.

Стр. 107. *«Вольная» образованность* — так называемые «свободные искусства», т. е. совокупность знаний и навыков, подобающих свободному человеку, в отличие от низших занятий и узкоремесленных навыков, составлявших принадлежность рабского звания.

Квинт *Гортензий* Гортал (114—50 гг. до н. э.) — знаменитый римский оратор, соперник Цицерона.

Луций Корнелий *Сизенна* (119—67 гг. до н. э.) — автор несохранившегося исторического труда о событиях своего времени.

Стр. 108. *Юный Птолемей* — о ком из египетских царей идет здесь речь, неясно. Египтом в то время правил Птолемей VIII Сотер II Латир, но он был уже в годах.

Мемфис (находившийся близ нынешнего Каира) был столицей Египта в III тысячелетии до н. э. Во времена Лукулла это был уже своего рода город-музей.

Стр. 109. *Питана* — город на западном берегу Малой Азии, невдалеке от Пергама. Пергам был взят Фимбрией.

Стр. 110. *Лект* — мыс в Троаде.

Тенедос — остров севернее Лекта.

Неоптолем — один из военачальников Митридата, брат многократно упоминаемого полководца Архелая.

Пентера — корабль с пятью рядами весел.

Стр. 111. В Митилену (на острове Лесбосе) бежал разбитый в 88 г. до н. э. Митридатом *Маний* Аквилий, коллега Мария по консульству 101 г. до н. э. и усмиритель II восстания рабов в Сицилии. Митиленцы выдали его Митридату, и тот замучил пленника.

Элея — городок в Малой Азии, лежавший против Митилены по другую сторону пролива, отделяющего Лесбос от материка.

Стр. 112. *...избран консулом.* — В 76 г. до н. э.

...разжечь войну с Митридатом... — Отношения между Римом и Понтом были все время напряжены. Еще при жизни Суллы оставленный им в Азии Луций Лициний Мурена вторгся в Митридатовы владения в надежде пограбить ослабевшего врага, но получил отпор. Этот конфликт, улаженный благодаря вмешательству Суллы, называют II Митридатовой войной (83—82 гг. до н. э.). Митридат также не отказался от надежды вновь захватить принадлежавшие римлянам области Малой Азии. Когда умер царь Вифинии, завещавший свое царство римскому народу, Митридат объявил Риму войну под предлогом защиты интересов законного наследника — малолетнего сына умершего (74 г. до н. э.).

Публий Корнелий *Цетег* — бывший марнаиец, помилованный Суллой. В 74 г. до и. э. ои был претором. *Луций Квинтий* был в том же году иародиым трибуиом.

Каппадокия граиичила с *Киликией,* примыкая к ией с севера.

Стр. 115. *Халкедон* — город иапротив Византия, иа азиатской сторое Боспора.

Стр. 117. Город *Кизик* иаходился иа южиом берегу Пропоитиды, иа перешейке, соедиияющем гористый полуостров (где, видимо, и иаходилась упомииаемая ииже гора Адрастии) с материком. В древиости зтот плоский, изменииый перешеек часто заливало море.

Тигран — могущественный армянский царь Тигран II Великий (95—56 гг. до и. з.), союзник и зять Митридата, объедииивший под своей властью территорию от Каспийского моря до реки Иордаи.

Феререфаттии — праздиества в честь супруги Аида Персефоны, считавшейся храиительиицей Кизика. Подземиым богам приносили в жертву животных темной масти.

Стр. 118. *«Ливийский флейтист»* — южиый ветер, дующий со стороиы Африки.

«Понтийский трубач» — севериый ветер, дующий с Поита Эвксииского.

Стр. 119. *Риндак* протекал по западиой границе Вифииии н впадал в Пропонтиду приблизительио в 50 км восточнее Кизика. У зтой реки стоял вифинский город *Аполлония.*

Троада — здесь, видимо, ие область, а какой-то город, возможио — Александрия Троада (к югу от древней Трои и Ахейской гаваии).

Стр. 121. *Приап* — город иа Пропоитиде близ устья Граиика, названиый имеием бога, которого там особеино чтили.

Галатия — область Малой Азии, захваченииая галлами, или, как их изывали греки, галатами, в иачале III в. до н. э. Галатия граничила с Вифниией на северо-западе, а с Поитом — иа северовостоке.

Темискира — равиииа и город в Поите, в устье реки *Термодонта.* Темискира, по верованиям древних, была иекогда столицей царства амазоиок.

Амис — приморский город западиее устья Ирия, реки в долине Темискира. Племеиа тибареиов и халдеев жили к востоку от Термодоита.

Стр. 122. *Кабиры* в юго-восточиой части Поита были при Митридате сильиой крепостью.

Стр. 127. *Малая Армения* граиичила иа севере, западе и юге с Поитом и Каппадокией, а на востоке Евфрат отделял ее от Великой Армении.

Аппий — Аппий Клавдий (у Плутарха — Клодий), старший брат скандально знаменитого Публия Аппия Клодия Пульхра.

Стр. 128. *Тираннион* привел в порядок библиотеку, захваченную Суллой в Греции (см. «Сулла», гл. XXVI), и был близок к Цицерону. Неблаговидность поступка Луция Лициния *Мурены* — сына Мурены, воевавшего с Митридатом под командованием Суллы, состояла в том, что, отпуская грамматика на волю, он приобретал над ним власть патрона.

Стр. 129. *«Кобыла»* — горизонтально положенное бревно, на котором пытаемому растягивали конечности.

...запретил брать... более одного процента. — То есть более 1% в месяц, или 12% годовых. Это была высшая норма процентов, признаваемая римскими законами.

Стр. 130. *Антиохия* — столица Сирийского царства, покоренного Тиграном; необычное название объясняется соседством своего рода «дачного поселка» *Дафны*, славившегося как место разнообразных увеселений.

Гордиена — область в верхнем течении реки Тигр.

Стр. 132. *Селевкия на Тигре* была в то время столицей Парфии.

Стр. 133. *Стенид* — известный скульптор IV—III вв. до н. э.

Стр. 135. *Софена* — юго-западная область Великой Армении.

Стр. 136. *Адиабена* — область древней Ассирии (входившая затем в состав Персии и Парфии).

Стр. 137. *Вавилонское море* — видимо, нынешний Персидский залив.

Альбаны жили вдоль юго-западного берега Каспия, *Иберия* примерно соответствует современной Грузии.

Стр. 140. *Антиох* из Аскалона в Сирии (ок. 125—68 гг. до н. э.) — известный философ, глава Платоновой школы в Афинах, учитель Цицерона. Сочинения его до нас не дошли.

Стр. 143. *Артаксаты* — город на Араксе, в 30 км к юго-востоку от нынешнего Еревана. Теперь на этом месте находится поселок Арташат.

Стр. 144. *Артакс* — Арташес I, первый царь Великой Армении (189—161 гг. до н. э.), которая прежде входила в состав Сирийского царства.

Марды — племя, обитавшее на южном побережье Каспийского моря.

Атропатена — нынешний Южный Азербайджан.

Стр. 145. *Мигдония* — северная часть Месопотамии.

Стр. 147. *Фасид* — нынешняя река Риони в Грузии.

Публий Аппий *Клодий* Пульхр — в будущем (в 58 г. до н. э.) народный трибун.

Стр. 148. *Фабий* Адриан, оставленный Лукуллом в Понте, был разбит вернувшимся Митридатом и с уцелевшею частью отряда заперт в Кабирах, но Гай Валерий *Триарий* заставил неприятеля снять осаду (68 г. до н. э.).

Стр. 150. *Гирканское море* — Каспийское море, вдоль южного и юго-восточного берега которого жило племя гирканов.

Стр. 152. *...и Сципион — если бы... остановился.*— Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский Младший (185—129 гг. до н. э.), герой III Пунической войны и покоритель Испании, в конце жизни потерял расположение народа, так как не одобрял реформаторские планы Гракхов.

...есть свой круг побед...— Плутарх имеет в виду цикл из четырех побед на крупнейших панэллинских играх — Олимпийских, Пифийских, Немейских и Истмийских. Замкнуть этот «круг» было целью каждого атлета.

Стр. 153. *«Ксеркс в тоге»...*— Намек на гигантские строительные работы Ксеркса, персидского царя; по его приказанию был пробит туннель в горе Афон и наведен мост через Геллеспонт. Плутарх, однако, ошибается, приписывая эти слова *«стоику Туберону»:* стоик Квинт Элий Туберон к тому времени уже умер. Скорее всего, речь может идти об историке и юристе Тубероне.

Стр. 154. *Поэт Флакк* — знаменитый Квинт Гораций Флакк (65—8 гг. до н. э.). Цитируются «Послания» (I, VI, 40).

Стр. 156. *Филон* из Ларисы был последователем *Карнеада,* знаменитого философа II в. до н. э., основателя Новой (или Третьей) Академии. После начала III Митридатовой войны Филон бежал в Рим, где нашел многочисленных почитателей, одним из которых был Цицерон.

Антиох Аскалонский — см. прим. к с. 140.

Книжка так и озаглавлена...— Это часть сочинения, дошедшего до нас под названием «Учение академиков».

Стр. 157. *Корнелий Непот* (85—25 гг. до н. э.) — римский историк.

[СОПОСТАВЛЕНИЕ]

Стр. 160. *Панкратий* — букв.: всеборье, вид атлетики, сочетавшей приемы борьбы и кулачного боя.

Стр. 161. *...персы... разбили их сильный отряд в Египте...*— В 456 г. до н. э., когда в Египте началось восстание и афиняне оказали помощь восставшим.

Леотихид — спартанский царь, командовавший греческим флотом в битве при Микале (479 г. до н. з.).

НИКИЙ И КРАСС

НИКИЙ

Даты жизни Никия — ок. 469—413 гг. до н. э.

Стр. 163. *...о событиях... изложенных у Фукидида...* — В VI и VII книгах его «Истории Пелопоннесской войны».

Тимей из Тавромения в Сицилии — историк IV—III вв. до н. э., труды его не сохранились.

Филист из Сиракуз (V—IV вв. до н. э.) — автор сочинения по истории Сицилии, не дошедшего до нас.

Стр. 164. *Дифил* из Синопы (вторая половина IV в. до н. э.) — один из главных представителей новой аттической комедии, знакомый нам лишь по фрагментам.

...полководец, носящий имя победы... — Имя Никий — производное от nike («победа»).

Кора (Персефона), которая помогла Гераклу похитить трехглавого пса *Кербера*, стража преисподней, считалась богиней-хранительницей Сицилии и в особенности Сиракуз.

Эгеста — город в западной Сицилии. Поводом к сицилийской экспедиции была жалоба на Сиракузы, с которой эгестийцы обратились в союзные с ними Афины.

Лаомедонт (отец Приама) просил Геракла спасти его дочь Гесиону от морского чудовища, в жертву которому она была обречена, и обещал отдать в награду Гесиону и упряжку чудесных коней, однако обещания своего не выполнил, за что герой и разрушил город Лаомедонта.

Стр. 165. *...прозвали Котурном.* — То есть «Двуличным», так как котурн можно было обуть и на правую, и на левую ногу.

Клеон — вождь левого крыла афинской демократии.

Стр. 166. *...в честь бога...* — Аполлона.

Стр. 167. *Лавриотика* — район Лаврия, горы в южной Аттике.

Телеклид, Эвполид и упоминаемый ниже *Фриних* — афинские комедиографы, современники Аристофана.

Стр. 168. *Стратегий* — место, где совещались стратеги.

Медяк — прозвище дано за предложение ввести в Афинах в обращение медную монету.

Стр. 169. *Антифонт* из аттического дема Рамнунт — старейший из ораторов, входящих в так называемый канон, т. е. уста-

новленный александрийскими грамматиками список лучших мастеров красноречия. Он был казнен за участие в олигархическом перевороте 411 г. до н. э.

Стр. 170. *...укрепил стеною Пилос...*— В 425 г. до н. э. Пилос — городок в Мессении, на северо-западном побережье Пелопоннеса.

Стр. 172. Битвой при *Амфиполе* во Фракии (422 г. до н. э.) завершился первый период Пелопоннесской войны. В следующем году был заключен мир, получивший название Никиева.

Стр. 173. *...тянуться три девятилетия.*— Таково, по свидетельству Фукидида (V, 26), было предсказание нескольких оракулов.

...нарушение уговора...— крепость Панакт в Аттике, у беотийской границы, была возвращена Афинам, но вопреки договору все укрепления были предварительно срыты.

Стр. 174. *Сторонники беотийцев* — т. е. непримиримые враги Афин.

Стр. 175. *Перитеды* — дем в Аттике.

Стр. 176. *Холарг* — дем в Аттике. *Тиран* — Писистрат.

Геракловы столпы — мысы Абила и Кальпа по обе стороны Гибралтарского пролива у выхода в Средиземное море.

Стр. 177. *Клазомены* — греческий город на западном берегу Малой Азии.

Стр. 178. *Адонис* — бог плодородия в древнефиникийской мифологии, культ которого распространился в Греции, позднее в Риме, греческие мифы называли его возлюбленным Афродиты.

Стр. 179. *Каллипп... завладел Сиракузами.*— В 353 г. до н. э.

Гибла — городок на Катанской равнине.

Гиккары — приморский город в северо-западной Сицилии.

Лаида — знаменитая гетера Лаида Младшая, о которой в античности ходило неисчислимое множество рассказов и анекдотов; ее называли возлюбленной великого греческого живописца Апеллеса, хотя тот был моложе ее по меньшей мере на 60 лет. По преданию, она была убита женщинами, завидовавшими ее красоте.

Стр. 181. *Наксос* — греческий город на северо-восточном побережье Сицилии.

Тапс — небольшой полуостров в нескольких километрах от Сиракуз.

Эпиполы — высота к западу от города, впоследствии превращенная в крепость Сиракуз.

Стр. 183. *Пролив* — Мессинский пролив между южной Италией и Сицилией.

Стр. 184. *Племмирий* — мыс, лежавший против города; это была как бы южная створка ворот Большой гавани (северную

составлял остров Ортигия,— древнейшая часть Сиракуз). Никий укрепил Племмирий и, видимо, устроил там продовольственные склады.

Стр. 185. *...хитрость с завтраком...*— Битва началась очень рано, моряки проголодались и хотели, прервав сражение, отправиться в город на рынок, но Аристон убедил начальников, что следует устроить рынок на берегу, тогда моряки смогут возобновить бой в тот же день. Когда сиракузяне высадились на берег, афиняне решили, что враг отступил, также пристали к берегу и занялись своими делами, как вдруг увидели, что противник снова выходит в море. Поспешно выплыв навстречу, афиняне, большая часть которых не успела поесть, решили не тратить силы попусту и сами двинулись в наступление, которое окончилось для них полным разгромом.

Начальник над гребцами (келевст) отбивал деревянным молотком такт. На триере также был *флейтист,* часто задававший темп гребцам.

Стр. 187. *Леонт Византийский* — философ-платоник второй половины IV в. до н. э. Он возглавлял успешную оборону Византия, осажденного Филиппом II Македонским (340 г. до н. э.).

Стр. 188. *Лунное затмение* — 27 августа 413 г. до н. э.

Знаменитый софист *Протагор* (481—411 гг. до н. э.) учил, что ни о существовании богов, ни об их свойствах нельзя высказать никакого суждения. За это он был изгнан из Афин, а его сочинения публично сожжены. Об *Анаксагоре* см. биографию Перикла.

Стр. 189. *Автоклид* (вероятно, IV в. до н. э.) в «Толкованиях» объяснял смысл религиозных обрядов и традиций.

Стр. 193. *Карней* — один из месяцев лаконского календаря, соответствовавший августу — сентябрю.

Котила (букв.: чашка) — греческая мера жидкостей и сыпучих тел, немногим более четверти литра.

Стр. 194. *Кавн* — город в юго-западной части малоазийского побережья.

КРАСС

Даты жизни Красса — ок. 115—53 гг. до н. э.

Стр. 194. *...был цензором и триумфатором...*— Публий Лициний Красс был консулом 97 г. до н. э., а затем управлял Внешней Испанией; за победу над мятежными лузитанцами (это племя занимало юго-западную часть Пиренейского полуострова) он в 93 г. до н. э. удостоился триумфа; цензором был в 89 г. до н. э.

Стр. 196. *Архидам* — спартанский царь Архидам II (ок. 469—427 гг. до н. э.).

Стр. 197. *...отец и брат Красса.*— Брат его был убит, а отец после смерти сына покончил с собой.

Стр. 199. *Малака* — город на южном берегу Пиренейского полуострова, нынешняя Малага.

Стр. 200. *Умбрия* — область в средней Италии, выходившая к Адриатическому морю.

Бруттий — юго-западная оконечность Апеннинского полуострова.

Стр. 202. Гней *Сициний* — народный трибун 76 г. до н. э., требовавший восстановления в прежнем объеме ограниченных Суллой прав народных трибунов.

Восстание гладиаторов началось в 74 г. до н. э.

Стр. 203. Гай *Клавдий* Глабр — претор 73 г. до н. э.

Гора — Везувий.

Салины — видимо, селение Геракловы Салины (т. е. «солеварни») между Геркуланумом и Помпеями.

Стр. 204. *Пицен* — область в средней Италии, юго-восточнее Умбрии.

Стр. 205. *...этот вид казни...*— Такое наказание называлось децимацией — от слова decimus («десятый»).

...восстание сицилийских рабов...—Подразумевается II восстание рабов в Сицилии (104—99 гг. до н. э.).

Регийский полуостров (Регий — город на берегу Мессинского пролива) — юго-западная оконечность Бруттия.

Триста стадиев — 55,5 км.

Стр. 206. *Лукулл* — Марк Лукулл, брат Луция Лукулла.

Петелия — город на восточном берегу Бруттия.

Стр. 207. *...пал под их ударами...*— Спартак погиб в 71 г. до н. э.

Стр. 209. От сочинения Цицерона *«О консульстве»* сохранилось около 100 стихов.

Провинция — Испания.

Стр. 211. *...влюбленный в свою жену...*— Женою Помпея была тогда Юлия, дочь Цезаря. В следующем, 54 г. до н. э. она умерла.

Бактрия — подвластное Парфии государство в Средней Азии, по среднему течению реки Окса (Амударьи).

Стр. 212. *...прибыл в Брундизий.*— В начале 54 г. до н. э.

Дейотар — царь Галатии, получивший свой титул от Помпея, который присоединил к его владениям также часть Понта и Малую Армению (из наследия разбитых Митридата и Тиграна).

В двенадцатом часу — т. е. в последнем часу дня.

Стр. 213. *Иераполь* (т. е. Священый город) в северной Сирии был центром культа хеттско-арамейской богини Атергатис (Деркето).

Арсак — Арсак XIII Ород (у Плутарха Гирод) I (57—37 гг. до н. э.). См. также прим. к с. 40.

Стр. 214. *Кассий* — Гай Кассий Лонгин — будущий убийца Цезаря.

Артабаз — Артавазд II, сын Тиграна Великого, с 69 г. до н. э. соправитель отца, с 56 по 34 г. — царь Армении.

Стр. 215. *Река* — Евфрат.

Стр. 216. *Сурена* — не собственное имя, а титул главы самого могущественного после Арсакидов парфянского рода.

Стр. 217. *Гирода... вернул парфянам...* — Ород с братом составили заговор против отца и около 57 г. до н. э. убили его. Затем между ними началась борьба за престол, шедшая с переменным успехом, но завершившаяся победой Орода.

Великою Селевкиею — т. е. Селевкией на Тигре, столицей парфянских царей.

Стр. 220. *Маргиана* — область в Средней Азии, лежавшая в низовьях реки Марг (ныне Мургаб).

Стр. 227. *...парфянам было трудно сражаться ночью...* — Ночью были беспомощны лучники — главная боевая сила парфян.

Стр. 230. *«Милетские рассказы»* — сборники любовных и авантюрных новелл, иногда объединявшихся общей сюжетной рамкой. Одним из первых сочинений такого рода, давшим название жанру, были не дошедшие до нас «Милетские рассказы» Аристида Милетского (вероятно, II в. до н. э.), переведенные на латинский язык историком Сизенной (см. прим. к с. 107).

...мудрым показался Эзоп... — В одной из его басен рассказывается, что каждый человек несет две сумы — впереди и за плечами: первая полна чужими пороками, а вторая — собственными.

Сибарис — греческий город в южной Италии. Изнеженность и развращенность его жителей вошли в пословицу.

Скитала — здесь: род змей.

Стр. 231. Сюжет *«Вакханок»* — расправа бога Диониса над своим врагом и гонителем царем Фив Пенфеем: в священном исступлении вакханки во главе с матерью Пенфея *Агавой* раздирают его на части, принимая за дикого зверя, а затем с торжеством несут голову царя как охотничий трофей.

[СОПОСТАВЛЕНИЕ]

Стр. 232. *Ликург* (396—326 гг. до н. э.) — один из десяти ораторов канона (см. прим. к с. 169), страстный противник Македонии. До нас дошла всего одна его речь.

Стр. 233. *Пердикка* — царь Пердикка II Македонский, противник Афин.

Стр. 234. *...как Муммий — Метелла...* — Наместник Македонии 146 г. до н. э. Квинт Цецилий Метелл Македонский разбил силы Ахейского союза, воевавшего против Рима, но слава победы досталась консулу Гаю Муммию, сменившему Метелла на посту командующего и разрушившему Коринф.

Стр. 236. *Скандия* — город на острове Кифера, *Менда* — город на македонском полуострове Халкидика.

АГЕСИЛАЙ И ПОМПЕЙ

АГЕСИЛАЙ

Даты жизни Агесилая II — ок. 442 — ок. 358 гг. до н. э.

Стр. 238. *...назвал Спарту «укрощающей смертных»...* — Кому из двух *Симонидов* принадлежат эти слова — ямбографу VII в. до н. э. Симониду Аморгосскому или элегику VI—V вв. до н. э. Симониду Кеосскому — с уверенностью сказать нельзя. Ученые приписывают их второму.

Агелы (букв.: стада) — отряды, на которые разделялись спартанские мальчики и юноши.

Стр. 242. *Герест* — город на южной оконечности острова Эвбея.

Беотархи — политические и военные руководители Беотийского союза.

Стр. 224. *Позже... он начал войну.* — Война началась в 399 г. до н. э.

Стр. 245. *«Десять тысяч»* — речь идет об отступлении 10 тыс. греческих наемников во главе с Ксенофонтом из глубины Азии к Черному морю (после гибели претендента на персидский престол Кира Младшего). Этот поход описан в «Анабасисе» Ксенофонта.

...получив вместо него... кобылу. — Сын царя Анхиза Эхепол, не желая воевать под Троей, откупился от Агамемнона волшебной кобылой Этой (т. е. «Гнедой»). См. «Илиада», XXIII, 295 сл.

Стр. 246. *...выступил... во Фригию...* — То есть покинул территорию сатрапии, которой управлял Титравст, сменивший Тиссаферна, и вторгся в Даскиллийскую сатрапию, охватывавшую северо-запад Малой Азии и подчиненную Фарнабазу. Сарды были центром сатрапии Титравста.

Стр. 249. *...могли не допустить...* — Во время Олимпийских игр устраивались особые состязания для мальчиков. Участвовать в них могли дети только определенного роста и силы.

Гидрией — младший брат галикариасского тнрана Мавзола (377—353 гг. до и. э.), чья велнколепная гробннца — Мавзолей, которую воздвигла его сестра Артемнсня, счнталась одним из чудес света.

Стр. 250. *Сузы* н *Экбатаны* — знмняя и летняя резнденцнн персндскнх царей.

Стр. 251. В 331 г. до н. э. наместннк Македонин *Антипатр* разбнл прн Мегалополе в Аркадин греческое войско под командованнем спартаиского царя *Агида* III. Слова Александра звучат как намек на «Войну лягушек н мышей» — пародннйный эпос, шуточное подражанне «Илнаде».

...монеты... с изображением стрелка... — На персидском дарнке было выбнто нзображение царя в короне, с копьем, луком и колчаном стрел.

Стр. 253. *Фарсал* — город в центральной Фессалин. *Нартакий* — горный кряж н городок южнее Фарсала.

Мора — отряд лакедемоиской пехоты численностью от 400 до 900 человек.

Затмение солнца — 14 августа 394 г. до н. э.

Конон — афннскнй военачальник, единственный нз стратегов, действовавшнй разумно н находчнво прн Эгоспотамах (см. «Лнсандр», XI). После Пелопоннесской войны он поселнлся иа Кнпре, а затем поступил иа службу к персидскому царю.

Стр. 254. *Геликон* — горная гряда в Южной Беотин, считавшаяся любнмым местопребываннем Муз и Аполлона.

Стр. 255. Культ *Афины Итонийской* (Итон — городок в южной Фессалнн) был распространен в разных областях Грецни.

Толмид — афннскнй полководец, в 447 г. до н. э. руководнвший неудачиым походом протнв беотнйцев, недовольных афниской гегемонией.

...с просьбой о выдаче трупов... — Это было признаннем поражения.

Дикеарх Мессенский — ученнк Арнстотеля, фнлософ н пнсатель.

Лакедемонские надписи — об этом памятнике ннчего достоверного не известио.

Стр. 257. *Длинные стены* соедннялн Қорннф с его гаванью Лехеем.

Стр. 258. *Герей* (т. е. Святнлнще Геры) находнтся в 15 км севернее Корннфа.

Ификрат (ок. 419—ок. 353 гг. до н. э.) — выдающийся афннский полководец, известный своей реформой наемного войска.

Стр. 259. *Тирибаз* — сатрап Малой Азнн, сменнвшнй Тнтравста на этом посту.

...содействовал миру... — Анталкидов (или Царский) мир был заключен в 387 г. до н. э. Одною из главных статей Анталкидова мира все города Греции объявлялись автономными и все греческие союзы (кроме Пелопоннесского) распущенными.

Кадмея — фиванская крепость, захваченная спартанцами в 382 г. до н. э.

Стр. 260. *Полемархи* — высшие выборные должностные лица в Фивах.

Клеомброт I был младшим братом Агесиполида, умершего в 380 г. до н. э.

Стр. 261. *Флиунт* — небольшой город в Арголиде, примерно в 20 км к юго-западу от Коринфа. Флиунтцы не желали впустить в город своих земляков, изгнанных по политическим мотивам, и спартанцы вмешались в этот спор. *Феспии* — город в Беотии, западнее Фив.

Триасийская равнина (близ Элевсина) находится в 12 или 15 км от Пирея.

Стр. 264. *Сражение при Тегирах* — в 375 г. до н. э.

...съехались посольства — в 371 г. до н. э.

Эпаминонд (ок. 418—362 гг. до н. э.) — вождь демократической группировки в Фивах.

Стр. 265. *Скирофорион* — 12-й месяц аттического календаря, соответствующий июню — июлю.

Стр. 267. *Эпаминонд... вторгся в Лаконию...* — В 369 г. до н. э.

Стр. 270. *Тиран* — сиракузский тиран Дионисий Старший, союзник Спарты.

Битва при Мантинее произошла в 418 г. до н. э. Противником спартанцев было объединенное войско афинян, аргивян и мантинейцев. Не путать с битвой, описанной на с. 272.

Стр. 271. *Мессена была вновь основана...* — После окончания III Мессенской войны (см. «Кимон», XVI—XVII) лакедемоняне изгнали мессенцев из отечества, и 85 лет спустя, в 370 г. до н. э., Эпаминонд основал новую столицу страны — город Мессену на южном склоне горы Итомы. *«Прежними ее гражданами»* названы, по-видимому, потомки тех, кто населял эту гору и оборонял ее во время III Мессенской войны. Начало власти Лакедемона над Мессенией относится еще к VIII в. до н. э.

Стр. 272. *Диоскорид* — какой греческий писатель имеется здесь в виду, неизвестно.

Стр. 273. *Тах* — второй фараон 30-й династии (правил в 362—360 гг. до н. э.) В последнее десятилетие V в. до н. э. Египет освободился от власти Персии и вернул себе независимость.

Агесилай прибыл в Египет... — В 361 г. до н. э.

Стр. 274. *Приготовлениями к походу* — на Финикию и Сирию, которой владели персы.

Хабрий — афинский полководец IV в. до н. э., много служивший в иноземных войсках.

Стр. 277. *...провести в Египте зиму.*— 360/359 гг. до н. э. *Менелаева гавань* лежала против острова Крит, западнее египетских владений.

ПОМПЕЙ

Гней Помпей родился в 106 г., погиб в 48 г. до н. э.

Стр. 278. Гней Помпей *Страбон* — консул 89 г. до н. э., отличившийся во время Союзнической войны.

Луций Марций *Филипп* — консул 91 г. до н. э., известный оратор, защищавший Помпея в 86 г., когда того обвинили в незаконном присвоении части добычи, захваченной в Аскуле, взятом Помпеем Страбоном во время Союзнической войны (см. гл. IV).

Стр. 283. *Эзия* — река в Умбрии, впадающая в Адриатическое море к северу от Анконы.

Стр. 286. *Гимера* — город на северном берегу Сицилии.

Стр. 287. *...в пору их бедствий.*— То есть перед гибелью Карфагена в конце III Пунической войны (146 г. до н. э.).

Стр. 288. *Марий* — Марий Младший.

Стр. 289. *...еще не может заседать в сенате...*— Возрастной ценз для сенатора был 27 лет. Первый триумф Помпея — март 80 или 79 г. до н. э.

Стр. 290. *Сервилий* — Публий Сервилий Ватия Исаврийский, консул 79 г. до н. э.

Стр. 291. *Брут* — Марк Юний Брут, отец убийцы Цезаря.

Мутина — нынешняя Модена.

Стр. 295. *...в забвении услуги...*— Перперна без боя очистил Сицилию.

Стр. 296. *...избран консулом.*— На 70 г. до н. э. Свой второй триумф Помпей справил в конце декабря 71 г. до н. э.

Стр. 297. *...восстановил власть народных трибунов...*— Иными словами досулланскую конституцию; Помпей восстановил также смешанные (из сенаторов и всадников) судебные комиссии.

Стр. 299. *Истм* — Коринфский перешеек, *мыс Тенар* — южная оконечность Пелопоннеса, *Калаврия* — остров у берегов Арголиды. *Акций* (правильнее Актий) — мыс и город на западном берегу Греции, *Левкада* — остров юго-западнее Акция, *мыс Лакиний* — в южной Италии.

Стр. 300. *Олимп* — город в Ликии.

Антоний получил триумф в 102 г. до и. э. и как раз за победы иад килнкийскимн пиратами. Похищение его дочерн относится к гораздо более раннему перноду, так как Антоннй был убит мариаицамн еще в 87 г. до и. э.

Стр. 304. *Солы* — приморский город в Киликии. *Тигран,* повидимому, переселнл жнтелей в Арменню.

Квнит Цецнлнй *Метелл* Критский — консул 69 г. до и. э.

Стр. 310. *Китара* — головиой убор персидскнх царей.

Мосхийские горы — гориая гряда в западном Закавказье.

Стр. 311. *Кирн* (нли Кнр) — ныне шияя Кура.

Абант — левый приток Куры, возможно, нынешияя Алазаиь. Сказочиую страну амазоиок трудио локализировать. Обычио ее помещают у южиого берега Чериого моря (ср. «Лукулл», XIV), здесь Плутарх сдвигает ее к Каспию.

Стр. 312. *Элимеи* — племя, обитавшее южиее Каспня.

Арбелитида — область города Арбелы в Ассирни, восточиее верхнего течения Тигра.

Стр. 313. *Новая крепость* — в восточной части Поита.

Монима — супруга Мнтрндата.

Теофан из Митилены иа острове Лесбосе — советник Помпея.

Стр. 315. *Аман* — гориый кряж, отделяющий Киликню от Сирни.

Стр. 316. *...воздвиг... знаменитый театр...* — Театр Помпея вмещал 40 тыс. зрнтелей. Это был первый каменный театр в Рнме.

Петра — город примерио в 90 км к югу от Мертвого моря.

Стр. 317. *Митридат... покончил с собой...* — в 63 г. до и. э. *Фавст* Кориелнй *Сулла* был воениым трнбуиом у Помпея.

Стр. 318. *Изобретением* назывался один из четырех основных разделов риторнки — о подборе материала для речи.

Гермагор (II в. до н. э.) — создатель особой рнторической системы, оказавшей большое влияние иа развнтне красноречия в Греции н в Рнме.

...причина зта названа Цицероном в его письмах. — В дошедших до иас письмах Цнцерона этих сведенний нет.

Стр. 319. *По центуриям.* — При выборах миогнх должностиых лиц (в частности коисулов) граждане разделялнсь на центурин (так сперва называлась группа граждан, выставлявшая войсковое подразделение чнслеиностью в сто человек); каждая центурия имела одни голос.

Стр. 320. *...возраст его приближался к сорока.* — Помпей справил триумф в 61 г. до и. э., т. е. ему было уже 45 лет.

Стр. 322. *...законопроект... и раздаче земель...* — Главным пред-

метом забот Цезаря были 20 тыс. ветеранов Помпея, которые получили землю в соответствии с проведенным законом.

Стр. 325. *Птолемей* — египетский царь Птолемей XII Авлет, в конце 58 г. до н. э. бежавший в Рим просить помощи против своих восставших подданных.

Тимаген из Александрии — греческий писатель, очевидец восстания в Александрии, сочинения его не сохранились.

Стр. 327. *...сделал его из немого красноречивым...* — О каком одолжении, оказанном Помпеем Марцеллину, идет речь, неизвестно.

Стр. 330. *...избраны консулы — Домиций и Мессала.* — на 53 г. до н. э. В конце этого года борьба разных группировок достигла необыкновенной остроты, в самом начале следующего года в случайной стычке был убит Клодий. Разъяренная толпа его приверженцев перенесла труп на форум, и погребальным костром для него стал пожар, уничтоживший здание, где обыкновенно заседал сенат. Это послужило поводом к наделению Помпея чрезвычайными полномочиями, о которых говорится ниже.

Интеррекс — «междуцарь» (л а т.). Так в эпоху республики назывался сенатор, исполнявший обязанности консулов в промежутке между уходом (или гибелью) старых и вступлением в должность новых.

Стр. 332. Народный трибун 52 г. до н. э. Тит Мунаций *Планк* Бурса был замешан в беспорядках, последовавших за смертью Клодия.

Публий *Гипсей* был квестором у Помпея во время его восточных походов. Консулом он никогда не был.

Стр. 336. *Аримин* — город на берегу Адриатического моря, немного южнее названной ниже реки *Рубикон,* по которой проходила граница между Галлией Цисальпинской и собственно Италией.

...стал переводить войско через реку. — В ночь с 10 на 11 января 49 г. до н. э.

Стр. 339. *Берог* — город в Восточной Македонии.

Стр. 340. *Орик* — город в северном Эпире.

Стр. 343. *Набатеи* — петрейские арабы (см. гл. XLI).

Фарсальская равнина — см. прим. к с. 253.

В утреннюю стражу — в римском войске ночь (с 6 ч. вечера до 6 ч. утра) делилась на четыре стражи.

Стр. 347. Гай *Азиний Поллион* (75 г. до н. э.—4 г. до н. э.) — цезарианец, писатель, автор несохранившейся истории гражданских войн, охватывавшей период 60—42 гг. до н. э. Битва произошла 9 августа 48 г. до н. э.

Стр. 351. *Юба* I — царь Нумидии, сын упоминаемого в гл. XII Гнемпсала н отец пнсателя Юбы.

Птолемей XIII Дионнс, сын упоминаемого в гл. XLIX Птолемея XII Авлета и брат Клеопатры.

Стр. 352. *Пелусий* — город в устье восточиого рукава Ннльской дельты.

Стр. 354. *...пятидесяти девяти лет...* — Неточиость: Помпею было 58 лет.

АЛЕКСАНДР И ЦЕЗАРЬ

АЛЕКСАНДР

Даты жизни Александра — 356—323 гг. до н. э.

Стр. 362. Легендарный основатель Македонского царства *Каран* считался потомком Геракла в 16-м колене.

Арибб (ум. в 340 г. до и. э.) — царь Эпира, ие брат, а дядя Олимпиады и ее опекун.

Стр. 363. *Эратосфен* нз Кирены в Северной Афрнке (ок. 276—194 г. до и. э.) — географ, математнк, астроном, фнлолог, фнлософ, нсторнк. До иашего времеии из его разностороииего наследия почтн ничего ие дошло.

Гегесий из Магнесии — оратор середииы III в. до н. э., автор не дошедшей до иас исторнн Александра.

...богиня была занята... — Артемнда была покровнтельницей роженнц.

Стр. 364. *Аристоксен* нз Тарента (род. ок. 354 г.) — ученнк Арнстотеля, нзвестный главным образом трудами по теорни н исторнн музыки.

Стр. 366. *Букефал* — букв.: быкоголовый.

Стр. 367. *Призвал Аристотеля* — в 343 г. до и. э.

Стр. 368. *Онесикрит* с острова Астнпалеи в Эгейском море — ученнк киннка Дногеиа, сопровождавший Александра в походе. Напнсаииая нм история похода ие сохранилась.

Гарпал во время похода был храинтелем царской казны в Вавнлоие; когда Александр с войском иаходился в Иидни, он совершил растрату и бежал в Грецию, был убнт на Крнте.

Телест и *Филоксен* — поэты первой половниы IV в. до н. э.

Анаксарх из Абдер — фнлософ, последователь Демокрнта и учнтель основателя скептнцнзма Пиррона.

Стр. 369. *...в битве... при Херонее...* — В 338 г. до н. э. Объедненные греческие снлы былн разбиты, и Греция признала македонскую гегемоиию.

Стр. 370. ...*Павсаний...убил его...*— В 336 г. до н. э.

Стр. 371. *Филот* командовал македонским гарнизоном, занимавшим фиванскую крепость Кадмею.

Стр. 373. *Краний* — пригород Коринфа.

Стр. 375. *Друг Ахилла* — Патрокл; *глашатай* его *славы* — Гомер. *Александр* — Парис.

Дарий III Кодоман — 336—330 гг. до н. э.

Десий — восьмой, *артемисий* — седьмой месяцы македонского календаря, соответствующие апрелю — маю и марту — апрелю.

Ила — отряд (преимущественно конный) численностью около 60 бойцов.

Стр. 378. *«Лестница»* — горная тропа, тянувшаяся вдоль берега севернее Фаселиды.

Писидия — горная область в южной части Малой Азии (южнее Фригии).

Стр. 379. *Бел* — ассиро-вавилонский верховный бог.

Стр. 381. ...*одержал блестящую победу...*— Она вошла в историю под именем битвы при Иссе (333 г. до н. э.). Исс находился невдалеке от упомянутых выше горных проходов, ведущих из Киликии в Сирию.

Стр. 383. *Ада* — сестра Мавзола (см. прим. к с. 249); после смерти Мавзола и Артемисии она правила Карией вместе со своим братом и супругом Гидриеем (343—340 гг. до н. э.), затем была лишена власти третьим своим братом, Пиксодаром (см. гл. X), а в 333 г. до н. э. вновь возведена на престол Александром.

Стр. 384. ...*завтракал сидя...*— Плутарх подчеркивает, что утром царь сидел, а не возлежал за столом.

Дневники велись в канцелярии Александра под наблюдением Эвмена.

Стр. 386. *Осада Тира закончилась так.*— В июле 332 г. до н. э.

Стр. 387. *Канобское устье* — самый западный рукав Нильской дельты.

Стр. 388. ...*основанный им город...*— Основание Александрии Египетской — зима 332/331 гг. до н. э.

Камбиз — царь Персии (529—523 гг. до н. э.), в правление которого персами был завоеван Египет.

Стр. 391. *Скарфа* (или Скарфия) — приморский город в Средней Греции.

Стр. 392. *Оромазд* (Ахурамазда) — верховное божество древнеперсидской религии, бог света и добра.

Митра — бог Солнца в древнеперсидской религии.

Стр. 393. Город *Арбелы* и лежавшая примерно в 100 км северо-западнее деревушка *Гавгамелы* находились за Тигром на территории нынешнего северного Ирака. Битва произошла 1 октября 331 г. до н. э.

Стр. 394. *Фобос* — Ужас, бог панического страха, спутник Ареса.

Стр. 395. *Гипендима* — род нижней одежды.

Стр. 399. *Динон* из Колофона (IV в. до н. э.) — автор широко известной в древности истории Персии.

Стр. 401. *Фокион* (ок. 402—318 гг. до н. э.) — афинский полководец и государственный деятель промакедонской ориентации.

Стр. 402. *Багой* — евнух из Египта, возведший Дария Кодомана на престол, а затем казненный за попытку отравить царя.

Стр. 405. *Бесс* был сатрапом Бактрии, расположенной на северных склонах Гиндукуша и по среднему течению Окса (Амударьи). Его сообщники по заговору, убив Дария, провозгласили Бесса царем Персии.

Стр. 407. *Орексарт* — видимо, то же, что Яксарт (нынешняя Сырдарья).

Танаид — Дон.

Клитарх — сын упоминавшегося выше Динона. *Истр* — историк III в. до н. э., ученик Каллимаха. О *Поликлите* и *Антигене* ничего достоверного не известно.

Стр. 411. *После смерти Филота... послал убить Пармениона...* — 330 г. до н. э.

Стр. 412. *...поражение от варваров.* — Речь идет о поражении значительного македонского отряда, посланного на выручку осажденного восставшими скифами гарнизона в Мараканде (нынешнем Самарканде).

Стр. 415. *Каллисфен* был родом из Олинфа (на полуострове Халкидика), разрушенного Филиппом в 348 г. до н. э.

Стр. 416. *...раскрыт заговор Гермолая...* — В начале 327 г. до н. э. Это был заговор знатной македонской молодежи, недовольной тяготением Александра к тирании восточного образца.

Стр. 419. *Оксиарт* — отец Роксаны, супруги Александра.

Стр. 422. *Сотион* — философ-перипатетик I в. н. э., учитель Сенеки.

Потамон из Митилены на Лесбосе (ок. 75 г. до н. э. — ок. 15 г. н. э.) — писатель и ритор, в конце жизни учивший в Риме.

Стр. 423. *Андрокотт* — греческая форма имени Чандрагупта. В 322 г. до н. э. он захватил власть над царством Магадха (по

средн.му течению Ганга), а затем подчинил себе всю северную и часть южиой Индии.

Стр. 424. *Сабба* — индийский раджа, сперва подчинившийся Александру и назначенный сатрапом, а затем восставший против него.

Стр. 427. *Гедрозия* — юго-восточная область персидского царства, соответствующая нынешнему Белуджистану.

Кармания — область северо-западнее Гедрозии.

Пифос — большой глиняный сосуд яйцевидной формы, употреблявшийся для хранения вина, воды, зерна и т. п.

Стр. 428. *Внутренним морем* греки называли Средиземное море (в отличие от Внешнего, т. е. Океана).

Тапсак — город в Сирии на реке Евфрате.

Абулит был наместником в Сузах.

Ох — царь Артаксеркс III (360—337 гг. до н. э.), предшественник Дария Кодомана.

Стр. 430. *Перинт* — город на северном берегу Пропонтиды (Мраморного моря). Филипп осаждал его в 341—340 гг. до н. э.

Стр. 431. *Коссеи* обитали в горах на юге Мидии и постоянно тревожили набегами соседние области.

Стр. 432. *Серапис* — египетский бог подземного царства, отождествленный греками с Плутоном.

Стр. 434. *Кубок Геракла* — низкая вместительная чаша с двумя ручками.

Таксиарх — общее название для войсковых командиров различных рангов; *пентакосиарх* — командир отряда в 500 бойцов.

Стр. 435. *Гетеры* — отборная конница Александра.

Нонакрида — город в Аркадии.

Конец жизнеописания Александра утрачен.

ЦЕЗАРЬ

Даты жизни Цезаря — 102 или 100—44 гг. до н. э. Начало жизнеописания Цезаря утрачено.

Стр. 436. Племени *сабинян* некогда принадлежала гористая область к северо-востоку от Рима.

Стр. 437. *Никомед* — Никомед IV Филопатор (94—75 гг. до н. э.), вифинский царь, завещавший свое царство Риму.

Фармакусса — остров у берега Малой Азии, недалеко от Милета.

Стр. 438. *...второе место...* — после Цицерона.

Стр. 439. Гай Антистий *Ветер* был наместником Испании в 68 г. до н. э.

Стр. 442. Гай Скрибоний *Курион* — консул 76 г. до н. э., отец ревностного цезарианца.

...*в сочинении о своем консульстве*...— См. прим. к с. 209.

Стр. 445. *С неразборчивой подписью.*— При письменном голосовании судьи подавали таблички с одною из трех надписей: A — т. е. absolvo (оправдываю), C — candemno (осуждаю) или NL — non licet (неясно).

Каллаики занимали северо-западную часть Пиренейского полуострова (нынешнюю Галисию).

Стр. 447. *Лучшими гражданами* Плутарх называет оптиматов — политическую группировку, выражавшую интересы знати, в особенности крупных землевладельцев.

Стр. 449. *Война в Галлии* велась в 58—51 гг. до н. э.

В сражении у Массилии.— В 49 г. до н. э. Массилия — нынешний Марсель.

Стр. 450. *Кордуба* — нынешняя Кордова в Испании.

Стр. 451. Гай *Оппий* — один из ближайших друзей и сотрудников Цезаря.

Гельветы — кельтский народ, живший на территории нынешней Швейцарии. *Тигурины* населяли одну из четырех областей, на которые делилась страна гельветов (Гельвеция).

Арар — правый приток Родана (Роны); ныне Сона.

...*к одному из... городов*...— Бибракте. Битва при Бибракте произошла летом 58 г. до н. з. Бибракта была главным городом эдуев, живших между Луарой и Соной, могущественного галльского племени, которое, когда гельветы двинулись на запад, обратилось за помощью к римскому наместнику.

Стр. 452. *Ариовист,* вождь германского племени свевов, в консульство Цезаря получил от сената титул «друга римского народа». Свевы утвердились в области галльского племени секванов (на территории современного Эльзаса), которые их признали, чтобы использовать в борьбе со своими главными противниками — эдуями.

Стр. 453. *Бельгам,* кроме современной Бельгии, принадлежала часть северной Франции до реки Сены.

Стр. 454. Поражение *нервиев* — лето 57 г. до н. з.

Стр. 457. *Цицерон* — брат оратора Марка Туллия Цицерона Квинт; он был легатом Цезаря в 54—52 гг. до н. з.

Стр. 458. *Арверны* жили по верхнему течению Лауры, *карнуты* — северо-восточнее между Лаурой и верхним течением Сены.

Стр. 459. *Алезия* стояла в земле мандубиев, северо-восточных соседей эдуев, близ истоков Секваны (Сены).

Стр. 460. *...сохранить для триумфа.*— Триумф Цезарю удалось справить лишь шесть лет спустя. Все эти годы Верцингеторига держали в тюрьме, а сразу после триумфа умертвили.

Стр. 461. *Новый Ком* — город на берегу озера Комо. Эта колония получила права римского гражданства в консульство Цезаря.

Стр. 463. *Аримин* находился не в Предальпийской Галлии, наместником которой был Цезарь, а на собственно италийской территории. Захват Аримина был равносилен объявлению гражданской войны.

Стр. 466. *Корфиний* — город в центральной Италии.

Стр. 467. Легатами Помпея в Испании были консул 60 г. до н. э. Луций *Афраний*, знаменитый римский ученый Марк Теренций *Варрон* Реатинский (116—27 гг. до н. э.) и Марк Петрей.

Стр. 468. *Посидеон* — шестой месяц аттического календаря.

Стр. 472. *Спинтер* — Публий Корнелий Лентул Спинтер, консул 57 г. до н. э.

Корнифиций — Квинт Корнифиций, претор 47 (или 45) г. до н. э.

Кален — Квинт Фуфий Кален, консул 47 г.

Стр. 475. *Теопомп* — друг Цезаря.

Стр. 476. *Александрийская война* началась осенью 48 г. и тянулась до лета 47 г. до н. э. После смерти царя Птолемея XII Авлета (51 г. до н. э.) египетский престол должны были разделить несовершеннолетний Птолемей XIII Дионис и его старшая сестра и супруга *Клеопатра*, но между ними началась борьба, и Клеопатра была изгнана из Александрии.

Стр. 480. *...сочинение в честь Катона...*— Это сочинение (так же, как и «Антикатон» Цезаря) не сохранилось.

Стр. 481. *Дионисиями* Плутарх называет римский праздник Либералии в честь бога вина Либера, отождествленного с Вакхом-Дионисом.

Стр. 482. *Дидий* — Гай Дидий, один из легатов Цезаря.

Стр. 484. *Римляне до сих пор пользуются этим календарем...*— Юлианский календарь, созданный с помощью египетского математика и астронома Сосигена и введенный с 1 января 45 г. до н. э., был заменен календарем папы Григория XIII (григорианским календарем) в 1582 г., а в России был отменен лишь после Октябрьской революции.

Стр. 487. *...самую высокую из преторских должностей...*— В правление Цезаря избирали четырнадцать преторов. Первым среди них был так называемый городской претор, руководивший судебной деятельностью в самом Риме.

Стр. 488. *Марк* Эмилий *Лепид* — консул 46 г. до н. э., будущий участник 2-го триумвирата.

Стр. 489. *Децим* Юиий *Брут* Альбии служил под комаидою Цезаря в Галлии.

Стр. 490. *...не был чужд эпикурейской философии...*— Считая богов совершеиио отрешеииыми от земиых дел, эпикурейцы ие верили в их вмешательство в человеческую жизнь.

Стр. 492. *Молодым Цезарем.*— То есть императором Октавиаиом Августом.

Стр. 493. *...пережив Помпея не многим более чем на четыре года.*— Неточио: Помпей погиб 1 октября 48 г., а Цезарь — 15 марта 44 г. до и. э., т. е. Цезарь пережил Помпея всего иа три с половииой года.

Республиканцы были разбиты триумвирами Аитоиием и Цезарем (Октавиаиом) при *Филиппах* в Македоиии осенью 42 г. до н. э.

Стр. 494. *...на другой материк.*— То есть в Европу. Абидос стоял иа азиатском берегу Геллеспоита (Дардаиелл).

ДЕМОСФЕН И ЦИЦЕРОН

ДЕМОСФЕН

Даты жизии Демосфеиа — ок. 384—322 гг. до и. э.

Стр. 497. *Самонадеянный Цецилий* — историк и ритор коица I в. до и. э.— иачала I в. и. э. Почему Плутарх упрекает его в самоиадеяииости, неясио.

Стр. 498. *Аргас* — поэт, живший в первой половиие IV в. до и. э.

Каллистрат — афииский оратор н политический деятель IV в. до и. э.

Ороп — город иа граиице Аттики с Беотией, захваченый фиваицами. Обвииение в потере Оропа было предъявлеио Каллистрату и стратегу Хабрию (364 г. до н. э.).

Стр. 499. *Ктесибий* — писатель второй половины IV в. до и. э.

Исократ (ок. 436—338 гг. до и. э.) — знамеиитый оратор н теоретик ораторского искусства.

Алкидамант — учеиик Исократа, оратор.

Стр. 500. *Трия* — аттический дем.

...придает речи такая игра...— В аитичиой риторике под «игрой» поималась техиика произиесення речи: жесты, маиера декламации и т. д.

Стр. 502. *Пифон Византийский* — ставленник Филиппа II Македонского.

Стр. 504. *Коллит* — аттический дем.

Фокидская война (355—346 гг. до н. э.) — война жителей Фокиды и фиванцев, поводом было ограбление Дельфийского храма. В войне участвовали союзники обеих сторон.

Стр. 507. *...прибыл в Македонию...* — В 346 г. до н. э. для переговоров с Филиппом касательно разрушенного им Олинфа.

Стр. 508. *...забыть их провинность, связанную с Союзнической войной...* — Византий и Перинф принимали участие в войне, которую бывшие афинские союзники вели против Афин (358—355 гг. до н. э.).

...оказались спасены. — В 340 г. до н. э. благодаря действиям стратега Фокиона.

Стр. 510. *...это название получила вместо прежнего.* — Гемон сопоставляется со словом «гайма» (кровь).

Стр. 513. *Маргит* — «дурачок», персонаж сатирической анонимной поэмы, подражавшей Гомеру и до наших дней не дошедшей.

Стр. 514. *...по делу о венке...* — Ктесифонт в 336 г. до н. э. предложил за большие заслуги наградить Демосфена венком. Эсхин объявил это предложение незаконным и привлек Ктесифонта к суду. Ответчиком выступал также и Демосфен (XVIII речь).

Стр. 515. *«...в чьих руках кубок?»* — Во время застолья говорить полагалось тому, в чьих руках оказывалась круговая чаша

Стр. 518. *...с македонского треножника...* — Пифия в Дельфах пророчествовала, сидя на треножнике над расселиной, из которой поднимались опьяняющие испарения.

...сыграть... Креонта... — В трагедии Софокла «Антигона» фиванский царь Креонт бросает без погребения труп своего противника Полиника.

ЦИЦЕРОН

Даты жизни Марка Туллия Цицерона — 106—43 гг. до н. э.

Стр. 521. *«Скавр»* — «косолапый» — прозвище рода Эмилиев, *«катул»* («щенок») — Лутациев.

«Понтий Главк» — до наших дней эта поэма не сохранилась.

Стр. 522. *Марсийская война* — Союзническая.

Стр. 527. *...был избран... первым из всех...* — На 66 г. до н. э.

Стр. 530. *...учредить децемвират...* — Децемвират — букв.: десять мужей, в данном случае — комиссия по законодательным вопросам в кризисной ситуации.

Стр. 533. *...вверить республику консулам...*— Такое постановление носило название «сенатусконсультум ультимум» («крайнее решение сената») и наделяло консулов неограниченной властью.

Стр. 536. *...убийство трех консулов...*— Цицерона и консулов, выбранных на следующий год.

Стр. 540. *...а сам он... погиб...*— Катилина погиб в январе 62 г. до н. э.

...до окончания полномочий Цицерона...— Трибуны вступали в должность 10 декабря, консулы — 1 января.

...произнес клятву...— По окончании срока своих полномочий консулы публично давали клятву в том, что исполняли свои обязанности честно.

Стр. 543. *«Достоин Красса».*— Эти греческие слова можно понять и как «Аксий, сын Красса».

«...что у тебя не проколото ухо».— Цицерон имеет в виду африканский обычай носить ушные украшения.

Стр. 544. *...прозвал Адрастом.*— Адраст, мифический царь Аргоса, оба зятя которого, фиванец Полиник и этолиец Тидей, бежали с родины.

Стр. 545. *«Публичные крикуны»* — глашатаи, обычно ими были вольноотпущенники.

Стр. 548. *...послал туда Пизона, своего зятя...*— Гая Кальпурния Пизона Фруги, мужа Туллии.

Стр. 549. *...проводил большую часть времени в унынии...*— Во время изгнания Цицерон жил в греческом городе Фессалоники.

Стр. 550. *...консул Лентул...*— Публий Корнелий Лентул Спинтер, консул 57 г. до н. э., был сторонником Цицерона, товарищ его по должности *Квинт* Цецилий Метелл Непот — противником.

Возвратился... на шестнадцатый месяц...— 4 сентября 57 г. до н. э.

Стр. 551. *...Милон убивает Клодия.*— Неточность: это произошло лишь в 59 г. до н. э.

Стр. 552. *Авгуры* — коллегия жрецов-птицегадателей, для важных решений нужна была их санкция.

Стр. 556. *Ферамен* — афинский оратор и политический деятель второй половины V в. до н. э.

Квинт Лигарий — легат Помпея, захваченный в плен цезарианцами.

...составлять... философские диалоги...— Цицерон считал себя в философии последователем стоиков, но на самом деле взгляды его в этой области эклектичны.

Стр. 557. *...развелся со своей женой Теренцией...* — В 46 г. до н. э.

Стр. 558. *Лентул* — речь о Публии Корнелии Долабелле, приемном сыне Публия Лентула.

...принять по примеру афинян решение об амнистии... — «Амнистия» по-гречески значит «забвение». Здесь речь идет об изгнании из Афин Тридцати тиранов и решении афинян не вспоминать причиненного ими зла.

Стр. 562. *...приняв консульскую должность...* — В 43 г. до н. э.

...поделил верховное управление... — Этот союз Октавиана, Антония и Лепида получил название второго триумвирата.

Бонония — Болонья, *Астура* — река в Лации и остров в ее устье.

Стр. 564. *Ростры* — украшение в виде корабельных носов.

М. ТОМАШЕВСКАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗБРАННЫЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ

ЛИСАНДР И СУЛЛА

ЛИСАНДР. *Перевод М. Сергеенко* 7
СУЛЛА. *Перевод В. Смирина* 36
[СОПОСТАВЛЕНИЕ]. *Перевод В. Смирина* 77

КИМОН И ЛУКУЛЛ

КИМОН. *Перевод В. Петуховой* 83
ЛУКУЛЛ. *Перевод С. Аверинцева* 106
[СОПОСТАВЛЕНИЕ]. *Перевод С. Аверинцева* 158

НИКИЙ И КРАСС

НИКИЙ. *Перевод Т. Миллер* 163
КРАСС. *Перевод В. Петуховой* 194
[СОПОСТАВЛЕНИЕ]. *Перевод Т. Миллер* 232

АГЕСИЛАЙ И ПОМПЕЙ

АГЕСИЛАЙ. *Перевод К. Лампсакова* 237
ПОМПЕЙ. *Перевод Г. Стратановского* 277
[СОПОСТАВЛЕНИЕ]. *Перевод Г. Стратановского* . . . 355

АЛЕКСАНДР И ЦЕЗАРЬ

АЛЕКСАНДР. *Перевод М. Ботвинника и И. Перельмутера* 361
ЦЕЗАРЬ. *Перевод К. Лампсакова и Г. Стратановского* . . 436

ДЕМОСФЕН И ЦИЦЕРОН

ДЕМОСФЕН. *Перевод Э. Юнца* 495
ЦИЦЕРОН. *Перевод В. Петуховой* 520
[СОПОСТАВЛЕНИЕ]. *Перевод Э. Юнца* 565

Примечания 569

Плутарх

П 40 Избранные жизнеописания. В двух томах. Том II. Пер. с древнегр. / Сост. и прим. М. Томашевской; Ил. Вл. Медведева.— М.: Правда, 1987.— 608 с., ил.

Древнегреческий писатель и историк Плутарх (ок. 46—120 г. н. э.) получил всемирную известность благодаря «Сравнительным жизнеописаниям» знаменитых людей от мифических времен и до своего времени. В настоящее издание включены биографии, представляющие наибольший интерес для широких кругов читателей и сохранившие свою литературную и историческую ценность.

П $\frac{4703000000 - 1474}{080(02) - 87}$ 1474 — 87 84(0)3

ПЛУТАРХ

ИЗБРАННЫЕ
ЖИЗНЕОПИСАНИЯ

В двух томах

Том II

Составитель
Мария Николаевиа Томашевская

Редактор Л. М. Кроткова
Художествеиный редактор Т. Н. Костерина
Техническнй редактор К. И. Заботина

ИБ 1474

Сдано в набор 26.09.86. Подпнсано к печатн 23.03.87.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тнпографская № 1.
Гарнитура «Литературная». Печать высокая.
Усл. печ. л. 31,92. Усл. кр.-отт. 32,55. Уч.-изд. л. 32,17.
Тнраж 500 000 экз. (3-й завод: 300 001—500 000 экз.).
Заказ 3340. Цена 2 р. 80 к.

Набрано н сматрнцнровано в ордена Леннна
н ордена Октябрьской Революцнн тнпографнн
нмени В. И. Ленина нздательства ЦК КПСС «Правда».
125865. ГСП. Москва, А-137, улнца «Правды», 24.

Отпечатано в тнпографнн нзд-ва Ворошнловградского
обкома КП Укранны. 348022, г. Ворошнловград
ул. Лермонтова, д. 1 б.

2 р. 80 к.